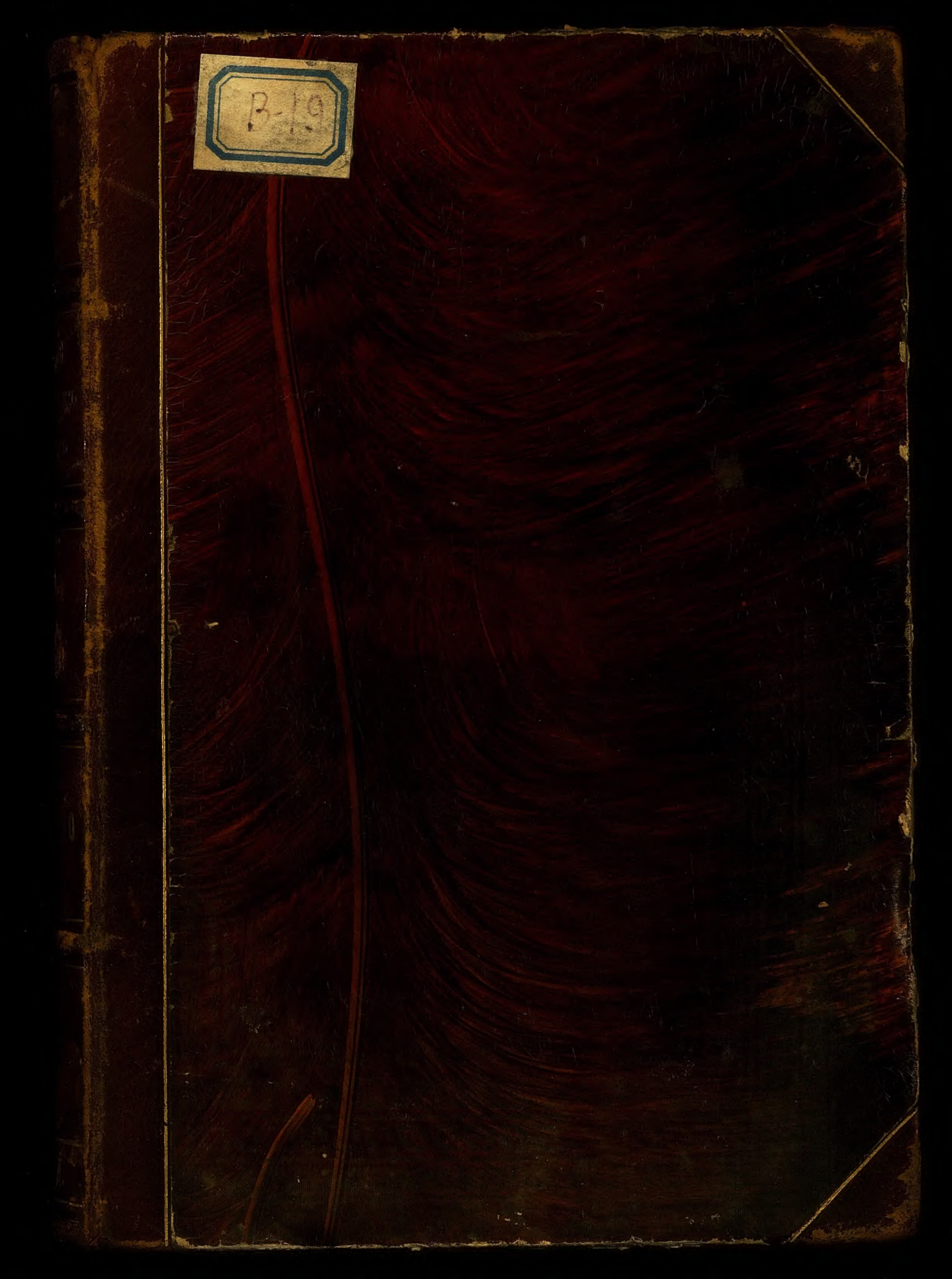
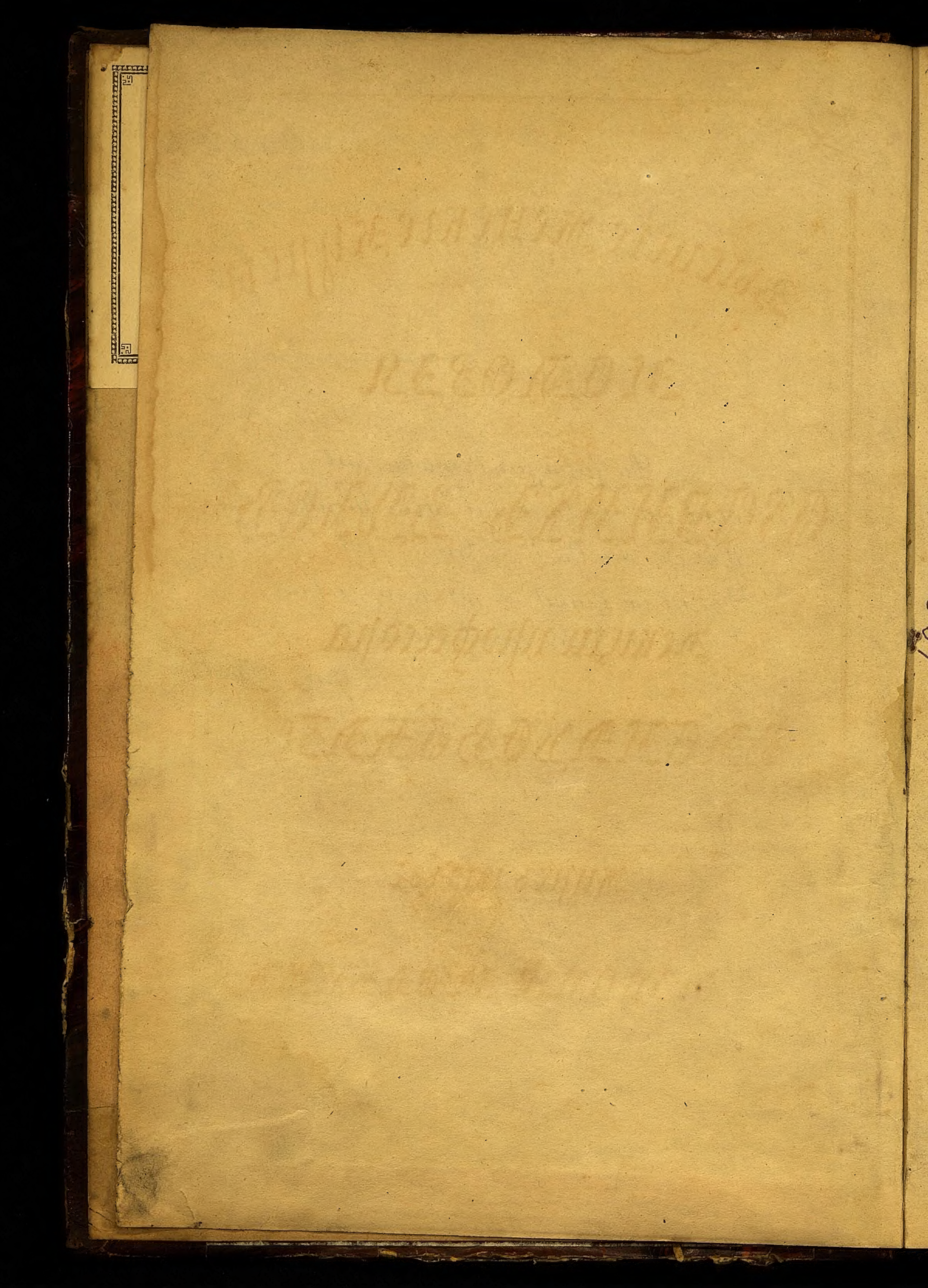

B-19

+

..........Die Zeiten der Vergangenheit
Sind uns ein Buch mit sieben Siegeln;
Was ihr den Geist der Zeiten heisst,
Das ist im Grund der Herren eigner Geist,
In dem die Zeiten sich bespiegeln.

Goethe. Faust.

Высшіе женскіе курсы.

Исторія среднихъ вѣковъ.

Лекціи профессора

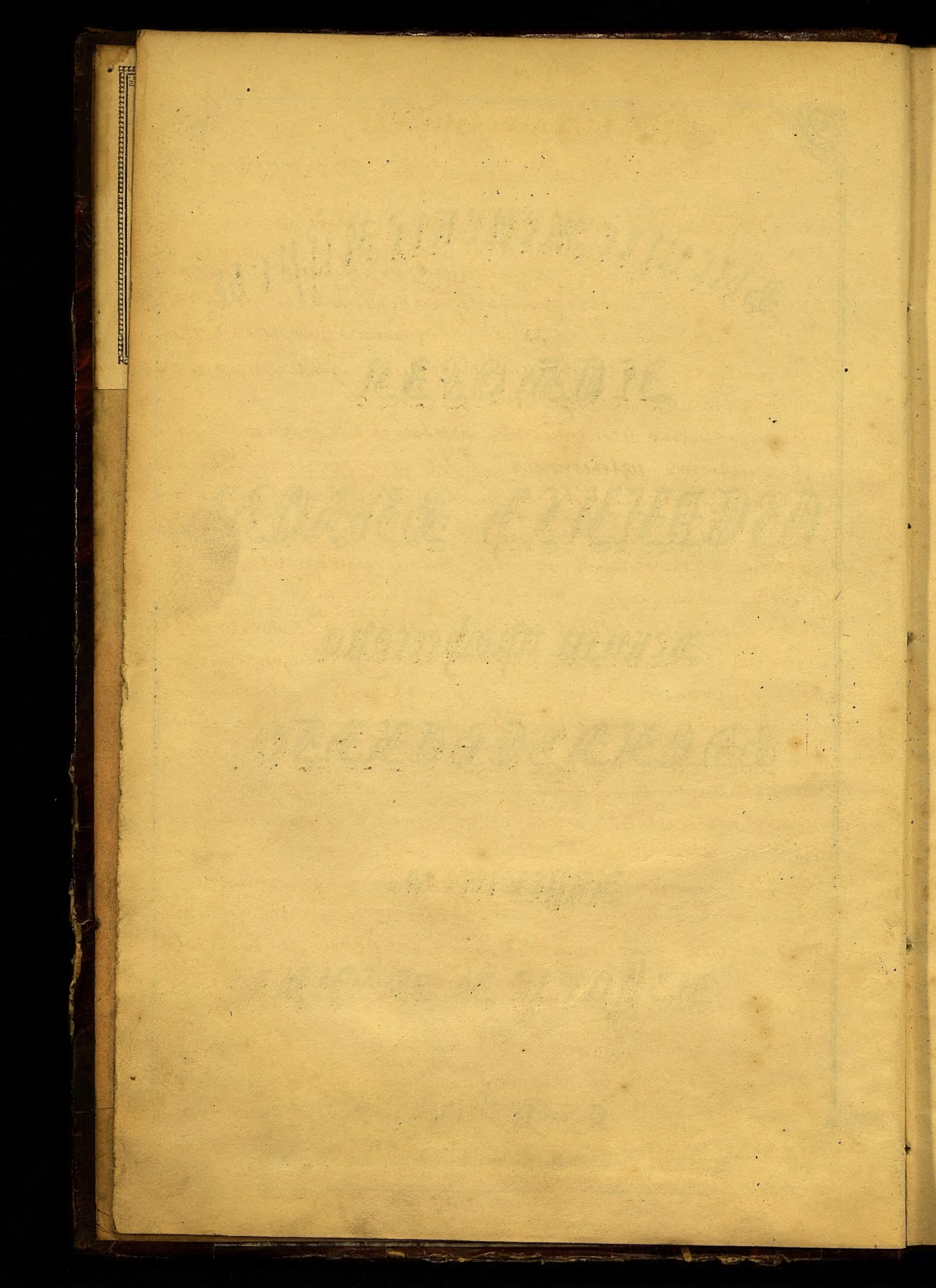
Васильевскаго.

Курсъ 1879-80 г.

Изданіе М. Данижа.

С. Петербургъ.

Русская Литографія В. Курочкина. Невскій, 106.

Краткое обозрѣніе источниковъ и главнѣйшихъ сочиненій по Исторіи Среднихъ Вѣковъ.

Прежде чѣмъ приступить къ изученію исторіи Среднихъ вѣковъ, необходимо познакомиться съ главнѣйшими источниками ея, какъ общими — для всего средневѣковаго міра, такъ и специальными — для исторіи каждаго отдѣльнаго государства.

Въ ряду общихъ источниковъ первое и главнѣйшее мѣсто занимаютъ извѣстныя „Acta Sanctorum" — Житія Святыхъ. Хотя этотъ сборникъ повѣствуетъ исключительно о святыхъ, о ихъ дѣяніяхъ и чудесахъ, но тѣмъ не менѣе заключаетъ въ себѣ много историческаго матеріала, служащаго пособіемъ для уясненія вѣрованій и міросозерцанія средневѣковаго человѣка. Изъ этого же источника мы можемъ познакомиться съ внутреннимъ и экономическимъ бытомъ, съ состояніемъ земледѣлія, промышленности, нравовъ и обычаевъ тогдашняго общества, такъ какъ обработка земель, колонизація ихъ и устройство поселеній въ Средніе вѣка было преимущественно дѣломъ монаховъ. Сверхъ того, этотъ сборникъ содержитъ въ себѣ такіе историческіе факты, которыхъ мы напрасно стали бы искать даже въ оффиціальныхъ анналахъ. Совокупность всѣхъ этихъ качествъ заставляетъ науку отвести „Житіямъ Святыхъ" важное мѣсто въ ряду общихъ источниковъ для изученія этой эпохи.

Изданіемъ этого замѣчательнаго памятника составили себѣ извѣстность іезуиты. По иниціативѣ іезуита Rosweyde, начало этому громадному труду положилъ Jean Bolland, продолжатели котораго по его имени названы были bollandistes.

Bolland собралъ всю массу средневѣковой литературы, разсѣянную въ библіотекахъ, монастыряхъ и рыцарскихъ замкахъ; трудъ, предпринятый имъ, былъ дѣйствительно громаденъ: ему нужно было не только собирать матеріалъ, но и подвергать его строгой критикѣ. Очень часто случалось, что ему попадалось нѣсколько житій одного и того же святого, въ различныхъ редакціяхъ, краткихъ и подробныхъ, часто разнорѣчивыхъ; въ подобныхъ случаяхъ, ему необходимо было, путемъ сравненія, отыскать древнѣйшую редакцію и очистить ее отъ позднѣйшихъ добавленій и комментаріевъ. Впрочемъ, слѣдуетъ замѣтить, что онъ велъ дѣло искусно и быстро пріобрѣлъ навыкъ къ различенію подлинника отъ позднѣйшей передѣлки.

Первый томъ его труда вышелъ въ 1643 году и при жизни онъ издалъ еще нѣсколько томовъ. Послѣ его смерти явилась цѣлая плеяда продолжателей, которые повели дѣло по предначертанному имъ пути.

Изданіе Bolland и его послѣдователей цитируется по слѣдующей надписи Act. SS. Bolland; 23 April, III, 113.

Такъ какъ матеріалъ былъ очень великъ, то Bolland не могъ самъ привести свой трудъ къ концу и, начавъ свои Acta Sanctorum съ Января мѣсяца, довелъ ихъ только до Февраля. Болландисты продолжили изданіе, прерванное на время великой французской Революціи и въ настоящее время оно дошло уже до начала Ноября мѣсяца, и составляетъ болѣе 60ти томовъ in folio.

Acta Sanctorum было первое бывшее изданіе, которымъ іезуиты воздвигли себѣ славный памятникъ. Оно заключаетъ въ себѣ матеріалъ не только для средневѣковой исторіи Западной Европы, но даже и Востока, Византіи, такъ какъ содержитъ описанія житій греческихъ святыхъ, а въ послѣднемъ томѣ - даже славянскихъ.

Обращаясь къ спеціальнымъ источникамъ, служащимъ

пособием для изучения истории отдельных государств, укажем прежде всего на сборник для истории Франции. И во Франции инициатива была принадлежит также монашескому ордену - Бенедиктинцам. Этот орден, оказавший большие услуги и культуре, и науке, ведет свое начало от Св. Бенедикта, основавшего в Италии монастырь Монте-Кассино. В Средние века. Бенедиктинцы являются в истории, как основатели школ и монастырей, как труженики науки и хранители ученых преданий. Почти одновременно с началом издания Bolland, Бенедиктинцы предприняли во Франции подобный же труд: издание житий святых своего ордена (Acta Sanctorum ordinis S. Benedicti.) Из среды их, своею опытностью в этом деле, особенно выделилась конгрегация бенедиктинцев св. Мавра (St-Maure), в лице одного из членов своих - монаха dom Martin Bouquet. Впоследствии когда Кольберт задумал собрать материалы для истории Франции, то главнейшими исполнителями его плана явились бенедиктинцы. Книги издания Bouquet и бенедиктинцев носят название: Scriptores rerum Gallicarum et Francicarum - Recueil des historiens des Gaules et de la France (Guizot. Paris. 1823-35) и надпись: Bouquet. XVI, 115. (Числа изменяются сообразно томам.) И это издание, подобно труду болландистов, было прервано Французской Революцией, и, возобновленное при императоре Наполеоне I, теперь дошло до 25 томов in folio.

Задача Bouquet и бенедиктинцев была аналогична с задачей Bolland: им также предстояло собрать огромную массу материала, подвергнуть его исторической критике и издать, выделивши из него все ненужное. Но характер их работы существенно разнился от работы болландистов: они хотели сделать свое издание как можно более доступным, хотели, чтобы ученый, занимаясь историей какой-либо эпохи или царствования, нашел

необходимыя для себя свѣдѣнія. Для достиженія этой цѣли, они приняли въ расчетъ три расы королей Франціи и рядомъ съ каждымъ изъ нихъ помѣщали все необходимое для исторіи его царствованія: грамоты, памятники, рукописи и т. п. Подобный методъ могъ бы назваться весьма удобнымъ, если бы не заключалъ въ себѣ одного существеннаго недостатка. Слѣдуя подобной системѣ, имъ приходилось разрывать на части одну и ту же хронику, одну и ту же лѣтопись, такъ какъ въ нихъ почти всегда излагалась исторія нѣсколькихъ царствованій. Подобное раздѣленіе, разрывъ памятниковъ препятствовали исторической критикѣ, такъ какъ она возможна только тогда, когда мы знаемъ не одно лишь имя автора, но его воззрѣнія, убѣжденія, по характеру — когда мы имѣемъ его вполнѣ, а не въ отрывкахъ.
Трудъ бенедиктинцевъ представляетъ главнѣйшій источникъ для исторіи Франціи. Впрочемъ, многія изъ лѣтописей и хроникъ, изданныхъ въ собраніи Bouquet, можно найти въ собраніи источниковъ для исторіи Франціи, изданномъ во время министерства Guizot и носящемъ названіе: „Collection des mémoires relatifs à l'histoire de la France, depuis la fondation de la monarchie française jusqu'à XIII siècle".
Собраніе документовъ, относящихся къ исторіи средневѣковой Италіи принадлежитъ одному лицу, также духовному — извѣстному Muratori. Этотъ знаменитый человѣкъ былъ знакомъ почти со всѣми отраслями науки: онъ занимался литературой, философіей, медициной, юриспруденціей и вездѣ обнаруживалъ глубокій умъ и здравомысліе. Въ 1700 году онъ былъ сдѣланъ почетнымъ членомъ Амброзіанской библіотеки и, занимаясь тамъ, открылъ одного, неизвѣстнаго дотолѣ, средневѣковаго писателя. Впослѣдствіи онъ возвратился въ свою родину, въ Модену, гдѣ получилъ мѣсто священника. И въ этой новой должности, Му-

чатой прославился своей гуманностью, своими благотворительными учрежденіями, своими неусыпными трудами въ дѣлѣ просвѣщенія невѣжественной, суевѣрной народной массы. Для этой цѣли, онъ написалъ даже нѣсколько популярныхъ сочиненій, каковы, напр. трактатъ „объ избѣжаніи суевѣрія" (de superstition evitanda) „о терпимости въ отношеніи къ религіи" (de ingeniorum moderatione in religionis negotio) и т. п. Во многихъ изъ своихъ сочиненій онъ возставалъ противъ излишняго почитанія мощей, противъ театральности нѣкоторыхъ процессій и обрядовъ католической церкви, противъ безчисленнаго множества ея праздниковъ. Іезуиты ополчились противъ него и назвали его еретикомъ, но папа защитилъ его, давъ ему названіе „bonus sacerdos" -(добрый священникъ). Этотъ-то гуманный, просвѣщенный, высоко образованный человѣкъ задумалъ издать необходимые источники для средне-вѣковой исторіи Италіи и довелъ задуманное имъ дѣло до конца, собравъ и напечатавъ всѣ хроники за 1000 лѣтъ. Трудъ его, изданный на средства Миланскаго дворянства, носитъ имя „Rerum italicarum scriptores ab anno aerae christianae 500 ad 1500." Mediolani 1723-51, и заключаетъ въ себѣ 27 томовъ, собранныхъ при его жизни и 1 томъ, вышедшій уже послѣ его смерти. Онъ не держался системы бенедиктинцевъ, а издавалъ вполнѣ каждую хронику, каждую лѣтопись, не раздѣляя ихъ по эпохамъ; но для того, чтобы облегчить изученіе этого матеріала онъ присовокупилъ къ своему труду еще Анналы Италіи, гдѣ помѣстилъ ссылки на свой большой сборникъ.

Что касается изданія источниковъ для исторіи Германіи то про него можно сказать, что систематическимъ образомъ, достойнымъ нѣмецкой ученой славы, оно началось сравнительно поздно, а именно съ начала нашего столѣтія, послѣ войнъ за освобожденіе отъ власти Наполеона, въ эпоху романтизма, во время пробужденія національнаго чувства въ Германіи. Главнымъ дѣятелемъ по изданію

этихъ источниковъ явился величайшій врагъ Наполеона, извѣстный прусскій министръ баронъ Штейнъ. Сначала предпріятіе его встрѣтило затрудненіе въ недостаткѣ средствъ, но наконецъ необходимыя суммы были отпущены правительствомъ, которое предложило всѣмъ остальнымъ государствамъ Германіи участвовать въ этомъ національномъ дѣлѣ. Руководителемъ изданія явился извѣстный Pertz, недавно умершій и до смерти не оставлявшій предпринятаго имъ дѣла.

Благодаря тому, что изданію нѣмецкихъ источниковъ предшествовало изданіе французскихъ и итальянскихъ, оно могло стать уже на болѣе твердую почву. Здѣсь рѣшено было издавать все: хроники, лѣтописи, законодательные акты, письма, матеріалы для археологіи, антикварный отдѣлъ и т. п. Основная мысль Перца состояла въ томъ, чтобы раздѣлить все изданіе на 5 отдѣловъ: 1) Scriptores; 2) Leges; 3) Diplomata; 4) Epistola; 5) Antiquitates. Перцъ сдѣлалъ путешествіе по Англіи, Франціи и Италіи съ цѣлью собрать древнѣйшіе, писанные еще на латинскомъ языкѣ, документы. Трудъ этотъ, продолжающійся до сихъ поръ, заключаетъ въ себѣ пока 25 волюмовъ лѣтописей и 3 волюма законодательныхъ и др. актовъ.

Изданіе Перца получило слѣдующее заглавіе: Monumenta Germaniae historica, inde ab anno Christi 500 usque ad annum 1500; оно началось съ погодныхъ записей, ведущихъ свое начало отъ древнѣйшихъ монастырскихъ хроникъ. Два главныхъ отдѣла обращали на себя особенное вниманіе Перца, какъ руководителя изданія; эти два отдѣла были: писатели (анналы или лѣтописи и хроники - scriptores) и законодательные памятники (leges). Изданіе писателей шло гораздо быстрѣе и успѣшнѣе, чѣмъ изданіе памятниковъ юридическихъ; что же касается до наиболѣе интересныхъ для исторіи памятниковъ - переписки историческихъ лицъ и т. п., то оно почти совсѣмъ не подвигалось впередъ. Самый фор-

матъ изданія былъ избранъ весьма неудобный — in folio — и Pertz упорно стоялъ на своемъ какъ относительно этой внѣшней формы, такъ и относительно другихъ частностей этого труда. Методъ изданія былъ отличенъ отъ того, который былъ принятъ въ Recueil des historiens des Gaules et de la France: въ трудѣ Перца писатели не разрывались на части, не раздѣлялись, сообразно описываемымъ ими эпохамъ, а помѣщались въ цѣлости; кромѣ того, мелкимъ шрифтомъ постоянно отмѣчалось заимствованное авторомъ изъ другихъ источниковъ.

Незадолго до своей смерти, Перцъ отказался отъ руководства изданіемъ и тогда дѣло совершенно измѣнилось. Особое вниманіе было обращено на источники первоначальнаго періода средневѣковой исторіи и періода Меровинговъ; также дѣятельно приступили и къ изданію другихъ отдѣловъ; самый внѣшній видъ изданія былъ измѣненъ.

На ряду съ этимъ изданіемъ, которое считалось важнѣйшимъ и обезпечивалось взносами германскихъ правительствъ, явились и другія предпріятія съ цѣлью облегченія знакомства съ памятниками средне-вѣковой исторіи. Прежде всего было предпринято изданіе важнѣйшихъ писателей въ дешевомъ и доступномъ для всѣхъ видѣ, такъ называемые школьные изданія (in usum scholarum). Такимъ образомъ появились въ свѣтъ въ небольшомъ форматѣ in 8º — Оттонъ Фрейзингенскій, Гельмольдъ, Видукиндъ, Ліутпрандъ, Титмаръ и т. п. изданные отдѣльно (иногда по два вмѣстѣ) съ опущеніемъ нѣкоторыхъ подробностей большого изданія.

Кромѣ того, появился еще большой переводной сборникъ на нѣмецкомъ языкѣ, подъ общимъ заглавіемъ: „Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit", въ которомъ помѣщены были всѣ наиболѣе важные писатели съ предисловіями. Въ этомъ трудѣ приняли участіе многіе знаменитые ученые Германіи, какъ-то: J. Grimm, Lachmann, Ranke, Ritter и друг.; изданіе началось съ 1849 года.

Многія другія изданія, хотя и не столь важныя, сосредоточились вокругъ этого національнаго предпріятія; появились различныя изслѣдованья о писателяхъ, о рукописяхъ, изданія архивовъ и проч.

Въ Англіи недостаточность источниковъ для изученія средневѣковаго періода въ концѣ прошлаго столѣтія обратила на себя вниманіе просвѣщенныхъ людей и даже государственныхъ дѣятелей. Вопросъ о необходимости изданія, подобнаго французскому, итальянскому и германскому былъ поднятъ Пинкертономъ и поддержанъ извѣстнымъ историкомъ Гиббономъ x) (Gibbon.). Они оба составили проектъ воззванія къ англійской націи, сочиненнаго знаменитымъ историкомъ; но въ тотъ самый день, когда это воззваніе должно было быть прочитано, авторъ его умеръ. Дѣло замедлилось и было возбуждено вновь только въ 1818 году, послѣ войнъ за освобожденіе отъ власти Наполеона. По Англійскимъ обычаямъ, это дѣло вышло изъ частной сферы, инициатива его принадлежала обществу, понимавшему его, какъ дѣло національной чести и государственной важности. Руководителемъ изданія явился Petrie. Въ представленномъ имъ планѣ изданія говорилось, что онъ намѣренъ слѣдовать примѣру Dom Bouquet, принимая, впрочемъ, для Англіи только 4 періода, на которые онъ и хотѣлъ дѣлить источники. Дѣло это, представленное на разсмотрѣніе парламента, получило надлежащій ходъ; по предложенію канцлера казначейства, поданъ былъ по этому поводу адресъ королю и наконецъ, отъ правительства назначена была особая коммиссія (Record-Commission) для завѣдыванья дѣлами изданія. Работа коммиссіи подвигалась медленно, въ средѣ ея возникли раздоры и несогласія, впродолженіи 12-ти лѣтъ матеріалы только собирались, так

---

x) Гиббонъ увѣковѣчилъ свое имя капитальнымъ трудомъ, носящимъ заглавіе: „The history of the decline and fall of the roman empire" (Исторія паденія и разрушенія Римской имперіи

что наконецъ правительство, считая невозможнымъ отпускать ежегодно значительную сумму на издержки невыходящаго въ свѣтъ труда, распустило коммиссію. Только въ 1848 году появился, уже послѣ смерти Petrie первый и единственный томъ его изданія: Monumenta Britanniae historica, обнимающій исторію Англіи съ древнѣйшихъ временъ до завоеванія ея Норманнами, слѣдовательно періоды Римскій и Англо-Саксонскій. Методъ изданія памятниковъ перваго тома представляетъ прямое подражаніе французскому монументальному изданію dom Bouquet. Онъ начинается собраніемъ мѣстъ изъ греческихъ и латинскихъ писателей, говорящихъ объ Англіи; за тѣмъ слѣдуетъ отдѣлъ, дающій много важныхъ подробностей, а именно, отдѣлъ надгробныхъ надписей Римской эпохи, снимки съ медалей, монетъ и т. п., наконецъ, самыя хроники Англо-Саксонскаго періода (на латинскомъ, конечно, языкѣ).

Въ промежутокъ времени между закрытіемъ коммиссіи и появленіемъ этого тома ощущался тотъ же недостатокъ, на который указывалъ и Petrie. Общество не отнеслось къ нему равнодушно; въ то время, когда правительство перестало отпускать средства и закрыло коммиссію, началась дѣятельная организація различныхъ частныхъ предпріятій; почти въ одно время образовалось до 8 обществъ изъ которыхъ каждое издавало въ свѣтъ свои Publications: The Anglia christiana society, Camden society, Caxton society, English historical society, Bannatyne club, Maitland club и друг. Но дѣло было такъ сложно, трудъ былъ такъ громаденъ, что оказалось невозможнымъ ограничиться одними частными средствами и обойтись безъ помощи государства. Начались опять заявленія, просьбы къ правительству, въ которыхъ особенно дѣятельное участіе принялъ знаменитый Англійскій историкъ Маколей. Вслѣдствіе этихъ требованій, въ 1857 году возобновилась дѣятельность коммиссіи, но уже на новыхъ началахъ. Рѣшено было переиздать 1й томъ и кромѣ того, въ слѣдующихъ

томъ поручать отдѣльно каждаго писателя, поручая обработку его отдѣльному лицу подъ его отвѣтственностью. Въ новый планъ вошло также и слѣдующее условіе: положено было не держаться хронологическаго метода, а издавать въ одно время важнѣйшихъ писателей, какъ древнѣйшихъ, такъ и позднѣйшихъ, по лучшимъ, конечно, рукописямъ, но только съ самыми необходимыми примѣчаніями о времени жизни каждаго, о степени достовѣрности его свѣдѣній, о хронологіи и т. п. Въ настоящее время этотъ сборникъ, носящій названіе: „Scriptores rerum Britannicarum medii aevi", дошелъ до 60 томовъ. Свѣдѣнія о немъ, равно какъ и вообще объ источникахъ Средневѣковой Англійской Исторіи, можно получить изъ каталога Hardy: „Descriptive Catalogue" (въ 3-хъ томахъ). Подобно французскому переводу средневѣковыхъ писателей (Guizot) и нѣмецкому (Gesch: d. deutsch. Vorzeit) и въ Англіи есть собраніе переводовъ древнѣйшихъ источниковъ, изданное Бономъ (Bohn) въ его Antiquarian library.

Изъ учебныхъ пособій, могущихъ принести пользу при изученіи средневѣковаго періода исторіи, слѣдуетъ замѣтить: Стасюлевичъ: Исторія Среднихъ Вѣковъ въ ея писателяхъ и изслѣдованіяхъ новѣйшихъ ученыхъ. Петербургъ, 1863. (3 тома, изъ которыхъ послѣдній кончается событіями Крестовыхъ походовъ.)

Трудъ этотъ, предназначенный профессоромъ Стасюлевичемъ для употребленія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, вышелъ значительно шире первоначально задуманнаго плана. Онъ содержитъ извлеченія изъ средневѣковыхъ источниковъ, а также изъ новѣйшихъ лучшихъ сочиненій и поэтому можетъ служить полезнымъ пособіемъ для ознакомленія съ этимъ періодомъ исторіи человѣчества. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что выборъ писателей и переводъ ихъ не всегда удачны; случается даже, что вмѣсто историческихъ извѣстій приводятся легендарные разсказы (какъ напр. разсказъ о Кедмонѣ).

Въ первомъ томѣ встрѣчаются погрѣшности и въ переводѣ, такъ что для цѣлесообразного пользованія имъ, необходимо иногда провѣрять текстъ или разсказъ подлиннымъ источникомъ.

Что касается до сочиненій общихъ, до учебниковъ, то изъ нихъ нельзя указать ни одного, который бы съ одинаковымъ вниманіемъ разсматривалъ исторію всѣхъ націй. Единственно русское сочиненіе, которое могло бы удовлетворить этимъ требованьямъ, это лекціи по Средней исторіи, читанныя профессоромъ Ешевскимъ. (ихъ можно найти въ полномъ собраніи его сочиненій). Но къ сожалѣнію этотъ прекрасный трудъ обнимаетъ гораздо менѣе, чѣмъ половину средневѣковаго періода, а именно, доходитъ только до распаденія монархіи Карла Великаго.

Кромѣ того, полезнымъ пособіемъ можетъ служить также Ешевскаго „Міръ Римскій и Варварскій."

Какъ краткое справочное сочиненіе можно назвать полезнымъ учебникъ Шульгина: „Курсъ исторіи Среднихъ Вѣковъ", отличающійся прекраснымъ изложеніемъ и разумной группировкой историческихъ фактовъ.

Изъ общихъ сочиненій на иностранныхъ языкахъ можно назвать два:

1) Laurent: Etudes sur l'histoire de l'humanité. Это сочиненіе представляетъ цѣлый рядъ томовъ, гдѣ между прочимъ авторъ касается и философіи исторіи, съ преобладающею мыслью о Провидѣніи, какъ главномъ факторѣ человѣческихъ дѣйствій. Наиболѣе для насъ полезнымъ слѣдуетъ признать V томъ: „Les barbares et le catholicisme" (2e édition 1865.)

2) Rükkert: Lehrbuch der Weltgeschichte in organischer Darstellung. 2 Bände. 1856. Въ этихъ двухъ частяхъ изложена вся исторія человѣчества. 1a часть посвящена исторіи Востока, Греціи и Рима; 2a - исторіи Среднихъ и Новыхъ вѣковъ, причемъ съ особеннымъ тщаніемъ разработаны о-

дъмъ феодализма и рыцарства. Главнѣйшій недостатокъ этого сочиненія состоитъ въ излишнемъ патріотизмѣ автора, который полагаетъ начало и основаніе всей средневѣковой культуры въ Германцахъ. Несмотря на нѣкоторую искусственность языка, этотъ трудъ можетъ быть поставленъ на ряду съ трудомъ Laurent.

Въ ряду спеціальныхъ трудовъ по исторіи Франціи необходимо упомянуть почтенное, хотя уже устарѣлое сочиненіе Sismondi: Histoire des Français.

Далѣе слѣдуетъ назвать имя знаменитаго французскаго историка Гизо (Guizot). Его „Histoire générale de la civilisation en Europe" (лекціи, читанныя въ Сорбоннѣ), существуетъ и въ русскомъ переводѣ, 2е изданіе 1864 г. Петербургъ. Второй его трудъ „Histoire de la civilisation en France, обнимаетъ нѣсколько томовъ. Въ русскомъ переводѣ существуетъ 1й томъ.

Guizot, родившійся въ 1797 году, сдѣлался извѣстенъ своими дарованіями во время Реставраціи. Его первымъ замѣчательнымъ трудомъ былъ переводъ сочиненія Gibbon'а: „The history of the decline and fall of the roman empire", съ комментаріемъ. Потомъ онъ занимался исторіей Англіи, которая сдѣлалась его любимымъ предметомъ. Въ своемъ первомъ сочиненіи, касающемся Англіи, онъ высказалъ свой взглядъ на революцію, на англійскую конституцію и говорилъ, что въ этой странѣ, вслѣдствіе парламентскаго строя элементы аристократическій, демократическій и монархическая власть очень рано пришли въ равновѣсіе. Мнѣніе объ отношеніи элементовъ аристократическаго, монархическаго и демократическаго, одинаковое признаніе правъ монархической власти, аристократіи и народа - есть существенный взглядъ, который высказывается и въ его историческихъ трудахъ и въ политической дѣятельности. Признаніе этихъ трехъ элементовъ равноправными было поводомъ дать ему названіе доктринера. По его словамъ, ни

одинъ элементъ народной жизни не долженъ имѣть исключительныхъ правъ и одиночнаго значенія, а всѣ они должны взаимно уравновѣшиваться; такъ это и было, по его мнѣнію, въ Англіи. Главнѣйшая заслуга Гизо состоитъ въ томъ, что онъ съ ясностью и трезвостью мысли, съ величайшимъ искусствомъ ученаго прослѣдилъ за тѣмъ, что внесли въ исторію среднихъ вѣковъ Римляне и варвары, какимъ образомъ развился феодализмъ, рыцарство, буржуазія, вообще, всѣ основные элементы этого періода исторіи. „Histoire de la civilisation en Europe", какъ показываетъ самое заглавіе, имѣло цѣлью разобрать исторія развитія Европейской цивилизаціи, анализировать основные ея элементы и показать ихъ взаимодѣйствіе. Но такъ какъ времени для этихъ лекцій было немного, то и книга представляетъ намъ только бѣглые, хотя и превосходные очерки, обнимающіе не только средніе вѣка, но и новѣйшую исторію человѣчества. Первыя три лекціи посвящены разъясненію общаго понятія цивилизаціи и разработкѣ вопроса: есть ли общеевропейская цивилизація? По словамъ Гизо, цивилизація непремѣнно должна состоять изъ двухъ элементовъ – соціальнаго и индивидуальнаго; подъ соціальнымъ онъ подразумѣваетъ свободный, разумный политическій строй; подъ индивидуальнымъ – моральное развитіе человѣка, его совершенствованіе въ смыслѣ гуманности. Сообразно этимъ двумъ условіямъ, Гизо ставитъ Францію во главѣ всѣхъ другихъ государствъ, такъ какъ въ ней, по словамъ его, оба основные элемента цивилизаціи развивались равномѣрно. x)

Послѣ этого общаго опредѣленія, онъ разсматриваетъ основные элементы средневѣковой исторіи: 1) остатки Римс-

x) Противъ этого пункта дѣлалъ возраженія Боклъ, считавшій Англію страною, въ которой ходъ развитія цивилизаціи былъ наиболѣе нормаленъ.

кихъ муниципій, германское начало и ихъ взаимодѣйствіе; изъ этого взаимодѣйствія развиваются новыя силы — феодализмъ (развитіе его Гизо приписываетъ преимущественно германскому началу), буржуазія, королевская власть. Въ разборѣ этихъ элементовъ и ихъ взаимныхъ отношеній выказалась въ полномъ блескѣ вся сила его великаго ума. Многія категоріи, обозначенныя имъ, до сихъ поръ сохраняются наукой. Въ этихъ очеркахъ онъ преимущественно останавливается на первой основной сторонѣ цивилизаціи — на сторонѣ развитія соціальнаго.
Въ слѣдующемъ курсѣ 1829 года онъ рѣшилъ построить планъ своихъ лекцій иначе: онъ задумалъ взять какую-нибудь отдѣльную страну и въ ней прослѣдить развитіе обоихъ основныхъ элементовъ цивилизаціи; избранная имъ страна была Франція, какъ всѣхъ нормально развивавшаяся. Такимъ образомъ явилась „Histoire de la civilisation en France", которой посвящено 4 тома. Многое въ ней, конечно, не точно; нѣмецкія изслѣдованія о феодализмѣ, напр. существенно измѣнили взглядъ на его происхожденіе; но все же это нисколько не уменьшаетъ цѣны безсмертнаго труда Гизо. Одинъ существенный недостатокъ замѣчается у него. Въ его 13ᵒ лекціи (Hist. d. l. civiliz. en France) онъ говоритъ что исторія имѣетъ 3 задачи: 1) познать и открыть факты, собрать ихъ изъ источниковъ: писателей, анналовъ, хроникъ и т. п. Когда отдѣльные факты узнаны, необходимо 2) открыть законы, управляющіе этими фактами, открыть связь между ними и ихъ взаимодѣйствіе. x) Но и этого мало: мы мо=

x) Эти двѣ задачи историка Гизо сравниваетъ съ 2-задачами натуралиста. Факты, говоритъ онъ, это кости, ткани и мускулы; изученіе фактовъ — анатомія исторіи. Но какъ для полнаго познанія человѣка необходимо изучить и многообразныя отправленія его организма, его физіологію, такъ и для историка необходимо познать причины фактовъ и ихъ взаимную связь — эту физіологію исторіи

мемъ изучить факты въ ихъ взаимной связи, но они будутъ не меньше останутся мертвы; для полноты познанія необходимо изучить ихъ такъ, какъ они были, перенестись къ нимъ, возстановить ихъ передъ собой; однимъ словомъ мы должны, какъ намекаетъ Гизо, художественно воспроизвести событія давно-прошедшихъ временъ. И такъ, по его мнѣнію задачи историка суть: 1) изслѣдованіе фактовъ; 2) изученіе законовъ; 3) репродукція прошедшаго. Относительно этой послѣдней задачи мы и замѣчаемъ недостатокъ самого Гизо: онъ былъ весьма слабъ именно въ воспроизведеніи прошлаго; способность разсказывать обнаружилась только въ его послѣднемъ старческомъ произведеніи: „Histoire de la France, racontée à mes petits-enfants."

Сочиненія Thierry восполняютъ недостатокъ, который чувствуется въ трудахъ прагматической школы Гизо; онъ первый замѣтилъ, что эта школа, преслѣдуя только логическое сцѣпленіе и связь событій, не даетъ полной исторической истины и основалъ свой особенный методъ, который названъ былъ его соотечественниками „описательнымъ" или „живописнымъ" (école pittoresque, descriptive). Эта школа задалась цѣлью, живо и ясно, въ пластичномъ, художественномъ разсказѣ представить исторію развитія человѣчества, перенестись въ прошлое и возсоздать не только отвлеченные факты, но и цѣлую картину. Въ хроникахъ и документахъ, Thierry искалъ не однихъ фактовъ, но главнымъ образомъ ихъ колорита и даже часто пользовался тѣми же красками, которыя находилъ въ источникахъ. Эта характерная черта особенно ярко проявляется въ его лучшемъ сочиненіи „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands" и еще раньше этого, въ его „Разсказахъ изъ временъ Меровинговъ" (Lettre sur l'histoire de France, 1820).

На ряду съ Guizot и Thierry, необходимо сказать нѣсколько словъ о не менѣе знаменитомъ французскомъ историкѣ — Michelet (род. 1798). Онъ былъ сынъ очень бѣднаго ро-

Русск. Лит. В. Кирпичника. Невскій 106.

дителей и съ дѣтства долженъ былъ самъ зарабатывать себѣ пропитаніе, занимаясь переплетнымъ мастерствомъ. Вслѣдствіе тяжелыхъ условій своего дѣтства и юности, вслѣдствіе близкихъ сношеній съ рабочимъ классомъ, онъ на всю жизнь сохранилъ любовь къ народу и всегда отличался демократическимъ духомъ. Не смотря на свою бѣдность, несмотря на невозможность слушать курсы въ école Normale, Michelet до девятнадцатилѣтняго возраста пріобрѣлъ уже такія твердыя познанія въ исторіи, философіи, литературѣ, что даже могъ преподавать эти предметы. Его первое сочиненіе, появившееся въ 1827 г. относилось больше къ философіи исторіи: „Principes de la philosophie de l'histoire, traduites de la Scienza nuova de Vico"; въ связи съ этимъ трудомъ, появилась и его „Histoire romaine" и вскорѣ послѣ того „Introduction à l'histoire universelle". Въ 1833 году онъ началъ изданіе главнаго труда своей жизни „Histoire de France". До 1848 года онъ издалъ 6 томовъ; въ послѣднемъ онъ довелъ исторію Франціи до Людовика XI. Въ 1834 году Гизо, бывшій тогда министромъ, назначилъ его своимъ замѣстителемъ на каѳедрѣ исторіи въ Faculté des lettres. И въ то время, и нѣсколько лѣтъ спустя, онъ находился подъ вліяніемъ историческихъ взглядовъ Гизо. Въ предисловіи къ 1-му тому своей „Histoire de France", онъ говоритъ:
„Mon livre est sorti tout entier des sources originales. Cependant, je dois beaucoup à quelques uns de nos contemporains. „L'immense, la consiencieuse histoire de notre vénérable Sismondi, les beaux récits de nos deux Thierry, voilà les livres, qui ne m'ont jamais quittés. Toutefois je dois encore davantage à ceux de M. Guizot. Sous l'histoire de faits, il a vu l'histoire des idées. Il n'existait point avant son cours une telle analyse de grands faits sociaux et intellectuels".
Говоря про Гизо въ своей вступительной лекціи въ Сорбоннѣ, Michelet замѣтилъ: „Онъ освободилъ науку отъ всѣхъ эфемерныхъ страстей, отъ всякаго пристрастія, всякой лжи

въ содержаніи и стилѣ и поднялъ исторію до значенія и достоинства закона."
Послѣ 6-го тома своей исторіи, Michelet перешелъ прямо къ исторіи Революціи и только въ 1855 году продолжилъ свой прерванный трудъ и пополнилъ пробѣлъ между царствованіемъ Людовика XI и Революціей (10 томовъ).
Перерывъ этотъ случился вслѣдствіе борьбы съ Іезуитами за свободу гражданскаго общества, за свободу свѣтскаго преподаванія. Michelet вмѣстѣ съ своимъ другомъ Quinet дошелъ до такой рѣзкости, что Гизо уволилъ его отъ должности и отнялъ у него каѳедру исторіи (1847). Эта-то борьба и заставила Michelet прервать свой начатый трудъ и обратиться къ исторіи великой Революціи.
Сравнивая первые 6 томовъ исторіи Michelet съ послѣдующими 10-ю, мы увидимъ, что вторая часть его труда написана совершенно инымъ тономъ и въ иномъ духѣ, чѣмъ первая, причемъ полное предпочтеніе должно быть отдано первой части. Вмѣстѣ съ здравыми принципами и свѣтлымъ историческимъ взглядомъ, онъ соединилъ въ ней художественный, артистическій талантъ, согрѣтый еще его любовью къ народу; „прошедшее воскресаетъ подъ его художническою кистью," говоритъ о немъ Flint.
Рядомъ съ Michelet необходимо упомянуть о его товарищѣ и другѣ - Эдгарѣ Кинэ (Edgar Quinet), написавшемъ манифестъ въ защиту правъ совѣсти въ исторіи (Revue des deux Mondes, 1855, Avril „Philosophie de l'histoire en France.)
Эта статья представляетъ краснорѣчивый и страстный протестъ противъ господствующей школы исторической философіи во Франціи, противъ доктринеровъ, проповѣдовавшихъ фатализмъ историческихъ фактовъ, отрицавшихъ права требованій справедливости въ оцѣнкѣ характеронаціональныхъ событій. Эта теорія, по словамъ Quinet, была причиною и симптомомъ дряхлости французскаго общества: „Націи", говоритъ онъ, „неисправимо падаютъ

„чаще вслѣдствіе своей упрямой вѣры въ ложныя идеи, или нера-
„зумнаго отрицанія истины, чѣмъ вслѣдствіе силы враговъ.
„Франція съ давнихъ поръ лелѣяла цѣлый рядъ грубыхъ заб-
„лужденій относительно своего прошлаго и вслѣдствіе того,
„подвергается большей опасности, отъ которой она можетъ
„быть спасена только новымъ 4-го Августа. Одно изъ наибо-
„лѣе гибельныхъ заблужденій есть именно безнравственный
„историческій оптимизмъ, основывающійся на двухъ софиз-
„махъ, принимаемыхъ за аксіомы: „деспотизмъ ведетъ къ
„свободѣ" и „люди всегда дѣлаютъ противное тому, что
„они хотятъ дѣлать."
Какъ доказательство справедливости своихъ словъ, онъ при-
водитъ и нѣкоторые примѣры. Исторія Франціи, говоритъ
онъ, начинается съ покоренія Галловъ. Разсуждая объ этомъ
фактѣ насилія, исторія находитъ его самымъ желаннымъ,
самымъ законнымъ, потому что Галлы не были способ-
ны къ саморазвитію, самовоспитанію, къ созданію своей цивили-
заціи - и завоеваніе оправдывается во имя будущей Франціи,
во имя гуманности. Но согласиться съ исторіей, продолжаетъ
онъ, значитъ признать, что свобода и порядокъ не могли быть
иначе, какъ черезъ насиліе и порабощеніе, черезъ возведеніе зла въ
необходимость, силы въ право, черезъ оскорбленіе чувства прав-
ды. Точно также онъ приводитъ въ примѣръ Альбигойцевъ
и Вальденцевъ, этихъ свободомыслившихъ людей, отрицав-
шихъ многія постановленія Римской куріи. Эта община,
обладавшая въ южной Франціи цвѣтущей культурой, бы-
ла потоплена въ крови, уничтожена религіозными войнами.
Кому же, спрашиваетъ онъ, сочувствуетъ исторія? Тому, кто
совершилъ это кровавое дѣло во имя единенія Франціи.
Подобно этому, разбираетъ онъ нѣкоторые факты рефор-
маціи; борьбу общинъ и третьяго сословія (tiers état) и побѣ-
ду монархіи и вездѣ безпощадно произноситъ свой судъ.
Послѣ этой статьи, вызвавшей цѣлую бурю въ ученомъ мірѣ,
Michelet воскликнулъ: „L'histoire de France est écroulée!" Не ожи-

лись она безъ влiянiя и на воззрѣнiя другихъ историческихъ писателей.

Этотъ манифестъ подвергся многократнымъ критическимъ замѣчанiямъ, разбирать которыя не представляется особенной необходимости. Слѣдуетъ замѣтить только, что Дюне до нѣкоторой степени узко смотрѣлъ на разбираемый имъ вопросъ и не дѣлалъ различiя между историческимъ объясненiемъ и оправданiемъ. Можно сочувствовать и не сочувствовать Галламъ, но тѣмъ не менѣе необходимо объяснить ихъ слабость и превосходство Римлянъ. Сожалѣнiе о побѣжденныхъ не должно исключать признанiя хорошихъ качествъ побѣдителей. Конечно, не должно и тогда впадать въ противоположную крайность и утверждать, что совершившiйся фактъ завоеванiя былъ единственнымъ желательнымъ и возможнымъ. Быть можетъ дѣйствительно Галлы, не завоеванные, дошли бы до самостоятельнаго развитiя и выработали бы самобытную культуру. Но были ли Галлы достаточно энергичны и сильны, чтобы отстоять свою независимость, свою свободу, свое гражданское существованiе? Эти то важные, знаменательные вопросы Дюне весьма слабо затрогиваетъ въ своемъ манифестѣ, весь отдаваясь нравственному объясненiю факта въ ущербъ объясненiю историческому. Существенная польза, принесенная имъ исторической наукѣ, состоитъ въ томъ, что послѣ него стали отводить гораздо болѣе мѣста изученiю народа; доказательство этого мы видимъ въ послѣдовавшихъ за его статьею трудахъ Michelet и также и въ сочиненiяхъ извѣстнаго французскаго историка Henry Martin, имя котораго необходимо упомянуть въ ряду важнѣйшихъ пособiй для изученiя исторiи Францiи. Его „Histoire de France" обнимаетъ 16 томовъ, изданныхъ между 1840-1859 год. Блистательный успѣхъ, выпавшiй на долю этого труда, прежде всего объясняется замѣчательнымъ даромъ изложенiя, прекраснымъ языкомъ, которымъ онъ написанъ; кромѣ того, авторъ его -

рается свести въ немъ всѣ важнѣйшіе результаты новѣйшихъ изслѣдованій.

Основная мысль этого сочиненія отвѣчала требованіямъ и запросамъ данной минуты. Помимо германскаго начала, помимо аристократіи и буржуазіи, H. Martin обращаетъ вниманіе и на народъ; онъ говоритъ, что Галло-кельтическое демократическое начало составляетъ основу исторической жизни Франціи и что тройное завоеваніе страны - Римлянами, Германцами и христіанствомъ - было только вѣковымъ препятствіемъ самобытному развитію народной жизни. Онъ заходитъ такъ далеко въ преслѣдованіи этой идеи, что весь кругъ основныхъ началъ и понятій, господствующихъ въ національномъ образованіи, считаетъ наслѣдіемъ, перешедшимъ отъ кельтическихъ праотцевъ. По его словамъ, XVII в. является эпохой возрожденія народнаго Галльскаго элемента, долгое время подавленнаго господствомъ католицизма и германцевъ, но наконецъ проснувшагося съ новой силой въ искусствѣ, философіи, учрежденіяхъ и литературѣ.

Сочиненіе Henry Martin встрѣтило много возраженій, въ особенности со стороны католическихъ писателей, которые преслѣдовали его за то, что онъ не признавалъ цѣлесообразности христіанскаго начала въ дѣлѣ цивилизаціи Галловъ. Они же указываютъ и на многія частныя ошибки его труда. Несомнѣнно, что въ его исторіи много преувеличеній; открыто поднимая знамя борьбы противъ Гизо и его школы, H. Martin вмѣстѣ съ тѣмъ заходитъ слишкомъ далеко въ развитіи излюбленной имъ идеи; помимо этого, сочиненіе его имѣетъ большія достоинства, какъ по добросовѣстному изложенію фактической стороны исторіи Франціи, такъ и по раскрытію внутренней связи событій; особенно хорошо разработана исторія феодальной Франціи.

За H. Martin слѣдуетъ назвать популярное въ настоящее время сочиненіе, посвященное изученію политическихъ учрежденій Франціи: „Histoire des institutions politiques de l'ancienne

France; par Fustel de Coulanges. 1re partie. 1875. (L'empire romain. Les germains. La royauté Mérovingienne). Рецензію на это сочиненіе можно найти въ Вѣстникѣ Европы, за 1877 г. въ статьѣ г-жи Брюловой-Кавелиной.

„Исторія политическихъ учрежденій древней Франціи" написана прекраснымъ, блестящимъ языкомъ и, несмотря на сухость сюжета, читается съ большимъ интересомъ. Основной взглядъ автора состоитъ въ томъ, что политическая жизнь Франціи существеннымъ образомъ покоится на основахъ Римскаго государства; германскій элементъ играетъ въ ней второстепенную, подчиненную роль, а о Кельтахъ онъ отзывается съ полнымъ пренебреженіемъ. Взглядъ этотъ, впрочемъ, уже не новый; со временъ Дюбо онъ высказывается въ двухъ направленіяхъ. Германское завоеваніе, по мнѣнію нѣкоторыхъ, имѣло ничтожное, по мнѣнію же другихъ - вредное вліяніе. Fustel de Coulanges открыто становится на сторону перваго подраздѣленія. Въ его книгѣ, хотя и обнимающей только Меровингскій періодъ (точнѣе до 650 г.), ясно обнаруживается воззрѣніе, что Римское господство, Римская имперія осталось въ продолженіи столѣтій, можетъ быть даже до настоящаго времени, основой для политическаго развитія Франціи. Что касается до Галловъ, то онъ говоритъ: „On peut se demander ce que serait devenue la population Gauloise, si elle était restée livrée à elle-même. Ce qu'elle „devint dans l'Irlande et le pays de Galles ne fait pas préjuger qu'elle aurait eu un grand avenir. On a supposé qu'elle „aurait pu créer une civilisation originale; pure hypothèse. (l. I, chap. VIII, p. 63.). И такъ, по его мнѣнію, Галлы не были способны къ самостоятельному развитію. Относительно же Германцевъ, онъ высказываетъ совершенно своеобразный взглядъ. По его словамъ, Германцы, оставшіеся на 10 вѣковъ позади своихъ родичей Индогерманской семьи, хотя и не варвары-дикіе, но тоже не имѣли ничего самобытнаго и жизненнаго. Говорятъ, что они внесли въ Европу элементъ …

ной свободы - но это предразсудокъ: „Ce qui dominait de beaucoup „dans la Germanie, loin que ce fût la liberté, c'était la subordination". Въ этомъ случаѣ Fustel de Coulanges высказываетъ взглядъ, діаметрально противоположный взгляду Гизо, который говоритъ: „Чувство личной независимости, стремленіе къ свободѣ, развивающееся безсознательно, съ единственною „почти цѣлью найти себѣ удовлетвореніе, не было знакомо „ни Римскому, ни христіанскому обществамъ. Оно было „внесено и положено въ колыбель новой цивилизаціи варварами (Guizot. H. d. l. civil. en Europe, leçon 2me).
Германцы, поселившіеся въ предѣлахъ Римской имперіи, говоритъ далѣе Fustel de Coulanges, суть только остатки расы ослабленной внутренними раздорами и междоусобною борьбой, искавшіе на Римской почвѣ убѣжища отъ домашней неурядицы и полной анархіи; они носили въ себѣ уже зароdыши разложенія. Воззрѣніе это, очевидно, лишено всякаго основанія. За исключеніемъ подобныхъ увлеченій, книга эта имѣетъ блистательныя стороны и многія важныя достоинства.
Обращаясь къ обозрѣнію главнѣйшихъ сочиненій по исторіи Англіи, назовемъ прежде всего имя знаменитаго Юма. David Hume, жившій во 2^{ю} половинѣ прошлаго столѣтія, принадлежалъ къ школѣ свободныхъ мыслителей и извѣстенъ, кромѣ своихъ историческихъ трудовъ, еще нѣсколькими философскими трактатами. Въ 1752 году онъ составилъ планъ написать исторію Англіи; но испуганный необходимостью вести разсказъ о періодѣ въ 1700 лѣтъ, онъ началъ восшествіемъ дома Стюартовъ. Первый томъ его сочиненія возбудилъ всеобщее неудовольствіе, неодобреніе и даже отвращеніе: англичане и шотландцы, виги и тори, церковники и свободные мыслители, патріоты и придворные - соединились въ своей ярости противъ человѣка, который позволилъ себѣ „пролить благородную слезу надъ судьбой Карла I. и графа Страффорда". Кромѣ того, что еще печальнѣе, книга совсѣмъ не пошла;

экземпляра оставались у книгопродавцевъ. Но тьмъ не менье, Юмъ продолжалъ свой трудъ. Въ 1756 г. былъ обнародованъ второй томъ — отъ смерти Карла I до Революціи. Онъ былъ принятъ гораздо благосклоннье; даже Виги не обнаружили крайняго негодованія. Въ 1759 году появилась исторія дома Тюдоровъ; въ 1761 году онъ издалъ въ двухъ книгахъ первоначальную исторію Англіи.

Помимо достоинствъ чисто внъшнихъ — стиля и изложенія, Юмъ въ своей исторіи Англіи является только искуснымъ защитникомъ торизма. Что касается до начальной исторіи Англіи, то Юмъ вообще не имълъ ни сочувствія къ Среднимъ въкамъ, ни достаточнаго ихъ знанія и пониманія; какъ большинство писателей XVIII в., онъ обращался къ давно-прошедшимъ временамъ съ запросами своего времени. Въ отдълъ объ Англо-Саксахъ, онъ держался одного изъ своихъ малоизвъстныхъ предшественниковъ. По свидътельству Лаппенберга, даже Гиббонъ въ тъхъ мъстахъ своей книги, гдъ онъ мимоходомъ говоритъ объ Англо-Саксахъ, поучительнье Юма.

Рядомъ съ Юмомъ слъдуетъ замътить хотя устарълое, но тъмъ не менье восполняющее нъсколько недостатки Юма сочиненіе <u>Sharon Turner</u>. „<u>History of the Anglo-Saxons</u>". 3 vol. London. 1828. 5е изданіе.

Какъ трудъ, имъющій гораздо болье значенія, нежели трудъ Юма и Turner'а, слъдуетъ замътить сочиненіе Лингарда. <u>Lingard</u>. „<u>History of England, bin the Revolution of 1688.</u>" (Существуетъ во французскомъ и нъмецкомъ переводъ.) Лингардъ былъ католическій священникъ, горячо преданный церкви и своему званію, а тъмъ болье убъжденіямъ своей партіи. Свою литературную дъятельность онъ началъ различными сочиненіями въ пользу англійскихъ католиковъ, изъ которыхъ въ особенности одно „Древности Англо-Саксонской церкви" доставило ему большую славу. Вслъдъ за ними появилась его „Исторія Англіи до Революціи 1688 г. Сочиненіе это оказало въ полномъ блескъ серьозное знаком=

ство его автора съ источниками національной исторіи. Единственнымъ недостаткомъ этого труда можетъ считаться слишкомъ усердный католицизмъ, который ясно выходитъ наружу въ изложеніи временъ реформаціи; впрочемъ этотъ же католицизмъ оказываетъ автору сочиненія большія услуги въ разсказѣ объ Англо-Саксонскомъ періодѣ, такъ какъ помогаетъ ему исправлять узкія воззрѣнія англійскаго протестантизма.

Какъ дополненіе къ труду Лингарда, можно замѣтить сочиненіе Пэльгрева, гораздо болѣе удовлетворяющее потребностямъ изученія первоначальнаго періода исторіи Англіи.

Francis Palgrave. „The rise and progress of the englisch Commonwealth Anglosaxon period." II Parts. London 1832 и его же „History of England. Vol. I Anglosaxon period. London 1831.

Имя Пэльгрева замѣчательно въ Англійской исторіографіи: онъ былъ однимъ изъ глубочайшихъ знатоковъ юридическихъ и литературныхъ памятниковъ своей страны. Что касается до его взгляда, то онъ является хотя и ошибочнымъ, но совершенно новымъ и оригинальнымъ; такъ какъ высказывается въ пользу Римскаго начала и Римскаго вліянія на Англо-Саксовъ.

Въ числѣ серьезныхъ и наиболѣе достойныхъ вниманія сочиненій по исторіи Англіи должно замѣтить трудъ нѣмецкаго ученаго Лаппенберга (Lappenberg), первый томъ котораго появился въ 1834 г. Лаппенбергъ, бывшій библіотекаремъ въ Гамбургѣ, сдѣлался извѣстенъ своими трудами по изданію средневѣковыхъ германскихъ источниковъ, важныхъ отчасти и для славянской исторіи. Онъ былъ хорошо знакомъ съ нижне-нѣмецкимъ языкомъ, что поставило его въ благопріятныя условія для изученія древнѣйшихъ Англійскихъ писателей. Трудъ его, обнимающій всю Англо-Саксонскую эпоху, долго оставался лучшимъ авторитетомъ для древнѣйшей исторіи Англіи и полнотою всесторонняго изображенія эпохи даже превосходилъ трудъ

Пальгрева. Лаппенбергъ былъ однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ спеціалистовъ по части англійскихъ государственныхъ учрежденій, исторію которыхъ онъ изучалъ на мѣстѣ, исчерпавъ для этого англійскіе и континентальные источники. Но трудъ его остался неоконченнымъ; онъ написалъ только два тома и не довелъ въ нихъ исторію Англіи даже до конца Среднихъ вѣковъ. Достойнымъ продолжателемъ его явился профессоръ Геттингенскаго университета Pauly, который довелъ сочиненіе Лаппенберга до династіи Тюдоровъ. Этому капитальному труду отдавали должную дань даже англійскіе историки, что доказывается переводомъ его на англійскій языкъ. Обратимся теперь къ труду уже извѣстнаго намъ французскаго ученаго Augustin Thierry. Его „Histoire de la conquête de l'Angleterre par les Normands" (4 vol. 1825) съ честью можетъ занять мѣсто въ англійской исторической литературѣ. Какъ въ своемъ первомъ сочиненіи „Lettres sur l'histoire de France", такъ и въ вышеназванномъ авторъ развиваетъ въ особенности свою любимую теорію - вѣчный антагонизмъ, вѣковую борьбу расъ - побѣдителей и побѣжденныхъ. Въ предисловіи къ своему труду „H. d. l. conq. d. l'Angl. p. l. Norm.", онъ говоритъ, что исторія этого завоеванія можетъ служить типомъ, образцомъ для всѣхъ остальныхъ завоеваній; по аналогіи мы можемъ представить себѣ завоеваніе Галліи Франками и т. п. Такъ въ Англіи, такъ и на материкѣ, слѣдствіемъ этихъ завоеваній является борьба побѣжденныхъ и побѣдителей, угнетенныхъ и угнетающихъ, борьба вѣковая, превращающаяся за тѣмъ въ борьбу сословную - класса господствующаго, феодальной аристократіи, съ низшими классами буржуазіи и крестьянства. Въ этомъ отношеніи его взглядъ напоминаетъ выраженіе Наполеона 1го о французской революціи: смыслъ ея, по словамъ этого послѣдняго, состоялъ въ томъ, что Галлы изгнали Франковъ. Почти также

далеко проводитъ Тьерри эту борьбу и въ Англіи. Когда, послѣ битвы при Гастингсѣ Норманны сдѣлались поработителями Англіи, они долгое время стояли враждебнымъ лагеремъ среди населенія Англо-Саксовъ; побѣжденные скрывались въ лѣсахъ и болотахъ и мстили только тайными убійствами. На этотъ антагонизмъ, по мнѣнію Thierry, не имѣло вліянія ни вѣковое сожительство другъ подлѣ друга, ни общность интересовъ, ни миротворная сила одной родной земли, ставшей одинаково близкою побѣдителямъ, какъ и побѣжденнымъ. Даже въ явленіяхъ XII и XIII вв., какъ напр. въ столкновеніи Оомы Бекета съ королемъ Генрихомъ II, онъ видитъ глухую, затаенную борьбу этихъ двухъ расъ.
И такъ, въ своей книгѣ, Thierry разсказываетъ какъ о завоеваніи, такъ и по преимуществу объ его слѣдствіяхъ. Сочиненіе это, несмотря на многія преувеличенія, несмотря на то, что опыты и изслѣдованія не подтвердили нѣкоторыхъ взглядовъ автора, все же остается въ своемъ родѣ классическимъ и не можетъ быть пренебрегаемо при изученіи Англійской исторіи даже и въ томъ случаѣ, если бы мы совсѣмъ перестали цѣнить литературныя и художественныя достоинства разсказа.
Противовѣсомъ сочиненію Thierry можетъ служить трудъ уже извѣстнаго F. Palgrave, служащій продолженіемъ его „Исторіи Англо-Саксонскаго періода" и носящій названіе „Исторія Нормандіи и Англіи". Сочиненіе это не вполнѣ окончено; вышло всего только три тома; несмотря на нѣкоторые недостатки формы и изложенія, оно можетъ быть названо весьма цѣннымъ и полезнымъ трудомъ. Palgrave держался взгляда, совершенно противоположнаго взгляду Thierry. По его мнѣнію, завоеваніе Англіи Норманнами должно быть разсматриваемо скорѣе какъ перемѣна династіи, чѣмъ какъ насильственное вторженіе и порабощеніе. Вильгельмъ Завоеватель, говоритъ онъ, явился

въ Англію не только съ войскомъ, но и съ законными притязаніями на престолъ, опираясь на завѣщаніе короля Эдуарда. Еще больше преемственность и непрерывность развития обнаруживается въ политическихъ учрежденіяхъ; по мнѣнію Пальгрева, главныя основанія государственного быта Англіи коренятся въ Англо-Саксонскомъ періодѣ. И это сочиненіе, также какъ и книга Thierry, не требуетъ особенныхъ поясненій. Съ перваго взгляда очевидно, что оба автора толкуютъ историческія событія весьма односторонне: одного увлекаетъ идея революцій, вѣковой борьбы, непримиримой ненависти побѣжденнаго, униженнаго къ побѣдителю и угнетателю; другой разбираетъ факты преимущественно со стороны юридической.
Разобравъ взгляды Thierry и Palgrave, необходимо перейти къ одному новѣйшему сочиненію, авторъ котораго старается по возможности сгладить эти два противоположныя мнѣнія. Сочиненіе это принадлежитъ англійскому писателю Фриману (Freeman) и носитъ названіе „The history of the Norman conquest". „Исторія норманнскаго завоеванія". Оно появилось недавно въ количествѣ 5ти большихъ томовъ и уже имѣетъ два изданія. Планъ этого труда весьма обширенъ: авторъ задался цѣлью примирить два противоположные взгляда на исторію Англіи. Первый томъ посвященъ изложенію исторіи древняго Англо-Саксонскаго періода; во второмъ томѣ авторъ разсказываетъ исторію царствованія короля Эдуарда; третій томъ - центральный, содержитъ событія 1066 года; четвертый томъ посвященъ правленію Вильгельма Завоевателя въ Англіи; наконецъ, пятый - слѣдствіямъ завоеванія и отвѣту на вопросъ: какъ долго продолжала существовать вражда между побѣжденными и побѣдителями?
Разбирая воззрѣнія Thierry и Palgrave, Фриманъ говоритъ, что оба они правы до извѣстной степени, правы въ томъ, что говорятъ, но неправы въ томъ, что умалчиваютъ. По

его мнѣнію, истинный и безпристрастный историкъ долженъ держаться средины между этими двумя воззрѣніями; впрочемъ, чѣмъ далѣе подвигается Фриманъ въ своемъ трудѣ, тѣмъ болѣе онъ начинаетъ симпатизировать Пальгреву и тѣмъ болѣе рѣзко относиться къ Тьерри. Что касается до антагонизма, который французскій историкъ проводитъ черезъ цѣлые вѣка, то по мнѣнію Фримана онъ уничтожился гораздо раньше и нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи Фриманъ окончательно порѣшилъ со многими заблужденіями своего французскаго предшественника. Оно содержитъ въ себѣ и критическую часть—приложенія, спеціальный разборъ разныхъ частныхъ вопросовъ, которыхъ невозможно было вводить въ разсказъ; и въ этомъ отдѣлѣ своего труда онъ показалъ обширность эрудиціи и строгость метода, не уступающія нѣмецкимъ ученымъ. Изъ сочиненій, относящихся къ исторіи Англіи, необходимо назвать еще два, исключительно занимающіяся одной важной стороной политической жизни Англіи—исторіей конституціи. Въ главныхъ чертахъ конституцію разбираютъ всѣ общія сочиненія, но болѣе серьезно и обстоятельно исторія ея разработана Гнейстомъ (Gneist). Этотъ нѣмецкій ученый занимался вообще англійской конституціей и въ трудѣ своемъ изложилъ подробный разборъ ея; кромѣ этого, въ приложеніи къ своей книгѣ онъ разсмотрѣлъ всю исторію Англійскаго самоуправленія (self-governement.)
Еще важнѣе „Constitutionel history of England"—„Конституціонная исторія Англіи", Stubbs (Стѣбса), излагающій въ трехъ томахъ исторію образованія и развитія англійской конституціи въ Среднихъ вѣкахъ. Болѣе для насъ подходящимъ и подручнымъ можетъ быть другое изданіе по этому же предмету, того-же автора, носящее заглавіе „Select-charters" („Избранныя хартіи"). Эта книга представляетъ родъ исторической хрестоматіи для изученія даннаго предмета, т. е. содержитъ въ извлеченіи, а иногда и вполнѣ главнѣйшіе основные

акты или документы, объясняющіе развитіе англійской конституціи, напр. magna charta libertatum x). Впрочемъ, есть извлеченія и изъ литературныхъ источниковъ; такъ, въ самомъ началѣ помѣщены выписки изъ „Germania" Тацита; сверхъ того, книга заключаетъ введеніе и краткое обозрѣніе исторіи англійской конституціи, написанное самимъ Стеббсомъ.

Послѣднее сочиненіе, на которое необходимо указать въ обозрѣніи Англійской исторической литературы есть „Описательная соціологія или группы соціологическихъ фактовъ, классифицированныя и распредѣленныя Гербертомъ Спенсеромъ. Англія. Переводъ подъ редакціей И. В. Лучицкаго. Кіевъ 1878. Изъ этого сочиненія наиболѣе подходящій къ программѣ курса отдѣлъ есть приложенія, гдѣ сообразно съ программой Г. Спенсера подобраны и классифицированы по группамъ историческіе факты. Для каждой изъ группъ, какъ-то: экономическаго соціальнаго быта, политическаго быта, группы религіозной, нравственной и т. п. собраны подходящіе факты, изложены кратко и сжато и помѣщены въ хронологическомъ порядкѣ.

Сочиненіе это, несмотря на нѣкоторые недостатки, полезно какъ для справокъ, такъ и для изученія. Что касается до недостатковъ его, то они происходятъ частью отъ отрывочнаго изложенія, отъ ненужныхъ переходовъ отъ одного сочиненія къ другому, частью же отъ отсутствія исторической критики нѣкоторыхъ фактовъ. Еще большій недостатокъ состоитъ въ томъ, что первая часть неполна и основы для соціологіи весьма скудны. Несомнѣнно, что нужно было собрать гораздо болѣе фактовъ; изучить еще многія спеціальныя работы для того, чтобы описательная соціологія не представлялась явленіемъ преждевременнымъ.

---

x) Въ видѣ приложенія помѣщены даже позднѣйшіе документы, какъ-то: билль о правахъ и друг.

Изъ важнѣйшихъ сочиненій по исторіи Германіи необходимо указать прежде всего на трудъ Гизебрехта.

U. von Giesebrecht. Geschichte der deutschen Kaiserzeit. Первый томъ появился въ 1855 г. и до появленія втораго (1873 г.) выдержалъ 4 изданія. Третій и четвертый тома вышли въ 1876 и 1877 гг. Авторъ задался цѣлью изложить исторію Германской Имперіи до паденія Гогенштауфеновъ. Съ самаго появленія своего, трудъ этотъ произвелъ большое впечатлѣніе; авторъ съ первыхъ строкъ высказалъ свою патріотическую задачу. „Время Имперіи", говоритъ онъ, „есть періодъ во время „котораго народъ нашъ, сильный своимъ единствомъ, „достигъ высшаго блеска и могущества, когда онъ распоряжал„ся не только своей собственной судьбой, но повелѣвалъ и дру„гими народами; когда Германецъ высоко цѣнился и нѣмец„кое имя гремѣло славою во всѣхъ странахъ тогдашняго „міра." Эта эпоха была осуществленіемъ „единой, могучей, „великой Германіи, временемъ, когда величіе и единство нѣмец„каго отечества было не мечтой и желаніемъ, какъ теперь, „но дѣломъ и фактомъ, когда нація въ теченіи вѣковъ поль„зовалась міровымъ вліяніемъ и первою политическою ролью „на Западѣ. Великое время это и теперь еще говоритъ о „себѣ въ величавыхъ соборахъ и крѣпкихъ стѣнахъ старин„ныхъ городовъ, въ развалившихся мхомъ поросшихъ бургахъ, „разсѣянныхъ по германскимъ горамъ; въ пѣсняхъ о Минне „и о великихъ героямъ, звуки которыхъ еще и теперь намъ „понятны. По полямъ и лѣсамъ, по холмамъ и долинамъ „нѣмецкой земли идутъ о немъ безчисленныя преданія." Изъ этихъ почти восторженныхъ словъ ясно видѣнъ основной взглядъ автора. Онъ смотритъ на время Имперіи, какъ на самую блистательную эпоху германской исторіи, эпоху, повтореніе которой должно быть желаемо каждымъ истиннымъ патріотомъ. Оттого-то имена Оттоновъ, Генриховъ, надѣвавшихъ въ Римѣ корону императоровъ, представляются Гизебрехтомъ въ пурпурѣ и блескѣ. Это патріотическое

Греч. литер. ст. Муромцева. стр. 100.

произведеніе, мыслями написанное художественнымъ языкомъ, дышащее сильнымъ, глубокимъ и искреннимъ чувствомъ, имѣло большое значеніе для Германіи.
Взглядъ Гизебрехта не былъ, впрочемъ, принимаемъ всѣми. Чтобы познакомиться съ точкой зрѣнія его критиковъ, укажемъ на важнѣйшаго изъ нихъ, нѣмецкаго историка Зибеля (Heinrich Sybel), читавшаго публичныя лекціи о новѣйшихъ сочиненіяхъ по исторіи Германіи и потомъ полнѣе изложившаго свои воззрѣнія въ сочиненіи: "Die deutsche Nation und das Kaiserreich". Имѣя въ виду трудъ Гизебрехта, онъ говорилъ: "Нѣкоторые новѣйшіе историки, представляя средневѣковую Германскую Имперію, какъ самый блестящій періодъ нашей національной исторіи, смотрятъ на дѣло съ невѣрной точки зрѣнія: Имперія, съ самого начала ея, непрестанно стремилась ко всемірному теократическому господству, къ универсальной роли и вліянію; Императоры наши хотѣли быть повелителями не нѣмецкой, но священной Римской Имперіи, преслѣдуя такимъ образомъ цѣли, выходившія изъ рамокъ народныхъ Германскихъ интересовъ и забывая существенныя нужды своей земли. Онъ указывалъ, что одною изъ главныхъ задачъ Германіи въ Средніе вѣка должно было быть покореніе славянскихъ земель, но Императоры забывали объ этомъ важномъ дѣлѣ для Рима. Кромѣ того, говоритъ онъ, исторія можетъ спросить, почему эта блестящая имперія, покрывая славой нѣмецкое имя, рухнула разомъ, позорно, оставивъ націю униженною?"
Вопросъ этотъ вызвалъ жаркую полемику, въ которой подкладкою были уже не столько научныя, сколько политическія тенденціи. Извѣстно, что въ Германіи были двѣ партіи: Велико-Германская и Мало-Германская; первая мечтала о созданіи огромной нѣмецкой имперіи, идеаломъ и образцомъ которой была Средневѣковая. Мало-Германская партія задавалась менѣе широкими цѣлями и желала

объединенія только собственной Германіи, поставивъ во главѣ союза Пруссію; къ этой партіи отчасти принадлежалъ и Зибель. Какъ извѣстно, вопросъ былъ рѣшенъ больше въ пользу партіи мало-германской, но объединенная Германія все-таки получила титулъ Имперіи.

Дополненіемъ къ труду Гизебрехта могутъ служить слѣдующія книги:

C. Prutz. Kaiser Friedrichs I. 3. Bd. 1871-73.

Winkelmann. Geschichte Kaiser Friedrichs des Zweiten.

Schirrmacher. Kaiser Friedrich der Zweite. 1859.

Jahrbücher der deutschen Geschichte.

Sugenheim. Geschichte des deutschen Volks und seiner Kultur. Bd 1-3. Leipzig, 1866. Эта книга написана съ большимъ знаніемъ дѣла, съ частыми ссылками на источники, но иногда страдаетъ излишкомъ устарѣлаго раціонализма во вкусѣ XVIII вѣка, когда религію считали изобрѣтеніемъ жрецовъ и всѣ почти дѣйствія духовенства и папъ объясняли обманомъ, лицемѣріемъ и властолюбіемъ. Авторъ ея (Еврей), вообще лишенный чувства мѣры и достоинства въ своихъ отзывахъ о церкви и христіанскихъ епископахъ, иногда впадаетъ въ тонъ грубый и вульгарный. Вообще это сочиненіе, хотя и не совсѣмъ удовлетворяетъ требованіямъ историческаго изложенія, но тѣмъ не менѣе можетъ быть прочтено съ пользою.

David Müller. Geschichte des deutschen Volks. 5. Ausg. 1874.

Въ связи съ исторіей средневѣковой Германіи стоитъ вопросъ о борьбѣ папской власти съ императорами. Изъ наиболѣе полезныхъ сочиненій по этому вопросу слѣдуетъ указать:

Кудрявцевъ. Судьба Италіи отъ паденія Зап. Рим. Имперіи до возстановленія ея Карломъ Великимъ. Обозрѣніе остготскаго и лангобардскаго періодовъ италіанской исторіи. Москва. 1850. Рецензію на это сочиненіе см. въ полномъ собраніи сочиненій Грановскаго.

Bryce. The Holy roman empire. Существуетъ и въ нѣм

комъ переводѣ: Das heilige römische Reich. Въ своемъ трудѣ авторъ въ краткомъ и сжатомъ видѣ описываетъ, что собственно значила св. Римская Имперія, откуда ея начало и въ чемъ состояла ея связь съ средне-вѣковою жизнью.
Wattenbach. Лекціи объ исторіи папства, читанныя на женскихъ курсахъ въ Берлинѣ.

Этнографическій очеркъ Средневѣковой Европы.
Выводы научныхъ изслѣдованій о Кельтахъ.
Пособія. Amedée Thierry. Histoire des Gaulois depuis les temps les plus reculés jusqu'à l'entière soumission de Gaule à la domination romaine 3 vol. 4e édition. 1857.
Мильнъ-Эдвардсъ. Письмо къ А. Тьерри о физіологическихъ признакахъ человѣческихъ породъ, переведено на русскій яз. Грановскимъ (въ 1м томѣ его сочиненій и въ Магазинѣ Землевѣдѣнія, т. I.)
Belloguet. Ethnogénie Gauloise. 3 parties.
Revue celtique, спеціальный журналъ, всесторонне занимающійся разслѣдованіемъ вопроса о Галлахъ или Кельтахъ.

Первоначальныя свѣдѣнія о Галлахъ даетъ намъ Юлій Цезарь. Въ первой главѣ своихъ „Comm. de Bello Gallico", онъ говоритъ, что Галлія раздѣляется на 3 части: Белгію, Аквитанію и собственно Галлію, жители которой называютъ себя Кельтами. Галлы отдѣлены отъ Аквитановъ рѣкою Гаронной, отъ Белговъ же — рѣками Марной и Сеной. x) Констатируя различіе этихъ племенъ, Цезарь говоритъ, что Галлы и Белги разнились между собою также, какъ Белги и Аквитаны. Страбонъ же полагаетъ это различіе только между Аквитанами и прочими Галлами." Принимая въ самомъ

---

x) Описывая географическое положеніе этихъ племенъ, Страбонъ говоритъ, что Галлы живутъ на югѣ отъ Гаронны, Белги же - между Рейномъ и Луарой.

строгомъ значеніи указаніе Цезаря на различіе между Галлами и Белгами, Thierry въ своемъ изслѣдованіи указываетъ на двѣ родственныя расы, отличавшіяся между собой только языкомъ. Опираясь на свидѣтельство того же Ю. Цезаря, который говоритъ: „приморская часть Британіи населена тѣми, которые для добычи и войны пришли изъ Белгіи", Thierry обращаетъ преимущественное вниманіе на Англію, гдѣ дѣйствительно находитъ остатки древнихъ Белговъ, въ княжествахъ Валлисѣ и Корнвалисѣ. Жители этихъ княжествъ называютъ себя Кимрами и языкъ свой Кумчаїд; основываясь на этомъ, Thierry полагаетъ, что древніе Белги называли себя также Кимрами. Кромѣ того, въ сѣверной Шотландіи и Ирландіи существуютъ также остатки Галльскаго племени, называющіе себя Гаелами или Гаделами и Ам. Thierry полагаетъ видѣть въ нихъ остатки населенія, родственнаго съ тѣми древними жителями Франціи, которыхъ Цезарь помѣщалъ въ центрѣ Галліи и называлъ Кельтами или Галлами въ тѣсномъ смыслѣ. Какъ въ настоящее время нарѣчія Валлиса и Ирландіи разнятся между собою, также, по словамъ А. Thierry, разнились въ древности нарѣчія Галловъ и Белговъ.

Эта теорія вызвала нѣсколько сочиненій, весьма важныхъ для исторической литературы. Пораженный новымъ взглядомъ Thierry, англійскій натуралистъ Мильнъ-Эдвардсъ началъ наблюдать за населеніемъ нынѣшней Франціи и нашелъ два совершенно разные типа устройства черепа и лица, которые онъ описываетъ слѣдующимъ образомъ: „Первый типъ представляетъ округленную, приближающуюся къ сферической формѣ голову, лобъ средній, немного выпуклый и опускающійся къ вискамъ, глаза большие и открытые. Носъ, начиная съ переносицы, почти прямой, безъ значительнаго изгиба, конецъ носа и подбородокъ закругленные, ростъ средній; глаза и волосы черные; лицо смуглое. Второй типъ представляетъ продолговатую голову, лобъ возвышенный и широкій, носъ

„горбатый и загнутый къ низу, ноздри вздернутыя, подбородокъ „большой и выдающійся впередъ, ростъ высокій, глаза голубые „или серо-голубые." Первый типъ Эдвердсъ призналъ за Галльскій, второй - за Кимрскій и всѣ свои изслѣдованія по этому вопросу изложилъ въ письмѣ къ Am. Thierry. По его словамъ, оба эти типа встрѣчаются до сихъ поръ во Франціи, съ преобладаніемъ одного въ Сѣверо-Восточной ея части, другого же - на Западѣ. Такимъ образомъ мнѣніе Thierry о двойственности Галльскаго элемента было подтверждено антропологическими изслѣдованіями и долго считалось за достовѣрное. Всестороннимъ изслѣдованіемъ этого же вопроса занялся французскій ученый Belloguet и въ сочиненіи своемъ „Ethnogénie Gauloise" пришелъ къ совершенно другимъ выводамъ. Въ первомъ томѣ своего сочиненія Belloguet собралъ по возможности всѣ остатки языка древнихъ Галловъ; онъ нашелъ 320 сл., сохраненныхъ намъ древними писателями. Разобравъ ихъ сравнительно съ существующими донынѣ говорами, онъ пришелъ къ такому результату, что по крайней мѣрѣ 1/3 могутъ быть объяснены и Кимрскимъ и Гадельскимъ нарѣчіемъ. Уже это говоритъ противъ дуализма Галльскаго языка и народа древней Галліи. Второй томъ сочиненія посвященъ изученію физіологическихъ признаковъ и носитъ заглавіе „Галльскіе типы". Вотъ выводы, къ которымъ пришелъ Belloguet посредствомъ полной провѣрки всѣхъ тѣхъ мѣстъ у древнихъ писателей, гдѣ такъ или иначе характеризуются Галлы съ внѣшней стороны, провѣрки, подкрѣпленной многочисленными краніологическими наблюденіями: (изученіемъ череповъ старыхъ и новыхъ.)

„Мы можемъ резюмировать свѣдѣнія, нами собранныя о предметѣ „нашего изученія, говоритъ онъ, и должны представлять себѣ „Галловъ первыхъ временъ ихъ исторіи - людьми высокаго роста, „съ очень сильными членами, съ бѣлымъ цвѣтомъ кожи, съ „волосами длинными и свѣтлыми, красными (rouge), хриплымъ (rauque) и громающимъ голосомъ, страшнымъ взглядомъ и глазами [illegible]ятно голубыми. Одаренные большой муж-

„кулюной силой и яростной стремительностью въ аттекахъ; они
„не имѣли энергіи, чтобы выдержать долгій бой; имъ недоста-
„вало бодрости и терпѣнія, чтобы перенести утомленіе или
„продолжительный трудъ. Конечно, съ точки зрѣнія антропо-
„логической, это все черты поверхностныя, болѣе или менѣе
„мѣняющіяся съ климатомъ, пищею и успѣхами цивили-
„заціи. Тутъ не оказывается никакого наблюденія остеологи-
„ческаго, ничего такого, что касалось бы образованія черепа,
„или даже чертъ и пропорціи лица. Однако, эти черты дос-
„таточны въ нашихъ глазахъ, какъ и въ глазахъ всѣхъ древ-
„нихъ, для того, чтобы отличать совершенно Галловъ отъ
„всѣхъ южныхъ народовъ и чтобы дать право на слѣдую-
„щія заключенія:
1) Физическія черты, приписываемыя древними греческими и рим-
„скими писателями Галльской расѣ, вездѣ однѣ и тѣ же,
„въ Бельгіи, какъ и въ самомъ сердцѣ Цизальпинской Галліи,
„при подошвѣ Аппениннъ, какъ и въ Бретани. Онѣ обнару-
„живаютъ и опредѣляютъ одинъ и тотъ же типъ, который
„не знаетъ въ немъ другого измѣненія, кромѣ постепеннаго
„ослабленія, которое можно слѣдить отъ юга къ сѣверу
„и которое сближало ихъ все болѣе и болѣе съ южными
„населеніями. Это единство типа, не позволяющее отличить
„древняго Бельга отъ собственно Галла, ни отъ сѣверныхъ
„Галатовъ Діодора, Сеноновъ Италіи и которое потомъ об-
„наружится изъ знакомства съ произведеніями классической
„скульптуры — это единство ведетъ къ необходимому заклю-
„ченію о полномъ тождествѣ расъ. И такъ, физіологія приво-
„дитъ насъ къ тому же, какъ и филологія. Такимъ образомъ
„сокрушается и падаетъ знаменитый дуализмъ Галль-
„скій Амедея Тьерри и это знаменитое различіе между
„Кимри и Galles, которое Эдвардсъ доказывалъ открытіемъ
„ихъ соотвѣтствующихъ типовъ; различіе, которое допуще-
„но было какъ un article de foi всѣми нашими изслѣдова-
„телями, хотя оно было совершенно неизвѣстно древнимъ

относительно Бельговъ и Галловъ.
2) „Но за то этотъ же результатъ находится въ прямомъ „противорѣчіи съ главными выводами, къ которымъ приводитъ „филологическое изученіе. Языкъ доказываетъ совершенное раз„личіе Германской расы и Галльской, между тѣмъ невозмож„но отрицать сходство ихъ физіологическихъ типовъ. Необхо„димо признать, что физіологія сближаетъ два племени, „раздѣляемые языкомъ.

„Все различіе состоитъ развѣ въ томъ, что наши свѣдѣнія да„ютъ Германской расѣ, съ ея голубыми глазами, волоса еще бо„лѣе свѣтлые, ростъ еще болѣе высокій и слабость мускуловъ (mollesse de fibres) меньшую, такъ что она дѣлала возмож„нымъ перенесеніе большихъ трудовъ. И такъ, вотъ наши „Галлы, къ великой радости нѣмецкихъ ученыхъ (Моне и Гольц„мана), стоявшихъ за принадлежность Кельтовъ къ великой „нѣмецкой семьѣ, готовы превратиться въ Германцевъ.

3) „Наконецъ третій выводъ, поразительной, есть только простое „констатированіе факта для всѣхъ очевиднаго, т.е. что типъ „Галльскій, разсматриваемый въ своей совокупности такимъ, „какъ его описали древніе, совершенно изчезъ въ трехъ четвер„тяхъ Франціи и за рѣдкими исключеніями встрѣчается „развѣ только въ очень ослабѣвшемъ видѣ то въ Бретани, то въ „нѣкоторыхъ изъ сѣверныхъ департаментовъ. Онъ лучше всего „сохранился въ Бельгіи, особенно во Фландріи. Но чѣмъ это „объясняется? Тѣмъ же, чѣмъ и въ Нормандіи — вліяніемъ „многочисленныхъ Германскихъ элементовъ. Къ этимъ пос„лѣднимъ, скорѣе чѣмъ къ Галльской крови восходитъ вѣроят„но высокій ростъ, бѣлокурые волосы, голубые глаза большей „части этихъ населеній. Какимъ же образомъ изчезъ во Фран„ціи этотъ типъ, столь замѣтной, бывшій предметомъ „постоянныхъ наблюденій древности, такъ что несмотря на „всяческую смѣсь господствуютъ все таки физическія черты „южныхъ народовъ даже и въ сѣверныхъ провинціяхъ Франціи? „Какія причины вызвали такое удивительное превращеніе, ко-

„торое началось, впрочемъ, еще прежде Римскаго завоеванія и,
„ несколько разъ останавливаемое Германскими поселеніями,
„ все таки продолжало свой начатый процессъ? Но прежде
„ чѣмъ отвѣчать на этотъ вопросъ, дополнимъ наблюденія.
„ Мы имѣемъ оставшіяся изъ глубокой древности медали, мо-
„ неты. Всѣ изображенія ихъ, символическія или представля-
„ ющія какое либо Греческое или Римское божество, проходя
„ черезъ руки Галльскихъ монетчиковъ, принали нѣкоторыя націо-
„ нальныя черты, отличительнымъ характеромъ которыхъ
„ оказывается продолговатая голова и выпуклый изгибъ носа.
„ Изображенія на знаменитой Ариминійской бронзѣ (aes grave
„ de Rimini), найденной въ Умбріи, представляютъ также
„ продолговатыя лица, признанныя за Галльскія и служатъ
„ лучшими выразителями искомаго нами типа. Головы
„ этихъ изображеній продолговаты; лобъ, немного подаю-
„ щійся назадъ, соединяется по прямой линіи съ носомъ, без
„ всякаго углубленія при началѣ послѣдняго; самая форма
„ носа представляется слегка изогнутой и конецъ его круто
„ загнутымъ къ низу; губы - нижняя и верхняя, выступаютъ на
„ одной линіи вслѣдствіе усѣч... ... ...; наконецъ под-
„ бородокъ, значительно отстающій отъ ..., кругловатой формы.
(Belloguet: Ethnogénie Gauloise, II, 20.)
Итакъ, эти Ариминійскія головы, несомнѣнно Галльскаго ти-
па, но описаніе ихъ, развѣ съ небольшимъ отличіемъ носа,
больше всего подходитъ подъ тотъ типъ, который Эдвардсъ
и Тьерри назвали Кимрами. Отъ него же должны мы про-
изводить жителей теперешней Франціи, особенно южныхъ
ея областей? Древне-галльскаго типа мы не встрѣчаемъ
во Франціи, а однако, во многихъ другихъ отношеніяхъ мы
не можемъ не признать Французовъ прямыми наслѣдни-
ками Галловъ. Настоящій и единственный Галльскій типъ
есть тотъ, который Тьерри и Эдвардсъ называли Кимрскимъ.
Однако, нельзя отвергать - и Belloguet не отвергаетъ, - существо-
ванія въ самой древности другого типа, родственнаго съ

тыми, который Тьерри и Эдвардсъ считали собственно Галльскимъ; только это уже будетъ не Кельтскій или Галльскій типъ, а чей-то другой.

Вопросъ о Галльскомъ единствѣ или же двойственности выставляется на видъ и новѣйшими археологическими изслѣдованіями. Французскій ученый Alexandre Bertrand, въ своей небольшой статьѣ „Conférence sur les populations primitives de la Gaule" помѣщенной въ Revue Archéologique, 1878. Août p. 112, представилъ результаты поисковъ въ курганахъ и гробницахъ Бельгіи и Франціи, свайныхъ постройкахъ озеръ Цюрихскаго, Neuchâtel и Bienne, словомъ, резюмировалъ все, что до сихъ поръ сдѣлала археологія по этому вопросу. Опираясь на неопровержимыя археологическія данныя, Bertrand пришелъ къ двойственности не только типа, но и цивилизаціи.

„Если провести линію отъ Марселя къ Брюсселю черезъ Дижонъ, то мы получимъ, говоритъ онъ, приблизительно вѣрную границу двухъ археологическихъ областей и двухъ цивилизацій. На востокѣ безраздѣльно царствуютъ курганы. Здѣсь же встрѣчаются большія кладбища, въ которыхъ трупы зарывали въ землю. На западѣ — дольмены господствуютъ въ поразительной пропорціи. Очевидно, что такое рѣзкое разграниченіе памятниковъ, разнообразныхъ по своей формѣ, но одинаковыхъ по назначенію, не можетъ быть дѣломъ случая. Мы должны видѣть въ немъ слѣды двухъ народностей, существенно отличавшихся другъ отъ друга нравами, обычаями, вѣроятно и происхожденіемъ.

„Начнемъ съ Запада. Что находимъ мы подъ этими плитами, нагроможденными въ видѣ комнатъ? Смертные останки предковъ, трупы въ сидячемъ или лежачемъ положеніи (accroupis ou allongés). Около головы, въ ногахъ скелета, вокругъ него, разбросана глиняная посуда (poteries), обдѣланные кремни, острія стрѣлъ, топоры полированнаго камня, иногда очень твердаго, иногда же сдѣланные изъ драгоцѣн-

„наго восточнаго нефрита. Иногда здѣсь же встрѣчаются жем-
„чужныя ожерелья, особый видъ бирюзы (callaïs) и ожерелья изъ
„янтаря, что можетъ служить доказательствомъ распростра-
„ненности торговыхъ сношеній этихъ народовъ: извѣстно, что
„callaïs добывается съ Кавказа, а янтарь изъ Балтійскаго
„моря. Между этими каменными предметами иногда, но
„очень рѣдко, попадаются вещи изъ бронзы и золота; мы на-
„ходимся въ присутствіи цивилизаціи, по справедливости зас-
„луживающей названіе каменной.
„Обратимся теперь къ свайнымъ постройкамъ Цюрихскаго и
„Констанцскаго озеръ; гдѣ преобладаютъ тѣ же каменные инс-
„трументы, которые мы видѣли въ дольменахъ. Рядомъ съ
„каменными топорами, въ такомъ же пластѣ земли, какъ
„и во Франціи, здѣсь встрѣчаемъ мы остатки животныхъ,
„спутниковъ человѣка, остатки обуглившихся растеній, зер-
„на и т. п. Эти растенія, эти зерна, эти остатки животныхъ
„показываютъ намъ, что человѣкъ каменной цивилизаціи
„держалъ возлѣ себя собаку, лошадь, свинью, козу, овцу, быка,
„т. е. главнѣйшихъ домашнихъ животныхъ; что онъ охотился
„на лань, косулю, оленя, кабана, лисицу, каменнаго барана,
„и т. п. Глиняные сосуды, упавшіе въ воду въ ту эпоху, со-
„держатъ: пшеницу, ячмень, овесъ, горохъ, чечевицу, вишни,
„яблоки, сѣмена земляники и малины. И такъ, земля вок-
„ругъ озеръ обрабатывалась; люди каменной цивилизаціи
„были земледѣльцами и пастухами, выдѣлывали себѣ тка-
„ни изъ льна и коры, но вмѣстѣ съ тѣмъ не призирали и
„охоты.
„Перейдемъ теперь на Востокъ, въ область кургановъ. Здѣсь, на-
„ряду съ особымъ способомъ погребенія, мы встрѣчаемъ и но-
„вый родъ цивилизаціи, новую утварь. Каменный топоръ,
„ожерелье изъ callaïs и янтаря изчезаютъ; на мѣсто ихъ,
„мы находимъ бронзовые и желѣзные мечи, пояса и нагруд-
„ники изъ бронзы, остатки деревянныхъ щитовъ, отдѣлан-
„ныхъ бронзой и желѣзомъ, каски, ожерелья изъ бронзы, желѣза

„и золота, ручные и ножные браслеты изъ тѣхъ же металловъ,
„булавки и шпильки, обломки колесницъ, иногда богато ук-
„рашенныя.
„Мы находимся въ области цивилизаціи индо-европейской.
„Важность этихъ фактовъ, несомнѣнно достовѣрныхъ, очевид-
„на для каждаго. Мы можемъ считать вполнѣ вѣрными
„слѣдующіе выводы изъ вышеупомянутыхъ археологическихъ дан-
„ныхъ: Въ началѣ, и преимущественно на Западѣ, населяла
„Галлію группа народностей, достигшихъ извѣстной степе-
„ни культуры, хотя еще не умѣвшихъ разрабатывать мета-
„лы. Впослѣдствіи, въ историческое время, явилась другая группа,
„обрабатывающая бронзу, желѣзо и золото; эта вторая груп-
„па сначала исключительно занимала восточную часть Фран-
„ціи. Обѣ эти цивилизаціи существовали другъ подлѣ друга
„и имѣли происхожденіе различное; мы не можемъ никакъ
„считать вторую наслѣдницею первой.
„Эти два пояса, эти двѣ столь различныя археологическія облас-
„ти продолжаются и внѣ Франціи. Мегалитическіе памят-
„ники тянутся во всѣхъ сѣверныхъ странахъ: Ирландія, Ан-
„глія, Шотландія, Данія, Швеція и южные берега Балтійска-
„го моря въ большомъ количествѣ обладаютъ ими. Курганы,
„аналогичные французскимъ, тянутся по ту сторону Рейна
„и занимаютъ часть древней Германіи, гдѣ никогда не встрѣ-
„чалось ни одного мегалитическаго памятника. И такъ,
„какъ во Франціи, такъ и внѣ ея, эти два пояса сохраняютъ
„свое очевидное, рѣзкое различіе.
„Нѣтъ сомнѣнія, говоритъ Bertrand, что цивилизація желѣза
„и бронзы, эпоха кургановъ - есть эпоха Галльская. Принесли
„ее съ собой и водворили въ самомъ сердцѣ Европы тѣ Галлы
„или Галаты, которые въ III и IV ст. до христіанской эры
„явились съ востока и вторглись въ Италію. Откройте Поли-
„бія, Страбона, Діодора, Тита Ливія, Плутарха; посмотрите
„на Галльскія монеты, на статуи и памятники: Эти мечи
„и продолговатые деревянные щиты, эти каски и копья,

"нагрудники изъ бронзы и золотые браслеты, находимые въ нашихъ курганахъ, не были ли они описаны древними авторами, какъ вооруженіе Галловъ? И такъ, наши курганы-курганы Галльскіе.

Bertrand опредѣляетъ кромѣ того, даже время пришествія этого народа, погребавшаго своихъ мертвыхъ съ курганами. "Въ курганахъ Weissenkirchen'a, Rodenbach'a, Dürkheim'a, говоритъ онъ, найдены между прочими вещами этрускія вазы, золотыя драгоцѣнности артистической работы, на которую сами варвары, конечно, не были способны. Эти вазы, эти драгоцѣнныя золотыя кольца и браслеты относятся ко времени развитія Этрускаго искусства, къ III и преимущественно IV ст. до Р. Хр. т. е. ко времени Галльскаго нашествія. (Bertrand. Conférence sur les populations primitives de la Gaule.)

Слѣдовательно, археологія подтвердила до нѣкоторой степени мнѣніе Thierry о двойственности того элемента, который первоначально населялъ Францію. Если мы сопоставимъ вышеизложенные выводы Belloguet съ археологическими данными, то должны будемъ признать несомнѣннымъ, что Галльское племя утвердилось во Франціи и оставило тамъ многочисленные памятники, относящіеся къ періоду бронзовому. Остается рѣшить теперь слѣдующій вопросъ: къ какому племени принадлежала другая часть населенія Франціи, столь различная отъ Галловъ и языкомъ и культурой, что это было за племя черноволосыхъ, малорослыхъ и смуглыхъ людей, отъ которыхъ ведетъ свой родъ большинство теперешнихъ Французовъ?

Мы можемъ съ достовѣрностью отвѣтить на этотъ вопросъ, сказавъ, что кромѣ Галловъ и прежде ихъ, значительную часть Франціи занимали Иберы, остатки которыхъ существуютъ и теперь въ Испаніи, на западныхъ склонахъ Пиринейскихъ горъ и извѣстны подъ именемъ Басковъ. Обращаясь къ языку этихъ Басковъ, мы видимъ, что названія нѣкоторыхъ урочищъ, рѣкъ, горъ южной Франціи (древней Аквитаніи)

ложко могутъ подойти и быть отнесены къ упомянутому язы-
ку, что даетъ неоспоримое право предполагать древнѣйшимъ
мѣстомъ поселенія Иберовъ Аквитанію. И такъ, въ жилахъ Фран-
цузовъ течетъ несомнѣнно Иберійская кровь. Но рядомъ съ этимъ
утвержденіемъ невольно возникаетъ вопросъ: возможно ли вообще
происхожденіе французовъ отъ этихъ Иберовъ, говорившихъ язы-
комъ, столь не сходнымъ съ флективными Индо-европейски-
ми языками, - языкомъ агглютинирующимъ?
Посмотримъ прежде всего, откуда пришли Иберы? Языкъ ихъ,
какъ агглютинирующій, съ одной стороны сходенъ съ нарѣчі-
ями аборигеновъ Америки, съ другой же - съ языкомъ Фин-
новъ. Сходство это подало поводъ къ различнымъ гипотезамъ;
нѣкоторые ученые вели Иберовъ изъ Америки, допуская для
состоятельности своего предположенія существованіе упоми-
наемаго Платономъ острова Атлантиды. Другое мнѣніе ве-
ло Иберовъ изъ Африки, через Атласскую возвышенность, под-
тверждая свои доводы сходствомъ ихъ физіологическаго стро-
енія съ Берберами, жителями склоновъ Атласа. Наконецъ
третье предположеніе, казавшееся наиболѣе вѣроподобнымъ
говорило, что Иберы - остатки Финновъ. Предположеніе это
съ одной стороны подтверждалось фактомъ, что до прихо-
да Кельтовъ и Германцевъ Финны представляли почти сплош-
ное населеніе сѣверной, сѣверо-восточной и западной Европы,
съ другой же стороны разбивается строеніемъ череповъ, такъ
какъ первые брахикефалы, вторые же - долихокефалы.
Такимъ образомъ и эта третья теорія о происхожденіи Ибе-
ровъ подвергается сомнѣнію; несомнѣнно только одно, что
Иберы въ древнее время были распространены очень далеко;
они жили до самой рѣки Роны во Франціи, такъ что, несмо-
тря на видимый протестъ языка, можно съ большимъ
вѣроятіемъ допустить положительное участіе Иберійска-
го элемента въ образованіи Французской національности,
нежели отрицательное.
Рядомъ съ Иберами, необходимо упомянуть и о сосѣдяхъ ихъ,

жившихъ сначала слитанно съ ними, а потомъ отошедшихъ дальше. Это соседнее Иберамъ племя - Лигуры, имеютъ и въ настоящее время представителей своихъ въ лицъ жителей Сардинии. Въ древности они жили на западныхъ и северо-западныхъ склонахъ Апенинскихъ горъ въ нынешнемъ Пьемонтъ и въ южной Франции въ области реки Роны, где они встречались съ Иберами; название р. Луары (Ligera), даетъ право предполагать, что они были распространены еще гораздо дальше, а некоторые французские изследователи находили следы ихъ даже въ Англии, отождествляя съ ними Loëgrië'ов. Языкъ этого племени совершенно изчезъ, за исключениемъ 2х, 3х словъ, изъ которыхъ невозможно вывести никакого заключения. Пользуясь этимъ отсутствиемъ остатковъ языка, некоторые ученые сближали Лигуровъ съ Иберами и говорили, что это было одно и то же племя, но мнение это ложно, потому что Лигуры, - судя по ихъ представителямъ Сардамъ, - были короткоголовы.

Необходимо помнить, что къ историческому времени, ко времени поселения и утверждения Римлянъ въ Галлии и Италии, ни Иберы, ни Лигуры не существовали уже въ полной чистоте своего первоначального типа. Въ Средней Франции они были покорены Кельтами и смешались съ ними, чемъ поясняется и встречающееся часто у древнихъ писателей название Кельт-Иберы.

Сделавъ краткий этнографический очеркъ Галлии, обратимся теперь къ Галламъ исторического времени; разсмотримъ, въ какомъ отношении теперешние французы могутъ быть названы прямыми наследниками ихъ? Для решения этого вопроса, постараемся выдвинуть главнейшия черты нравственного характера древнихъ Галловъ изъ техъ описаний, которыя оставили намъ древние авторы.

Галлы такъ отличались, по словамъ Цицерона, природою и обычаемъ отъ прочихъ народовъ, что древние писатели безъ труда могли уловить все особенности ихъ характера и

мы можемъ изобразить его собственными ихъ словами почти безъ всякихъ прибавленій.

Камиллъ у Тита Ливія называетъ ихъ націей, которой природа дала тѣло и духъ болѣе великіе, чѣмъ крѣпкіе и твердые (corpora animosque magna magis, quam firma). Величіе духа, которое признавали за Галлами древніе происходило преимущественно отъ ихъ необыкновенной впечатлительности и живости, которыя были основными качествами ихъ натуры и которые, при томъ, не уживались съ твердостью и крѣпкимъ храненіемъ однажды принятыхъ обычаевъ. „Всякій, кто только хочетъ, и подъ какимъ бы то ни было предлогомъ", говоритъ Страбонъ, „легко можетъ возбудить и воодушевить Галловъ и тогда они готовы на всякую „опасность; впрочемъ, поддаваясь легко убѣжденіямъ, они „предаются и полезнымъ занятіямъ, такъ что легко при„вязываются и къ ученью, и къ литературѣ. (Strabo, IV, 4)

„Благодаря необыкновенной впечатлительности Галловъ, „виновники новыхъ замысловъ пользовались у нихъ всегда боль„шимъ авторитетомъ и даже самые невѣрные слухи и раз„сказы производили на нихъ сильнѣйшее впечатлѣніе (Caes. VII, 32) „Взволнованные всѣмъ, что они слышали такимъ образомъ, „они по первому же впечатлѣнію всегда принимали свои „рѣшенія даже и на счетъ важнѣйшихъ дѣлъ —, рѣшенія, въ „которыхъ имъ приходилось тотчасъ же раскаяваться, такъ „какъ вскорѣ оказывалось, что они поддались невѣрнымъ слу„хамъ и разсказчики нерѣдко отвѣчали имъ такъ, какъ они „сами того желали. (Caesar. IV, 3)

И такъ, рѣшенія Галловъ обыкновенно отличались скоростью и внезапностью. Получивъ какое либо извѣстіе, они не давали себѣ ни малѣйшаго времени для разузнанія истины, а тотчасъ же приступали къ дѣйствіямъ, хотя бы отъ нихъ могла зависѣть ихъ судьба; эта способность ихъ увлекаться первымъ впечатлѣніемъ и подъ его вліяніемъ немедленно приниматься за дѣло была тѣмъ болѣе опасна, что они ув-

лый массой поддавались однимъ и тѣмъ же впечатлѣніямъ.
„Благодаря своему простодушію и искренности, Галлы
„легко цѣлой массой сходятся между собою и соседи всегда
„проникаются общимъ негодованіемъ съ тѣми, которые по
„читаютъ себя обиженными". (Strabo, IV, 4. Caesar, V, 27.)
Вообще, древніе писатели какъ нельзя чаще указываютъ на легковѣрность и легкомысліе, на необдуманность и безразсудство Галловъ. Полибій говоритъ, что „во всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ Галлы руководствуются не столько разумомъ, сколько „горячностью своего сердца. (Pol. II, 35.)
Слѣдствіемъ чрезвычайной впечатлительности и живости ихъ является подвижность и легкость характера, неустойчивость въ своихъ планахъ и намѣреніяхъ и, какъ выражается Цезарь,
„слабодушіе (infirmitas), mobilitas et levitas animi. Они легко переходили отъ одной крайности въ другую, такъ что все зависѣло отъ впечатлѣнія минуты. Какъ бодро и скоро они рѣшались на войну, также легко и падали они духомъ при первой неудачѣ. „Трудно рѣшить, болѣе ли надмеваются
„Галлы при мельчайшихъ успѣхахъ, или падаютъ духомъ при
„незначительныхъ неудачахъ. (Caesar, VIII, 3.)
При способности всѣмъ увлекаться, Галлы, естественно, болѣе всего увлекались самими собой и вслѣдствіе того отличались необыкновеннымъ національнымъ тщеславіемъ, заносчивостью и хвастливостью. По словамъ Верцингеторикса,
„послѣ паденія Аварика и весь земной шаръ не могъ бы устоять противъ единодушія цѣлой Галліи". (Caesar, VII, 29.)
Война съ тѣми разнообразными и живыми ощущеніями, которыя она съ собой приноситъ, особенно привлекала къ себѣ Галловъ; они любили войну для войны, а не ради ея результатовъ. Они дорожили не столько добычей, сколько военною славой и возможностью тщеславиться и хвастаться своими военными подвигами. Ливій разсказываетъ, что „широкія раны, которыя они получали въ сраженіи, нисколько
„ихъ не смущали; иногда даже сами они разрѣзали кожу,

„чтобы рана казалась шире и были заметные. Но если рана-
„была мала, а между прочимъ глубока и опасна, тогда они
„приходили въ совершенное отчаяніе. (T. Liv. XXX, VIII, 21.)

„Галлы прибивали къ своимъ домамъ лучшія части
„какъ военной, такъ и охотничьей своей добычи, а въ томъ
„числѣ и головы побѣжденныхъ враговъ. (Strab. и Diod. IV, 22.)
Кромѣ того, Галлы были какъ нельзя болѣе способны увлекаться
собственными своими разсказами и словами и вслѣдствіе того
вдаваться въ преувеличенія. Діодоръ также какъ и Цезарь пря-
мо говорятъ о склонности Галловъ къ преувеличенію для превоз-
несенія самихъ себя и для умаленія другихъ и вообще такъ ха-
рактеризуютъ ихъ краснорѣчіе: Галлы были темны и зага-
дочны, многое высказывали фигурально и любили говорить
напыщенно, свысока и торжественно. Катонъ выразился объ нихъ
такъ: „Галлы гоняются за двумя вещами: краснорѣчіемъ и воен-
ной славой."
Галлы по самой природѣ своей были военной націей, говоритъ
Страбонъ, и нѣкоторыми изъ качествъ хорошаго солдата обла-
дали они въ высокой степени; тѣмъ не менѣе однако, и въ воен-
номъ дѣлѣ обнаруживалась та же несостоятельность ихъ ха-
рактера, та же неустойчивость и непослѣдовательность, проис-
текающія отъ живости ихъ. Отзывъ Камилла о недостаточности
какъ физической, такъ и нравственной крѣпости ихъ подтвер-
ждается всей военной ихъ исторіей. „Но полноты и рыхлости
„своего тѣла, говоритъ Ливій, они наименѣе были способны пере-
носить продолжительный трудъ и зной, а особенно жажду
„и безсонницу. (T. Liv. X, 28.)
И такъ, вотъ характеристика Галловъ, единогласно высказы-
ваемая всѣми писателями древности. Посмотримъ теперь,
что говорятъ о Галлахъ и о теперешнихъ французахъ новѣй-
шіе изслѣдователи и историки.
„Кельтская, Галльская или Галатская раса, говоритъ Моммсенъ,
„получила отъ общей матери другое приданое, чѣмъ
„Италійскія, Германскія и Эллинскія ея сестры. У нея недос-

„тиетъ при многихъ хорошихъ и даже блестящихъ качествахъ
„глубокой нравственной и государственной основы, на которой
„зиждется все великое и благое въ человѣческомъ развитіи.
(Момм. I. стр. 298.)
„Для свободнаго Галла, говоритъ Цицеронъ, считалось постыднымъ
„обрабатывать поле собственными руками." Единственный
порядокъ, которому они подчиняются — военный порядокъ, въ ко-
торомъ узы дисциплины снимаютъ съ отдѣльнаго человѣка
тяжелую заботу принужденія самого себя.
„Отличительныя качества Кельтской расы, учитъ ея дѣе-
„писатель Thierry, суть личная храбрость, въ которой они
„превосходятъ всѣ другіе народы, свободный, стремительный,
„доступный всякому впечатлѣнію духъ; много ума, но при
„этомъ крайняя подвижность, недостатокъ выдержки, проти-
„водѣйствіе дисциплинѣ и порядку, хвастливость и вѣчное
„несогласіе, слѣдствіе безконечной суетности."
Эти качества хорошихъ солдатъ, но дурныхъ гражданъ объяс-
няютъ тотъ историческій фактъ, что Кельты потрясa-
ли всѣ государства, но не основали ни одного. Военнымъ дѣ-
ломъ они занимались какъ ремесломъ и съ такимъ успѣ-
хомъ, что Римскій историкъ Саллюстій отдаетъ Кель-
тамъ преимущество передъ Римлянами.
„Кельты настоящіе ландскнехты древности, какъ ихъ пред-
„ставляютъ описанія и изображенія: большія, но не муску-
„листыя тѣла, съ распущенными волосами и длинными
„усами — въ противоположность Римлянамъ и Грекамъ, кото-
„рые стригли голову и брили верхнюю губу — въ пестрыхъ вы-
„шитыхъ одеждахъ, которыя въ бою нерѣдко отбрасывали
„прочь, съ широкимъ золотымъ кольцомъ на шеѣ, безъ шле-
„ма и безъ метательнаго оружія, но съ длиннымъ мечемъ
„худой стали и огромнымъ щитомъ, съ копьемъ и кин-
„жаломъ — все украшенные золотомъ. Для хвастовства ам-
„личитъ у нихъ все, даже раны, которыя часто нарочно расши-
„рялись, чтобы можно было похвастать широкой раной." (Момм. I.

„Въ сильномъ круговоротѣ всемірной исторіи, который безжалост-
„но сокрушаетъ всѣ народы не крѣпкіе и не гибкіе подобно стали,
„Кельты не могли долго держаться. Достойно и правдиво зас-
„лужили они ту же долю отъ Римлянъ, которую ихъ сопле-
„менники въ Ирландіи испытываютъ отъ Саксовъ. Судьба
„ихъ — изчезнуть подобно дрожжамъ будущаго развитія въ
„политически превосходящей ихъ національности.
„Разставаясь съ замѣчательной націей, говоритъ далѣе Моммсенъ,
„мы позволяемъ себѣ еще напомнить, что въ извѣстіяхъ древ-
„нихъ о Кельтахъ на Луарѣ и Сенѣ, едва ли отсутствуетъ
„одна характеристическая черта изъ тѣхъ, по которымъ обык-
„новенно узнается падди (ирландскій крестьянинъ). Все есть
„здѣсь: медленность въ обработываніи поля; страсть къ дракамъ
„и пьянству; хвастливость; рѣчь полная сравненій и гипер-
„болъ; задорный юморъ; глубокая любовь къ пѣснямъ и сагѣ о
„дѣлахъ прошедшаго и рѣшительный ораторскій и поэтиче-
„скій талантъ; любопытство и безумное легковѣріе; дѣтская
„недолгость и несравненная чуткость національнаго чувства.
(Моммсенъ. III, 280.)
Для того, чтобы не безусловно осудить Кельтовъ словами Момм-
сена, приведемъ мнѣніе объ нихъ E. Renan'a, составляющее
какъ бы противовѣсъ мнѣнію Моммсена. Онъ говоритъ, что
одна изъ главныхъ чертъ, отличающая современныхъ Кельтовъ,
заключается въ сосредоточенности ихъ природы.
„Безконечная тонкость чувства, отличающая Кельтскую расу,
„тѣсно связана съ ея потребностью въ сосредоточеніи. Натуры,
„мало раскрывающіяся, всегда чувствуютъ наиболѣе глубоко;
„ибо чѣмъ глубже чувство, тѣмъ оно меньше стремится
„къ обнаруженію. Отсюда эта прелестная скромность, какая-
„то прикрытость, сдержанность и изящество, такъ живо проя-
„вляющіяся въ пѣсняхъ сборника Villemarqué, столь далекія
„и отъ сродной латинскимъ племенамъ риторичности
„чувства, и отъ напускной наивности нѣмцевъ. Наружная
„сдержанность Кельтовъ, которую часто принимаютъ за

„холодность, зависитъ отъ этой внутренней робости, застав-
„ляющей думать, что чувство высказанное теряетъ полови-
ну своей силы и что сердце не нуждается въ постороннихъ
зрителяхъ" (Ren. p. 169.)

Посмотримъ теперь, какъ характеризуетъ современныхъ фран-
цузовъ одинъ изъ новѣйшихъ историковъ.

„Изъ всѣхъ явлений французской истории, говоритъ онъ, наи-
„болѣе страннымъ и наиболѣе необыкновеннымъ кажется
мнѣ самъ французский народъ. Былъ ли когда на свѣтѣ
народъ болѣе исполненный контрастовъ и болѣе способ-
ный вдаваться въ крайности, болѣе руководящийся чув-
ствами и менѣе принципами, стоящий то много выше,
то много ниже общаго уровня человѣчества — народъ, столь
неизмѣнный въ главныхъ своихъ чертахъ, что его легко уз-
нать въ разсказахъ Цезаря, и столь перемѣнчивый въ сво-
ихъ ежедневныхъ помыслахъ и наклонностяхъ, что нерѣдко
онъ самъ для себя становится неожиданнымъ зрѣлищемъ
и самъ не менѣе иностранцевъ принужденъ изумляться
при видѣ дѣлъ своихъ; народъ, болѣе привязанный къ своему
дому и къ своимъ привычкамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе
способный все измѣнить и идти на край свѣта, коль
скоро онъ вышелъ изъ своей обычной колеи; непокорный по
своей натурѣ и уживающийся съ произвольнымъ и насиль-
ственнымъ правлениемъ одного лица гораздо охотнѣе, чѣмъ
съ разумнымъ и свободнымъ правлениемъ лучшихъ гражданъ,
никогда не свободный настолько, чтобы нельзя было порабо-
тить его, и никогда не порабощаемый такъ, чтобы онъ
не могъ свергнуть съ себя иго; народъ, не знающий границъ
ни въ рабствѣ, ни въ свободѣ, легко водимый на ниточкѣ
и неудобоуправляемый, какъ только поданъ ему примѣръ
сопротивления; годный на все, но стоящий на высокой степени
совершенства только въ военномъ дѣлѣ; народъ, болѣе пре-
клоняющийся передъ случаемъ, передъ силой, передъ успѣхомъ
и блескомъ, чѣмъ передъ истинной славой, болѣе способный

„къ героизму, чѣмъ къ добродѣтели, къ гениальности, чѣмъ къ
„здравомыслію, къ составленію колоссальныхъ замысловъ, чѣмъ
„къ совершенію великихъ предпріятій — самая блестящая и
„самая опасная нація въ Европѣ, попеременно возбуждаю-
„щая къ себѣ удивленіе, ненависть, жалость, страхъ, но никог-
„да равнодушіе. (Токвиль)

Очевидно, что характеръ древнихъ Галловъ всецѣло переселил-
ся въ Французовъ; какимъ же образомъ можемъ мы производить
ихъ не отъ этихъ Галловъ, до такой степени сходныхъ съ ними
по темпераменту? На основаніи чего имѣемъ мы право счи-
тать предками ихъ Иберовъ и тѣ кочующія до-историчес-
кія племена, которыя Bertrand называетъ nomades des ca-
vernes и nomades des alluvions?

Попытка отвѣтить на этотъ вопросъ была сдѣлана Bello-
guet. Вмѣстѣ съ характеристичными чертами Галловъ и
теперешнихъ французовъ: подвижностью, живостью, легко-
мысліемъ, Belloguet въ своихъ наблюденіяхъ открылъ еще
бережливость, страсть къ наживѣ, упрямство въ преслѣдованіи
своекорыстныхъ цѣлей и т. п. Обращаясь на этотъ разъ къ
теоріи двойственности, (хотя и не въ смыслѣ A. Thierry), онъ
говоритъ, что нѣкоторыя качества можно считать наслѣ-
діемъ Галловъ, другія же — остатками, слѣдами до Галль-
скихъ племенъ. До какой степени достовѣрно это распредѣ-
леніе качествъ между двумя расами — предками Французовъ —
рѣшить трудно. Несомнѣннымъ остается только то,
что въ образованіи жителей нынѣшней Франціи уча-
ствовали непремѣнно оба элемента — Галльскій и Иберійскій, такъ какъ слѣды того и другого слишкомъ ясно
сохранились въ физическомъ и нравственномъ характерѣ
ихъ потомковъ.

Обратимся теперь къ религіозному и политическому быту
древнихъ Галловъ, до Римскаго господства; посмотримъ, имѣли
ли они достаточно задатковъ для развитія, могли ли они вы-
работать самостоятельную культуру безъ помощи Римлянъ.

Прежде всего необходимо замѣтить, что изученіе политическаго и религіознаго быта древнихъ Галловъ встрѣчаетъ нѣкоторыя затрудненія, происходящія отъ самаго свойства источниковъ. Классическіе писатели, оставившіе свѣдѣнія о Галлахъ, относятся къ чуждому быту съ своей точки зрѣнія. Такъ, Юлій Цезарь, говоря о политическомъ бытѣ Галловъ, употребляетъ выраженіе civitas-городская община, какъ извѣстно, во время Цезаря и вообще у Римлянъ означавшая извѣстную часть территоріи съ городомъ, какъ центромъ управленія всей общиной. Очевидно, что у Галловъ не могло быть ничего подобнаго и что названіе это придано именно съ точки зрѣнія Римлянина-гражданина. Кромѣ того, эти писатели имѣютъ обыкновеніе называть чужихъ боговъ именами своихъ собственныхъ, что дѣлаетъ весьма затруднительнымъ изученіе миѳологіи. 2) Національные источники Галловъ дошли до насъ въ очень поздней редакціи; 3) наконецъ, народныя повѣрья, преданія и суевѣрія представляютъ весьма темный и недостовѣрный источникъ. Главнѣйшимъ источникомъ для изученія какъ религіознаго, такъ и политическаго быта Галловъ представляется намъ Юлій Цезарь. Въ VI книгѣ своихъ Comm. de Bello Gallico, въ 16-19 главѣ, онъ описываетъ важнѣйшихъ боговъ Галльскаго Олимпа x), но всѣмъ имъ придаетъ Римскія названія.

Первымъ богомъ Галловъ Цезарь называетъ Меркурія, потомъ онъ упоминаетъ Марса, Минерву, Аполлона. Постараемся разобрать, какіе Галльскіе боги кроются подъ этими римскими именами?

H. Gaidoz, въ своей брошюрѣ „Esquisse de la religion Gauloise", p. 8-9, говоритъ, что божества Галльскія могутъ быть раздѣлены на двѣ группы: 1) Великіе боги или боги общіе всей

---

x) Какъ полезное пособіе при изученіи религіознаго быта Галловъ, можно назвать небольшую брошюру Henri Gaidoz „Esquisse de la religion Gauloise". Paris. 1879.

Галлiи (или, по-крайней мѣрѣ, одной области); 2). Инстные боги, почитаемые только въ одной какой нибудь мѣстности или же самыя мѣстности (города, рѣки, горы, ключи) олицетворенныя и обоготворенныя.
Римскiй Меркурiй такъ быстро вытѣснилъ собою своего Галльскаго собрата, что даже имя послѣдняго исчезло. И дѣйствительно, въ Римское время мы встрѣчаемъ главнымъ богомъ Галлiи Меркурiя Римлянъ, котораго Галлы почитали какъ изобрѣтателя искусствъ, покровителя путешествiй и дорогъ, торговли и промышленности. О распространенности этого культа свидѣтельствуютъ намъ многочисленныя надписи, посвященныя Меркурiю, статуэтки этого бога, иногда сдѣланныя изъ драгоцѣнныхъ металловъ (одна изъ нихъ, массивнаго серебра, была найдена въ Люксембургскомъ саду). На возвышенностяхъ воздвигаемы были въ древности жертвенники этому богу; такъ, подобные храмы существовали на вершинѣ Puy de Dôme, на возвышенности Донон и вѣроятно, на Монмартрѣ. Множество названiй различныхъ мѣстностей Францiи напоминаютъ культъ этого бога: Mercoeur, Montmercure, Mercurol, Mercury, Mercoire и т. п. Изъ нихъ особенною славою пользовался во всей Галлiи Mercure du Puy de Dôme - Mercurius Dumias или Arvernus. Иногда Меркурiй является на памятникахъ въ сопровожденiи женскаго божества - Rosmerta. Часто имя его сопровождается различными эпитетами болѣе или менѣе темными: Visucius - ведущiй; Ogmius (у Ирландцевъ Ogma - изобрѣтатель письма). См. Revue archéologique, 1873, статью Arbois de Jubainville, le Mercure Gaulois. Кромѣ того, изъ русскихъ сочиненiй можно замѣтить статью Георгiевскаго „Галлы въ эпоху Юлiя Цезаря", сочиненiе хотя и не самостоятельное, но интересное своей попыткой объяснить нѣкоторые кельтскiе мифы по сравненiю съ нѣмецкими.
Подобно Меркурiю, Аполлонъ въ Галлiи встрѣчается

также со многими мѣстными эпитетами, изъ которыхъ особенно замѣчательны: Borvo и Grannus, встрѣчающіеся иногда и отдѣльно, какъ имена самостоятельныхъ божествъ. Надписи, посвященныя этимъ богамъ, встрѣчаются преимущественно при теплыхъ ключахъ, при мѣстахъ купаній, любимыхъ Галло-Римлянами. Имя Borvo осталось въ трехъ мѣстностяхъ Франціи: Bourbon-l'Archambault, Bourbon-Lancy и Bourbonne-les-Bains, а первая изъ этихъ мѣстностей дала имя великой французской династіи Бурбоновъ. Grannus былъ патрономъ минеральныхъ водъ Ахена, что ясно доказывается древнимъ именемъ Aquae Granni. Имя Аполлона сохранилось въ нѣсколькихъ мѣстностяхъ Франціи, каковы, напр. Polignac, Poligny и т.п. Спутницей Borvo является часто богиня Damona; спутницей же Аполлона — Sirona, имя которой, впрочемъ, встрѣчается и отдѣльно. Подобно Аполлону Римскому и Галльскому, эти богини имѣютъ точно также характеръ богинь-цѣлительницъ.

Марсъ является съ эпитетами Segomo, Camulus, Toutates, изъ которыхъ первыя два имени встрѣчаются и самостоятельно.

Минерва Римлянъ является у Галловъ съ эпитетомъ Belisama, если вѣрить единственной дошедшей до насъ надписи: Minervae-Belisamae, гдѣ эти два имени соединены вмѣстѣ.

Римскій Юпитеръ носитъ имя Taranis. Слѣдуетъ замѣтить, впрочемъ, что это имя, данное этому божеству древними писателями, не встрѣчается на надписяхъ, гдѣ мы видимъ или Jovi Taranuco, или Deo Taranuco или же J(ovi) O(ptime) M(aximo) Tarano. Различныя имена этого божества повидимому заключаютъ въ себѣ корень Кельтскаго названія грома. Галльскія статуэтки, изображающія человѣка съ молоткомъ въ рукѣ, по всей вѣроятности, представляютъ именно его (Тараниса), такъ какъ молотокъ

въ древней миѳологіи — символъ грома.

Между Галльскими богами встрѣчаемъ мы необъясненное до сихъ поръ имя Esus; неизвѣстно, что это былъ за богъ и имя его встрѣчается на одной только надписи. Это божество интересно для насъ потому, что Луканъ свидѣтельствуетъ о Таранисѣ, Езусѣ и Тейтатѣ, какъ о главнѣйшихъ божествахъ Галліи, представляющихъ какъ бы Галльскую Троицу; существуютъ даже тройничныя изображенія этихъ боговъ. Между прочимъ этотъ же Езусъ вмѣстѣ съ другими Галльскими и Римскими божествами находился въ извѣстномъ памятникѣ, найденномъ въ 1711 г. подъ церковью Notre-Dame. Памятникъ этотъ представляетъ алтарь, воздвигнутый во время царствованія Тиберія парижскими мореплавателями, что доказывается надписью: nautae parisiaci, сдѣланной внизу. Между прочимъ на барельефѣ этого же памятника встрѣчается странное изображеніе быка съ тремя журавлями на спинѣ (Tarvos Trigaranus); но пока еще съ этимъ изображеніемъ и именемъ не связано никакого толкованія.

Кромѣ поклоненія вышеназваннымъ богамъ, въ Галліи былъ чрезвычайно развитъ культъ такъ называемыхъ богинь-матерей — Deae matres, matrae, matronae, обыкновенно носившихъ прозваніе, заимствованное отъ мѣстности: „Matribus Treveris", „Matrebo Namausicabo" (aux mères de Trèves, aux mères de Nîmes) и т. п. Эти богини-матери по всей вѣроятности были „les bonnes dames", „les dames blanches" извѣстной мѣстности и представляютъ прототипъ теперешнихъ фей. Впрочемъ, Arbois de Jubainville предполагаетъ, что эти deae matres имѣли прямое отношеніе не къ мѣстностямъ, городамъ и селамъ, которымъ они покровительствовали, а къ источникамъ; онъ видитъ здѣсь культъ водныхъ источниковъ, олицетворенныхъ въ лицѣ этихъ богинь; свои предположенія онъ подтверждаетъ нѣсколькими названіями, каковы напр. deae Sequanae, deae

Агриппа и др. Въ большинствѣ изображеній онъ представленъ въ сидячемъ положеніи, съ однимъ или нѣсколькими дѣтьми на рукахъ; нѣкоторыя напоминаютъ изображеніе Св. Дѣвы, держащей Младенца Іисуса. Отсюда ведутъ свое происхожденіе извѣстныя во Франціи „Vierges Noires", находимыя въ землѣ и почитаемыя чудотворными.

Что касается до культа и жертвоприношеній древнихъ Галловъ, то извѣстно, что они имѣли обычай человѣческихъ жертвъ, которыя они приносили нѣкоторымъ изъ боговъ своихъ (Тейтату, Езусу, Таранису и Меркурію) и которая постоянно ставилась въ упрекъ религіи друидовъ. Но слѣдуетъ замѣтить, что подобный обычай существовалъ у всѣхъ Индо-Европейскихъ народовъ: Грековъ, Римлянъ, Славянъ, Литовцевъ и друг.; разница состоитъ только въ томъ, что у Кельтовъ онъ оставался долѣе. Но уже въ словахъ Ю. Цезаря мы можемъ найти доказательство смягченія нравовъ, такъ какъ въ его время приносили въ жертву преимущественно преступниковъ. По всей вѣроятности, религія друидовъ, предоставленная сама себѣ, кончила бы тѣмъ же, чѣмъ кончили всѣ другія: вначалѣ, замѣною живыхъ жертвъ подобіемъ людей - фигурами, а наконецъ и совершеннымъ изчезновеніемъ этого обычая. Обвиненіе кельтской религіи въ исключительной кровожадности уже потому не можетъ быть допущено, что на ряду съ свирѣпыми богами: Тейтатомъ, Езусомъ, Таранисомъ, мы видимъ въ ней мягкій, нѣжный культъ богинь-женщинъ, культъ, распространенный повсемѣстно.

Перейдемъ теперь къ сословію, приносившему жертвы, сохранявшему въ своей средѣ св. преданія, къ друидамъ, этимъ посредникамъ между богами и людьми.

По словамъ Цезаря, они являются жрецами, приносившими жертвы общія и частныя; истолкователями религіи, гадателями о будущемъ. Это опредѣленіе понятно: въ первобытныхъ обществахъ должности кудесника, врача,

священника соединялись вмѣстѣ, какъ соединяются онѣ еще и до сихъ поръ въ первобытныхъ слояхъ нашего теперешняго общества — въ суевѣрной, мало-развитой народной массѣ. Но друиды Галльскіе имѣли еще другое значеніе, зависевшее вполнѣ отъ ореола святости, которымъ они были окружены: они были судьями не только частныхъ лицъ, но и цѣлыхъколѣнъ, что свидѣтельствуетъ о ихъ авторитетности. Санкція ихъ суда была исключительно религіозная; предъ ихъ приговоромъ преклонялись, какъ предъ приговоромъ самого божества и неповинующіеся отлучались или отъ церкви, отъ участія въ богослуженіи, въ принесеніи жертвъ. Въ этомъ отношеніи друиды Галловъ напоминаютъ намъ brehon'овъ свободной Ирландіи. Организація этихъ brehon'овъ, пережившая даже нѣсколько вѣковъ Англійскаго господства, напоминала во многомъ организацію друидовъ. Брегоны составляли классъ, сдѣлавшійся наслѣдственнымъ ×), имѣвшій назначеніемъ своимъ обязанность судить народъ, хранить священныя и юридическія преданія и держать школы права и литературы. Въ первобытную эпоху, брегоны были, подъ именемъ filé, въ одно и то же время священниками, поэтами, историками и судьями и, подобно друидамъ, управлялись главнымъ начальникомъ своимъ. Изъ сословія друидовъ развилось впослѣдствіи сословіе бардовъ-пѣвцовъ священныхъ и эпическихъ пѣсенъ, составлявшее, въ эпоху глубокой древности, одну изъ функцій друидизма.

Принимая въ буквальномъ смыслѣ слова Цезаря о друидахъ, „Illi rebus divinis intersunt, sacrificia publica ac privata procurant, religiones interpretantur" и т. д., можно подумать, что они учили и о переселеніи душъ; но вѣроятны, что эти слова заключаютъ въ себѣ неточность, такъ

×) Наслѣдственность эта, какъ увидимъ ниже, была одною изъ черть, отличавшихъ сословіе brehon'овъ отъ друидовъ.

как противорѣчатъ собственному же разсказу Цезаря о погребеніи Галловъ. Похороны у нихъ, говоритъ онъ, справляются съ великою роскошью и пышностью, на могилѣ умершаго сожигаютъ обыкновенно все то, что онъ любилъ; до Ю. Цезаря существовалъ обычай сожиганія и рабовъ. „Funera sunt pro cultu Gallorum magnifica et „sumptuosa; omniaque, quae vivis cordi fuisse arbitrantur, „in ignem inferunt, etiam animalia, ac paulo supra hanc „memoriam servi et clientes, quos ab iis dilectos esse constabat, „iustis funeribus confectis una cremabantur." (B. G. VI. 19.)
Подобный обрядъ, очевидно, предполагаетъ вѣру въ загробную жизнь, а не въ переселеніе душъ. Подтвержденіе этого мнѣнія мы имѣемъ и у другихъ писателей; Луканъ такъ говоритъ о друидахъ: „Вамъ однимъ дано „знать или незнать боговъ и величіе неба; по вашему „ученію, не въ безмолвныя жилища Эреба и не въ блѣдное царство подземнаго Дита устремляются тѣни „умершихъ, но въ другомъ мірѣ тотъ же духъ управляетъ членами, и смерть есть только средина долгой „жизни... Отсюда у мужей такая охота браться за „оружіе и такая рѣшимость умирать: было бы недостойно щадить жизнь, долженствующую возвратиться" (Pharsalia I, 452-462). Кромѣ того, Валерій Максимъ свидѣтельствуетъ намъ объ увѣренности Галловъ въ томъ, что жизнь будетъ продолжаться за гробомъ; увѣренность эта высказывалась положительно и опредѣленно и въ этомъ отношеніи разнилась отъ вѣрованій Грековъ и Римлянъ, предполагавшихъ долгое предварительное пребываніе умершихъ душъ въ элизіумѣ или чистилищѣ. Что касается до организаціи друидовъ, то они не представляли изъ себя замкнутую касту, а только отдѣльное сословіе въ которое могъ вступать каждый свободный человѣкъ. Для поступленія требовалось долговременное обученіе, твердое знаніе всего кодекса друидическаго,

изложеннаго въ стихотворной формѣ; для достиженія всего этого требовалось иногда до 20 лѣтъ; такимъ образомъ, сословіе это восполнялось не путемъ наслѣдственности, а путемъ свободнаго поступленія каждаго желающаго. Связь, соединявшая друидовъ, простиралась за предѣлы Галліи; по словамъ Цезаря, въ Британніи былъ какъ бы центръ друидизма: „Disciplina in Britannia reperta atque inde in Galliam translata esse existimatur, et nunc, qui diligentius eam rem cognoscere volunt, plerumque illo discendi causa proficiscuntur. (B. G. VI, 13). Съ другой стороны, мы совершенно не замѣчаемъ слѣдовъ друидизма въ Галатіи (М. Азійской) и въ Галліи Цизальпинской. Основываясь на этомъ, Belloguet дѣлаетъ смѣлое предположеніе, и говоритъ, что вѣроятно друидизмъ былъ явленіемъ позднѣйшимъ, развившимся у Галловъ уже на западно-Европейской почвѣ. Какъ бы то ни было, въ Галліи и Британіи члены друидическаго сословія составляли тѣсно сплоченную корпорацію. Ежегодныя собранія друидовъ происходили въ самой Галліи, въ такъ называемой странѣ Карнутовъ (Chartres), о чемъ свидѣтельствуетъ и Цезарь (B. G. ibid.); на этихъ собраніяхъ они избирали себѣ главу-родъ друидическаго папы — и рѣшали важнѣйшія дѣла, касающіяся религіознаго или политическаго быта Галловъ. Санкція рѣшеній ихъ уже извѣстна; ослушникъ подвергался церковному отлученію, интердикту; „отлученный, „говоритъ Цезарь, считается въ числѣ злодѣевъ и преступ„никовъ; отъ него всѣ удаляются, избѣгаютъ встрѣчи „съ нимъ и разговоровъ, чтобы не получить какого вреда от„заразы; въ случаѣ тяжбы, ихъ жалобы не принимаются „въ судъ. (B. G. ibid.)

Кромѣ друидовъ, нѣкоторые классическіе писатели упоминаютъ еще друидесъ; неизвѣстно, были ли это жены друидовъ (въ чемъ, впрочемъ, мало вѣроятія) или же женщины, посвященныя въ тайны друидическаго вѣроученія.

Впрочемъ, это имя встрѣчается только у позднѣйшихъ классиковъ; такъ, весьма извѣстенъ разсказъ о подобной друидессѣ, явившейся къ Діоклетіану и предсказавшей ему вступленіе на императорскій престолъ.
Разсмотрѣвъ сословіе друидовъ, ихъ корпораціонное устройство и судейскія обязанности, перейдемъ теперь къ политическому быту Галловъ. Какъ уже извѣстно, классическіе писатели не даютъ намъ по этому вопросу точныхъ и опредѣленныхъ указаній; подобно тому, какъ Галльскіе боги носятъ у Цезаря латинскія имена, точно также и политическая единица, отдѣльная Галльская община (которыхъ у Галловъ было много), обозначается у него классическимъ выраженіемъ civitas, civitates. Но мы знаемъ, что это выраженіе означаетъ собственно городскую общину и слѣдовательно, идетъ только къ греко-римскому государственному устройству. Политическій же бытъ древней Галліи представляетъ большія аналогіи съ позднѣйшимъ бытомъ Шотландіи и Ирландіи. Какъ тамъ, такъ и здѣсь въ древнѣйшія времена должно было преобладать устройство клановъ, родовыхъ союзовъ, имѣвшихъ во главѣ своей уважаемую семью родоначальника. Города Галльскіе совершенно не имѣли характера Римскихъ civitas - организованныхъ городскихъ общинъ; скорѣе можно предположить, что они имѣли только значеніе стратегическое, какъ укрѣпленные, годные для защиты пункты. Даже Цезарь, описывая постройки Галловъ, употребляетъ слово oppida (укрѣпленное мѣсто); описывая осаду ихъ, онъ упоминаетъ про замѣчательную крѣпость стѣнъ, устроенныхъ изъ плетня и цемента, про ихъ сопротивленіе сильнымъ стѣнобитнымъ орудіямъ; всѣ эти подробности даютъ намъ право сравнить эти города съ русскими городищами, кремлями, и видѣть въ нихъ скорѣе крѣпости, чѣмъ жилыя территоріи. Въ клановомъ устройствѣ Галловъ лежитъ и начало ихъ слабости,

ихъ неспособности сопротивляться Римскому завоеванію. Можно было насчитать 80 отдѣльныхъ клановъ; отдѣльныхъ маленькихъ государствъ въ странѣ, простиравшейся отъ Пиренеевъ и Марсельскаго залива до Рейна. (Цезарь насчитываетъ 60, кромѣ Нарбоннской Галліи.). Многія изъ нихъ были значительны; были такія, которыя могли безъ труда выставить 50т. солдатъ и 200 судовъ. Каждое имѣло свою столицу и нѣсколько укрѣпленныхъ пунктовъ x); форма правленія не вездѣ была одна и та же. Вообще, господствовала совокупность учрежденій республиканскихъ и вмѣстѣ аристократическихъ. Монархія не была неизвѣстна, но она скорѣе представляла исключительный фактъ и минутный ресурсъ, чѣмъ правильное установленіе. Власть рѣдко переходила отъ отца къ сыну или продолжалась два поколѣнія сряду у одного и того же племени.

И такъ, Галлія до завоеванія не представляла одной сплоченной націи. Жители ея были не одного происхожденія, не въ одно время пришли и поселились въ ней, не однимъ языкомъ говорили. Между ними было единство религіозное, но не было единства политическаго. Эта то разъобщенность и была причиною ихъ слабости и могла сдѣлать ихъ легальной добычей не только Римлянъ, но и сосѣднихъ Германцевъ.

Что касается до общихъ національныхъ собраній, то Цезарь не называетъ ни одного учрежденія, которое походило бы на федеральный совѣтъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ только мы видимъ, что депутаты нѣсколькихъ племенъ соедине-

---

x) Достойно вниманія, что эти старыя Галльскія государства сохраняли до эпохи весьма близкой къ нашей свое имя, свои границы и нѣкоторый видъ моральнаго существованія въ воспоминаніяхъ и привязанностяхъ людей. Ни Греки, ни Римляне не успѣли разрушить этихъ живыхъ единицъ; ихъ находимъ мы въ провинціяхъ и уѣзд. настоящей Франціи.

няются въ одномъ собраніи, какъ бы сеймъ (concilia), но это
не было правильное учрежденіе, собиравшееся въ опредѣленныя
времена, въ опредѣленномъ мѣстѣ, съ опредѣленными пол-
номочіями, не былъ совѣтъ, который бы считался выше от-
дѣльныхъ племенъ и имѣлъ бы надъ ними авторитетъ.
Всѣ эти мелкіе народы вели между собой войны или зак-
лючали союзы, какъ самостоятельныя государства. Нѣтъ
примѣра, чтобы они въ своихъ предпріятіяхъ совѣтовали[сь]
съ какимъ нибудь центральнымъ собраніемъ или полу-
чали отъ него инструкціи. Не было такой высшей власт[и],
которая бы брала на себя устроивать ихъ отношенія или
водворять между ними миръ. Иногда друидическое духо-
венство являлось въ роли посредника, но не всегда съ усп[ѣ]-
хомъ. Результатомъ войнъ нерѣдко бывало то, что боль[е]
слабыя племена были покоряемы болѣе сильными. Инотда
рядъ такихъ счастливыхъ войнъ доставлялъ первенство од-
ному народу, но это все же не могло назваться политич[ескимъ]
единствомъ.

Что касается до подробностей общественнаго устройств[а],
то указаній на нихъ мы имѣемъ весьма мало. Ю. Це-
зарь или мало вникалъ въ бытъ Галловъ, или не хо-
тѣлъ передать подробнаго описанія. Къ числу наиболѣе тем-
ныхъ мѣстъ его извѣстій относится вопросъ о способѣ в[ла]-
дѣнія землею у Галловъ. Ирландскіе законы Brehon'овъ,
собранные теперь, свидѣтельствуютъ намъ, что въ древ-
нихъ кланахъ Ирландіи существовалъ обычай общинна-
го владѣнія землей. На основаніи этого мы заключа[емъ],
что и у Кельтовъ была коллективная поземельная соб[ст]-
венность, общинный бытъ. Каждый кланъ, каждое пл[емя]
раздѣляло свою территорію на участки (пахатная зе[мля],
выгонъ, лѣсъ) — пахатная земля была раздѣлена въ свою
очередь (вѣроятно, посемейно), выгонъ и лѣсъ оставались
общими. Подобное предположеніе имѣетъ тѣмъ боль[е]
вѣроятія, что такія формы общиннаго землевладѣнія в[ъ]

гаются у всѣхъ младенческихъ народовъ. Цезарь же не говоритъ ничего подобнаго про Галловъ. Такимъ образомъ у насъ является невозможность соединить показанія средневѣковыхъ писателей съ болѣе древними источниками и мы уже по аналогіи должны выводить свои заключенія о бытовой сторонѣ жизни Галловъ.
Въ другомъ мѣстѣ, Цезарь выражается слѣдующимъ образомъ: у Галловъ преобладаютъ два сословія: друиды и всадники - „Alterum genus est equitum" (B. G. VI, 15); масса, по словамъ его, находится въ рабскомъ положеніи. Терминъ „всадники", несомнѣнно Римскій; извѣстно, что въ Римѣ этимъ именемъ назывался зажиточный, богатый классъ, занимавшійся откупами въ провинціяхъ, торговыми оборотами, составлявшій самый богатый родъ войска (ordo equitum). Примѣняя это названіе къ Галламъ, мы можемъ признать во „всадникахъ" Цезаря или частныхъ поземельныхъ собственниковъ (аналогичныхъ боярамъ русскимъ), или же, что гораздо вѣроятнѣе, представителей знатныхъ родовъ, стоявшихъ во главѣ другихъ и выдававшихся богатствомъ и происхожденіемъ. Относительно народа слѣдуетъ замѣтить, что несмотря на первобытность общественнаго устройства Галловъ, масса не имѣла у нихъ никакого значенія; бѣдные часто отдавались въ кабалу къ богатымъ; нерѣдко всадники были окружены многочисленными кліентами, связанными съ ними домовыми обязательствами. Слѣдовательно, преобладающей формой соціальнаго устройства является устройство аристократическое, олигархическое; относительно верховной власти было уже сказано выше; Цезарь говоритъ, что были короли (reges), но впослѣдствіи изчезли; вмѣсто нихъ являются родоначальники, составляющіе сенатъ, или же - выборные администраторы, носившіе имя бреннов или вергобретовъ. На сѣверѣ, монархическая власть хотя и сохранилась, но не имѣла преобладающаго значенія. Страбонъ прямо и

-опредѣленно говоритъ: Галлы управляются аристократ-ій. Это рѣзкое раздѣленіе аристократіи и демократіи, въ связи съ господствомъ друидовъ, угнетавшимъ народъ, препятствовало прочности государственного быта. Въ этомъ фактѣ также кроется и зародышъ и условіе безсилія Галловъ въ столкновеніи съ другими народами. Но несомнѣнно, что нація Галльская имѣла задатки для развитія и даже въ культурномъ отношеніи дошла до такихъ изобрѣтеній, которыя были чужды образованному классическому міру; такъ напр. имъ приписываютъ изобрѣтеніе пленочныхъ мельницъ, изобрѣтеніе мыла (sapo, savon-слово Галльское), употребленіе котораго не было извѣстно древнимъ. Имѣя большіе пріиски металловъ, они сдѣлали успѣхи въ обработкѣ ихъ и первые научились соединять олово съ мѣдою. Они умѣли чеканить монету, имѣли даже и алфавитъ, хотя необходимо прибавить, что то и другое, т.е. типы монетъ и алфавитъ заимствованы были ими отъ Грековъ. Нѣкоторые изъ новѣйшихъ ученыхъ, придавая остаткамъ, находимымъ послѣ Галловъ, слишкомъ большое значеніе, готовы поставить ихъ наравнѣ съ Греками и Римлянами. Очевидно, что это увлеченіе; но окончательно отрицать существованіе Галльской культуры также невозможно: она несомнѣнно была, достигла извѣстной степени развитія и, при иныхъ социальныхъ и историческихъ условіяхъ, могла бы, конечно, усовершенствоваться гораздо больше.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію того процесса, вслѣдствіе котораго Галлы превратились въ Галло-Римлянъ. Превращеніе это является естественнымъ послѣдствіемъ завоеванія и въ особенности культурного вліянія Рима. Для сравненія и объясненія этого факта необходимо сказать нѣсколько словъ о томъ вліяніи, которому были подвержены Галлы еще до Римскаго завоеванія — вліяніи Грековъ. Извѣстно, что за 500 лѣтъ до Р. Хр. переселенцы изъ Мало-

азійскаго города Фокеи основали въ южной Франціи колонію
Массилію (Марсель). Въ это время Кельты не достигли
еще морскаго берега, такъ что Грекамъ пришлось столкнуть-
ся первоначально съ населеніемъ Иберійскимъ и Лигурійскимъ.
Сначала Массалиоты распространяли свое вліяніе на западъ
по направленію къ Испаніи; они овладѣли Родосскимъ посе-
леніемъ Rhoda (Rhodes), но здѣсь встрѣтились съ Финикі-
янами и должны были обратиться на востокъ. Слѣды
ихъ пребыванія остались до сихъ поръ въ южной Франціи,
гдѣ они основали небольшія торговыя факторіи: Никею
(Ниццу), Антиполисъ (Антибъ), портъ Монэка (Монако),
Тавроентъ (Тарентъ), Ольвія и т. п., съ цѣлью поддержать
торговыя сношенія съ мѣстными жителями. Впрочемъ,
далеко внутрь страны Греки не проникали; города Avi-
gnon и Cabellio (Cavaillon) были самыми дальними ихъ
пунктами на р. Ронѣ. Соотвѣтственно съ этимъ и вліян-
ние ихъ не шло далеко: будучи по преимуществу купцами,
заботившимися только о своихъ матеріальныхъ интересахъ,
они обращали весьма мало вниманія на живущихъ вок-о-
кругъ съ ними туземцевъ. Они не лишали Галловъ неза-
висимости, не подчиняли ихъ своему вліянію, но за то и
не ассимилировали ихъ своей культурѣ, не снисходили до
чуждыхъ, невѣжественныхъ варваровъ. Оттого то Массилія,
бывшая долгое время очагомъ цивилизаціи въ землѣ Кельтовъ,
почти ничего не дала этимъ Кельтамъ. Вліяніе Грековъ
ограничилось тѣмъ, что они научили варваровъ воздѣлывать
маслину и виноградъ и передали имъ начертанія своихъ
буквъ. Доказательства этого послѣдняго факта мы имѣ-
емъ въ Галльскихъ монетахъ того времени, типъ и даже
вѣсъ которыхъ заимствованы у Грековъ. Дальше этого дѣло
цивилизаціи не пошло. Юстинъ говоритъ, что Греки нау-
чили Галловъ земледѣлію, постройкѣ городовъ и вообще, сдѣ-
лали изъ нихъ людей; но очевидно, что это преувеличеніе:
съ земледѣліемъ Галлы были знакомы и безъ Грековъ, а съ

другой стороны уже извѣстно, что такое были Галльскія города по внѣшнему своему виду и по внутреннему быту и какъ мало представляли они сходства съ городами цивилизованныхъ Грековъ. Нѣкоторые изъ новыхъ писателей впадаютъ въ ту же ошибку; такъ, Am. Thierry приводитъ разсказъ Юлія Цезаря объ одномъ Галльскомъ князѣ, который хотѣлъ сломить господство аристократіи при помощи народа (plebs); на основаніи этого извѣстія, Am. Thierry готовъ предположить у Галловъ существованіе въ видѣ отдѣльныхъ общественныхъ классовъ - городской зажиточной буржуазіи, землевладѣльческой аристократіи и крестьянства[x]; но очевидно, что это мнѣніе не можетъ выдержать никакой критики и что Цезарь разсматриваетъ можетъ быть дѣйствительно существовавшій фактъ борьбы съ точки зрѣнія Римлянина. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что постоянныя торговыя сношенія мало по малу способствовали къ сближенію, къ заимствованію нѣкоторыхъ культурныхъ чертъ, но все же не настолько, сколько хотятъ приписать Грекамъ нѣкоторые изслѣдователи, между прочимъ и Форіель (Fauriel), превозносящій Массилію и Греческое вліяніе и видящій слѣды его даже въ складѣ провансальской поэзіи. Но если мы будемъ смотрѣть безпристрастно, то увидимъ, что Галлы по прежнему говорили своимъ языкомъ, по прежнему стояли отдѣльно, обособленно отъ Грековъ и вліяніе послѣднихъ въ географическомъ отношеніи простиралось не широко, въ нравственномъ и культурномъ - не глубоко. Отношенія Грековъ къ варварамъ существенно разнятся отъ системы отношеній Римлянъ, которымъ должна была подчиниться и Массилія. Подчиненіе варваровъ, явившихся завоевателями на Галльской почвѣ, насилуя привычки побѣжденныхъ, обращаясь съ ними, почти

---

x) и даже борьбу между ними;

луи, менее мягко, чѣмъ Греки, Римляне этимъ самымъ достигли важныхъ результатовъ въ дѣлѣ цивилизаціи Галловъ.

Вліяніе Римлянъ началось значительно раньше завоеванія. Еще въ 118 г. до Р. Хр. въ періодъ Гракховъ, друзья и приверженцы Кайя Гракха, допуская возможность распространенія правъ гражданства даже за предѣлы Италіи, выселили въ Южную Францію колонію Narbo (Нарбонна); затѣмъ устроена была здѣсь провинція Gallia Narbonensis или Provincia Narbonensis. Наслѣдникомъ демократическихъ стремленій Гракховъ явился Юлій Цезарь; онъ продолжилъ дѣло, начатое ими и еще до завоеванія Галліи занялся устройствомъ Нарбоннской провинціи, въ которую вновь вывелъ колоніи (Colonia Iulia Paterna Narbo). Сознательность и неуклонность его стремленій выражается также въ основаніи имъ самимъ четырехъ Римскихъ колоній (съ правами гражданства) во Франціи; колоніи эти были: 1) Arles (Arelas, Arelate); 2) Oranges (Arausio); 3) Beziers (Baeterrae); 4) Frejus (Forum Iulii). Три изъ этихъ колоній (Frejus, Arles и Beziers) основаны были на прежней Массилійской территоріи. Пять вышеупомянутыхъ городовъ (считая и Narbo) получили полное право Римскаго гражданства; кромѣ т. к. 10 городовъ получили еще низшую степень этого гражданства. Населеніе новыхъ колоній состояло не только изъ ветерановъ, служившихъ подъ знаменами Цезаря и вообще Римлянъ; мѣстные жители входили также въ составъ новыхъ общинъ. Юлій Цезарь не имѣлъ времени устроить также и центральную Галлію; преемникъ его Августъ продолжилъ его начинанія и раздѣлилъ всю завоеванную Цезаремъ территорію на три части, три Галліи (tres Galliae): Aquitania, Lugdunensis (Ліонская Галлія) и Belgica (Бельгійская Галлія).

Подобно Цезарю, Августъ заботился о судьбѣ колоній и

дарованiи имъ правъ; слѣдуетъ замѣтить, что самые дурные изъ императоровъ Римскихъ продолжали планъ, начертанный Гракхами и Ю. Цезаремъ; даже ничтожный Клавдiй, бывшiй только тѣнью императора Римскаго, оказывался заботливымъ попечителемъ провинцiй.
Эта свободная форма классическаго общежитiя, это устройство городскихъ общинъ по Римскому образцу, данное завоеванной Галлiи, очевидно, должно было льстить самолюбiю ея жителей; для достиженiя почетныхъ должностей, для участiя въ сенатѣ, для того, чтобы показать себя достойными Римскими гражданами, цѣлая нацiя Галловъ забыла даже свои вѣковыя традицiи, свой родной языкъ и, мало по малу сливаясь съ побѣдителями, принимая ихъ нравы и обычаи, ихъ языкъ, ихъ религiю, превратилась въ Галло-Римлянъ. X
Разсмотримъ теперь, каковы были эти новыя формы общественнаго и государственнаго строя, данныя Римомъ Галлiи, какъ провинцiи своей.
Законы и надписи этой эпохи свидѣтельствуютъ намъ о безчисленномъ множествѣ небольшихъ политическихъ тѣлъ, которыя на оффицiальномъ языкѣ того времени носятъ имя городскихъ общинъ (cités; civitates), муниципiй, республикъ. Каждая изъ нихъ имѣла во главѣ своей сенатъ (senatus, curia, ordo decurionum), состоявшiй изъ декурiоновъ. Онъ собирался для обсужденiя всѣхъ мѣстныхъ дѣлъ, завѣдывалъ финансами муниципiи (доходами съ аренды, налогами) и представлялъ судебную инстанцiю. Кромѣ того, онъ имѣлъ право издавать декреты, которые прiобрѣтали силу законовъ для всѣхъ жителей общины.
Декурiоны имѣли право распредѣлять доходы города сообразно ея нуждамъ; все городское хозяйство, какъ-то: постройка храмовъ, театровъ, термъ, устройство школъ, ремонтъ общественныхъ зданiй, входило въ обязанности членовъ сената. Всѣ договоры, дарственныя записи, тор-

говыя сдѣлки, завѣщанія должны были быть утверждены сенатомъ. Во главѣ этого ordo decurionum стояли два дуумвира (duumviri); они имѣли совершенно то же значеніе, какъ и Римскіе консулы, но никогда, впрочемъ, не носили этого послѣдняго имени. Они имѣли исполнительную власть и были какъ бы президентами республики; они собирали сенатъ и предсѣдательствовали въ немъ, составляли проэкты законовъ, рѣшали гражданскія дѣла до извѣстной суммы и нѣкоторыя уголовныя; имъ же было дано право производить расходы на нужды города, послѣ утвержденія ихъ сенатомъ. Черезъ каждые 5 лѣтъ дуумвиры производили перепись всѣмъ жителямъ республики, опредѣляли состояніе каждаго гражданина, налагали повинности, причисляли жителей къ извѣстнымъ разрядамъ и составляли списокъ декуріоновъ (album). Кромѣ этихъ двухъ высшихъ сановниковъ, существовали еще низшія должности эдиловъ (мѣстной полиціи), квестора (главнаго казначея) и нѣсколькихъ другихъ должностныхъ лицъ, наблюдавшихъ за раздачей хлѣба, ремонтомъ общественныхъ зданій и муниципальными празднествами.

Ни дуумвиры, ни декуріоны, ни одинъ изъ другихъ сановниковъ не былъ назначаемъ Римскимъ императоромъ; всѣ они ежегодно избирались членами самой муниципіи x) и по прошествіи служебнаго года отдавали отчетъ въ своей дѣятельности не правительству, но своимъ согражданамъ. Эта организація мѣстнаго самоуправленія, это право

x) Интересенъ фактъ, что въ избраніи участвовали и женщины. Въ Италіи была найдена надпись, свидѣтельствующая, что въ одной изъ такихъ городскихъ общинъ была женская курія; есть также таблица или дощечка, посредствомъ которой были поданы голоса одной женщины за себя и за дѣтей.

свободнаго выбора должностныхъ лицъ придавало большой интересъ жизни каждой общины; всѣ граждане наперерывъ добивались чести быть избранными и каждый изъ нихъ ознаменовывалъ свое избраніе какой нибудь постройкой или пожертвованіемъ извѣстной суммы на нужды города.
Кромѣ этого гражданскаго устройства, каждая муниципія имѣла еще устройство религіозное. Галльскія городскія общины имѣли каждая своего бога или генія-покровителя, носившаго то Галльское, то Римское имя, а иногда и оба вмѣстѣ. Каждая изъ нихъ имѣла свой храмъ и сама выбирала своихъ жрецовъ, своихъ flamen'овъ. Забота о культѣ мѣстнаго божества и о торжественныхъ праздникахъ въ честь его занимала огромное мѣсто въ жизни того времени. Каждый считалъ обязанностью своею присутствовать на играхъ, которыя составляли часть религіознаго празднества; сановники присутствовали также; дуумвиры и декуріоны имѣли свои почетныя мѣста; за ними помѣщались всѣ граждане сообразно съ разрядомъ своимъ, богатствомъ и происхожденіемъ. Отъ хорошаго поведенія народа во время игръ и жертвоприношенія зависѣло, по мнѣнію ихъ, благосостояніе всей общины впродолженіе слѣдующаго года.
Если разсматривать все это съ современной точки зрѣнія, то эти торжественныя празднества, эти процессіи и религіозныя игры могутъ назваться пустыми и ничтожными; но документы той эпохи не позволяютъ сомнѣваться въ томъ, что этотъ культъ отвѣчалъ искреннему и глубокому чувству массы. Вслѣдствіе этого онъ и былъ элементомъ силы для этихъ маленькихъ республикъ. Городская община, соединенная вокругъ своего жертвенника, черпала въ молитвахъ сознаніе своего единства, своего отдѣльнаго существованія, своей независимости и вмѣстѣ съ тѣмъ своей нравственной связи съ Римомъ, съ этимъ общимъ центромъ, съ имперіей, поклонявшейся тѣмъ же богамъ

которымъ поклонялись муниципіи.
Въ ряду многочисленныхъ религіозныхъ учрежденій, свойственныхъ какъ Риму, такъ и провинціямъ, необходимо обратить вниманіе на одно, игравшее весьма важную роль въ религіозной и политической жизни того времени. Это былъ культъ Рима и Августа (Romae et Augusti). Происхожденіе этого культа, за который такъ часто упрекаютъ имперію и императоровъ, весьма естественно; религія того времени предполагала существованіе особаго-генія покровителя у каждаго человѣка; такой же геній былъ и у императора и ему-то воздавалось поклоненіе, строились жертвенники, посвящались торжественныя празднества[x]; вмѣстѣ съ нимъ, на ряду съ его именемъ, даже прежде его, стояло на этихъ жертвенникахъ имя Рима, или имперіи, возбуждавшей то же поклоненіе, какое возбуждалъ императоръ. Всѣ историки, начиная съ Тацита и Діона Кассія свидѣтельствуютъ намъ, что Римъ и Августъ были боготворяемы впродолженіе трехъ вѣковъ. Въ этомъ же удостовѣряютъ насъ многочисленныя надписи и жертвенники, которые были воздвигаемы частными лицами, корпораціями, городами и даже цѣлыми провинціями.
За нѣсколько лѣтъ до Р. Хр. Галлія Аквитанская, Нарбоннская и Ліонская воздвигли при сліяніи рр. Соны и Роны, близь теперешняго Ліона, великолѣпный храмъ Риму и Цезарю Августу. (Ara divi Caesaris ad confluentem Araris et Rhodani dedicata). Первымъ жрецомъ этого храма былъ Эдуй Кай Юлій Vercondaridubius, имя котораго сохранилось у Тита Ливія въ 139 кн. (см. Auguste Bernard. "Le temple d'Auguste et la nationalité Gauloise".) Въ надписи

---

[x] На этихъ жертвенникахъ видимъ мы такія надписи: Genio Augusti; Genio Caesarum; Genio Domitiani; Genio Nervae Trajani; и потомъ: Numini Augusti; Numini deorum Augustorum; Devotus numini Marci Aurelii и т. п.

этого храма перечислялись 60 народовъ, воздвигнувшихъ его и вокругъ жертвенника помѣщались изображеній этихъ народовъ.

Каждая изъ Галльскихъ муниципій имѣла подобный храмъ, верховный жрецъ этого храма былъ избираемъ всѣмъ народомъ и эта должность считалась столь почетною, что достичь ея можно было только послѣ отправленія всѣхъ другихъ должностей. Очевидно, что подобный культъ, занимая умы народной массы, пріучая ее относиться съ уваженіемъ къ самому имени Рима и Августа, вмѣстѣ съ тѣмъ дѣйствовалъ на умы и честолюбіе болѣе людей просвѣщенныхъ, заставляя ихъ добиваться высокой чести быть жрецами Августовъ.

Но этого мало. Вокругъ этого храма Августа группировались и другія учрежденія. Одно изъ нихъ - весьма важное - провинціальный сеймъ (concilia), ведетъ свое начало именно отъ этого культа Рима и императора. Для того, чтобы устроить ежегодное торжественное богослуженіе, чтобы распредѣлить издержки его между всѣми участниками, необходимо было предварительное совѣщаніе и вотъ установились ежегодныя собранія, на которыя каждый городъ присылалъ выборныхъ депутатовъ. Эти депутаты, совмѣстно съ дѣлами религіозными, стали впослѣдствіи обсуждать и дѣла политическія. Они даже получили право выражать удовольствіе или неодобреніе на правителя провинціи - проконсула, пропретора или легата, назначаемаго Римомъ; для этого выборные изъ нихъ отправлялись въ Римъ и тамъ, передъ Сенатомъ, выражали свою похвалу или порицаніе.

Особенно важенъ для насъ именно этотъ послѣдній фактъ, что здѣсь, на этихъ сеймахъ (въ которыхъ можно видѣть между прочимъ любопытный образецъ приложенія представительнаго начала, совершенно почти чуждаго древнему классическому міру) обсуждался вопросъ о выраженіи

похвалы или порицанія (благодарности или жалобы) оставляющему должность правителю провинціи, и для этого избирались депутаціи къ императору, — повидимому, безъ всякаго въ томъ участія намѣстника. Можно думать, что лучшее положеніе провинцій при императорахъ объясняется отчасти этимъ правомъ жалобы на дурныхъ правителей и что если не Августъ, то Тиберій принялъ не извѣстныя намъ мѣры или издалъ постановленія, вслѣдствіе которыхъ право приносить жалобы было узаконено и облечено.

Право это возбуждало постоянное недовольство и даже негодованіе въ лучшихъ людяхъ Римскаго Сената. Тацитъ разсказываетъ, что сенаторъ Тразеа Петъ (Paetus Thrasea) въ энергической рѣчи высказалъ это недовольство: „не добро, говорилъ онъ, чтобы мнѣніе о гражданинѣ Римскомъ „было основано на чемъ либо другомъ, кромѣ уваженія къ „нему его сограждань. Въ прежнее время, независимо отъ „претора и консула, мы посылали даже частныхъ лицъ „ревизовать провинціи и всѣ подчиненныя намъ племена „трепетали въ ожиданіи ихъ. Теперь же, каждое изъ нихъ, „руководясь только собственнымъ желаніемъ, имѣетъ право „высказывать намъ благодарность, или, что случается гораздо чаще, порицаніе нашихъ правителей. Пусть сохранится право жалобы, но эти лестивыя похвалы (laus falsa) „должны быть уничтожены и тогда управленіе провинцій сдѣлается болѣе добросовѣстнымъ и болѣе твердымъ." (Tac. Ann. XV, 20.)

И дѣйствительно, спустя нѣкоторое время, изданъ былъ указъ, воспрещавшій выражать похвалу провинціальнымъ правителямъ, но право порицанія было оставлено. Впослѣдствіи, впрочемъ, мы видимъ, что провинціи опять приносятъ какъ жалобы, такъ и благодарность (Амм. Марцелл. XXX, V.) Подтвержденіемъ этого факта служитъ Торинійская надпись (Thorigny), вырѣзанная въ 239 г. по Р. Хр. и содержа-

щая въ себѣ письмо, которое бывшій правитель-намѣстникъ Галліи писалъ одному изъ своихъ преемниковъ.

„Въ провинціи Lugdunensis (Ліонской Галліи), гдѣ я былъ „намѣстникомъ, пишетъ онъ, узналъ я многихъ хорошихъ „людей (мужей - viros), между прочимъ и Солемнія, предс. „общины Viducassi (Vieux près de Caën), которого я особенно „полюбилъ за его серьезность и честный нравъ. Въ особен„ности же понравился онъ мнѣ по слѣдующему случаю: „Когда на сеймъ разъ по какому-то предубѣжденію (по „инстинкту - instinctu въ текстѣ) хотѣли принести жало„бу на моего предшественника, Клавдія Паулина, Солем„ній воспротивился этому, говоря, что отечество его (т. е. „община Viducassi), не давало ему порученія и права „порицать упомянутаго правителя, а напротивъ, позволи„ло хвалить его. На основаніи этого заявленія Солемнія, „жалоба не состоялась и за это я его полюбилъ еще больше.

(Подробный текстъ этой надписи см. у Моммсена: Epigraphische Analekten. Aus den Berichten der philologish-historichen Classe der königlich sächsischen Gesellschaft der Wissenschaften. 1852. Кромѣ того: Jean Rénier: Mélanges d'épigraphie и у Aug. Bernard. Le temple d'Auguste.)

Право похвалы и порицанія сохранилось и въ позднѣйшее время. Одинъ изъ законовъ 355 г. постановилъ, что провинц. должны имѣть полную свободу выражать свои желанія на сеймахъ и поддерживать свои рѣшенія посредствомъ депутацій. (Codex Theodos.)

Точно также какъ и культъ Августа, провинціальные сеймы, вытекавшіе первоначально изъ этого культа и группировавшіеся вокругъ него, служили проводниками Римскаго вліянія и главными факторами въ дѣлѣ романизаціи Галловъ. Нѣсколько надписей, оставшихся послѣ Галловъ и найденныхъ теперь, указываютъ намъ, какъ быстро шло дѣло этой романизаціи. Такъ напр. Цезарь упоминаетъ о нѣкоемъ Луктеріи (Lucterius Cadurc

homo audacissimus, по выраженію Цезаря), бывшимъ однимъ изъ главныхъ его противниковъ. Цезарь говоритъ объ немъ въ слѣдующихъ словахъ: „Ibi cum Lucterius apud suos cives quondam integris rebus multum potuisset, semperque auctor novorum consiliorum magnam apud barbaros auctoritatem haberet. (Caes. VIII, 32.). Между тѣмъ, на одной изъ вотивныхъ надписей мы читаемъ: „Marco Lucterio Lucterii Seneciani filio Leoni omnibus honoribus in patria functo sacerdoti arae Augusti inter confluentes Araris et Rhodani civitas Cadurcorum (Quercy) ob merita publice posuit." Итакъ, внукъ или правнукъ Луктерія, противника Цезаря, изъ той же civitas Cadurcorum, является уже уважаемымъ жрецомъ храма Рима и Августа и присоединяетъ Римское имя Марка къ своему Галльскому имени Луктерія. Изъ этой и подобныхъ надписей мы легко можемъ усмотрѣть, какъ охотно сливались побѣжденные Галлы со своими побѣдителями, какъ быстро усваивали они себѣ латинскій языкъ и Римское образованіе.

Съ культомъ Рима и Августа связано одно выдающееся учрежденіе или, лучше сказать, сословіе — Августалы (augustales.) Хотя имя это встрѣчается только однажды у одного древняго писателя, но за то сохранилось во многихъ надписяхъ и памятникахъ, какъ имя сословія, стоявшаго какъ бы посреди сената и народа; въ этихъ надписяхъ упоминается: ordo decurionum, augustales et plebs universa и это выраженіе свидѣтельствуетъ намъ, что дѣйствительно августалы составляли отдѣльную корпорацію, выдѣлявшуюся изъ остальной массы народной.

Это было ничто иное, какъ ассоціація вольноотпущенниковъ (libertini) содержавшая на свой счетъ алтарь и культъ императора, строившая храмы, отправлявшая богослуженіе и, благодаря этому, получившая выдающееся значеніе. Изъ своей среды августалы избирали комитетъ въ 6 человѣкъ (seviri - sex viri) для завѣдыванія всѣми своими дѣлами

въ этомъ отношеніи. Такимъ же образомъ можно объяснить происхожденіе этого отдѣльнаго, самостоятельнаго культа среди вольноотпущенниковъ?

Надо полагать, что когда распространился обычай поклоненія генію Августа, то сначала составились частныя ассоціаціи свободныхъ гражданъ; къ этимъ ассоціаціямъ старались привлекать и вольноотпущенниковъ, какъ людей богатыхъ, могущихъ помогать дѣлу своими вкладами. Впослѣдствіи начали ставить алтари и учреждать служеніе отъ города и провинціи; но содержаніе этихъ публичныхъ культовъ падало все на тѣхъ же свободныхъ гражданъ и для того, чтобы не жертвовать два раза на одинъ и тотъ же предметъ, они передали первоначальный частный культъ вольноотпущенникамъ. Несомнѣнно, что благодаря этому, прежніе несвободные люди - рабы, получили возможность пріобрѣсти извѣстное значеніе, достигнуть лучшаго общественнаго положенія; сопричастіе къ культу Августа давало имъ значительный почетъ между согражданами ихъ. Изъ бывшихъ sex viri Augustales образовалась корпорація, нѣсколько похожая на среднее сословіе между городскою аристократіей и плебсомъ. Въ большинствѣ случаевъ, эти эмансипированные невольники занимались торговлей и промыслами и часто обладали значительнымъ состояніемъ; имъ недоставало только общественнаго значенія и вотъ теперь культъ Августа давалъ имъ возможность сплотиться въ одну уважаемую корпорацію. Такъ какъ этотъ классъ людей, существовавшій во всѣхъ Галльскихъ общинахъ, былъ обязанъ своимъ положеніемъ Риму и императору, то очевидно и естественно, что онъ былъ новымъ цементомъ, связывавшимъ провинціи съ римскимъ центромъ, новымъ и надежнымъ проводникомъ романизаціи и опорою Римской власти въ муниципіяхъ.

Этимъ послѣднимъ учрежденіемъ мы покончимъ разборъ Римскаго вліянія въ Галліи въ отношеніи умственномъ и

нравственномъ. Въ области матеріальной культуры важное мѣсто можно отвести Римскимъ дорогамъ или, лучше сказать, шоссе, отличавшимся такою прочностью и такими хорошими качествами, что въ иныхъ мѣстахъ (въ Швейцаріи, напр.) они и до сихъ поръ въ военное время служатъ для сообщенія предпочтительно передъ новыми. Первая Галльская дорога была проведена изъ Нарбонны въ Испанію Цезаремъ; со времени же Августа, такія дороги прорѣзывали Галлію по всѣмъ направленіямъ, отправляясь отъ одного центра — Ліона (Lugdunum). Дороги эти, конечно, имѣли стратегическое значеніе и прежде всего служили для военныхъ цѣлей, но вмѣстѣ съ тѣмъ облегчали устроенное впослѣдствіи почтовое сообщеніе (cursus publicus) и частныя торговыя сношенія, такъ какъ торговля, которую Галлія вела уже въ 1мъ вѣкѣ, была весьма значительна. Легкость и удобство сообщенія давали возможность Римскому правительству, не держа войска внутри провинціи, сосредоточить легіоны на Рейнѣ, чтобы защитить Галлію отъ возможныхъ нападеній варваровъ-Германцевъ. Уже въ это время на Германской границѣ имѣли первостепенное значеніе въ военномъ отношеніи города: Confluentes1) (Кобленцъ), Mogontiacum (Майнцъ), Colonia Agrippina (Cologne, Кёльнъ).

Постройки Римскія: водопроводы, арки, термы, базилики и т.п. вѣроятно, извѣстны каждому изъ многочисленныхъ описаній ихъ. Результаты Римской системы управленія (которая достаточно характеризуется учрежденіемъ вольныхъ городскихъ общинъ, провинціальными сеймами и другими гуманными учрежденіями, связанными съ культомъ Августа) — можно сказать, находятся на лицѣ. Романскіе языки, романскія

---

1). Самое названіе этого города „Confluentes“, показываетъ, что онъ стоялъ при сліяніи двухъ рѣкъ; дѣйствительно онъ былъ расположенъ на лѣв. берегу Рейна, при впаденіи въ него одного изъ его притоковъ.

націи въ сущности представляютъ результатъ этого управленія и въ частности Французскій языкъ, Французская нація. Мы имѣемъ предъ собою невиданное и поразительное явленіе: цѣлый народъ, достигшій извѣстной степени культуры, отказался отъ своего природнаго языка и принялъ языкъ своихъ побѣдителей. И этотъ фактъ можетъ быть наблюдаемъ не только въ высшемъ сословіи, что было бы проще и понятнѣе, но также и въ народной массѣ. Въ высшихъ городскихъ классахъ общества распространился языкъ Римской литературы, языкъ Цицерона и Юлія Цезаря, въ народной массѣ — lingua vulgaris, sermo rusticus (le bas latin). Отъ этой то крестьянской латыни ведутъ свою родословную языки Романскіе вообще и Французскій языкъ въ частности. Объяснить этотъ фактъ большимъ наплывомъ колонизаціи невозможно, такъ

Вліяніе Римской культ.

какъ, исключая легіоновъ, стоявшихъ на Рейнѣ, мы не имѣемъ указаній на значительныя переселенія. Если город называется Римской колоніей, то это не значитъ, что онъ основанъ людьми, пришедшими изъ Рима или Италіи. Слово колонія въ этомъ случаѣ имѣетъ другой смыс[лъ]: оно есть только почетный титулъ, указывающій, что здѣсь организована община по Римскому образцу, по образцу древнихъ Римскихъ колоній. На самомъ дѣлѣ, съ возведеніемъ извѣстнаго поселенія на степень колоніи — именно мѣстные же Галльскіе жители превращались въ Римскихъ гражданъ. Поселенія ветерановъ Цезаря и Августа являются только частными и немногими случаями; тѣмъ удивительнѣе представляется намъ получившійся результатъ.

Кельтскій языкъ, конечно, не вдругъ уступилъ свое мѣсто латинскому, но тѣмъ не менѣе, довольно скоро. Указанія на постепенное распространеніе латинскаго языка доволь[но] многочисленны и весьма любопытны. Уже въ 1мъ вѣкѣ Римскія школы (помимо Нарбоннской Галліи), существовали ш[ко]...

въ civitas Remorum (Reims, Реймсъ, древній Durocortorum), въ Augustodunum (Autun, древній Bibracte) и другихъ городахъ; онѣ наполнялись знатнѣйшимъ юношествомъ Галліи. Тацитъ говоритъ намъ, что когда въ 21 году по Р. Хр. Юлій Сакровиръ занялъ главный городъ Эдуевъ (Augustodunum) онъ нашелъ: „nobilissimam Galliarum subolem, liberalibus studiis ibi operatam" — все Галльское благородное юношество, привлекаемое туда знаменитыми школами (Tac. Ann. III, 43). Страбонъ, писавшій въ 1мъ вѣкѣ при Августѣ и Тиберіи, сообщаетъ намъ, что во многихъ городахъ Галліи были учителя, содержимые на счетъ городскихъ общинъ; они преподавали не науки друидовъ, но римскую, учили латинскому языку и отчасти (высшій курсъ) и греческому. Массилія, которая во время своей самостоятельности не оказывала особеннаго вліянія на мѣстное варварское населеніе, теперь, подчиненная Риму, сдѣлалась очагомъ просвѣщенія, Галльскими Аѳинами, куда стекалось юношество и куда стремились даже изъ Италіи люди, искавшіе высшаго греческаго образованія. Vienna была другимъ центромъ, гдѣ господствовала Римская школа и римское образованіе. Страбонъ очень положительно и сильно говоритъ о дѣйствіи его на Галльскихъ туземцевъ, о томъ, какъ они покидали свои нравы и свой языкъ ради Римскихъ. Вскорѣ появились литературныя состязанія, участниками которыхъ были мѣстные уроженцы. Словомъ, въ IV вѣкѣ, Галльскія школы были лучшими и наиболѣе знаменитыми во всей имперіи; онѣ дали потомству цѣлый рядъ писателей и ученыхъ; особою славою пользовалось красноречіе учениковъ этихъ риторическихъ школъ. (см. Ешевскій. Апполинарій Сидоній и его время. М. 1855.)

Остается теперь рѣшить вопросъ: когда именно восторжествовала крестьянская латынь (sermo rusticus) надъ Кельтскими говорами? Существуетъ много любопытныхъ ука-

заній, говорящихъ намъ о томъ, долго ли держался Кельтскій языкъ въ общинахъ Галліи. Луканъ, сатирическій писатель 1го вѣка, упоминаетъ о кельтскомъ языкѣ слѣдующимъ образомъ: однажды, говоритъ онъ, было большое собраніе на Олимпѣ и боги подняли страшный шумъ. Меркурій, посланный усмирить ихъ, отказался идти, подъ тѣмъ предлогомъ, что онъ не умѣетъ говорить на разныхъ языкахъ, а тамъ, въ собраніи боговъ есть такіе, которые говорятъ только по-фракійски и по кельтски. Въ этомъ юмористическомъ разсказѣ мы должны видѣть указаніе на то, что кельтскіе говоры существовали въ 1мъ столѣтіи. Тотъ же Луканъ написалъ сочиненіе въ обличеніе одного шарлатана Александра, который давалъ отвѣты на вопросы, предлагаемые ему въ запечатанныхъ конвертахъ; но когда эти вопросы были на кельтскомъ языкѣ, говоритъ Луканъ, то онъ затруднялся отвѣчать и иногда даже откладывалъ отвѣтъ на другой день. Оба эти свидѣтельства Лукана считаются весьма важными, такъ какъ они удостовѣряютъ насъ въ томъ, что дѣйствительно языкъ Кельтскій не изчезъ еще въ его время. У одного позднѣйшаго писателя также есть указаніе на одну друидессу, которая около 235 г. предсказывала императору Северу на кельтскомъ языкѣ. Кромѣ того, одинъ юридическій писатель III столѣтія упоминаетъ также, что договоры и сдѣлки можно заключать не только на Римскомъ, но и на греческомъ и кельтскомъ языкахъ.

Изъ послѣдующихъ свидѣтельствъ наиболѣе достойно вниманія указаніе блаженнаго Іеронима, написавшаго толкованіе на св. книги и между прочимъ на посланіе Ап. Павла къ Галатамъ; во введеніи онъ разсказываетъ, что Галаты говорятъ на томъ же языкѣ, который можно слышать въ Галліи, въ Augusta Trevirorum (Trèves). Основываясь на этомъ, можно было бы подумать, что и въ VI

еще кельтскій языкъ сохранился; но несомнѣнно, что здѣсь есть какое нибудь недоразумѣніе; достовѣрно извѣстно, что Галаты, мало-азійскіе Галлы, еще въ 1-мъ вѣкѣ совершенно утратили свой языкъ и приняли вмѣстѣ съ культурой, языкъ Греческій.
Изъ всего вышесказаннаго можно вывести пока общепринятый и повидимому вѣрный отвѣтъ, что въ IV вѣкѣ; къ началу V-го, процессъ романизаціи былъ конченъ; Галлы приняли Римскій языкъ и развѣ только въ самыхъ отдаленныхъ уголкахъ Галліи (въ Бретани), еще продолжалъ существовать древній кельтскій говоръ. Разборъ различныхъ, относящихся къ этому вопросу свидѣтельствъ, сдѣланъ въ рецензіи Gaston Paris'a (Revue critique. 1873. № 19.)
Разбирая процессъ Римскаго вліянія въ Галліи, нельзя не упомянуть о нѣсколькихъ возстаніяхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ не пояснить, что вопросъ о народной оппозиціи противъ Рима имѣетъ преувеличенное значеніе, которое придается иногда разнымъ бунтамъ и возстаніямъ, вызваннымъ отчасти совсѣмъ не національными стремленіями.
Во время царствованія императора Тиберія Юлій Сакровиръ (Julius Sacrovir) и Юлій Флоръ (Julius Flor) возмутили Белговъ и Галловъ, распространяя недовольство противъ размѣровъ податей и налоговъ, противъ гордости и жестокости начальниковъ. Возстаніе это, не вызвавшее почти никакого сочувствія массы, особенно въ южной Галліи, окончилось двумя неудачными для инсургентовъ битвами и самоубійствомъ обоихъ предводителей возстанія. (Tac. Ann. III. 40-46.)
Вскорѣ послѣ этого, было вызвано волненіе друидами, которые имѣли наибольшее основаніе быть недовольными Римскимъ господствомъ; они были единственнымъ классомъ, вызвавшимъ преслѣдованіе и притѣсненія за свой культъ, за свои человѣческія жертвы. (Эти жертвы вызвали постоянное неудовольствіе Тиберія и были окон-

чательно запрещена императоромъ Клавдіемъ). Для возбуж-
денія возстанія, друиды прибѣгли къ самому сильному
своему средству, къ предсказаніямъ и чудесамъ и дѣйст-
вительно, имъ удалось поднять нѣкоторое движеніе, ко-
торое, впрочемъ, не разрослось до размѣровъ національнаго
возстанія противъ Римской власти.
Третье изъ возстаній было дѣломъ Юлія Виндекса
(Julius Vindex). Виндексъ, романизованный Галлъ, родомъ
изъ Аквитаніи, преторъ Галліи, былъ начальникомъ легі-
оновъ и дѣйствовалъ болѣе во имя Римскихъ идей и Рим-
ской чести, такъ какъ призывалъ Галловъ свергнуть не
Римское господство, но возстать противъ позорнаго правле-
нія Цезаря Нерона. (Объ этомъ возстаніи см. Tacite. Histo-
riae. I, 6, 51, 65, 89; IV, 57.)
Въ царствованіе Веспасіана четвертое возмущеніе было воз-
буждено Цивилисомъ (Claudius или Julius Civilis). Этотъ
человѣкъ, принадлежавшій по происхожденію къ Германской
расѣ (Батавъ), дослужился до высокаго положенія въ Рим-
скихъ легіонахъ и, опираясь на свою Германскую дружину
и любившіе его легіоны, призывалъ ихъ къ сверженію Рим-
ской власти и къ независимости; на помощь ему вновь
явились друиды со своими предсказаніями. Но это воз-
мущеніе было усмирено безъ всякаго труда со стороны
Римлянъ. Тацитъ разсказываетъ, что въ Durocortorum
(Реймсъ) собрался сеймъ изъ депутатовъ отъ Галльскихъ
общинъ; на рѣшеніе этого сейма былъ предложенъ воп-
росъ: слѣдуетъ ли пользоваться распрями въ Римѣ, борь-
бою императоровъ (Гальбы, Вителлія, Оттона и др.) и воз-
стать для пріобрѣтенія независимости? Мнѣнія раздѣ-
лились; благоразумное большинство высказало сомнѣніе на-
счетъ того, достаточно ли сама Галлія сильна и обезпе-
чена отъ раздоровъ. Это сомнѣніе рѣшило вопросъ: поста-
новлено было не противиться Риму и даже отъ сейма пос-
ланы были уполномоченные въ civitas Trevirorum съ пред-

ложитъ положить оружіе. (О возстаніи Цивилиса см. Tac. Hist. IV, 13.14, 17, 21-70. V, 18-26.)

Изъ всего вышесказаннаго легко можно убѣдиться, что народная масса въ Галліи охотно примирялась съ господствомъ Рима и совсѣмъ не желала сверженія этого господства. Кромѣ того, необходимо помнить, что Ю. Цезарь, завоевавъ Галлію, вмѣстѣ съ тѣмъ защищалъ ее отъ нападенія варваровъ-Германцевъ и давъ ей гуманное устройство, не могъ возбуждать противъ себя народной оппозиціи. Римская культура, проникнувъ въ Галлію, такъ крѣпко утвердилась тамъ, что ее не могли уничтожить даже послѣдующія нашествія варваровъ. Этотъ единственный въ исторіи результатъ завоеванія, принятіе побѣжденными языка, нравовъ, обычаевъ, религіи побѣдителей, былъ слѣдствіемъ разумнаго управленія и заботливости послѣднихъ. Многихъ ученыхъ особенно возмущаетъ та мысль, что фактъ романизаціи Галловъ совершился въ самое темное время Римской исторіи: въ періодъ Имперіи, носившій въ себѣ уже задатки будущаго разложенія великой всемірной монархіи. Но необходимо помнить, что подобныя народныя явленія могутъ происходить независимо отъ развращенности и даже слабости правительства; кромѣ того уже было сказано выше, что даже самые дурные императоры Рима были заботливыми повелителями провинцій; наконецъ и въ самомъ Римѣ начался такъ называемый періодъ „хорошихъ императоровъ" (Нерва, Траянъ, Адріанъ, Маркъ Антонинъ Пій, Маркъ Аврелій Философъ), періодъ, продолжавшійся почти цѣлое столѣтіе (отъ 96-180 г.) и, конечно, повліявшій и на благосостояніе провинцій.

Не будемъ останавливаться на подробномъ разборѣ другихъ Римскихъ провинцій; познакомившись съ Римомъ со всѣми отраслями провинціальнаго управленія въ Галліи, мы уже составили себѣ понятіе объ управленіи всѣхъ другихъ провинцій. Въ <u>Испаніи</u> процессъ романизаціи

тѣмъ же путемъ, но окончился еще скорѣе, чѣмъ въ Галліи. Страбонъ даетъ намъ множество указаній на то, что и въ другихъ провинціяхъ совершенно забывался мѣстный языкъ, что жители отрывались отъ своихъ обычаевъ, совершенно измѣняли складъ своей прежней жизни и становились Римлянами. Вездѣ за Римскимъ завоеваніемъ слѣдовало не подчиненіе, но сліяніе — сліяніе культурное, нравственное, религіозное. Галлія, Германія, Испанія не были подчиненными Риму самостоятельными государствами — они были частями великой Римской Имперіи; жители ихъ, оставаясь Галлами, Германцами, Испанцами, были прежде всего гражданами Рима, подданными одного императора.

Во всѣхъ завоеванныхъ земляхъ процессъ былъ одинъ и тотъ же, и потому нѣтъ необходимости разбирать его отдѣльно въ каждой провинціи. Остановимся только нѣсколько подробнѣе на Британіи и Дунайскихъ провинціяхъ.

Образованность и культура Британіи ведутъ свое начало также со времени Римскаго завоеванія и въ этомъ отношеніи она представляетъ много сходства съ Галліей. Сходство это является также въ вопросѣ о происхожденіи Британцевъ. Нѣкоторые ученые полагаютъ, что Англо-Саксы, завоевавъ Британію, уничтожили въ ней большую часть Кельтскаго населенія; такимъ образомъ послѣдователи этого мнѣнія совершенно отрицаютъ родство теперешнихъ Англичанъ съ древними Кельтами; въ доказательство своего предположенія они приводятъ бѣлокурый цвѣтъ волосъ большинства жителей Англіи. Другое мнѣніе, напротивъ, допускаетъ часть Кельтской крови въ жилахъ Британцевъ и опирается на статистическія данныя, констатирующія въ Англіи гораздо больше черноволосыхъ,

---

*) Слѣды Римлянъ въ Испаніи остались въ названіяхъ многихъ городовъ; напр. Caesaraugusta (Saragossa), Corduba (Cordova) и др.

чьимъ вѣлокурыхъ туземцевъ. Первое мнѣніе, очевидно, несостоятельно; второе же должно быть нѣсколько измѣнено: не отъ Кельтовъ, но скорѣе отъ Иберовъ и Лигуровъ должны мы вести тѣхъ Британцевъ, которые по своимъ физіологическимъ признакамъ, не могутъ быть считаемы потомками Англо-Саксовъ, такъ какъ въ этомъ отношеніи не было большой разницы между двумя расами, Германской x) и Кельтской. Мы имѣемъ любопытное свѣденіе, сообщаемое Тацитомъ, что древніе жители Валлиса имѣли смуглый цвѣтъ лица и курчавые волосы, черты, по словамъ Тацита, роднившіе ихъ съ Иберами. Указанія этого будетъ достаточно для того, чтобы удостовѣриться, что ко времени пришествія Римлянъ населеніе Британіи состояло не изъ чисто кельтскаго элемента, а изъ элемента смѣшаннаго. Первое появленіе Римлянъ въ Британіи относится ко времени Ю. Цезаря, который совершилъ туда два похода; Августъ слѣдовалъ его примѣру. Первая колонія Римлянъ въ Британіи былъ городъ Camulodunum; названіе это показываетъ, что здѣсь еще ранѣе существовало Кельтское населеніе (Camulus-кельтскій Аполлонъ); въ средніе вѣка городъ, основанный на этомъ мѣстѣ Римлянами, называется (въ Англо-саксонской хроникѣ) Coloniae Castrum, откуда и настоящее названіе Колчестеръ. Въ этой колоніи привились и утвердились всѣ коренныя провинціальныя учрежденія; она сдѣлалась опорою и центромъ Римскаго вліянія въ Британіи, по выраженію Тацита „цитаделью Римскаго господства". Другой важный городъ, упоминаемый также Тацитомъ — Londinium (Лондонъ), который, „не будучи украшенъ именемъ колоніи, тѣмъ не менѣе представляетъ важный торговый центръ" (cognomento quidem coloniae non insigne, sed copia negociatorum et commeatuum maxime celebre. (Tac. Ann. XIV, 33.)

x) къ которой, какъ извѣстно, принадлежали и Англо-Саксы.

Третій значительный пунктъ былъ Verulamium. Въ этихъ трехъ главныхъ пунктахъ Римское господство утвердилось уже въ 61^{мъ} году, менѣе чѣмъ черезъ 20 лѣтъ послѣ завоеванія (въ 43^{мъ} году при Клавдіи); число романизованнаго населенія этихъ городовъ, состоявшаго конечно не изъ однихъ римскихъ переселенцевъ, но также и туземцевъ, покорившихся вліянію Римской культуры, считалось десятками тысячъ. Тацитъ сообщаетъ намъ, что во время возстанія 61го года въ трехъ названныхъ городахъ было убито 70.000 римскихъ гражданъ и союзниковъ; нужно при этомъ замѣтить, что изъ Лондона, да вѣроятно и изъ Верулама большая часть жителей все таки успѣла спасти свою жизнь бѣгствомъ. Позднѣе мы находимъ (по надписямъ) слѣды Римскаго устройства еще въ нѣкоторыхъ городахъ, какъ напр. Lindum-colonia (Линкольнъ) Eboracum (Іоркъ) и друг.; здѣсь мы видимъ городское муниципальное самоуправленіе, какъ и въ Camulodunum'ѣ; въ этихъ городахъ кипѣла Римская жизнь, господствовала Римская образованность. Принимая въ расчетъ кратковременность Римскаго господства въ Британіи и несмотря на это многочисленность оставленныхъ имъ памятниковъ: мозаичныхъ половъ, термъ, базиликъ, водопроводовъ и т.п., мы можемъ только удивляться тѣмъ поразительнымъ культурнымъ результатамъ, которые повсюду влекло за собою Римское завоеваніе.

Изъ Дунайскихъ провинцій Римской Имперіи слѣдуетъ замѣтить.

1) Рецію (Rhaetia), обнимавшую часть теперешней Баваріи къ югу отъ Дуная, восточную часть Швейцаріи (Graubünden) и сѣверную часть Тироля. Она была завоевана въ 15 г. до Р. Хр. соединеннымъ нападеніемъ двухъ императорскихъ принцевъ - Тиверія и Друза и превращена въ Римскую провинцію. Завоеваніе это было прямымъ слѣдствіемъ покоренія Галліи, такъ какъ для свободнаго господства въ этой странѣ, необходимо было утвердиться и на грани-

ся. Такимъ образомъ былъ открытъ свободный проходъ изъ Италіи къ Дунаю (черезъ Бреннеръ); тогда же возникли два пограничныя укрѣпленія: Augusta Vindelicorum x) (Аугсбургъ) и Augusta Rauracorum (Augst близъ Базеля) обезпечивавшія Римскую власть на верхнемъ Дунаѣ и среднемъ Рейнѣ, на берегахъ Боденскаго и Констанцкаго озеръ; вскорѣ послѣ основанія этихъ двухъ городовъ, являются еще два: Брегенцъ и Regensburg (Reginum). Туземное население - Гельты и отчасти Этруски - испытали обычную всѣмъ завоеваннымъ провинціямъ участь романизаціи. Живые слѣды этой романизаціи представляетъ намъ такъ называемый рэто-романскій діалектъ жителей Граубинденскаго кантона Швейцаріи Гризоновъ (Grison). О существованіи еще въ глубокой древности этого языка, который сами Гризоны называютъ romaunsch, свидѣтельствуютъ намъ многочисленныя указанія. Авторъ біографіи Св. Галла (одного изъ спутниковъ св. Колумбана) разсказываетъ, что когда св. Колумбанъ пришелъ для проповѣди на берега Констанцкаго озера въ Брегенцъ, то онъ просилъ своего спутника Галла говорить къ народу, такъ какъ ему незнакомъ былъ народный латинскій языкъ туземцевъ. Другое мѣсто той же біографіи, гдѣ говорится про гробницу св. Галла, несомнѣнно и прямо доказываетъ существованіе этого языка: isti romani ingeniosi sunt, ideo sabbocilium bona sua absorderunt.

Въ памятникахъ X и XII вв. встрѣчаются указанія на то, что жители Реціи были останки Римскаго завоеванія: Iste Rhaetianus et minus Theutonus (X вѣкъ). Terra Romana in pago Walechgou, говорится въ одномъ документѣ XII в. епископа Курскаго (Chur).

---

x) Тацитъ называетъ этотъ городъ великолѣпнѣйшей, самой цвѣтущей колоніей Реціи (splendidissima Rhaetiae provinciae colonia. Tac. Germania. 41.)

Въ настоящее время сохранились только незначительные остатки говорящаго этимъ языкомъ населенія.

2) Винделиція (Vindelicia), обнимавшая часть Швейцаріи, Баденъ и Вюртембергъ - Баварію. Завоевана и обращена въ Римскую провинцію одновременно съ Реціей. Въ слѣдующемъ 16 году покоренъ былъ подчинился Римлянамъ

3) Норикъ, составлявшій прежде самостоятельное царство (regnum Noricum) и обнимавшій верхнюю и нижнюю Австрію, большую часть Штиріи и Каринтіи. Главнымъ опорнымъ пунктомъ Римскаго вліянія въ Норикѣ сдѣлался городъ Cetium (близь теперешней Вѣны). Кромѣ того, Римляне основали здѣсь еще двѣ колоніи: Virunum (Mariasaal) къ сѣверу отъ Дравы и Ovilava (Wels).

4) Паннонія (Pannonia), заключавшая въ себѣ восточную часть теперешней Австріи, всю Венгрію между Дунаемъ и Савой, часть Босніи и Кроаціи (Штирія и Хорутанія), была покорена въ 12 году до Р. Хр. Тиберіемъ и Германикомъ. Въ этой провинціи появилось значительное количество Римскихъ городовъ, изъ которыхъ особенно значеніе пріобрѣли: Vindobona (Вѣна) Aquincum, Aemona (Любляны, Лайбахъ), Mursa (Essek) и д. Мало по малу здѣсь появился рядъ Римскихъ поселеній, устроены были дороги и укрѣпленія на Дунаѣ для защиты отъ нападеній варваровъ съ сѣвера, постройки, школы и другія принадлежности Римскаго господства, такъ что современникъ Тиберія - Валерій, говоритъ: „не только „всѣмъ Паннонамъ извѣстно было Римское устройство, но „и самый языкъ; многіе занимались даже литературою „и привычны были къ умѣреннымъ трудамъ." Во всѣхъ этихъ мѣстностяхъ и теперь еще разсѣяны остатки памятниковъ Римскаго господства: развалины термъ, базиликъ, храмовъ, цирковъ и т. п. указывающія на преобладаніе здѣсь Римскихъ нравовъ и обычаевъ.

Но наиболѣе интересными для изученія представляются намъ двѣ позже основанныя провинціи Римскія на Дунаѣ — Дакія и Мёзія. Первая заключала въ себѣ теперешнюю Руманію, Молдавію, Валахію и Трансильванію.
Въ началѣ II в. по Р. Хр. а именно въ 105 и 107 г. императоръ Римскій Траянъ окончилъ борьбу съ Дакійскимъ царемъ уничтоженіемъ его царства и превращеніемъ его въ провинцію Римской имперіи. Въ этомъ отношеніи Римъ отступилъ отъ принципа, завѣщаннаго ему Цезаремъ — не заходить въ своихъ завоеваніяхъ далѣе естественныхъ границъ — Рейна и Дуная, но сильное Дакійское царство, тревожившее часто Римлянъ своими набѣгами, заставило ихъ перенести свои завоеванія за природную границу. Траянъ дѣлалъ два похода въ Дакію и во время втораго построилъ знаменитый мостъ, названный его именемъ х). Послѣ окончательнаго завоеванія значительная часть мѣстнаго населенія была истреблена и началась Римская колонизація; какъ и въ другихъ провинціяхъ здѣсь также были построены храмы и учрежденъ культъ Августа.
Римляне, впрочемъ, не глубоко проникали въ Молдавію и Валахію и колонизація ихъ ограничивалась преимущественно Трансильваніей. Хотя эти провинціи не такъ долго оставались въ Римскихъ рукахъ, какъ другія, но тѣмъ не менѣе господство Рима оставило здѣсь такіе глубокіе слѣды, что до нашего времени существуетъ народъ, ведущій свое происхожденіе отъ завоевателей — Римлянъ — Руманы, говорящіе Римскимъ языкомъ, хотя съ большою примѣсью славянскаго. Вопросъ о происхожденіи Руманъ, впрочемъ, еще не рѣшенъ окончательно. Извѣстно, что при вторженіи вар-

---

х). Въ это же время поставлена была здѣсь знаменитая Траянова колонна, на которой рельефно изображены были нѣкоторые эпизоды изъ Дакійской войны. (Теперь издается въ рисункахъ съ объяснительнымъ текстомъ.)

варовъ, Римляне очистили Дакійскую территорію и перенесли свою колонизацію на правый берегъ Дуная по волѣ императора Адріана. Господство Римлянъ здѣсь было, слѣдовательно, столь кратковременно, что едва ли они могутъ считаться предками Румыновъ, въ особенности если принять въ расчетъ прошедшихъ здѣсь же Мадьяровъ, Печенѣговъ, Половцевъ и другихъ варваровъ. Гораздо правдоподобнѣе будетъ предположить, что Румыны позднѣе (въ 12в) явились изъ романизованныхъ сѣверныхъ провинцій Балканскаго полуострова — Мезіи (теперешней Сербіи) и Ѳракіи; съ приходомъ своимъ они принесли и свой Романскій языкъ на лѣвый берегъ Дуная и очевидно, не могутъ считаться исконными владѣтелями своей теперешней земли.

Мезія (Moesia), простиравшаяся до Дуная на сѣверъ, Дрина на западъ, Балканскихъ горъ на югъ и Понта Евксинскаго на востокъ (теперешн. Сербія и Болгарія), покорена была, по свидѣтельству Діона Кассія, цезаремъ Августомъ. Къ этой провинціи причислялись также и греческія колоніи южной Россіи — Ольвія, Пантикапея, Херсонесъ Таврическій и др. находившіяся подъ Римскимъ игомъ.

Что касается до Греціи и Востока, то на нихъ вліяніе Римской культуры не распространилось. Завоеванная и присоединенная подъ именемъ Ахаіи къ великой Римской имперіи, Греція въ культурномъ и нравственномъ отношеніи продолжала существовать и даже вліять на Востокъ. Римляне предоставляли свободное поприще развитію Греческой образованности — преемники Цезаря не уничтожали того, что было сдѣлано Александромъ Великимъ. Господство Греческаго языка на Востокѣ было вполнѣ признаваемо Римлянами; они уважали литературу Грековъ и каждый образованный Римлянинъ считалъ для себя даже обязательнымъ знаніе греческаго языка, съ которымъ, по ихъ мнѣнію, можно было пройти весь образованный міръ.

отъ Бактріи до сѣверной Шотландіи. Они не считали нужнымъ соперничество съ Греками въ культурномъ отношеніи и считали свой языкъ и Греческій равными по достоинству. Свидѣтельствомъ этого можетъ служить намъ письмо Клавдія къ одному современному ему ученому, гдѣ онъ спрашиваетъ послѣдняго: знаешь ли ты наши оба языка? (т. е. греческій и латинскій).
Обладатели такой могущественной монархіи, какою представляется намъ Римская имперія въ первые вѣка христіанской эры, сами чувствовали величіе и славу державы своей. Другимъ дана въ удѣлъ поэзія и изящныя искусства, говорили они, — Римляне предназначены властвовать надъ народами; исторической задачей ихъ было соединеніе подъ своей властью всѣхъ варваровъ и дарованіе имъ гуманнаго общественнаго и государственнаго устройства.
Величіе и могущество Римскаго государства восхваляли всѣ языческіе писатели; точно также преклоняются предъ Римомъ и писатели христіанскіе, отдавая ему должную честь, какъ подготовителю всего тогдашняго міра къ принятію новаго, великаго христіанскаго ученія.

Въ началѣ III вѣка, эдиктомъ императора Каракаллы, по которому всѣ свободные люди въ Имперіи (въ Италіи и въ провинціяхъ) получили право Римскаго гражданства, окончательно завершился тотъ процессъ, который начался основаніемъ первыхъ колоній и муниципій въ Галліи, Испаніи и другихъ завоеванныхъ земляхъ. Провинціи были уравнены съ Италіей, объединеніе національностей было окончено, планы, начертанные Гракхами и Цезаремъ были приведены въ исполненіе — Имперія представляла теперь стройное цѣлое, но съ этого же времени замѣчается упадокъ и въ городскомъ провинціальномъ самоуправленіи и въ благосостояніи самаго Рима. Упадокъ этотъ несомнѣнно стоитъ въ связи съ появленіемъ

и распространенiемъ христiанства, которое на ряду со многими другими важными явленiями затемняетъ въ III вѣкѣ блескъ Римскаго муниципальнаго устройства. Устройство это, придя въ столкновенiе съ новымъ ученiемъ, должно было много потерять въ своей силѣ и значенiи, такъ какъ всѣ учрежденiя его были тѣсно связаны съ культомъ Августа, культомъ языческимъ, враждебнымъ новой религiи.

Мы уже знаемъ, что въ курiяхъ совершались жертвоприношенiя, былъ свой алтарь и свои торжественныя языческiя празднества; каждый поступающiй въ курiю приносилъ на свой счетъ жертву; всѣ члены курiи, равно какъ и правительственные сановники (дуумвиры) обязаны были участвовать въ церемонiяхъ и богослуженiи; точно также всѣ они обыкновенно присутствовали на первыхъ мѣстахъ во время представленiй въ театрѣ и циркѣ. Для новообращеннаго христiанина все это казалось не только невозможнымъ, но даже отвратительнымъ, грѣховнымъ; христiанинъ не могъ быть членомъ курiи, принужденнымъ нести всѣ эти, противныя новымъ воззрѣнiямъ обязанности. И дѣйствительно, мы видимъ, что въ III вѣкѣ, съ паденiемъ курiи, христiанство распространяется именно въ среднихъ городскихъ кругахъ, изъ которыхъ составлялось большинство декурiоновъ. Новое ученiе настолько шло въ разрѣзъ съ древними учрежденiями, что существовали даже соборныя постановленiя, исключающiя изъ числа христiанъ всѣхъ тѣхъ, кто поступаетъ въ курiю; запрещали даже входъ въ нее, какъ въ мѣсто, оскверненное языческими жертвоприношенiями.

Христiане первыхъ вѣковъ положительно уклоняются отъ всякаго участiя въ общественной жизни; они составляютъ свои общины, организуютъ благотворительныя учрежденiя, поражающiя своей гуманностью, сво-

лись строгимъ порядкомъ даже такихъ языческихъ писателей, какъ Луканъ. Очевидно, что всякій, вступающій въ христіанскую общину, уже не жертвовалъ въ пользу древняго культа и учрежденій, а отдавалъ все своимъ новымъ братьямъ; то, что прежде шло на содержаніе городскихъ школъ, на постройку храмовъ, театровъ, поддерживавшихъ блескъ и величіе каждой отдѣльной муниципіи, теперь уходило на другія потребности, на христіанскую благотворительность, на дѣло братской помощи, ставшее плотью и кровью послѣдователей новой религіи.

Въ это же время, въ началѣ III вѣка, начинается развитіе имперской централизаціи и бюрократіи, на которой она опиралась. Процессъ этотъ ведетъ свое начало со времени царствованія Адріана, продолжается при Северахъ и Каракаллѣ и достигаетъ своего полнаго развитія при Діоклетіанѣ и Константинѣ Великомъ, способствуя точно также упадку муниципальныхъ учрежденій. Бюрократія и центральная власть подчиняютъ своему контролю и своему мертвящему вліянію свободное городское управленіе.

Очеркъ древняго Германскаго быта.

Обращаясь къ разсмотрѣнію политическаго, соціальнаго и религіознаго быта древнихъ Германцевъ, мы можемъ указать на Тацита, какъ на лучшій и драгоцѣннѣйшій источникъ, какъ на писателя, оставившаго намъ самыя добросовѣстныя свѣдѣнія относительно первобытнаго строя общественной и государственной жизни этихъ племенъ.

„Germania" Тацита заключаетъ въ себѣ 46 главъ, изъ которыхъ первыя 27 составляютъ часть общую, а послѣдующія посвящены описанію отдѣльныхъ германскихъ народцевъ, ихъ образа жизни и ихъ этнографичес-

кихъ особенностей.
Прежде чѣмъ мы будемъ разсматривать свѣдѣнія, оставленныя намъ Тацитомъ о Германцахъ, скажемъ нѣсколько словъ о степени достовѣрности этихъ свѣдѣній. Вопросъ этотъ необходимо долженъ быть разъясненъ потому, что существуетъ много различныхъ воззрѣній на это сочиненіе, не согласныхъ ни между собою, ни съ тѣмъ воззрѣніемъ, которое, по нашему мнѣнію, должно быть принято, какъ болѣе безпристрастное и болѣе точное.
1) Нѣкоторые ученые считаютъ „Германію" ничѣмъ инымъ какъ только политическимъ памфлетомъ, имѣвшимъ цѣлью отвратить императора Траяна отъ предполагаемаго имъ завоеванія этой страны и указать ему на всѣ трудности и опасности этого предпріятія. Мнѣніе это, очевидно, несостоятельно, такъ какъ нельзя даже ничѣмъ доказать, что въ 98 году (который былъ годомъ восшествія на престолъ Траяна и годомъ сочиненія книги) императоръ имѣлъ подобные планы.
2) Второе мнѣніе говоритъ, что сочиненіе Тацита было намѣренной сатирой на Римскіе нравы. Проникнутый идеей о прежней гражданской доблести Римлянъ, видя въ мрачномъ свѣтѣ современное ему состояніе имперіи, онъ хотѣлъ рельефнѣе и ярче выставить пороки своихъ современниковъ посредствомъ контраста ихъ съ добродѣтелями первобытныхъ народовъ; такъ что въ сущности, онъ имѣлъ въ виду скорѣе изобличеніе римлянъ, чѣмъ изображеніе настоящаго быта Германскихъ варваровъ.
Дѣйствительно, во многихъ чертахъ произведеніе Тацита есть зеркало, въ которомъ отражается физіономія императорскаго Рима. Настойчивость, съ которой онъ констатируетъ у Германцевъ отсутствіе извѣстныхъ пороковъ и наличность извѣстныхъ добродѣтелей показываетъ, что при каждомъ такомъ случаѣ мысль его переносится къ его отечеству. Каждое изъ его замѣчаній

въ похвалу Германіи содержитъ въ себѣ болѣе или менѣе скрытое обличеніе, болѣе или менѣе явную, но всегда горькую печаль и въ то же время серьезное предостереженіе. Въ 17, 18 и 19 главахъ съ особенной похвалой останавливается онъ на добрыхъ нравахъ, „крѣпости и святости брачныхъ и семейныхъ узъ.“ „Никто тамъ не смѣется надъ пороками, говоритъ онъ, соблазнить и быть соблазненной не считается тамъ свѣтскостью“ (Nemo enim illic vitia ridet; nec corrumpere et corrumpi seculum vocatur“ (cap. XIX). Въ этой же 19й главѣ онъ указываетъ, что Германскія женщины „живутъ, оберегаемыя своими добродѣтелями, безъ зрѣлищъ, которыя бы развращали ихъ, безъ пировъ, возбуждающихъ чувственность.“ Ergo septae pudicitia agunt, nullis spectaculorum illecebris, nullis conviviorum irritationibus corruptae. Очевидно, что когда онъ говоритъ такимъ образомъ, нельзя не подумать, что передъ нимъ рисуется противоположная этой чистотѣ картина упадка римскихъ нравовъ и безсилія разныхъ законодательныхъ мѣръ, которыя, во время республики и въ первый вѣкъ имперіи, такъ тщетно старались остановить зло.

Въ сущности, если мы примемъ въ расчетъ устройство германскихъ городовъ и первобытный строй ихъ общественной жизни, то окажется весьма естественнымъ, что германскія женщины не были склонны къ зрѣлищамъ и пирамъ, такъ какъ онѣ вовсе не знали ихъ и ставить имъ это въ заслугу Тацитъ могъ именно только съ намѣреніемъ показать противоположность между нравами германскими и римскими.

„Изъ всѣхъ варваровъ, говоритъ онъ въ XVIII главѣ, одни только Германцы не имѣютъ обычая многоженства; имѣя одно тѣло и одну жизнь, женщина точно также должна имѣть одного только мужа и любить въ немъ

Русская Литографія В. Курочкина. Невскій пр. 106.

супружество гораздо больше, чѣмъ супруга. [Здѣсь содержится указаніе на то, что у нѣкоторыхъ племенъ существовалъ обычай, запрещавшій вдовѣ во второй разъ выходить замужъ.] Nam prope soli barbarorum singulis uxoribus contenti sunt.... tec unum accipiunt maritum, quo modo unum corpus unamque vitam.... ne tanquam maritum, sed matrimonium ament. И въ этой чертѣ германскаго народа, вызывающей такую похвалу Тацита, должны мы видѣть скрытый намекъ на легкость разводовъ, на свободу и даже распущенность нравовъ Римскаго общества временъ имперіи.
Конечно не безъ намѣренія авторъ „Германіи" выводитъ въ своей книгѣ такіе разительные контрасты. Очевидно, что описывая у народовъ, подлежащихъ его наблюденію, вышеназванныя хорошія черты, онъ необходимо долженъ былъ обращаться взорами назадъ, къ своему отечеству и съ прискорбіемъ видѣть тамъ обычаи и нравы, далеко уступающіе по чистотѣ своей обычаямъ и нравамъ варваровъ.
Тѣмъ не менѣе, мы все же не должны разсматривать его сочиненіе, какъ исключительно-сатирическое. Цѣль его была не только назидательная, но и научная, иначе ему не для чего было вдаваться въ географическія и этнографическія описанія отдѣльныхъ германскихъ племенъ, а между тѣмъ мы видимъ, что этимъ описаніямъ посвящена почти половина его труда (19 главъ)
Съ большей достовѣрностью можно предположить, что Тацитъ имѣлъ намѣреніе совершенно объективно представить картину Германскаго быта, но будучи вмѣстѣ съ тѣмъ проникнутъ чувствомъ глубокаго патріотизма, онъ не могъ равнодушно отнестись къ порокамъ и упадку современнаго ему общества и невольно иногда тонъ его описанія звучитъ горькой ироніей

и искренней печалью.

3). Наконецъ, третье мнѣніе о „Германіи" состоитъ въ томъ, что эта книга — романтическая утопія, сочиненіе ритора, сантиментальное описаніе, въ которомъ онъ хотѣлъ противопоставить римскому упадку идеализованную картину общества, первобытнаго и неиспорченнаго, съ простыми обычаями и добродѣтелями. Въ Германцахъ Тацита мы должны видѣть варваровъ вообще, варваровъ еще до разрушающаго вліянія цивилизаціи; согласно этому взгляду, мы не должны считать дѣйствительными и реальными — ни отдѣльныя черты, очевидно назначенныя для болѣе рѣзкаго выставленія контраста, — ни всю картину. Взглядъ этотъ, очевидно, слишкомъ односторонній, хотя дѣйствительно можно замѣтить, что не только Тацитъ, но и другіе Римскіе писатели были проникнуты убѣжденіемъ въ томъ, что время счастья лежитъ далеко позади, въ давно-прошедшихъ младенческихъ временахъ народной жизни. Что-то подобное мы можемъ замѣтить въ одномъ мѣстѣ другой книги Тацита*) (Annales) и даже въ выраженіяхъ послѣдней главы сочиненія о „Германіи", которыми заключается описаніе бѣднаго и грязнаго быта Финновъ (Феннов): „они достигли того, что всего труднѣе, говоритъ онъ, а именно того, что они не имѣютъ нужды даже въ желаніяхъ" (cap. 46.)

---

*) „Первобытные люди, говоритъ онъ, еще свободные отъ безпорядочныхъ страстей, вели жизнь чистую, невинную, не имѣвшую нужды въ принужденіяхъ и наказаніи. Награды точно также не были имъ необходимы, такъ какъ они были добродѣтельны, сами того не зная... Вскорѣ, впрочемъ, равенство изчезло; вмѣсто умѣренности и честности водворилось честолюбіе и сила; образовались монархіи." (Tac. Ann. III, 26).

Но все же мы не должны считать это общимъ характеромъ его сочиненія; цѣль его остается все таки научная, а вышеразобранныя особенности суть только окраска, необходимо вытекающая изъ его личныхъ воззрѣній, изъ его чувствъ, какъ гражданина и какъ человѣка (x).

Перейдемъ теперь къ главнымъ чертамъ Германскаго быта, какимъ его рисуетъ намъ Тацитъ. Замѣтимъ прежде всего, что самъ Тацитъ лично не былъ знакомъ съ этимъ бытомъ, не зналъ даже Германскаго языка (xx) но написалъ свою книгу по свѣдѣніямъ, собраннымъ отъ другихъ, дѣйствительно путешествовавшихъ по Германіи и изучившихъ туземныя нарѣчія.

Въ своемъ описаніи Германскихъ племенъ, Тацитъ различаетъ: 1) націю; 2) племена и колѣна; 3) политическія единицы, государства, которыя онъ подобно Цезарю называетъ civitates. Очевидно, что въ точномъ значеніи этого слова, нація Германская во время Тацита не существовала, такъ какъ отдѣльныя колѣна не имѣли никакого единства. Самое слово „Germani" не принадлежитъ нѣмцамъ; первоначально этимъ именемъ называли ихъ Галлы, а за ними и Римляне. Сущест=

(x) Изъ сочиненій, занимающихся разборомъ книги Тацита, можно замѣтить:

Geffroy: Rome et les barbares. Etude sur la Germanie de Tacite.

Baumstark. Urdeutsche Staatsalterthümer. Zur schützenden Erklärung des Tacitus „Germania"

Waitz. Deutsche Verfassungsgeschichte.

Kaufmann. Deutsche Geschichte bis auf Karl den Grossen. 1880.

(xx) Нѣкоторые Германскіе ученые до того увлекаются, что считаютъ Тацита путешественникомъ, изучившимъ языкъ германскихъ племенъ; но біографія его положительно опровергаетъ эти предположенія.

вують различныя толкованія этой имени; нѣкоторые говорятъ, что въ переводѣ оно обозначаетъ: „крошкихъ дикуновъ, громкоголосыхъ людей"; другіе же переводятъ его словомъ „сосѣди". Второе толкованіе, повидимому, достовѣрнѣе. Мы знаемъ только, что сами Германцы не придавали себѣ никакого имени (въ обще-племенномъ смыслѣ). Слово deutsch — гораздо позднѣйшее, входитъ въ употребленіе не ранѣе X вѣка и происходитъ отъ прилагательнаго diutisc, которое въ свою очередь можетъ быть производимо отъ готскаго слова Goda (народъ); что же касается до имени Тевтоновъ, то Римляне сначала обозначали имъ только одну частицу, одну вѣтвь большой Германской расы, именно тотъ не особенно большой народъ, который вмѣстѣ съ Кимврами навелъ нѣкогда такой страхъ на Италію.x) Впослѣдствіи имя это сдѣлалось ученымъ, книжнымъ названіемъ для всей Германской расы, но никогда не было народнымъ, т. е. распространеннымъ въ самомъ Германскомъ народѣ. Въ сущности, нація Германская въ древнѣйшія времена не имѣла ни федеративнаго, ни какого другого единства. Тацитъ указываетъ только на нѣкоторую связь, бывшую между отдѣльными колѣнами, связь преимущественно религіозную, выражавшуюся въ депутаціяхъ для отправленія различныхъ религіозныхъ обрядовъ. Но это не было единство политическое и Германская раса въ этомъ отношеніи представляла только множество разрозненныхъ единицъ, отдѣльныхъ общинъ, обозначаемыхъ Тацитомъ Римскимъ именемъ civitates, но гораздо вѣрнѣе характеризуемыхъ нѣмецкимъ словомъ Völkerschaft.

Въ главнѣйшихъ чертахъ политическій бытъ древнихъ

---

x) Достовѣрно неизвѣстно даже, былъ ли этотъ народецъ Германскаго происхожденія.

Германцевъ состоялъ въ томъ, что каждое маленькое колѣно имѣло своихъ конунговъ и вѣче (concilia) обладавшее правомъ рѣшать всѣ дѣла общины. „Они избираютъ своихъ королей между самыми благородными, своихъ военачальниковъ между самыми храбрыми. Власть этихъ королей не неограниченная и не самовольная; что же касается до военачальниковъ, то они повелѣваютъ скорѣе примѣромъ, чѣмъ властью (Germ. VII.)
Вѣче составлялось изъ всѣхъ свободныхъ людей общины и занималось разсмотрѣніемъ и рѣшеніемъ всѣхъ важнѣйшихъ дѣлъ, вопросовъ о войнѣ и мирѣ, и др. которые, впрочемъ, предварительно обсуждаются начальниками; здѣсь же, на этомъ общемъ собраніи, совершался одинъ изъ важнѣйшихъ германскихъ обрядовъ, — опоясаніе юноши мечемъ, т. е. признаніе за нимъ права и способности носить оружіе.
„Ихъ начальники рѣшаютъ обыкновенныя дѣла и весь народъ рѣшаетъ дѣла важныя; однако все же и тѣ дѣла, рѣшеніе которыхъ подлежитъ народу, сначала обсуждается совѣтомъ старшинъ или лучшихъ людей. „Если тому не помѣшаетъ непредвидѣнное препятствіе, то они собираются въ назначенные дни, при новолуніи или полнолуніи, такъ какъ это время кажется имъ болѣе благопріятнымъ для совѣщанія о дѣлахъ (Germ. XI.)
„Они обсуждаютъ всякое общественное и частное дѣло не иначе, какъ вооруженные; но ни одинъ гражданинъ не имѣетъ права носить оружіе, пока не будетъ признанъ способнымъ къ этому. Въ общественномъ собраніи одинъ изъ вождей, отецъ или родственникъ украшаютъ молодаго человѣка щитомъ и копьемъ (scuto frameaque juvenenem ornant.) Это считается у нихъ одеждой возмужалости, это первое

„почесть молодости; до этихъ поръ юноша принадле-
„жалъ семейству, теперь онъ принадлежитъ республикѣ
„(ante hoc domus pars videntur, mox reipublicae) Germ. XIII.
„На этихъ же собраніяхъ выбираютъ старшинъ (prin-
„cipes), которые должны творить судъ и расправу въ
„волостяхъ (сотняхъ x) - pagos); къ каждому изъ нихъ
„приставляютъ сто помощниковъ, чтобы помогать
„ему совѣтомъ и усиливать его власть. Eliguntur
„in iisdem conciliis et principes, qui jura per pagos vi-
„cosque reddant. Centeni singulis ex plebe comites, consi-
„lium simul et auctoritas adsunt. (Germ. XII.)
Это названіе сотенные люди (centeni) сначала имѣв-
шее только судебное значеніе и отвѣчавшее дѣйстви-
тельному числу лицъ, потомъ превратилось только
въ почетный титулъ.
Страна, занимаемая древними Германцами, прос-
тиралась отъ р. Вислы до Рейна на западъ и на
югъ только до р. Майна; слѣдовательно, съ востока
и запада имѣла почти тѣ же границы, какъ и
теперь. На югѣ она граничила съ землею Кельтовъ;
на востокѣ же сосѣдями Германцевъ были Славяне.
Въ географическомъ отношеніи видъ страны также
мало разнился отъ ея настоящаго вида; по ней
протекали тѣ же рѣки; на Нѣмецкомъ морѣ
существовали тѣ же острова. Хотя въ то время
Германія была покрыта густыми и огромными
лѣсами, но уже большія пространства были расчи-
щены для полей и луговъ; обрабатываемыя безъ вся-
каго искусства и старанія, поля эти все таки были
въ состояніи пропитывать милліоны населенія.

x) Это раздѣленіе на сотни будетъ соотвѣтствовать
нѣмецкому Hundertschaft, т. е. политическая община, дѣлен-
ная на сотни, гдѣ всѣ главнѣйшія дѣла рѣшаются на вѣчѣ.

Указанія на огромную численность Германскаго населенія существуютъ еще раньше Тацита. Такъ, Цезарь говоритъ, что одни Свевы (Хатты) около 50 г. могли выставить около 200.000 способныхъ носить оружіе; цифра эта предполагаетъ у одного этого племени не менье 800.000 жителей. Населеніе Тенктеровъ и Узипетовъ, упоминаемыхъ также Цезаремъ, простиралось до 400.000 жителей. Хотя Цезарь, конечно, имълъ побужденія преувеличивать, но тъмъ не менье его показанія сходятся со всъми другими извъстіями. Аммiанъ Марцеллинъ ръшительно приходитъ въ ужасъ предъ неуменьшающимися, несмотря на всъ пораженія, толпами Бургундовъ, Готовъ и Аллемановъ. Такимъ образомъ становится ясно, почему Римляне держали 100 тысячъ человъкъ войска на границахъ Галліи для защиты ея отъ нападеній только однихъ Германцевъ. Варвары, простиравшіеся до нъсколькихъ милліоновъ, могли численнымъ превосходствомъ своимъ подавить окончательно даже несравненно лучше ихъ вооруженные и дисциплинированные римскіе легіоны.

Какъ уже было сказано выше, Германцы распадались на многочисленныя группы, политически-разъединенныя, не имъвшія никакой государственной связи, ни даже общаго имени. Только въ сагъ о Маннъ (Mann), первомъ человъкъ и его трехъ сыновьяхъ (см. Germania, cap. II), родоначальникахъ трехъ большихъ подраздъленій, колънъ или племенъ: Герминоновъ, Инговоновъ и Истэвоновъ, выражается представленіе о единствъ всего народа и о томъ, что извъстная группа многочисленныхъ народцевъ болье родственна между собою, какъ потомки одного и того же изъ сыновей Манна.

Слъдуетъ замътить, впрочемъ, что это скоръе напо-

минаетъ сагу о происхожденіи всего рода человѣческаго вообще и что уже во время Тацита это тройное дѣленіе не имѣло никакого практическаго значенія; даже римскіе писатели не въ состояніи были сказать ничего опредѣленнаго о томъ, какія именно племена принадлежали къ тому или другому отдѣлу.

Не менѣе того остается темнымъ и сомнительнымъ, сколько именно и какія племена слѣдуетъ различать въ историческомъ періодѣ со времени Тацита. Мы знаемъ, что Вестготы и Остготы, Гепиды, Тайфалы и Вандалы были близко родственны другъ съ другомъ и представляли отдѣльную группу. Подобнымъ же образомъ можно было бы составить еще нѣсколько группъ, но не имѣя опредѣленныхъ свѣдѣній, приходится переходить скоро въ область догадокъ.

Ходъ нѣмецкой исторіи былъ не таковъ, чтобы старыя племена или колѣна, связь которыхъ основывалась на общности происхожденія, превратили свой неопредѣленный, слабый союзъ въ союзъ государственный, такъ, чтобы вмѣсто отдѣльныхъ маленькихъ народностей, носителями политической жизни сдѣлалось племя или нація (x). Ост- и Вест-Готы, Вандалы долгое время оставались совершенно отдѣльными государствами, пока не слились съ другими, чуждыми племенами. Даже мелкія народности дѣлились, входили въ связь и соединеніе съ чуждыми составными частями; на мѣсто старыхъ, исчезнувшихъ, являлись новыя имена, новыя народности (такъ вмѣсто Лугіевъ — въ Силезіи — явились Вандалы.

(x) Въ этомъ отношеніи они представляютъ полную аналогію со славянскими племенами, населявшими древнюю Россію.

Этотъ ходъ нѣмецкой исторіи содѣйствовалъ тому, что старое раздѣленіе на племена или клины было забыто. Но и въ первоначальное время почти не было учрежденій, въ которыхъ бы племенное родство находило болѣе рѣзкое и опредѣленное выраженіе. Народцы, связанные племеннымъ родствомъ, также часто боролись между собою, какъ и съ чужими племенами. Единственной объединявшей связью нѣкоторыхъ изъ этихъ племенъ, былъ, какъ уже сказано выше, религіозный культъ. Отъ Тацита мы имѣемъ свѣдѣнія, что Марсы (Marsi) имѣли общій храмъ въ честь богини Танфаны; въ этомъ храмѣ собирались они вмѣстѣ, для отправленія религіозныхъ обрядовъ и принесенія жертвъ. Celeberrimum illis gentibus templum, quod Tanfanae vocabant. (Tac. Ann. I, 51.) Тацитъ упоминаетъ еще 3 подобныхъ примѣра:

1) Нѣсколько племенъ, перечисленныхъ имъ (Авіоны, Англы, Варины и др.) имѣли общій культъ богини Nerthus (Herthus) - матери-земли, святилище которой находилось на одномъ изъ Датскихъ или Голштинскихъ острововъ. (Рюгенъ, оконечность Голштиніи противъ Фемарна) Germ. 40.

2) Семноны (Semnones) занимавшіе нынѣшній Лаузицъ, (на р. Шпрее), Бранденбургъ и Саксонію, и родственныя имъ народности приносили жертвы и отправляли ежегодно торжество въ честь бога Ziо или Ziu (thio)

3) Народцы, поименованные Тацитомъ и входившіе въ составъ племени Лугіевъ (Манимы, Гельвеоны, Наганарвалы и др.), жившіе въ теперешней Силезіи, приносили общую жертву Кастору и Поллуксу, которыхъ они называли Alcae. (Germ. 43).

Это былъ родъ греческихъ амфиктіоній, въ составъ которыхъ входили народныя единицы одного племени,

имѣвшія свой кругъ боговъ. Въ этихъ религіозныхъ союзахъ не было исключительности: боги одного племени находили доступъ и къ другимъ племенамъ. Но несомнѣнно, что если не существовало замкнутости религіозныхъ союзовъ, то было противоположное, т. е. многіе соплеменные народцы не имѣли общаго культа.
Носителями политической жизни были не племена, но части ихъ – civitates, Völkerschaften. Перечислимъ важнѣйшихъ изъ нихъ:
Въ Скандинавіи:- Шведы и Готы.
На островахъ и полуостровѣ Ютландіи: Даны, Герулы, Юты, Англы, Саксы.
Между Рейномъ и Саалой (Эльбой):
1) По берегамъ Нѣмецкаго моря Батавы при Рейнѣ; далѣе Фризы, потомъ Хауки до Эльбы.
2) На югѣ отъ нихъ: Тенктеры и Сигамбры на Рейнѣ; Бруктеры въ треугольникѣ между Эмсомъ и Липпе; потомъ Ангриварíи, далѣе Херуски по обѣимъ сторонамъ Везера, граничa на востокѣ съ народностями Эльбы.
3) На югъ отъ нихъ: Маттіаки въ Нассау; Хатты до Везера; къ востоку и сѣверо-востоку Херуски; къ юго востоку Гермундуры, на верхнемъ Майнѣ; на югъ простирались они до Дуная и римскаго пограничнаго вала; къ востоку отъ нихъ въ Богеміи жили Маркоманы, въ Моравіи Квады. На сѣверѣ Гермундуры граничили съ Семнонами, жившими на р. Шпре на западъ до нижней и средней Эльбы, на востокъ до р. Одера.
Въ Силезіи Лигіи, къ которымъ принадлежали Вандалы. Въ Познани и Прусской провинціи: Бургунды и Готы; на берегу Балтійскаго моря Руги, на нижней Эльбѣ Лангобарды.
Кромѣ того остаются неупомянутыми еще много

именъ, которыя должны быть причислены къ мелкимъ подраздѣленіямъ вышеназванныхъ.
Опредѣлить точной границы между всѣми этими народцами невозможно; во всякомъ случаѣ, рѣки не были таковыми. Намъ извѣстно, напримѣръ, что Херуски жили по обѣимъ сторонамъ Везера, Бруктеры на обоихъ берегахъ Липпе, Лангобарды по обѣимъ сторонамъ Эльбы.
Между всѣми этими племенами развивалась государственная жизнь, но развивалась отдѣльно въ каждомъ; большая часть тѣхъ задачъ, которыя исполняетъ нынѣшнее государство, или были совсѣмъ неизвѣстны Германцамъ, или же исполнялись не государствомъ, а семьей, фамиліей, родомъ. Поэтому говорятъ, что до поселенія на Римской почвѣ, Германцы не знали настоящаго государства, но жили въ исключительно-родовомъ бытѣ, знали только государство родовое, т. е. совокупность семей, соединенныхъ въ формѣ одной фамиліи х).
Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе, можно ли утвердительно доказать непремѣнное существованіе родового государства даже въ отдѣльныхъ мелкихъ германскихъ племенахъ?
Съ отдѣльнымъ человѣкомъ родовое государство не имѣетъ никакого дѣла; оно знаетъ только въ совокупности членовъ того или другого рода, т. е. группы фамилій, соединенныхъ въ одно цѣлое въ формѣ рода; всякій членъ рода ближайшею, или лучше сказать, единственною властью надъ собою признаетъ родона=

х) См. Грановскій: Полное собр. сочин. т. I. О родовомъ бытѣ у древнихъ Германцевъ; на стр. 140 и слѣд. онъ развиваетъ прямо и опредѣленно высказанное имъ положеніе, что „древне-германская община есть ничто иное, какъ родъ."

чальника; къ этому послѣднему обращается съ приказаніями, требованіями и государство, передъ которымъ онъ несетъ всю отвѣтственность за членовъ своей фамиліи. Таковъ общій характеръ родового государства и что касается Германіи, то мы видимъ, что уже во время Тацита она выступила изъ подобнаго строя жизни, перешла пору исключительно родоваго быта. Доказательства вышесказаннаго представляетъ намъ во многихъ случаяхъ Тацитъ.

1) Самое подраздѣленіе государства (сотня-pagus), основаніе котораго служитъ число, а не родство (Germ. XII)

2) Principes (старшины, жупаны) — главы этихъ подраздѣленій, избираются на вѣче въ народномъ собраніи не изъ какой либо опредѣленной фамиліи въ родовыхъ сходкахъ, а часто члены одного и того же рода были въ одно время главами надъ различными сотнями. (ibid.)

Уже одинъ этотъ фактъ можетъ служить вѣскимъ доказательствомъ того, что родовое начало не преобладало въ бытѣ древнихъ Германцевъ въ историческое время.

3) Тацитъ прямо говоритъ, что юноша, достигшій извѣстнаго возраста, способный носить оружіе, дѣлается собственностью республики (Germ. XIII.)

4) При необходимости собрать войско или вообще народъ для совѣщанія о дѣлахъ, государство не чрезъ родоначальниковъ и князей, а прямо и непосредственно передавало свои требованія всѣмъ свободнымъ совершеннолѣтнимъ людямъ. Неявившійся въ собраніе или въ ряды войска, самъ былъ отвѣтственъ за себя и самъ терпѣлъ наказаніе. Въ позднѣйшее время (V и VI вв.), мы видимъ, что государственная власть простирается уже и на тѣхъ, кто до тѣхъ поръ состоялъ исключительно подъ властью главы рода,

т. е. на женщинѣ.

Такъ, Теодорихъ Великій, въ указѣ объ одной знатной женщинѣ, нанесшей тяжкое оскорбленіе другой, повелѣваетъ, чтобы ее наказалъ родъ, семья; если же этого не случится, то государство возьметъ на себя эту обязанность.

Въ одномъ Лангобардскомъ законѣ говорится, что женщина, вступившая въ бракъ съ рабомъ, должна быть казнена смертью и исполненіе этого закона лежитъ на ея родѣ; если же родъ уклоняется отъ этого, то государство зачисляетъ ее въ число своихъ невольницъ.

Во время Тацита, несовершеннолѣтніе и женщины, еще состояли подъ властью старшины рода, что доказывается обычаемъ наказанія за нарушеніе супружеской вѣрности, приводимымъ Тацитомъ въ 18-й главѣ „Германіи".

Итакъ, изъ всего вышесказаннаго слѣдуетъ, что въ Германіи, хотя и сохранились нѣкоторые остатки древняго родового быта, но государственное устройство уже существовало въ отдѣльныхъ племенахъ и во время Тацита, такъ какъ государственной власти была подчинена значительнѣйшая часть населенія — всѣ совершеннолѣтніе свободные люди.

Органами государственной власти было вѣче и князья (principes)

Что касается до раздѣленія сословій, то Тацитъ упоминаетъ у Германцевъ три сословія: 1) дворянство, эделинги (nobilitas) 2) свободные люди низшаго сословія — курлы или керлы (coerl) и наконецъ 3) рабы и вольноотпущенники, почти не разнившіеся по общественному положенію, если буквально принимать слова Тацита: liberti non multum supra servos sunt, raro aliquod momentum in domo, nunquam in civitate.

Рабы Германцевъ получали отъ господъ своихъ извѣстной участокъ земли для обработки и за это обязаны были платить имъ оброкъ, состоявшій изъ хлѣба, скота и одежды; вся ихъ служба состояла въ этомъ, говоритъ Тацитъ (cap. XXV.); весьма рѣдко рабъ бывалъ закованъ въ цѣпи, битъ или принужденъ работать чрезъ силу; но тѣмъ не менѣе, прибавляетъ онъ, каждой господинъ въ минуту гнѣва могъ убить своего раба, даже съ истязаніями, и это всегда проходило безнаказанно.

Что касается до эделинговъ, дворянства (nobilitas Тацита) то объ этомъ классѣ было много разсужденій въ ученомъ мірѣ. Прежде и естественнѣе всего долженъ былъ возникнуть вопросъ: какимъ образомъ появился у Германцевъ, въ ихъ первобытномъ общественномъ устройствѣ, этотъ первенствующій классъ и какое онъ могъ имѣть значеніе? Въ прежнее время сословію этому дѣйствительно придавали первенствующее значеніе даже и въ политическомъ отношеніи; но такое мнѣніе никакъ не можетъ быть основано по крайней мѣрѣ на словахъ Тацита. Если бы собрать всѣ мѣста этого писателя, въ которыхъ онъ говоритъ о своей nobilitas, то мы увидѣли бы, что это сословіе пользовалось у Германцевъ скорѣе уваженіемъ, чѣмъ властью. „Они избираютъ своихъ королей между самыми благородными" — reges ex nobilitate sumunt, говоритъ онъ въ 7й главѣ. „Когда всѣ въ полномъ сборѣ (на вѣчѣ), говоритъ онъ далѣе, король или старшина, смотря по лѣтамъ и по благородству происхожденія, держитъ рѣчь къ народу и заставляетъ слушать себя скорѣе силой убѣжденія, чѣмъ своей властью". - Mox rex, vel princeps, prout aetas cuique, prout nobilitas est, audiuntur, auctoritate suadendi magis, quam jubendi potestate. (cap. XI.)

Изъ этихъ словъ Тацита можно заключить, что дворянство пользовалось почетомъ, уваженіемъ, авторитетомъ, но не политическою властью, на которую даже нѣтъ и намека. „Благородство рожденія, заслуги предковъ, упоминаетъ онъ въ 13ᵒⁱ главѣ, могутъ доставить званіе военачальника даже юношѣ" - Insignis nobilitas aut magna patrum merita principis dignationem etiam adolescentulis assignant".

Высшій значеніе судѣ.

Обращаясь къ позднѣйшимъ извѣстіямъ V и VI вв., мы находимъ тамъ тѣ же указанія на высокое общественное положеніе дворянства, на то уваженіе, которымъ оно пользовалось. Въ одномъ саксонскомъ законѣ говорится: за одинъ мизинецъ эделинга платится такая же вира, какъ за убійство простого свободного человѣка. У нѣкоторыхъ германскихъ племенъ вира за убійство эделинга полагалась вдвое и втрое больше, чѣмъ вира за убійство простолюдина. Обычай свидѣтельскихъ показаній на судѣ точно также служитъ доказательствомъ преимущества дворянства: свидѣтельское показаніе эделинга имѣло больше вѣса, чѣмъ показаніе простолюдина; эделингъ говоритъ самъ за себя и судъ довольствовался этимъ, между тѣмъ, какъ простой свободный человѣкъ непремѣнно обязанъ былъ представить еще нѣсколько соприсяжныхъ (conjuratores). Вообще, не только положеніе, но и численность знатныхъ родовъ была у различныхъ германскихъ племенъ неодинакова; у нѣкоторыхъ было больше дворянства, другіе вовсе не имѣли его; такъ мы знаемъ, что у Остготовъ при королѣ Теодорихѣ въ числѣ 6000 войска было 5000 лицъ знатнаго происхожденія; въ то же время Франки вовсе не имѣли эделинговъ, кромѣ семьи короля; Бавары имѣли только 5 знатныхъ родовъ.

На ряду съ вопросомъ о значеніи дворянскаго сословія

стоитъ вопросъ о дружинѣ, которою, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, каждый германскій эделингъ имѣлъ право окружать себя. Вопросъ этотъ, впрочемъ, легко разрѣшается ссылкою на Тацита, который, говоря о предводителяхъ дружины, вездѣ и неизмѣнно называетъ ихъ principes (старшины, князья), что исключаетъ всякую мысль о равноправности каждаго эделинга въ этомъ отношеніи.

О сословіи несвободныхъ людей и ихъ положеніи уже было упомянуто выше. Что касается до происхожденія этого класса рабовъ у первобытныхъ Германцевъ, то источники его были троякаго рода:

1) По всей вѣроятности Германцы, утвердясь на мѣстахъ своего первоначальнаго поселенія, нашли тамъ туземныхъ жителей (очевидно Кельтовъ), подчинили ихъ себѣ и обратили въ рабовъ.

2) Ведя войну между собою, они обращали въ рабовъ своихъ военноплѣнныхъ.

3) Кромѣ того, одинъ изъ источниковъ рабства указанъ намъ даже Тацитомъ. По словамъ его, Германцы страстно любили играть въ кости и, когда имъ уже нечего было болѣе проигрывать, они отдавали свое тѣло и свою свободу" — quum omnia defecerunt, extremo ac novissimo jactu de libertate et de corpore contendant. (Germ. XXIV.)

И такъ, Германскій бытъ былъ преимущественно демократическій. Ни въ первобытной Германіи, ни впослѣдствіи, въ 5ом и 6ом вѣкахъ не видимъ мы, чтобы одно сословіе присваивало себѣ исключительныя права, чтобы одинъ классъ политически преобладалъ надъ всѣми остальными: Даже право носить оружіе (какъ извѣстно признакъ благороднаго происхожденія въ средніе вѣка) въ первобытной Германіи не принадлежало исключительно эделингамъ. „На собраніяхъ (вѣчевыхъ) говоритъ Та-

цить, они присутствуютъ всѣ вооруженные; они не обсуждаютъ никакого общественнаго или частнаго дѣла иначе, какъ съ оружіемъ въ рукахъ." (Germ. XIII.)
Между вѣчевымъ собраніемъ и ополченіемъ ихъ не было даже особеннаго различія, что ясно доказываетъ то право носить оружіе, которое простой крестьянинъ имѣлъ наравнѣ съ знатнымъ эделингомъ. x)
Въ случаѣ необходимости, войско составлялось изъ всѣхъ свободныхъ совершеннолѣтнихъ членовъ общины. Слѣдуетъ замѣтить, что въ устройствѣ и расположеніи рядовъ этого войска, родовыя связи имѣли большое значеніе: родичи обыкновенно располагались вмѣстѣ и составляли отрядъ. „Болѣе всего возбуждаетъ ихъ храбрость, говоритъ Тацитъ, составъ отрядовъ войска, которые не представляютъ случайнаго набора чуждыхъ другъ другу людей: они собраны изъ членовъ одной фамиліи и родственниковъ. (Germ. VII.)
Кромѣ этой общей массы войска, германскіе конунги, старшины и князья имѣли еще свою дружину и наконецъ, сверхъ всего этого, каждое войско имѣло еще избранной отрядъ, который даже у народовъ, сражавшихся пѣшими, составлялся изъ конниковъ. Каждый изъ нихъ выбиралъ себѣ смѣлаго и расторопнаго товарища - пѣхотинца и такимъ образомъ отрядъ этотъ, по сложности равнявшійся 100 человѣкамъ, становился впереди войска, какъ надежда и главный оплотъ его. Въ рядахъ этого войска смѣшивались и стояли другъ возлѣ друга самый знатный эделингъ и бѣднѣйшій простолюдинъ.
Эта равноправность сословій, этотъ исключительно-

x Слѣды подобнаго общественнаго устройства сохранились и до сихъ поръ въ свободныхъ кантонахъ Швейцаріи (Швицъ, Ури.) Сохранился даже обычай являться на сходки съ оружіемъ.

демократическій социальный строй объясняются отчасти самымъ экономическимъ бытомъ древнихъ Германцевъ. Разсмотримъ нѣсколько подробнѣе эту сторону германской жизни, возбуждавшую въ прежнее время много ученыхъ споровъ.

Въ настоящее время всѣмъ извѣстно, что общинный поземельный бытъ не есть исключительная принадлежность одной Арійской вѣтви — Славянъ; мы знаемъ, что подобный бытъ существовалъ у Индійцевъ, у Кельтовъ, также, какъ почти у всѣхъ народовъ въ древнѣйшій періодъ развитія общественной жизни. Такое же общинное поземельное устройство, съ отсутствіемъ личной собственности на землю, встрѣчаемъ мы и у первобытныхъ Германцевъ. Къ такому заключенію приводитъ насъ какъ прямое пониманіе словъ Цезаря и Тацита, такъ и сравнительное изученіе первоначальнаго социальнаго быта другихъ народовъ.

Цезарь упоминаетъ два раза, въ точныхъ и опредѣленныхъ выраженіяхъ, о поземельной общинной собственности у древнихъ германскихъ племенъ. Въ 1й главѣ 4й книги своихъ комментаріевъ онъ упоминаетъ исключительно про одно только германское племя — Свевовъ; но въ 22й главѣ 6й книги онъ разбираетъ уже поземельное устройство всѣхъ Германцевъ вообще. Они не занимаются преимущественно земледѣліемъ, говоритъ онъ (agriculturae non student) пища большей части изъ нихъ состоитъ изъ молока, сыру и мяса. Никто изъ нихъ не имѣетъ опредѣленнаго количества собственной земли, обведенной постоянною межою; власти (magistratus) и старшины (principes) отводятъ каждый годъ извѣстный надѣлъ каждому роду или кровному родовому союзу (in anno singulis gentibus cognationibusque hominum, qui tum una coierunt, quantum et quo loco visum est agri, adtribuunt atque anno

post alio transire cogunt. Каждый годъ надълы мѣняются и слѣдовательно, каждый годъ отдѣльные роды должны переходить на новое мѣсто жительства. Разсмотримъ ближе слова Цезаря. Magistratus et principes производятъ дѣлежъ пахатной земли, они назначаютъ каждому роду его участокъ, они же производятъ ежегодный передѣлъ. Эти власти - магистраты и старшины - не могутъ быть считаемы главами цѣлаго государства или народности, такъ какъ самъ Цезарь говоритъ, что въ мирное время политическая германская община вообще не имѣла одного начальника. Слѣдовательно, эти магистраты могутъ быть разсматриваемы только какъ выборные старшины каждой отдѣльной волости или сотни (pagus). Производство поземельнаго дѣлежа этими старшинами даетъ право предполагать, что земля разсматривалась какъ собственность всей волости и обрабатывалась родами, входившими въ составъ волостной общины, такъ что опредѣленное пространство земли отводилось въ годичное пользованіе не отдѣльному крестьянину, а цѣлому роду, причемъ родъ только на этотъ годъ и селился тутъ, на отведенномъ участкѣ.
Поэтому-то и раздѣлъ земли производился тѣми, кто стоялъ во главѣ этой большой коллективной единицы, которую и Цезарь, и Тацитъ называютъ pagus. Ежегодный переходъ съ мѣста на мѣсто указываетъ и обширность территоріи, принадлежавшей общинѣ и стоявшее на низкой степени развитія народное хозяйство. Поля, очевидно, не удобрялись и не приготовлялись; ежегодно распахивалась новь, а воздѣланное въ году поле оставалось до слѣдующей очереди подъ паромъ. Очевидно, что и внутри сотенныхъ волостей не существовало іпочныхъ поселеній - деревень или селъ и что бытъ того времени былъ близокъ къ

пастушескому.
И такъ, во время Цезаря личной поземельной собствен-
ности не существовало; землею владѣла цѣлая волость
и члены ея вели полу-осѣдлую жизнь, ежегодно пере-
ходя съ мѣста на мѣсто; не было постоянныхъ селе-
ній или деревень - съ опредѣленнымъ общиннымъ полемъ;
союзъ марки, Markgenossenschaft, совпадалъ съ предѣ-
лами цѣлой волости.
Спустя 150 лѣтъ имѣемъ мы свидѣтельство Тацита
о томъ же поземельномъ устройствѣ германскихъ пле-
менъ (cap. XXVI.). Въ устройствѣ этомъ замѣтна въ
это время уже большая перемѣна: частная поземель-
ная собственность по прежнему не существуетъ (въ
обширномъ смыслѣ), землевладѣніе все еще общинное,
но существенная разница состоитъ въ томъ, что кол-
лективной единицей, владѣющей землей, является
уже не волость (pagus), а меньшая единица, родъ, или,
лучше сказать, село, сельская община и ежегодная смѣ-
на участковъ совершается въ болѣе узкой сферѣ.
Роды - прежніе временные владѣтели земли, - теперь усѣ-
лись прочно на мѣстахъ своихъ, построили постоян-
ныя жилища, перестали вести бродячую пастушескую
жизнь; однимъ словомъ, превратились въ сельскія общи-
ны. Изъ большой волостной общины обособилось нѣ-
сколько меньшихъ, сельскихъ, изъ которыхъ каждая пред-
ставляетъ совокупность семей одного рода. Между
всѣми дворами или домами каждаго такого села
и происходитъ ежегодный, по прежнему сохранившій-
ся обычай передѣла пахатной земли; союзъ марки,
„Markgenossenschaft", совпадаетъ съ сельской маркой
(Dorfmarke); выгонъ и лѣсъ остаются еще принадлеж-
ностью всей волости или сотни и для распоряженія
ими недостаточно согласія одного села. Такимъ обра-
зомъ каждая отдѣльная семья была членомъ двоякаго

рода общины — сельской поземельной по своему праву на ежегодный надѣлъ или участокъ пахатной земли, и членомъ волостной общины — по своему праву вмѣстѣ съ другими односельчанами пользоваться общимъ выгономъ, пастбищемъ и лѣсомъ.

Кромѣ того, во время Тацита уже являются зародыши частной поземельной собственности, представляющіеся въ видѣ двора, дома, извѣстной части луговъ, вообще, всего того, что мы назвали бы теперь усадебной землей.

Резюмируя вышесказанное, мы найдемъ, что 150 лѣтъ послѣ свидѣтельства Цезаря, германскіе роды владѣютъ уже извѣстной, хотя и небольшой частной собственностью, имѣютъ право на ежегодную долю сельской пахатной земли и на пользованіе волостными угодьями — выгономъ и лѣсомъ.

Необходимо прибавить, что подобный бытъ сохранился въ Германіи довольно долго; только въ V и VI вв. начала разлагаться общинная поземельная собственность и принимать форму отдѣльныхъ частныхъ хозяйствъ.

При знакомствѣ со способами землевладѣнія, необходимо долженъ возникнуть вопросъ: отличались ли чѣмъ нибудь эделинги отъ простолюдиновъ, имѣли ли они право на лучшіе и большіе участки земли? Отвѣтъ на это мы можемъ отчасти найти въ той же 26-й главѣ „Германіи" Тацита. Упоминая о земельномъ надѣлѣ, онъ говоритъ: участки были раздѣляемы сообразно значенію или достоинству (secundum dignationem partiuntur). На основаніи этихъ словъ можно заключить, что вѣроятно иногда члены наиболѣе знатныхъ родовъ получали или большіе участки, или же два вмѣсто одного. Но и здѣсь, впрочемъ, дворянское сословіе не пользовалось исключительными преимуществами, такъ какъ бывало, что простой крестьянинъ,

имѣвшій больше скота, рабовъ, бывшій въ состояніи об-
работывать значительный участокъ земли, точно так-
же получалъ вдвое, наравнѣ съ самыми знатными эде-
лингами.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію дружины у древ-
нихъ Германцевъ. Замѣтимъ прежде всего, что дружина
Германская далеко не имѣла такого значенія, какое
придаютъ ей нѣкоторые писатели; между прочимъ и
Guizot, полагающій, что большинство германскихъ госу-
дарствъ на Римской почвѣ было основано дружинами.
Какъ увидимъ ниже, ничего подобнаго не было; но во вся-
комъ случаѣ, въ соціальномъ отношеніи дружина и-
мѣла важное значеніе въ Германіи.

<u>Дружина</u> (comitates по Тациту, das Gefolge-нѣм.) представ-
ляетъ общество свободныхъ людей, добровольно собравших-
ся вокругъ своего вождя. Дружинники не теряли своей лич-
ной независимости и обязаны были повиноваться вож-
дю только какъ своему военному начальнику. Они жили
обыкновенно въ домѣ вождя; вмѣсто платы, онъ давалъ
имъ пищу и устраивалъ изобильные пиры — nam epulae
et largi tamen apparatus pro stipendio cedunt (Germ. XIV).
Дружинники не имѣли обыкновенно ни дома, ни жены,
ни состоянія; все давалъ имъ начальникъ — пищу, одеж-
ду, даже коня и фрамею*) — exigunt enim principis sui
liberalitate illum bellatorem equum, illam cruentam
victricemque frameam. (ibid.) Они имѣли полное право
выйти изъ дружины одного вождя и перейти къ дру-
гому. Связь между ними и вождемъ была исключитель-
но нравственная; отличительной чертой этой связи бы-
ла <u>добровольная</u> вѣрность (Treue), а не <u>обязательное
подчиненіе</u>. Для дружинниковъ считалось вѣчнымъ по-

*) Фрамея — framea — родъ короткаго копья, служившаго вмѣс-
тѣ съ мечомъ и метательнымъ оружіемъ.

зоромъ и стадомъ возвратиться живыми съ поля сраженія, гдѣ былъ убитъ ихъ вождь; — jam vero infame in omnem vitam, ac probrosum superstitem principe suo ex acie recessisse (ibid.); если онъ былъ конунгъ или князь и лишенъ былъ своего престола, то они могли не покидать его и слѣдовать за нимъ повсюду. Очевидно, что учрежденіе это было чрезвычайно важное и интересное, но тѣмъ не менѣе не въ немъ должны мы видѣть начало различныхъ германскихъ государствъ на Римской почвѣ. Дружинники уже потому не могли основать ихъ, что вообще были немногочисленны. Подтвержденіе этого мы видимъ въ свидѣтельствахъ многихъ писателей; такъ Аммiанъ Марцеллинъ, перечисляя ополченія, сражавшіяся въ битвѣ при Страсбургѣ противъ Юліана Апостата, отмѣчаетъ и дружины; у конунга Аламанновъ, говоритъ онъ, дружина равнялась 300 человѣкамъ, что составляло весьма незначительный процентъ въ сравненіи съ остальнымъ ополченіемъ Аламанновъ. Изъ позднѣйшаго времени мы знаемъ, что Норвежскій король имѣлъ дружину въ 120 человѣкъ, но когда онъ хотѣлъ удвоить ее, то народъ возропталъ.
Во всякомъ случаѣ, дружина составляла основу той силы, съ которой соперничавшіе между собой князья вели борьбу; она была опорой конунга и, по прямому указанію Тацита, составляла славу и блескъ вождя, его почесть въ мирное время и защиту во время войны; — haec dignitas, hae vires magno semper electorum juvenum globo circumdari, in pace decus, in bello praesidium. (Germ. XIII.).

Дружина замѣняла конунгамъ недостатокъ постояннаго войска и чиновниковъ. Съ другой стороны это учрежденіе давало возможность отдѣльнымъ лицамъ слѣдовать излюбленнымъ идеаламъ своего сердца; удалая и тревожная, но бодрая и веселая, чувствующая избытокъ

жизненной силы молодая дружина постоянно старалась найти примѣненіе этой силы и въ случаѣ долгаго мира въ своей землѣ, по свидѣтельству Тацита, предлагала часто свои услуги воюющимъ племенамъ. Si civitas in qua orti sunt longa pace et otio torpeat, plerique nobilium adolescentium petunt ultro eas nationes quae tum bellum aliquod gerunt. (Germ. XIV.).
Учрежденіе это, впрочемъ, не навсегда удержалось въ этой первобытной чистотѣ свободныхъ отношеній дружины къ своему вождю: пока господствовала неприкосновенность общиннаго землевладѣнія - и оно сохраняло свой первоначальный характеръ. Но когда явились постоянные надѣлы, когда участки сдѣлались неизмѣнной собственностью и вмѣстѣ съ этимъ необходимо явились свободные безземельные люди, искавшіе себѣ пропитанія службой - учрежденіе это въ принципѣ своемъ совершенно измѣнилось. Дружинникъ является не вольнымъ товарищемъ, а вольнымъ наемникомъ. У Англо-Саксовъ и Сѣвер. Германцевъ въ позднѣйшее время нѣтъ даже юридическаго различія въ понятіяхъ: вольный работникъ крестьянина и дружинникъ короля; тотъ и другой называются у Скандинавовъ huskarl (Hauskerl) у Англо-Саксовъ thegn, gesidh. Крестьянинъ - хозяинъ и конунгъ по отношенію къ дружиннику и работнику одинаково именуются hlâford. Какъ дружинникъ служилъ королю оружіемъ, также и „Hauskerle" должны были оружіемъ помогать крестьянину, если онъ имѣлъ fehde. (которy, ссору.)
Вообще, Gesinde состояла тогда изъ разныхъ элементовъ:
1) Въ нее вступали люди, не любившіе труда, искавшіе веселой жизни, военныхъ пировъ и общества военныхъ товарищей.
2) Молодые люди изъ богатыхъ фамилій, когда у нихъ пробуждалась отвага и сила, жажда славы и воине-

кихъ подвиговъ.

3) бѣдные, несостоятельные люди, или же принужденные искать убѣжища.

Крестьяне не имѣли первыхъ двухъ группъ и ихъ. Наши "kerle" пополнялись преимущественно третьей группой; въ дружинахъ королей попадались люди изъ всѣхъ трехъ. Измѣненіе характера дружиннаго быта лучше всего рисуетъ намъ англо-саксонская поэма о Беовульфѣ x); изъ ея описанія видно, что дружинники короля должны были даже исполнять разныя низкія службы. Блестящей является ихъ жизнь, когда они представлены въ своемъ великолѣпномъ вооруженіи и слушаютъ на королевскомъ пиру пѣвца; является и королева, говоритъ почетныя слова, раздаетъ подарки - золотыя запястья и кольца, одежду и гривны (Halsschmuck). Но все таки одинъ изъ товарищей долженъ во время пира служить чужестранцамъ и та же самая комната, въ которой пировали служитъ ночью дружинѣ мѣстомъ сна. Также хорошо обрисовывается дружинный бытъ въ разсказѣ о королѣ Фротѣ xx), который долженъ былъ xxx) жениться, такъ какъ его дружинники (contubernales) и некому было починить ихъ платья. (Saxo Gramm. Histor. Dan. p. 66; Kemble, Saxons, I, 169.).

Дружинники, со времени измѣненія характера ихъ быта исполняли различныя полевыя и домашнія работы; доказательствомъ этого служитъ разсказъ о королѣ Сигурдѣ. Правда, что когда во время работъ на полѣ онъ попросилъ сына своего Олафа осѣдлать ему коня, то юноша разсердился и не исполнилъ просьбы отца (осѣдлалъ ему козла, вмѣсто коня), но изъ этого ясно только

---

x) Béowulf - нѣмецкій переводъ: Grein. "Dichtungen der Angelsachsen". Erster Band.

xx) напоминающихъ наши разсказы о дружинѣ Владиміра.

xxx) стыдно пообносились.

то, что молодое поколѣніе, къ которому онъ принадлежалъ, считало такія услуги уже унизительными для свободнаго, благороднаго человѣка. Что прежде такія услуги были обычны, объ этомъ свидѣтельствуютъ названія разныхъ придворныхъ должностей, принадлежавшихъ прежде дружинникамъ — какъ напр. маршалъ (maréchal отъ mare — лошадь и Schalk, Knecht — слуга.)
Изъ Беовульфа ясно также, что дружинники получали плату, что совершенно не существовало прежде.
Формула присяги, сохранившейся у Англо-Саксовъ, говоритъ, что дружинникъ обязанъ „быть вѣрнымъ и ничего, ни словомъ, ни дѣломъ, не совершать такого, что было бы оскорбительно для господина подъ условіемъ, что онъ будетъ меня держать, какъ я этого буду заслуживать и что онъ исполнитъ все, что заключалъ нашъ договоръ, когда я ему подчинился и призналъ его власть"...
Нѣкоторымъ противовѣсомъ обязанностямъ послушанія, является возможность и право всегда оставить своего Hláford'a, кромѣ только во время опасности.
Впослѣдствіи къ этому присоединяется еще новое существенное измѣненіе — являются дружинники, не живущіе при дворѣ короля и сами имѣющіе дружину. Такъ Беовульфъ, дружинникъ короля, поселился на своемъ наслѣдственномъ участкѣ — и все таки оставался таномъ (thegn, Degen) его. Датскій начальникъ береговой стражи въ пѣснѣ о Беовульфѣ является также дружинникомъ короля, но и самъ имѣетъ дружинниковъ подъ собою.
Обратимся теперь къ государственному быту древнихъ Германскихъ племенъ. Мы уже знаемъ, что они не составляли одного цѣлаго государства, а раздѣлялись на множество отдѣльныхъ политическихъ тѣлъ, въ свою очередь распадавшихся, дѣлившихся еще на

центены, сотни. Характеристичною чертою государственнаго быта всѣхъ этихъ племенъ Германіи служитъ непрочность связи, соединявшей общины въ государства: эта связь легко могла быть разорвана и также легко вновь возстановлена. Если народъ былъ слишкомъ многочисленъ, такъ что не могъ собиратся на одномъ вѣчѣ, если возникала сильная и долгая распря, если было нѣсколько членовъ королевскаго дома или же нѣсколько мужей, владѣвшихъ силою и славою и могущихъ имѣть притязанія на роль вождей; если часть народа при военномъ походѣ находила землю, краj ей больше нравилась x) — государство распадалось на части, на уды, причемъ вслѣдствіе благопріятныхъ обстоятельствъ всегда могло послѣдовать соединеніе.
Главнѣйшимъ и общимъ всѣмъ германскимъ государствамъ политическимъ органомъ было вѣче, распоряжавшееся территоріей и рѣшавшее всѣ важнѣйшія дѣла. Правило это было на столько обще, что по собранію на одно вѣче, мы можемъ судить о принадлежности нѣсколькихъ германскихъ племенъ къ одному государству.
Вѣчевыя собранія были двоякаго рода: собраніе свободныхъ людей всего государства и собраніе волостей государства (centeni, pagi, gau (x см. слѣд. стр.), Hundertschaften, Zentenen, Harden).
Взаимное отношеніе этихъ двухъ собраній составляетъ важнѣйшую черту въ древне германскомъ государст=

---

x) Такъ, извѣстно, что часть Вандаловъ, отправившись въ походъ, дошла до Африки и осталась тамъ. Родичи охраняли ихъ землю впродолженіи 40 лѣтъ, надѣясь, что они возвратятся. Наконецъ, удостовѣрившись черезъ посольство, что тѣ останутся на новомъ мѣстѣ посeленія, они раздѣлили земли ихъ между собою.

венномъ устройствѣ. Кругъ дѣлъ, подлежавшій вѣдѣнію обоего рода собраній, въ двухъ пунктахъ однороденъ. Въ обоихъ собраніяхъ рѣшались судебные споры и тяжбы и оба имѣли право распоряженія надъ своею маркоюxx). Территоріальное пространство, изъ котораго поступали дѣла, важность и количество каждой особой группы дѣлъ были различны, но оба собранія - Gerichtsversammlung и Markversammlung или Märkeding вѣдали судебныя дѣла и распоряжались землею.

Государственная марка первоначально доставляла земскому или государственному вѣчу весьма мало хлопотъ, такъ какъ эту марку первоначально составляли собственно только 1) пограничная, иногда очень обширная полоса земли, оставляемая въ пустѣ - необработанною - для безопасности отъ набѣговъ сосѣдей и 2) вновь завоеванныя незаселенныя земли. Все управленіе ею состояло въ запрещеніи на ней селиться или же при случаѣ - въ позволеніи это дѣлать.

Остальная же территорія дѣлилась между отдѣльны-

---

x) Gau - часть дѣленія исключительно Франкскаго государства; у Франковъ земля дѣлилась на гаи, а гаи въ свою очередь на сотни; это двойственное раздѣленіе совершенно не было извѣстно первоначальному періоду, гдѣ земля просто дѣлилась на сотни (pagi).

---

xx) Слово марка имѣетъ нѣсколько значеній. Собственно оно означаетъ границу (limes). Но сверхъ того подъ нимъ разумѣются:
a) служащіе границею, находящіеся въ общемъ владѣніи лѣса и луга; в) совокупность земель, принадлежащихъ общинѣ и наконецъ с) самая община, которой члены называются потому соммарчани. (См. Грановскій, Полн. собр. сочин. т. I, стр. 136.)

ми сотнями общинно-поземельныя дѣла этихъ волостей или сотенъ были значительные.
Во время Цезаря всѣ земли общины, - пахатныя поля, луга и лѣсъ состояли подъ исключительнымъ вѣдѣніемъ сотеннаго или волостнаго собранія; во время Тацита количество этихъ подвѣдомственныхъ ему земель становится гораздо меньше, такъ какъ пахатная земля уже была распредѣлена между сельскими общинами и всѣ вопросы, касающiеся пользованія ею, уже не касались сотни и сотенной сходки; но лѣса и пастбища все еще оставались большею частью общимъ владѣніемъ сотни или волости и состояли подъ ея управленіемъ.
Въ третьемъ пунктѣ функціи обоихъ собраній различны. Только земская община, общій сеймъ рѣшаетъ о войнѣ и мирѣ; она одна даетъ право гражданства несвободнымъ; въ ней юноша объявляется совершеннолѣтнимъ; наконецъ въ ней избираются principes-судьи. Послѣдній фактъ дѣлаетъ отношеніе наиболѣе яснымъ: сотня не имѣетъ никакихъ <u>политическихъ</u> правъ и полномочій: она не есть отдѣльное государство въ государствѣ, а только часть, подраздѣленіе государства; она находится въ подчиненномъ отношеніи къ земскому вѣчу, къ землѣ, какъ цѣлому. Если бы нужно было обозначить оба собранія - земское и сотенное вѣче - по главному характеру подвѣдомыхъ имъ дѣлъ, - то сотня будетъ имѣть <u>судебную сходку</u>, а земля - <u>политическое</u> вѣче.
Организація обоихъ собраній, также какъ организація земли и волости различна. Во главѣ волости, сотни необходимъ старшина или судья; во главѣ земли и вѣчеваго собранія конунгъ можетъ быть и не быть.
Еще существенное отличіе - это совѣтъ старѣйшинъ лучшихъ людей (но не исключительно дворянъ); Тацитъ

(этотъ совѣтъ concilia. Говорили, что онъ состоялъ преимущественно изъ знатныхъ людей — эделинговъ, но это совершенно несправедливо. Мы не имѣемъ точнаго опредѣленія, кто имѣлъ право участвовать въ этомъ совѣтѣ; вѣроятно, что такого опредѣленія и на самомъ дѣлѣ не было. На основаніи словъ Тацита можемъ заключить, что едва ли это право принадлежало исключително знатнымъ людямъ. Когда Цивилисъ задумалъ свое возстаніе противъ Римлянъ, то онъ созвалъ на совѣтъ „primores gentis et promptissimos vulgi", т. е. знатныхъ людей племени (дворянство) и наиболѣе способныхъ и дѣльныхъ изъ среды простаго народа. Такъ, конечно, бывало и въ другихъ случаяхъ: знатное происхожденіе замѣняло недостатокъ личныхъ способностей и заслугъ; мужество, слава, опытность, старость — давали и свободному простолюдину мѣсто и вліяніе въ совѣтѣ. Такъ это было и послѣ, въ среднихъ вѣкахъ. x)

Что касается до самаго хода собранія, то надо предполагать, что не только право рѣшающаго голоса, но и право предложенія принадлежало всѣмъ. Тацитъ формулируетъ это съ ясностью; по словамъ его не только человѣкъ знатнаго происхожденія, конунгъ или вождь, но и человѣкъ пожилой, опытный, или извѣстный своей храбростью, или даже только красноречіемъ, могъ держать рѣчь къ народу. Удовольствіе выражалось потрясаніемъ оружія, неудовольствіе ропотомъ, крикомъ (fremitu adspernantur); самое почетное выраженіе согласія состояло въ аплодисментахъ оружіемъ. Honoratissimus assensus genus est,

x) Въ Швейцаріи и Дитмарсенѣ до 15-го столѣтія существовалъ обычай, что кромѣ общаго собранія (borve), былъ еще совѣтъ изъ 48-и выборныхъ.

artis laudare (Germ XI.)
Такимъ образомъ очевидно, что дѣло рѣшалось большин-ствомъ голосовъ; если не путемъ правильной подачи ихъ, то по крайней мѣрѣ судя по общему впечатлѣнію. На ряду съ вѣчемъ существовали короли, конунги (konungx), которыхъ Тацитъ называетъ reges. Изъ свѣдѣній сообщаемыхъ намъ Тацитомъ видно, что нѣкоторыя племена имѣли королей, другія же нѣтъ, хотя при этомъ онъ упоминаетъ вездѣ существованіе королевска-го рода; изъ этого мы можемъ заключить, что королевская власть не была особенностью отдѣльныхъ племенъ, такъ какъ почти у всѣхъ ихъ въ разное время замѣчается смѣна королевскаго правленія и безкоролевья. Но гдѣ только существовалъ король, тамъ онъ былъ личнымъ носителемъ и представителемъ государственной власти. Римляне, говоря о войнахъ съ Германцами, упоминаютъ, что иногда король объявлялъ войну, иногда же народъ; изъ этого мы видимъ, что тамъ гдѣ существовала власть короля, тамъ именно онъ являлся лицомъ, рѣшающимъ всѣ важные вопросы. Онъ же былъ представителемъ своего народа передъ богами и вслѣдствіе этого верховнымъ жрецомъ; вмѣстѣ съ тѣмъ въ его лицѣ сосредоточивался верховный судья, т.е. предсѣдатель въ обще-народномъ вѣчѣ, и предводитель на войнѣ. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ равенъ герцогу (Herzog) и вслѣдствіе этого сходства нѣкоторые ученые выводили исхожденіе королевской власти отъ герцогской, исключительно военной; говорили, что во время необ[...]

x) Слово konung какъ по значенію, такъ и въ звуковомъ отношеніи представляетъ полное соотвѣтствіе славянскому слову кънязь и находится въ связи съ латинскимъ gens родъ, колѣно, греч. γένος.

мощи былъ избираемъ вождь, который и по миновеніи надобности оставлялъ за собою власть и передавалъ ее своему потомству. Едва ли предположеніе это справедливо, такъ какъ намъ извѣстно существенное различіе конунга отъ герцога. Въ мирное время Heerzog обязанъ слагать свою власть; власть же конунга прочная и по преимуществу мирная. Германцы все таки считали, не смотря на свою воинственность, нормальнымъ положеніемъ страны миръ, а не войну; отъ этого-то для мира имѣется и постоянный глава. Сага часто даже выводитъ и прославляетъ такихъ королей, которые мирно сидѣли у себя дома, посылая на войну своихъ богатырей; королевская честь вовсе не требовала того, чтобы онъ самъ ходилъ въ битву во главѣ своего войска. Онъ является по преимуществу хранителемъ мира въ своей землѣ; этотъ миръ — честь короля. Кто нарушаетъ миръ, начинаетъ раздоръ и вражду, тотъ оскорбляетъ честь короля и обязанъ уплатить „мировыя деньги“ — пеню. Такъ точно, какъ господина дома оскорбляетъ тотъ, кто у него обидитъ другого словомъ или угрожаетъ оружіемъ.

Короли избирались, какъ говоритъ Тацитъ, изъ среды благороднѣйшихъ фамилій (Germ. VII) и наслѣдственности въ строгомъ смыслѣ не было, хотя по смерти короля обыкновенно избраніе ограничивалось однимъ изъ членовъ его же фамиліи. Очевидно, что это избраніе совершалось по извѣстнымъ обычнымъ обрядамъ. Сначала провозглашалось имя кандидата; потомъ его поднимали на щитъ и три раза обносили кругомъ, чтобы показать народу. (У Скандинавовъ его ставили на камень.) Если предлагаемый кандидатъ былъ угоденъ народу, то одобреніе выражалось обычнымъ удареніемъ оружія, замѣнявшимъ подачу голосовъ. Затѣмъ, новоизбранному королю передавали власть,

символомъ чего было врученіе копья, и наконецъ происходилъ родъ присяги въ вѣрности. Король былъ единственнымъ чиновникомъ, такъ какъ бюрократіи у древнихъ германцевъ совершенно не существовало; въ управленіи ему помогали только его дружинники. Королевская власть имѣла весьма важное значеніе, такъ какъ король являлся представителемъ народнаго единства. Государственный союзъ былъ крѣпче тамъ, гдѣ во главѣ его стоялъ конунгъ. Народъ, который не имѣлъ короля и находилъ свое единство только въ вѣчевыхъ или военныхъ собраніяхъ, повторявшихся въ большихъ государствахъ чрезъ длинные промежутки времени, не сознавалъ своего единства такъ ясно, какъ сознавалось оно тогда, когда было воплощено въ одномъ лицѣ, въ одной фамиліи, возвышавшейся надъ всѣми, въ одномъ домѣ, который для всѣхъ, даже самыхъ отдаленныхъ, былъ обиталищемъ права, убѣжищемъ отъ насилія.

Часто случалось, что власть эта возникала вслѣдствіе необходимости, являясь противовѣсомъ междоусобныхъ распрь въ странѣ: иногда два какіе нибудь знатные рода начинали борьбу и мало по малу втягивали въ нее всю страну, жители которой являлись сторонниками той или другой партіи. Для прекращенія этихъ междоусобій, для водворенія мира избирался король. Основой королевской власти было прежде всего то всеобщее уваженіе, которое народъ питалъ къ нему, а также и матеріальныя богатства короля. Ему давался двойной участокъ земли, въ его пользу шла половина мировыхъ денегъ, Тацитъ упоминаетъ также и о натуральной повинности, которую платили королю, наконецъ огромное значеніе въ глазахъ народа имѣло т. назыв. сокровище короля (Schatz), т. е. тѣ драгоцѣнныя украшенія: запястья,

кольца, ожерелья и т. п. которыя доставались во время счастливыхъ войнъ и потомъ переходили изъ рода въ родъ, умножаясь новой добычей.
Судьи или старшины сотенъ были избираемы также, какъ короли — и точно также на всю жизнь.
Скажемъ несколько словъ о другихъ сторонахъ общественной жизни древнихъ Германскихъ племенъ. Заметимъ прежде всего, что здесь главную роль играло право самозащиты, собственнаго суда надъ обидчикомъ, право кровной мести. Право это не сходно было съ средневековымъ правомъ частной войны (Fehderecht.), по которому только дворянинъ имелъ возможность личной расправы съ врагомъ; въ древней Германіи, какъ каждый пользовался правомъ носить оружіе, такъ точно каждый могъ самъ отмстить за себя или родственника. Мы имеемъ множество указаній на живучесть этого обычая: въ Голштиніи и Даніи упоминается онъ въ 1400г.; даже въ XVI и XVII стол. сохраняются договоры основанные на праве кровной мести; точно также въ Швейцаріи сохранялся обычай, что въ случаяхъ убійства только женскіе члены фамиліи приносили въ судъ жалобу, дава за другими оставалось неприкосновеннымъ право на месть (утрачиваемое въ случае обращенія къ судебной процедуре.)
Право кровной мести сначала было даже обязательнымъ и долго сохраняло этотъ характеръ. Такъ въ Скандинавской саге разсказывается, что одна мать дала пощечину своему сыну, который не отмстилъ за обиду и когда после этого онъ еще медлилъ, то она вместо хлеба дала ему камень. Подобныхъ фактовъ встречается весьма много. Въ другомъ месте мы видимъ, что отецъ отказывается выйти изъ горящаго дома, где уже погибли его сыновья, такъ какъ онъ слишкомъ старъ и слабъ и не въ силахъ отмстить за нихъ. Но опасность

безконечного продолженія кровомщеній, вызываемыхъ одно другимъ, уже съ самыхъ раннихъ поръ приводитъ къ ограниченію обычая, какъ относительно тѣхъ, которые имѣли право мести, такъ и относительно подлежащихъ ей. Право это дается только брату, сыну — самому близкому родственнику; мести подлежатъ также только ближайшіе къ виновному люди или онъ самъ. Въ законѣ Салическихъ Франковъ предполагается, что родичи убитаго должны представить виновнаго на судъ и удовольствоваться присужденной имъ вирой. Только въ такомъ случаѣ, если виновный не въ состояніи уплатить виры, судъ выдавалъ его головою его обвинителямъ и тогда фамилія убитаго могла дѣлать съ нимъ, что хотѣла. Намѣренное, никакими побужденіями не оправдываемое убійство вело за собою наказаніе смертью; только въ случаѣ особаго соглашенія сторонъ могъ и такого рода убійца отдѣлаться вирою, но только съ ограниченіемъ; а именно, что вся сумма (для большинства слишкомъ высокая) должна быть уплачена виновнымъ изъ собственныхъ средствъ; родственникамъ запрещалось помогать при этомъ. Такимъ образомъ у Франковъ кровная месть уже въ VI^м вѣкѣ была подчинена опредѣленіямъ закона. Въ этомъ отношеніи законодательство Франковъ опредѣлило другія.

Въ другихъ государствахъ (напр. у Англо-Саксовъ) даже въ X^м вѣкѣ ограниченія не шли такъ далеко. Въ законѣ короля Эдмунда высказывается, что родичи убитаго имѣютъ право мщенія, но только въ отношеніи убійцы, а не его родныхъ; они могутъ его преслѣдовать, пока онъ не предложитъ законнымъ порядкомъ уплату виры.

---

x) Родственники виновнаго не имѣютъ права мести; ихъ свободному рѣшенію предоставляется — помогать или нѣтъ виновному при уплатѣ виры.

Но и принять эту виру считалось иногда столь постыдным, что у Датчан, напр., было правило, что родственники виновнаго должны были все поклястся родственникам пострадавшаго, что и они приняли бы виру, если бы находились в подобном положении. Все это делалось для того, чтобы те, которые, по выражению того времени, „согласились носить своего сына в кошельке" не должны были бы очень стыдиться своего поступка. Этим мотивировался также и обычай, чтобы предложение виры не было делаемо в пренебрежительной форме.

Право личной мести в древнейшия времена существовало, конечно, еще без тех ограничений, какия явились в позднейший период. Судебный процесс также много предоставлял личной инициативе каждаго человека. Хотя суд происходил в волостях (гадах) и разбирался всякий процесс при помощи всей общины, но тем не менее обвинитель сам приводил обвиняемаго x), сам допрашивал его и, что еще страннее, не судья, а сам обвинитель имел власть принудить обвиненнаго отвечать. Эта власть или сила заключалась в известной определенной форме вопроса. Кто не отвечал на вопрос, так поставленный, терял процесс. Ответ должен был точно соответствовать вопросу: уклонение и погрешность против формулы опять-таки влекло за собою опасность проигрыша. После того, как обвинитель еще раз ответил со своей стороны, один из опытных, знающих людей „шеффенов", выражавший мысль всей предстоящей общины, произносил приговор. Приговор не содержал в себе заключения о том,

x) Для этого, впрочем, существовала особая формула (mannitio). услыхавший ее, должен был непременно явиться на суд, а то все равно процесс был решаем не в пользу его.

кто правъ и кто виноватъ, а только заключеніе о томъ, чего требуетъ право, если та или другая -(указываемая въ приговорѣ-) сторона подкрѣпитъ свое показаніе извѣстнымъ процессуальнымъ дѣйствіемъ. Никими приговоръ былъ условный: смотря по тому, будетъ или нѣтъ представлено требуемые доказательство, онъ рѣшалъ въ пользу той или другой стороны. Процессуальныя дѣйствія, посредствомъ которыхъ доказательство могло быть представлено, были: клятва, присяга съ соприсяжниками и судъ Божій посредствомъ поединка. Соприсяжники назывались также свидѣтелями, но ихъ присяга совсѣмъ отлична отъ той присяги, къ которой теперь приводятъ свидѣтелей. Соприсяжники не клялись въ томъ, что они вообще будутъ говорить правду и она вообще не разсказывали потомъ, что имъ было извѣстно по дѣлу; они клятвенно утверждали только одно заранѣе формулированное положеніе, отъ скрѣпленія котораго присягой поставлено было въ зависимость рѣшеніе суда. Совсѣмъ не спрашивалось, могли свидѣтели или нѣтъ сдѣлать еще какія либо показанія, которыя помогли бы судьѣ составить свое убѣжденіе о правотѣ или виновности сторонъ, потому что совсѣмъ не важно было, къ какому убѣжденію придутъ судьи. Вся задача заключалась въ томъ, чтобы рѣшить-согласно съ обычаемъ: а) кто, т. е. которая сторона обязана будетъ представить доказательства и в) принесена ли присяга какъ слѣдуетъ, съ положеннымъ числомъ соприсяжниковъ. Свидѣтели поэтому приглашались только тогда, когда приговоръ уже былъ произнесенъ: А... выигралъ дѣло, онъ правъ, если присягнетъ въ томъ-то, со столькими-то (обыкновенно 12го) соприсяжниками.

Соприсяжники (conjuratores) бывали обыкновенно родичи обвиняемаго; если же, по ихъ мнѣнію, клятвы въ его не-

винности невозможно было произнести, то они старались ускорчать его далее отъ начала процесса.
Можно подумать, что такого рода процедура не давала иногда возможности оправдать праваго человѣка; но необходимо помнить, что клятва считалась у древнихъ Германцевъ дѣломъ священнымъ и кромѣ того, можно было порицать приговоръ, произнесенный шеффеномъ и тогда дѣло рѣшалось поединкомъ - судомъ божиимъ - недовольнаго съ шеффеномъ. Форма вызова состояла въ томъ, что лице, проигравшее процессъ, но не желающее подчиниться несправедливому рѣшенію у двери дома своего втыкало обнаженный мечъ. Такимъ образомъ судья, пришедшій для исполненія приговора, увидѣвъ это, возвращался назадъ и долженъ былъ назначить поле.
Такимъ образомъ у Германскихъ племенъ рѣшались дѣла о собственности, объ увѣчьяхъ, ранахъ, словесныхъ оскорбленіяхъ, насильственныхъ дѣйствіяхъ и т. п. Наказанія, назначаемыя въ судѣ, въ большинствѣ случаевъ не превышали денежной пени; свободный человѣкъ былъ обезпеченъ отъ тѣлесныхъ наказаній. Вслѣдствіе того, что назначалась пеня, впослѣдствіи у Англо-Саксовъ мы встрѣчаемъ цѣлые тарифы за увѣчья. Особенно любопытны штрафы Кентскаго графства; такъ напр. тамъ упоминается, что за побои - пеня въ 12 шил. за побои, отъ которыхъ пострадавшій получитъ горбоноту - 18 шил.; за оторванное ухо - 20 шил. и т. п. (подобныя пени встрѣчаемъ мы и въ древнемъ русскомъ быту). Часть этихъ штрафныхъ денегъ шла въ пользу короля, если же его не было, то обыкновенно мировыя деньги пропивались всѣмъ собраніемъ; устраивался пиръ, часто подававшій поводъ къ новымъ дракамъ и новымъ штрафамъ. Только трусость, по словамъ Тацита, наказывалась позоромъ и смертью: тру-

совъ обыкновенно топили въ болотѣ (Germ. XII).
Обратимся теперь къ краткому очерку семейнаго быта Германцевъ.
Когда роды прочно усѣлись на своихъ мѣстахъ, когда появились сельскія общины, тогда начали устраиваться и сплошныя поселенія – села и деревни. Устройство домовъ у древнихъ Германцевъ было самое первобытное и незатѣйливое; они крыты были мохомъ и соломой; окна и отверстія для дыма были одни и тѣ же. Позднѣе является при домахъ клѣть (у Бургундовъ screona = русск. скрыня, франц. écraigne), которая помѣщалась внизу, подъ землею и для поддержки тепла покрывалась соломой. Описаніе этихъ жилищъ, впрочемъ, не представляетъ особенной необходимости. Гораздо важнѣе для насъ первая и самая характеристичная черта домашняго быта – положеніе женщины. И въ этомъ случаѣ указанія намъ даетъ Тацитъ. Въ 18 и 19 гл. „Германіи" онъ описываетъ положеніе женщины въ семьѣ, способъ заключенія брака, даже приданое, которое, по его словамъ, вопреки обычаю, приноситъ не невѣста, но женихъ (Dotem non uxor marito, sed uxori maritus offert. c. XVIII.). Нѣкоторые факты, очевидно, идеализированы имъ, вѣроятно, вслѣдствіе желанія показать контрастъ между обычаями римлянъ и варваровъ. Это приданое, приносимое женихомъ, говоритъ онъ, состоитъ не изъ туалетныхъ принадлежностей, столь нравящихся женщинамъ, ни изъ нарядовъ для новобрачной: женихъ приноситъ въ домъ пару воловъ, лошадь со сбруей, щитъ, мечъ и фрамею. И эти подарки, продолжаетъ онъ дальше, обозначаютъ, что имъ (мужу и женѣ) должно жить одною жизнью, умереть одною смертью, что жена должна имѣть свою долю въ работѣ и опасностяхъ, которымъ подвергается мужъ (c. XVIII). Но гораздо вѣрнѣе будетъ предположить, что эта

пара воловъ, лошадь и оружіе были ничто иное, какъ покупная цѣна невѣсты (вѣно); въ древности, какъ извѣстно, монетъ не существовало и скотъ былъ мѣновою цѣнностью; слѣды этого остались даже и въ языкѣ, гдѣ долгое время слово Fê (Vieh, Готское Faihu) употреблялось для обозначенія монеты. По прямому свидѣтельству Тацита (Germ. XXI) виры за убійство уплачивались извѣстнымъ количествомъ головъ скота. Легко можетъ быть, что эта покупная цѣна, это вѣно впослѣдствіи возвращалось родителями невѣсты въ домъ новобрачныхъ, что и подало поводъ Тациту назвать это приданымъ; во всякомъ случаѣ, первоначальный смыслъ этихъ даровъ былъ именно таковъ, какъ сказано выше: они были покупною цѣною, вѣномъ (Brautkauf), существовавшимъ не только у Германцевъ, но и у всѣхъ первобытныхъ народовъ.

„Невѣста также даритъ жениху нѣсколько оружія" говоритъ дальше Тацитъ и это, по мнѣнію его, обозначаетъ связь на всю жизнь. И здѣсь опять видна идеализація: въ сущности оружіе это, а именно мечъ, вручаетъ жениху не сама она, а отецъ, родственникъ или вообще тотъ, кто имѣлъ надъ ней mundium (власть, опеку); подобно тому, какъ врученіе королю копья, эта передача оружія означаетъ передачу власти надъ ней ея новому господину - мужу.

Но за то Тацитъ не скрылъ другой, менѣе идеальной стороны семейной жизни Германцевъ. На женщинѣ, говоритъ онъ, лежитъ большая часть полевыхъ и домашнихъ работъ; мужья предпочитаютъ вести праздную и веселую жизнь, проводить время на охотѣ, въ пирахъ и въ играхъ. Ихъ любимый напитокъ выдѣлывается изъ ячменя или ржи, которыхъ они портятъ, по выраженію Тацита (Potui humor ex hordeo aut frumento in quandam similitudinem vini corruptus.)

Судя по нѣкоторымъ признакамъ, можно было бы подумать, что женщина принимала извѣстное участіе и въ дѣлахъ войны. Такъ, послѣ сраженія съ Готами, Римляне взяли въ плѣнъ 11 переодѣтыхъ и участвовавшихъ въ сраженіи дѣвушекъ. Но это фактъ частный и хотя мы встрѣчаемъ еще нѣсколько подобныхъ же, все таки это не даетъ права выводить общее заключеніе. Тацитъ не упоминаетъ объ участіи женщинъ въ битвѣ, онъ говоритъ только, что женщины (и даже дѣти) находились вблизи сражающихся, поощряли ихъ своими криками, перевязывали раны, приносили имъ пищу и питье. (Дентъ). Извѣстно, что Германцы, отправляясь въ походъ, подобно всѣмъ первобытнымъ народамъ, брали съ собой семью и даже домашній скарбъ; все это перевозилось на большихъ телѣгахъ, изъ которыхъ составлялось нѣчто въ родѣ обоза, Wagenburg'a, слѣдовавшаго въ нѣкоторомъ отдаленіи за войскомъ. Въ этомъ-то Wagenburg'ѣ находились жены, матери и сестры воиновъ, занятыя исполненіемъ вышеупомянутыхъ обязанностей; иногда даже случалось, что они защищались отъ нападенія непріятелей при помощи сторожевыхъ собакъ, всюду сопровождавшихъ ихъ.

Относительно дѣтей уже было сказано нѣсколько словъ выше. Когда мальчикъ достигалъ извѣстнаго возраста (12-и 13-и лѣтъ) его приводили въ общее народное собраніе и торжественно вручали ему копье (фрамею). Обрядомъ этимъ (Wehrhaftmachung) его признавали способнымъ носить оружіе; онъ самъ могъ защищать свое право въ судѣ, участвовать въ военномъ ополченіи, платить виру и получать часть ея, когда будетъ убитъ членъ его рода; онъ могъ жениться и быть попечителемъ (Vormund) другого. Но фактически въ большей части случаевъ онъ, конечно, еще не могъ пользоваться всѣми этими правами и управлять собою. Такіе юноши часто отдавали-

подъ защиту (Mund) какому-нибудь взрослому и значительному лицу, которому служили въ видѣ оруженосцевъ, чтобы приучиться къ военному дѣлу и выказать свою храбрость. Эта школа, которую юнымъ надо было пройти для достиженія фактическаго полноправія, иногда была весьма тяжела; очень часто съ нимъ обращались крайне сурово; такъ у Геруловъ, онъ долженъ былъ сражаться безъ оборонительнаго оружія (щита) до тѣхъ поръ, пока не докажетъ воиномъ свою храбрость; когда же она доказана, ему <u>вручаютъ щитъ</u> и тогда уже онъ отпускался изъ службы и вступалъ въ полное обладаніе своими правами, становился полноправнымъ членомъ государства.

У Хаттовъ такіе юноши имѣли обычай не стричь волосъ на головѣ и бородѣ и носить на рукѣ желѣзное кольцо до тѣхъ поръ, пока не убьютъ непріятеля (Germ XXXI.) Признанія полной зрѣлости можно было достичь не только на войнѣ, но выказавъ свою храбрость и на охотѣ. Часто бывало, что уже въ томъ самомъ собраніи, въ которомъ совершалось заявленіе о совершеннолѣтіи или лучше — о выходѣ изъ дѣтскаго возраста, полагалось вмѣстѣ основаніе къ вышеозначенному служебному отношенію къ другому постороннему лицу въ видѣ оруженосца (Knappen). Именно — обычай допускалъ, чтобы при Wehrhaftmachung не самъ отецъ давалъ оружіе сыну, а поручалъ исполненіе этого обряда другому. Тогда актъ этотъ служилъ не только какъ emancipatio, но и какъ adoptio (усыновленіе). Юноша совершенно выступалъ изъ подъ власти отца и вступалъ подъ „руку“ (mundium) того, кто совершалъ надъ нимъ обрядъ. Изъ этого Wehrhaftmachung ведетъ, по мнѣнію ученыхъ, начало рыцарскій обрядъ посвященія, что, конечно, справедливо. Слѣдуетъ только замѣтить, что, можетъ быть, обрядъ ударенія мечемъ

(Ritterschlag) при посвященіи въ рыцари скорѣе соотвѣтствуетъ второму врученію оружія, въ частности щита, о которомъ было говорено выше.

Скажемъ нѣсколько словъ о погребальныхъ обрядахъ Германскихъ племенъ.

Они имѣли двоякій способъ погребенія: сожженіе и преданіе тѣла землѣ безъ огня (зарываніе). Нельзя сказать, чтобы оба эти способа разнились одинъ отъ другого хронологически или этнографически: раскопки доказываютъ намъ, что они безразлично существовали у разныхъ племенъ въ одно и то же время, такъ какъ часто въ одномъ курганѣ можно видѣть и пепелъ, и остовъ погребеннаго человѣка. Покойникъ предавался погребенію въ своей одеждѣ; если позволяли семейныя средства, ему давали оружіе и другую утварь. Въ могилахъ, которыхъ разрыты тысячи, часто находятъ на рукахъ, а равно и на ногахъ, на пальцахъ и на шеѣ кольца - золотыя и бронзовыя, мѣдныя и желѣзныя; подлѣ лежатъ пряжки пояса и другія украшенія, стекло и янтарь, глиняныя и костяныя изделія. Отсюда видно, что слова Тацита о погребальныхъ обрядахъ, а особенно объ отсутствіи въ нихъ всякой пышности - не совсѣмъ точны x).

При сожженіи, костеръ украшали оружіемъ и платьемъ умершаго; давали ему гребни и бритву; убивали при кострѣ его коня, его охотничью птицу-ястреба, а иногда и пѣвчую. Наконецъ умерщвляла себя и

x) Тацитъ говоритъ прямо и опредѣленно: „въ ихъ погребальныхъ обрядахъ нѣтъ никакой пышности" - funerum nulla ambitio. „Они не кладутъ на костеръ ни дорогихъ матерій, ни благоуханій, говоритъ онъ дальше; съ умершимъ сожигается его оружіе, иногда его лошадь." (Germ. XXVII.)

жена, которая хотѣла послѣдовать за мужемъ, иногда - любимый слуга его. Такъ, когда умерла Брунгильда, то вмѣстѣ съ ней сожжены были 13 служанокъ и одинъ слуга ея.

Этотъ обычай, кажущійся намъ жестокостью, былъ связанъ съ суровою религіей Германскихъ варваровъ. Сдѣлаемъ, въ заключеніе, краткій очеркъ этой религіи.

Обращаясь къ свидѣтельству Тацита, мы видимъ, что онъ называетъ Германскихъ боговъ тѣми же Римскими именами, которыми Цезарь называлъ боговъ Галльскихъ. „Deorum maxime Mercurium colunt" - выше всѣхъ боговъ почитаютъ они Меркурія, говоритъ онъ въ 9й главѣ „Германіи". Подъ этимъ Меркуріемъ должны мы, повидимому, разумѣть особенно почитавшагося у многихъ Германскихъ племенъ (Саксовъ, Дановъ, Шведовъ) Одина или Водана (Wodan, Wuotan). Заключеніе это можетъ быть выведено посредствомъ сличенія названій Германскихъ дней недѣли съ Римскими. Въ IV вѣкѣ Германцы приняли отъ своихъ сосѣдей - Кельтовъ, обычай называть дни недѣли по именамъ боговъ, подставивъ, конечно, вмѣсто Кельтскихъ, имена своихъ собственныхъ, соотвѣтствующихъ божествъ. Такимъ образомъ, въ сохранившемся до нашего времени англійскомъ названіи Среды - Wednesday, мы ясно можемъ видѣть слѣды имени Одина x), поставленнаго вмѣсто Римскаго и Кельтскаго Меркурія, въ честь котораго этотъ день былъ названъ (Mercredi). Тѣни умершихъ, въ сопровожденіи которыхъ Одинъ, богъ грозныхъ силъ природы,

---

x) У Датчанъ слѣдъ этотъ сохранился еще яснѣе: Среда у нихъ называется Onsdag - очевидное сокращеніе прежняго Odinsdag.

бури и молніи, представлялся воображенію Германцевъ, подали поводъ приравнять его къ Гермесу-Меркурію, какъ извѣстно, сопровождавшему въ адъ души умершихъ.

Другой богъ, упоминаемый Тацитомъ-Марсъ-можетъ быть приравненъ къ германскому Ziu или Thio (Тиръ), преимущественно почитавшемуся у Свевовъ-Хаттовъ, которые даже прямо называются Ziuvari (служители Тиу). Слѣды этого имени мы можемъ видѣть въ Англійскомъ имени Вторника-Tuesday, англосаксонскомъ Tivesdag, швабскомъ и баварскомъ Ziestag, очевидно соотвѣтствующимъ Римскому и Кельтскому dies Martis-Mardi.

Третій богъ, составлявшій съ другими двумя германскую троицу-Торъ (Thor) богъ грома, сопоставленный у Тацита съ Геркулесомъ, вѣроятно, по сходству аттрибутовъ (палица-и молотъ). И его имя сохраняется въ англійскомъ Thursday, саксонскомъ Torsdag и теперешнемъ нѣмецкомъ Donnerstag.

Остальные боги не представляютъ особенной важности и интереса x). Гораздо болѣе значенія имѣютъ приносимыя этимъ богамъ человѣческія жертвы. Германская религія имѣла по преимуществу характеръ мрачный, суровый, не смягчаемый даже тѣмъ культомъ богинь-женщинъ, который мы видѣли у Галловъ. Божества Германцевъ являются кровожадными, требовавшими человѣческихъ жертвъ. Эти жертвы ставятся обыкновенно въ особый упрекъ германской религіи, которую даже называютъ „религіей крови". Упрекъ этотъ, впрочемъ, совершенно безоснователенъ: человѣческія жертвы свойственны были всѣмъ

---

x) Изъ женскихъ божествъ упомянемъ Фрею, имя которой также и до-нынѣ сохранилось въ названіи дня недѣли-Freitag

арійскимъ народамъ; разница состояла только въ томъ, что у другихъ, подъ вліяніемъ болѣе мягкаго характера, иныхъ общественныхъ условій, жертвы эти исчезаютъ гораздо раньше, чѣмъ это было у Германцевъ, которые сохраняли этотъ обычай довольно долгое время. Мы имѣемъ свѣдѣнія, что даже въ VIII столѣтіи Германцы-христіане продавали своихъ рабовъ сосѣдямъ для жертвъ. Саксы, которые въ V-мъ вѣкѣ опустошали берега Галліи и подобно позднѣйшимъ Норманнамъ вторгались въ самую внутренность страны, послѣ побѣды приносили богамъ въ жертву десятаго изъ плѣнниковъ. Въ большинствѣ случаевъ, для этой цѣли служили рабы и плѣнники, но иногда также и свободные люди и даже царскіе сыновья. Въ одномъ памятникѣ остр. Готланда говорится, что весьма долго сохранялся обычай приносить въ жертву сыновей и дочерей. Римляне оставили намъ ужасающія описанія этихъ жертвоприношеній у Кимвровъ и Тевтоновъ, гдѣ исполнителями кроваваго обряда являлись престарѣлыя женщины, въ бѣлыхъ одеждахъ, съ металлическими желѣзными поясами, съ распущенными по плечамъ прядями сѣдыхъ волосъ, съ босыми ногами, съ ножомъ въ рукахъ. Въ такомъ видѣ онѣ встрѣчали плѣнника и подводили его къ громадному металлическому котлу, который считался великою народною святынею; одна изъ жрицъ всходила на скамью, наклоняла голову несчастной жертвы, поднятой вверхъ, надъ краемъ котла и разрѣзывала горло несчастному; текущая кровь служила средствомъ для гаданія о будущемъ.

Суровымъ чертамъ германской религіи соотвѣтствуютъ и суровые нравы, суровый характеръ народа.

Познакомившись съ Германцами и ихъ бытомъ, перенесемся опять на Римскую почву и постараемся прослѣдить столкновенія Германцевъ съ Римской имперіей, столкновенія, имѣвшія столь пагубныя послѣдствія для великой всемірной монархіи.
Европейскую границу Римской имперіи составляли рр. Рейнъ и Дунай. На границѣ этой, для защиты отъ нападеній варваровъ-Германцевъ, были расположены легіоны и союзники въ количествѣ 100 тысячъ, раздѣленные на два корпуса; Кельнъ былъ главной квартирой для арміи нижне-рейнской; Майнцъ-для верхне-рейнской. Послѣ проведенія пограничнаго вала отъ Кельгейма (Kehlheim, др. Regensburg, Regina) на Дунаѣ до Кобленца, на границѣ оставлено было только 50 тысячъ войска.
Укрѣпленія по этой линіи начаты были еще при Друзѣ и Тиберіи. Траянъ въ 97-99 годахъ велѣлъ насыпать громадный валъ, который былъ дополняемъ и укрѣпляемъ его преемниками и который отчасти сохранился до настоящаго времени. На протяженіи 70 нѣм. миль извилистою изломанною линіей тянулся онъ отъ Рейна до Дуная. Римляне называли его limes, palus, vallum; отъ palus является германское слово Pfahl, сохранившееся во многихъ названіяхъ городовъ и мѣстечекъ: Pfahlbronn, Pfahlheim, Pfahldorf; весь валъ у нихъ носитъ названіе Pfahlgraben или же просто Pfahl или Teufelsmauer - чортова стѣна. Восточную половину его составляло высокое шоссе, или военная Римская дорога, на нѣсколько футовъ возвышающаяся надъ остальною поверхностью и защищаемая сторожевыми башнями, расположенными на небольшомъ разстояніи другъ отъ друга. Западная половина, по Неккару, Майну и Рейну, представляла обширный земляной валъ въ 16 ф. вышиной;

впереди вала-рвовъ; въ промежуткѣ, при подошвѣ вала, стѣна или острогъ изъ крѣпкаго тына (заостренныхъ деревъ; позади точно также находились укрѣпленныя сторожевыя башни, по одной на каждую милю. Простираясь на такое большое разстояніе, валъ этотъ, очевидно, не представлялъ непреодолимой твердыни, не могъ быть вездѣ одинаково хорошо защищаемъ и вообще, не могъ служить преградою для вторженія варваровъ; но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ былъ весьма полезной для Римлянъ сторожевой линіей. Онъ былъ удерживаемъ Римлянами до конца III-го столѣтія. Такимъ образомъ впродолженіе двухсотъ лѣтъ ограждаемая имъ территорія принадлежала къ Римской имперіи и до сихъ поръ наполнена остатками Римской культуры; населеніе, жившее здѣсь, было вполнѣ романизовано. Это была область нынѣшняго Вюртемберга и Бадена, носившая въ Римское время имя agri decumates - десятинныя поля.

Для насъ важно не столько военное, сколько культурное значеніе этой пограничной линіи и Римскихъ легіоновъ, охранявшихъ оную. Постоянные лагери и укрѣпленія - сторожевые пункты - были средоточіемъ романизаціи, тѣми центрами, изъ которыхъ распространялась Римская культура. Внѣ вала, на одну версту слишкомъ, но подъ защитою его, располагались такъ называемыя canabae (Kneipen). Первоначально это были легкія палатки маркитантовъ и лавки мелкихъ торговцевъ; но мало-по-малу онѣ превратились въ настоящія прочныя поселенія, деревни; жены солдатъ, ветераны, вступавшіе иногда въ бракъ съ туземками, составляли главное населеніе этихъ canabae. Здѣсь же появлялись храмы, бани, водопроводы, даже амфитеатръ - все это выстроенное солдатами лагеря для своихъ

потребностей. Легіонеръ строилъ самъ, онъ былъ Kulturträger первыхъ четырехъ столѣтій, какъ впослѣдствіи монахи среднихъ вѣковъ.
И такъ канина, солдатскій посадъ, превратился въ настоящую городскую общину или въ большое село. Кромѣ того, притокъ населенія, преимущественно состоявшій изъ людей безпокойныхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и предпріимчивыхъ людей съ капиталомъ и знаніями, наполнилъ пограничныя мѣстности при военныхъ дорогахъ и внутри вала. Баварія, Вюртембергъ и Баденъ украсились Римскими городами, селами, виллами; теченіе рѣкъ было регулировано, болота и лѣса прорѣзаны дорогами, открыты каменоломни и горные рудники. Бани, храмы, гостинницы, фабрики, театръ и школы, хирурги и парикмахеры, торговцы, писцы и ученые - перенесли культуру Италіи къ пограничному валу. Главными пунктами Римскаго вліянія были теперешній Баденъ-Баденъ и Ротенбургъ; кромѣ того, существовало еще множество мелкихъ пунктовъ, еще и теперь остающихся свидѣтелями тогдашняго городскаго утонченнаго быта. Сохранившіеся памятники вводятъ насъ въ міръ тѣхъ идей и чувствъ, которые нѣкогда одушевляли здѣшнее населеніе. Особенно интереснымъ является здѣсь занесенный съ востока индійскій культъ Миѳры (Mithra); обряды котораго отчасти имѣютъ сходство съ христіанскими, и который, въ силу именно этого сходства, долѣе другихъ культовъ противостоялъ вліянію христіанства. До сихъ поръ еще существуетъ множество остатковъ алтарей и капеллъ съ изображеніями Миѳры, свидѣтельствующихъ о распространенности здѣсь этого культа. Изъ Италіи перенесены были сюда культурныя растенія садовые цвѣты, плодовыя деревья, виноградная лоза. Все это не оставалось, конечно, безъ вліянія и на со

сѣднихъ Германцевъ—они усвоили себѣ Римское хозяйство, римскую утварь и домашнія принадлежности. Римскіе купцы проникали внутрь Германіи и точно также являлись тамъ носителями культуры своего отечества. Но сами Германцы не имѣли безусловнаго позволенія вступать въ Римскія области, а только въ опредѣленныхъ мѣстахъ и въ опредѣленное время имѣли это право. Только Гермундуры составляли исключеніе, такъ какъ имъ дозволялось вступать даже въ Augusta Vindelicorum (Augsburg.). Иногда случались мелкія ссоры между сосѣдями, Римляне дѣлали частыя гоненія и небольшіе походы на нѣмецкую почву, но крупныхъ столкновеній не происходило до извѣстной Маркоманнской войны, въ которой нанесено было первое потрясеніе Дунайской границѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ всей Римской пограничной защитѣ.

Маркоманнская война (165-180г.) съ такимъ же правомъ можетъ быть названа и Квадскою, и еще какъ нибудь иначе, ибо кромѣ Маркоманновъ и Квадовъ, въ ней участвовали и другіе многочисленные народы: Гермундуры, Буры, Виктогалы, Вандалы и даже не Германцы, какъ напр. Язиги. Отъ Регенсбурга до самаго устья Дуная сторожевая линія впродолженіи многихъ лѣтъ была угрожаема массами варваровъ въ невиданномъ еще дотолѣ количествѣ. Между ними не было никакого союза или соглашенія; то одинъ, то другой народъ вступалъ въ борьбу, а иногда и нѣсколько вдругъ заключали временный союзъ; точно также случалось нерѣдко, что часть варваровъ вступала въ соглашеніе съ Римомъ и боролась противъ прежнихъ союзниковъ - соотечественниковъ.

Такъ, при заключеніи мира Маркомъ Авреліемъ, Язиги и Буры прямо поставили условіе, чтобы Римъ продолжалъ войну противъ Квадовъ и Маркомановъ. Вандалы-Асдинги предлагали свой союзъ и готовность вести войну противъ другихъ Германцевъ, если Римляне отведутъ имъ за то землю для поселеній. Подобные факты случались нерѣдко; это не была одна большая война, а рядъ войнъ, которыя находились только въ фактической связи между собою: Одинъ какой нибудь народецъ нападалъ, война была удачна и сосѣди, соблазненные успѣхомъ, предпринимали въ свою очередь подобный же походъ.

Война началась въ 165 г. нападеніемъ Маркомановъ и Квадовъ, которые проходили до нынѣшней Венеціи. Провинціи Реція, Норикъ, Паннонія, Иллирія страшно пострадали; при заключеніи мира было выдано до 200.000 плѣнныхъ Римлянъ. Самый Римъ былъ въ большой тревогѣ. Маркъ Аврелій Философъ собралъ жрецовъ и гадателей, началось умилостивленіе боговъ; въ виду опасности, вооружены были даже гладіаторы и рабы. Три года сряду, отъ 171 до 174 г. самъ Маркъ Аврелій провелъ на театрѣ войны въ странѣ Квадовъ. Carnuntum (нѣсколько ниже Вѣны) былъ его главною квартирою. Въ то же время отдѣльные отряды враговъ все нападали и прибывали.

174 годъ былъ особенно замѣчателенъ. Маркъ Аврелій и его войско, окруженные врагами въ безводномъ мѣстѣ, терпѣли страшный недостатокъ въ водѣ. Въ минуту полнаго изнеможенія войска, вдругъ поднялась буря, полилъ дождь и освѣжилъ уставшихъ и жаждущихъ римскихъ легіонеровъ. Они оживились, съ полнымъ ожесточеніемъ напали на Квад

и выиграли битву, произведшую переворотъ во всей войнѣ. Виновникомъ этого мнимаго чуда, поведшаго къ пораженію Квадовъ и къ ихъ полной покорности, язычники считали египетскаго мага съ его заклинаніями, христіане же - легіонъ, состоявшій только изъ однихъ христіанъ и по этому прозванный будто бы legio fulminatrix (молніеносный легіонъ). Но прозваніе это существовало еще 200 лѣтъ раньше вышеприведеннаго событія и послужило только источникомъ саги, а слѣдовательно, не можетъ быть доказательствомъ ея истинности.
Вслѣдъ за Квадами стали просить мира и другія племена. Однимъ изъ условій мира было позволеніе селиться вблизи сѣвернаго берега Дуная, на пограничной территоріи, но съ различными ограниченіями: жилища варваровъ должны были находиться на разстояніи семи верстъ отъ берега, острова не должны быть занимаемы, судовъ строить также не дозволялось. Для торговли назначены были опредѣленныя мѣстности; кромѣ того, многочисленныя крѣпостцы и гарнизоны поставлены на границахъ и внутри на территоріи самихъ варваровъ.
Эти гарнизоны были причиною возобновленія борьбы. Квады, не желая выносить притѣсненій, попытались выселиться къ Семнонамъ (Semnones), но были остановлены. Тогда они вмѣстѣ съ Маркоманнами начали жалобу императору и въ 178 году возобновилась война. Маркъ Аврелій отправился на Дунай, но въ 180 году умеръ въ Вѣнѣ; сынъ его Коммодъ заключилъ миръ на прежнихъ условіяхъ.

Переселение народовъ.

Пособія. Wietersheim. Geschichte der Völkerwanderung. 4 Bde.
Pallmann. Geschichte der Völkerwanderung. 2 Bde.

Маркоманская война была прелюдіей постояннаго напора Германцевъ на границы Имперіи. Впродолженіи III и IV столѣтій они наводняли пограничныя провинціи, и въ V-мъ проникли наконецъ въ самыя отдаленныя и основали въ нихъ настоящія государства. Это и есть движеніе, называемое обыкновенно Великимъ переселеніемъ народовъ. Относительно этого народнаго передвиженія необходимо замѣтить слѣдующее:

1) Его совершенно неосновательно начинають обыкновенно считать только съ 375° года; 2) оно не состояло вовсе въ какомъ нибудь безцѣльномъ скитаніи народовъ; 3) не всѣ германскія племена принимали въ немъ участіе; 4) еще менѣе можно сказать, что странствованіе или кочеваніе (Wandern) было обычной формой германскаго быта. Напротивъ, это было новое движеніе, и оно охватило только племена, жившія къ востоку отъ Эльбы; оно увело ихъ сначала только недалеко отъ ихъ первоначальной родины - въ сосѣднія съ прежними жилищами страны при Карпатахъ и на Дунаѣ. Оторвавшись отъ своего отечества, нѣкоторыя изъ этихъ колѣнъ, правда, метались туда и сюда въ безпокойствѣ цѣлыя два столѣтія и разбились на множество мелкихъ обрывковъ. Нѣкоторыя совсѣмъ пропали, какъ напр. Герулы, Сциры (Sciri); другія снова сплотились подъ начальствомъ даровитыхъ вождей въ крѣпкое ядро новаго народа (Вестъ Готы, Остъ-Готы, Вандалы). Совершенно неправильно представленіе, основанны

ное на судьбы этихъ народовъ, объ общемъ безпокойномъ передвиженіи всѣхъ Германскихъ племенъ въ продолженіи вѣковъ. Далее не всѣ племена, жившія на востокъ отъ Эльбы, испытали подобную Готамъ судьбу: Аламанны, Маркоманны, Гепиды и Бургунды двигались въ болѣе тѣсномъ кругу и съ большею усидчивостью на одномъ мѣстѣ. Но во всякомъ случаѣ, это было дѣйствительное переселеніе народовъ, движеніе, которое существенно отличается отъ прежнихъ движеній - во время Цезаря и послѣ - когда только части обломки племенъ уходили изъ старыхъ жилищъ искать новаго отечества. Причины этого движенія невозможно вполнѣ разъяснить. Быть можетъ оно происходило отъ недостатка земли для подростающаго молодаго поколѣнія. Такъ, мы знаемъ, что Лангобарды, во время голода, раздѣлялись обыкновенно на 3 части и бросали жребій, которой трети оставить землю и идти на новое мѣсто. Подобное явленіе встрѣчаемъ мы и у другихъ племенъ (Кельтовъ, Греко-Италиковъ) въ первобытный культурный періодъ. (Припомнимъ извѣстный латинскій обычай ver sacrum - священной весны.) Такія движенія бывали и у западныхъ отъ Эльбы Германцевъ; но переселеніе III и IV вѣковъ отлично тѣмъ, что здѣсь поднималась со своихъ мѣстъ цѣлая масса населенія. Быть можетъ имѣло вліяніе и напоръ Славянъ, такъ какъ въ это же время, между Вислой и Эльбой, появились Славяне; Германскій элементъ здѣсь совершенно изчезаетъ и впослѣдствіи мы находимъ различныя вѣтви Ляшскаго или Польскаго племени, такъ что даже если бы и были остатки оставшагося германскаго населенія, то оно не могло сохранить своей національности (x см. слѣд. стр.)

Движеніе послѣдовало въ двухъ направленіяхъ:

1) Аламанны шли на югъ и югозападъ; за ними слѣдовали Бургунды и въ V-мъ вѣкѣ Вандалы.
2) Готы на югъ и юго-востокъ; за ними слѣдовали Герулы, Гепиды, Лангобарды.

Аламаннское переселеніе.

Имя Аламанновъ въ первый разъ дѣлается извѣстнымъ въ 213 году, когда императоръ Каракалла боролся съ ними на верхнемъ Майнѣ. По новѣйшимъ изслѣдованіямъ они суть уже извѣстные намъ Семноны Тацита, о которыхъ въ послѣдній разъ упоминается въ 180 году; потомъ имя ихъ изчезаетъ и на мѣсто его является имя неизвѣстнаго прежде народа - Аламанновъ. Предположеніе это является тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что мы встрѣчаемъ ихъ впервые къ югу отъ прежней территоріи Семноновъ, притомъ въ безпокойномъ движеніи. Этимъ же предположеніемъ о ихъ происхожденіи можно объяснить и самое имя, данное имъ: Аламанны - люди святилища (alah-heilig); они были также называемы Ziuvari (поклонники Ziu). Но сами себя они называли общимъ именемъ Suabi (Швабы); теперешній обычай отличать Алеманновъ Бадена, Эльзаса, восточной Швейцаріи отъ Швабовъ Баваріи есть совершенно произвольный и позднѣйшій. И такъ - Аламанны суть только переименованные и подвинувшіеся немного на югъ Семноны. Они распадались на 10-20 маленькихъ народцевъ (Buccinobanten, Sentienses, Juthingen и др.) которые дѣйствовали большею частью врозь и самостоятельно, часто ссорились и боролись даже между собою; старая связь религіозной амфиктіоніи - почитаніе Ziu - порвалась послѣ разлуки съ родиной.

---

x) См. Wendt. Die Nationalität der Bevölkerung der deutschen Ostmarken. 1878. Platner. Forschungen. XVII, 409.

Особенно страшными они дѣлаются въ половинѣ III-го вѣка. Въ 259 году они проникаютъ до самой Италіи, но позже Римляне успѣли нѣсколько обуздать ихъ.
Въ 270 году они переправились черезъ Дунай, прошли Рецію, перешли черезъ Альпы и ограбили верхнюю Италію.
Императоръ Авреліанъ пріобрѣлъ большую славу борьбою противъ нихъ и за успѣшныя отраженія ихъ нападеній пріобрѣлъ даже титулъ „возстановителя имперіи"; но послѣ его смерти они возобновили свои нападенія, направляя ихъ уже на западъ. Пограничный валъ былъ прорванъ; десятинныя поля захвачены и наводнены варварами. Аламанны перешли Рейнъ, вторглись въ Галлію и взяли 70 городовъ. Энергичный императоръ Пробъ выгналъ ихъ оттуда, отнялъ 70 городовъ Галльскихъ, освободилъ десятинную землю и возстановилъ старую границу. 400.000 Германцевъ пало въ битвѣхъ.
Но это было последнее усиліе падающаго Рима. Вскорѣ послѣ смерти Проба (282) Аламанны прочно утвердились въ agri decumates. Границу между Римскимъ и Германскимъ міромъ составлялъ теперь Рейнъ отъ Майнца до Боденскаго озера.
Въ старыя обиталища Аламанновъ на верхнемъ Майнѣ и Неккарѣ теперь подвинулись Бургунды, которые и прежде были восточными сосѣдями Семноновъ въ Познани (на Эльбѣ и Вислѣ) и почти въ одно и то же время двинулись на югъ. Въ IV в. Римскій валъ служилъ уже границею Аламанновъ съ Бургундами, которые часто, впрочемъ, ссорились между собою изъ-за соляныхъ ключей при Киссингенѣ. Римъ, конечно, обращалъ эти ссоры въ свою пользу и соединялся съ сосѣдями своихъ враговъ, чтобы одновременно вести войну.

Во время борьбы Констанція и Магненція Аламанны перешли Рейнъ, опустошили Галлію вдоль и поперекъ и заняли пространство на лѣвомъ берегу Рейна – около 60 верстъ въ ширину – въ свое владѣніе, т. е. Эльзасъ, область р. Мозеля и Пфальцъ. Тогда то явился со своими войсками знаменитый Юліанъ Апостатъ и въ 357 году произошло извѣстное сраженіе при Argentoratum'ѣ (Страсбургъ) такъ подробно описанное Амміаномъ Марцеллиномъ. (XVII, 10, 11, 12.) Аламанны были изгнаны изъ Галліи; но перевѣсъ Римлянъ былъ не долговременъ. Несмотря на пораженія, нанесенныя имъ въ предидущіе годы и въ послѣднее время, новыя полчища варваровъ продолжали наводнять территорію Римской имперіи; одинъ народъ былъ разбитъ, на мѣсто его являлся другой, третій; они, по выраженію Амміана Марцеллина, вырастали послѣ каждаго пораженія въ новомъ, огромномъ количествѣ.

Въ борьбѣ на границахъ Галліи съ самаго начала принимаютъ участіе народы, обитавшіе на среднемъ Рейнѣ и въ его низовьяхъ, сѣверные сосѣди Аламанновъ. Съ III^а вѣка они обозначаются именемъ Франковъ x), но это въ сущности только новое наименованіе для нѣсколькихъ давно извѣстныхъ народцевъ, образовавшихъ теперь, въ III^м вѣкѣ, союзъ или федерацію. На ряду съ общимъ наименованіемъ удерживаются впродолженіи III – V вв. и прежнія частныя названія: Хамавы, Сигамбры, Саліи, Хаттуаріи, Бруктеры, Ампсиваріи. Только послѣ Хлодвига старыя на[…]

x) Имя это нѣкоторые производятъ отъ стар.-нѣм. слова frak (= тепер. frech) что значило свободный человѣкъ. Но повидимому достовѣрнѣе производить это имя отъ Галльскаго слова ffranc – длинноволосый.

ванія исчезають и мы встрѣчаемъ Франковъ уже постоянно подъ однимъ этимъ именемъ. Остается совершенно неизвѣстнымъ, что было побужденіемъ къ образованію союза и въ чемъ онъ выражался; но, повидимому, союзъ не былъ заключенъ для борьбы съ Римомъ. Связь первоначально была довольно слабая. Каждое колѣно или даже каждое маленькое государство, на которыя распадались племена - имѣло свою политику - также, какъ это было и у Аламанновъ. Въ то время, какъ одни громили Римскія владѣнія, другія поставляли вспомогательныя войска императору; отдѣльныя лица и цѣлыя толпы поступали на Римскую службу и даже достигали высшихъ должностей (напр. Сильванъ - 354г. Арбогастъ. Франкъ извѣстный при императорѣ Валентиніанѣ - 389г.)

Въ первый разъ имя Франковъ встрѣчается въ лѣтописяхъ около 240 года по Р. Хр.; толпа ихъ перешла черезъ Рейнъ и послѣ долговременныхъ разбойничьихъ подвиговъ въ Галліи была разбита на возвратномъ пути около Майнца. Въ 264 году отрядъ Франковъ прошелъ сквозь всю Галлію, перешелъ Пиринеи, взялъ Таррагону въ Испаніи и достигъ даже Африки. Часть плѣнниковъ была поселена на берегахъ Черного моря, но впослѣдствіи успѣла пробраться въ Средиземное море и достигъ Рейна.

Около 290 года Салійскіе Франки утвердились на островѣ между двумя устьями Дуная, въ области романизованныхъ Батавовъ. Константинъ Великій, его отецъ и его сынъ, а также и Юліанъ (въ IV в.) имѣли съ ними и другими Франками дѣло, наносили имъ сильные удары, брали много плѣнныхъ, которыми кормили звѣрей въ любимомъ Трирскомъ циркѣ Константина и Констанція Хлора, или же селили въ видѣ военныхъ колонистовъ на опустошенныхъ

поляхъ, или же просто помѣщали въ войско. Но согнать ихъ совершенно съ занятаго мѣста было уже невозможно. Около 350го года Салійскіе ×) Франки сидятъ къ югу отъ Мааса, хотя въ другихъ мѣстахъ, вверхъ по Рейну, Римская граница оставалась по прежнему нетронутой (только Кельнъ былъ разгоренъ два раза.)

Послѣ смерти Өеодосія въ 395 году императоръ Стилихонъ (402) былъ въ Галліи и устроилъ здѣсь отношенія, принявшія совершенно дружелюбный характеръ. Въ виду опасностей, угрожавшихъ Италіи, защита Рейнской границы была поручена Франкамъ. Въ большомъ нашествіи германскихъ племенъ на Галлію въ 406 году Франки сначала честно исполняли свою задачу; но послѣ, не успѣвъ удержать напора враговъ, сами отправились грабить вмѣстѣ съ ними. Этотъ грабежъ и разгореніе Галліи продолжались 3 года.

Германцы воспользовались смутными обстоятельствами слѣдующихъ годовъ (410, 411.) для прочнаго утвержденія въ предѣлахъ Галліи. Салійскіе Франки расширили свою область на югъ отъ Мааса до Тонгерна, а Рипуаріи заняли широкую полосу по лѣвому берегу Рейна вверхъ до гор. Майнца. Около 428 года они были еще разъ изгнаны оттуда, но не надолго; они все таки удержали за собою землю и даже германизировали ее.

За Франками сдѣлали шагъ впередъ и Бургунды. Въ 413 г. имъ была отведена часть лѣваго рейнскаго берега по формальному договору. Условія договора точно неизвѣстны; повидимому, Бургунды отказа-

---

×) Въ самыя древнія времена Франки дѣлились на 2 части: Салійскіе (отъ Саалы) и Рипуарскіе, имя которыхъ происходитъ отъ ripa - берегъ, такъ какъ они жили больше по берегу рѣки.

лись отъ поддержки узурпатора (Іовина); съ другой стороны, они приняли обязательство, подобно Франкамъ, защищать Галлію отъ другихъ Германцевъ. Какъ бы то ни было, это было поселеніе, не похожее на прежнія. Бургунды остались самобытнымъ народомъ, удержавъ и старыя свои жилища на правомъ берегу Рейна. Это было знаменитое Бургундское царство, со столицей въ Вормсѣ, столь извѣстное изъ саги о Нибелунгахъ. Настоящая исторія знаетъ объ этомъ царствѣ только то, что оно было разрушено въ 437 году.

Въ это же время была потеряна и Рейнская граница выше Майнца и Вормса, т. е. дальше на югъ. Аламанны, прочно утвердившіеся въ agri decumates, захватили еще Эльзасъ и Восточную Швейцарію, что и теперь остается за ними. Годъ этого событія неизвѣстенъ, но слѣдуетъ замѣтить, что, въ отличіе отъ Бургундовъ, здѣсь не было договора съ Римлянами: Эльзасъ и Швейцарія были насильственно захвачены, это была не уступка со стороны Римлянъ, а простое завоеваніе.

Изъ всего вышеизложеннаго видно, какъ трудно было Римлянамъ защищаться отъ необозримаго напора Германскихъ силъ, со всѣхъ сторонъ неудержимо прорывавшихся и наводнявшихъ когда-то сильную, великую монархію.

Въ заключеніе этого краткаго очерка переселенія народовъ, скажемъ нѣсколько словъ о Готахъ x).

Готы — Вандальская группа — занимали большое пространство на материкѣ въ Познани и Пруссіи (Preussen-провинція); принадлежавшіе къ этой же группѣ

---

x) См. Ж. М. Н. Пр. статью проф. В. Васильевскаго: Русско-Византійскіе отрывки. VII. Житіе Іоанна Готскаго. стр. 87–93.

Вандалы жили въ Силезіи; вотъ можетъ тѣ же Готы жили и по другую сторону Балтійскаго моря - въ Скандинавіи.
Послѣ 150г года Готы материка приходятъ въ движеніе, вотъ можетъ вслѣдствіе толчка, сообщеннаго Готами Скандинавскими, о высадкѣ коихъ на берега Балтики (въ землю Руговъ) говоритъ сага о Маркоманнской войнѣ, во время которой (270г.) часть Готовъ явилась на Дунаѣ.
Несомнѣнно только, что въ началѣ III-го вѣка, около 200г года рѣшено было общее выселеніе и Готы двинулись отъ береговъ Балтійскаго моря по направленію къ Черному, на югъ Россіи [Іорнандъ, разсказывающій объ этомъ переселеніи, говоритъ между прочимъ, что у Днѣпра Готы встрѣтились съ какимъ то неизвѣстнымъ народомъ Spali (въ которомъ можно предполагать поляковъ)] Въ 214 году Готы въ первый разъ появляются на сѣверномъ берегу Черного моря и вступаютъ въ борьбу съ Римлянами. Вслѣдъ за ними и подъ ихъ руководствомъ также и другіе сосѣдніе народы начинаютъ громить уже Азіатскіе берега Черного моря и совершаютъ цѣлый рядъ смѣлыхъ и удалыхъ набѣговъ [напоминающихъ намъ многими чертами и позднѣйшіе походы Руссовъ, и еще болѣе козацкіе набѣги XVII в., когда изъ устьевъ Дона отправлялись ладьи, приводившія въ трепетъ Константинополь, достигавшія Трапезунта и Синопа.] Первый морской походъ Готовъ относится къ 235г году; они проникли на восточный берегъ Черного моря и бросились на городъ Питіунтъ (Пицунду); отбитые съ большими потерями, они появляются вслѣдъ за тѣмъ въ виду города Фазиса (близъ нын. Поти) но и здѣсь цѣль ихъ (овладѣніе богатствами храма Артемиды) не была достигнута. Когда они еще разъ нападаютъ на Питіунтъ

и, взявъ его, отплываютъ къ Трапезунту на Каппадокійскомъ берегу Понта. Приблизившись незамѣтно, они небольшими отрядами взобрались на стѣны города; гарнизонъ и жители не сдѣлали даже попытки къ сопротивленію. Множество плѣнныхъ, богатая добыча, всякаго рода сокровища достались варварамъ, которые послѣ этого воротились домой.
Походы эти повторялись очень часто; свѣдѣнія о нихъ мы имѣемъ изъ писаній св. отцевъ церкви. Одинъ изъ нихъ, епископъ Григорій Неокесарійскій, говоритъ, что Готы находили часто помощь даже въ самихъ жителяхъ тѣхъ городовъ, которые они грабили. Не говоря о томъ, что прежде захваченные Готами плѣнники являлись теперь участниками и даже руководителями набѣга, но даже тотчасъ послѣ удаленія враговъ многіе котѣли воспользоваться бѣдствіемъ ближнихъ и сосѣдей въ интересахъ самого гнуснаго корыстолюбія, многіе прямымъ насиліемъ удерживали въ неволѣ спасшихся изъ плѣна единоплеменниковъ и согражданъ, другіе наглымъ образомъ захватили чужое имущество на томъ основаніи, что они потеряли свое во время нашествія. О лицахъ этого послѣдняго разряда Неокесарійскій епископъ говоритъ, что они „отъ Борадъ и Готъ пострадавшіе Борадѣ и Готы быша другомъ своимъ."
Въ другой разъ, а именно въ 268мъ году, точкою отправленія Готовъ было избрано устье рѣки Днѣстра, гдѣ варвары построили уже шесть тысячъ судовъ-однодеревокъ. Эта морская экспедиція сопровождалась и сухопутнымъ движеніемъ: по берегу моря шелъ обозъ, жены и дѣти воиновъ. Прибрежья Черного моря около Кюстенджи и Варны, Пропонтида, Кизикъ, Геллеспонтъ, Аѳонскій полуостровъ, Солунь - видѣли передъ собою эту флотилію; сухопут=

ная сила Готская прошла къ рѣкѣ Савѣ, къ городу Софіи и была окончательно разбита императоромъ Клавдіемъ на Моравѣ близъ Ниша (270 г.); пало около 300.000 человѣкъ, потоплено было 2000 судовъ; впрочемъ остатки морской эскадры еще и послѣ того грабили на берегахъ Греціи и Малой Азіи. Количество взятыхъ женщинъ было такъ велико, что превышало въ два или въ три раза количество римскихъ легіонеровъ. Въ слѣдующемъ году, Римскій императоръ Авреліанъ, извѣстный своими блистательными войнами (между прочимъ войной съ пальмирской царицей Зиновіей, которая была взята имъ въ плѣнъ и составила украшеніе тріумфа) рѣшился отказаться отъ римской провинціи къ сѣверу отъ Дуная — Дакіи (Румынія, Трансильванія, страна между Тиссой и Дунаемъ). Она перестала быть Римской провинціей и съ этого времени прекращается здѣсь господство Римскаго языка и вліяніе культуры Рима: вмѣсто Дакіи является здѣсь Готія (Gothia). Замѣчательно, что на это рѣшился императоръ Авреліанъ, restitutor imperii, герой Пальмирской войны; это служитъ новымъ очевиднымъ доказательствомъ того, какъ трудно было противостоять напору варваровъ и удерживать отдаленныя провинціи. Несмотря на всѣ пораженія, Готы были опасными противниками; вмѣстѣ съ тѣмъ, Аламанны и Франки также угрожали Риму войной на Рейнѣ. (И такъ, Готы x), утвердившіеся между Дономъ и Дунаемъ и другіе варвары получили прочныя, опредѣленныя, признанныя Римомъ границы, въ которыхъ они оставались впродолженіи 100 лѣтъ, пока наконецъ

---

x) Готы дѣлились на двѣ вѣтви: Тервинговъ (Вези-готовъ) и Грейтунговъ (Ост-готовъ)

вступили въ борьбу съ вновь пришедшими и вытѣснив-
шими ихъ Гуннами.

Б. 9.

Въ этотъ промежутокъ времени совершился въ Рим-
ской имперіи цѣлый рядъ преобразованій, совершен-
но измѣнившихъ внутренній строй ея. Несомнѣнно,
что реформы эти съ одной стороны вызваны были
опасностями, грозившими имперіи со стороны вар-
варскаго міра, и что съ другой — онѣ отсрочили па-
деніе имперіи и торжество германизма.
Въ третьемъ вѣкѣ усиливается напоръ на имперію со
стороны варваровъ. Правда, борьба съ ними шла посто-
янно; но въ третьемъ вѣкѣ эта борьба потребовала
особенныхъ усилій со стороны Рима, потому что въ
это время появляются сильные варварскіе союзы:
Франки, Аламанны, Готы воюютъ съ Римомъ соеди-
ненными силами. Когда же еще моровая язва истре-
била цѣлую треть римскаго населенія, то казалось,
что Римская Имперія не переживетъ этого кризиса.
Но, благодаря энергичнымъ императорамъ изъ Илли-
рійскаго дома (Авреліанъ, Пробъ и др.) римская им-
перія поднялась на ноги, а Діоклетіанъ и Констан-
тинъ придали ей новой видъ, въ которомъ она и
держалась потомъ долгое время.
Діоклетіанъ призналъ необходимымъ создать для
удобствъ защиты отъ внѣшнихъ нападеній и для со-
общенія прочности частямъ имперіи — вмѣсто одного
императора правителей провинцій, притомъ такъ,
чтобы эти правители образовали изъ себя искусствен-
ную династію. Именно: Діоклетіанъ раздѣлилъ им-
перію на четыре части; двѣ поручилъ двумъ правите-
лямъ, носившимъ названіе августовъ и двѣ — другимъ
правителямъ, носившимъ названіе цезарей. Каждый
августъ усыновляетъ по одному Цезарю и послѣдній

считается наслѣдникомъ усыновившаго его августа. При этомъ предполагалось, что, по истеченіи извѣстнаго срока, августъ отказывается отъ своей власти и его мѣсто занимаетъ усыновленный имъ цезарь. Эта идея равномѣрнаго распредѣленія власти въ римской имперіи нѣкоторое время была осуществлена: во главѣ ея управленія мы видимъ, впрочемъ короткое время, четыре лица: двухъ августовъ и двухъ цезарей. Но, нужно замѣтить, мысль объ единствѣ имперіи не исчезала и въ это время, такъ какъ верховный надзоръ за всѣми правителями принадлежалъ одному лицу — римскому императору. Это учрежденіе, по мысли его виновника, должно было облегчить защиту римскихъ провинцій и замѣнить недостававшую наслѣдственность династіей искусственной. Сущность этого учрежденія была впослѣдствіи въ римской жизни отвергнута; подробности же его, нѣкоторыя частности были удержаны; такъ, сохраненъ былъ порядокъ областнаго управленія; изъ четырехъ провинцій, находившихся подъ властью цезарей и августовъ, развились четыре префектуры: 1) Востокъ (Oriens); 2) Иллирикъ; 3) Италія съ Африкой; 4) Галлія съ Британіей и Испаніей. Во главѣ управленія этихъ префектуръ стоятъ гражданскіе чиновники (praefectus praetorio). Мы называемъ ихъ гражданскими чиновниками потому, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась только гражданская власть; военная же была отъ нихъ отнята и получила самостоятельную организацію. Это было сдѣлано для того, чтобы ослабить отдѣльныхъ правителей. При такомъ положеніи дѣлъ можно было надѣяться на безопасность имперіи со стороны честолюбивыхъ стремленій военныхъ чиновниковъ, ибо безъ денегъ не могли ничего предпринять военные правители провинцій, а безъ войска — гражданскіе. Предъ

туры подраздѣлявшіеся на діоцэзы (13) и провинціи (116) также имѣвшія свое болѣе или менѣе самостоятельное управленіе. Были также учреждены центральныя управленія для дѣлъ финансовыхъ, внѣшнихъ; эти учрежденія были отчасти сходны съ нашими министерствами.

Такимъ образомъ дѣятельность Діоклетіана привела къ созданію бюрократическаго образа правленія. Въ этомъ отношеніи Римъ еще разъ послужилъ образцомъ для новѣйшихъ государствъ. Благодаря бюрократіи правленія, ослабѣвшая было имперія сплачивается во едино болѣе крѣпкою, хотя и искуственно построенною, громадной арміей чиновничества. Разумѣется, недостатки новаго правленія сказались весьма скоро, за то, съ другой стороны, этотъ же бюрократизмъ, какъ уже замѣчено выше, принесъ Риму и несомнѣнную услугу: нисходящій порядокъ государственной іерархіи скрѣпилъ пошатнувшуюся было имперію.

Для той же цѣли объединенія и укрѣпленія имперіи приданъ послѣдующими реформами новый блескъ императорской власти. Многіе аттрибуты этой власти были заимствованы съ востока: явились діадемы, царскія жезлы и т. п. установленъ придворный церемоніалъ, адораціи, колѣнопреклоненіе, челобитіе, цѣлованіе руки, чего прежде не было. Императоръ получаетъ титулъ „Dominus", тогда какъ прежде онъ, несмотря на всю высоту своего общественнаго положенія, оффиціально довольствовался титуломъ „princeps senatus" и въ частной и въ частной жизни ничѣмъ не отличался отъ сенаторовъ и другихъ полноправныхъ гражданъ. Регаліи императорской власти Рима сдѣлались впослѣдствіи необходимою принадлежностью власти государей въ образовавшихся на терри-

торіи Рима монархіяхъ.
Вслѣдъ за тѣмъ, въ пользу Римской имперіи во всемірной исторіи совершился новый фактъ: императоръ и имперія получили поддержку въ христіанствѣ, — въ томъ самомъ христіанствѣ, которое до сихъ поръ энергично преслѣдовалось Римскими властями.
Многіе, объясняя мотивъ, побудившій Константина принять христіанство, объявить его равноправность съ религіями языческими и даже дать христіанству перевѣсъ надъ ними, объявивъ его господствующей религіей въ предѣлахъ своего государства — говорятъ, что не одна сила нравственнаго убѣжденія въ преимуществѣ христіанства надъ язычествомъ заставила Константина сдѣлать это, но что онъ понялъ своимъ мудрымъ государственнымъ умомъ нравственную силу христіанской общины и принялъ христіанство съ тою цѣлью, чтобы воспользоваться этою силою.
И дѣйствительно, христіане, хотя не имѣвшіе численнаго перевѣса въ Римскомъ государствѣ, хотя и составлявшіе меньшинство населенія, представляли тѣмъ не менѣе сильную общественную организацію. Между ихъ общинами существовалъ крѣпкій союзъ; всѣ болѣе дѣятельныя силы государства отходили къ христіанскому обществу. Эту-то силу общины и понималъ Константинъ и искалъ въ христіанахъ точки опоры для своей власти. Встрѣтивши въ христіанствѣ, которое уже имѣло свою крѣпкую организацію, императоръ долженъ былъ признать его въ томъ видѣ, въ какомъ оно уже утвердилось.
Такимъ образомъ, государство не могло преобразовать уже утвердившихся порядковъ христіанской церкви, а потому и отношенія между церковью и свѣтскою властью должно было получить иной видъ. Въ Римѣ

чѣмъ напр. оно было въ еврейской землѣ—землѣ возникновенія христіанства.

Перенесеніе (Константиномъ) столицы государства изъ западнаго Рима въ Константинополь (древній Βυζάντιον) также имѣло свое важное значеніе. Помимо всего прочаго, фактъ перенесенія столицы показываетъ, что римская имперія въ сознаніи Римлянъ болѣе уже не связывалась съ однимъ только городомъ Римомъ, не ограничивалась только этимъ городомъ, но что вездѣ—Римъ, гдѣ Римская монархія.

Во время Діоклетіана и Константина совершились также преобразованія финансовыя и экономическія; въ связи съ ними находится и возникновеніе колоната. Что за люди вошли въ составъ этого учрежденія—дать положительный отвѣтъ трудно. Есть двѣ теоріи для объясненія происхожденія и развитія колоновъ. Одна теорія полагаетъ, что въ колоновъ обращались рабы. Большие землевладѣльцы Римскіе, говоритъ эта теорія, сажали на свои земли рабовъ въ качествѣ арендаторовъ. Сначала это было только дѣломъ обычая, но при Константинѣ и Діоклетіанѣ положеніе колоновъ было санкціонировано и римскими законами. Въ такомъ случаѣ учрежденіе колоната составляло прогрессъ въ Римской жизни. Вторая теорія представляетъ дѣло иначе. По ея ученію въ колоновъ обратились прежде свободные римскіе крестьяне, благодаря тѣмъ большимъ налогамъ, которые оказались необходимымъ послѣдствіемъ Діоклетіановскихъ реформъ. Въ такомъ случаѣ учрежденіе колоната было шагомъ назадъ въ римской жизни. Мы должны остановиться нѣсколько подробнѣе на вопросѣ о происхожденіи колоната и сказать нѣсколько словъ о податномъ устройствѣ въ Римской имперіи, ко времени реформъ Діоклетіана и Константина.

Для знакомства съ податнымъ устройствомъ Римской имперіи можно рекомендовать статью знаменитаго юриста Savigny „О римскомъ податномъ устройствѣ", а также его сочиненіе о такъ называемомъ колонатѣ „Ueber das Colonat"; то и другое находятся во II-й части его смѣшанныхъ сочиненій.

Для объясненія упадка куріи и возникновенія колоната или, другими словами, возникновенія крѣпостнаго состоянія, необходимо имѣть въ виду слѣдующее: Со времени Августа образуется новая податная система въ Римской имперіи. Эта система такого рода, что вмѣсто прежнихъ податей (часто весьма разнообразныхъ) съ различныхъ провинцій, вводится однообразіе: взимается поземельная и поголовная (или по нашему — подушная) подать. Та и другая носятъ имя capitatio. (Не слѣдуетъ думать, что это слово происходитъ отъ caput (голова)*; напротивъ, даже нѣсколько человѣкъ плебейскаго происхожденія составляли одну caput; извѣстное число югеровъ земли или извѣстное количество земли, находящейся подъ виноградниками, подъ смоковницами, составляютъ тоже caput. Эти то подати, собираемыя съ каждой [illegible] caput, и называются capitatio.) Capita, какъ податныя единицы, даютъ два рода податей: capitatio humana и capitatio terrena (подушная и поземельная подать). Но взимать эту подать возможно было только на основаніи описи, оцѣнки земли, т. е. сдѣлавъ предварительно кадастръ. И дѣйствительно мы видимъ, что въ Римской имперіи была произведена перепись всего количества земель; въ этомъ спискѣ сначала было указано качество земли, а потомъ стояло имя владѣльца

---

*) и что подъ caput слѣдуетъ подразумѣвать одного человѣка или по нашему — одну душу.

Указанiе на подобную перепись существуетъ у евангелиста Луки, который говоритъ: „Въ тѣ дни вышло повелѣнiе отъ Кесаря Августа сдѣлать перепись по всей землѣ. Сiя перепись была первая въ правленiе Квиринiя Сирiею. И пошли всѣ записываться каждый въ свой городъ." (Лук. II, 1, 3.). Но это указанiе кажется сомнительнымъ и въ сущности доказывается, что въ это время не могло быть подобной переписи. Однако остается представленiе, хотя и составленное на основанiи позднѣйшихъ данныхъ, что именно такимъ образомъ, какъ указываетъ евангелистъ, составлялась эта перепись. Первоначально предполагалось, что она будетъ совершаться періодически; черезъ каждые 15 лѣтъ будутъ посылаться писцы для составленiя кадастровыхъ книгъ и что, по прошествiи каждаго перiода, будетъ увеличиваться или уменьшаться количество податей. Это распредѣленiе называлось индиктомъ (indictio). Отсюда произошло въ Римской имперiи счисленiе по индиктамъ или кадастровымъ пятнадцатилѣтiямъ. (Начиная съ 312 года). И такъ, съ цѣлью болѣе правильнаго сбора податей существовалъ кадастръ, существовали податныя книги. Мы не знаемъ, какъ была сдѣлана опись, но только извѣстно, что она простиралась на весь римскiя владѣнiя. Теперь, когда было извѣстно, сколько слѣдовало податей съ извѣстнаго количества земли (опредѣленнаго качества, разумѣется), сколько такой земли находится въ каждой провинцiи и общинѣ, теперь являлась возможность правильнаго разложенiя податей. Такимъ образомъ, если въ извѣстный годъ императоръ рѣшалъ, что слѣдуетъ собрать такую то сумму на государственныя потребности, то эту сумму распредѣляли сначала на провинцiи, потомъ на общины и наконецъ, сообразно съ количествомъ

и качествомъ земли, между отдѣльными землевладѣльцами. Общая цифра государственнаго бюджета могла измѣняться. (Припомнимъ Галлію во время управленія Юліана, уменьшившаго налоги съ 27 мил. на 7.) Раскладка податей по новой системѣ была легка и удобна и совершалась съ аккуратностью и быстротой. Прежде всего подать лежала на землѣ; и государство предоставляло заботиться объ исправности взносовъ членамъ куріи — куріаламъ, которые даже должны были сами вносить за тѣхъ, которые не могли платить. На земляхъ помѣщиковъ жили рабы, иногда даже и свободные плебеи. Съ послѣднихъ слѣдовало брать capitatio terrena и capitatio humana. Если они свободные люди, то они могли отвѣчать сами за себя; но, естественные предполагать, что за нихъ подать спрашивали съ землевладѣльца; на основаніи этого нѣкоторые ученые предполагаютъ, что и рабы подлежали capitatio humana, т. е. поголовной подати и что ее должны были вносить землевладѣльцы. Системою такого рода податей объясняется между прочимъ и то, почему для куріаловъ такъ тягостна была обязанность круговой поруки. Система эта была весьма сложна и разумна, но не всегда благодѣтельна потому, что давала возможность однимъ почеркомъ пера ... вдвое возвысить количество податей.

<u>Образованіе крѣпостнаго сословія</u> (coloni, Kolonen).

Вышерассмотрѣнную податную систему можно имѣть въ виду при объясненіи новаго соціальнаго явленія Римской жизни — образованія сословія <u>колоновъ</u>. Знаменитое учрежденіе это называется <u>колонатомъ</u> (colonat); люди, принадлежащіе къ этому сословію, суть <u>coloni</u>, т. е. люди <u>крѣпостнаго состоянія</u>, которое создано было въ Римѣ въ III и IV вв.,

въ то время, когда создавалась бюрократія — и которое отъ Римской имперіи наслѣдовано было потомъ Европой.

Какъ уже упомянуто выше, относительно происхожденія колоната существуютъ двѣ теоріи; одна изъ нихъ производитъ колоновъ отъ рабовъ, другая говоритъ, что крѣпостное право возникло изъ нѣдръ свободныхъ земледѣльцевъ.

Колонатъ, это явленіе, особенно процвѣтавшее въ Галліи, важенъ для объясненія всей средневѣковой исторіи. Выше мы уже указали два изслѣдованія Savigny, трактующія о колонатѣ х). Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе на слѣдующія два изслѣдованія:

1) Rodbertus'а „Объ аграрномъ устройствѣ въ Римскомъ государствѣ", помѣщенное въ политико-экономическомъ Гильдебрандтовскомъ журналѣ „Hildebrandt. Jahrbücher für National Oekonomie und Statistik 1864.

Это весьма интересное и остроумное сочиненіе посвящено вопросу о томъ, какъ возникло крѣпостное состояніе въ Римѣ и провинціяхъ Римскихъ.

2) Heisterberg'а „Ueber die Enstehung des Kolonats. 1877. (См. Sybel. Historische Zeitschr.)

Колоны соотвѣтствуютъ крѣпостнымъ, потому что это классъ людей, лично свободныхъ, но прикрѣпленныхъ къ землѣ, (adscripti glebae, attachés à la glèbe) обязанныхъ извѣстными повинностями въ отношеніи къ землевладѣльцу, на землѣ котораго они живутъ: они обязаны платить ему извѣстную дань натурою, или деньгами, или работою; кромѣ того, они обязаны повинностями и въ отношеніи къ государству. Всѣ дальнѣйшія опредѣленія колоната, находящіяся у юристовъ, соотвѣтствуютъ нашему понятію

х) „Ueber die römische Steuerverfassung" и „Ueber das Kolonat".

о крѣпостномъ правѣ.

Теперь возникаетъ важный вопросъ: откуда явился этотъ классъ людей?

Мы знаемъ, что Римское сельское хозяйство совершалось при помощи рабовъ. Римскіе рабы суть холопы, люди, совершенно не имѣющіе никакихъ гражданскихъ правъ. Въ концѣ республиканскаго и въ началѣ императорскаго времени они работаютъ на поляхъ, закованные въ цѣпи и ночуютъ цѣлыми толпами въ подземельяхъ. Въ сравненіи съ этимъ положеніемъ рабовъ, крѣпостное право есть значительное улучшеніе. Вопросъ, откуда образовалось крѣпостное право, имѣетъ важное историческое значеніе вообще, а для насъ важенъ и для дальнѣйшихъ соображеній. Савиньи въ послѣднемъ своемъ разсужденіи о колонатѣ (т. е. въ прибавленіи къ той теоріи, которая называется Kapitolentheorie.), приводитъ предположеніе о происхожденіи этихъ колоновъ изъ германскихъ поселенцевъ.

Существовало мнѣніе, что этотъ институтъ принесенъ былъ въ Римскую имперію германскими поселенцами, у которыхъ онъ существовалъ. Полагали, что такъ какъ въ III в. поселенія варваровъ на римскихъ земляхъ сдѣлались значительными, то эти толпы варварскія принимались здѣсь на вольныхъ условіяхъ: они были сажаемы на земли государственныя и частныя, на нихъ возлагалась обязанность вносить повинности съ условіемъ прикрѣпленія къ землѣ, хотя лично они оставались свободными.

Теорія эта сначала была опровергаема Савиньи, но впослѣдствіи онъ склонился на доказательства другихъ ученыхъ, которые доказывали происхожденіе колоновъ <u>отъ германскихъ колонистовъ</u>. Въ пользу этой теоріи они указывали на извѣстный отрывокъ изъ

odex Theodosianus, отрывокъ, найденный въ настоящемъ
вѣкѣ. Этотъ отрывокъ содержитъ рескриптъ импе-
ратора Гонорія къ провинціальнымъ землевладѣль-
цамъ, гдѣ онъ приглашаетъ ихъ явиться въ Римъ, ес-
ли они хотятъ получить для себя хорошихъ работ-
никовъ. Рескриптъ явился вслѣдствіе того, что взято
было въ плѣнъ много германцевъ; и ихъ предполагали
поселить на частныхъ земляхъ. Но примѣръ этотъ
относится къ очень позднѣйшему времени, къ V-му сто-
лѣтію по Р. Хр. и сюда не подходитъ, хотя тѣмъ не
менѣе показываетъ, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ рим-
скіе колоны или крѣпостные происходили отъ герман-
скихъ поселенцевъ.
Къ этому-то предположенію и склонился Савиньи, сна-
чала совершенно опровергавшій его. Но дѣло въ сущ-
ности состоитъ въ слѣдующемъ: (мы повторимъ тѣ
возраженія, которыя раньше самъ Савиньи дѣлалъ
противъ этого предположенія) мы имѣемъ здѣсь
очень позднее время; существованіе колоната, этого
государственнаго учрежденія, въ это время предпо-
лагается уже наличнымъ и германцы могли селить-
ся только на основаніи такихъ условій, которыя
предъявлялись существовавшими обычаями. Если гер-
манцы селились на Римскихъ земляхъ, то едва ли для
нихъ было создаваемо новое право; напротивъ, до-
стовѣрные предположить, что они входили въ существ-
ующую рамку обусловленныхъ вѣками учрежденій.
Такимъ образомъ колонатъ долженъ быть пред-
ставляемъ существующимъ раньше поселенія герман-
цевъ въ римскихъ владѣніяхъ.
Мы оставимъ въ сторонѣ другія теоріи, между прочимъ
ту, которая предполагаетъ, что сословіе колоновъ сос-
тояло изъ вольноотпущенниковъ; теорія эта не-
состоятельна уже потому, что libertini-вольноотпу-

щенники - суть частное явленіе; отпустившій на во[лю]
своего раба не можетъ этимъ создать государствен[-]
наго учрежденія, а между тѣмъ колонатъ имѣе[тъ]
государственное значеніе.

Перейдемъ теперь къ теоріи Rodbertus'a, имя ко-
тораго уже было упомянуто выше.

Теорія его состоитъ въ слѣдующемъ:

Онъ отправляется отъ всѣмъ извѣстныхъ изреченій
римскихъ классиковъ, которые говорятъ объ измѣне-
ніи характера римскаго землевладѣнія, и хочетъ дока-
зать, на основаніи этихъ писателей, что колоны
суть первоначальные рабы, посаженные своими госп[о]-
дами на отдѣльныхъ земельныхъ участкахъ, въ видѣ
арендаторовъ, и первоначально были совершенно сво-
бодны. Развитіе римскаго землевладѣнія и земле-
дѣлія, по мнѣнію его, должно было привести къ
тому, что трудъ болѣе свободный долженъ былъ
сдѣлаться и болѣе выгоднымъ, чѣмъ рабскій тру[дъ].
Извѣстно, что во время Плинія Старшаго x) въ Рим[-]
ской имперіи господствовало крупное землевладѣ[ніе].
Объ этомъ говоритъ знаменитое изреченіе Плинія:
„latifundia perdidere Italiam, jam vero et provincias"
(крупные земельные участки погубили Италію, тож[е]
сдѣлаютъ и съ провинціями.)

Какимъ образомъ latifundia погубили Италію - разъ[-]
яснено Моммсеномъ. Эти latifundia, сосредоточи[...]

---

x) Плиній Старшій занималъ при Веспасіанѣ нѣкото-
рыя изъ высшихъ государственныхъ должностей; онъ началь-
ствовалъ римскимъ флотомъ, когда погибъ жертвою своей лю-
бознательности при изверженіи Везувія. Это былъ ученѣйшій
человѣкъ своего времени; изъ его сочиненій до насъ дошла только
„Historia naturalis", въ которой сообщается множество общеполез[-]
ныхъ свѣдѣній, по географіи, зоологіи, ботаникѣ, медицинѣ и пр.

нія въ своихъ рукахъ огромные участки земли, вели къ тому, что рабы, окованные цѣпями, воздѣлывали землю, и владѣльцы не нуждались въ свободныхъ работникахъ. Такой ходъ землевладѣнія и земледѣлія служилъ подрывомъ мелкому хозяйству - отъ чего Италія и пала. Плиній говоритъ, что такой порядокъ переносился и на провинціи.

Слова Плинія, умершаго въ 79 году, по мнѣнію Родбертуса, слѣдуетъ понимать не въ смыслѣ одного крупнаго землевладѣнія, но и въ смыслѣ способа обработки земли. Съ крупнымъ землевладѣніемъ была связана и таковая же обработка земли. Правда, это не всегда совпадаетъ; напр. въ Ирландіи существуютъ крупные землевладѣнія, а обработка земли мелкая, т. е. земли крупнаго землевладѣльца дѣлится на фермы, на мелкіе участки, которые самими фермерами дѣлятся на еще болѣе мелкія полосы земли и отдаются для обработки бѣднымъ людямъ. Но въ Римѣ мы должны предполагать и крупное землевладѣніе, и крупную обработку земли.

Потомъ, говоритъ Родбертусъ, въ промежутокъ времени, протекшій между Плиніемъ старшимъ (+79 г.) и Плиніемъ Младшимъ x) совершается перемѣна не въ способѣ землевладѣнія, а въ способѣ обработки земли: вмѣсто крупной обработки, совершаемой огромнымъ количествомъ рабовъ, является обработка болѣе мелкая, раздѣлъ земли владѣльцемъ на участки, - раздача фермерамъ. Чѣмъ объяснить подобную рѣзкую перемѣну?

---

x) Плиній Младшій, племянникъ Плинія Старшаго, ученикъ Квинтиліана и другъ историка Тацита, пользовался расположеніемъ императора Траяна и нѣкоторое время былъ намѣстникомъ Виѳиніи. Онъ извѣстенъ,

Родбертусъ дѣлаетъ на этотъ счетъ очень остроу[мн]ое соображенiе. Онъ говоритъ, что это должно б[ыло] сдѣлаться въ силу простого политико-экономи[чес]кого закона, извѣстного подъ именемъ закона Тю[не]на (Thünen). Законъ этотъ состоитъ въ слѣдующем[ъ]. Если мы представимъ себѣ государство съ большим[ъ] центромъ, то этотъ центръ будетъ оказывать [влi]янiе на культуру государства; различныя способы [об]работки земли и различная производительность [рас]положатся около этого центра кругами. Ближ[е] къ центру будутъ воздѣлываться такiе продукт[ы], которые не терпятъ большой перевозки: овощи, цв[ѣты], фрукты. Второй кругъ составитъ кустарная пр[о]мышленность, далѣе земледѣлiе, потомъ наконецъ с[ко]товодство. Въ Италiи, говоритъ Родбертусъ, таки[мъ] центромъ являлся Римъ. Такъ какъ Римская и[м]перiя была обширна, то въ Италiи, какъ наиближ[ай]шей къ центру, должна была господствовать ме[л]кая культура. Когда затѣмъ крупные землевладѣн[iя] распространились въ провинцiяхъ, то и тамъ мы видимъ существованiе этого закона. Не нужно од[на]ко слишкомъ буквально принимать это разъясненi[е], какъ это дѣлаютъ новѣйшiе послѣдователи Родб[ер]туса; тѣмъ не менѣе положенiе это можно счи[тать] весьма справедливымъ. На основанiи этого зак[она] въ Италiи должна была преимущественно разв[ить]ся садовая культура, требовавшая мелкой обраб[отки]. При разборѣ этого вопроса, нужно еще принять во[...]

какъ красноречивый ораторъ; но изъ его рѣчей сохрани[лась] только одна, которую онъ говорилъ въ Сенатѣ въ пох[валу] Траяну (Panegyricus ad Trajanum; до насъ дошло нѣсколько его писемъ, интересныхъ по своимъ извѣ[сті]ямъ о происшествiяхъ и лицахъ. —

маніе и римскія привычки: римскіе богачи не любили оставаться въ своихъ помѣстьяхъ, а жили въ Римѣ; управляющіе были немногочисленны, - не было свободнаго класса арендаторовъ. Само собою разумѣется, что въ силу этихъ условій, римскіе землевладѣльцы не рѣшились наконецъ сами къ частичной культурѣ. Но такъ какъ не было такихъ свободныхъ людей, которымъ можно было бы сдавать земли въ аренду, то они сажали тутъ своихъ рабовъ, которые должны были за извѣстное количество времени представить извѣстные доходы. Но, разумѣется, эти люди первоначально все-таки оставались рабами. Такимъ образомъ, <u>первоначально колоны суть тѣ же рабы, но такіе рабы, которыхъ хозяинъ, переходя къ мелкой культурѣ, сажалъ какъ оброчныхъ на своей землѣ.</u>
Въ то же время Родбертусъ полагаетъ, что нѣсколько проще образовались <u>adscripticii</u>, родившіеся на извѣстномъ участкѣ земли и здѣсь вписанные въ книги. Пояснимъ въ короткихъ словахъ этотъ новый родъ явленій.
Каждое римское имѣніе имѣло значеніе въ совокупноcти со своимъ инвентаремъ: рабочимъ скотомъ, хозяйственными постройками, земледѣльческими орудіями и т. п.; къ такимъ орудіямъ причислялись и instrumenta vocalia - словесныя орудія, т. е. <u>рабы</u>. Когда имѣнія закладывались или совершались другія юридическія сдѣлки, которыя давали право на имѣніе третьимъ лицамъ, тогда являлась необходимость какнибудь охранять права рабовъ; оттого явился обычай, по коему рабы, выросшіе на извѣстной землѣ, составляли необходимую ея принадлежность, а потому вносились въ книги. Эти рабы потомъ стали разсматриваться, какъ нѣчто, принадлежащее землѣ, и это стало входить во всеобщій обычай. Но перво-

начально adscriptitii существуютъ какъ отдѣльное явленіе: есть колоны, посаженные на извѣстной землѣ и есть adscriptitii - приписанные къ землѣ.

Изъ числа посаженныхъ на землѣ могли быть и просто рабы и господинъ могъ свести ихъ съ земли когда угодно и обратить опять въ рабовъ; но съ адскриптиціями такимъ образомъ поступить было трудно, такъ какъ они составляли необходимую принадлежность земли.

Рабы (servi) законодательнымъ образомъ не были связаны съ землею. Такъ было до III и IV вв., до финансовыхъ реформъ. Тогда то римское правительство приняло рядъ мѣръ, которыя закрѣпили эти отношенія. Колоны, которые сначала только по волѣ своихъ господъ сидѣли на извѣстныхъ земляхъ въ видѣ арендаторовъ, потомъ были прикрѣплены къ этой землѣ - положеніе ихъ было фиксировано. Мы видѣли, что въ концѣ III и началѣ IV в. при Діоклетіанѣ и Константинѣ Великомъ совершилось многія преобразованія. При этихъ императорахъ было совершено какъ бы прикрѣпленіе и высшихъ классовъ. Подобно тому, какъ въ Россіи мы видимъ, что въ прежнее время высшіе классы были обязаны службой, а низшіе прикрѣплены къ землѣ, такъ нѣчто подобное совершилось и тутъ: имущественные классы сдѣлались прикрѣпленными въ томъ смыслѣ, что должность куріаловъ сдѣлалась обязательною, никто не могъ отказаться отъ этой тяжести. Реформа эта имѣла цѣлью обезпеченіе правильнаго сбора податей. Куріалы, римскіе владѣльцы, отвѣчали своимъ имуществомъ за правильное поступленіе податей; съ нихъ взыскивались земельные и подушные сборы и если одинъ землевладѣлецъ разорялся, то за него платили остальные. Главные ресурсы этихъ куріаловъ состояли, разумѣется въ землѣ, которая чтобы приносить доходъ, должна была быть обрабатыва-

...ена, иначе они начали бы изчезать. Однимъ словомъ, отсюда легко вывести, что новая финансовая система, обязательная круговая порука куріаловъ, самая обязательность этой службы и прогрессивнаго [illegible] податей — все это вело къ закрѣпощенію рабочей силы, къ прикрѣпленію колоновъ и рабовъ.
Родбертусъ находитъ даже слѣды того законодательства, которое прикрѣпило колоновъ къ землѣ и опредѣлило канонъ, что колоны должны вносить опредѣленный оброкъ, опредѣленное количество повинностей своему господину; ибо если землевладѣльцы стали бы излишне много требовать съ колоновъ, то правительству трудно было бы получать свои подати.
Родбертусъ весьма основательно разбираетъ постановленія, которыя были сдѣланы по этому предмету. Разсмотримъ нѣсколько подробные выводы, сдѣланные имъ.
Постановленія объ адскриптиціяхъ, колонахъ и рабахъ находимъ мы въ кодексахъ Феодосія и Юстиніана. Но эти кодексы не содержатъ въ себѣ императорскихъ эдиктовъ въ такомъ видѣ, въ какомъ они были изданы, а представляютъ статьи переработанныя и расположенныя въ хронологическомъ порядкѣ, такъ что въ этой конституціи мы не имѣемъ достаточныхъ для насъ свѣдѣній. Тѣмъ не менѣе тутъ всегда обозначено, какому императору принадлежитъ эдиктъ и когда онъ изданъ, такъ что недостаетъ только подлинности самыхъ эдиктовъ.
Но всё-таки легко возстановить ходъ этого законодательства. Всѣ эти статьи въ кодексѣ Юстиніана имѣютъ характеръ констатирующій, а не конституирующій (созидающій), и въ этомъ то и лежитъ причина трудности изслѣдованій. Но Родбертусъ полагаетъ, что по этимъ отрывкамъ можно возстановить ходъ этого

законодательства и его первоначальный видъ. Для этого онъ беретъ отдѣльныя статьи, напр. 1-ю статью, которая говоритъ объ учрежденіи канона и которая (судя по заголовку) принадлежитъ Константину Великому и относится къ 325 году. Родбертусъ полагаетъ, что эта статья стояла въ императорскомъ эдиктѣ и что этотъ государь <u>ввелъ этотъ порядокъ, а не только констатировалъ его существованіе</u>. Какимъ образомъ онъ приходитъ къ тому, что конституція относительно нормы, канона, по коему рабы становятся обязанными своему господину, здѣсь является <u>въ первый разъ</u>. Слѣдовательно, эдиктомъ 325 года вводится этотъ канонъ: <u>господа могутъ взимать съ колоновъ только извѣстное количество повинностей</u>. Такимъ образомъ разсматриваетъ Родбертусъ и другія статьи, относящіяся къ этому вопросу, и находитъ:

1) Этими законами постановляется, что coloni, фермеры и рабы, издавна сидящіе на земляхъ крупнаго владѣльца, обязаны платить ему опредѣленную натуральную или денежную повинность, извѣстной формы, тогда какъ прежде въ этомъ отношеніи не было опредѣленныхъ правилъ — землевладѣлецъ могъ брать съ колоновъ, сколько угодно.

2) Черезъ два года послѣ этого вышелъ законъ, который запрещалъ переводить рабовъ изъ одной провинціи въ другую, изъ одной civitas въ другую. Это постановленіе имѣло характеръ государственный, фискальный, потому что если бы фермеры были переводимы изъ одной провинціи въ другую, то это было бы весьма чувствительно для казны, такъ какъ оставленная провинція потеряла бы источникъ дохода, а слѣдовательно, и источникъ уплаты податей.

3) Далѣе уже слѣдуетъ мѣра, запрещающая раздѣлять семейства колоновъ; такимъ образомъ то, что прежде

дѣлались только на основаніи и этой справедливости, то теперь должны дѣлаться на основаніи закона: если господинъ хотѣлъ продавать своихъ рабовъ, то онъ долженъ продавать цѣлую семью, не разъединяя ея членовъ.

4) Далѣе въ 367 году при императорахъ Валентѣ и братѣ его Валентиніанѣ слѣдуетъ постановленіе, по которому рабовъ (servi rustici) запрещалось переводить и продавать отдѣльно отъ земли. Этимъ завершенъ былъ процессъ окончательнаго прикрѣпленія къ землѣ рабочихъ земледѣльческихъ силъ.

Такимъ образомъ сдѣлалось то, что положеніе людей рабскаго состоянія, посаженныхъ на извѣстныхъ участкахъ земли господами вслѣдствіе выгодъ этихъ послѣднихъ, потомъ, путемъ вмѣшательства государственной власти, вызваннаго фискальными цѣлями, это положеніе ихъ сдѣлалось лучше и опредѣлено точнѣе: они платили извѣстный оброкъ. Впрочемъ, это дѣлалось и для того, чтобы они правильно вносили подати. Разъ, что учрежденіе колоната явилось, само собою разумѣется, что число колоновъ, людей, болѣе возвышающихся надъ рабскимъ уровнемъ, увеличилось. Въ число ихъ стали добровольно поступать и другія лица, и такимъ образомъ появляться въ видѣ свободныхъ колоновъ. Эти послѣдніе могли вступать различнымъ образомъ. Такъ же рабы, колоны, прикрѣпленные къ землѣ, могли быть отпущены господиномъ на волю, на извѣстныхъ условіяхъ: они дѣлались фермерами, и потомки ихъ оставались лично свободными. Впослѣдствіи и варвары могли быть поселяемы тутъ на извѣстныхъ условіяхъ, т. е. что они будутъ жить неизмѣнно на отведенной имъ землѣ и обрабатывать ее, при этомъ платя повинности хозяину и подати государству (capitatio humana и capitatio terrena).

Кромѣ колоновъ, происшедшихъ отъ рабовъ, и свободные люди дали извѣстный матеріалъ для образованія сословія, которому суждена была великая будущность, которому предназначено было такъ долго оставаться на западѣ Европы и служить точкою отправленія для развитія другихъ явленій сословнаго и экономическаго характера.

Это объясненіе происхожденія крѣпостнаго сословія можетъ служить и отвѣтомъ на вопросъ, вслѣдствіе чего уничтожилось рабство древняго міра. Древній міръ держался рабствомъ, когда одинъ человѣкъ былъ вещью, одушевленной собственностью другого. Обыкновенно уничтоженіе рабства приписываютъ вліянію христіанства. Нѣтъ сомнѣнія, что христіанство имѣло благотворное вліяніе на человѣчество, но, помимо этого — <u>самое экономическое развитіе приводило къ уничтоженію рабства,</u> потому что трудъ свободный оказывался болѣе выгоднымъ, чѣмъ трудъ рабскій. Появленіе колоната почерпало свои соціальные матеріалы для образованія новаго сословія изъ рабской среды: <u>рабъ мало по малу возвышался въ крѣпостнаго,</u> и въ этомъ былъ уже великій прогрессъ. И такъ, при разрѣшеніи вопроса объ уничтоженіи рабства, необходимо всегда принимать въ расчетъ колонатъ.

Нельзя, разумѣется, скрывать и того, что эта теорія о происхожденіи колоната, такъ хорошо развитая Rodbertus'омъ, можетъ быть подвергаема сомнѣнію и возраженіямъ. Новѣйшее изслѣдованіе Гейстербергка посвящено этому вопросу. Въ упомянутомъ уже выше его сочиненіи (Ueber die Entstehung des Colonats), вышедшемъ въ 1877 г. дѣлается возраженіе противъ теоріи Родбертуса. Прежде всего слѣдуетъ замѣтить, что онъ чрезъ чуръ буквально понимаетъ представленіе Родбертуса о томъ, что Италія сдѣлалась первымъ кругомъ этого явлен-

скаго „isolirter Staat"; онъ слишкомъ буквально понимаетъ то воззрѣніе Родбертуса, которымъ послѣдній доказываетъ, что вслѣдствіе вліянія Рима почти во всей Италіи распространилась мелкая культура.

Въ своемъ трудѣ, Гейстербергъ 1) слишкомъ нападаетъ на это воззрѣніе, находитъ страннымъ предположеніе, что таково было вліяніе Рима на всю Италію.х)

х) Онъ доказываетъ, что для того, чтобы могло возникнуть новое сословіе изъ рабовъ, необходимо, чтобы увеличилось населеніе. По его мнѣнію, мелкая обработка земли можетъ развиться тамъ, гдѣ увеличивается населеніе.хх)

Отвергая основные положенія Родбертуса, Гейстербергъ цѣлымъ рядомъ соображеній доказываетъ, что въ Италіи, въ I столѣтіи по Р. Хр. населеніе, даже рабское, не увеличилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ утверждаетъ, что не такимъ путемъ развился колонатъ.

По его мнѣнію выходитъ, что соціальный матеріалъ для образованія этого новаго сословія дали свободные люди, которые поневолѣ переходили въ колоны и садились на землю богачей, такъ какъ потеряли свою.

Однако тутъ ему самому предстояло возраженіе, силу котораго онъ самъ заранѣе призналъ. Возраженіе это состоитъ въ слѣдующемъ: свободныхъ людей, мелкихъ землевладѣльцевъ, изъ которыхъ образовались бы колоны, было недостаточно, по крайней мѣрѣ въ Италіи; все шло къ тому, что число мелкихъ землевладѣльцевъ все сокращалось и наконецъ окончательно восторжествовала крупная поземельная собственность. Откуда же вдругъ къ IV-му вѣку осталось такое большое количество свободныхъ людей, что они даже могли

---

1) Нѣкоторыя замѣчанія Гейстерберга по этому вопросу могутъ имѣть вѣсъ, хотя не особенно большой.

хх) Возраженіе это весьма неясно.

послужить къ образованію сословія крѣпостныхъ, на которомъ держался экономическій бытъ Рима?
Гейстербергъ устраняетъ это возраженіе такимъ предположеніемъ, что первоначально колонатъ развился не въ Италіи, а въ провинціяхъ и притомъ въ тѣхъ провинціяхъ, которыя настолько хлѣбными, которыя платили даже дань хлѣбомъ. Такими провинціями были: Египетъ, Африка и отчасти Испанія. Эти провинціи главнымъ образомъ были хлѣбопашествомъ; Римъ кормился хлѣбомъ, привозимымъ изъ Александріи и Африки. Въ этихъ то провинціяхъ, вслѣдствіе усиленнаго производства хлѣба, и господствовало болѣе густое населеніе. Это-то и важно для Гейстерберга и составляетъ другой пунктъ его теоріи. Если въ провинціяхъ былъ процессъ былъ процессъ, подобный тому, который погубилъ Италію (т. е. latifundia perdidere Italiam), если и тамъ начинало развиваться крупное землевладѣніе, то оно установлено было тѣмъ обстоятельствомъ, что эти провинціи должны были поставлять много хлѣба въ Римъ. Такимъ образомъ, мелкіе землевладѣльцы не должны были быть сгоняемы съ земель, на которыхъ прежде сидѣли; напротивъ, крупный посессоръ, купивъ ихъ участки, предпочиталъ оставлять ихъ тутъ съ тѣмъ, чтобы получать съ нихъ дань въ видѣ хлѣба, который потомъ отправлялся въ Римъ. Итакъ, Гейстербергъ полагаетъ, что Римское провинціальное устройство по отношенію къ хлѣбнымъ провинціямъ повело къ тому, что владѣльцу выгоднѣе было оставлять на участкахъ прежнихъ фермеровъ, только обязавъ ихъ взносомъ извѣстнаго количества хлѣба (annona), потому что спросъ былъ именно на хлѣбъ. Эти хозяйственно-экономическія мѣры Рима установили въ Римскомъ государствѣ дѣйствіе процесса, столь сильнаго въ

другихъ мѣстахъ и уничтожавшаго свободный трудъ. Вотъ взглядъ Гейтерберга. На сколько онъ достовѣренъ — это еще не доказано. Кажется, что въ немъ много сомнительнаго, особенно въ тѣхъ доказательствахъ, которыми онъ хочетъ опровергнуть Rodbertus'а. Тѣмъ не менѣе и теорія Гейтерберга имѣетъ свои достоинства, хотя требуетъ тщательной провѣрки, которой до сихъ поръ еще не сдѣлано.

№ 10 бол.

Ознакомившись съ коренными измѣненіями въ системѣ Римскаго управленія послѣ Діоклетіана и Константина, скажемъ еще нѣсколько словъ для характеристики новой силы, входящей въ міръ — христіанской церкви съ ея епископами и монашествомъ x)

Въ 314 г. знаменитымъ Миланскимъ эдиктомъ Константина Великаго была признана равноправность двухъ культовъ — христіанскаго и языческаго. Побужденія, которыми онъ рѣшился поступить такимъ образомъ, остаются намъ не вполнѣ ясными. Надо полагать, что отчасти въ немъ дѣйствовало убѣжденіе въ истинности христіанской религіи xx), вмѣстѣ съ политическимъ расчетомъ государственнаго человѣка. Онъ разсудилъ, что христіанская община, въ которую вступали наиболѣе энергическіе люди, въ силу своей организаціи можетъ быть поддержкою начинающейся монархіи. Но вскорѣ оказалось, что въ нѣдрахъ самого христіанства начались волненія, споры, появился расколъ, взволновавшій и церковь, и государство, вступившее въ союзъ съ церковью. Новое ученіе объ естествѣ Сына Божія (Аріанское), такъ заняло собою всѣ умы

x) Какъ пособіе укажемъ книгу Kichler'a „Das weströmische Reich".

xx) хотя одно время онъ колебался въ выборѣ между христіанствомъ и культомъ Солнца.

того времени, что по свидѣтельству Григорія Назіанзина, вездѣ только и слышны были разсужденія и споры объ Отцѣ и Сынѣ.

„На улицахъ и на рынкахъ, говоритъ онъ, у мелочныхъ „торговцевъ и у мѣнялъ вездѣ одна тема. Я говорю: „размѣняй мнѣ эту серебряную монету и вотъ слышу „въ отвѣтъ нападеніе объ отличіи между Отцемъ „и Сыномъ. Спрашиваю о цѣнѣ хлѣба—хлѣбникъ (бу„лочникъ) отвѣчаетъ, что Сынъ меньше, ниже, чѣмъ „Отецъ. Я хочу знать, приготовлена ли ванна, служи„тель объясняетъ, что Сынъ сотворенъ изъ ничего".—

Этотъ раздоръ, эти споры, въ которыхъ высказывалась энергія и сила убѣжденія обѣихъ партій, служили дурной рекомендаціей для христіанства въ глазахъ язычниковъ. Императоръ Констанцій сталъ на сторону Аріанъ. Наслѣдникомъ его является знаменитый Юліанъ Отступникъ; изъ всего семейства этого послѣдняго, истребленнаго Констанціемъ, уцѣлѣлъ только онъ одинъ, благодаря заступничеству императрицы. Воспитанный въ Аѳинахъ, въ христіанскихъ обычаяхъ, Юліанъ тѣмъ не менѣе не чувствовалъ никакой наклонности къ христіанству. Еще при жизни Констанція онъ былъ назначенъ цезаремъ Галліи и прославился тамъ рядомъ успѣшныхъ дѣйствій противъ варваровъ-Аламанновъ и вышеупомянутымъ уменьшеніемъ налоговъ. Наконецъ, легіоны провозгласили его Августомъ и онъ уже готовился къ борьбѣ съ Констанціемъ, когда послѣдній умеръ.

Юліанъ принялъ со слезами извѣстіе о смерти Констанція, но публично высказался въ пользу языческихъ боговъ. Повсюду приказалъ онъ открыть храмы, возстановить пришедшіе въ упадокъ, вновь выстроить разрушенные и приносить жертвы языческимъ богамъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ провозглашена была свобода для всѣхъ вѣроис-

повѣрій, сектъ и культовъ. Какъ естественное слѣдствіе этого начинается возвращеніе всѣхъ изгнанныхъ епископовъ, пресвитеровъ и діаконовъ; кромѣ того, всѣ конфискованныя имѣнія были отданы имъ обратно. Тонкій расчетъ, заставлявшій Юліана дѣйствовать такимъ образомъ, совершенно оправдался: ссоры, смятенія, брань и кровопролитіе начались даже въ христіанскихъ общинахъ; получивъ полную свободу исповѣданія, послѣдователи различныхъ сектъ съ удвоенной энергіей начали раздоръ и распри. Наконецъ Юліанъ, созвавъ во дворецъ свой представителей разныхъ сектъ, началъ уговаривать ихъ ко взаимному согласію и любви, такъ какъ и онъ самъ далъ полную свободу вѣры. Потомъ онъ позволилъ имъ изложить ихъ мнѣнія и взгляды. Поднялся запальчивый споръ, крики и брань. Тогда-то онъ произнесъ свои знаменитыя слова: „Слушайте меня, Франки и Аламанны меня слушали". Но рѣчи дѣлались все болѣе гнѣвны, раздраженіе усиливалось. Амміанъ Марцеллинъ говоритъ по этому поводу: „nullas infestas hominibus bestias, ut sunt sibi ferales plerique Christianorum" (- нѣтъ дикихъ звѣрей столь враждебныхъ другъ другу, какъ христіане.)

Однако Юліанъ не думалъ ничего предпринимать противъ церкви собственно. Эдикты рѣшительно запрещали язычникамъ оскорблять или безпокоить приверженцевъ креста, или принуждать ихъ къ жертвамъ. Юліанъ первый понялъ силу мученичества и интенсивность его вліянія на новообращенныхъ. Только два эдикта издалъ онъ противъ приверженцевъ новой религіи и противъ церкви. Первый касался клира, церковнаго имѣнія, а также имущества языческихъ храмовъ. Всѣ городскія имущества, которыя во время Константина были подарены, должны были быть возвращены обратно. Раздача хлѣба священникамъ и общинамъ прекращается.

судебность, право принимать завѣщанія; освобожденіе ду-
ховенства отъ налога на промыслы и принудительныхъ
должностей - уничтожены. Сверхъ того, церковь и част-
ные люди должны были возвратить языческіе храмы
и имущества; алтари, статуи и храмы, разрушенные
епископами, монахами и городскою чернью, должны быть
возстановлены на счетъ христіанъ; или же - они долж-
ны уплатить вознагражденіе (эдиктъ 313.)
Второй эдиктъ въ высшей степени опасенъ: „Христіане
не имѣютъ права учить свободнымъ искусствамъ,
ни какъ грамматики, ни какъ ритора, ни какъ со-
фисты. Нельзя, чтобы люди, позорящіе боговъ, препода-
вали и комментировали Гомера, Гезіода, Димосфена,
Геродота, Фукидида - ревностныхъ почитателей ихъ.
Христіане обнаруживаютъ грязное корыстолюбіе, когда
они за нѣсколько драхмъ знакомятъ учениковъ съ писа-
телями, осуждаемыми за ихъ безбожіе. Они могутъ
въ своихъ Галилейскихъ церквахъ объяснять Матѳея
и Луку."
Эдиктъ этотъ нанесъ чувствительный ударъ христіан-
ской общинѣ; знакомство съ языческою литературою
было необходимо какъ для свѣтскихъ лицъ, такъ и для
высшаго ученаго духовенства - полемистовъ, апологетовъ,
такъ какъ „святое невѣжество" монаховъ не годилось
для проповѣдниковъ. Христіане думали помочь дѣлу
скороспѣлымъ приготовленіемъ новыхъ поэтическихъ про-
изведеній, долженствовавшихъ замѣнить имъ класси-
ковъ: какъ будто по заказу явилась поэма, излагавшая
въ гекзаметрахъ библейскую исторію до Саула, и т. п.
Но хотя христіане и утверждали нагло, что эти
новыя произведенія ни въ чемъ не уступаютъ Гомеру,
впослѣдствіи все же они сами отъ нихъ отказались.
Въ этомъ состояли прямыя мѣры Юліана противъ
христіанъ: никакого насилія, никакого дальнѣйшаго

притѣсненія, способнаго раздражить гордыхъ и чувствительныхъ Галилеянъ не было. Богослуженіе и проповѣдь были свободны, ни одного епископа не было въ изгнаніи — дѣло неслыханное со времени Никейскаго собора. Только Аѳанасій Александрійскій былъ исключенъ изъ всеобщей терпимости. Удаляясь, онъ утѣшалъ христіанъ: „не бойтесь, мои друзья; это маленькое облачко, которое скоро пройдетъ; посторонимся немного."
Въ то же время Юліанъ различными частными внѣшними мѣрами старался поддерживать блескъ языческаго культа. Съ новою пышностью возстановлены были алтари, щедрыя пожертвованія полились въ языческія храмы; время Юліана является временемъ маговъ, дивинаторовъ, математиковъ и вызывателей умершихъ. Самъ Юліанъ былъ pontifex maximus, приносилъ жертвы, устраивалъ языческія торжества, самъ суетился около алтарей, держалъ ножъ, носилъ дрова; снова мылился и окрашивался кровью пожертвенныхъ животныхъ алтари языческихъ боговъ.
Жертвы эти были такъ часты и такъ обильны, что даже язычники острили, говоря, что скоро не останется ни одного быка въ странѣ; христіане же прямо называли его „быкосожигателемъ".
Дѣйствительно, реформація язычества и его внутренней жизни могла быть лучшимъ и благороднѣйшимъ средствомъ къ побѣдѣ надъ христіанствомъ. Но этотъ проницательный и вмѣстѣ ослѣпленный умъ не могъ придумать ничего другаго, какъ только вводить такія учрежденія, которыя рекомендовали и выставляли на видъ добродѣтели христіанъ. Бессиліе язычества высказалось прежде всего въ тѣхъ самыхъ мѣрахъ, которыя принимались для того, чтобы поднять его.
Какъ неоплатоники, которыми кишѣлъ дворъ Юліана, проповѣдовали свое ученіе, такъ этотъ послѣдній —

свою организацію. По его мнѣнію, христіанству нужно было противопоставить языческую іерархію или даже церковь. Неоплатоники должны сдѣлаться проповѣдниками и учителями въ языческой церкви. Архіерей являл[ся] какъ равный христіанскому митрополиту; подъ нимъ стояли жрецы и священная коллегія провинцій. Всѣ онѣ имѣютъ главу въ pontifex maximus'ѣ. Жрецы должны подражать чистой и безупречной жизни христіанскаго клира, они обязаны не только приносить жертвы, но и заботиться о душахъ своей паствы. Имъ запрещено было посѣщать соблазнительныя театральныя зрѣлища, которыхъ избѣгали христіане, пить въ тавернахъ, заниматься низкими ремеслами; за всѣмъ этимъ наблюдали архіереи. Введена была церковная дисциплина, экскоммуникація (отлученіе) и покаяніе; въ храмахъ поставлены каѳедры, съ которыхъ неоплатоники должны будутъ объяснять истинное значеніе мифологіи и возбуждать къ нравственной жизни. Такъ какъ неоплатоники проповѣдовали аскетизмъ, то устроены были монастыри для желающихъ — мужчинъ и женщинъ — которые чувствовали призваніе къ особенно чистой и философской жизни. Христіанская благотворительность и дѣла милосердія, попеченіе объ умершихъ, гостепріимство, гостинницы и госпитали — все это навязывалось эллинизму. Юліанъ распорядился, чтобы магазины выдавали хлѣбъ и вино, дабы прекратить позоръ, что „безбожные Галилеи кормятъ не только своихъ, но и язычниковъ, между тѣмъ какъ никто изъ Іудеевъ не проситъ милостыни." Жрецы должны были внушать частнымъ лицамъ, чтобы и они оказывали содѣйствіе государству. Юліанъ думалъ, что именно благотворительность содѣйствовала всего болѣе распространенію христіанской религіи: не напрасно Юліанъ былъ христіаниномъ. Какъ послѣдователи Христа

учились въ языческихъ школахъ, чтобы пріобрѣсти оружіе для борьбы, такъ точно Юліанъ думалъ, что онъ хорошо изучилъ своихъ враговъ и можетъ побѣдить ихъ собственнымъ ихъ оружіемъ. Онъ забывалъ только одно: что средства, имъ заимствованныя, вытекали изъ живаго производительнаго духа христіанства, который способенъ былъ заимствовать чужое и перерабатывать это чужое. Напротивъ эллинизмъ, усталый и изнуренный, до такой степени былъ лишенъ живаго духа, что не могъ переработать чего либо принесеннаго извнѣ и какъ сухая мертвая вѣтвь долженъ былъ отпасть.

Всѣ эти мѣры только удвоили силы христіанъ; неустрашимая, пылкая ревность овладѣла ими; за свое святое дѣло они были готовы на все. Опасное положеніе, въ которомъ находилась церковь, заставило ихъ забыть смиреніе и кроткую покорность. Въ церквахъ молились публично о гибели Апостата. Онъ былъ „драконъ, врагъ рода человѣческаго, Ассиріецъ, чудовище, Фараонъ, Навуходоносоръ и Иродъ, кровожадное жало, которое преслѣдуетъ народъ Божій болѣе свирѣпымъ, низкимъ и вмѣстѣ хитрымъ гоненіемъ, чѣмъ Діоклетіанъ и Максиминъ."

Но едва только они приходили хотя немного въ себя, какъ должны были сознаться, что гоненія на нихъ совершенно нѣтъ. Тогда говорилось: „онъ апостатъ по природѣ, жестокъ какъ Ахавъ, самый гнусный изъ людей; развѣ можно назвать гидру, химеру, Цербера и Сциллу кроткими и человѣколюбивыми. Но онъ вмѣстѣ съ тѣмъ труслив и не осмѣливается открыто выступить противъ многочисленнаго и сильнаго народа Божія. Поэтому онъ предоставляетъ кровавыя мѣры городской черни, а себѣ оставляетъ обязанности и призракъ человѣколюбиваго убѣжденія; а либо хитрымъ коварствомъ онъ принимаетъ мѣры и мягкие из-

виды той дiавольской тьмы райской, которая живетъ въ его груди. Но этотъ великоумный плутецъ, эта обезьяна, подражающая христiанскимъ учрежденiямъ, этотъ скоморохъ, архилжецъ и тайной развратникъ; который ведетъ противъ Персовъ двойную армiю: одну изъ солдатъ, другую изъ демоновъ – еще сдѣлаетъ то, чего онъ не сдѣлалъ."

Но эти фразы невинны и мягки въ сравненiи съ клеветами, которыя изливались изъ святыхъ устъ на нравственно-чистаго и гуманнаго Юлiана:

Онъ празднуетъ ночныя оргiи съ безнравственными жрицами Цибелы; цѣлые корабельные грузы женщинъ и юношей потоплены по его приказанiю въ Оронтѣ.

Онъ – убiйца Констанцiя. Констанцiй – нѣкогда Ахавъ, Фараонъ, Навуходоноссоръ – теперь христолюбивый великiй государь, превосходившiй мудростью и возвышеннымъ характеромъ всѣхъ государей. Всѣ убiйства Констанцiя оправдываются; сожалѣется только то, что онъ пощадилъ Юлiана.

Мало по малу борьба принимаетъ уже агрессивный характеръ со стороны христiанъ. Вѣрующiе, одушевленные особенно дѣятельнымъ благочестiемъ, противились предписанному открытiю языческихъ храмовъ и предавали ихъ огню. Епископъ Георгъ Александрiйскiй хотѣлъ строить церковь на мѣстѣ митрэума; онъ открылъ тамъ скелеты и черепа, которые прежде служили для гаданiй жрецамъ и торжественно объявилъ, что это остатки человѣческихъ жертвъ; христiане съ насмѣшками носили ихъ по улицамъ: но языческая сторона взволновалась и онъ былъ убитъ.

Епископъ Маркъ Аретузскiй, прославившiй себя сожиганiемъ языческихъ храмовъ, отказывался теперь уплатить даже одну драхму – въ видѣ символическаго вознагражденiя.

Въ Антiохiи христiане пѣли въ присутствiи импера-

торы при своихъ процессіяхъ вмѣсто псалмовъ сатирические стихи на Юліана. Лица, подвергавшіеся преслѣдованію за оскорбленіе величества или святотатство получали названіе мучениковъ.
Юліанъ увѣщевалъ язычниковъ къ терпѣнію и самъ выслушивалъ и переносилъ всѣ упреки и угрозы христіанскихъ епископовъ. Однажды, старый епископъ Марисъ Халкидонскій сказалъ ему: „Я благодарю Господа, что онъ закрылъ мои глаза темнотою: я могу теперь не видѣть тебя, безбожника!"
Но тѣмъ не менѣе, внутри себя Юліанъ становился беспокойнѣе; раздраженіе и горечь увеличивались и усиливалась горячность. Онъ чувствовалъ, что началъ борьбу съ врагомъ, который по духу, энтузіазму и громадной энергіи былъ несравненно сильнѣе его. По всей вѣроятности, борьба эта кончилась бы междоусобной войной; но во время похода на Персію въ 363 г. Юліанъ умеръ.
Извѣстіе о смерти его произвело ликованіе и вызвало тріумфальные крики христіанской общины.
„Услышьте всѣ народы, внемлите всѣ обитатели земли", восклицали они; „я призываю васъ къ великому возвышенному пѣснопѣнію. Услышьте люди всякаго языка, всякаго возраста и пола, живущіе и имѣющіе житъ. Услышьте, силы небесныя, и вы, толпы ангеловъ — погибъ тиранъ и уничтоженъ. Не Сіонъ, царь Аморрейскій, не Огъ, царь Васанскій — малые князья, которые утѣсняли только Израиль, малую часть земли, но этотъ драконъ, этотъ апостатъ, великоумный ассиріецъ, этотъ общій врагъ и обманщикъ всего рода человѣческаго, который всю землю осыпалъ угрозами и яростью."
Обращаясь къ результатамъ, которые возможно вывести изъ поведенія христіанъ, мы увидимъ, что въ рѣчахъ и поступкахъ ихъ дошла сила убѣжденія,

энергія и страстная преданность своему ученію, но вмѣстѣ съ тѣмъ и отсутствіе кротости, строгость и нетерпимость ко всему тому, что не было на сторонѣ его.

Наслѣдникомъ Юліана былъ Іовіанъ (363-364), который царствовалъ только нѣсколько мѣсяцевъ. Его правленіе не могло имѣть большаго вліянія на судьбы Имперіи. Едва провелъ онъ 5 мѣсяцевъ въ Константинополѣ — и на Западѣ узнали въ одно и то же время, что онъ умеръ и что онъ царствовалъ.

Однако онъ поспѣшилъ подтвердить формальнымъ закономъ свободу совѣсти; — послѣ 30-лѣтняго перерыва возстановлена сила Миланскаго эдикта, нарушеннаго Констанціемъ.

Законъ этотъ не находится въ кодексѣ Феодосія, но что онъ былъ изданъ и обнародованъ — не подлежитъ сомнѣнію. По своему обычаю церковные писатели (Сократъ и Феодоритъ), утверждаютъ, что Іовіанъ запретилъ совершенно отправленіе языческаго богослуженія, что храмы языческіе были закрыты, первосвященники скрывались, софисты бросали свой плащь и обрѣзали свои бороды, однимъ словомъ, что ужасъ господствовалъ въ языческомъ лагерѣ. Безъ сомнѣнія, софисты сожалѣли о смерти Юліана — но едва ли всѣ эти подробности правдоподобны.

Депутація, отправленная Константинопольскимъ сенатомъ, во главѣ которой стоялъ знаменитый Фемистій, встрѣтила Іовіана въ Дадастанѣ. Краснорѣчивый Фемистій держалъ рѣчь, которая потомъ была, по словамъ Сократа, повторена въ Константинополѣ при стеченіи всего народа.

„Твоя заботливость и твоя любовь къ людямъ, говорилъ онъ между прочимъ, обнаружилась при самомъ началѣ въ попеченіяхъ объ устройствѣ религіи. Ты одинъ понялъ, что государь не можетъ всегда дѣйствовать принуди-

„ніемъ на своихъ подданныхъ, что есть вещи, которыя
„ускользаютъ отъ авторитета и силы и также мало
„поддаются приказаніямъ, какъ и угрозамъ. Добродѣ-
„тель и особенно-уваженіе къ богамъ и религія-принад-
„лежатъ къ числу ихъ. Чтобы они не превратились
„въ пустой наружный признакъ, необходимо, чтобы
„государь оставилъ каждому возможность слѣдовать
„свободному и вольному побужденію его души.
„Какъ глава государства, ты объявилъ закономъ, что
„дѣла религіи и почитанія божества будутъ остав-
„лены свободной волѣ каждаго. Ты слѣдовалъ примѣру
„Божества, которое, вложивъ всѣмъ людямъ общую нак-
„лонность къ религіи, восхотѣло, чтобы свобода и воля каж-
„даго рѣшали относительно способа почитать Бога.
„Кто вмѣшивается въ это съ помощью силы, тотъ по-
„хищаетъ у людей право, дарованное имъ самимъ Богомъ.
„Я считаю этотъ законъ столь же важнымъ для насъ,
„какъ и договоръ, заключенный съ Персами: по этому до-
„говору мы получили возможность жить въ мирѣ съ
„варварами; твой законъ даетъ намъ ту выгоду, что
„мы можемъ жить между собою безъ раздоровъ и смя-
„теній.....
Возвышенная и благородная рѣчь - хотя и принадлежа-
щая язычнику. Что касается до христіанскихъ писа-
телей, то одни изъ нихъ дѣлаютъ изъ Іовіана пре-
слѣдователя язычества, другіе объясняютъ кратко-
временность его правленія тѣмъ, что онъ оказалъ
покровительство Максиму и Приску, которыхъ Юліанъ
взялъ съ собою, какъ гадателей, въ походъ на Персовъ
и сверхъ того украсилъ въ Тарсѣ цвѣтами гробъ
Юліана, который, по словамъ Григорія Назіанзина,
слѣдовало бы бросить на живодерню.
Послѣ смерти Іовіана въ Дадастанѣ (17 февр. 364 г.) ле-
гіоны и представители бюрократіи избрали Валентиніа-

ано (въ Никеѣ).
Гогоменъ приводитъ о немъ любопытный разсказъ:
„Однажды Юліанъ, сопровождаемый обычной свитой императора, отправился въ храмъ Фортуны для жертвоприношенія. Понтифексы, помѣщенные съ обѣихъ сторонъ входныхъ дверей, кропили водой входящихъ — для очищенія ихъ, по обычаю языческому. Одинъ трибунъ щитоносцевъ, который шелъ впереди императора, получилъ нѣсколько капель воды на свою хламиду и приведенъ былъ этимъ въ такое негодованіе, что ударилъ жреца, говоря, что онъ оскверненъ имъ, а не очищенъ. Эта сцена произвела смятеніе. Юліанъ велѣлъ схватить виновнаго и потребовалъ, чтобы онъ принесъ жертву или оставилъ военную службу. Это былъ Валентиніанъ I.
Предшественники новаго Августа, его личный характеръ, нетерпѣливый, вспыльчивый, способный къ припадкамъ страшнаго гнѣва — заставляли думать, что онъ въ дѣла общественныя внесетъ тотъ же самый характеръ. Но публичное поведеніе Валентиніана, его правительственные принципы и правила были осторожные и терпѣливые, чѣмъ его личное поведеніе. Изъ всѣхъ христіанскихъ императоровъ, Валентиніанъ всѣхъ лучше понялъ и всѣхъ искреннѣе защищалъ свободу совѣсти. Тотчасъ по вступленіи на престолъ, онъ издалъ манифестъ о свободѣ религіи и притомъ въ самомъ обширномъ смыслѣ, — для всѣхъ христіанскихъ сектъ и для всѣхъ языческихъ культовъ. Онъ говорилъ епископамъ, старавшимся вовлечь его въ участіе въ церковныхъ спорахъ, что ему, какъ міряниnу, не подобаетъ рѣшать въ вопросахъ вѣры; это дѣло священниковъ, которые и должны имѣть полную свободу собираться на соборахъ для обсужденія и рѣшенія.
Главнѣйшіе изданные имъ по этому вопросу законы бы-

ли слѣдующіе:

1) Онъ лишилъ священниковъ свободы отъ налога на промыслы, дарованной Констанціемъ и Константиномъ.

2) Въ 370 г. въ церквахъ Рима (вѣроятно и въ другихъ) былъ прочитанъ эдиктъ Валентиніана противъ возрастающаго корыстолюбія и вымогательства клириковъ и монаховъ. Имъ запрещено посѣщать дома вдовъ и сиротъ; завѣщанія и дарственныя записи этихъ личностей въ пользу монаховъ и клириковъ признаны недѣйствительными! Имѣніе безъ наслѣдниковъ принадлежитъ фиску. Только какъ ближайшие родственники духовенство могло наслѣдовать.

Съ другой стороны 1) Онъ первый освободилъ преступниковъ въ Пасху и 2) возстановилъ забытый законъ Константина о празднованіи воскреснаго дня.

Что касается язычниковъ, то по законамъ Валентиніана: 1) Храмы ихъ сохраняли свои огромныя поземельныя владѣнія и сокровища, накопленныя впродолженіе почти тысячелѣтія. Только въ одномъ пунктѣ Валентиніанъ съ большою практичностью обратилъ свое безпристрастіе къ старой и новой религіи въ пользу государства: Когда послѣ смерти Юліана поднялись споры объ имѣніяхъ подаренныхъ церкви и частнымъ лицамъ и возвращенныхъ потомъ Апостатомъ языческимъ храмамъ, то Валентиніанъ рѣшилъ споры хорошо и скоро, объявивъ ихъ имуществомъ казны. Даже то, что фискъ отпускалъ при Юліанѣ, было отобрано.

2) Но за то жрецы получали по прежнему содержаніе отъ государства и даже имъ дарованы были новыя привилегіи — освобождены были отъ принудительной службы и пытки тѣ, которые достигали высшихъ должностей и правъ.

При одномъ изъ преемниковъ Валентиніана, Ѳеодосіи Великомъ, принципъ вѣротерпимости уничтожается и

наступаетъ полное торжество христіанства; языческій культъ запрещенъ, жертвоприношенія прекращены, храмы древнихъ боговъ закрыты, вновь издаваемые эдикты одинаково преслѣдовали какъ язычниковъ, Іудеевъ и отступниковъ Аріанъ.

15б. Прослѣдивъ борьбу христіанства съ язычествомъ, постараемся разсмотрѣть, каковъ былъ результатъ этого союза государства съ церковью, начало которому было положено Миланскимъ эдиктомъ Константина Великаго и который окончательно завершенъ былъ эдиктами императора Граціана на Западѣ и Феодосія на Востокѣ. Христіанство является передъ нами учрежденіемъ, вносящимъ обновляющій элементъ въ государство. Христіанство измѣнило міръ: люди были въ немъ рабами; во всѣхъ вопросахъ общественнаго интереса они должны были искать рѣшенія верховнаго владыки. Но при извѣстной культурѣ невозможно заниматься только своими личными дѣлами и Римскій народъ обратилъ свое страстное вліяніе на зрѣлища и игрища, арены и цирки. Сердца и умы были заняты тѣмъ, голубая или зеленая колесница достигнетъ цѣли на публичномъ ристалищѣ. Подобные факты, подобные общественные интересы свидѣтельствуютъ только о глубокомъ паденіи общества и эпохи.

Христіанство положило конецъ такому общественному состоянію. Опять было великое дѣло, всѣми любимое, защищаемое, достойное того, чтобы пострадать за него, принести всякую жертву. Началась дѣйствительная умственная и духовная борьба въ порабощенной имперіи. Тысячи сильныхъ умовъ, которые истощились бы иначе въ мелочныхъ, пустыхъ и глупыхъ занятіяхъ, находили теперь случай употреблять свои дарованія. Эти сильные люди могли служить великое поддержкою

падающему Римскому государству.
Но съ другой стороны эти же люди, не отличавшиеся по отношенію къ другимъ особой терпимостью, вовлекали государство въ тревогу и волненія, такъ что союзъ съ церковью не во всѣхъ отношеніяхъ былъ вполнѣ выгоденъ для Римской имперіи.
Какъ уже выше было сказано, при Граціанѣ навсегда уничтоженъ былъ въ Римской имперіи принципъ всеобщей религіозной свободы и христіанство признано единственной господствующей религіей. Въ этомъ отношеніи правленіе его составляетъ эпоху. Языческій императоръ (ибо такъ долженъ назваться Константинъ) ввелъ въ 313 и 324 гг. этотъ принципъ, требуемый духомъ христіанства. Потомъ онъ былъ нарушаемъ христіанско-аріанскими императорами и священниками. Теперь его устраняютъ православно-каѳолическіе государи - сначала Граціанъ на западѣ, потомъ Ѳеодосій, который, какъ ревностный послѣдователь Никейскаго исповѣданія, былъ возведенъ Граціаномъ на тронъ Восточной Имперіи въ 378 г. и во всѣхъ религіозныхъ вопросахъ былъ вполнѣ согласенъ съ нимъ.
Въ правленіе Ѳеодосія и Граціана сдѣланы были распоряженія о конфискаціи имуществъ язычниковъ, о закрытіи храмовъ, о преслѣдованіи богослуженія ихъ. Тѣ же мѣры были приняты и противъ Аріанъ; исключеніе было сдѣлано для однихъ только Готовъ (Аріанъ).
Принципъ свободы совѣсти былъ уничтоженъ.
Особенно любопытнымъ является въ исторіи этого періода тотъ фактъ, что никто съ большей теплотой и настойчивостью не велъ борьбы за этотъ принципъ, какъ христіане - доколѣ они составляли только терпимую или преслѣдуемую секту. Но уже Валентиніану I-му стоило большого труда, усилій и энергіи защитить драгоцѣнное пріобрѣтеніе про-

тивъ тѣхъ самыхъ христіанъ, которые привѣтствовали его нѣкогда ликованіями и благодарственными молитвами. Церковь, теперь богатая, могущественная, привыкшая къ покровительству, раздражительная вслѣдствіе внутреннихъ споровъ внутри, — сдѣлалась неспособна переносить или даже понимать свободу вѣры, которую она сама принесла міру. Какъ языческій богъ-Кроносъ, — она поглотила собственное дѣтище.
Вступивъ въ союзъ съ государствомъ, церковь, однако, всѣми силами старается обезпечить себя отъ него, строго отграничить свою власть отъ власти свѣтской. Императоръ, бывшій прежде и pontifex maximus, признается теперь главою государства, но не церкви. Въ жизни и произведеніяхъ великихъ восточныхъ отцевъ IV в: Аѳанасія Александрійскаго, Григорія Богослова, Василія Великаго, Іоанна Златоустаго и западнаго святителя Амвросія Медіоланскаго можно найти много замѣчательныхъ примѣровъ самостоятельныхъ дѣйствій и смѣлости рѣчи по случаю посягательствъ высшей государственной власти на духовную жизнь человѣка и свободу ея проявленій x).
Когда послѣ страшныхъ убійствъ въ Солуни, на которыя императоръ Ѳеодосій далъ свое согласіе, явился онъ въ церковь въ Миланѣ, то св. Амвросій не допустилъ его со словами: „Какъ подымешь ты эти руки, съ которыхъ точится кровь невинно-убитыхъ? Какъ примешь

---

x) См. по этому вопросу статью Ламанскаго: „Видные дѣятели Западно-Славянской образованности въ XV, XVI и XVII вѣкахъ" 1 т. Славянскаго Сборника. Замѣчу впрочемъ, что онъ въ этой статьѣ преимущественно настаиваетъ на томъ, что христіанство возродило падающее Римское государство (стр. 60 и слѣд.) съ чѣмъ вполнѣ согласиться невозможно.

этими руками святое тѣло Господа! Какъ поднесешь
къ своимъ устамъ Его безцѣнную кровь, ты, словомъ
ярости, неправедно проливший кровь такого множест-
ва людей?"
Свой рѣшительный образъ дѣйствий съ императорами
Амвросий оправдывалъ слѣдующими соображеніями:
"не императорское дѣло отрицать свободу рѣчи и не
"священническое - не говорить того, что думаешь. Ничего
"въ васъ, императорахъ такъ не народно и не досто-
"любезно, какъ любовь Ваша къ истинѣ даже изъ
"устъ вамъ служащихъ. Между хорошими и дурны-
"ми государями та разница, что хорошие любятъ свобо-
"ду, а дурные рабство. Ничто такъ въ священникѣ
"(вообще въ христианинѣ) не гибельно передъ Богомъ и не
"постыдно предъ людьми, какъ не выражать свободно
"своихъ мыслей."
"Говорятъ, писалъ по другому случаю Амвросий, что
"государю все дозволено, что все его. Отвѣчаю: не тру-
"дись, императоръ, думать, что въ дѣлахъ божест-
"венныхъ имѣешь императорское право (ius imperiale),
"но если хочешь дольше царствовать, будь покоренъ Богу."
Госий Кордубский развивалъ императору формаль-
ную теорию о свободѣ церкви. "Я сдѣлался исповѣд-
"никомъ, говорилъ онъ, когда твой дѣдъ Максиміанъ
"преслѣдовалъ церковь. Если и ты меня преслѣдуешь,
"то я также и теперь готовъ скорѣе все претерпѣть,
"чѣмъ пролить неповинную кровь или измѣнить ис-
"тинѣ. Я не могу похвалить тебя, когда ты пишешь
"и грозишь подобнымъ образомъ. Перестань такъ пи-
"сать, не будь заодно съ Арiемъ."........
"Перестань, прошу тебя, припомни, что ты смертный
"человѣкъ. Побойся дня судного. Не вмѣшивайся въ цер-
"ковныя дѣла; поучись въ этомъ отношенiи у насъ.
"Богъ далъ тебѣ царство, намъ вручилъ церковь.

Какъ тотъ, кто отнимаетъ у тебя царство, противится божественному порядку, такъ и ты побойся, притязая на церковь, не принимаешь ли ты великой вины на себя? Какъ намъ священникамъ нѣтъ никакой власти въ гражданскихъ дѣлахъ, такъ и ты, императоръ, не имѣешь права приносить жертву".
Подобныхъ примѣровъ было не мало. Духовенство дѣятельно и энергично отстаивало свои права и свою власть въ дѣлахъ церкви. Принципъ этотъ, конечно, высокій и разумный, но нельзя сказать, чтобы онъ, при данныхъ обстоятельствахъ, былъ особенно полезенъ для государства и его порядка.
Мало того, что церковь настаиваетъ на свободѣ и неприкосновенности своихъ правъ; она даже предъявляетъ притязанія на свѣтскую власть. Впрочемъ, и сама имперія, чувствуя близость своего паденія, мало по малу передаетъ церкви многія свои права и функціи; церковь переростаетъ уже государство, отнимаетъ у него почву.
Въ этомъ отношеніи особенно важна судебная власть, которую получили епископы даже въ дѣлахъ свѣтскихъ. Еще до Константина Великаго и его Миланскаго эдикта христіане предпочитали судиться у своихъ единовѣрцевъ, а не у язычниковъ.
Граціанъ въ 376 г. издалъ эдиктъ, по которому преступленія духовенства противъ порядка и дисциплины духовной судятся епископами.
Но судебная власть епископа далеко выходила за церковныя границы. Не только два клерика обычно судились передъ нимъ, но и клерикъ съ міряниномъ и даже два мірянина (христіане), если оба были согласны на это. Самъ Апостолъ Павелъ порицалъ, если кто изъ общины идетъ на судъ передъ невѣрными, а не передъ святыми. Константинъ Великій нашелъ

этотъ обычай уже существующимъ и со своей стороны его санкціонировалъ, давъ право епископамъ разбирать процессы христіанъ. Онъ смотрѣлъ на епископа, какъ на обыкновеннаго третейскаго судью; примѣняя къ нему строгіе римскіе законы. Константинъ постановилъ, что если стороны разъ довѣрились его суду то уже не имѣютъ права какой либо дальнѣйшей аппеляціи.

Но и этого мало: епископъ имѣлъ право разбирать дѣла по наслѣдству (слѣд. чисто свѣтскія) и брачныя; почти всякое дѣяніе, наконецъ, которое государство наказывало, было и въ религіозномъ смыслѣ безнравственно и въ силу этого подлежало духовному суду. Характеръ процесса въ общихъ чертахъ заключался въ слѣдующемъ: Судья произносилъ приговоръ на основаніи болѣе или менѣе явныхъ фактовъ обвиненія. Епископъ - судья совѣсти; передъ нимъ должно быть открыто самое тайное. Существовалъ даже церковный законъ, говорившій, что „всякій, кто знаетъ о тайномъ преступленіи и не доноситъ епископу, подлежитъ тому же наказанію, какъ преступникъ."

Подобное расширеніе епископскихъ правъ отчасти можетъ быть объяснено неудовлетворительнымъ состояніемъ тогдашняго судебнаго состава. Аммианъ Марцеллинъ отзывается весьма дурно о судьяхъ и въ особенности объ адвокатахъ того времени. Послѣднихъ онъ дѣлитъ на 4 класса.

1. „Одни, говоритъ онъ, осаждаютъ дѣятельно домы „богатыхъ, вдовъ и сиротъ, сѣютъ недоразумѣнія и „вражду, растравляютъ и увеличиваютъ до безконечности маловажныя ссоры друзей и родныхъ; они „исполнены ненасытнаго корыстолюбія, въ длинныхъ „проволочкахъ оттягиваютъ время судебнаго разбира-

„тельства и употребляютъ всякую хитрость, напослѣ
„и цѣлый потокъ болтливой риторики, чтобы оду-
„рачить судью или провести его."

2). Другіе — принимаютъ въ высшей степени почтенный
„и сдержанный видъ; на лицѣ ихъ — глубокомысленныя
„складки; это ученые, глубоко посвященные въ таинств
„науки, которая, вслѣдствіе множества противор
„чивыхъ постановленій находилась въ страшномъ бе
„порядкѣ. Едва раскрывали они свои почтенныя уст
„изъ нихъ такъ и сыпались названія давно забыты
„законовъ, что должно было внушать особенное удив
„леніе къ неисчерпаемымъ знаніямъ ихъ. Но едва
„они пронюхаютъ богатаго кліента, какъ тотчас
„же тайкомъ сообщаютъ ему тысячи юридически
„увертокъ и обѣщаютъ ему счастливой исходъ ег
„дѣла, даже если бы онъ самъ донесъ на себя, что
„убилъ свою мать."

3). Третій разрядъ — пріобрѣтаютъ кліентовъ кри
„комъ, бранью и лаемъ, навязываются ко всяком
„процессу, отрицаютъ и покрываютъ своимъ кри
„комъ самую ясную истину, умѣютъ навязать про
„цессъ самому миролюбивому человѣку и запуты
„ваютъ дѣло на судѣ въ такой неразрѣшимый у
„зелъ, что самые правдивые и благонамѣренные су
„дьи не могутъ добраться никакого толку.

4). Глупые, но по своему хитрые. Низкой лестью они
умѣютъ пріобрѣсти себѣ мѣсто за столомъ бога
„тыхъ и здѣсь обжираются, сколько возможно. Он
„едва прочитали одинъ какой либо кодексъ и ког
„заходитъ рѣчь объ юридическомъ авторѣ, они пр
„нимаютъ его имя за названіе какой либо замор
„ской рыбы или другаго лакомаго блюда. Все ихъ
„искусство состоитъ въ уловленіи довѣрчивыхъ кліе
„товъ, которыхъ процессъ они потомъ, подъ тысячь

„предлоговъ, протягиваютъ отъ одного года до другого".
Очевидно, что при подобномъ состояніи Римской адвокатуры епископскій судъ являлся учрежденіемъ благодѣтельнымъ какъ для христіанъ, такъ и для язычниковъ.

Съ другой стороны, епископская власть усиливается еще вслѣдствіе нѣкоторыхъ имущественныхъ привилегій и освобожденія церкви отъ многихъ повинностей. По закону Граціана (377 г.) не только епископы, „но и пресвитера, діаконы, чтецы, екзорцисты (изгонятели бѣсовъ) и привратники освобождаются отъ „принудительныхъ должностей (въ городскихъ куріяхъ) „и личныхъ повинностей".
Сверхъ того, имѣнія духовенства также освобождены отъ многихъ повинностей: военнаго постоя, дорожной повинности и повинностей натуральныхъ. Земли духовенства были обложены только поземельной податью.
Нѣтъ сомнѣнія, что подобныя льготы вели и къ злоупотребленіямъ, которыя въ свою очередь вызывали эдикты, нѣсколько ограничивавшіе права церкви. Блаженный Іеронимъ, упоминая про эти эдикты, говоритъ, что слѣдуетъ досадовать не на стѣсненіе правъ духовенства посредствомъ ихъ, а на тѣ причины, которыя вызвали эти новыя постановленія, т. е. на злоупотребленія самого духовенства.
Къ концу IV столѣтія относится появленіе и развитіе въ христіанской церкви той новой силы, которая сохранила важное значеніе во весь средніе вѣка — монашества.
Распространеніе монашества ведетъ свое начало со времени гоненія Діоклетіана; во время этого гоненія многіе изъ христіанъ искали убѣжища въ пустыняхъ Египта, которыя можно назвать настоящей

метрополией монашества. Тысячи христиане собирались толпами около знаменитого Антонія, одного изъ первыхъ христіанскихъ пустынниковъ; первыя монашескія общины образовались недалеко отъ Чермного моря и въ Верхнемъ Египтѣ. Песчаныя пустыни и безплодные холмы покрылись многими колоніями; монахи жили въ тѣсныхъ хижинахъ другъ подлѣ друга, плели корзины и цыновки (Matten).

Примѣру Антонія послѣдовалъ Аммонъ, образовавшій общину близъ Меридова озера, Макарій — къ сѣверу отъ него и Пахомій на островѣ Нила Тавеннѣ. Пахомій, умершій въ 348 г., восемью годами ранѣе Антонія, былъ законодателемъ новыхъ общинъ. Онъ учредилъ первыя киновіи, распредѣлилъ должности и обязанности между монахами и соединилъ ихъ въ большія общества съ опредѣленнымъ уставомъ. Безусловное послушаніе, вѣра, молитва и трудъ были главными правилами иноческой жизни первыхъ монаховъ.

Въ Тавеннѣ былъ центръ монашества; тамъ насчитывалось ихъ до 50 т. человѣкъ.

Въ Палестинѣ и Сиріи ихъ можно считать милліонами. „Сирійскіе монахи столь же многочисленны, какъ и египетскіе", говоритъ Созоменъ. Изъ основателей Сирійскихъ общинъ замѣтимъ св. Илларіона — въ пустынѣ около Газы и св. Василія Великаго — въ Каппадокіи. Вмѣстѣ съ мужскими, основаны были и женскія киновіи; такъ, Пахомій устроилъ таковую для сестеръ Антонія и своей и для жены Аммона, къ которымъ вскорѣ присоединилось множество другихъ христіанокъ. Вокругъ монастырей селились анахореты въ келліяхъ или пещерахъ и составляли такъ называемыя лавры.

Помимо громаднаго количества пустынниковъ, распространились и странствующіе монахи, скитавшіеся

въ горахъ, не имѣвшіе никакого жилища, являвшіеся въ мѣста обитаемыя, чтобы просить милостыню, показать свое благочестіе, проповѣдывать тайны вѣры. Ничего не было для язычниковъ ненавистные монаховъ. Они избѣгали ихъ, какъ родъ людей, негодный на войнѣ и для занятій мирного времени, безполезный для государства. Но, прибавляли они злобно, ихъ жадность успѣла захватить большія массы земли; подъ предлогомъ, что они все дѣлаютъ для бѣдныхъ, они всѣхъ сдѣлали бѣдными. Они - извращеніе человѣческой природы - ведутъ жизнь свиней и совершаютъ завѣдомо множество позорныхъ преступленій. Но ихъ считаютъ угодными Богу и кто надѣнетъ черную одежду и не боится въ грязномъ видѣ являться предъ народомъ, тотъ получаетъ тиранническую власть. Нѣтъ сомнѣнія, что въ обвиненіяхъ этихъ есть доля преувеличенія. Быть можетъ, потребность отшельнической жизни была сильна въ гонимыхъ христіанахъ того времени, но точно также вѣроятно, что большой процентъ ихъ поступавшихъ въ монахи руководился желаніемъ отстраниться отъ государственныхъ должностей и повинностей.

Итакъ, для нравственнаго обновленія и возрожденія Рима принципъ христіанства былъ полезенъ и благотворенъ, но на государственный строй падающей имперіи онъ не во всѣхъ случаяхъ оказывалъ хорошее вліяніе. Результатъ этотъ необходимо вытекаетъ изъ всѣхъ вышерассмотрѣнныхъ фактовъ культурнаго вліянія христіанства. Важнѣе всего то, что съ появленіемъ и распространеніемъ его, вырастаетъ посреди Римской имперіи новая соціальная и религіозная сила, которая захватываетъ въ свои руки многія функціи государственнаго управленія. Сила эта оказываетъ потомъ громадную услугу, являясь посредницей между древней культурой и образованіемъ и новымъ временемъ.

Въ такомъ же смыслѣ должно разсматривать и другую силу - <u>Германскую колонизацію</u> на Римской почвѣ x).

Dubois Raymond говоритъ, что Римская имперія пала передъ варварами потому, что въ то время недостаточно развиты были естественныя науки. Еслибы, полагаетъ онъ, Римляне умѣли обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, если бы въ то время былъ изобрѣтенъ порохъ, то имперія могла бы стать совершенно въ иныя отношенія къ варварамъ. Но онъ упускаетъ изъ виду ту сторону дѣла, что если бы даже все это было, то огнестрѣльное оружие, которому онъ придаетъ такое великое значеніе, было бы въ рукахъ тѣхъ самыхъ Германцевъ, противъ которыхъ пришлось стать имперіи. Римъ побѣжденъ былъ не набѣгами варваровъ, не насильственными вторженіями отдѣльныхъ племенъ, а тою Германскою силою, которая мало по малу просачивалась на Римскую почву въ видѣ массы колонистовъ, селившихся тамъ съ согласія самого Рима.

Поселенія Германскія имѣли различный характеръ. Прежде всего Римляне селили на своихъ земляхъ <u>военноплѣнныхъ</u>, взятыхъ послѣ удачной войны. Правда, что они не всегда въ полномъ составѣ отправляемы бывали на поселеніе (x см. слѣд. стр.), но тѣмъ не меньше количество ихъ все же бывало значительно. Послѣ побѣды, одержанной императоромъ Клавдіемъ надъ Готами (Claudius gothicus 268-270), говоритъ біографъ этого императора, всѣ провинціи Римскія напол-

---

x) Подъ именемъ колонизаціи мы разумѣемъ здѣсь не насильственное вторженіе варваровъ на Римскія земли и занятіе ихъ, но поселеніе германскихъ племенъ на земляхъ имперіи, происходившее съ согласія ея и подъ непосредственнымъ ея надзоромъ.

нились рабами-варварами. Impletae servis barbaris provinciae. Nec ulla fuit regio quae Gothum servum triumphali quodam servitio non haberet. (Trebell. Pollio. v. Claud.) Въ IV вѣкѣ, въ періодъ постоянной борьбы съ Германцами на границахъ, число Германскихъ рабовъ постоянно должно было возрастать. Галатскіе купцы (въ Малой Азіи) занимались выгоднымъ ремесломъ — торговлею невольниками, набиравшимися изъ военноплѣнныхъ и развозимъ ихъ во всѣ концы Имперіи. Въ концѣ IV в. едва ли былъ какой состоятельный домъ, вообще имѣвшій возможность держать рабовъ, въ которомъ не было бы Германца, служившаго въ комнатахъ или работавшаго

---

x) Часть военноплѣнныхъ обыкновенно предназначалась для зрѣлищъ въ циркахъ. Такъ, Константинъ, послѣ побѣды надъ Франкерами въ 306 г. отправилъ въ Тирскій циркъ 2 конунговъ и множество простыхъ плѣнныхъ. Тоже самое повторилось въ Тирѣ еще разъ, уже послѣ Миланскаго эдикта. Христіанская церковь препятствовала этимъ жестокимъ и унизительнымъ для человѣческаго достоинства зрѣлищамъ, но они все же вывелись не скоро. Послѣ Никейскаго собора Константинъ Великій издалъ эдиктъ, въ которомъ онъ высказывалъ неодобреніе кровавыхъ зрѣлищъ и гладіаторскихъ боевъ; впрочемъ, въ довольно общихъ выраженіяхъ.
Еще Валентиніанъ I въ 371 г. отправилъ въ Римъ множество плѣнныхъ Саксовъ на съѣденіе звѣрямъ; когда нѣкоторые изъ нихъ лишили себя жизни, не дождавшись страшнаго дня, то знаменитый римскій философъ Симмахъ съ негодованіемъ отзывался объ этомъ поступкѣ низкихъ варваровъ, лишившемъ благородныхъ Римлянъ давно ожиданнаго удовольствія видѣть ихъ на аренѣ цирка добычею дикихъ, голодныхъ звѣрей.

въ силу или на поле. На дальнемъ Востокѣ, въ Антіохіи, Іоаннъ Златоустый встрѣчалъ бѣлокурыхъ рабовъ въ богатыхъ домахъ.

Огромное количество рабовъ можетъ быть подтверждено тѣмъ фактомъ, что при нашествіи Готовъ, 30.000 рабовъ, недовольныхъ Римлянами, присоединились къ непріятелю; къ Аларику также присоединилось 40.000 рабовъ-Германцевъ.

При Өеодосіи и его сыновьяхъ это множество иноплеменниковъ на земляхъ Римскихъ вызывало даже опасенія со стороны благомыслящихъ людей. Синезій, знаменитый писатель времени Аркадія, говоритъ: „огромное количество рабовъ-Германцевъ тѣмъ болѣе опасно, что многіе родичи ихъ занимаютъ хорошія мѣста въ войскѣ нашемъ."

Кромѣ этихъ рабскихъ поселеній, (которыя можно встрѣтить и въ глубинѣ Азіи) существовали еще поселенія другого характера, къ разсмотрѣнію которыхъ необходимо обратиться нѣсколько подробнѣе.

Весьма часто случалось, что огромное количество германскихъ плѣнныхъ, а иногда и цѣлыя племена отдавались послѣ пораженія на волю Римлянъ, безъ заключенія какихъ бы то ни было условій. Эти-то dediticii и были поселяемы на римскихъ земляхъ.

Припомнимъ здѣсь теорію происхожденія колоната. Мы не были съ тѣмъ, что учрежденіе это было обязано своимъ происхожденіемъ исключительно поселеніямъ Германцевъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать и того, что послѣ образованія колоната множество варваровъ селились какъ колоны, какъ прикрѣпленные къ землѣ. Они дѣлались хлѣбопашцами и должны были обрабатывать землю, чаще казенную, государственную, а иногда и частную.

Римское государство владѣло многими выморочными и

ліями, доставшимися послѣ смерти владѣльцевъ; а также пріобрѣтало много земельныхъ имуществъ посредствомъ конфискаціи.

На этихъ огромныхъ земляхъ, принадлежавшихъ фиску, и селились военноплѣнные. Свѣдѣнія о подобныхъ поселеніяхъ находимъ мы у нѣкоторыхъ римскихъ панегиристовъ, которые вообще служатъ довольно важнымъ источникомъ для данной эпохи. Безымянный панегиристъ Констанція Хлора, рисуетъ намъ такую картину послѣ побѣды надъ Франками и Фризами:*) „Мы теперь видимъ, какъ подъ городскими „портиками сидятъ плѣнныя толпы варваровъ; подъ „жестокимъ ударомъ смирилась ихъ свирѣпая натура; „взрослые мужчины дрожатъ отъ страха, подлѣ нихъ „старухи, которыя съ жалостью смотрятъ на своихъ „испуганныхъ дѣтей и молодыя жены, которыя раз„дѣляютъ уныніе своихъ супруговъ; связанные вмѣстѣ „одною и тою же цѣпью, мальчики и дѣвочки шепчутъ „другъ другу привычныя ласковыя рѣчи; и всѣ они бу„дутъ распредѣлены между провинціалами Вашей „Имперіи; всѣ они сидятъ здѣсь, въ ожиданіи того, „что ихъ отведутъ на тѣ земли, которыя ихъ тру„домъ изъ пустынь превратятся въ цвѣтущія поля."

Представляя военноплѣнныхъ обрабатывающими землю, онъ говоритъ: „Хамавы и Фризы, блуждавшіе прежде на нашихъ границахъ, теперь, покрытые потомъ и „грязью отъ деревенскихъ работъ, обрабатываютъ на„ши поля, являются на еженедѣльный Forum (ярмарку) „съ продажнымъ скотомъ и вотъ варварскій земледѣ„лецъ понимаетъ цѣну хлѣба."

Наконецъ, слѣдуетъ третья картина, гдѣ Германскій

---

*) см. Baehrens: XII Panegirici Latini. (стр. 138; VII, стр. 167, 169 и 210.)

варвары превращается въ усерднаго и вѣрнаго слугу императора — при военномъ наборѣ:
„Если его позовутъ къ набору, онъ спѣшитъ на зовъ съ
„готовностью, скоро обтирается на службѣ; его спина
„безропотно подвергается обычнымъ наказаніямъ: ибо
„онъ гордится именемъ воина."
Городскія общины, а равно и отдѣльные землевладѣльцы нерѣдко получали Германцевъ на условіяхъ крѣпостнаго права. Это подтверждается также и эдиктомъ Гонорія 409 года, изданнымъ по поводу плѣнныхъ Германцевъ изъ племени Сцировъ (Sciri); въ этомъ эдиктѣ онъ приглашаетъ землевладѣльцевъ заявлять свои требованія, если они хотятъ получить рабовъ для обработки земли.
Колоны цѣнны были не только потому, что они обрабатывали землю и вносили ежегодно огромное количество податей государству, но и потому, что изъ нихъ набирались рекруты. Рабы не могли служить въ войскѣ, такъ какъ военная служба считалась почетной; за то колоны служили для пополненія военныхъ силъ. Владѣльцы большихъ имѣній (latifundia), должны были ставить извѣстное количество рекрутъ со своей земли. Если землевладѣлецъ имѣлъ мало земли и не могъ ставить рекрутъ, то съ нимъ соединялись другіе и ставили вмѣстѣ. Но землевладѣльцы ставили въ рекруты самыхъ плохихъ людей не только въ нравственномъ, но и въ физическомъ отношеніи; тогда явилась такъ называемая система замѣстительства; она освобождала землевладѣльцевъ отъ обязанности ставить людей, если они внесутъ деньги (25 золотыхъ монетъ за каждаго); потомъ уже само государство пополняло ряды войска другими людьми. Сенаторскіе дома были освобождены отъ обязанности ставить рекрутъ; по отношенію къ нимъ за правило было принято

вносъ денегъ.

Такимъ образомъ очевидна двойная выгода германскихъ поселеній: 1) получались деньги, которыя шли въ казну; 2) изъ Германцевъ же набирались сильные, полезные рекруты.

Оттого-то въ Римѣ, когда поднимался вопросъ о принятіи германскихъ племенъ, просившихъ позволенія поселиться на Римской землѣ или же просто о принятіи Германцевъ въ военную службу, то всѣ единогласно рѣшали въ положительномъ смыслѣ.

Итакъ, множество такихъ колоновъ было поселено во всѣхъ провинціяхъ, въ видѣ людей, прикрѣпленныхъ къ землѣ, которые платили поземельную подать и отправляли государственную повинность, служа въ рядахъ войска.

Франки получили при Максиміанѣ земли въ странѣ прежнихъ Нервіевъ и Менапіевъ (Nervii et Menapii) Нидерландъ и въ области р. Мозеля. При Констанціи Хлорѣ они поселены были на условіяхъ колоновъ въ области прежнихъ кельтскихъ племенъ Амбіановъ и Белловаковъ (Ambiani, Bellovaci) — въ нынѣшнемъ графствѣ Артуа и Пикардіи, съ городами, получившими отъ нихъ свои названія — Amiens и Beauvais); затѣмъ — въ области Трикассиновъ (Tricasses) и Лингоновъ около нынѣшнихъ городовъ Troyes и Лангра и границахъ Бургундіи и Шампани. (см. Eumen. Pan. V, 21.)

Такого рода поселенія существовали во всѣхъ провинціяхъ; въ большомъ количествѣ находимъ мы ихъ въ Галліи,
отъ нихъ даже въ теч. вс. срѣдн. сохр. слѣды въ назв. мѣстностей
гдѣ они граничили съ поселеніями свободныхъ варваровъ, федератовъ.

Другой родъ поселеній встрѣчается преимущественно въ Галліи, но существовалъ также и въ другихъ провинціяхъ. Это — поселенія такъ называемыхъ летовъ. Названіе это нѣкоторые считаютъ германскимъ, такъ какъ у Гер-

манцевъ былъ классъ полу-свободныхъ людей, которые назывались литами или лидами (liden). Другіе производятъ это слово отъ латинскаго laetus - обрадованный. Скорѣе можно предположить, что ни то, ни другое толкованіе не вѣрно и что происхожденіе этого слова до сихъ поръ остается темнымъ.
Эти поселенцы существенно разнятся отъ колоновъ и федератовъ. Лэтами назывались тѣ, которые добровольно селились преимущественно на государственной землѣ, не платили поголовныхъ и поземельныхъ податей, но обязаны были нести военную службу; въ видѣ жалованья за эту службу, имъ давалась земля; они должны были воздѣлывать ее и, безъ позволенія римскаго правительства, не имѣли права ее оставить x).
Въ опредѣленное время, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, лэты занимались военными упражненіями; спеціально для нихъ существовали школы (cod. Theodos.) гдѣ ихъ, конечно, учили латинской грамотѣ и пріучали быть Римлянами.
Резюмируемъ вышесказанное, для того, чтобы еще ленѣе показать различіе между колонами и лэтами:
а) колоны обрабатывали землю, не владѣя ею, а только въ качествѣ крѣпостныхъ - лэты владѣли землею какъ хозяева и могли даже имѣть рабовъ.
в.) изъ колоновъ вербовались рекруты посредствомъ набора - лэты не подвергались набору, ибо каждый изъ нихъ обязанъ былъ умѣть обращаться съ оружіемъ и быть постоянно готовымъ къ призыву.
Такимъ образомъ составлялись цѣлые лэтскія округа или префектуры, которыхъ особенно много было въ Гал-

---

x) Эти лэтскія поселенія представляютъ до нѣкоторой степени аналогію съ нашими военными поселеніями Александровскаго царствованія, заведенными Аракчеевымъ.

ліи. Въ „Notitia dignitatum utriusque imperii, (самое лучшее изданіе Seek'а, недавно вышедшее), любопытномъ памятникѣ конца IV и начала V вѣка, представляющемъ нѣчто въ родѣ альманаха съ перечисленіемъ военныхъ отрядовъ, гражданскихъ и военныхъ чиновъ и т. п., сохранились и названія лэтскихъ префектуръ; число ихъ простирается до 12и; изъ нихъ 7 относятся собственно къ Галліи и преимущественно къ Шампани и Нормандіи (Бретани х) Въ сѣверной Галліи они находились для защиты отъ варваровъ, на западѣ же охраняли Галлію отъ грозныхъ набѣговъ Саксовъ, которые, подобно позднѣйшимъ Норманнамъ, высаживались на берегъ и, не довольствуясь морскимъ грабежомъ, проникали внутрь страны. Не менѣе замѣтно, что нѣкоторыя изъ лэтскихъ поселеній находились, очевидно, въ ближайшемъ сосѣдствѣ съ большими германскими колоніями Констанція Хлора.

Кромѣ колоновъ и лэтовъ, упоминаются еще третьяго рода поселенія, а именно поселенія такъ называемыхъ gentiles. (Слово это значитъ въ сущности иноплеменный, язычникъ, но здѣсь ему придано совершенно другой смыслъ.

Въ опредѣленіи характера этихъ гентильныхъ поселеній мнѣнія ученыхъ расходились. Нѣкоторые предпо-

---

х) Вотъ названія этихъ семи лэтскихъ префектуръ:
1) Laeti Teutoniciani, въ Карнутѣ, нынѣшнемъ Шартрѣ (въ Orléanais)
2) Laeti Batavi, близъ теперешнихъ городовъ Bayeux и Coutance (др. Bajocas и Constantia) въ Нормандіи.
3) Франкскіе лэты - около Ренна (Redones) въ Бретани
4) Lingonenses - во Фландріи и Бельгіи, особенно около Лонгви.
5. Nemetatenses Batavi - въ Аррасѣ (др. Атребатъ).
6) Contraginnenses - около Noyon'а

лагила, что это было нѣчто иное, какъ военные отряды, состоявшіе изъ плѣнныхъ варваровъ и не прикрѣпленные къ землѣ, а случайно расположенные въ разныхъ мѣстахъ. Но Léotard, издавшій въ 1874 г. свое „Essai sur la condition des barbares, établis dans l'empire romain au IV siècle", полагаетъ, что гентилы были то же, что и леты; онъ говоритъ, что они точно также получали во владѣніе различные участки земли съ правомъ обработки ихъ въ свою пользу, но что они должны были служить въ войскѣ Римскомъ конниками. Изъ среды гентиловъ встрѣчаются даже 2 отряда, служившіе въ императорской гвардіи x) — militia palatina. Отряды гентиловъ встрѣчаются въ Африкѣ и даже въ Азіи, но довольно много гентильныхъ поселеній было въ Галліи и другихъ мѣстахъ. Въ Галліи мы ихъ находимъ въ Нормандіи около тѣхъ же самыхъ городовъ Bayeux и Coutances, около Le Mans'a, въ департаментѣ Сарты, въ Оверни и около Пуатье. Послѣднее поселеніе состояло изъ Тайфаловъ, слѣды ей остаются въ названіи мѣстности Tiffauge sur Sèvre (на сѣверъ отъ Poitiers).

Слѣдуетъ замѣтить, что отряды эти составлялись не изъ однихъ германскихъ племенъ, а преимущественно даже изъ Сарматовъ; къ германцамъ принадлежали только четыре, сейчасъ обозначенные. Въ позднѣйшее время имя Сарматовъ придавали Скиѳамъ, которые въ памятникахъ являются безразлично подъ обѣими другими именами, а иногда носятъ и третье — имя

---

†) Была еще летская префектура, имя которой утратилось въ Оверни.

x) Въ этомъ случаѣ эти два отряда гентиловъ являются только представителями своего войска, подобно тому, какъ нынѣ въ гвардіи бываютъ полки казачьи, гренадерскіе и пр.

Киммерiанъ, но въ изучаемое нами время подъ именамъ Скисовъ разумѣли исключительно жившихъ въ степяхъ южной Россiи Готовъ, такъ что вѣроятно названiе Сарматовъ, соединявшее разноплеменные народы, воз-можетъ заключало въ себѣ и Славянъ. Главнымъ же образомъ мы должны видѣть въ нихъ Алановъ, бывшихъ по происхожденiю своему ближе къ иранской вѣтви арiйскихъ народовъ.

Кромѣ этихъ трехъ родовъ варварскихъ поселенiй на Германской почвѣ, существовали еще поселенiя цѣлыхъ племенъ въ видѣ федератовъ, свободныхъ союзниковъ, сохранявшихъ свое государственное устройство, свое вѣче, даже своихъ князей. Таковы были въ позднее время Батавы, отчасти Франки, Вандалы (въ Паннонiи.)

Такимъ образомъ, изъ всѣхъ этихъ поселенiй совершенно мирнымъ путемъ образовалось сплошное варварское населенiе на Римской почвѣ. Колонизацiя эта особенно усилилась со времени Константина Великаго. Кромѣ того, наплывъ Германцевъ все продолжался въ видѣ отдѣльныхъ, часто весьма многочисленныхъ отрядовъ, вступавшихъ на службу Рима. (40ти тысячный отрядъ Готовъ при Константинѣ и т. п.)

Поселенiя эти даютъ возможность объяснить тотъ относительно спокойный переходъ отъ Римскаго господства къ варварскому, который совершился въ исторiи человѣчества. Германцы, повторяемъ, восторжествовали не побѣдой надъ легiонами Рима, но постояннымъ неутомимымъ просачиванiемъ на Римскую почву, работою на поляхъ имперiи, огромнымъ количествомъ своихъ соплеменниковъ въ рядахъ Римскаго войска и даже на высшихъ ступеняхъ государственной iерархiи. При императорѣ Феодосiи Ве-

дѣлается особенно замѣтно: населеніе начинаетъ тяготиться присутствіемъ такого огромнаго количества варваровъ. Фактовъ, подобныхъ извѣстнымъ убійствамъ въ Солуни, можно насчитать нѣсколько, но не смотря на все это мы видимъ, что даже такой умный, дальновидный и энергичный правитель, какъ Феодосій, не можетъ отказаться отъ системы варварскихъ поселеній и наплывъ Германцевъ все продолжается.

Поселенія Германцевъ на Римской почвѣ заставляютъ насъ возвратиться къ Готамъ, которыхъ мы оставили въ равнинахъ южной Россіи между Днѣпромъ и Днѣстромъ, и прослѣдить нѣкоторые факты изъ ихъ жизни.

Поселившись въ Россіи, Готы не представляли одного сплошнаго государства, а раздѣлялись Днѣстромъ на двѣ вѣтви: Тервинговъ и Грейтунговъ, такъ что царство Германриха Ост-Готскаго, о которомъ всегда упоминается въ сочиненіяхъ о древнѣйшемъ періодѣ Русской исторіи, по всей вѣроятности не было такъ могущественно, какъ о немъ говоритъ Іорнандъ x).

Надо полагать, что Германрихъ былъ конунгомъ одного племени и, можетъ быть, имѣлъ подъ властью своей и сосѣднія славянскія и финскія племена xx).

Какъ уже извѣстно, Готы дѣлали морскіе набѣги,

---

x) По Іорнанду царство Германриха простиралось отъ Чернаго моря до Балтійскаго и даже до Бѣлаго моря; потомъ отъ Тейса до Волги и устьевъ Дона.

---

xx) Іорнандъ упоминаетъ о подвластныхъ Готамъ племенахъ Waisians, Merens и другихъ, въ которыхъ, по мнѣнію, можно было бы усмотрѣть мелкія подраздѣленія Финновъ: Весь, Мерю и др.

-падали берега Черного моря и доходили въ Малой Азіи до Каппадокіи. Походы эти имѣютъ особенно-важное значеніе въ томъ отношеніи, что они познакомили Готовъ съ христіанствомъ. Плѣнники, взятые во время этихъ набѣговъ, знакомили побѣдителей съ новой религіей и даже до нѣкоторой степени являлись миссіонерами среди варваровъ язычниковъ.
Къ одной изъ такихъ плѣнныхъ христіанскихъ фамилій принадлежалъ и знаменитый просвѣтитель Готовъ - Ульфила (Вульфила). Сократъ, Созоменъ, Филосторгій и другіе писатели прямо и опредѣленно говорятъ, что онъ былъ Каппадокійскій грекъ x). Во всякомъ случаѣ, изъ Каппадокіи вывезенъ былъ дѣдъ или прадѣдъ его (въ 276 г.) а самъ Ульфила родился (311 г.) уже на Готской почвѣ.
Въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ одной изъ библіотекъ, нѣмецкимъ ученымъ Waitz'омъ случайно открытъ былъ небольшой отрывокъ, гдѣ ученикъ Ульфилы Авксентій Доростольскій (Силистрійскій) сообщаетъ о немъ довольно точныя и опредѣленныя свѣдѣнія.
Родившійся въ предѣлахъ южной Россіи, между Днѣпромъ и Днѣстромъ, Ульфила по вѣроисповѣданію былъ Аріанинъ. Зная Готскій языкъ, онъ изучилъ еще латинскій и греческій, задумавъ еще въ ранней юности сдѣлать то дѣло, исполненію котораго онъ потомъ посвятилъ всю свою жизнь.
Еще въ ранней юности, Ульфила сопровождалъ одного Готскаго епископа на Никейскій соборъ, но по молодости лѣтъ не могъ имѣть тамъ вліянія. Впослѣдствіи, онъ отправился въ Константинополь и поступилъ въ

---

x) Нѣкоторые нѣмецкіе изслѣдователи говорятъ, что самое имя его - Wulfila (отъ Wolf) указываетъ на его нѣмецкое происхожденіе; но предположеніе это представляетъ весьма мало вѣроятія.

духовное званіе чтецомъ (анагностомъ). Около 341 года онъ былъ посвященъ въ епископы, воротился на родину и тамъ уже принялся за дѣло, которое задумано имъ было такъ давно x) Составивъ, съ помощью Греческаго языка, алфавитъ для Готовъ, онъ познакомилъ ихъ съ искусствомъ письменности и самъ перевелъ на Готскій языкъ Св. Писаніе, за исключеніемъ только книги Царствъ xx). Этимъ переводомъ св. книгъ и изобрѣтеніемъ Готской азбуки Ульфила положилъ начало самобытному народному развитію Готовъ. Если Готы, переселившись на Римскую почву, дольше другихъ сохраняли свою самостоятельность, то этимъ они обязаны были именно той опорѣ, которую находили въ собственномъ вѣроученіи, въ св. книгахъ, переведенныхъ на ихъ родной языкъ. Благодаря этому же обстоятельству, Аріанизмъ на долгое время сдѣлался національной религіей первоначальной Германіи; его исповѣдовали не только Готы, но и Бургунды, Вандалы и друг.

Итакъ, Германцы съ одной стороны выросли при пріобрѣтеніемъ самостоятельности, съ другой — въ ней же, въ этой религіозной автономіи, лежитъ причина того, что государства ихъ были непрочны на Римской почвѣ: они были въ антагонизмѣ съ христіанствомъ Галло-Римлянъ, которые были Никейскаго исповѣданія. Ульфила долго проповѣдовалъ въ странѣ Готовъ и нашелъ множество послѣдователей. Во время гоненія,

---

x) Во время проповѣди Ульфилы, у Готовъ явился еще проповѣдникъ — <u>Аудіанъ</u>; проповѣдуя абсолютный аскетизмъ, онъ сдѣлался основателемъ нѣсколькихъ Готскихъ монастырей.

xx) Любопытна причина, вслѣдствіе которой Ульфила въ своемъ переводѣ пропустилъ книгу Царствъ: онъ полагалъ, что для Готовъ, воинственныхъ и безпокойныхъ, описаніе войнъ, которыми наполнена эта книга, будетъ положительно вредно.

воздвигнутаго на христіанъ вождемъ Тервинговъ-Атанарихомъ x), мы уже не находимъ Ульфилы въ Готіи. Онъ не дождался перехода Готовъ за Дунай и при началѣ гоненія и преслѣдованій ушелъ изъ южной Россіи и нашелъ со своими близкими убѣжище около города Никополя (Никупъ на Янтрѣ) и въ окрестностяхъ теперешней Плевны. Императоръ Констанцій, самъ ревностный Аріанинъ, принялъ Ульфилу весьма ласково, позволилъ ему поселиться здѣсь и даже назвалъ его, Моисеемъ своего народа". Готы, пришедшіе съ нимъ, отказались совершенно отъ своей воинственности и долго оставались на новомъ мѣстѣ поселенія. Въ предѣлахъ Римской имперіи Ульфила продолжалъ дѣйствовать совершенно также, какъ и на своей родинѣ; до самой смерти своей онъ былъ высоко уважаемъ императоромъ; предъ своею кончиною онъ былъ имъ приглашенъ для умиротворенія распри между последователями аріанскаго исповѣданія и приверженцами какой-то новой секты, основанной однимъ Готскимъ еретикомъ.

Дѣятельность его имѣетъ огромное историческое значеніе вслѣдствіе перевода св. Писанія на Готскій языкъ и этимъ самымъ — обезпеченія самостоятельнаго развитія и обособленія Готовъ. Ульфилы уже не было, когда Готы, подъ давленіемъ азіатскихъ народовъ, должны были двинуться на западъ и оставить свои жилища на Днѣпрѣ и Днѣстрѣ.

Толчкомъ къ переселенію Готовъ былъ данъ Гуннами,

---

x) Гоненіе это описано въ житіи св. Саввы Готскаго; тамъ говорится между прочимъ, что Атанарихъ ѣздилъ по Готіи, возя съ собою изображенія идоловъ и повелѣвая приносить имъ жертвы и отправлять богослуженіе. Многіе изъ христіанъ пострадали при этомъ.

движенiе которыхъ было совершенно сходно съ движенiемъ Аваровъ и другихъ варваровъ, вышедшихъ изъ Средней Азiи.

Гунны прежде всего произвели страшной натискъ на Алановъ или Ясовъ, область которыхъ они разгромили, многихъ умертвили, а оставшихся принудили къ союзу. Ободренные этимъ успѣхомъ, они бросились съ величайшею храбростью на огромныя и богатыя владѣнiя Германриха, конунга, уважаемаго весьма сосѣдями за великую храбрость. (Атт. Марс. 31, III.)

Германрихъ погибъ въ борьбѣ съ Гуннами, которые позже начали тѣснить и Вест-Готовъ (Тервинговъ). Послѣднiе, подъ предводительствомъ Алавива, заняли берегъ Дуная и послали къ императору Валенту просьбу о принятiи ихъ на Римскую землю, обѣщаясь при этомъ жить мирно и покойно и въ случаѣ необходимости выставлять вспомогательные отряды. (ibid IV)

Слухъ о появленiи новаго варварскаго племени уже дошелъ до Римлянъ, когда послы явились въ Антiохiи. Просьба ихъ подвергалась долговременному обсужденiю въ видѣ необыкновенной многочисленности ихъ; между тѣмъ льстецы восхваляли счастье императора, къ которому, безъ всякихъ заботъ съ его стороны, сами идутъ рекруты, съ помощью которыхъ войска его станутъ непобѣдимыми. Теперь возможно будетъ вмѣсто набора требовать съ провинцiаловъ деньги и государственная казна наполнится богатствами (ibid.)

Осенью 376 г. явилась необозримая масса ихъ на Дунаѣ. (700 или 900 т). Едва только пришло позволенiе перейти рѣку и поселиться во Өракiи, какъ началась переправа не прекращавшаяся ни днемъ, ни ночью, говоритъ Аммiанъ Марцеллинъ; на лодкахъ, челнокахъ и выдолбленныхъ стволахъ деревьевъ переплывали они на Римскiй берегъ. Рѣка, которая и всегда представляла гдѣ-бы

нія трудности для переправы, теперь еще увеличилась отъ дождей; оттого многие, не будучи въ силахъ овладѣть теченіемъ, потонули (ibid.)
Во время этого переселенія обнаружилась главная язва Римской имперіи - испорченность и подлость высшихъ чиновниковъ. Лупицинъ, comes per Thracias, и dux Максимъ съ ихъ безстыднымъ корыстолюбіемъ, по словамъ Аммiана Марцеллина, были причиною всего зла.
Когда рѣшено было позволить Готамъ поселиться на Римской землѣ, то вмѣстѣ съ тѣмъ постановлено было, въ видахъ предупрежденія опасности, перевезти сначала женщинъ и дѣтей въ видѣ заложниковъ, а потомъ уже обезоруженныхъ варваровъ. Но Готы между тѣмъ говорили, что лучше разстанутся съ жизнью, чѣмъ съ оружіемъ и это непремѣнное желаніе сохранить оружіе подало поводъ упомянутымъ чиновникамъ брать съ нихъ взятки.
Кромѣ того варвары, послѣ переправы, терпѣли недостатокъ въ съѣстныхъ припасахъ, хотя императоръ приказалъ отпустить Фритигерну и Алавиву провіантъ; этотъ недостатокъ подалъ безчестнымъ генераламъ, какъ говоритъ Аммiанъ Марцеллинъ, поводъ заключать самыя отвратительныя сдѣлки. Они продавали собакъ (какъ съѣстной товаръ), мѣняли ихъ на рабовъ, требуя одного раба за 10 ф. мяса. Готы должны были разстаться со всѣми своими драгоцѣнностями и наконецъ, когда голодъ усилился, продавали за пищу сыновей, женъ и сестеръ своихъ въ рабство римлянамъ; этой участи не избыли даже дѣти знатнѣйшихъ варваровъ.
Раздраженіе Готовъ противъ безсовѣстныхъ притѣснителей достигло высшей степени и выразилось наконецъ открытымъ мятежомъ по слѣдующему поводу:

Лупицинъ пригласилъ Фритигерна и Алавива къ обѣду, но не велѣлъ пускать въ городъ никого изъ Готовъ, для къ воротамъ поставлена была даже стража. Голодающіе Готы стали просить позволенія войти въ городъ, чтобы только купить себѣ хлѣба; такъ какъ имъ не пускали, то вскорѣ между ними и городскими жителями возникла ссора, а наконецъ и кровопролитная драка — часовые были убиты. Лупицинъ, услышавъ объ этомъ и будучи разгоряченъ выпитымъ въ большомъ количествѣ виномъ, велѣлъ перебить часть готской дружины (стоявшей передъ его жилищемъ, какъ почетная стража) и головы ихъ выбросить за стѣны къ ихъ родичамъ — Готамъ. За стѣнами произошелъ страшной шумъ и смятеніе; дикія угрозы раздавались со стороны Готовъ, думавшихъ, что и конунговъ ихъ удерживаютъ силой. Тогда Фритигернъ обнаружилъ замѣчательную находчивость: боясь, чтобы ихъ дѣйствительно не удержали, какъ заложниковъ, онъ сказалъ, что Римляне подвергнутъ себя страшной опасности, если не отпустятъ ихъ, что успокоить Готовъ, думающихъ, что начальники ихъ убиты. Это предостереженіе подѣйствовало, ихъ выпустили и они, съ восторгомъ принятые своими, удалились поспѣшно, чтобы возбуждать повсюду Готовъ къ возстанію и отмщенію х).

Почти одновременно съ этимъ явился еще поводъ къ войнѣ. Въ Адріанополѣ стоялъ отрядъ Готовъ, состоявшихъ въ Римской службѣ; императоръ Валентъ приказалъ этому отряду идти за Геллеспонтъ, въ Малую Азію (376 г.); сначала Готы отнеслись къ этому

х) Подробности обо всемъ этомъ можно найти у Аммиана Марцеллина и въ Geschichtschreiber der deutschen Vorzeit. Auszüge aus Amm. Marcellinus. Lieferung 57.

пассивно: они согласны были идти, лишь бы имъ дали жалованье, провiантъ и два дня отдыху. Но городскія власти испортили все дѣло; собрана была цѣлая толпа мастеровыхъ, оружейниковъ и черни, которая стала грозить отряду нападеніемъ, если они не уйдутъ немедленно; даже пущено было нѣсколько стрѣлъ. Тогда варвары пришли въ ярость, перебили всѣхъ, кто попался и ушли къ Фритигерну.
Въ слѣдующемъ году самъ Фритигернъ явился подъ стѣнами Адріанополя; но, видя неумѣлость своихъ людей и непривычку ихъ къ правильной осадѣ, онъ посовѣтовалъ „не вести войну со стѣнами" и лучше обратиться на открытую страну, гдѣ можетъ быть гораздо меньше труда и гораздо больше добычи. Во время этого, обнаружилась и другая сторона опаснаго положенія Римской имперіи: цѣлыя массы рабовъ, по словамъ Аммiана Марцеллина, перебѣгали къ варварамъ, указывали имъ на лучшія мѣста, на земли, изобиловавшія запасами. Даже недовольные крестьяне-Римляне предпочитали грабить вмѣстѣ, чѣмъ подвергаться грабежу.
„Ни одно мѣсто, говоритъ Аммiанъ Марцеллинъ, если только оно не было совершенно необитаемо или непро„ходимо, не было пощажено ими. Не разбирая ни по„ла, ни возраста убивали и жгли они все. Младенцевъ „отрывали отъ груди матери, убивали мужей на „глазахъ у женъ и взрослыхъ дѣтей черезъ трупы роди„телей увлекали въ рабство". (ibid. VI.)
Съ горестью узналъ императоръ Валентъ обо всемъ этомъ и тотчасъ же отправилъ двухъ военачальниковъ (Profuturus и Trajanus), которые отчасти оттѣснили Готовъ въ Балканскія горы и разбили ихъ мелкие отряды.
Въ то же время, когда въ Италіи соотвѣтствовали пол-

ны Готовъ и привлекали на свою сторону значительные отряды Римскаго войска, состоявшие изъ варваровъ въ Галліи, наиболѣе значительной провинціи имперіи, происходилъ цѣлый рядъ возстаній такъ называемыхъ багодовъ x).

Оградить предѣлы имперіи отъ дальнѣйшаго вторженія варваровъ и дать рѣшительное сраженіе воинственному непріятелю выпало на долю императора Валента, который съ этою цѣлью выѣхалъ изъ Константинополя. Вначалѣ онъ былъ обрадованъ благопріятнымъ ходомъ дѣлъ, но вскорѣ принужденъ былъ разочароваться во всѣхъ своихъ успѣхахъ послѣ знаменитаго сраженія при Адріанополѣ, гдѣ войска его потерпѣли страшное пораженіе. Но въ то же время, когда происходило это неблагопріятное для Римлянъ сраженіе, императоръ Западной части Имперіи, Граціанъ, спѣшилъ на помощь войску, находившемуся при Адріанополѣ, и лишь религіозный антагонизмъ помѣшалъ успѣшному для римскаго народа окончанію войны: Аріанинъ, Валентъ ни подъ какимъ видомъ не хотѣлъ дожидаться Граціана единственно потому, что этотъ послѣдній былъ Никейскаго вѣроисповѣданія, и безъ помощи его вступилъ въ битву съ непріятелемъ. Какъ извѣстно, сраженіе при Адріанополѣ, въ 378м году, окончилось полнымъ пораженіемъ Римскаго войска и самъ предводитель его; Валентъ, погибъ насильственною смертью. Между тѣмъ война съ варварами продолжалась и вскорѣ сдѣлалась причиною возвышенія императора Феодосія, который жилъ до сихъ поръ въ уединеніи. По смерти Валента, правитель Западной Римской имперіи, Граціанъ, не имѣя возможности управлять одинъ, призвалъ себѣ въ помощ-

x) о нихъ подробности будутъ сказаны ниже.

ники Θеодосія, который былъ объявленъ соправителемъ, и вмѣсто Валента сдѣлался императоромъ Восточной половины имперіи. На него прежде всего падала задача борьбы съ Вест-Готами. Война продолжалась съ перемѣннымъ счастьемъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ. Θеодосій, при помощи союзныхъ варваровъ, отчасти того же самаго Готскаго происхожденія, успѣлъ истребить по частямъ нѣсколько Готскихъ шаекъ, опустошавшихъ Θракію и грозившихъ столицѣ и Солуни; только въ 382 году онъ обрадовалъ столицу (т. е. Константинополь) извѣстіемъ, что со страшнымъ противникомъ римскаго народа заключенъ миръ и союзъ. Несмотря на побѣды и умѣлое обращеніе Θеодосія съ Готами, миръ, заключенный имъ, былъ весьма непроченъ.
По условію договора съ Θеодосіемъ, они остались въ предѣлахъ Римской имперіи, но имъ не было отведено какой либо опредѣленной территоріи или большаго сплошнаго пространства земли для поселенія, гдѣ бы они могли усѣсться цѣлыми массами; напротивъ, отдѣльные небольшіе отряды Готовъ были размѣщены въ разныхъ мѣстахъ Балканскаго полуострова и тамъ отчасти получили, быть можетъ, надѣлы землею, а чаще всего — просто получали хлѣбные запасы изъ императорскихъ магазиновъ, не занимаясь земледѣліемъ. Готы, по своему обычаю, пришли на Римскую территорію съ цѣлыми семьями, со своими женами и дѣтьми, а потому и для поселенія ихъ требовалось бы обширное пространство земли; тѣмъ не менѣе они оставались спокойными на своихъ мѣстахъ во все время царствованія Θеодосія. Этотъ послѣдній сначала колебался, какой образъ дѣйствій избрать относительно варваровъ, но потомъ примирился съ ними, убѣдившись, что уже поздно думать объ уничтоженіи германскаго элемента въ его владѣніяхъ. Θеодосій ясно понималъ, что внут-

ствіе Германцевъ мѣшаетъ правильному развитію страны, но въ то же время видѣлъ, что искорененію зла нѣтъ никакой возможности. Онъ даже сдѣлалъ важную уступку Готамъ, дозволивъ имъ въ самой столицѣ публичное отправленіе богослуженія въ ихъ аріанскихъ церквахъ и аріанскими священниками. Число варварскихъ войскъ въ Константинополѣ было такъ велико, что городъ имѣлъ позже Готскій видъ и Римляне считали себя плѣнниками. Восточная часть имперіи была наводнена Готами; многіе попали въ начальники; они пріобрѣли могущественное вліяніе при дворѣ; даже въ области моды высокіе сапоги вмѣсто сандалій и Готскіе платья (иныя tzangas и braccas) Готскіе длинные волосы, Готская мѣховая одежда (indumenta pellium) - торжествовали надъ цивилизованными обычаями, пока не явился указъ, прекратившій такой скандалъ.

Но, какъ общественное мнѣніе людей мыслящихъ и образованныхъ, такъ и настроеніе толпы было крайне враждебно пришельцамъ варварамъ. Это выражается на различные лады во всѣхъ современныхъ сочиненіяхъ. "Чего никогда не было, теперь случилось, жалуется Іоаннъ Златоустъ. Варвары оставляютъ свое отечество, свободно разгуливаютъ съ нашихъ областяхъ, проходя многія ... все сожигая и предавая грабежу; и затѣмъ они забываютъ, что имъ слѣдовало возвратиться домой. Они какъ будто водятъ хороводъ, а не войну; весело глумятся надъ всѣми нами". Современный, для позднѣйшихъ временъ великій авторитетъ медицинской науки - Галенъ - объявляетъ, что для всѣхъ годится его наставленіе, но только не для германцевъ; это - звѣри и притомъ совсѣмъ не благородные, а низшаго разбора. Для оратора Өемистія - ненавистно до послѣдней степени уже одно имя скиѳовъ, которое тогда по преим

ществу означало Готовъ. Народное раздраженiе ти[зем]
наго населенiя сказывалось въ такихъ сценахъ, какими
сопровождались извѣстныя событiя въ Марцiанополѣ
и Адрiанополѣ. Знаменитое возстанiе въ Салоникахъ,
за которое Феодосiй отплатилъ жестокимъ кровопро-
литiемъ (въ свою очередь вызвавшимъ извѣстный поступ-
покъ Амвросiя Медiоланскаго - недопущенiе императора
въ церковь) направлено было прежде всего противъ распо-
ряженiй Гота (Бутериха). Философъ Синезiй описы-
ваетъ намъ одну уличную свалку Константинополь
скаго населенiя съ наемниками - и его сочувствiе впол
нѣ на сторонѣ толпы. Излишне прибавить, что этотъ
послѣднiй писатель наиболѣе ясно сознавалъ опасность,
грозившую имперiи отъ наводненiя страны варва-
рами. Онъ прямо говоритъ: „въ императорѣ теперь два
начала: Ормуздъ и Ариманъ - добро, которое борется со
зломъ."
Итакъ, со стороны Римлянъ и Грековъ - безграничное пре-
зрѣнiе или безсильная досада. Готы со своей стороны
платили подобною монетою. Златоустъ передаетъ намъ
слова одного вождя: „Я удивляюсь наглости Римлянъ -
„они позволяютъ убивать себя какъ овецъ и еще надѣют-
„ся на побѣду; лучше было бы имъ оставить свои земли.
„Мнѣ самому часто приходилось избивать ихъ до пре-
„сыщенiя." Поведенiе варваровъ, размѣщенныхъ военнымъ пос
тоемъ въ разныхъ мѣстахъ, и прежде не всегда отличалось
кротостью и добродушiемъ; теперь жалобы станови
лись и чаще и основательнѣе прежняго.
Императоръ Феодосiй во все время своего царствованiя у-
мѣлъ держать варваровъ въ покоѣ, но не то видимъ мы
во время правленiя его двухъ сыновей, когда имперiя была
снова раздѣлена на 2 части: Восточную и Западную. Даже
опекунъ Гонорiя, императоръ Западной имперiи, знаме-
нитый Стилихонъ, былъ родомъ Вандалъ изъ Паннонiи;

другой правитель, опекунъ Аркадія, былъ Галлъ Руфинъ; благодаря соперничеству этихъ двухъ правителей Вест-Готы нашли случай возмутиться вновь.
Уже въ теченіи нѣкотораго времени эти варвары желали возсоздать свою особую національность, подобно той, которую они представляли изъ себя во время своего пребыванія на берегахъ Дона и Днѣпра. Для осуществленія своихъ плановъ, Готамъ нужно было избрать особаго конунга и они подняли на щитъ воинственнаго Алариха Балту. Смуты возобновились въ предѣлахъ Римской имперіи. Готы подступили къ самому Константинополю, но не разрушили его, уступая просьбамъ жителей и благодаря многочисленнымъ подаркамъ; взамѣнъ этого, они вторглись въ Аттику, осаждали Аѳины, Ѳивы и разорили Пелопоннесъ.
Вскорѣ Аларихъ сдѣлался на столько могущественъ, что услугами его стали пользоваться какъ Аркадій, такъ и Гонорій и слѣдствіемъ такой политики Римскихъ императоровъ былъ рядъ вторженій Вест-Готовъ въ Италію; первое изъ этихъ вторженій относится къ 401 г. Въ Ноябрѣ этого года Аларихъ перешелъ границу Италіи и осадилъ Аквилею; не успѣвъ взять крѣпкаго города, онъ двинулся далѣе на западъ. Стилихонъ не располагалъ достаточными силами, чтобы немедленно выйти ему на встрѣчу. Онъ велѣлъ укрѣпить оборону Рима, вызвалъ легіоны изъ Британіи, гдѣ они защищали страну отъ Пиктовъ и Скоттовъ и далѣе Рейнскую армію, поручивъ охрану границъ союзнымъ Франкамъ. Самъ онъ, между тѣмъ отправился черезъ Альпы въ Рецію и Норикъ и переговорами успѣлъ склонить къ поступленію на Римскую службу многихъ варваровъ. Онъ спустился оттуда въ Италію предъ наступленіемъ весны, когда Аларихъ угрожалъ Милану, гдѣ имѣлъ свое мѣстопребываніе Гонорій. Рѣшительное

сраженіе произошло при Полленціи (на р. Танаро) 6го Апрѣля 402^г^ года, въ день Пасхи. За эту побѣду христіанскіе писатели обвиняютъ Стилихона, считая его образъ дѣйствій постыднымъ и оскорбительнымъ для св. дня. „Въ сраженіи мы побѣдили, восклицаетъ Орозій, но этою же побѣдою мы были сами побѣждены.
Но, не смотря на всѣ нападки христіанъ, побѣда Стилихона имѣла важное значеніе для Италіи; Стилихонъ оградилъ предѣлы Западной Римской имперіи отъ нашествія варваровъ и вся опасность обрушилась на Восточную часть ея. Аларихъ вывелъ свои войска въ Иллирію или Эпиръ и долгое время стоялъ около города Диррахіума или Дураццо (слав. Драчъ)
И такъ, Вест-Готы на нѣкоторое время оставили въ покоѣ Италію, но тѣмъ не менѣе она въ 404 и 405 г. испытала нашествіе Радагайса (Радигера). Объ этомъ нападеніи варваровъ мы имѣемъ весьма темныя свѣдѣнія и вообще знаемъ о немъ весьма мало. Самъ Радагайсъ былъ Вест-Готъ; нужно думать, что къ этому же племени принадлежала и главная масса его ополченія, хотя тутъ могла быть и примѣсь всѣхъ другихъ варварскихъ народцевъ, толпившихся на Среднемъ Дунаѣ и Тиссѣ, гдѣ уже только номинально держалась Римская власть.
Паническій страхъ овладѣлъ Италіей при приближеніи Радагайса, который безъ труда разбилъ пограничную военную стражу и началъ опустошать верхнюю Италію; раззоряя села, онъ успѣлъ взять и нѣсколько городовъ. Въ самомъ Римѣ страхъ былъ такъ великъ, что началось даже нѣкоторое религіозное движеніе; язычники взводили всю вину за бѣдствіе на христіанъ и, доказывая безсиліе ихъ Бога, успѣли поколебать совѣсть многихъ слабыхъ душъ. Среди общей паники Стилихонъ долго не могъ собрать достаточнаго коли-

чества войска для отраженія варваровъ; посреди хлопотъ и приготовленій миновалъ 404й годъ. Наконецъ, послѣ долгихъ усилій Остъ-Готы въ 405м году были разбиты. Стилихонъ засталъ ихъ при осадѣ Флоренціи и принудилъ къ отступленію. Масса варваровъ распалась на части, которыя дѣйствовали самостоятельно; одна изъ нихъ была уничтожена Стилихономъ, другую онъ заперъ въ отрогахъ Аппенинскихъ горъ при Фэзулахъ (Фіэзоле) и голодомъ принудилъ къ сдачѣ. При этомъ было взято 12000 знатныхъ плѣнниковъ, которые поступили на Римскую службу въ Малой Азіи, составивъ тамъ особую колонію оптиматовъ. Кромѣ того огромная масса Готовъ были проданы на рынкахъ и увеличили собою число рабовъ.
Послѣ кровопролитнаго сраженія 405г. года Италія оставалась нѣкоторое время въ спокойствіи, но за то въ 406г. сильно пострадала наиболѣе значительная изъ провинцій ея — Галлія, такъ какъ въ предѣлы ея ворвались толпы Свевовъ, Алановъ и Вандаловъ. Въ устраненіе распространенныхъ недоразумѣній нужно замѣтить, что вторженіе варваровъ въ 406г. съ предъидущимъ нашествіемъ Радогайса не имѣло никакой прямой связи. Главную роль, повидимому, играли тутъ Вандалы. Они пришли изъ Панноніи, гдѣ и послѣ продолжаетъ жить другая главная масса этого народа. Побудительною причиною движенія вовсе не было желаніе добыть себѣ новую землю для поселенія, такъ какъ и въ Панноніи было довольно простора; это былъ разбойническій набѣгъ съ цѣлью хищничества, только въ громадныхъ размѣрахъ. Къ Вандаламъ пристала большая толпа Алановъ, послѣдовавшая за Готами и бродившая между устьями Днѣстра и Дуная. Свевы составляли наименѣе значительный контингентъ

и побѣдителю, присоединившись къ прочимъ только у-
же на Рейнѣ, вблизи котораго сами они обитали.
Общаго сочувствія не имѣло и связь между
отдѣльными округами была весьма слабая.
Когда полчища Свевовъ, Алановъ и Вандаловъ напра-
вились въ предѣлы Галліи, она была совершенно без-
защитна, такъ какъ Стилихонъ отвелъ изъ этой
страны римскіе легіоны и въ ней осталось только мир-
ное галло-римское населеніе; обязанность охранять
Рейнскую границу была возложена вслѣдствіе пре-
существовавшаго договора на Франковъ и другихъ вар-
варовъ (даже Аланъ въ лицѣ предводителя ихъ Гоара).
Франки дѣйствительно, попытались загородить дос-
тупъ въ предѣлы имперіи своимъ варварскимъ со-
племенникамъ. Борьба Франковъ была сначала
благопріятна для Франковъ, но вновь явившееся
подкрѣпленіе измѣнило положеніе дѣлъ въ Галліи
и пограничная защита была прорвана. Въ продол-
женіе трехъ лѣтъ варвары разоряли Галлію; даже
отдаленная Аквитанія не была безопасна отъ нихъ;
такъ какъ Римляне не имѣли гарнизоновъ внутри
страны и защищали только границы. Среди смяте-
нія и сами перешли черезъ Рейнъ и другіе варварскіе
сосѣди. Аламанны, Бургунды и Франки окончатель-
но утвердились на лѣвомъ берегу Рейна. Страсбургъ,
Шпейеръ, Вормсъ, Майнцъ, Реймсъ, Амьенъ, Аррасъ
и другіе города были взяты приступомъ и разграб-
лены; но еще долго удерживалось въ нихъ римское
населеніе, потому что Германцы избѣгали городовъ.
Было большимъ облегченіемъ для Галліи, что нако-
нецъ Вандалы, Аланы и Свевы въ 409 году завладѣли
проходами въ Пиринеяхъ и устремились въ Испанію, до сихъ
поръ неприкосновенную; они долго еще будутъ бездѣй-
ничать тамъ, пока В. Готы не водворятъ порядка; но

порядка. Попытка, сдѣланная нѣсколькими богатыми испанскими землевладѣльцами, состоявшими въ родствѣ съ домомъ императора Өеодосія, остановить варваровъ въ Пиренеяхъ (для чего они вооружали своихъ колоновъ и рабовъ), имѣла значеніе только въ томъ отношеніи, что указываетъ намъ на проблески энергіи въ средѣ римскихъ магнатовъ, на существованіе живой соціальной силы.

Вслѣдъ за тѣмъ, въ 408, 409 и 410 г. страшный для Рима Аларихъ появился снова въ Италіи. Она теперь не имѣла уже своего главнаго защитника - Стилихона; онъ палъ жертвою придворной интриги, прикрывавшейся патріотическимъ негодованіемъ на господство чужеземцевъ, обвинявшей великаго варвара въ измѣнническихъ сношеніяхъ съ Аларихомъ, въ замыслахъ на Римскій престолъ для своего сына; но смертью своею Стилихонъ доказалъ свою невинность и свою преданность Риму; если бы захотѣлъ онъ могъ бы найти себѣ опору въ варварскихъ элементахъ арміи; но онъ самъ отказался отъ защиты, которая предлагалась ему соплеменниками; не захотѣлъ спасать себя мятежомъ или бунтомъ. Реакція, наставшая послѣ его убійства, сопровождалась страшнымъ кровопролитіемъ, которое коснулось не однихъ только варваровъ. Олимпій, глава интриги, погубившей Стилихону, старался придать дѣлу такой видъ, что онъ борется ради принципа, что онъ имѣетъ въ виду очистить Италію отъ варваровъ. Лживость его заявленій, рассчитанныхъ на господствующее неудовольствіе кореннаго итальянскаго населенія противъ чуждыхъ пришельцевъ, доказывается уже тѣмъ, что не давалось пощады и Римлянамъ, подозрѣваемымъ въ привязанности къ Стилихону, и что съ другой стороны

вновь принимались на службу толпы Гунновъ и вс ѣхъ же Готовъ. Разнузданныя страсти солдатчины выразились въ кровавой банѣ, которую учинили легіонеры Римскіе; съ страшною яростью бросились они на женъ и дѣтей, принадлежавшихъ федератамъ (т. е. союзнымъ Готамъ и оставленныхъ ими въ мѣстахъ своего расквартированія; въ разныхъ городахъ и селахъ Италіи произведена была ужасающая рѣзня. Вслѣдствіе того 30 тысячъ вооруженныхъ союзныхъ варваровъ поднялись и ушли къ Аларику. Аларихъ не упустилъ воспользоваться благопріятнымъ случаемъ и провозгласилъ себя мстителемъ за Стилихона. Онъ призвалъ къ себѣ своего свойственника Атаульфа ×), стоявшаго съ частью Готскаго племени въ верхней Паннонiи (странѣ между Дунаемъ и Савою на югѣ) и пошелъ на Италію. Почти нигдѣ не встрѣчалъ онъ сопротивленія. Восторжествовавшая мнимо-національная партія занята была преслѣдованіями и пытками приверженцевъ Стилихона, все еще не истребленныхъ окончательно. Аларихъ въ этотъ разъ не остановился въ Италіи (верхней), но появился въ виду „вѣчнаго города", давно - со времени Галловъ и Аннибала - не видавшаго враговъ предъ своими стѣнами. Въ началѣ 409-го года онъ осадилъ городъ. Сестра императора - Плацидія - находилась въ Римѣ и вмѣстѣ съ сенатомъ сочла необходимымъ устранить Серену, жену Стилихона, пріемную дочь императора Ѳеодосія, слѣдовательно, сестру Гонорія; они боялись, чтобы она изъ мести, не предала Рима Аларику и потому приказали ее убить. В. Готы между тѣмъ расположились предъ всѣми городскими воротами

нѣмецкое имя, изъ котораго образовались романическіе Адольфы.

и прервали съ юга сообщенiе города съ Остiей, такъ что подвозъ съѣстныхъ припасовъ Тибромъ прекратился. Теперь Римляне увидѣли, что врагъ серьезно замышляетъ покоренiе города и рѣшились упорно защищаться. Они надѣялись на выручку изъ Равенны, въ крѣпкихъ стѣнахъ которой остался Гонорiй со своими совѣтниками; но день проходилъ за днемъ, а желанной помощи не приходило; чтобы сберечь запасы, рѣшили уменьшить вдвое рацiоны; скоро нужда заставила ограничиться только третью. Недостатокъ возрасталъ все больше и слѣдствiемъ голода начался мор Много жителей умерло и трупы лежали по улицамъ такъ какъ они не могли быть преданы погребенiю въ об номъ мѣстѣ, предъ городскими воротами; они зар ли воздухъ и усиливали дѣйствiе повальной болѣзни. При этомъ случаѣ вдовствующая императри (жена Грацiана - Лета (Laeta) ознаменовала себя благотворительностью; на основанiи привиллегiи, данной Феодосiемъ, она получала отъ фиска извѣстное количество съѣстныхъ припасовъ; теперь она дѣлила ихъ несчастными.

Но нужда возрастала все больше и жители доведены были до необходимости питать себя человѣческимъ м сомъ. Тогда граждане рѣшили - или заключить справедливую сдѣлку съ Аларихомъ или же сдѣлать вылазку и испытать свое счастье и доблесть военную такъ какъ, по замѣчанiю Зосима, граждане вслѣдствiе военныхъ упражненiй привыкли къ оружiю и у не боялись больше войны и сраженiй.

Послы, отправленные къ Алариху, пришли въ его лагерь. Вест-Готскiй король выслушалъ ихъ сообщенiя. Когда они замѣтили, что Римскiй народъ уп ражняется въ обращенiи съ оружiемъ и въ отчая не отступитъ передъ открытою борьбой, то Алар

насмешливо воскликнулъ: „чѣмъ гуще трава, тѣмъ лучше косить!" Онъ зналъ Римлянъ - и въ частности жителей властительнаго Рима - и очень хорошо понималъ, какъ мало нужно было бояться ихъ отчаянной храбрости. Тѣмъ не менѣе онъ вступилъ въ переговоры. Требованія, имъ предъявленныя, были сначала громадны и чудовищны:

1) Выдача всего золота и серебра, всѣхъ драгоцѣнностей и всѣхъ рабовъ варварскаго происхожденія.

Когда одинъ изъ присутствующихъ поставилъ смѣлый и вмѣстѣ скромный вопросъ, что же онъ оставляетъ жителямъ, Аларихъ отвѣтилъ: „жизнь!" Однако онъ далъ имъ перемиріе, чтобы они могли переговорить съ осажденными и получить новыя инструкціи. Римляне пришли въ отчаяніе. Въ этотъ моментъ опять пришла мысль воротиться къ старымъ богамъ - къ богамъ предковъ; говорили, что какой-то городъ въ провинціи былъ спасенъ отъ Алариха тѣмъ, что жители стали молиться идоламъ (Zosim.) Зосимъ, почти современный писатель, расположенный, правда весьма враждебно къ христіанству, увѣряетъ, что самъ епископъ Римскій, ставя общее благо выше своей вѣры, далъ тайно свое согласіе; но сенатъ все таки побоялся устроить публичную церемонію по старому обычаю.

Обратились снова къ переговорамъ, отправили второе посольство къ Алариху, которое и добилось болѣе умѣренныхъ требованій, а именно: 5000 ф. золота, 30.000 ф. серебра, 3000 пурпурныхъ одеждъ и 3000 ф. перцу. Городъ, обѣднѣвшій со временъ Константина, не могъ представить требуемой суммы иначе, какъ опять прибѣгнувъ къ старымъ богамъ. Многія драгоцѣнныя массивныя статуи были перелиты; между прочимъ статуя Virtus. Языческій писатель, отъ котораго мы знаемъ объ этихъ подробностяхъ, говоритъ съ горечью о по-

жертвовании священнымъ символомъ древней Римской доблести; онъ полагаетъ что съ этого времени гражд[анск]ая и мужество окончательно покинули Римскихъ граждан; но не ошибается ли онъ нѣсколько на счетъ дарѣ[?]
Городъ освободился отъ осады и опасности, но еще не окончательно, потому что Аларихъ ставилъ его судьбу въ зависимость отъ подтвержденія договора императоромъ и отъ условій, которыя онъ поставитъ касательно общаго мира.
Отправилось посольство въ Равенну. Императоръ не хотѣлъ пока вступать съ Аларихомъ въ переговоры объ оборонительномъ и наступательномъ союзѣ, но подтвердилъ договоръ Рима, такъ что по возвращеніи посольства деньги могли быть выплачены.
Аларихъ снялъ осаду и жители вздохнули свободнѣе. Вест-Готы направились къ сѣверу; но Аларихъ не могъ воспрепятствовать тому, чтобы совсѣмъ не было грабежа: одинъ отрядъ варваровъ напалъ на провіантскій конвой изъ Остіи въ Римъ и разграбилъ обозъ. Примѣрное наказаніе мародеровъ показало, что варваръ лучше умѣетъ защищать Римлянъ, чѣмъ ихъ императоръ.
Огромное количество рабовъ усилило Готскую армію, расположившуюся лагеремъ въ Тусціи (Тосканѣ.) Говорятъ, что число этихъ перебѣжавшихъ рабовъ простиралось до 40.000; очень вѣроятно, что тутъ былъ значительный процентъ плѣнниковъ, остававшихся послѣ разгрома полчищъ Радагайса.
Пока войско Алариха стояло въ Тусціи, изъ Рима отправилось второе посольство въ Равенну, но также какъ и первое, оно было не въ силахъ побудить дворъ къ заключенію мира и къ выдачѣ заложниковъ: ни представленія благоразумія, ни описаніе понесенныхъ бѣдствій не подѣйствовали. Олимпій упорно отказывалъ въ

своемъ согласіи; гоненіе на варваровъ продолжалось. Въ Римѣ былъ смѣненъ начальникъ фиска за то, что онъ не показалъ полнаго усердія въ преслѣдованіи приверженцевъ Стилихона. Въ Равеннѣ нѣсколько знатныхъ чиновниковъ были подвергнуты пыткѣ — вѣроятно, съ цѣлію выпытать приверженцевъ того же Стилихона. Дворъ началъ вооружаться и возвалъ изъ Далмаціи 6000 человѣкъ, но этотъ отрядъ наткнулся на самого Алариха, чего, впрочемъ, и желалъ его самонадѣянный предводитель. Онъ былъ почти совсѣмъ истребленъ, только 100 человѣкъ спаслись бѣгствомъ.
Аларихъ отвѣчалъ на все это тѣмъ, что снова двинулся на Римъ и прекратилъ свободный входъ и выходъ въ городъ. Отсюда отправилось третье посольство въ Равенну, предводимое Римскимъ епископомъ и охраняемое Вест-Готскимъ отрядомъ. Въ Римѣ узнали въ это время о движеніи Атаульфа; при гор. Пизѣ Атаульфъ былъ разбитъ, но, съ потерею тысячи человѣкъ, пробился къ Алариху.
Въ отсутствіи Олимпія произошла при дворѣ революція, вслѣдствіе которой онъ потерялъ сначала милость, а вскорѣ затѣмъ и жизнь. Его мѣсто заналъ Іовій, который сначала показалъ склонность держаться другой политики — примирительной. Къ Алариху тотчасъ отправлены были послы, которые приглашали его придвинуться ближе къ Равеннѣ, чтобы переговоры, на которые дворъ изъявлялъ теперь полное согласіе, могли идти быстрѣе. Собственноручныя письма императора и министра нашли благопріятный пріемъ у Алариха; Готская армія двинулась на Западъ и Аларихъ расположился главною квартирою въ Римини.
Іовій лично велъ переговоры. Требованія Алариха были: 1) ежегодная дань деньгами и хлѣбомъ;

уступка провинцій Далмаціи, Венеціи и Норика.
Отправляя эти условія за своей печатью къ императору, Іовій, со своей стороны присовѣтовалъ дать Аларику титулъ фельдмаршала — magister utriusque militiae, съ тою цѣлью, чтобы склонить варвара къ большей уступчивости относительно другихъ требованій.

Гонорій дѣйствительно*) отвергъ предложеніе и заявилъ, что ни Аларику, ни другому Готскому предводителю онъ никогда не дастъ такого званія.

Затѣмъ — новый переворотъ въ политикѣ самого Іовія. Онъ заставилъ Гонорія поклясться, что онъ никогда не заключитъ мира съ Аларихомъ. Самъ Іовій и всѣ чиновники поклялись въ томъ же „главою императора". — Воинственная политика Іовія шла дальше: онъ уже готовился къ наступательнымъ дѣйствіямъ. Но одна Италія не могла дать на это достаточныхъ средствъ; пришлось взять на службу 10.000 Гунновъ.

Аларихъ, который тотчасъ послѣ полученія отвѣта Гонорія — съ отказомъ въ извѣстномъ пунктѣ — направился опять на Римъ, сдѣлалъ дорогою еще попытку покончить дѣло миромъ.

Онъ послалъ къ Гонорію епископовъ многихъ городовъ съ слѣдующими представленіями:

„Это будетъ его вина, если городъ Римъ, въ продолженіи тысячелѣтія господствовавшій надъ вселенною, сдѣлается добычею Готовъ, и если всѣ его пышныя зданія постигнетъ участь разрушенія въ пламени. Миръ еще возможенъ."

Теперь Аларихъ требовалъ только одного Норика и извѣстнаго количества хлѣба ежегодно; отъ денегъ, Далмаціи и Венеціи онъ отказывался.

---

*) какъ это предчувствовалъ Іовій.

Эта клятва помѣшала. Всякая клятва, конечно, могла быть разрѣшена духовною властью, но только не клятва главою императора. Зосимъ справедливо удивляется всему этому. Безсмыслію.

Итакъ, Аларихъ осаждаетъ Римъ во второй разъ. Захвативъ гавань при устьяхъ Тибра и овладѣвъ находившимися тамъ хлѣбными магазинами, Аларихъ принудилъ Римлянъ подчиниться своей волѣ. Воля его состояла въ томъ, чтобы Римляне отказались отъ власти императора Гонорія, который, запершись въ крѣпкой Равеннѣ, окруженной болотами, не хотѣлъ исполнить требованій Алариха; вмѣсто его былъ провозглашенъ императоромъ Атталъ, префектъ города Рима. Аларихъ надѣялся, что новый императоръ будетъ покорнымъ орудіемъ въ его рукахъ. Не грабежъ Италіи и не опустошеніе Рима составляли завѣтную цѣль стремленій Алариха — пріобрѣсти прочное и безопасное положеніе для своихъ Готовъ внутри имперіи, занять лично почетное положеніе въ средѣ сановниковъ Кесаря — вотъ чего требовалъ онъ отъ Гонорія и вотъ что долженъ былъ дать ему вновь поставленный императоръ. Это былъ человѣкъ знатнаго происхожденія, безъ особенныхъ дарованій, но съ большими притязаніями. Обязанный своимъ возвышеніемъ Алариху, онъ сейчасъ же вздумалъ смотрѣть на него свысока и не хотѣлъ слушать его совѣтовъ даже въ томъ случаѣ, когда они клонились къ собственной его выгодѣ. Аларихъ считалъ прежде всего необходимымъ покорить новому императору Африку, иначе Риму грозилъ страшный голодъ, такъ какъ столица получала оттуда свой хлѣбный запасъ. Вмѣсто того Атталъ потребовалъ похода противъ Гонорія, державшагося въ недоступной Равеннѣ, а въ Аф-

рику отправилъ небольшой отрядъ. Тамъ и здѣсь дѣло покончилось неудачей. Военной отрядъ, неожиданно прибывшій на помощь Гонорію съ востока, поддерживалъ бодрость въ недостойномъ сынѣ сынѣ Ѳеодосія, когда онъ уже готовъ былъ уступить мѣсто Атталу, креатурѣ Готскаго варвара. Въ Римѣ между тѣмъ открылся страшный голодъ, бѣдное населеніе питалось самою отвратительною пищей; толпа, собравшаяся въ циркъ-то зрѣлища ни въ какомъ случаѣ не должны были прекращаться — обращаясь къ городскимъ властямъ, кричала: „назначьте, по крайней мѣрѣ, таксу на человѣческое мясо". Аларихъ, видя кругомъ затрудненія, убѣдившись въ полной несговорчивости своего императора, не имѣя возможности добиться мира и прочныхъ гарантій ни съ той, ни съ другой стороны, кончилъ тѣмъ, что низвелъ своего императора съ престола и въ третій разъ осадилъ Римъ, чтобы наказать упорство Гонорія. Теперь онъ пришелъ не съ такими мирными намѣреніями, съ какими приходилъ уже два раза; городъ былъ обреченъ на разграбленіе.

Въ половинѣ Августа 410 года Аларихъ расположился лагеремъ въ виду Римскихъ стѣнъ, послѣ кратковременной осады взялъ городъ и позволилъ своимъ солдатамъ грабить его въ продолженіи трехъ ~~лѣтъ~~.

При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что дѣйствія варваровъ въ покоренномъ городѣ не были такъ суровы, какъ ихъ обыкновенно изображаютъ. Аларихъ приказалъ своимъ подданнымъ щадить жизнь и честь Римскихъ женщинъ. Какъ видно изъ разсказовъ отцевъ Церкви, аріане Готы не разрушали храмовъ Рима и даже пощадили сокровища собора св. Петра;

которое они нашли спрятаннымъ у одной знатной римской дамы.
Сообщенія христіанскихъ писателей оттого важны для насъ, что они доказываютъ намъ нравственное состояніе общества того времени и впечатлѣніе, которое произвело паденіе Рима на умы людей V вѣка. Какъ видно, паника была всеобщая, и язычники сваливали всѣ несчастья римскаго народа на христіанскаго Бога. Тогда то появилось сочиненіе блаж. Августина „De civitate Dei", въ видѣ отвѣта на нападки язычниковъ. Онъ говорилъ въ немъ, что христіанскій Богъ спасъ свои храмы и при помощи имени Его была пощажена жизнь и честь римскихъ матронъ.
Аларихъ, видя неудачу во всѣхъ своихъ планахъ въ Италіи, намѣревался уже переправиться въ Африку, но смерть помѣшала его намѣреніямъ. Послѣ него Готы не нашли возможнымъ долго оставаться въ странѣ, гдѣ они даже не могли прокормиться безъ помощи Африки, такъ какъ все пространство Италіи было покрыто огромными latifundia, владѣльцы которыхъ, подобно позднѣйшимъ англійскимъ лордамъ, предпочитали больше разводить скотъ, нежели обрабатывать землю и получали запасъ хлѣба черезъ Африку и Испанію. Преемникъ Алариха – Атаульфъ рѣшился вывести Вест-Готовъ въ Галлію и въ 412 году мы находимъ ихъ уже въ этой странѣ, именно въ то время когда происходили въ ней страшныя смуты – когда лжеимператоры Константинъ и Іовинъ производили свою агитацію.
Исторія Атаульфа имѣетъ нѣсколько романтическій характеръ. Онъ явился въ Галлію, имѣя при себѣ интересную плѣнницу, дочь Ѳеодосія и сестру Гонорія, прекрасную Плацидію. Несмотря на то, что

ся было его пленницею, Атаульфъ не желалъ полу-
чить руку ея безъ согласія на то ея самой и Гонорія.
Отношенія Атаульфа къ Плацидіи важны для насъ
потому, что они проливають свѣтъ на отношенія
варваровъ къ Риму. Блаж. Іеронимъ передаетъ
намъ разсказъ, слышанный имъ отъ своего знакомца,
имѣвшаго случай лично бесѣдовать съ Атаульфомъ.
Вотъ что говорилъ знакомому Іеронима Атаульфъ:
„первымъ стремленіемъ его было стереть Римскую им-
перію съ лица земли, сдѣлать такъ, чтобы вмѣсто
Romania говорили Gothia; но, прибавлялъ онъ, я
вскорѣ убѣдился, что съ варварами этого сдѣлать
нельзя, такъ какъ они слишкомъ грубы и не цивили-
зованы; тогда я поставилъ себѣ цѣлью служить Ри-
му, соединиться съ нимъ посредствомъ крѣпкаго союза,
положивъ такимъ образомъ начало общаго благоден-
ствія и достигъ замѣчательнаго успѣха."
И такъ этотъ предводитель Готовъ былъ первымъ чело-
вѣкомъ, который проповѣдывалъ уваженіе къ Риму.
Онъ умеръ въ Испаніи, при осадѣ Барцелоны. Пре-
емникомъ Атаульфа послѣ нѣкотораго времени сдѣ-
лался Валлія, который заключилъ миръ съ Плаци-
діей и, получивъ нужное количество хлѣба для про-
кормленія варваровъ, обязался служить Римскому
правительству. Власть Римлянъ надъ Галліей сно-
ва была возстановлена и Вест-Готамъ позволено
было поселиться между Океаномъ и городомъ Ту-
лузой, къ югу отъ Гаронны.
И такъ, послѣ долгихъ странствованій Вест-Готы,
жившіе прежде на берегу Дуная, вторглись на Балкан-
скій полуостровъ, были въ Италіи и наконецъ, обра-
зовали въ Галліи первое варварское государство на рим-
ской территоріи, сохранивъ при этомъ свою самостоя-
тельность и даже своихъ конунговъ. Въ составѣ этого

варварскаго государства вошли города Bordeaux, Agen, Angoulême, Saintes, Poitiers, Périgueux и красивая Тулуза, которая если не тотчасъ, то съ теченіемъ времени сдѣлалась столицею, а до тѣхъ поръ была самымъ важнымъ городомъ и дала государству Готовъ названіе Толозанскаго въ различіе отъ государства Толедскаго, основаннаго потомъ Готами въ Испаніи. Причины, побудившія Готовъ поселиться въ этой мѣстности понять довольно трудно, но инціатива была на сторонѣ Римлянъ. Можетъ быть они не хотѣли, чтобы вдали отъ нихъ Готы сдѣлались слишкомъ самостоятельны; можетъ быть и желанія Валліи были направлены въ ту же сторону. „Роскошная область золотой Гаронны и тогда считалась перломъ Галліи, славилась своимъ плодородіемъ и красотой. Жителямъ казалось, что они тутъ владѣютъ не какой нибудь частью земной поверхности, а частицею рая. Такимъ образомъ Готы поселились среди миртъ и платанъ, виноградныхъ плантацій, золотыхъ полей и роскошныхъ садовъ."

Теперь остается рѣшить вопросъ, что означаютъ собою поселенія варваровъ на римской землѣ и какія отношенія завязались между ними и Галло-Римлянами? Вест-Готы поселились въ Галліи при Валліи и преемникахъ его Теодорихѣ (419-451) и Торнемундѣ (451-453) не произошло никакого значительнаго территоріальнаго расширенія. Теодорихъ палъ въ сраженіи съ Аттилою на поляхъ Каталаунскихъ около Шалона, гдѣ Вест-Готы встрѣтились съ своими соотечественниками Ост-Готами.

Торнемунду наслѣдовалъ Теодорихъ II (453-466). Онъ сдѣлалъ новыя пріобрѣтенія на югѣ Галліи (Нарбонну) и по ту сторону Пиринеевъ боролся побѣдоносно со Свевами. Слѣдующимъ правителемъ Эйрихомъ

(466-484) была подчинена Готскому владычеству не-
только вся область къ югу отъ Луары и къ Западу
отъ Роны со включеніемъ Оверни, но послѣ паденія
Западной имперіи (476) сюда же вошли и большая
часть Пиринейскаго полуострова (только на Сѣверо-
Западѣ удержались Свевы) и вслѣдъ затѣмъ покорены
были по ту сторону Роны города Арль, Марсель и вся
provincia Narbonensis (между Роной, Дюрансой, Среди-
земнымъ моремъ и морскими Альпами.)
Эйриху наслѣдовалъ Аларихъ II (485-507); при немъ
послѣдовала новая катастрофа, окончившаяся раз-
рушеніемъ Вест-Готской державы.
Разсмотримъ теперь, въ какія отношенія вступили
варвары къ Римлянамъ, поселившись на ихъ землѣ.
Для этого обратимся прежде всего къ тѣмъ памят-
никамъ, по которымъ мы могли бы опредѣлить, ка-
кое у Готовъ было раздѣленіе земли, какое законодатель-
ство. Прежде слѣдуетъ замѣтить, что законы ихъ были
двоякаго рода: одни для прежняго Галло-Римскаго
населенія, другіе для самихъ себя. Во всѣхъ законахъ
варваровъ (Leges Barbarorum) былъ признаваемъ прин-
ципъ личности права, т.е. такой порядокъ, при ко-
торомъ подсудность человѣка тому или другому
закону опредѣляется его личностью, личнымъ его про-
исхожденіемъ и принадлежностью къ извѣстной пле-
менной группѣ, а не мѣстомъ, гдѣ онъ лишь и со-
вершилъ преступленіе; если человѣкъ принадлежалъ
къ Вест-Готскому племени, то онъ судился по сво-
имъ законамъ, если онъ былъ римляниномъ, то по
римскимъ. Точно также Бургундъ судился по Бур-
гундскимъ законамъ, Вандалъ по Вандальскимъ и
т.п. Принципъ личности права противоположенъ
территоріальности права, т.е. такому порядку,
при которомъ всякій человѣкъ подсуденъ законамъ

той страны, въ которой онъ находится.) (Оно существуетъ въ Россіи и во всѣхъ государствахъ Европы, кромѣ Турціи, гдѣ право суда надъ иностранцами предоставлено ихъ консуламъ.)

И такъ, Вест-Готы не обращались съ Римлянами жестоко, или оставляли имъ свои законы. Одинъ изъ позднѣйшихъ конунговъ Аларихъ II, издалъ даже новое законодательство для Римлянъ, извѣстное подъ именемъ Breviarium Alarici. Законы были составлены по римскимъ источникамъ и были приняты на себя имъ Готовъ. Въ сущности, они представляли извлеченіе изъ сборника Феодосія съ нѣкоторыми новыми толкованіями (interpretatio). Предшественникъ Алариха II, король Эйрихъ издалъ законы собственно для Вест-Готовъ, но отъ этого законодательства не сохранилось никакихъ слѣдовъ; даже позднѣйшій сборникъ В. Готскихъ законовъ, появившійся въ эпоху Толозанскаго королевства (въ Испаніи), не дошелъ до насъ въ первоначальной редакціи, а съ разными пополненіями, сдѣланными при новомъ пересмотрѣ. Этотъ сборникъ обозначается именемъ Antiqua (legum collectio). Нужно замѣтить, что позднѣйшія вставки тутъ настолько перемѣшаны съ первоначальными постановленіями, что мы не можемъ собственно различить, что должно быть отнесено къ позднѣйшему времени и что къ первоначальному. Законодательство Готовъ, ~~записанное въ сборникѣ~~ Antiqua, было написано не на ихъ родномъ нѣмецкомъ языкѣ, а на языкѣ латинскомъ, слѣдовательно, хотя варвары эти и были Аріане, пользовавшіеся священнымъ писаніемъ въ переводѣ на родной языкъ, но во всѣхъ выдающихся случаяхъ прибѣгали къ языку того населенія, среди котораго они утвердились, что доказываетъ подчиненіе ихъ римской цивилизаціи и римскому вліянію.

На основаніи двухъ постановленій разныхъ временъ, собранныхъ въ сборникѣ Antiqui, мы можемъ судить о устройствѣ государства Готовъ. Первоначальная редакція сборника, составленная еще при Эйрихѣ, до насъ не дошла, а потому мы должны довольствоваться позднѣйшей и для разъясненія первоначальныхъ фактовъ, обращаться отчасти къ отрывочнымъ извѣстіямъ писателей, отчасти къ аналогичнымъ явленіямъ, т. е. къ законамъ другихъ варваровъ, поселившихся на Римской землѣ. Полезнымъ пособіемъ при этомъ можетъ служить изслѣдованіе Gaupp'a: „Die germanischen Ansiedlungen und Landtheilungen in den Provinzen des römischen Westreiches". Breslau. 1844. По мнѣнію Гауппа поселенія варваровъ на Римской территоріи не представляютъ ничего отличительнаго отъ первоначальной колонизаціи ихъ, совершавшейся еще въ IV вѣкѣ. Онъ обратилъ вниманіе на законъ hospitalitas x), законъ о военномъ постоѣ, въ которомъ опредѣляются отношенія варваровъ, поступившихъ на службу имперіи и отправляемыхъ въ провинціи.

Они обыкновенно размѣщались у мѣстныхъ землевладѣльцевъ (possessores) и законъ предоставлялъ солдатамъ на постой третью часть домовъ, причемъ дѣлежъ производился такимъ образомъ, что сначала весь домъ раздѣлялся на три части, и первую изъ третей имѣлъ право взять себѣ хозяинъ по своему выбору; затѣмъ гость — любую изъ двухъ остальныхъ; третья же сама собою оставалась въ пользу хозяина. Взаимное отношеніе между постояльцемъ и хозяиномъ обозначалось словомъ „hospitalitas" — гостепріимство; какъ хозяинъ, такъ и постоялецъ одинаково назывались „hospites", такъ

x) Объ этомъ можно прочесть у Грановскаго: „Италія подъ владычествомъ О. Готовъ, Лангобардовъ и Франковъ". стр. 130.

латинское „hospes" можетъ означать и гостя и того, кто принимаетъ гостя.

Гауппъ доказывалъ, что отношенія варваровъ при поселеніи ихъ на римской почвѣ были основаны на законѣ hospitalitas. Варвары изъ квартирующихъ солдатъ становились сначала соучастниками во владѣніи, а затѣмъ уже самостоятельными собственниками на своихъ участкахъ, или на своихъ третяхъ (tertia). Насильственнаго, рѣзкаго перехода не было, особенно когда племена, занимавшія Римскую территорію, приходили на нее съ согласія Римскаго правительства. Готы и Бургунды являлись въ Галлію въ видѣ Римскаго наемнаго войска; хотя по обычаю, съ женами и семьями, жили среди римскихъ землевладѣльцевъ какъ простые hospites (постояльцы); только гораздо позднѣе является законодательное постановленіе о раздѣлѣ. Но и послѣ этого, отношенія между варваромъ и Римляниномъ уподобляются отношеніямъ между родственниками, которымъ досталось имущество и которые могутъ его раздѣлить, но могутъ и оставить въ общемъ владѣніи. Гауппъ отчасти даже преувеличивалъ мирный характеръ основанія варварскихъ государствъ; переходъ отъ военнаго постоя къ раздѣлу у него совершается уже слишкомъ гладко, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ есть существенная разница между временною непріятностью имѣть у себя и кормить постояльца и необходимостью уступить ему навсегда часть земель, при томъ даже не одну треть, а иногда и двѣ. Но во всякомъ случаѣ связь между хозяиномъ и постояльцемъ указана имъ вѣрно и объясняетъ многое.

Обратимся теперь снова къ нашимъ В. Готамъ. Интересно прежде всего было бы знать, въ какомъ количествѣ пришли они въ Галлію, потому что отъ этого дол-

лина была зависеть легкость или трудность ихъ устройства на прочное жительство въ странѣ.

Если численность ихъ была слишкомъ велика, то поселиться имъ въ Галлiи не было возможности или сдѣлать это было чрезвычайно трудно. Мы знаемъ, что численность Вест-Готовъ, перешедшихъ за Дунай въ 375мъ году простиралась отъ 700.000 до 1.000.000, но число это сюда не идетъ. Несомнѣнно, что многiе варвары отстали на пути, но тѣмъ не менѣе мы знаемъ, что къ нимъ присоединялись отряды наемниковъ рабовъ, иногда достигавшiе 30.000 и 40.000 человѣкъ. Слѣдовательно, число В. Готовъ, поселившихся на югѣ Галлiи, было весьма значительно; можетъ быть мы не сдѣлаемъ большой ошибки, если вмѣстѣ съ Даномъ x) примемъ, что за minimum ихъ численности можно получить 50.000 человѣкъ. Число Готовъ, пришедшихъ при Валентѣ, считалось до одного миллiона. Послѣ они получили подкрѣпленiя отъ другихъ варваровъ – Ост-Готовъ, Тайфаловъ и многихъ Германцевъ, находившихся въ обѣихъ имперiяхъ. Къ Алариху пристало, кромѣ 30.000 варварскихъ наемниковъ Стиликона, 40.000 бѣглыхъ рабовъ, такъ что несмотря на постоянныя и часто громадныя потери, несмотря на весьма неблагопрiятныя обстоятельства для умноженiя населенiя отъ 375 до 410 года, мы находимъ всетаки 50.000 человѣкъ способныхъ носить оружiе, а сообразно съ этимъ общую численность (считая женщинъ, дѣтей, стариковъ) до 300.000 человѣкъ.

Большое умноженiе населенiя слѣдуетъ предполагать послѣ возвращенiя изъ испанскаго похода въ Аквитанiю и этимъ объясняется тогда постепенное стремленiе къ расширенiю, начавшееся еще до Эйриха въ 480г.

---

x) Dahn: Die Könige der Germanen.

отмѣренная Римлянами одежда приходилась не по росту; отсюда же объясняется и то, что Готы взяли 2/3 земли вмѣсто одной, не смотря на свои союзныя отношенія къ Римлянамъ (foedus), тогда какъ Одоакръ, будучи полнымъ господиномъ положенія, удовольствовался въ Италіи 1/3, какъ это увидимъ ниже.

Извѣстія наши о раздѣлѣ смутны и темны и вслѣдствіе много разъ измѣнявшихся отношеній къ имперіи ими трудно руководствоваться. Законодатели говорятъ намъ мало; еще болѣе древній Antiqua, потому что hospitium имѣло слишкомъ извѣстное значеніе, чтобы объ немъ подробно говорили. Но и данныя этого сборника должны быть прежде всего относимы къ дѣлежу и сдѣлкамъ съ О. Готами, Бургундами и Франками въ концѣ V и началѣ VI вѣка, въ Испаніи и Септиманіи, а о дѣлежахъ съ Романами въ Галліи и Испаніи въ теченіи V столѣтія и позднѣе опять въ Галліи можно только догадываться, что они производились по аналогичнымъ принципамъ.

Относительно этого древнѣйшаго времени мы принимаемъ слѣдующія положенія. Послѣ перваго прихода въ Галлію при Атаульфѣ, а потомъ въ Испанію - при Валліи длился извѣстное число лѣтъ промежуточный періодъ, когда Готы устроивались по прежде существовавшимъ римскимъ нормамъ и учрежденіямъ, принятымъ для расквартированія и пропитанія войскъ, находящихся въ походѣ или помѣщенныхъ на постой въ той или другой провинціи, т. е. пользовались гостепріимствомъ „hospitalitas". Вѣдь все же Готы были постоянно, не смотря на часто нарушаемый foedus (договоръ) признаваемы за такое же Римское войско, какъ и всякое другое варварское ополченіе на Римской службѣ. Изъ словъ поэта Меробауда (онъ интересенъ тѣмъ, что былъ едва ли не первымъ варва-

ромъ Франкскаго и вообще Германскаго происхожденія, попытавши имъ свои силы въ латинской поэзіи), можно заключить, что уже въ періодъ времени между 430 и 440 годами, когда этотъ Франкъ писалъ свои стихи, Готы занимались земледѣліемъ на рубежѣ своей области въ Арморикѣ, значитъ, были не простыми военными постояльцами. Впрочемъ, слова Меробауда (Et quamvis Geticis sulcum confundat aratris) о Гетскихъ сохахъ или оралахъ могутъ относиться къ Готскимъ колонистамъ еще болѣе ранняго частнаго поселенія, до прихода цѣлой народной массы.

Нѣкоторый свѣтъ на это дѣло проливаютъ извѣстія Паулина Пеллъскаго. Онъ разсказываетъ, что его большія помѣстья, при Геордо, около 412 г. при Атаульфѣ по какому-то случаю остались свободными отъ Готскаго постояльца или гостя (hospes); но эта милость скоро обратилась во вредъ, потому что, когда Готы въ 415 году оставили страну и двинулись въ Испанію, то другіе Римскіе хозяева, у которыхъ были Готскіе hospites, часто въ нихъ находили себѣ защитниковъ, такъ какъ Готы вообще обращались съ большою добротою съ Римлянами-хозяевами. Имѣнье же Паулина, какъ свободное отъ постоя, было лишено защиты, подверглось разоренію, рабы и рабыни его были уведены x). Нужно, впрочемъ прибавить, что п

---

x) Паулинъ изъ Пеллы, богатый римскій землевладѣлецъ, занимавшій высокія должности въ римской службѣ, самъ описалъ свою исторію въ сочиненіи „Eucharisticon". Онъ говоритъ: (ст.

285. Hospite tunc etiam Gothico quae sola careret.
286. Quod post eventu cessit non sero sinistro
287. Nullo ut quippe domum speciali jure tuente.
288. Cederet in praedam populo permissa abeunti.

тивъ Паулина существовало подозрѣніе въ измѣнѣ. Сыновья Паулина остались въ Бордо, въ территоріи, которая, послѣ возвращенія Готовъ изъ Испаніи при Валліи, сдѣлалась Готскимъ владѣніемъ, и здѣсь они получили уже Готскаго совладѣльца, т. е. очевидно, не потеряли всѣ свои земли, а только должны были подѣлиться ими, уступить одну треть, по всей вѣроятности. Отецъ говоритъ, что при томъ сыновья его расчитывали на бо́льшую свободу, чѣмъ въ чисто-римскихъ областяхъ x). Самому Паулину, который переселился въ Марсель около 460 г. какой то неизвѣстный Готъ прислалъ небольшую сумму за какой-то участокъ или отдѣльное имѣніе около Бордо, которое онъ считалъ пропавшимъ; хотя цѣна эта и была ниже настоящей стоимости имѣнія, все таки Паулинъ былъ очень доволенъ, потому что она помогла ему привести свои дѣла въ порядокъ.

Есть и другія свидѣтельства, что Готы обращались довольно мягко съ провинціалами. Орозій даже съ нѣкоторымъ преувеличеніемъ говоритъ, что Готы тотчасъ послѣ переселенія перековали свои мечи на рала (плуги) и обращались съ Римлянами, какъ съ друзьями и союзниками. (Romanos ut amicos et socios fovent). При Атаульфѣ, когда они были военными постояльцами, они вели себя также, какъ ведутъ себя и наши добродушные солдаты на постоѣ: помогали хозяевамъ въ полевыхъ работахъ, за небольшую плату дѣлали другія услуги. При разставаніи съ

---

x) Paul. Eucharist. стихъ 498 и слѣд. Natis abeuntibus a me
Non equidem paribus studiis nec tempore eodem
Succensis pariter, sed libertatis amore
Quam sibi majorem contingere posse putabant
Burdigalae, Gothico quamquam consorte colono.

страною, они, правда, хозяйничаютъ совсѣмъ иначе; но воротившись (изъ Испаніи), возобновляютъ свой союзъ (foedus) съ Римомъ и опять дѣлаются смирные.
Когда совершился окончательный раздѣлъ земли — сказать трудно. Постановленія Antiqua объ этомъ раздѣлѣ съ увѣренностію можно относить только къ періоду, послѣдовавшему за завоеваніями Эйриха (466–484); но кажется, что уже для самаго времени Эйриха раздѣлъ земли и превращеніе Готовъ въ постоянныхъ землевладѣльцевъ есть фактъ засвидѣтельствованный. Это видно изъ словъ Аполлинарія Сидонія. Послѣ тещи ему досталось наслѣдство во владѣніяхъ В. Готскихъ. Но оказалось, что по праву онъ могъ получить не все имѣніе, а только третъ его, слѣдовательно, двѣ трети были уже отобраны кѣмъ-то другимъ, т. е. очевидно, Готскимъ поселенцемъ. Далѣе и относительно трети Сидоній встрѣтилъ затрудненія: онъ не могъ получить своей трети, хотя и предлагалъ уплатить денежную цѣнность цѣлой половины имѣнія. (Necdum enim quicquam de hereditate socruali vel in usum tertiae pretio medietatis obtinui (VIII, 9); но это послѣднее можетъ быть объясняется тѣмъ, что Аполлинарій Сидоній былъ по отношенію къ В. Готскому государству чужимъ человѣкомъ, почти иностранцемъ. Онъ отправился къ Бордосскому двору короля Эйриха съ мольбою, но и тутъ поѣздка его оказалась напрасной и доставила ему только случай описать дворъ короля Эйриха, который былъ окруженъ римскими риторами и писателями.
Обратимся теперь къ Antiqua, гдѣ уже находятся подробныя, ясныя постановленія о раздѣлѣ.
Изъ этихъ постановленій видно, что Готы взяли себѣ 2/3 земли. Предметомъ дѣленія была вся совокуп-

ность имущества извѣстнаго Римскаго землевладѣльца (possessoris) - земельная собственность со всѣмъ, что къ ней принадлежало, т. е. съ крѣпостными (колонами) рабами и скотомъ. Раздѣлу одинаково подвергались какъ сельскіе, такъ и городскіе участки (tit. I, cap. 16). Термины для обозначенія лицъ той и другой стороны старые, римскіе: hospites, consortes; отношенія между ними - hospitalitas. Каждый участокъ называется sors, жребій. Но бросали ли этотъ жребій или нѣтъ - сказать трудно, такъ какъ слово sors не заставляетъ непремѣнно думать о жребіи: именемъ этимъ означалась не одна только часть, доставшаяся Готу, но и часть, оставшаяся за Римляниномъ. Съ другой стороны вообще и вся Готская область есть Готскій жребій - sors.

Вотъ какія постановленія находимъ мы о раздѣлѣ земель въ „Antiqua"x):

„Раздѣлъ, произведенный между Римляниномъ и Готомъ въ отношеніи къ извѣстному участку земли или лѣса, никоимъ образомъ не долженъ быть нарушаемъ, если только произведенное дѣленіе было надлежащимъ образомъ заявлено. Изъ двухъ частей Гота ничего не долженъ присвоять себѣ или требовать Римлянинъ; изъ терціи Римлянина Готъ также не долженъ чего либо присвоять или требовать, развѣ только отъ нашей щедрости ему было что либо даровано. Когда уже разъ произведенъ былъ раздѣлъ родичами и сосѣдями, то потомство пусть не пытается что-нибудь измѣнять въ этомъ."

„Если кто приметъ (сниметъ) землю для обработки, то онъ долженъ, подобно тому, кто далъ землю, платить за нее цензъ (поземельную римскую подать). Ес-

x) См. Gengler, p. 503.

ли приметъ на свою землю поселенца (арендатора, можетъ быть даже колона, — въ текстѣ: accolam) и потомъ случится, что тотъ, кто принялъ, долженъ <u>возвратить ее</u> (землю) <u>кому нибудь какъ терцію</u>, то пусть одинаково (останутся при своемъ и) платятъ подать, какъ тѣ, которые были приняты, такъ и патроны ихъ, сообразно тому, какъ и сколько будетъ приходиться каждому.

„Если Готы что нибудь захватили изъ терціи Римлянъ, то, по настоянію судьи, все должно быть исправлено въ пользу Римлянъ. Судьи (judices) отдѣльныхъ городовъ (singularum civitatum), старшины и управляющіе (въ селахъ и имѣніяхъ) уполномочиваются отбирать терціи Римлянъ у тѣхъ, которые ихъ захватили, и по требованію Римлянина безъ всякаго замедленія возвращать ему свое, дабы казна (фискъ) не подвергалась никакому ущербу x); развѣ только миновалъ срокъ или число пятидесяти лѣтъ (пятидесятилѣтняя давность), по истеченіи которыхъ Римлянинъ не могъ отыскивать своего имѣнія".

„Участки (sortes) Готскіе и Римскіе, о которыхъ въ продолженіи 50ти лѣтъ не было заявляемо никакого требованія, уже никакимъ образомъ не могутъ быть отыскиваемы".

Къ этому можно прибавить слѣдующія замѣчанія:

1) Предметомъ дѣленія была вся совокупность имуществъ извѣстнаго Римскаго владѣльца, какъ уже было сказано выше. Раздѣлу одинаково подлежали какъ городскіе, такъ и сельскіе жители; это доказывается тѣмъ, что противъ злоупотребленій одинаково призывается бдительность какъ сельскихъ, такъ и городскихъ властей.

2) Масштабомъ или мѣриломъ дѣленія служила, конечно, потребность Германскаго гостя (hospes); глава многолюдной семьи или фамиліи съ большимъ чис-

---

x) подразумѣвается поземельная подать, лежавшая на Римскихъ участкахъ.

ломъ сыновей и полу-свободныхъ подчиненныхъ людей, владѣвшій большимъ количествомъ рабовъ и скота, долженъ былъ получать больше, чѣмъ простой свободный человѣкъ. Съ другой стороны и трети, подлежавшія раздѣлу, были также неравны, какъ неравны были самыя имѣнія Римскихъ землевладѣльцевъ, раздроблявшіяся на трети. Вѣроятно по этому, что уже заранѣе приведены были въ извѣстность разныя категоріи семей, имѣвшихъ право на большій или меньшій надѣлъ (смотря по количеству душъ или лицъ); съ другой стороны, существовалъ списокъ имѣній, подлежащихъ раздѣлу, съ обозначеніемъ ихъ величины по разрядамъ. Нельзя сказать навѣрное, употреблялся ли жребій при раздѣлѣ; выше уже было сказано, что слово <u>sors</u> примѣнялось къ различнымъ участкамъ земли. Если даже въ самомъ дѣлѣ имѣло мѣсто метаніе жребія, то это дѣлалось только для рѣшенія вопроса о томъ, въ какой именно мѣстности долженъ быть поселенъ тотъ или другой Готъ, или для рѣшенія вопроса, какой именно отдѣльный участокъ изъ числа принадлежащихъ къ извѣстному разряду долженъ ему достаться.

Другими словами: приблизительная величина участка, который долженъ получить Готъ, опредѣлялась заранѣе его личнымъ семейнымъ положеніемъ; а <u>которые именно</u> изъ приблизительно-равныхъ имѣній извѣстнаго класса онъ получитъ – это опредѣлялось жребіемъ.

3) Готъ получалъ двѣ трети, Римлянинъ удерживалъ одну терцію; на большее никто не могъ имѣть притязаній, „если только ему не было что либо доставлено королевскою щедростью." Послѣдняя оговорка можетъ быть объяснена двояко; либо короли сначала, при первомъ полу-насильственномъ занятіи, брали у

отчуждённыхъ землевладѣльцевъ и давали своимъ Готамъ и болѣе двухъ третей; либо имѣлось въ виду то, что хотя отъ Римскаго хозяина (hospes) и нельзя было брать болѣе двухъ третей, но король могъ дать и сверхъ того изъ казенныхъ фискальныхъ имуществъ.

4) Видно, что бывали случаи когда Готы, нарушая законныя правила, брали и болѣе двухъ третей. Вторая изъ приведенныхъ выше статей Antiqua предвидитъ тотъ случай, когда Готъ долженъ будетъ возвратить хозяину, т.е. Римлянину, его терцію; въ слѣдующихъ статьяхъ содержатся постановленія, показывающія, что реституція (возвращеніе) несправедливо захваченныхъ третей была дѣломъ обыкновеннымъ. Изъ другихъ статей видно, что тяжбъ и споровъ по поводу раздѣла было не мало, и что это длилось довольно долго; что были случаи притворныхъ отчужденій своихъ земель римскими провинціалами, во вредъ Готамъ, т.е. дѣлалось такъ, что въ виду угрожающаго раздѣла, римлянинъ совершалъ фиктивную продажу своего имѣнія другому лицу, которое почему бы то ни было, считалось обезпеченнымъ отъ неприятной обязанности дѣлиться съ варварами; не подлежитъ сомнѣнію, что лицъ, въ пользу которыхъ допускались изъятія, было не мало.

5) Лѣсъ и пастбища могли оставаться неотгороженными въ совмѣстномъ владѣніи Гота и Римлянина; но если бы Готъ или Римлянинъ вздумалъ разработать подъ запашку часть лѣсного пространства, то другая сторона не должна была тому препятствовать, подъ условіемъ только, чтобы ей предоставлено было въ отдѣльную собственность соотвѣтствующее количество земли, находящейся подъ лѣсомъ.

Вотъ условія, при которыхъ В. Готы размѣстились

среди романизованнаго населенія южной Галліи. Время должно было мало по малу сгладить противоположности и заставить забыть непріятности, которыя, конечно, были весьма чувствительны римскимъ землевладѣльцамъ. При томъ это все-таки было меньшинство; громадная масса крѣпостнаго крестьянства (колоновъ) и рабовъ нисколько не пострадала отъ раздѣла латифундій на мелкія хозяйства; напротивъ, быть можетъ, выиграла. Припомнимъ страшную тяжесть римской податной системы, заставлявшую несчастныхъ куріаловъ бѣгать въ лѣса и даже лишать себя жизни, вызывавшую въ Галліи непрерывный рядъ крестьянскихъ возстаній во все продолженіе IV-го вѣка. Тогда намъ станетъ ясно, почему сыновья Паулина Пеллскаго предпочитали Готское господство Римскому, поймемъ, почему, какъ выражается одинъ изъ современниковъ, Римская рѣчь только того и желала, чтобы пришли варвары. Но все таки пропасть, отдѣлявшая варвара отъ образованнаго Галло-Римлянина не могла вдругъ исчезнуть. Гордость образованнаго и утонченнаго Галло-Римскаго весьма часто оскорблялась господствомъ и даже присутствіемъ людей, которые уже самою своею внѣшностью производили непріятное впечатлѣніе. Поселившись подъ благословеннымъ небомъ южной Франціи, Готы все еще продолжали носить свои мѣховыя одежды. Аполлинарій Сидоній (×соврем. писатель) съ отвращеніемъ говоритъ о неумѣренности въ пищѣ и питьѣ этихъ людей сѣвернаго происхожденія. Описывая народную сходку варваровъ въ Тулузѣ (455 г) онъ не забылъ упомянуть о грязныхъ полотняныхъ рубахахъ, которыя прикрывали худощавыя тѣла собравшихся стариковъ; онъ не пропустилъ и странной обуви изъ лошадиной шкуры, вдѣтымъ ремнемъ привязанной подъ колѣномъ и едва при-

крывающій ногу. Законъ, изданный Валентиніаномъ и Валентомъ въ 375 году и запрещавшій смѣшанные браки Римлянъ и варваровъ, былъ принятъ и въ В. Готское (Римское) законодательство (Lex romana Visigothorum или Breviarium Alarici) и не былъ отмѣненъ въ продолженіе всего Толозанскаго періода*).

На это впрочемъ, была не только политическая, но и церковная причина — въ вѣроисповѣдномъ различіи. Смѣшеніе и слияніе народностей могло совершиться только въ пользу высшей цивилизаціи, при томъ самый способъ разселенія Готовъ — не сплошною массою, а въ въ перемежку съ римскими землевладѣльцами и земледѣльцами — не благопріятствовалъ сохраненію Германской самобытности. Признаки романизаціи появляются очень рано. Король Эйрихъ (466–484) уже былъ окруженъ римскими учеными и риторами; они были его главными совѣтниками. Законы Вест-Готскіе, не только тѣ, которые назначались для Римлянъ, но и специально варварская правда В. Готовъ — съ самаго начала изданы были на латинскомъ языкѣ. Итакъ, Аріанское исповѣданіе не ручалось за неприкосновенность народной самобытности у В. Готовъ. Оно было только источникомъ слабости для государства, такъ какъ наиболѣе сильный и могущественный классъ Римскаго населенія — католическое духовенство — никогда не могло искренне примириться съ господствомъ еретиковъ.

Перейдемъ теперь къ обозрѣнію судебъ другого значительнаго германскаго племени — Бургундовъ. О передвиженіи ихъ намъ извѣстно, что они двигались

---

*) Отмѣненъ уже въ періодѣ Толедскаго королевства (въ Испаніи).

вслѣдъ за Аллеманнами съ того мѣста, откуда произошло вообще переселеніе народовъ. Когда Алеманны прорвались за Чортову стѣну, то Бургунды заняли ихъ мѣсто, слѣдовательно, въ началѣ V-го вѣка поселились въ области рр. Майна и Рейна, въ нынѣшней Баваріи и Вюртембергѣ. По свидѣтельству Орозія и Іеронима, въ 406 и 407 г. они участвовали въ нашествіи на Галлію, но не утвердились въ ней и только въ 413 году получили право селиться тамъ x). Они заняли тамъ такъ называемую верхнюю или ближайшую Германію (Germania prima, supra Rhenum); т. е. часть Галліи, граничившую съ Рейномъ. Императоръ Гонорій, въ виду весьма дружественныхъ отношеній съ Бургундами, хотѣлъ имѣть въ нихъ оплотъ противъ напора другихъ варваровъ, и Бургунды вступили на галло-римскую почву не какъ завоеватели, а какъ федераты (Что же было и съ Готами въ 412 г.). Ихъ отношенія были устроены, конечно, на основаніи hospitalitas. Вормсъ (civitas Vangiorum) былъ центральнымъ мѣстопребываніемъ ихъ конунговъ и столицею ихъ царства. Майнцъ и Шпейеръ также входили въ составъ ихъ территоріи, но Страсбургъ (Argentoratum) имъ не принадлежалъ. Слѣдовательно, они занимали область теперешней Рейнской Баваріи и Rhein Hessen.

При этомъ переселеніи или вскорѣ послѣ него Бургунды приняли христіанство. Орозій, писавшій около 417 г. говоритъ что они были, omnes christiano modo facti, catholica fide.

Это было первое королевство Бургундское, такъ называ-

---

x) Павелъ Діаконъ, написавшій свое сочиненіе въ 417 г. говоритъ, что первое Бургундское королевство (т. назыв. Вормское) было разрушено Аттилою; но по всей вѣроятности онъ смѣшиваетъ его съ Аэціемъ, который нанесъ нѣсколько пораженій Бургундамъ.

ское Вормское, которое вскорѣ было разрушено. Судя по отрывочнымъ свѣдѣніямъ, сохранившимся у Проспера Аквитанскаго, Кассіодора и др., Бургунды, стремившіеся расширить свои владѣнія вверхъ по Рейну, два раза потерпѣли пораженіе отъ Римскихъ полководцевъ; въ первый разъ въ 435 или 436 г., второе же — отъ Аэція въ 437 г. Въ этомъ же году король Гундикаръ подвергся нападенію Гунновъ, вѣроятно, находившихся въ Римской службѣ. Самъ онъ былъ убитъ, а Бургундское или Рейнское королевство разрушено.

Бургунды, если вѣрить современнымъ источникамъ, были почти совершенно истреблены; незначительный остатокъ ихъ, уцѣлѣвшій послѣ катастрофы, получилъ 6 лѣтъ спустя для поселенія область, называющуюся Сабаудіей (нынѣшнюю Савойю). „Савойя дается остаткамъ Бургундовъ съ тѣмъ, чтобы они раздѣлили ее съ туземцами", замѣчаютъ хроники подъ 443 г. Sabaudia Burgundionum reliquiis datur, cum indigenis dividenda (Prosper Chr.). Заправлялъ этимъ дѣломъ тотъ же Аэцій, который былъ виновникомъ пораженія Вормскихъ Бургундовъ; слѣдовательно, это поселеніе совершилось въ интересахъ Рима: военныя и иныя соображенія указывали на эту именно землю. Подъ предводительствомъ двухъ братьевъ-королей Гундобада и Гундиоха (437-473) Бургунды поселились въ уведенной имъ земли. Уже самыя латинскія выраженія приведеннаго нами мѣста изъ хроники указываютъ на то, что Бургунды не явились насильственно-захватившими Римскую территорію врагами: если бы это было такъ, то было бы употреблено выраженіе „ingredior, ingressi sunt" какъ обыкновенно о насильственномъ вторженіи, а не глаголъ „dari", имѣющій почти техническій смыслъ — отвода земли, на основаніи личнаго договора.

Раздѣленіе земли въ Сабаудіи вѣроятно было произведено тотчасъ по пришествіи Бургундовъ. Тогдашняя Савойя была обширнѣе нынѣшней и въ предѣлы ея входила и часть Швейцаріи съ городомъ Женевой, который и былъ первоначально столицей Бургундскаго государства. Одинъ изъ позднѣйшихъ писателей - Фредегарій - сообщаетъ намъ и цифру этихъ варваровъ; онъ говоритъ, что ихъ было 80.000, когда они были призваны Римлянами съ праваго берега Рейна, гдѣ они до тѣхъ поръ жили. Правда, что Фредегарій, писатель не особенно достовѣрной, въ данномъ случаѣ допускаетъ явной анахронизмъ, относя это событіе къ 373-му году; но все таки въ его показаніи можно предполагать вѣрную основу. Дальнѣйшія черты, находящіяся въ сообщеніи Фредегарія, вполнѣ соотвѣтствуютъ дѣйствительнымъ обстоятельствамъ Бургундскаго поселенія; они пришли вслѣдствіе приглашенія Римлянъ, пришли со своими женами и дѣтьми x). Область, данная Бургундамъ, была достаточна обширна и о главномъ городѣ ихъ - Женевѣ, упоминаетъ еще Юлій Цезарь. Но варвары эти недовольствовались Савойей и, подобно В. Готамъ, обнаруживали стремленія завладѣть большей территоріей. Стремясь на западъ, они шли на встрѣчу В. Готамъ, завоевавшимъ земли до нижняго теченія Луары, т. е. всю древнюю Аквитанію; Бургунды, со своей стороны, завладѣли территоріей, которая достигала до верхняго теченія Луары и заняли города: Ліонъ, Вьенну и др. Марсель тоже нѣкоторое время была въ ихъ рукахъ, а въ Ліонъ была перенесена столица царства ихъ изъ Женевы.

---

x) Per legatos invitati a Romanis vel Gallis ut tributa reipublicae, potuissent renuere ibi cum uxores et liberos visi sunt consedisse.

Особенно важное расширеніе Бургундской территоріи произошло около 456 года, послѣ того, какъ они въ союзѣ съ В. Готами и въ пользу Римской имперіи совершили далекій походъ въ Испанію и затѣмъ вернулись домой. Припомнимъ здѣсь этотъ эпизодъ въ краткихъ чертахъ*).

Въ народномъ собраніи В. Готовъ въ Тулузѣ, живо описанномъ у Сидонія Аполлинарія, по предложенію конунга В. Готовъ Теодериха II. былъ провозглашенъ императоромъ Римскимъ Авитъ (тесть Сидонія) одинъ изъ наиболѣе видныхъ представителей Галло-Римской родовитой аристократіи. Онъ былъ присланъ въ Галлію убійцею императора Валентиніана III, извѣстнымъ Максимомъ. Узурпаторъ (Максимъ) думалъ, что человѣкъ, пользовавшійся въ Галліи большою извѣстностью и авторитетомъ, всего скорѣе можетъ привести въ порядокъ дѣла этой провинціи и успокоить начавшееся тамъ движеніе среди варваровъ. Но на призывъ Авита къ миру и согласію Теодерихъ В. Готскій отвѣтилъ, что онъ будетъ другомъ Рима, но подъ однимъ условіемъ. Упомянувъ о своемъ Римскомъ воспитаніи и о вліяніи сочиненій Виргилія на смягченіе скиѳскихъ нравовъ, Теодерихъ объявилъ, что онъ сохранитъ миръ и загладитъ грѣхъ своего дѣда (Алариха I), на памяти котораго лежитъ позоръ взятія Рима (410), но только въ такомъ случаѣ, если Авитъ приметъ имя Августа. Благодаря такому странному вмѣшательству и почину варварскаго конунга, Авитъ дѣйствительно сдѣлался императоромъ и нашелъ большое сочувствіе и поддержку, какъ среди мѣстной Галло-Римской аристократіи, такъ и среди варваровъ. По его-то причинѣ Вест-Готы

---

*) Подробности у Гиневского: Аполлинарій Сидоній.

и Бургунды совершили походъ въ Испанію для возстановленія тамъ Римской власти и для обузданія Свевъ. Между тѣмъ въ Римѣ недовольны были императоромъ, который опирался на чуждые Италіи элементы; въ столицѣ произошло какъ-бы народное возстаніе, причемъ толпа требовала удаленія Галльскихъ войскъ изъ Рима; но главнымъ двигателемъ переворота оказался тоже варваръ-Свевъ Рицимеръ, начальникъ наемныхъ Германскихъ дружинъ; онъ низверлъ Авита, далъ ему вмѣсто императорскаго трона епископскую каѳедру и провозгласилъ своего избранника. Между тѣмъ В. Готы и Бургунды воротились изъ похода и, конечно, были крайне недовольны низложеніемъ Авита, на котораго могли смотрѣть, какъ на своего избранника; недовольна была и Галло-Римская аристократія. Вотъ въ этотъ то моментъ и послѣдовало движеніе Бургундовъ на Западъ, въ собственную Галлію, къ Ліону и Віеннѣ. Очевидно, что при знакомствѣ съ обстоятельствами, которыя мы сейчасъ припомнили, получаютъ особенное значеніе замѣтки, находящіяся въ хронникѣ подъ 456 (457) годомъ: „Eo anno Burgundiones partem Galliae occupaverunt terrasque cum Gallicis senatoribus diviserunt*). Въ этихъ словахъ какъ будто содержится намекъ на то, что Бургунды явились въ Галлію даже съ согласія мѣстной аристократіи, хотя она и должна была подѣлиться съ ними землею. На этомъ дѣло не остановилось. Бургунды стали распространять свою власть въ прежнія поселенія Аллоброговъ, въ такъ называемую Gallia Viennensis, и затѣмъ заняли ту часть теперешней Франціи, гдѣ

*). Въ этомъ году Бургунды заняли часть Галліи и раздѣлили земли съ Римскими сенаторами." (Подъ сенаторами разумѣются богатые аристократы-землевладѣльцы)

находится городъ Besançon и позднѣйшая французская провинція Бургонь. Такъ область за областью ускользала изъ рукъ Римлянъ и подпадала подъ власть варваровъ.

Обратимся теперь къ вопросу о томъ, какъ устроились Бургунды на Галльской почвѣ по отношенію къ Галло-Римлянамъ и какъ раздѣлили землю между собою? Когда мы говорили о законодательствѣ В. Готовъ, то сказали, что у нихъ былъ признанъ такъ называемый принципъ личности права; то же можно сказать и относительно Бургундовъ. Уже о Хильперикѣ, носившемъ санъ Римскаго патриція прежде чѣмъ онъ достигъ королевскаго достоинства въ Бургундскомъ королевствѣ, говорится, что при немъ общественное право получило свою редакцію: ditionis regiae jus publicum tempore illo redactum est. (vita St. Lupicini), т. е. иначе сказать, что онъ издалъ особое законодательство. Но при этомъ нужно думать только о спеціальныхъ и временныхъ законахъ, которыми онъ вмѣстѣ со своимъ братомъ Гундіохомъ, также римскимъ magister militum опредѣлялъ юридическое положеніе прежняго Савойскаго населенія къ Германскимъ поселенцамъ, распространившимся по всей странѣ. Эти постановленія совершенно потеряны для насъ и слѣды ихъ въ законодательныхъ памятникахъ, до насъ дошедшихъ, почему-то могутъ быть угадываемы, но не могутъ быть навѣрно указаны. За то до насъ дошла вполнѣ Бургундская правда „Lex Burgundionum". Она обязана своимъ происхожденіемъ знаменитому сыну Гундіоха-Гундобалду (473-516) и оттого носитъ названіе „Liber legum Gundebadi" или „Lex Gundebada" или просто „Gombata", по французски „La loy Gombette".

Первоначальная редакція этого законодательства относится къ 480-490 г.; вскорѣ однако послѣдовала вторая

редакція его, когда Гундобальдъ сдѣлался государемъ и второй части Бургундской земли (удѣла Годегизела), причемъ первая редакція слита была съ мѣстными постановленіями вновь пріобрѣтенной части и прибавлены постановленія сейма въ Амберіеѣ.
Третья редакція была произведена при Сигизмундѣ (516-523). Несмотря на всѣ постепенныя переработки, Бургундская правда въ основныхъ элементахъ все-таки должна быть считаема твореніемъ короля Гундобальда и служитъ краснорѣчивымъ свидѣтельствомъ его высокаго государственнаго ума и благородныхъ стремленій - водворить справедливость въ правительствѣ, неподкупность среди чиновниковъ, основать силу и прочность королевской власти на расположеніи подданныхъ. Одинъ изъ церковныхъ писателей IX вѣка - Агобардъ Ліонскій, высказывалъ особое негодованіе противъ этого законодательства, такъ какъ онъ думалъ, что нечестивыми постановленіями еретика Гундобальда „homo haereticus et fidei catholicae vehementer inimicus" былъ введенъ принципъ судебныхъ поединковъ. Но намъ извѣстно, что принципъ этотъ былъ весьма древнимъ у Германцевъ; новость составляетъ развѣ только то, что въ Бургундской правдѣ допускается поле или бой (certamen), какъ средство улики противъ клятвопреступныхъ свидѣтелей или соприсяжниковъ въ судебномъ процессѣ. За этимъ исключеніемъ, какъ уже сказано, законы Гундобальда проникнуты довольно гуманнымъ духомъ x). Въ нихъ прежде всего выражается желаніе облегчить сближеніе варваровъ съ Римлянами. Такъ напр. законъ о гостепріимствѣ гласитъ: „Если кто-нибудь, путешествуя по своимъ дѣламъ, придетъ въ домъ Бургунда и попроситъ у него гостепріимства, а тотъ ему укажетъ

x) См. предисловіе Гизо: Hist. d. l. civil. en Fr. русскій перев. стр. 182.

домъ Римлянина и если это можно будетъ доказать, то пусть Бургундъ заплатитъ три солида тому, чей домъ онъ указалъ и три солида пени."
Извѣстный писатель того времени, Аполлинарій Сидоній въ своихъ сочиненіяхъ сообщаетъ нѣкоторыя черты, показывающія, что извѣстная доза добродушія лежала вообще въ народномъ характерѣ Бургундовъ и находила свое выраженіе въ ихъ отношеніи къ Римскому населенію. Слѣдуетъ замѣтить, что Бургундская правда имѣла силу не только въ дѣлахъ между Бургундами, но и для тѣхъ случаевъ, когда случались тяжебныя дѣла варвара съ Римляниномъ. Тѣмъ не менѣе, согласно съ принципомъ личности права, законодатель счелъ нужнымъ обѣщать Римлянамъ сохраненіе ихъ особыхъ законовъ; соотвѣтственно съ тѣмъ, вскорѣ послѣдовало изданіе „Lex romana Burgundionum" (иначе Papianus) - компиляціи изъ кодекса Θеодосія и другихъ римскихъ источниковъ, назначенная спеціально для мѣстнаго Галло-Римскаго населенія.
Относительно раздѣла земли въ Lex Gombata находятся слѣдующія постановленія:
„Въ то время, какъ народъ нашъ получилъ треть рабовъ и двѣ трети земель, нами было издано такое постановленіе, что тотъ, кто уже (раньше) по милости нашей или нашихъ родителей, получилъ поле съ рабами, не требовалъ (снова) ни трети рабовъ, ни двухъ третей земли - въ томъ мѣстѣ, гдѣ ему отведенъ постой (hospitalitas fuerat delegata). Тѣмъ не менѣе, мы узнали, что многіе, не помня объ угрожающей имъ опасности, преступили нашу заповѣдь; поэтому необходимо, чтобы издаваемое теперь въ видѣ постояннаго закона постановленіе, обуздало притязательныхъ своевольниковъ и доставило врачество (помощь) должной безопасности пострадавшимъ. Итакъ, мы повелѣваемъ, чтобы весь тѣ, ко-

торые уже были надѣлены отъ нашей щедрости помѣстьями и рабами и несмотря на то уличаются въ захватѣ земель у своихъ хозяевъ (hospites) обязаны были безъ замедленія воротить несправедливо присвоенное."

Изъ этой статьи видно, что и у Бургундовъ принципомъ дѣлежа земли была терціація (трети), что они брали ⅔ земель, что были злоупотребленія, состоявшія въ томъ, что люди, получившіе разъ надѣлъ, этимъ недовольствовались и умѣли захватить еще новыя земли.

„Этимъ закономъ мы отмѣняемъ также новое и излишнее притязаніе фараманновъ (т. е. главъ Бургундскихъ семей - фамилій) въ отягощеніе и вредъ поссессоровъ (римскихъ), относительно свѣжихъ распашекъ (de exartis) и постановляемъ, чтобы какъ по отношенію къ лѣсамъ, такъ и по отношенію къ вновь занятымъ (распаханнымъ) участкамъ земли - сдѣлано ли это прежде или теперь - имѣла приложеніе слѣдующая сдѣлка съ Бургундами: какъ уже раньше было постановлено, половина лѣса вообще должна принадлежать Римлянамъ." Смыслъ этого постановленія заключается въ томъ, что если Бургундъ захочетъ распахать часть лѣса, находившагося прежде въ совмѣстномъ владѣніи обѣихъ сторонъ - варвара и Римлянина - то онъ долженъ первоначально раздѣлиться съ Римляниномъ и уступить ему половину лѣса въ отдѣльную собственность.

На основаніи постановленій Lex Gombata, одинъ изъ новѣйшихъ ученыхъ юристовъ x) полагаетъ, что земля была сначала раздѣлена Бургундами пополамъ съ туземцами, а затѣмъ варвары взяли ⅓ ея; но это безъ сом-

x) Binding. „Das Burgundisch-romanische Königreich." Leipzig. 1868.

нанія не вѣрно и гораздо болѣе есть вѣроятія, что съ самаго начала въ Савойю Бургунды получили 1/3 земли, 1/3 рабовъ и половинное пользованіе лѣсами. Дѣленіе въ Сабаудіи было первымъ дѣленіемъ, второе же произошло въ то время, когда они были распространены въ Галліи послѣ завоеванія земли на рѣкѣ Ронѣ и было произведено не по новому способу, а по той же системѣ третей; можно признать третье дѣленіе земли, послѣ новыхъ территоріальныхъ пріобрѣтеній; однимъ словомъ, если было нѣсколько послѣдовательныхъ дѣленій, то они отличались одинъ отъ другаго не способомъ и размѣромъ дѣленія, а только географическимъ положеніемъ мѣстности, подвергшейся операціи раздѣла: земля была раздѣлена два или три раза, но не въ одномъ мѣстѣ, а въ разныхъ территоріяхъ. При системѣ раздѣла съ отдѣльными Римскими собственниками, Бургунды, точно такъ, какъ и В. Готы, очевидно, не получили для себя сплошной особой территоріи, а должны были размѣститься въ разныхъ пунктахъ, посреди романизованнаго населенія; Бургундскіе участки пересѣкались и перемѣшивались вездѣ съ Галло-Римскими, имѣя видъ квадратовъ на шахматной доскѣ. Отсюда вытекали такія слѣдствія, что общинный бытъ Германцев не могъ удержаться; ~~Германская община или марка должна была подвергнуться разложенію и вмѣсто~~ общиннаго владѣнія землей получила преобладаніе Римская система личной и безусловной собственности.

Бургунды, попавъ въ область, населенную романизованными подданными Римской имперіи, должны были и сами романизоваться, что и случилось на самомъ дѣлѣ. Въ настоящее время, области южной Франціи и Швейцаріи, гдѣ было нѣкогда что нѣмецкое

племя, не сохранили почти ничего нѣмецкаго и принадлежатъ въ наиболѣе французскимъ. Процессъ этотъ начался тотчасъ же послѣ поселенія Бургундовъ на Римской почвѣ.
И такъ, какъ В. Готы, такъ и Бургунды не могли сохранить своей Германской особенности; имъ суждено было распуститься въ романской массѣ. Очевидно, что для прочности Бургундскаго государства, а можетъ быть и для народнаго блага было желательно, что бы неизбѣжный процессъ совершился какъ можно скорѣе; скорѣе уничтожилось бы всякое различіе между Бургундомъ и Римляниномъ Галліи; но и здѣсь на пути къ этому мирному сліянію стояло одно большое препятствіе — разница вѣроисповѣданій. Бургунды, вѣроятно вслѣдствіи сосѣдства съ Готами, сдѣлались Аріанами. Такимъ образомъ въ Бургундскомъ государствѣ существовали двѣ церкви — католическая и аріанская. При тогдашнемъ настроеніи умовъ, вопросъ вѣроисповѣдный обладалъ наибольшею способностью волновать умы; ясное дѣло, что борьба между духовенствомъ той и другой церкви была неизбѣжна. Католическое духовенство, во главѣ котораго стояли 25 епископовъ, находившихся въ каждомъ значительномъ городѣ, было несравненно сильнѣе моральными и даже отчасти и матеріальными средствами борьбы. Оно обладало большею силою организаціи — наслѣдство отъ временъ Римской имперіи и цивилизаціи — находилось въ постоянныхъ сношеніяхъ съ духовенствомъ остальной Галліи, а также Испаніи и что еще важнѣе — Рима. Въ отношеніи къ послѣднему даже начало проявляться нѣкоторое начало подчиненія.
Споръ между двумя епископами южной Галліи — Арелатскимъ (Арль) и Вьеннскимъ о правахъ митрополичьихъ, о приматѣ въ Галліи, послужилъ поводомъ

къ тому, что онъ каѳедра обращались въ Римъ за рѣшеніемъ. Когда Иларій Арелатскій не хотѣлъ покориться и признать обязательность папскаго приговора, то поплатился за это тѣмъ, что у него было отнято уже дарованное ему преимущество предъ Віенною. Споръ длился; папы рѣшали такъ и иначе и не стѣснялись отмѣнять постановленія своихъ предшественниковъ; и все-таки оба наиболѣе могущественные представители церкви Галло-Бургундской признавали высшій авторитетъ Рима. Не говоря о томъ, что посредничество было иногда не лишнимъ уже въ виду самоуправныхъ дѣйствій іерарховъ, вродѣ Иларія, вводившаго епископовъ на ихъ каѳедры вооруженною силою, связь съ Римомъ и Римскимъ престоломъ поддерживала въ католическомъ духовенствѣ сознаніе общности интересовъ, расширяла кругозоръ и т. п. Тоже самое значеніе имѣли и большіе соборы всего Галльскаго духовенства, которые продолжали собираться еще во второй половинѣ V вѣка и только къ началу VI-го прекратились, бывъ замѣнены ежегодными частными соборами только бургундскаго духовенства. Помимо болѣе широкихъ связей и лучшей организаціи, католическое духовенство было и гораздо образованнѣе аріанскаго. Точно также, какъ это было въ Африкѣ, — оно восполняло свои ряды въ средѣ мѣстной аристократіи; весьма часто епископская каѳедра была только вѣнцомъ и завершеніемъ служебной свѣтской карьеры. Обладая большимъ образованіемъ и опытностью въ дѣлахъ, католическіе епископы далѣе въ аріанскихъ королевскихъ дворахъ становились приближенными руководителями — въ иностранныхъ сношеніяхъ, въ дипломатической перепискѣ, которая велась, конечно, на латинскомъ языкѣ. Сверхъ того, въ третьихъ, католическое духовенство обладало въ Бур-

гундіи, какъ и вообще въ Галліи, значительными материальными средствами, и умѣло пользовалось ими самымъ цѣлесообразнымъ образомъ и въ самыхъ великихъ размѣрахъ. Среди всеобщихъ бѣдствій, оно являлось утѣшителемъ, выкупало плѣнныхъ, вновь строило разрушенныя церкви......

Въ противоположность тому, въ аріанскихъ церквахъ замѣчаются слѣдующія черты. У нихъ есть наклонность превращаться въ областную церковь (Landeskirche), въ каждомъ отдѣльномъ государствѣ безъ общей связи съ другими, при томъ съ тѣмъ ограниченіемъ, что каждая аріанская церковь должна была терпѣть возлѣ себя другую, т. е. католическую. Силою прозелитизма аріанское духовенство не отличалось, хотя конечно, вопреки пристрастнымъ католическимъ писателямъ, которые говорятъ объ обращеніи массами въ католичество - были и обратные переходы Римлянъ въ аріанство. Важнѣе всего то наблюденіе, что между отдѣльными церквами аріанскими не было солидарности. Мы знаемъ, правда, что аріанскіе конунги Вандаловъ въ Африкѣ прибѣгали къ системѣ возмездія въ отношеніи къ Римскимъ (восточнымъ) императорамъ; но нигдѣ не видимъ, чтобы когда либо явилась положительная идея о союзѣ между всѣми аріанами - Бургундами, В. Готами, О. Готами, Вандалами.

Внутренняя слабость Бургундскаго государства, обусловливаемая церковнымъ раздвоеніемъ, обнаружилась съ особенною ясностью въ ту критическую минуту, когда въ сосѣдствѣ появился варварскій король, принявшій католичество и тѣмъ самымъ привлекшій къ себѣ всѣ симпатіи Галло-римскаго населенія, находившагося подъ властью аріанскихъ конунговъ.

Послѣ крещенія Хлодовиха (496), Авитъ Вьенскій, нап-

более видный изъ Бургундскихъ католическихъ епископовъ, уже обращался къ нему съ письмами, въ которыхъ говорилъ о томъ, что его успѣхи составляютъ утѣшеніе не для однихъ только его подданныхъ: „ты сражаешься, а мы побѣждаемъ". Хлодовигъ занялъ угрожающее положеніе по отношенію къ Гундобальду. Въ эту затруднительную минуту и былъ поднятъ - понятно съ чьей стороны - вопросъ объ единствѣ и спокойствіи церквей. Дворъ короля сдѣлался ареной горячей борьбы: одна партія хотѣла обратить его въ католичество, но другая партія стояла за національную религію. Требовали диспута и требованія были такъ настоятельны, что Гундобальдъ нѣкоторое время спасался только тѣмъ, что нигдѣ и никому не показывался. Его положеніе было дѣйствительно, весьма тяжело. Никогда единство исполаго въ его подданныхъ не было болѣе желательно; но какимъ путемъ можно было его достигнуть? Между тѣмъ католическіе епископы собрались въ 499 на свой соборъ въ г. Ліонъ и сейчасъ же отправили къ королю депутацію. Во главѣ ея былъ Авитъ, который обратился къ Гундобальду съ такою рѣчью: „если король желаетъ мира церкви, то они готовы доказать истину своего исповѣданія неопровержимыми доводами". Это значило, что требуется состязаніе, диспутъ о вѣрѣ. Королю казалось опаснымъ возбуждать религіозные споры и страсти въ данный моментъ. Онъ говорилъ: „если ваша вѣра есть истинная, то почему ваши епископы (тутъ особенно разумѣлся Ремигій Реймскій), не останавливаютъ короля Франковъ, который мнѣ объявилъ войну и соединился съ моими врагами на мою гибель. Желать чужого владѣнія, жаждать крови народовъ - это не есть вѣра. Пусть онъ докажетъ

свою вѣру своими дѣлами". „Мы не знаемъ, отвѣчаютъ епископы, по какой причинѣ Хлодовигъ дѣлаетъ то, въ чемъ вы его обвиняете; но писаніе учитъ насъ, что государства разрушаются вслѣдствіе отпаденія отъ Божественнаго закона, и что противъ враговъ Божіихъ являются со всѣхъ сторонъ враги земные. Обратитесь со своимъ народомъ къ истинному Божественному закону и вы будете имѣть миръ внутри вашего государства." „Но развѣ я не признаю Божественнаго закона, возразилъ король, потому только, что я не могу вѣрить въ трехъ Боговъ; вы говорите, что я не исповѣдую Божественнаго закона, но въ священномъ писаніи читается, что Богъ одинъ, а не многіе."

Однако, король допустилъ диспутъ, который, понятно, ни къ чему не привелъ и оставилъ обѣ стороны при прежнихъ убѣжденіяхъ. x) Какъ Гундобальдъ справился съ Хлодовигомъ, объ этомъ мы узнаемъ послѣ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію двухъ другихъ завоеваній, двухъ новыхъ варварскихъ государствъ, образовавшихся на Римской почвѣ — Вандальскаго — въ Африкѣ и Англо-Саксонскаго — въ Британіи. Какъ уже извѣстно, Вандалы жили первоначально между Эльбой и Вислой. Около 272 года они передвинулись въ Паннонію, съ согласія императора Римскаго, а съ 406 года мы видимъ ихъ уже въ Галліи и Испаніи. Изгнанные Вест-Готами въ 427 году изъ Испаніи, они въ промежуткѣ между 429 и 439 годами основываютъ, подъ предводительствомъ Гензериха, государство на сѣверномъ берегу Африки: Африка, завоеванная Римомъ, представ

x) Разсказъ объ этомъ диспутѣ помѣщенъ между прочимъ у А. Thierry, въ приложеніяхъ „Истор. завоев. Англіи Норманнами."

няла одну изъ самыхъ цвѣтущихъ провинцій имперіи; богатая хлѣбомъ, она еще раньше Вандаловъ привлекала на себя взгляды и служила предметомъ желаній завоевателей - варваровъ.

Основавшись на сѣверномъ берегу Африки, Вандалы не отказались все же отъ хищничества и разбоя; подобно Готамъ, которые изъ своихъ жилищъ на югѣ Россіи громили берега Черного моря и доходили до Малой Азіи, и Вандалы устроили флотъ и въ своихъ разбойничьихъ набѣгахъ захватили даже два большіе острова Средиземнаго моря - Корсику и Сицилію. Въ 455м году Гейнзерихъ со своими Вандалами является въ Римъ и въ продолженіи 14ти дней происходитъ здѣсь грабежъ и раззореніе Вѣчнаго города; только жизнь Римлянъ была пощажена, благодаря просьбамъ Льва епископа. Но несмотря на эту внѣшнюю силу и страхъ, наводимый ихъ именемъ, государство Вандальское было непрочно и оказалось недолговѣчно. Черезъ 100 лѣтъ, въ 534 году, оно было завоевано войсками Велизарія, полководца императора Юстиніана.

Причина непрочности этого новаго государства лежала въ тѣхъ отношеніяхъ, въ которыя побѣдители стали къ побѣжденному ими Римскому населенію провинціи. Отношенія эти опредѣляются съ одной стороны характеромъ и обстоятельствами завоеванія, съ другой - религіознымъ антагонизмомъ аріанства и католичества. Завоеваніе совершилось быстро и безъ всякаго согласія, хотя бы только формальнаго и наружнаго, со стороны императора и всего меньше - въ союзѣ съ мѣстнымъ населеніемъ. Завоеваніе это представляетъ полную противоположность завоеваніямъ В. Готовъ и Франковъ, которые основались на земляхъ имперіи въ согласіи съ провинціалами и во всякомъ случаѣ постепенно, а за тѣмъ вступили и въ тѣсный союзъ съ мѣстнымъ

Галло-Римскимъ населеніемъ. Вандалы же своимъ господствомъ въ Африкѣ только своему мечу, какъ на это прямо указывалъ преемникъ Гейнзериха, говоря, что онъ обязанъ своими владѣніями только Богу, т. е. завоеванію и наслѣдственному праву; послѣднее упрочено и точнѣе опредѣлено именно Гейнзерихомъ. Такимъ образомъ Римское населеніе оказалось просто въ положеніи побѣжденнаго населенія, доставшагося во власть врагу и очутившагося въ положеніи военноплѣнного.
Обратимъ вниманіе на одну знаменательную черту въ отношеніяхъ Вандаловъ къ Риму: государства, образовавшіяся на Римской почвѣ, не чеканили собственной, присвоенной только имъ монеты, а имѣли на монетахъ своихъ изображеніе императора Римскаго; однѣ только Вандальскія монеты „автономны", какъ говорится въ нумизматикѣ, и золотыхъ Вандальскихъ монетъ съ изображеніемъ императора совершенно не встрѣчается.
Что касается до отношеній побѣдителей къ провинціаламъ, то мы должны отмѣтить здѣсь двѣ группы, на которыхъ держалось все:
1) Католическій клиръ, сильный своей многочисленностью, крѣпкой организаціей, богатствомъ, своими отношеніями къ Риму и Византіи и
2) классъ землевладѣльцевъ, зажиточныхъ и образованныхъ, почти наслѣдственно владѣвшихъ важнѣйшими должностями, однимъ словомъ, нѣкотораго рода дворянство. Послѣднее уже своимъ богатствомъ возбуждало жадность завоевателей, первое — возбуждало нерасположеніе и антагонизмъ религіознымъ отличіемъ.
Только насчетъ высшаго класса могли быть удовлетворены тѣ надежды на добычу и привольную жизнь, которыя манили Вандаловъ черезъ море въ богатую Африку.

Точныя извѣстія о судьбѣ, постигшей это Римское дворянство, не многочисленны и въ сущности относятся только къ одному городу, но за то къ такому городу, гдѣ сосредоточивались высшіе представители сословія и гдѣ они жили въ наибольшемъ количествѣ, именно къ Карѳагену. И здѣсь источники указываютъ на особенное преслѣдованіе нобилей (nobiles, senatores). Въ отличіе отъ другихъ варваровъ, Вандалы утвердились сплошною массою въ области древняго Карѳагена; очевидно, что туземное населеніе не могло быть пощажено; и дѣйствительно, Вандальское завоеваніе отличалось здѣсь крайней жестокостью; особенно сильно, по свидѣтельству Виктора Витенскаго (Victor Vitensis), пострадали землевладѣльцы: Гензерихъ, по словамъ его, „взялъ многія знатныя семейства въ плѣнъ, приказавъ имъ отдать все свое золото и драгоцѣнности". Gensericus senatorum non parvam multitudinem captivavit et inde proposuit decretum, ut unus quisque auri, argenti gemmarum vestimentorumque pretiosorum quod cumque haberet afferet."

Въ другомъ мѣстѣ тотъ же писатель говоритъ: „senatorum atque honoratorum multitudinem primo exilio crudeli contrivit, postea transmarinas in partes projecit." Многіе изъ туземныхъ nobiles были изгнаны, многіе убиты, казнены какъ преступники и обращены въ крепостныхъ или даже рабовъ на прежнихъ своихъ имѣніяхъ.

Но все-таки не слѣдуетъ считать это преслѣдованіе систематическимъ истребленіемъ. И послѣ въ завоеванномъ проконсульствѣ встрѣчаются Римляне; иногда они занимаютъ даже высшія должности при дворѣ и несмотря на всѣ дальнѣйшія притѣсненія большое число ихъ удержалось во все время Вандальскаго господства. Въ муниципальномъ управленіи также мно-

ія должности въ сенатѣ были заняты ими. Они-то первые пристали, черезъ 100 лѣтъ, вмѣстѣ съ духовенствомъ къ войскамъ Велизарія.
Изъ среды остального дворянства, внѣ Карфагена, многіе подверглись также изгнанію или смерти. Вообще же положеніе ихъ образовалось въ слѣдующемъ видѣ:
1) Самыхъ знатныхъ постигла наиболѣе горькая участь. Имѣнія ихъ король захватилъ на себя и на своихъ сыновей чтобы вести на нихъ хозяйство посредствомъ несвободныхъ Вандаловъ или мѣстныхъ рабовъ (servi); вмѣстѣ съ тѣмъ и прежніе владѣльцы были оставлены на своей землѣ рабами, по свидѣтельству Прокопія Кесарійскаго (Ἐν ἀνδραπόδων μοίρᾳ). Конечно, можно предположить, что слова Прокопія Кесарійскаго не должны быть понимаемы буквально, что подъ „рабскимъ" состояніемъ разумѣется у него и крѣпостное состояніе-колонатъ; или что король Гейнзерихъ и его сыновья иногда оставляли прежнихъ владѣльцевъ на своей землѣ въ видѣ полу-свободныхъ и податныхъ людей, въ видѣ колоновъ, а не только рабовъ.
Прежніе собственники тѣхъ земель, которыя достались въ видѣ отдѣльныхъ участковъ Вандаламъ, хотя и остались лично свободными, но были лишены своей поземельной собственности и сдѣлались совершенно бѣдными и беспомощными. Вандалы не поступали подобно другимъ варварамъ, которые оставляли извѣстную, хотя незначительную часть земли (1/3) провинціаламъ; они, какъ уже сказано выше, всѣ поселились сплошною массою въ такъ называемой проконсульской провинціи и прежніе жители ея должны были уступить насилію завоевателей. Въ иныхъ случаяхъ, здѣсь предоставлялось на ихъ полную волю, - или уходить ни съ чѣмъ, или же, покорившись, обратиться въ рабовъ или колоновъ.

Въ остальныхъ частяхъ, особенно на окраинахъ, въ пограничныхъ провинціяхъ, гдѣ земля была хуже, остались многочисленные землевладѣльцы лично-свободными на своихъ участкахъ, но только обремененные крайне тяжелыми податями, тѣмъ болѣе тяжелыми, что Вандалы сами за лучшую землю не платили ничего. Въ житіяхъ святыхъ (напр. Vita S. Fulgentii. Acta SS. Bolland. 1 Januar) довольно часто встрѣчаются указанія на то, что тотъ или другой благочестивый человѣкъ знатнаго происхожденія (nobilissimus) пожертвовалъ въ пользу церкви (католической) свою землю, свое поле (proprium agellum) - ясное доказательство, что не всѣ землевладѣльцы подверглись одинаковой участи. Но особенно тяжелъ былъ переворотъ для католической церкви, до сихъ поръ столь богатой, занимавшей здѣсь прочное, установившееся положеніе, незадолго до того прославленной и возвеличенной дѣятельностью Августина. Число епископскихъ каѳедръ, простиравшееся здѣсь до 500, показываетъ намъ твердое положеніе церкви въ странѣ, гдѣ подъ покровомъ этой самой церкви выросли и прославились знаменитые Орозій, Викторъ Витенскій, и другіе католическіе дѣятели.

Вандалы, благодаря своему близкому родству съ Готами познакомившіеся съ переводомъ св. Писанія, сдѣлались Аріанами и, послѣ завоеванія Африки, воздвигли страшные гоненія на католическую церковь. Нетерпимость Вандаловъ-аріанъ обнаружилась уже при Гензерихѣ и особенно усилилась при его преемникахъ.

Казалось бы страннымъ, откуда явился подобный фанатизмъ у Германцевъ, даже въ языческія времена не имѣвшихъ привычки стѣснять свободу совѣсти, не отличавшихся никогда прозелитизмомъ, относившихся совершенно пассивно къ религіи и воззрѣніямъ другихъ. Одинъ изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса - Dahn,

говоритъ, что причины этому надо искать въ поведеніи самой православной церкви.
Само населеніе, по его мнѣнію, а также и католическое духовенство, сохранявшее привязанность къ древнему Риму и новой Византіи, враждебно относилось къ варварамъ-аріанамъ; оно завязывало сношенія, начинало интриги, вызывавшія подозрѣнія, что всѣ эти козни строятся и противъ политическаго господства Вандаловъ въ странѣ.
Иногда это гоненіе имѣло видъ возмездія за преслѣдованія Аріанъ, что прямо даже высказывается въ эдиктахъ Гунериха, одного изъ преемниковъ Гейзериха.
Наконецъ, Аріанская церковь, основавшаяся здѣсь недавно и не имѣвшая никакихъ богатствъ, должна была надѣлить своихъ служителей имѣніями и могла это сдѣлать не иначе, какъ на счетъ католической.
Вообще, исторія этого гоненія показываетъ, что ожесточеніе и фанатизмъ были высказываемы не только со стороны высшихъ властей, но также, вѣроятно по внушеніямъ духовенства, и со стороны толпы, черни. При Гунерихѣ, съ 475 г. воздвигается гоненіе уже по внушеніямъ чисто-тупого, ожесточеннаго фанатизма; кровожадная жестокость со стороны короля, священниковъ и народа Вандальскаго обнаруживается въ полномъ свѣтѣ.
Дѣло началось съ того, что Гунерихъ лишилъ всѣхъ католиковъ тѣхъ государственныхъ и придворныхъ должностей, которыя они занимали до сихъ поръ. Потомъ, въ 493 г. изданъ былъ указъ, повелѣвавшій всѣмъ епископамъ явиться въ Карфагенъ на состязаніе о вѣрѣ. Очевидно, что подобный диспутъ былъ весьма опасенъ для гонимой католической церкви: чтобы остановить дѣло, епископъ Евгеній Карфагенскій обратился къ Гунериху съ требованіемъ, чтобы на состязаніе приглаше

ны были не только епископы Африки, но Италіи и вообще Римскихъ провинцій." "Завоюй мнѣ эти страны, отвѣчалъ Гунерихъ, и тогда я издамъ подобное повелѣніе." Наконецъ собраны были представители однихъ Африканскихъ церквей; председательство было отдано Аріанскому епископу, что возбудило негодованіе представителей католической церкви и они отказались отъ диспута. Съ другой стороны и аріане не хотѣли начинать состязаніе, отговариваясь незнаніемъ латинскаго языка, на которомъ хотѣли диспутировать православные епископы. Эти последніе оказались виноватыми въ томъ, что диспутъ не состоялся; результатомъ этого собора явился эдиктъ Гунериха, повелѣвавшій закрыть всѣ католическія церкви, сжечь всѣ книги, содержавшія католическое ученіе, конфисковать имущество епископовъ; священникамъ и епископамъ запрещалось вступать въ какія-либо состязанія для защиты своей вѣры, совершать таинство крещенія и т. п.; на мирянъ налагались денежные тяжелые штрафы, они лишались права распоряжаться своимъ имуществомъ посредствомъ завѣщанія, а равно и получать его по наслѣдству или завѣщанію и т. д.

Послѣ смерти Гунериха, дѣло измѣнялось смотря по отношеніямъ Вандальскихъ правителей къ императорской власти въ Римѣ, а потомъ въ Византіи.

Такъ дошло до Гелимера, при которомъ, въ 534 году, Византійскія войска Велизарія явились защитниками и избавителями отъ религіознаго гоненія варваровъ. Вандалы, оставившіе послѣ себя имя, сдѣлавшееся нарицательнымъ для обозначенія варварства и жестокости, обязаны этимъ, очевидно, событію 455 года. Но обвиненіе, взводимое на нихъ, въ сущности преувеличено: они далеко не истребили во время своего 14"дневнаго грабежа всѣхъ памятниковъ Римскаго искусства.

Вюльустьи, въ XVI в. во время господства знаменитой фамиліи Barberini, давшей Риму столько кардиналовъ, говорили, что не barbari разорили Римъ, а Barberini; и въ этомъ была своя доля правды. Но по отношенію къ церкви и населенію, Вандалы по справедливости подверглись порицанію потомства и исторіи.

Перейдемъ теперь къ разбору завоеванія Британскаго острова.

Подобно другимъ владѣніямъ Римской имперіи, и островъ Британія, на которомъ мы должны различать три племени: Бриттовъ, Пиктовъ^х) и Скоттовъ (откуда Scotland - Шотландія) былъ романизированъ и хотя не столько, сколько Галлія, но все же испыталъ на себѣ цивилизующее вліяніе Рима. Здѣсь были, какъ уже извѣстно, Римскія муниципіи, населеніе здѣшнее, особенно южно-британское, оставило послѣ себя множество памятниковъ, свидѣтельствующихъ о значительной степени культурнаго развитія жителей острова.

Во время Римскаго господства вмѣстѣ съ цивилизаціей распространилось здѣсь и христіанство. Существуетъ много преданій о принесеніи христіанства въ Британію; къ таковымъ принадлежитъ, между прочимъ, сага объ Іосифѣ Аримафейскомъ, который послѣ погребенія Іисуса Христа явился, по словамъ преданія, просвѣтителемъ Британіи и основалъ здѣсь монастырь Glastonbury, на югъ отъ Бристоля.

Но гораздо болѣе правдоподобный видъ имѣетъ разсказъ о томъ, что около 170 года одинъ Британскій князь, по имени Люцій (Lever-Maur - великій свѣтъ), отправилъ посольство къ римскому папѣ Элевферію съ прось-

---

х) или Каледонянъ.

вой о наставлении въ истинахъ христіанской вѣры и что слѣдствіемъ посольства было прибытіе миссіонеровъ, основаніе трехъ архіепископствъ и 28 епископій въ Британіи x).

Съ другой стороны есть уважительныя основанія думать, что христіанство Британское заимствовано не изъ Рима, а съ далекаго востока: мы знаемъ, что съ самаго начала Британская церковь не сходилась съ Римскою во многихъ вопросахъ, волновавшихъ тогда умы христіанъ, напр. въ вопросѣ о времени празднованія Пасхи. Въ этомъ вопросѣ Британская церковь была согласна съ съ восточными церквами, а не съ Римомъ. Лаппенбергъ дѣлаетъ предположеніе, что вопросъ о времени празднованія Пасхи волновалъ умы уже умножившихся христіанъ Британіи и что папа Елевферій могъ явиться тутъ посредникомъ.

На возможность происхожденія Британской церкви съ востока указываютъ и другіе факты. Римская власть смѣшала между собою самыя отдаленныя племена и народы; такимъ образомъ мы видимъ здѣсь слѣды культа Митры, Аполлона, видимъ храмы Митры, Сераписа. Наконецъ, есть надписи, которыя прямо указываютъ на присутствіе здѣсь грековъ-сирійцевъ. Такимъ образомъ нѣтъ ничего удивительнаго, что изъ Малой Азіи занесено было христіанство въ Британію. Однако слѣдуетъ замѣтить, что христіанство съ тѣмъ характеромъ, который оно имѣло въ Британіи, могло быть принесено сюда

x) Главнымъ источникомъ для начальной исторіи христіанства въ Британіи служитъ сочиненіе Беды Достопочтеннаго + 735 г. (Baeda Venerabilis): „Historia ecclesiastica gentis Anglorum" напечатана въ Monumenta historia Britannica. Краткое извѣстіе о посольствѣ Луція представляетъ у Беды нѣкоторыя хронологическія затрудненія.

и не прямо изъ М. Азіи, а посредственно, именно чрезъ Галліи. Южная Галлія, въ частности областьнижней Роны, черезъ г. Марсель находилась въ постоянныхъ сношеніяхъ съ М. Азіей и греческая цивилизація здѣсь не была вытѣснена Римскимъ вліяніемъ. Во второй половинѣ II^{го} вѣка были христіанскія общины и церкви въ Ліонѣ и Вьеннѣ: это были церкви греческія; ихъ мученики носятъ греческія имена, епископъИриней Ліонскій писалъ по гречески; въ вопросѣ о праздновании Пасхи онъ былъ противъ Римскаго епископа и соглашался съ обычаемъ Мало-азіатскихъ церквей. Греческія церкви въ долинѣ Роны были колоніями изъ Малой Азіи и онѣ то, быть можетъ, послужили посредницами въ передачѣ христіанства съ ео восточными особенностями въ Британію. Во вторыхъ, не только нѣтъ положительныхъ данныхъ о существованіи христіанства въ Британіи около половины II^{го} вѣка, когда жилъ Альвеерій; напротивъ, есть свидѣтельства противъ этого предположенія. Сочиненіе св. Иринея противъ ересей написано около 176го года; въ немъ Ириней перечисляетъ христіанскія церкви и знаетъ таковыя только въ Германіи и въ Кельтической Галліи (Gallia celtica), т. е. вѣроятно, разумѣя подъ этимъ собственную область около Ліона и Вьенны (Haeres. 1, 10.). Только Тертулліанъ, жившій вначалѣ III^{го} вѣка (ок. 208 г.) упоминаетъ первый съ достаточною ясностію о существованіи христіанства въ Британіи, и даже въ тѣхъ ея частяхъ, куда не ступала нога Римлянъ (et Britannorum inaccessa Romanis loca Christo vero subdita).

Что во время Діоклетіана существовало здѣсь христіанство — сомнѣнія нѣтъ, такъ какъ гоненіе, начавшееся въ Римѣ, отразилось и здѣсь. Доказательствомъ этого служитъ сказаніе о св. Албанѣ, жителѣ Веруламиума (на мѣстѣ котораго монастырь St. Albans). Извѣстно,

что и изъ другихъ мѣстъ пострадали; напр. Юлій и Ааронъ изъ Carleon'a (Beda. 1, 7.). Отъ времени Констан тина есть свѣдѣніе, что британская церковь принима ла участіе въ соборахъ; такъ въ 314 г. въ Арлѣ (Arelate) въ южной Галліи на соборѣ были 3 епископа изъ Брита ніи: Лондонскій, Эборакскій (Горкскій) и епископъ colo niae Londinensium (-вѣрнѣе, колоніи Lindi, т. е. Лин колъна). Они тутъ оказались несогласными въ нѣкото рыхъ пунктахъ съ римскою церковью, съ римскимъ пер восвященникомъ. Не нужно думать, что эти епископ ства существовали только для римскихъ поселенцевъ; они также имѣли отношеніе и къ мѣстнымъ уро женцамъ-кельтамъ. Въ нѣсколькихъ мимоходомъ ска занныхъ словахъ Іоанна Златоуста ученые находили даже указаніе на то, что священное писаніе было пере ведено на мѣстный кельтскій языкъ. Въ одномъ мѣстѣ Златоустъ говоритъ, что Британскіе острова, лежащіе среди океана, почувствовали силу слова (т. е. христі анской проповѣди) и тамъ воздвиглись церкви и утвер дились жертвенники. Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „куда ты ни придешь, къ Индамъ или Британцамъ, вездѣ услышишь „въ началѣ бѣ слово" и найдешь жизнь благочестивую. Можетъ быть впрочемъ нѣсколько сми ло находить здѣсь указаніе на кельтскій переводъ св. Писанія.

Съ водвореніемъ христіанства въ Британіи, начались от сюда пилигримства, которыя сдѣлались обычны со вре мени Константина и матери его Елены. Въ легендѣ о Симеонѣ Столпникѣ указывается на посѣщеніе его жителями отдаленной Британіи. На востокѣ путе шественники британскіе познакомились съ монаше скою жизнію, съ аскетизмомъ; слѣдствіемъ этого зна комства являются въ Британіи монастыри, какъ напр. монастырь Bangor близъ Честера. Наконецъ, о

томъ, какъ принялось здѣсь христіанство и какъ оно вошло въ жизнь, свидѣтельствуетъ между прочимъ появленіе здѣсь еретическихъ ученій, долго волновавшихъ церковь, именно, появленіе ереси Пелагія (пелагіанизмъ.) Ученіе это было особенно распространено на родинѣ Пелагія, перешло оттуда и въ Галлію, такъ что тамъ Римская церковь должна была принимать мѣры для борьбы. Между прочимъ для веденія диспута сюда былъ отправленъ Германъ, епископъ Antissiodorensis, т.е. города Оксерра (Auxerre); хотя диспутъ и кончился торжествомъ православія, однако пелагіанизмъ еще долго держался въ Британіи. Такимъ образомъ вмѣстѣ съ Римскою культурою въ Британіи утвердилась и та религія, которая сдѣлалась въ IV вѣкѣ господствующей въ Римской имперіи.

Около половины V вѣка положеніе Британіи сдѣлалось весьма опаснымъ - усилилось нападеніе германскихъ племенъ. Здѣсь, какъ и въ другихъ мѣстахъ, англо-саксонское завоеваніе было подготовлено до извѣстной степени прежними событіями - германскою колонизаціею, совершившеюся подъ покровомъ Римской власти.

Мы знаемъ, что Саксы раньше появлялись въ Британіи, точно также, какъ и другія Германскія племена. По окончаніи Маркоманнской войны, императоръ Маркъ Аврелій (161-180) переселилъ въ Британію толпы Германцевъ; они должны были служить и галолниками вѣрности своихъ родичей на Римской границѣ, и орудіемъ Римской власти на островѣ. (Dio Cass. XXXI. Kemble, 1, 12).

Во второй половинѣ III° вѣка, императоръ Пробъ (276-282) поселилъ здѣсь значительное количество Бургундовъ и Вандаловъ, которые были полезны ему въ борьбѣ съ мѣстными претендентами (Zosim. 1, 68). Они воздѣлывали землю въ видѣ крѣпостныхъ и еще долго археологи указывали слѣды германскихъ поселеній близь Кембриджа.

Точно также огромныя толпы германцевъ варваровъ бы ли въ числѣ британскихъ легионовъ, о чемъ свидѣтельствуетъ намъ и Амміанъ Марцеллинъ. Онъ говоритъ, что императоръ Валентиніанъ въ 371 году отправилъ въ Британію Фраомара (варварское имя), поставивъ его во главѣ отряда Аламанновъ (Amm. Marc. XXIX, 4.)
Быть можетъ и Саксы, впослѣдствіи явившіеся завоевателями на Британской почвѣ, гораздо раньше познакомились съ этой страной и даже селились въ ней. Въ извѣстномъ административно-статистическомъ описаніи имперіи „Notitia dignitatum utriusque imperii", составленіе котораго относится никакъ не позже начала V в., среди другихъ важныхъ чиновниковъ, завѣдывавшихъ правительственными дѣлами на островѣ, встрѣчаемъ военнаго начальника, носящаго титулъ „comes littoris Saxonici per Britannias" (см. Lappenberg. I, 41, 43); точно также часто встрѣчаются названія „limes saxonicus" и „littus saxonicum" - саксонская граница и саксонскій берегъ. Объ этихъ названіяхъ существуетъ много ученыхъ разсужденій; нѣкоторые говорятъ, что limes saxonicus означаетъ пространство земли, заселенное саксами. Другіе полагаютъ, что limes и littus не могутъ указывать на поселенія Саксовъ, а что это были лишь границы, имѣющія совершенно то же значеніе, какъ впослѣдствіи имѣютъ имперскія марки - Аварская марка, Славянская марка - пограничныя мѣста для защиты отъ нападеній враждебныхъ Славянъ и Аваровъ. Palgrave и Kemble высказываются за объясненіе въ смыслѣ Саксонскаго поселенія.
Во всякомъ случаѣ мы достовѣрно знаемъ, что раньше утвержденія въ Британіи, Саксы дѣлали нападенія на нее; въ половинѣ V вѣка они упоминаются въ числѣ враговъ романизованнаго кельтскаго населенія Британіи, а равно и Ирландіи, подобно Пиктамъ и Скоттамъ.

У Клавдiана, поэта Феодосiя, встрѣчаются такiя слова: „Maduerunt Saxone fuso Orcades; incaluit Pictorum sanguine Thule; Scotorum cumulos flevit glacialis Ierne" — „Оркады обагрились кровью въ бѣгство обращенныхъ Саксовъ; на Тулѣ дымится горячая кровь Пиктовъ; груды павшихъ Скоттовъ оплакиваетъ ледяная Іерна" x) Claud. VIII, 31. Итакъ, Саксы несомнѣнно дѣлали вторженiя въ Британiю и даже основывались тамъ, если принять въ извѣстномъ смыслѣ названiя „limes saxonicus" и „litus saxonicum". Это утвержденiе противорѣчитъ обще-принятой традицiи о томъ, что въ половинѣ V в. они неожиданно и въ первый разъ явились у береговъ Британiи. Во всякомъ случаѣ, участь этихъ ранѣе поселившихся Саксовъ была сходна съ участью остальныхъ варваровъ, поселявшихся не сплошной массой на Римской почвѣ — они слились съ Римскимъ населенiемъ и романизовались сами.

Около половины V вѣка завоеватели Саксы являются уже цѣлыми массами. Когда именно прекратилось Римское влiянiе въ Британiи — объ этомъ нельзя сказать съ точностью. У Беды Достопочтеннаго (Baeda Venerabilis) прямо говорится, что господство Римской власти на островѣ прекращается въ 409 г. когда Готы угрожали Риму: Fracta est autem Roma à Gothis anno 1164 suae conditionis (=409 г.) ex quo tempore <u>Romani in Britannia regnare cessarunt</u>. Вѣроятно, тутъ разумѣется только удаленiе Римскихъ легiоновъ. Провинцiя, организованная Римскимъ государственнымъ генiемъ, предоставлялась сама себѣ и должна была собственными силами бороться съ варварами. Но оказалось, что этихъ силъ было недостаточно и еще не разъ она принуждена была обращаться въ метрополiю съ мольбами о помощи. Наши наиболѣе

x) Thule — Британiя; Ierne — Hibernia — Ирландiя.

древнiе и наиболѣе достовѣрные источники (Gildas, Beda) насчитываютъ три страшныхъ вторженія Пиктовъ и Скоттовъ въ предѣлы романизованной Британіи и всякій разъ Бритты обращались съ просьбою о помощи въ Римъ: Римскіе военные отряды являлись вновь и помогли въ 414 и 416 годахъ справиться съ врагами на сѣверѣ. Но едва они удалялись, опять грозила бѣда. Подъ 418 г. въ Англо-Саксонской хроникѣ стоитъ замѣтка, что въ этомъ году Римляне (на этотъ разъ рѣчь идетъ, очевидно, уже о мирномъ гражданскомъ поселеніи) — собрали свои сокровища, и отчасти зарыли ихъ въ землю, такъ что никто послѣ ихъ не видалъ, а отчасти унесли ихъ съ собою въ Галлію. Однако и теперь связь съ имперіей не была порвана. Третье нашествіе варваровъ относится къ 445 году и тогда-то Бритты отправили извѣстное посольство къ Аэцію, которое должно было сказать: „варвары тѣснятъ насъ къ морю, море гонитъ насъ назадъ къ варварамъ; намъ остается выбирать изъ двухъ родовъ смерти — или утонуть, или быть зарѣзанными". (Gildas, Beda). Военной помощи не пришло, но въ Британіи во второй разъ явился епископъ Германъ Оксеррскій и настолько одушевилъ Бриттовъ, что они еще разъ одержали побѣду надъ врагами, среди которыхъ были повидимому, и вновь пришедшіе Саксы. Это-такъ называемая „Аллилуйская побѣда" (въ ней участвовало духовенство и послѣ побѣды заставило воиновъ пѣть „аллилуіа".

Римская власть прекратилась сама собою: сначала отозваны были легіоны и Британія, окончательно предоставленная на произволъ судьбы, не устояла противъ соединенныхъ нападеній Пиктовъ и Скоттовъ съ одной стороны, Саксовъ — съ другой.

Съ 449 и 450 годовъ начался рядъ большихъ переселеній германскихъ племенъ. Первыми появились здѣсь Юты, затѣмъ

Саксы, Англы и отчасти Фризы.

Имя Саксовъ, занимавшихъ пространство отъ р. Эльбы къ югу до Рейна, дѣлается употребительнымъ въ IV в. вмѣстѣ съ именемъ Франковъ, и, подобно этому послѣднему, означаетъ союзъ нѣсколькихъ мелкихъ племенъ, прежде извѣстныхъ подъ своими отдѣльными названіями (Херуски, Марсы, Хауки и др.); Саксы граничили съ Англами, также жившими недалеко отъ Эльбы (въ нынѣшнемъ Шлезвигѣ); Юты помѣщались на полуостровѣ Ютландіи; Фризы - по берегамъ нѣмецкаго моря, на югѣ по направленію къ Рейну. Всѣ они были близко родственны между собою и составляли нижне-нѣмецкую вѣтвь Тевтонскаго племени. Достовѣрныхъ подробностей о набѣгахъ этихъ племенъ на Британію сохранилось весьма немного. Римскіе писатели совершенно умалчиваютъ объ этихъ событіяхъ, такъ что мы имѣемъ только нѣсколько легендъ, подобныхъ разсказу о Британскомъ князѣ Вортигернѣ и потомъ, о королѣ Артурѣ. Подробности разсказа имѣютъ весьма малую достовѣрность; въ самомъ простомъ первоначальномъ видѣ мы встрѣчаемъ его у Гильды или Гильдаса, у Беды Достопочтеннаго и въ исторіи Неннія. Гильдасъ также упоминаетъ имя князя Вортигерна и говоритъ, что послѣдній, не будучи въ состояніи противостоять напору Пиктовъ и Скоттовъ, призвалъ на помощь англо-саксонскія дружины. Вслѣдствіе призыва явились два князя - Генгистъ и Горза, какъ говоритъ преданіе; имена этихъ послѣднихъ князей, впрочемъ, не упоминаются Гильдасомъ.

Вотъ нѣкоторыя подробности историческаго преданія о завоеваніи Британіи Тевтонскими племенами. Древнѣйшій авторитетъ, какъ сказано, есть Гильдасъ или Гильда, по прозванію Мудрой, жившій въ первой половинѣ VI вѣка и носившій санъ священника въ Британской церкви; въ 550 году онъ покинулъ родину и пе-

реселился на противоположный берегъ Галліи въ Армо-
рику; гдѣ и написалъ въ формѣ посланія свою „liber que-
rulus de excidio Britanniae" (около 560 г.) Сообщаемъ въ
извлеченіи его разсказъ. Послѣ посольства къ Аэцію, Брит-
ты вскорѣ одержали побѣду надъ врагами, что нужно
приписать единственно помощи свыше. Бритты недос-
тойны были побѣды и не умѣли ею воспользоваться.
Они были слабы въ борьбѣ съ внѣшними врагами, но
неукротимы въ междоусобныхъ войнахъ. Во время спокой-
ствія, послѣдовавшаго за пораженіемъ Римлянъ, сна-
ружи развивается сильная деморализація, возрастаетъ рос-
кошь, увеличивается любовь ко лжи. Помазывались на
царство короли (reges?) но не по Богу, а изъ тѣхъ, кто
выдавался среди другихъ жестокостью, и немного времени
спустя избранникъ былъ умерщвляемъ безъ всякаго изслѣ-
дованія истины тѣми самыми людьми, которые его
помазали. Если появлялся властитель болѣе другихъ
кроткій и болѣе любящій правду, то на него, какъ будто
на какого разрушителя Британіи (Britanniae subver-
sorem), устремлялась всеобщая ненависть и безчислен-
ныя стрѣлы. Деморализація проникла и въ среду духов-
ныхъ пастырей; они утопали въ винѣ, предавались гру-
бому пьянству. И вотъ снова приходитъ вѣсть о врагахъ,
а вмѣстѣ съ тѣмъ усиливается голодъ и моръ. Собира-
ется совѣтъ и начинается разсужденіе о томъ, что слѣ-
дуетъ предпринять для отраженія столь частыхъ и
столь звѣрскихъ вторженій язычниковъ. Тогда всѣ совѣт-
ники вмѣстѣ съ гордымъ вождемъ Бриттовъ (Britan-
norum duce) — Гуртигерномъ (Gurthigerno, у другихъ — Вор-
тигернъ) будто впали въ ослѣпленіе и придумали та-
кую защиту, или лучше сказать, гибель отечеству: пусть
этотъ свирѣпый, ненавистный Богу и людямъ народъ,
носящій проклятое имя Саксовъ, будетъ впущенъ на ос-
тровъ, подобно волкамъ въ овчарню, для отраженія сѣ-

верныхъ племенъ (Пиктовъ и Скоттовъ). Было рѣшено безумiемъ приглашать къ себѣ ближе тѣхъ, которые уже издали наводили страхъ. И вотъ какъ будто стая дѣтенышей, вырывающаяся изъ логовища варварской львицы, на трехъ, какъ это у нихъ говорится, кiулахъ (cyulis, а въ переводѣ на нашъ языкъ — длинныхъ корабляхъ, (longis navibus), при попутномъ вѣтрѣ, высаживаются сначала на восточномъ берегу острова пришельцы, призванные злосчастнымъ тиранномъ (Вортигерномъ), и впускаютъ въ землю свои страшные когти, какъ будто намѣреваясь защищать отечество, а вѣрнѣе — воевать противъ него. Когда вышесказанная же родительница (т. е. львица, а безъ метафоры — родина) узнала о счастливой удачѣ первой стаи, то сейчасъ же выслала болѣе многочисленную свору спутниковъ и собакъ, которая прибыла на судахъ и присоединилась къ первому отряду. Такимъ образомъ впущенные на островъ, варвары потребовали себѣ съѣстныхъ припасовъ; выдаваемые долгое время въ изобилiи, припасы эти заткнули, какъ говорится, собачью пасть. Но за тѣмъ начинаются жалобы на недостаточность припасовъ; намѣренно преувеличиваются всѣ поводы къ неудовольствiю, раздаются угрозы, что, если не будетъ оказано большей готовности и щедрости, они разорвутъ договоръ и предадутъ все разоренiю. За словами скоро послѣдовали соотвѣтственныя дѣла. Затѣмъ описывается наступившiй погромъ: варвары все обращаютъ въ развалины; вся страна отъ моря до моря устлана трупами, лежавшими на площадяхъ среди развалинъ стѣнъ, храмовъ и алтарей, обрызганныхъ кровью.... Остатки несчастнаго населенiя скрываются въ горахъ, но и здѣсь иногда пришельцы настигаютъ ихъ, избиваютъ толпами; иные, вынуждаемые голодомъ, добровольно выходятъ изъ убѣжищъ и отдаются въ вѣчное рабство (manus hostibus dabant in aevum ser-

…ніи), что уже считалось великимъ благодѣяніемъ; другіе - удаляются въ заморскія страны. Впрочемъ, съ теченіемъ времени, туземцы нѣсколько ободрились; изъ разныхъ мѣстъ, какъ пчелы изъ ульевъ, собираются толпы ихъ вокругъ одного вождя, вполнѣ достойнаго общаго довѣрія: это былъ Амвросій Авреліанъ, происходившій изъ знатной Римской фамиліи; онъ одержалъ первую большую побѣду надъ пришлыми варварами. Съ тѣхъ поръ идетъ борьба съ перемѣннымъ счастьемъ. - Когда писалъ Гильда Кормакъ, по прозванію Мудрый, эта борьба была еще не кончена. -

Таковъ первоначальный разсказъ о завоеваніи Британіи Англосаксами, написанный чрезъ сто лѣтъ послѣ самыхъ событій - лицемъ, принадлежавшимъ къ племени побѣжденныхъ и пострадавшихъ романизованныхъ Бриттовъ, и потому не щадившимъ запаса бранныхъ словъ для выраженія національной ненависти. Достопочтенный Беда, писавшій свою Церковную исторію уже въ VIII-мъ вѣкѣ (около 730г.) въ сущности, повторяетъ разсказъ своего предшественника - отчасти даже буквально. Но въ его время уже извѣстны были - конечно __по__ преданію - имена двухъ главныхъ вождей завоеванія - Генгиста и Горзы ихъ послѣднее было связано съ какимъ то памятникомъ на восточномъ берегу Кента. Больше подробностей найдемъ мы у писателя еще нѣсколько болѣе поздняго, именно у Ненія. Онъ жилъ въ половинѣ IX-го вѣка и окончилъ свою „Исторію Бриттоновъ" въ 858 году. (Maray, I, 320.) Черезъ сорокъ лѣтъ послѣ прекращенія Римской власти въ Британіи, тамъ царствовалъ Вортигернъ (__Gorthigernus, у__ Беды __Worthigernus, кот__орый былъ во враждѣ съ Амвросіемъ и въ постоянномъ страхѣ со стороны Пиктовъ и Скоттовъ. Между тѣмъ приходятъ изъ Германіи три кіулы, наполненные изгнанниками, среди которыхъ находились и два брата - Горсъ (Hors) и Генгистъ. Вортигернъ принялъ

ихъ благосклонно и далъ имъ островъ Taneth (теперь не-существующій). Когда Саксы утвердились на островѣ, король обѣщалъ давать имъ пищу и одежду; но когда число варваровъ умножилось, то онъ сталъ тяготиться своимъ обязательствомъ. Бритты сдѣлали прямое заявленіе въ этомъ смыслѣ пришельцамъ, а Саксы стали думать и со своей стороны о нарушеніи договора. Генгистъ, человѣкъ очень хитрый и ученый, убѣдившись въ бѣзсиліи короля и его народа, обратился къ нему съ предложеніемъ еще воззвать бойцовъ изъ отечества: „насъ мало, говорилъ онъ, если позволишь, мы пошлемъ на родину, пригласимъ воиновъ, и тогда мы въ большемъ числѣ будемъ сражаться за тебя и за твой народъ." Король согласился, и отправленные послы воротились съ новыми 17ю кілями; на одной изъ нихъ находилась прекрасная дочь Генгиста (имени ея Ненній не знаетъ; у позднѣйшихъ писателей она называется Ровенна.) По случаю прибытія родичей, Генгистъ устроилъ пиръ, его дочь прислуживала и подавала вино и сикеръ (vinum et sicerum); король Вортигернъ, воспламененный красотою дѣвицы, выпитымъ виномъ, а еще болѣе сатаною, который вошелъ въ его сердце, потребовалъ у отца, чтобы онъ отдалъ ему дочь. „Все, что попросишь, отдамъ за нее, хотя бы половину царства." Посовѣтовавшись со своими, Генгистъ потребовалъ уступки страны, которая на ихъ языкѣ называлась Canthguaraland, а на Кельтскомъ Кентъ (Chent). Такимъ образомъ язычники получили Кентъ, а король Вортигернъ — дѣвицу, дочь Генгиста, которая сдѣлалась его женой. Пользуясь своимъ вліяніемъ на слабаго зятя, Генгистъ постоянно привлекалъ къ себѣ изъ за моря новыя толпы соплеменниковъ и родичей. За тѣмъ слѣдуетъ у Ненія совершенно баснословный разсказъ о томъ, какъ Вортигернъ женился на своей собственной дочери и имѣлъ отъ нея сына. За это онъ былъ проклятъ св. Германомъ, прибыв-

шилъ въ Британію, лишенъ царства и долженъ былъ построить для своей безопасности крѣпкій замокъ на окраинѣ своихъ прежнихъ владѣній.

Но мудрецы объявляютъ Вортигерну, что постройка не удастся, пока не найдено будетъ дитя, рожденное безъ отца, и замокъ не окропится его кровью. Является на сцену этотъ таинственный мальчикъ, который въ позднѣйшей передѣлкѣ легенды Ненния x) прямо называется волшебникомъ Мерлиномъ xx). Между тѣмъ борьбу съ пришельцами ведетъ сынъ Вортигерна, Вортемиръ (Guorthemir); онъ одержалъ нѣсколько побѣдъ на Генгистомъ и Горсою, вытѣснилъ ихъ изъ Кента, такъ что они держались только на островѣ Танетъ. Генгистъ отправилъ пословъ за море въ Германію и на огромномъ числѣ кіулъ прибыли новыя подкрѣпленія. Впрочемъ, онъ восторжествовалъ надъ противникомъ не столько силою оружія, сколько вѣроломствомъ и обманомъ. Въ борьбѣ пали Горса и Вортемиръ; мѣсто сына опять занялъ Вортигернъ; Генгистъ предложилъ возобновленіе дружбы и мира. На пиру, который послѣдовалъ за примиреніемъ, Генгистъ обратился къ своимъ спутникамъ, носившимъ скрытое оружіе, со словами: „Eu Saxones, nimed eure saxes" (эй, Саксы, возьмите ваши ножи-или короткіе кинжалы): триста старѣйшинъ, спутниковъ Вортигерна, были зарѣзаны, онъ самъ былъ взятъ въ плѣнъ и закованъ въ цѣпи. Для искупленія души своей онъ уступилъ въ это время многія области, именно Eastseaxe, Suthseaxe, Middelseaxe (Эссексъ, Суссексъ и Мидльэссексъ.

Если бы мы пошли далѣе и обратились бы къ писате-

---

x) Въ исторіи Британскихъ царей Готфрида Монмутскаго-XII в.

xx) см. А. Н. Веселовскаго: Изъ Исторіи литературного общенія Востока и Запада. стр. 305.

ляемъ XII вѣка, то мы нашли бы у нихъ еще болѣе подроб-
ностей о Генгистѣ, о его дочери и его товарищахъ. Но, оче-
видно, эти подробности имѣли бы еще менѣе истори-
ческой достовѣрности. Всякій разъ, когда разсказъ объ
извѣстномъ фактѣ изъ сухого и краткаго превраща-
ется въ болѣе подробный и сложный, мы имѣемъ право
быть подозрительными: откуда являются эти новыя
подробности, эти лица и названія, неизвѣстныя ближай-
шимъ свидѣтелямъ событія, менѣе отдаленнымъ отъ
него по времени? Что касается Ненния, то у него уже
замѣчается сильная примѣсь баснословія и легенды, по-
черпнутыхъ, повидимому, изъ народныхъ сказаній его
Кельтической родины. У него въ первый разъ идетъ рѣчь
и о королѣ Артурѣ, который является преемникомъ Вор-
тигерна и предводителемъ національной борьбы Бритт-
товъ съ Саксами; Ненний, впрочемъ, сообщаетъ только
сухое перечисленіе побѣдъ, одержанныхъ Артуромъ и
нѣсколько данныхъ объ его путешествіи въ Іерусалимъ.
Послѣ небольшого отступленія въ область сомнитель-
ныхъ и прямо баснословныхъ преданій, обратимся къ не-
сомнѣннымъ историческимъ явленіямъ.

Возможно, но проблематично, что Англо-Саксы явились
даже по зову Бриттовъ, но во всякомъ случаѣ, если это
даже и было такъ, то они скоро сбросили съ себя роль
помощниковъ и сами явились завоевателями.

Не тронутые цивилизаціей, не подчиненные вліянію
Римской культуры, Саксы по характеру и жестокости
своего завоеванія могутъ сравниться съ Вандалами; кро-
мѣ того, они явились въ Британію даже язычниками
и долго не поддавались вліянію христіанства.

Тамъ, гдѣ Саксы укрѣпились прочно, они совершенно уничто-
жили слѣды Римской культуры; это составляетъ от-
личительную черту ихъ завоеванія, которая бросается
въ глаза при самомъ поверхностномъ обзорѣ. Саксы не

Britain
in 597.
Picts.
Strathclyde
Bernicia
Deira
Mercia
Humber.
Northfolk.
East
Southfolk.
Anglia.
Essex.
North-
Wales.
Wessex.
London
West.
Canterbury.
Kent
East
Sussex
Hampshire
Wiht.
West Walles.
Freeman: The History of the Norman Conquest of England.

усвоили себѣ господствовавшаго Римскаго языка, не измѣннили своей вѣры, какъ это было съ другими завоевателями варварами. Въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поселились Готы, Бургунды, Франки, слѣды мѣстнаго Галло-Римскаго населенія сохранились до нашего времени въ названіяхъ городовъ, мѣстностей и т. п. Въ Британіи - полная противоположность; названія городовъ, за исключеніемъ весьма немногихъ (Лондонъ, Линкольнъ), измѣнились въ нѣмецкія. Слѣдовъ латинскаго языка, кромѣ нѣсколькихъ словъ (Chester, отъ Castrum, Street - отъ Strata и др.) также не осталось. Точно также потеряли всякую силу и законы римскіе, религія и обычаи. Другіе варвары-завоеватели, признавая принципъ личности права, даже издавали новые законы для Романскаго населенія своихъ новыхъ владѣній; здѣсь - Римскіе законы исчезли совершенно и не оказали никакого вліянія на развитіе Англо-Саксонскаго законодательства. Однимъ словомъ, - все показывало разрушеніе прежней цивилизаціи, полное уничтоженіе культурной Римской Британіи.

Впрочемъ, при этомъ мы должны необходимо замѣтить, что съ этимъ завоеваніемъ нельзя соединять идеи полнаго, поголовнаго истребленія всѣхъ жителей острова. Выше уже было говорено о тѣхъ изслѣдованіяхъ, которыя имѣли цѣлью доказать происхожденіе теперешнихъ Англичанъ отъ древнихъ Кельтовъ Британіи; выводы этихъ изслѣдованій служатъ лучшимъ доказательствомъ того, что не всѣ побѣжденные были истреблены при завоеваніи. И дѣйствительно, медленный ходъ самаго процесса подчиненія (150 л.), обращеніе нѣкоторой части туземцевъ въ рабовъ, наконецъ - самостоятельность незавоеванныхъ Кельтовъ Валлиса, Корнваллиса и большаго королевства Страсклейда (Strathclyde) - все это позволяетъ думать, что въ жилахъ теперешнихъ Великобританцевъ дѣйствительно есть кровь древнихъ

Кельтовъ и что не всѣ эти Кельты были истреблены, когда родина ихъ подчинилась вновь пришедшему врагу. Къ концу VI столѣтія 150-лѣтняя кровавая, страшная борьба была окончена; процессъ подчиненія завершился образованіемъ нѣсколькихъ самостоятельныхъ варварскихъ государствъ на почвѣ Британіи. Обыкновенно говорятъ, что государствъ этихъ было 7 и называютъ ихъ Англо-Саксонской гептархіей (heptarchia-седмидержавіе или седмивластіе). Но въ сущности, число ихъ было долгое время то больше, то меньше-колебалось, даже эти 7 главныхъ государствъ составились изъ болѣе мелкихъ. Они были управляемы альдерменами, соотвѣтствовавшими principes германскимъ и распадались на сотни, въ свою очередь состоявшія изъ отдѣльныхъ общинъ. Изъ этихъ-то мелкихъ государствъ и составилась въ концѣ IX вѣка извѣстная гептархія.

Первыми пришли сюда и образовали независимое королевство Юты; они заняли ту часть страны, которая находится на югъ отъ Темзы и образовали королевство Кентъ, съ главнымъ городомъ Кентербери (см. карту x). Въ немъ правили прямые потомки Генгиста. Сверхъ того, Юты же образовали небольшое владѣніе, которое обнимало островъ Уайтъ (Wight) на югъ отъ Британіи и часть графства Гемпшира (Hampshire) на берегу самого острова Великобританіи.

Затѣмъ были основаны 3 саксонскія государства, происхожденіе которыхъ легко узнается по самымъ именамъ ихъ: Sussex (южная Саксонія)-на югъ отъ Темзы; Essex (восточная Саксонія, на сѣверъ отъ Темзы; къ нему принадлежалъ и Лондонъ, хотя не всегда.

---

x) Прилагаемая карта, заимствованная изъ книги Фримана: The history of the Norman conquest, помѣщена здѣсь только для обозначенія мѣстоположенія семи государствъ гептархіи.

Въ сторонѣ отъ этихъ двухъ государствъ, болѣе на за
падъ, образовался <u>Wessex</u> - западная Саксонія.
Изъ всѣхъ этихъ трехъ государствъ, наиболѣе значеніе
пріобрѣло послѣднее; первые два были недолговѣчны.
Величіе Суссекса не пережило его основателя - Бретваль-
ды <u>Aella</u>. Эссексъ, благодаря Лондону, держался нѣко-
торое время, но потомъ тоже потерялъ значеніе. Лон-
донъ скоро высвободился изъ подъ власти королей Эс-
секса и колебался нѣкоторое время между положені-
емъ независимой общины и подчиненіемъ королямъ
Мерціи.
Вессексъ, обнимавшій часть Гемпшира и Сомерсета,
граничилъ на западѣ съ самостоятельнымъ, враждебнымъ
кельтскимъ Валлисомъ (западнымъ) и уже поэтому дол-
женъ былъ пріобрѣсти болѣе значенія и силы. Всѣ позд-
нѣйшіе государи Англійскіе ведутъ свое начало отъ
Вессекскаго короля Кедрика. Это первое большое владѣ-
ніе Саксовъ и въ составѣ своемъ было чисто-германскоеx)
Вессексу принадлежала нѣкоторое время и значительная
полоса земли на сѣверъ отъ Темзы; но эти владѣнія
оказались, однако, непрочнымъ пріобрѣтеніемъ, настоя-
щею границею все таки осталась Темза. На сѣверъ отъ
нея и на сѣверо востокъ отъ Вессекса лежала колонія
другой вѣтви завоевателей - Англовъ, носившая назва-
ніе <u>Восточной Англіи</u> (East-Anglia).
Потомъ, на сѣверъ отъ р. Гумбера (Humber) до Форта
(Forth) была <u>Нортумбрія</u> (Nord-Humber, страна, на сѣве-
рѣ отъ Гумбера). Эта Нортумбрія иногда составляла

---

x) Слѣдуетъ замѣтить, что и Вессекское королевство образо-
валось не вдругъ; въ V вѣкѣ мы имѣемъ извѣстіе что въ
одномъ сраженіи пали 5 конунговъ Вессекса; слѣдователь-
но, оно образовалось также изъ нѣсколькихъ мелкихъ вла-
дѣній.

одно государство подъ одною властью, а большею частью раздѣлялась на два королевства: Берницію (Bernicia) и Дейру (Deira), границею между которыми служила рѣка Тайнъ (Tyne). Колонизаторы этихъ двухъ областей были точно также Англы; но имена первыхъ ихъ предводителей неизвѣстны. Въ латинской хроникѣ Генриха Гунтингдонскаго (Huntingdon) о временахъ Кедрика Вессекскаго, сказано: „въ эти времена приходили многіе и часто изъ Германіи и заняли Восточную Англію и Мерцію; но эти владѣнія еще не были приведены подъ власть одного короля; напротивъ, многіе магнаты (proceres) наперерывъ занимали отдѣльныя области." Первымъ королемъ восточныхъ Англовъ названъ Оффа подъ 571-мъ годомъ; а Нортумберлэндскимъ Ида, о которомъ подъ 547-мъ годомъ замѣчено (въ Англо-Саксонской хроникѣ): „Ида началъ царствовать." Эти указанія, очевидно, опредѣляютъ начало королевствъ, а не начало поселеній: Ида и Оффа объединили отдѣльныя колоніи, прежде находившіяся подъ властью старѣйшинъ или альдерменовъ. Еще яснѣе процессъ такого образованія въ послѣднемъ остающемся государствѣ гептархіи. Это есть Маркія или Mercia; названіе это обозначаетъ пограничную землю, украину (отъ нѣмецкаго Marke), такъ какъ государство это дѣйствительно граничило съ Кельтами, хотя и лежало посреди острова. Оно граничило съ большимъ кельтскимъ королевствомъ Strathclyde, простиравшимся отъ теперешняго Валлиса до р. Клейда (Clyde) на сѣверѣ и съ Валлисомъ на югѣ. Валлисъ представлялъ тогда союзъ независимыхъ кельтскихъ королевствъ и назывался сѣвернымъ Валлисомъ въ отличіе отъ южнаго, обнимавшаго нынѣшніе Корнваллисъ и Девонъ. Множество самыхъ явныхъ признаковъ указываютъ, что королевство Маркія или Мерція составилось изъ нѣсколькихъ первоначальныхъ княжествъ и даже не одной народности и что хотя преоб-

мдующая кровь тутъ была англійская; но были и саксонскія поселенія. Тоже самое можно сказать и о прочихъ государствахъ: и они составились изъ сліянія нѣсколькихъ, болѣе мелкихъ владѣній. Такъ, Восточная Англія раздѣлялась на два королевства: Northfolk и Southfolk. Въ государствѣ Кентъ, гдѣ господствовали потомки Генгиста, существовали двѣ эпархіи: Кентберійская и Рочестерская, что прямо указываетъ и на соотвѣтствующее политическое дѣленіе страны на двѣ части. Относительно Вессекса мы уже знаемъ, что въ немъ, согласно словамъ хроники, было нѣкогда одновременно 5 королей. Есть признаки, позволяющіе думать, что это, наиболѣе важное изъ Саксонскихъ государствъ составлялось постепенно путемъ завоеванія насчетъ сосѣдей - Кельтовъ Корнваллиса. Каждое новое значительное завоеваніе первоначально составляло отдѣльную область и уже въ концѣ VI вѣка они соединились въ большое королевство. Вообще, понятіе о гептархіи весьма условно: иногда дѣйствительно, число государствъ доходило до семи, иногда же оно бывало значительно больше; нужно признать только одно, что изъ всѣхъ владѣній варваровъ въ Британіи, эти 7 государствъ имѣли наиболѣе непрерывную исторію.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ для разъясненія значенія bretwalda, о которомъ въ прежнее время было много ученыхъ толкованій. По мнѣнію нѣкоторыхъ англійскихъ ученыхъ, bretwalda представляется высшимъ главою всей гептархіи; онъ старшій между всѣми отдѣльными королями, положеніе его соотвѣтствуетъ какъ бы положенію императора среди другихъ королей, признающихъ его верховную власть или положенію Великаго Князя среди удѣльныхъ князей древней Руси. Беда Достопочтенный насчитываетъ 7 королей, которые имѣли такое выдающееся значеніе или власть обозначаемую у него словомъ imperi

tus или ducatus; Англо-Саксонская хроника, повторяя перечисление Бэды, уже даетъ этимъ семи государямъ, къ которымъ она прибавляетъ восьмаго, Егберта Уэссекскаго, названіе бретвальды.
Весьма остроумное соображеніе относительно значенія бретвальды принадлежитъ Пальгреву; онъ говоритъ, что корень слова bret-weald и первоначальное его написаніе было brytten-walda (или britten-walda), т.е. владетель Бриттовъ. Происхожденіе высокаго титула бретвальды онъ ведетъ отъ представленія покоренныхъ Римлянами племенъ о власти Римскихъ императоровъ. Palgrave (I, 398) готовъ думать, что Aella, первый бретвальда (въ Суссексе), о которомъ упомянуто выше, былъ возведенъ въ санъ императора Британіи избраніемъ Валлійскихъ князей (некотораго рода Кельтскій конгрессъ). Онъ обращаетъ вниманіе на то, что Этельберт Кентскій, одинъ изъ бретвальдовъ, чеканилъ монету съ изображеніемъ волчицы и близнецовъ, и следовательно, подражалъ Риму. Но теорія эта едва ли имеетъ возраженіе. Хотя бретвальда и существовали действительно, но власть ихъ не была непрерывна и постоянна, не имела определенныхъ функцій и даже едва ли простиралась на все Англо-Саксонскія государства и была признаваема ими; гораздо вернее предположить, что это были такіе государи, которые отчасти оружіемъ, отчасти другимъ способомъ достигали значительнаго надъ другими авторитета, который, впрочемъ, едва ли признавался другими легальнымъ. Но если слово бретвальда и не ведетъ свое начало отъ господства Бриттовъ, то все таки позднейшіе короли, какъ напр. Адельстанъ, понимали его въ такомъ смысле, именуя себя „Ongolsaxna cyning and Brytaenwalda ealles dyses iglandes". Кембле и Вайтцъ не придаютъ такого значенія власти бретвальда и говорятъ, что она была только званіемъ

кая, но не законно-признанная; она вовсе не была постоянным учрежденiемъ, существовавшимъ непрерывно впродолженiи вѣковъ.
Впослѣдствiи, впрочемъ, мы видимъ стремленiе возвратиться къ императорской идеѣ; такъ въ 10-мъ вѣкѣ англiйскiе короли любили называть себя βασιλέυς.
Что касается филологическаго значенiя слова bret-walda (bryten-walda), то скорѣе можно сопоставить его съ теперешнимъ нѣмецкимъ „breit" и перевести — „властитель широкаго, большого пространства земли," а не „властитель бриттовъ."
Итакъ, сознанiе единства между отдѣльными Британскими государствами въ V и VI вѣкѣ не существовало.
Англо-Саксонское завоеванiе представляетъ послѣднюю градацiю варварскихъ завоеванiй, если мы расположимъ ихъ въ восходящемъ порядкѣ по степени ихъ жестокости къ мѣстнымъ покореннымъ племенамъ.
Теперешнiе Англичане говорятъ, что весьма полезно было для будущаго самостоятельнаго развитiя Англiи это истребленiе покоренныхъ, уничтоженiе слѣдовъ ихъ культуры, расчистка почвы для развитiя въ германскомъ духѣ. Если бы Англо-Саксы, говорятъ они, принялись щадить римскiя учрежденiя, то англичане были бы только одной изъ вѣтвей романскихъ народъ, въ родѣ французовъ, итальянцевъ, не имѣя ничего оригинальнаго, самобытнаго. Напротивъ, являясь свирѣпыми разрушителями, они облегчили возможность развитiя на новыхъ началахъ. И дѣйствительно, въ Англо-Саксонскихъ государствахъ ярко выразились всѣ основныя начала чисто-германскихъ учрежденiй; тѣ черты соцiальнаго и государственнаго быта, которыя такъ подробно описываетъ Тацитъ: община, народная свобода, вѣчевыя собранiя - все это видимъ мы здѣсь, на новой родинѣ завоевателей - германцевъ.
Что касается до религiи побѣдителей, то выше уже было

упомянуто, что Англо-Саксы долго оставались язычниками; и здѣсь также выразился общій характеръ ихъ завоеванія; они такъ враждебно относились къ подчиненнымъ, такъ отдѣльно стояли отъ нихъ, что не приняли даже ихъ вѣры и впослѣдствіи, когда язычество уже оказалось несостоятельнымъ и наступала очередь для торжества христіанства.

Согласно съ планомъ нашего изложенія, намъ слѣдовало бы теперь перейти къ исторіи основанія варварскаго государства въ самой Италіи, другими словами - къ исторіи окончательнаго паденія Западной Римской Имперіи. Но такъ какъ на послѣднія судьбы имперіи не осталось безъ вліянія страшное потрясеніе, произведенное двумя нашествіями Аттилы (одно на Галлію, другое на самую Италію), то мы все таки обязаны заняться нѣсколько Гуннами.

Пособія: Сказанія Приска. Русскій переводъ Дестуниса.
Извлеченія изъ Приска у Guizot: Histoire de la civilisation en France.
Такія извлеченія изъ Приска у Забѣлина: Исторія Русской жизни съ древнѣйшихъ временъ. Ч. I. М. 1876.
Амміанъ Марцеллинъ. Книга 31я.

Нѣкоторые славянскіе и русскіе ученые своими теоріями о происхожденіи Гунновъ, придали этому народу даже особенный интересъ.

Въ своемъ изслѣдованіи, Забѣлинъ съ особенной любовью останавливается на Гуннахъ, видя въ нихъ предковъ нашихъ славянъ; постоянно проводя параллель между обычаями и нравами Гунновъ и Славянъ, онъ приходитъ наконецъ къ окончательному заключенію, что обычаи эти, въ оное время, господствовали въ Славянской землѣ и именно въ землѣ Славянъ Восточныхъ; чьи бы то ни были эти обычаи, но они принадлежатъ, такъ сказать

самыи землю, на которой уже тысячу лѣтъ живутъ Славяне восточной отрасли". (стр. 358.)
Но достаточно будетъ прочесть описаніе Гунновъ у Аммiана Марцеллина и у Приска, чтобы теорія эта рушилась сама собою. Всѣ писатели представляютъ намъ славянъ народомъ вообще осѣдлымъ, земледѣльческимъ, сражающимся пѣшими. Между тѣмъ историкъ Зосимъ, упоминая о Гуннахъ, говоритъ: „живя вѣчно верхомъ на лошадяхъ, они едва могли ходить по землѣ и потому вовсе не умѣли биться пѣшими, стоя твердо на ногахъ."
Вотъ что разсказываетъ современникъ Гунновъ латинскій писатель Аммiанъ Марцеллинъ:
„Объ Гуннахъ лѣтописи едва упоминаютъ и то только какъ о дикомъ и невообразимо свирѣпомъ племени, распространенномъ за Меотійскими болотами на берегахъ Ледовитаго моря. Когда родятся у нихъ дѣти мужескаго пола, то они изрѣзываютъ имъ щеки, чтобы уничтожить всякій зародышъ волоса, поэтому всѣ Гунны ростутъ и старѣются безбородыми, отвратительные и безобразные на видъ. Однако у всѣхъ у нихъ коренастой станъ, члены сильные, шея толстая, голова огромная; спина такъ сутуловата, что придаетъ строенію ихъ тѣла что-то сверхъестественное. Я сказалъ бы скорѣе, что это двуногія животныя, а не люди, или каменные столбы, грубо вытесанные въ образъ человѣка, которые выставляются на мостахъ. Этой отвратительной внѣшности соотвѣтствуютъ ихъ повадки свойственныя скоту: пищу они ѣдятъ не вареную и ничѣмъ не приправленную; взамѣнъ обыкновенныхъ съѣстныхъ припасовъ они довольствуются дикими кореньями и мясомъ перваго попавшагося животного, которое кладутъ себѣ подъ сидѣнье на лошади и такъ его размягчаютъ. У нихъ нѣтъ домовъ, хотя бы тростниковыхъ шалашей и никакая кровля ихъ не укрываетъ. Они живутъ, кочуя среди лѣсовъ и горъ, закаленные отъ го-

лода, голода и жажды. Даже на пути, встрѣтивъ жилье, они, безъ крайней необходимости, не переступаютъ его порогъ: въ жильѣ Гуннъ никогда не почитаетъ себя безопаснымъ. Они носятъ одежду въ родѣ туники изъ холста или изъ мѣха, и разъ продѣвши въ нее голову, не спускаютъ ее съ плечъ, пока она сама не свалится лохмотьями. Голову покрываютъ мѣховыми шапками съ опушкою, а свои волосистыя ноги обертываютъ козьею шкурою. Такая обувь, конечно, затрудняетъ ходьбу, отчего они вообще не способны сражаться на ногахъ пѣшими. За то на своихъ лошадяхъ, нескладныхъ, но крѣпкихъ, они точно прикованы; исправляютъ на ихъ спинѣ всякаго рода дѣла, иногда сидя по женски. День и ночь они живутъ на лошади, на ней продаютъ и покупаютъ, не слезая ни напиться, ни поѣсть; такъ и спятъ, прилегши только къ сухопарой шеѣ своего коня, и грезятъ тамъ преспокойно. На лошадяхъ же они разсуждаютъ сообща о всякихъ своихъ дѣлахъ. Царской власти они не знаютъ, но подчиняются избраннымъ вождямъ.

Начиная битву, они раздѣляются на отряды и, поднимая ужасный крикъ, бросаются на врага. Разсыпавшись или соединившись, съ быстротою молніи они и нападаютъ и обращаются въ бѣгство. Однако при своей подвижности они безсильны противъ земляной насыпи или противъ укрѣпленнаго лагеря.

Но вотъ что особенно дѣлаетъ ихъ наистрашнѣйшими воинами на свѣтѣ: это во первыхъ ихъ мѣткіе удары стрѣлами, хотя бы и на далекомъ разстояніи, у которыхъ вмѣсто желѣза прикрѣплены очень искусно заостренныя кости; во вторыхъ, когда въ схваткѣ, одинъ на одинъ, они дерутся мечами, то съ необыкновенною ловкостью въ одно мгновеніе накидываютъ на врага ремень (арканъ) и лишаютъ его всякаго движенія.

Хлѣбопашествомъ Гунны не занимаются и никто изъ нихъ

не дотрогивается до плуга. Все они, безъ крова, безъ отчизны, безъ всякой привычки къ оседлому быту, блуждаютъ въ пространствѣ, какъ будто все бѣгутъ дальше, перевозя за собою свои повозки, гдѣ ихъ жены работаютъ имъ одежду, родятъ и воспитываютъ ихъ дѣтей. Если спросить Гунна, гдѣ ты родился? онъ затруднится дать отвѣтъ, потому что перекочевывая съ мѣста на мѣсто, не помнитъ своей настоящей родины.

„Непостоянные и вѣроломные въ договорахъ, Гунны тотчасъ перемѣняютъ свой образъ дѣйствій, какъ скоро почуютъ гдѣ прибыль. Они не больше звѣрей понимаютъ, что честно и что безчестно. Самый разговоръ они ведутъ двусмысленно и загадочно. Никакая религія не связываетъ ихъ ничѣмъ; они ни во что не вѣрятъ и поклоняются только одному золоту. Нравъ ихъ такъ непостояненъ и сварливъ, что въ одинъ и тотъ же день они безъ всякаго повода и сердятся и мирятся."

Очевидно, что не безъ причины всѣ писатели говорятъ, что Гунны двигались отъ Меотиды, съ Востока, изъ Азіи, а не изъ Каспійскаго моря. Можно совершенно согласиться съ мнѣніемъ, выводящимъ ихъ изъ степи Гоби, изъ Тунгузской долины Азіи и причисляющимъ ихъ къ монгольскому племени.

Какъ извѣстно, Монгольское племя подраздѣлялось на Турецко-татарское и Финское. Прежнія изслѣдованія производили Гунновъ отъ Монголовъ-Финновъ, говоря, что это была часть той вѣтви, къ которой впослѣдствіи принадлежали и Мадьяры.

Но и это положеніе еще не доказано. Теперь считаютъ болѣе вѣроятнымъ, что толчокъ къ великому переселенію народъ былъ сообщенъ не массивными Финнами, а Тюркскимъ племенемъ и слѣдовательно, что среди Гунновъ господствовалъ элементъ Тюркскій.

Это было совершенно то же движеніе, которое впослѣдствіи

повторилось въ лицѣ Аваровъ, Болгаръ и др.
Аттила основалъ сильную державу, въ которой Тюрки были главною составною частью; подъ властью его, вмѣстѣ съ тѣмъ находились не только эти племена; Финны, граничившіе съ Тюрками, точно также были захвачены движеніемъ Гунновъ. Въ Венгріи, при дворѣ Аттилы, быть можетъ точно также можно было встрѣтить и славянъ. Еще больше подъ властью Аттилы находилось народовъ Германскаго происхожденія; какъ уже извѣстно, Ост-Готы, подчинившіеся послѣ смерти Эрманрика въ Трансильванію, долго оставались подъ властью Гунновъ и составили важный элементъ при дворѣ Аттилы. Въ пространствѣ между Дунаемъ и Тиссой можно было услышать языки - латинскій, готскій, гуннскій (скиѳскій) и греческій; о послѣднемъ упоминаетъ и Прискъ. Однажды, во время пребыванія его при дворѣ Аттилы **), къ нему подошелъ человѣкъ, судя по платью, варваръ, и привѣтствовалъ его на эллинскомъ языкѣ. Удивленный Прискъ распросилъ его, какимъ образомъ онъ попалъ сюда. Грекъ объяснилъ, что при взятіи его родного города Гуннами, онъ попалъ въ плѣнъ и достался знатнѣйшему вельможѣ двора Аттилы. Впослѣдствіи, отличившись въ сраженіяхъ противъ Римлянъ, онъ получилъ свободу, женился на варваркѣ и

**) Прискъ былъ секретаремъ Византійскаго посольства къ Аттилѣ въ 448 году.

---

*) Желая доказать, что Гунны были никто иные, какъ Славяне, Забѣлинъ, вслѣдъ за своими предшественниками, указываетъ, что любимымъ кушаньемъ ихъ было просо, а не пшеница, что встрѣчаемъ мы и у Славянъ; вмѣсто вина, они пили такъ называемый медосъ - медъ, любимый славянскій напитокъ. Точно также имъ были питье, добываемое изъ ячменя и называемое камосъ, въ которомъ Забѣлинъ опять хочетъ видѣть славянскій квасъ.

осталася лишь у Гунновъ; и я предпочитаю теперешнюю жизнь свою прежней, заключилъ онъ свой разсказъ; ибо иноземцы, находящиеся у Гунновъ, послѣ войны ведутъ жизнь спокойную и беззаботную; каждый пользуется тѣмъ, что у него есть, никѣмъ не тревожимый."

Вмѣстѣ съ этимъ, какъ разсказываетъ Прискъ, Грекъ этотъ весьма невыгодно отзывался о положеніи имперіи: „Жестокое взиманіе налоговъ, притѣсненія несправедливаго, подкупнаго и безконечнаго суда, наглое и непомѣрное взяточничество, при множествѣ законовъ — полнѣйшее беззаконіе и тому подобные обычаи просвѣщеннаго народа, дѣлаютъ жизнь невыносимою."

Безъ сомнѣнія, единомыслящихъ ему Грековъ и Римлянъ было не мало, и не мудрено, что при дворѣ знаменитаго варвара встрѣчаемъ мы цивилизованныхъ людей имперіи.

Но по всему видно было, что этому большому разноплеменному государству не суждена была великая будущность, хотя самъ Аттила и оказался тонкимъ политикомъ, знавшимъ положеніе тогдашняго міра отъ Евфрата до берега Африки, слѣдившимъ за всѣми событіями Европы и Римской имперіи. Предводитель разноплеменной массы, опираясь преимущественно на свою національную Тюркскую орду, Аттила явился только на нѣкоторое время соперникомъ Римскихъ императоровъ и германскихъ конунговъ.

Казалось, что борьба между Римскимъ и варварскимъ міромъ должна была рѣшиться на Дунаѣ, но, съ появленіемъ Гунновъ, какъ извѣстно, она была перенесена на Рейнъ; — Аттила явился между двумя борющимися силами и направился въ Галлію........

Результаты нашествія извѣстны: дойдя до Орлеана, Аттила остановился, такъ какъ Аэцій, знаменитый полководецъ Римскій успѣлъ соединить В. Готовъ, Франковъ

и другихъ варваровъ и двигался на встрѣчу полчищамъ Гунновъ. Аттила отступилъ отъ города и выбралъ себѣ поле битвы въ нѣсколькихъ миляхъ отъ Шалона; на другой день, послѣ ожесточеннаго сраженія, въ которомъ было убито до 160.000 человѣкъ, Аттила, разбитый на голову, двинулся въ обратный путь.
Въ этой битвѣ встрѣтились въ первый разъ послѣ долгихъ лѣтъ два племени, когда-то жившія вмѣстѣ на берегахъ Днѣпра и Днѣстра, въ степяхъ южной Россіи: Ост-Готы и Вест-Готы. Благодаря храбрости послѣднихъ и отвагѣ ихъ короля и предводителя, Теодорика, одержана была эта знаменитая Каталаунская побѣда, отсрочившая на нѣсколько лѣтъ окончательное завоеваніе Италіи.
Въ 453 году Аттила съ огромной массой войска двинулся съ сѣвера Италіи по направленію къ Риму. О противодѣйствіи, подобномъ тому, которое испыталъ онъ въ Галліи отъ германскихъ легіоновъ Аэція, здѣсь не могло быть и рѣчи; Аттила, приближавшійся уже къ Риму[x]), былъ остановленъ не войсками имперіи, а вмѣшательствомъ духовенства: на встрѣчу ему вышелъ Римскій епископъ Левъ I со св. дарами, въ сопровожденіи многочисленнаго клира. Преданіе говоритъ, что уваженіе къ первосвященнику, вліяніе его увѣщаній, страхъ передъ именемъ имперіи и священнаго Рима заставили грознаго варвара отступить отъ стѣнъ его. Но къ словамъ преданія необходимо еще прибавить болѣе прозаическія соображенія: Аттила хорошо видѣлъ, что войско его, составленное изъ тюркскихъ, германскихъ и частью славянскихъ племенъ,

---

x) Когда Аттила былъ на сѣверѣ Италіи, то жившій тамъ народъ Венеты, при его приближеніи, искали убѣжища на островахъ Адріатики, близъ материка, гдѣ впослѣдствіи образовался получившій по имени ихъ свое названіе городъ Венеція.

весьма быстро уменьшавшагося подъ вліяніемъ непривычнаго для нихъ жаркаго климата Италіи и нашелъ гораздо болѣе удобнымъ отступить во время: Италія была спасена. Въ 457 г. онъ умеръ и сыновья его, многочисленные, по выраженію Iорнанда, какъ цѣлое племя, завели между собою ссоры и распри.

Держава Аттилы раздробилась на составныя части. Гунны опять изчезли въ степяхъ южной Россіи и только впослѣдствіи являются обрывки этого племени въ лицѣ такъ называемыхъ Гунновъ-Болгаръ.

Такимъ образомъ Римъ и средняя Италія остались неприкосновенными, но, впрочемъ, не надолго: въ 476 г. совершилось извѣстное нашествіе Вандаловъ подъ предводительствомъ Гейнзериха и десятидневный грабежъ Рима. Имперія, очевидно, представляла уже зрѣлище полнаго разрушенія; она не могла защищать себя и отпоръ варварскимъ нападеніямъ шелъ не отъ Рима, а отъ поселившихся на земляхъ имперіи Германцевъ.

Мы имѣемъ прекрасный источникъ, могущій познакомить насъ съ состояніемъ имперіи въ разбираемую нами эпоху; это — Жизнь св. Северина, написанная его ученикомъ Евгиппіемъ, неоцѣненное для насъ сокровище, потому что она бросаетъ яркій свѣтъ на время и обстоятельства, о которыхъ иначе мы не знали бы ничего; потому что и послѣ и прежде Дунайскія страны остаются покрыты глубокимъ мракомъ. Жизнеописаніе это представляетъ намъ картину Римской области на югъ отъ Дуная непосредственно передъ ея разореніемъ и уничтоженіемъ. Аттила умеръ и народы, сдѣлавшіеся свободными, обращаютъ оружіе другъ противъ друга и противъ жалкихъ остатковъ Римской имперіи. Аллеманны и Тюринги проникли за пограничный валъ и распространяются въ Реціи все дальше на югъ и востокъ. Въ Норикѣ удерживается христіанское населеніе, но въ какомъ поло-

женiи! Со всѣхъ сторонъ ее тѣснятъ варвары.... По ту сторону Дуная хозяйничаютъ Ругiи, частыми набѣгами опустошая страну и скоро утверждаясь на этой сторонѣ ея твердою ногою. Также, какъ Готы въ Паннонiи, они Арiане и ненавистны католическимъ Романамъ еще болѣе, чѣмъ язычники. Въ Коммагенѣ (выше Вѣны на Дунаѣ) скоро затѣмъ изчезнувшемъ Римскомъ городѣ не далеко отъ Тулна, уже утвердились варвары; не имѣя силы прогнать ихъ, Романы заключаютъ съ ними союзъ и послѣ этого принуждены жить какъ плѣнные въ собственномъ городѣ. Тогда совершенно неожиданно и чудесно, несмотря на стражу, которая ему не помѣшала, является между ними Северинъ; только что передъ тѣмъ былъ разрушенъ, согласно съ его предсказанiемъ, городъ Астура; съ вѣрою слушали его слова, ибо онъ обѣщалъ спасенiе и избавленiе отъ варваровъ, постились и молились и вотъ ночью случилось землетрясенiе, которое навело ужасъ на варваровъ: помнгiе страха они тѣснятся въ воротахъ, спѣша удалиться и въ темнотѣ и суматохѣ убиваютъ самихъ себя. Такъ городъ былъ освобожденъ отъ своихъ притѣснителей; но что было этимъ выиграно. Землю воздѣлывали только изъ городовъ и очень часто жатва и жнецы попадались въ руки варваровъ; голодъ опустошалъ богатую и плодородную землю, когда не поспѣвалъ подвозъ хлѣба по р. Инну. Пограничные воины не получаютъ отъ Рима своего жалованья и вслѣдствiе того ихъ ряды сокращаются и разлагаются; только батавская когорта въ Пассау еще держится; нѣсколько солдатъ отправляются за жалованьемъ по ту сторону Альпъ, но на дорогѣ убиты. Передъ Дунайскимъ городомъ Фавiаной (между Пассау и Вѣной) вдругъ являются разбойники и уводятъ все, что можно было найти внѣ городскихъ стѣнъ — людей и скотъ. Трибунъ (мѣстный военный начальникъ) Мамертинъ

имѣетъ слишкомъ небольшую команду подъ своею рукой и потому не рѣшается сдѣлать вылазку; но вотъ Северинъ обѣщаетъ ему божественную помощь; тогда онъ храбро выступаетъ и одерживаетъ побѣду.
Странное явленіе былъ самъ этотъ Северинъ. Онъ никогда не хотѣлъ сказать, откуда онъ былъ родомъ; что онъ пришелъ съ далекаго востока, это можно было видѣть изъ его рѣчей, но его языкъ показывалъ въ немъ природнаго Римлянина (Латина). Знатнаго, какъ казалось, происхожденія, онъ удалился въ уединеніе къ св. отцамъ, вѣроятно, въ Ѳивейскую пустыню; потомъ, какъ онъ самъ намекалъ, божественный голосъ заставилъ его идти съ помощью и утѣшеніемъ къ жителямъ береговаго Норика. Воздержаніе его было сверхчеловѣческое; при самомъ большомъ холодѣ онъ ходилъ босой; привыкнувъ къ постоянному посту, онъ чувствовалъ голодъ и лишеніе только за другихъ. Такъ прошелъ онъ всю страну, проповѣдуя, утѣшая, главное - принося помощь, сколько онъ это могъ. Онъ собиралъ и даже формально требовалъ десятину для выкупа плѣнныхъ, для пособія бѣднымъ; ему приписывали надъ природой безусловную власть и гнѣвъ Божій настигалъ всякаго, кто его не хотѣлъ слушать. Велико было общее къ нему уваженіе. Эта страна, которая въ затруднительномъ положеніи добровольно подчинилась руководству набожнаго и боговдохновеннаго монаха, представляетъ рѣзкій контрастъ съ безнравственными пограничными городами Галліи, гдѣ даже при штурмѣ франкскихъ побѣдителей и старъ и младъ предавались самому необузданному разврату. Передъ авторитетомъ Северина склонялись даже князья варваровъ, даже та злая королева Гиза, которая хотѣла перекрещивать правовѣрныхъ католиковъ; частью изъ благорасположенія, частью изъ страха они исполняли его увѣщанія, слушали его просьбы; король Руговъ обязанъ былъ его совѣтамъ мирнымъ

прилежнемъ. Если Северинъ защищалъ часто Римлянъ, поощряя ихъ къ энергическому сопротивленію или впередъ предсказывая нападеніе, то еще чаще онъ отвращалъ отъ нихъ опасность своими просьбами и добивался выпуска плѣнныхъ на свободу. Во многихъ мѣстахъ онъ построилъ монастыри, которые по восточному обычаю состояли изъ соединенія нѣсколькихъ кельинъ; самый большой былъ при Фавіанѣ, мѣстѣ, теперь безъ слѣда изчезнувшемъ. Здѣсь посѣщали его и получали благословеніе варвары, отправлявшіеся въ Италію.......

Однимъ словомъ, личность Северина и его пребываніе въ области верхняго Дуная представляетъ весьма интересное явленіе; самая личность его является въ высшей степени типичной, и дѣятельность даетъ вообще понятіе о значеніи духовенства въ эту опасную и тяжелую для имперіи эпоху. Уже въ Галліи мы встрѣчаемъ нерѣдко, что во время осады монастырей и городовъ, аббаты и епископы выходили на встрѣчу варварамъ и увѣщаніями отклоняли ихъ нападенія и грабежи. Вмѣстѣ съ обоз-ками богатыхъ римскихъ землевладѣльцевъ, они были единственною соціальною силою, охранявшею и поддерживавшею умирающую имперію.

Мы имѣемъ весьма весьма интересный разсказъ о посѣщеніи Северина однимъ варваромъ, по нѣкоторымъ извѣстіямъ - изъ племени Руговъ, по другимъ - изъ Геруловъ; но по свидѣтельству наиболѣе достовѣрнаго для этихъ событій источника (Anonym. Vales.) онъ былъ изъ рода Скировъ (cum gente Scyrorum). Различіе, впрочемъ, не имѣетъ большой важности, потому что Руги, Герулы, Скиры были племена, близко родственныя между собою.

Однажды, въ келью этого святаго мужа вошелъ воинъ, бѣдно одѣтый въ звѣриныя шкуры, пробиравшійся въ Италію, чтобы поступить въ войско. Дверь кельи Северина была столь низка, что онъ могъ войти въ нее только согнувшись и

въ самой кельѣ даже долженъ быть стоять такие, порою
что голова его касалась потолка. Благословивъ вошедша-
го, Северинъ обратился къ нему съ слѣдующими проро-
ческими словами: „ты великъ, но будешь еще больше; ты
бѣдно одѣтъ теперь, но будетъ время, когда малѣйшій
изъ подарковъ твоихъ будетъ стоить дороже всего твоего
настоящаго имущества". Варваръ этотъ, пробиравшійся
въ Италию, бѣдно одѣтый, ничтожный воинъ, былъ Одоа
Подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, онъ надѣял
въ Римѣ найти себѣ пропитание и можетъ быть, сдѣла
карьеру. И дѣйствительно, онъ поступилъ въ императорск
гвардію и занялъ мѣсто оруженосца.
Италія уже давно не имѣла другого войска, кромѣ вар-
варовъ Германцевъ, которые даже распоряжались дѣла-
ми имперіи и престола, возводили и низводили импера-
торовъ при помощи военныхъ начальниковъ своихъ. Од-
нимъ изъ такихъ всевластныхъ начальниковъ былъ зна-
менитый Свевъ Ризомеръ (Рицимеръ), распоряжавшійся
по желанію престоломъ имперіи. Таковъ, при прибыті
Одоакра въ Римъ, былъ Рузъ Орестъ. Одоакръ, отличавші
виднымъ ростомъ, храбростью и умомъ, скоро отличился
и выдвинулся изъ ряда прочихъ воиновъ.
Одоакръ былъ виновникомъ знаменитаго переворота 476 г.
Огромныя толпы германскихъ варваровъ, преимуществен
изъ племени Геруловъ, Скировъ, Руговъ, а также и други
составлявшихъ императорскую гвардію, приступили къ Оре-
сту съ требованіями земельнаго надѣла. Какъ уже извѣст-
но, варвары, составлявшіе Римское войско, размѣщались
обыкновенно на земляхъ владѣльцевъ, получали отъ нихъ дом
и имѣли право пользоваться рабами; теперь они захотѣ-
ли основаться болѣе твердо на Римской почвѣ и потре-
бовали въ свое полное владѣніе - по нѣкоторымъ извѣстія-
мъ всю землю, по другимъ - обычную треть. Орестъ, возведшій
въ это время на престолъ Римскій малолѣтняго сына своего

Ромула Августа (Августула) и управлявшій за него, отказалъ имъ въ этомъ требованіи. Когда они возмутились, и, какъ передаетъ одно извѣстіе - убили Ореста, по другому же - онъ былъ убитъ Одоакромъ. Когда это совершилось, Одоакръ самъ выступилъ во главѣ войска, обѣщалъ имъ желаемый земельный надѣлъ, съ условіемъ, чтобы они повиновались ему. Провозглашенный предводителемъ всѣхъ дружинъ германскихъ, онъ арестовалъ послѣдняго Римскаго императора, малолѣтняго Ромула Августула и отправилъ его на виллу Лукулла, назначивъ ему пожизненный пансіонъ (5000 солидовъ). Послѣ этого онъ занялся произведеніемъ требуемаго раздѣла: онъ взялъ только одну треть земель Римскихъ для Германцевъ, въ противоположность Вест-Готамъ и Бургундамъ, присвоившимъ себѣ двѣ трети. Земли, отданныя Германцамъ Одоакромъ, не представляли сплошной, цѣльной полосы; напротивъ, они были разбросаны въ различныхъ мѣстахъ средней и южной Италіи, что также не способствовало прочности этихъ поселеній. Кромѣ того, варвары эти не имѣли даже твердой основы племеннаго единства, такъ какъ они принадлежали хотя и къ родственнымъ, но все же различнымъ племенамъ Руговъ, Сциров, Геруловъ и др.

И такъ, и въ Италіи, подобно тому, какъ въ другихъ провинціяхъ имперіи, переворотъ совершился не вдругъ, не имѣлъ совершенно характера насильственнаго вторженія германскаго элемента. Завоеватели не явились извнѣ, не разбивали римскихъ легіоновъ, не захватывали въ свои руки побѣжденную имперію. Но же постоянное, долговременное, непрерывное накопленіе германскихъ силъ, служба въ легіонахъ, работа на поляхъ Римскихъ, которую мы видѣли въ провинціяхъ - то же самое подготовило и въ сердцѣ имперіи переворотъ 476 года. Варвары уже давно основались въ Римѣ, а теперь потребовали только прочнаго обезпеченія. Все въ имперіи оставалось по прежнему; не было только

императора, но и это въ сущности не было дѣломъ необыкновеннымъ, такъ какъ случалось и прежде. Былъ, впрочемъ, даже и низверженный Орестомъ императоръ Непотъ, жившій въ Далмаціи. И самъ Одоакръ не думалъ вовсе, что, снявъ съ ребенка императора порфиру и отправивъ его на виллу Лукулла, онъ уничтожилъ этимъ самымъ имперію, самая идея которой была священна даже для варваровъ. Вообще, объ исторіи и учрежденіяхъ государства Одоакра мы имѣемъ скудныя извѣстія; прежде всего, сознавая опасность своего положенія, онъ старался прикрыть фактъ насилія видомъ законности и формулировать свое положеніе къ Италіи, Сенату и Риму, также какъ и къ императору въ новомъ Римѣ - Византіи. До насъ дошелъ отрывокъ одного Византійскаго писателя, близкаго къ тому времени (Малха), въ которомъ разсказывается слѣдующее: Когда Августъ, сынъ Ореста (Ромулъ Августулъ) услышалъ, что Зенонъ сдѣлался императоромъ на Востокѣ, то онъ принудилъ Сенатъ отправить посольство въ Константинополь; посольство это объяснило Византійскому императору, что нѣтъ совершенно необходимости, чтобы было два государя на Востокѣ и на Западѣ, что Римъ можетъ довольствоваться намѣстникомъ, назначеннымъ отъ Византіи и что самымъ достойнымъ занять это мѣсто является въ настоящее время Одоакръ, избранникъ Сената, которому Сенатъ и проситъ даровать титулъ патриція и поручить управленіе Италіей. Послы привезли съ собою и регаліи императорской власти съ тѣмъ, чтобы оставить ихъ въ новомъ Римѣ: отдѣльной Западной имперіи не существовало и они желали теперь только санкціи Зенона, восточнаго и единственнаго императора. Зенонъ принялъ весьма благосклонно посольство, вмѣстѣ съ которымъ были присланы и уполномоченные отъ самого Одоакра, но отклонилъ ихъ просьбу. Уже два раза, высказалъ онъ, Византія назначаетъ императоровъ въ Римъ и оба раза Римъ низла-

гаетъ ихъ *). И теперь онъ именуетъ императора-Непота; къ нему и должны вы обращаться. Когда уполномоченные Одоакра просили титулъ патриція для своего господина, Зенонъ имъ указалъ на Непота: у него долженъ Одоакръ просить патриціата; впрочемъ, и самъ Зенонъ готовъ даровать ему титулъ патриція, если Непотъ не предупредитъ его; и дѣйствительно, въ отвѣтномъ письмѣ Зенонъ назвалъ Одоакра патриціемъ.

Разсказъ этотъ требуетъ во многихъ отношеніяхъ дополненія и объясненія. Во первыхъ, юный низверженный императоръ есть простое орудіе въ рукахъ Одоакра; онъ хотѣлъ придать такой видъ дѣлу, что императоръ и Сенатъ сами желали уничтоженія западной имперіи; онъ вынудилъ своего плѣнника къ тому объявленію и приглашенію, которое обращено было къ сенату, и которое заключало въ себѣ отреченіе, по наружности, въ пользу Византійскаго императора, а на самомъ дѣлѣ, въ пользу Одоакра. Не революція, а отказъ императора и сената должны были поэтому призвать Одоакра къ фактическому господству надъ Италіей. Кромѣ того, Византійскій императоръ долженъ былъ склониться въ пользу новаго порядка вещей и такимъ образомъ власть Одоакра легализована и обезопасена. Для того-то сенатъ долженъ былъ отправить къ Зенону лестное приглашеніе быть впредь императоромъ Востока и Запада; для того и самъ Одоакръ отослалъ къ нему ornamenta palatii; потому-то онъ такъ долго (до 484 г.) не назначалъ консула для Запада.

Не въ силу собственнаго права, не какъ завоеватель или Германскій конунгъ, но какъ намѣстникъ и чиновникъ Византійскаго императора варваръ хотѣлъ и защищать Италію и управлять ею.

---

*) разумѣется низверженный Непотъ и убитый Анѳимій (Антемій)

Форма для него не имѣла такого значенія, какъ безопасность владѣнія; но принятіемъ королевскаго титула по смерти Ореста онъ показалъ, что онъ хочетъ властвовать надъ Германцами на основаніи ихъ и своей силы, а не какъ императоръ уполномоченный. Онъ, слѣдовательно, стремился къ тому же положенію въ отношеніи къ Германцамъ, Италiанцамъ и Византiйцамъ, какъ впослѣдствіи Теодерихъ. Если онъ не принялъ императорскаго титула, то это не потому, что презиралъ его, какъ обыкновенно думаютъ, но вслѣдствіе осторожности. Однако умный планъ потерпѣлъ неудачу. Зенонъ не позволилъ себя соблазнить предложеніемъ формальнаго господства надъ Западомъ и уступить истинную власть варвару. На отказъ Августула онъ не обращаетъ никакого вниманія; онъ знаетъ только Непота, поставленнаго изъ Византіи, какъ истиннаго владыку Италіи; къ нему онъ и отсылаетъ варвара. Впрочемъ, образъ дѣйствій восточнаго императора остается загадочнымъ и двусмысленнымъ. Хотя государь Италіи есть только Непотъ, а не Одоакръ, не Августулъ, ни самъ Зенонъ, но желаніе Одоакра было вполовину исполнено; хотя ему и не былъ формально данъ санъ патриція вмѣстѣ съ знаками этого достоинства, но тѣмъ не менѣе онъ названъ былъ въ отвѣтномъ письмѣ Зенона этимъ почетнымъ именемъ.
Итакъ, съ точки зрѣнія идеи и права, переворотъ 476 г. не былъ паденіемъ Римской имперіи. Она продолжала существовать въ умахъ современниковъ, въ представленіи христіанъ и варваровъ, въ признаніи ея существованія самимъ виновникомъ переворота; не было только отдѣльнаго западнаго императора и Римъ управлялся патриціемъ, хотя и непризнаннымъ прямо въ этомъ званіи, но все-таки выдававшимъ себя за намѣстника императорскаго. Спустя нѣкоторое время совершились на Западѣ два новыхъ

переворота, виновниками которыхъ были конунгъ О. Готовъ Теодерихъ и конунгъ франковъ Хлодовигъ.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію этихъ событій, остановимся еще на пройденномъ нами времени. Наше изложеніе касалось по преимуществу фактовъ политической жизни, изученіе которыхъ, конечно, всегда должно стоять на первомъ мѣстѣ, такъ какъ безъ этого основнаго знанія и все другое осталось бы непонятнымъ. Но съ другой стороны для полнаго и всесторонняго ознакомленія съ эпохою нужно было бы остановиться съ такою же подробностью и на другаго рода явленіяхъ, объясняющихъ движеніе просвѣщенія и мысли, образованія и науки. По недостатку времени, мы остановимся только на немногихъ литературныхъ произведеніяхъ пятаго вѣка, бросающихъ наиболѣе яркій свѣтъ на разсматриваемую нами эпоху; для болѣе подробнаго знакомства съ умственнымъ и литературнымъ движеніемъ нашей эпохи мы снова рекомендуемъ сочиненіе Guizot: Histoire de la civilisation en France (въ русскомъ переводѣ теперь существуютъ 1й и 2й томы), и книгу Ешевскаго: Аполлинарій Сидоній и его время (Полн. собр. сочин. т. III.).

Отмѣтимъ прежде всего произведенія, которыя непосредственно связаны съ событіями 410 и слѣдующихъ годовъ. Какъ уже извѣстно, въ 410 году „вѣчный городъ", никогда не бывшій въ рукахъ враговъ, былъ взятъ Аларихомъ и отданъ на разграбленіе. Дѣйствіе, произведенное этимъ событіемъ на умы современниковъ, было потрясающее. Въ чувствѣ ужаса и изумленія сходились между собою народы, несшіе на себѣ владычество Рима. Но особенно сильно потрясло оно Римлянъ, какъ христіанъ, такъ преимущественно язычниковъ. Римляне-язычники и христіане, называли Римъ главою міра и были увѣ-

увѣренъ, что разрушеніе его будетъ знакомъ кончины міра.. Христіане убѣждены, говоритъ Тертуллианъ, что конецъ Римской имперіи будетъ концомъ міра". Эта увѣренность была источникомъ иного тяжкаго изумленія, которое овладѣло всѣми при извѣстіи о взятіи Рима. Но чтобы понять силу моральнаго дѣйствія, произведеннаго этимъ событіемъ, нужно припомнить старыя представленія.

Старая привычка, по которой Римляне всѣ событія своей исторіи разсматривали или какъ награды боговъ за ихъ благочестіе, или какъ наказаніе за невѣрность предписаніямъ религіи, ставила передъ ними только двѣ возможности: взятіе Рима Готами могло быть или карою боговъ отечественныхъ за допущеніе въ ихъ страну оскорбительнаго для нихъ христіанства, или - наказаніемъ Бога христіанскаго за ненависть къ нему Римлянъ. Но послѣдней возможности Римляне не допускали на томъ основаніи, что при взятіи Рима много пострадали христіане. Слѣдовательно, разореніе Рима было дѣломъ отечественныхъ боговъ, оскорбленныхъ торжествомъ христіанства. Оно было причиною всѣхъ золъ, потому что со времени Константина дерзость варваровъ все возрастала. При прежнемъ культѣ Римъ былъ счастливъ, а при новомъ дошелъ до положенія раба. Много голосовъ говорило на эту тему.

Недоумѣніе не чуждо было и христіанамъ. Въ Римѣ, говорили они, находятся Петръ и Павелъ, и однако же Римъ опустошенъ. Гдѣ же обѣтованія христіанства? Гдѣ то счастье, которое оно сулитъ?

Это настроеніе умовъ вызвало св. Августина написать свое знаменитое „de civitate Dei" (О государствѣ Божіемъ). „Когда сдѣлалось извѣстнымъ несчастіе, говоритъ онъ самъ, язычники, приписывая разрушеніе Рима христіанской религіи, стали проклинать царство Божіе (хри-

стіанство.); тогда я, пламенѣя усердіемъ о домѣ Божіемъ рѣшился написать противъ ихъ порицаній или заблужденій книги подъ заглавіемъ „De civitate Dei" (contra paganos.)

Основная мысль св. Августина заключается въ томъ, что есть два государства: небесное, которое имѣетъ своимъ основникомъ истиннаго Бога и частью живетъ на небѣ, частью еще на землѣ, пока не достигнетъ совершенства, чтобы соединиться съ своими членами, пребывающими на небѣ.

Другое - земное, имѣющее княземъ діавола, появившееся на землѣ позднѣе перваго - со времени перваго братоубійства, образовавшееся послѣ вавилонскаго столпотворенія и заключающее въ себѣ всѣхъ людей, рожденныхъ отъ плоти и не очищенныхъ, благодаря возрожденію: Весьма интересными являются въ этомъ случаѣ воззрѣнія св. Августина; онъ не только противопоставляетъ небесному царству земное, но и отрекается отъ послѣдняго, проповѣдуетъ разрывъ съ нимъ; говоритъ даже, что земное царство - Римъ - есть дѣло рукъ діавола. Воззрѣніе весьма рѣзкое, до котораго не доходили другіе церковные писатели. По мнѣнію Августина, слѣдовало совсѣмъ отрѣшиться отъ всякихъ заботъ о земномъ царствѣ и не обращать вниманія на раззореніе и завоеваніе Рима.

„Я рѣшился, говоритъ онъ, совмѣстно изложить исторію царства Божія и царства земного, ради большей славы царства Божія, которое въ этомъ контрастѣ пріобрѣтаетъ еще больше блеска".

„Прежде, чѣмъ приступить къ исторіи царства Божія, я долженъ еще сказать нѣчто противъ тѣхъ, которые бѣдствія нашей имперіи приписываютъ христіанской религіи, воспрещающей идолослуженіе." Десять первыхъ книгъ его сочиненія посвящены рѣшенію этой задачи. Первыя двѣ книги

обнародованы въ 414 году, слѣдующія въ 416 году.
„Неблагодарные враги царства Божія, такъ начинаетъ онъ свой трудъ, въ слѣпой ненависти къ имени Искупителя, забыли недавнее его благодѣяніе, забыли, что спасеніемъ своей жизни и необычайною кротостью варваровъ, по которой они щадили всѣхъ назвавшихся христіанами и прибѣгавшихъ подъ кровъ христіанскихъ храмовъ, они обязаны имени и дѣйствію Христа."
„Въ самомъ дѣлѣ, было ли когда прежде, чтобы завоеватели какого либо города щадили тѣхъ, кто прибѣгалъ подъ защиту языческихъ храмовъ. Предъ нами исторія всѣхъ древнихъ войнъ; но она говоритъ совершенно иное. Она говоритъ, устами Виргилія, что онъ видѣлъ Пріама убитаго у подножія жертвенниковъ и своей кровью угасившаго ихъ огонь."
И такъ, опустошенія, убійства, грабежи, насилія, пожары, испытанныя Римомъ отъ Готовъ, были дѣломъ всеобщаго военнаго обычая, а то, что Готы щадили христіанъ, христіанскіе храмы и скрывавшихся въ нихъ, было сверхъестественнымъ дѣйствіемъ милосердія Іисуса Христа и кто этого не признаетъ, тотъ слѣпъ, глухъ и неблагодаренъ.
Но при этомъ Августину представлялись тѣ вопросы, которые слышались со стороны христіанъ, какъ недоумѣнія. Если спасеніе Римскихъ жителей въ храмахъ христіанъ, было дѣломъ милосердія истиннаго Бога, то почему это милосердіе простиралось на нечестивыхъ и неблагодарныхъ? Почему Богъ допустилъ съ другой стороны, чтобы вмѣстѣ съ нечестивыми и добрые испытали столько страданій? Почему многіе изъ христіанъ были подвергнуты пыткамъ, оставлены безъ погребенія, многіе отведены въ неволю? Почему многіе богатые христіане потеряли имущество?
При разрѣшеніи этихъ вопросовъ онъ старается проникнуть въ таинственный вопросъ о распредѣленіи счастья

и несчастья на землѣ и доказываетъ, что съ вѣрующими и благочестивыми не случалось такого зла, которое бы не обратилось къ ихъ пользѣ.

Говорятъ, что христiане потеряли все, чѣмъ владѣли, но это несправедливо; они не потеряли благъ внутренняго человѣка, который всегда богатъ передъ Богомъ.

Мы имѣемъ чѣмъ питаться и чѣмъ одѣться; этого для насъ совершенно достаточно, мы и не хотимъ богатства.

Но нѣкоторые христiане, даже благочестивые, были подвергнуты пыткамъ, чтобы открыли свои сокровища? Если они рѣшились страдать скорѣе, нежели выдать свое земное имущество, замѣчаетъ Августинъ, значитъ, они не были благочестивы.

За что же страдали тѣ истинно благочестивые люди, которые дѣйствительно не имѣли богатства, въ нихъ раздавался голосъ сомнѣнiя? „За то, съ нѣкоторою насмѣшкою отвѣчаетъ св. отецъ, что они, не имѣя богатства, можетъ быть желали имѣть его.“.....

Въ этомъ же родѣ разсматриваетъ далѣе Августинъ событiя современной ему эпохи, толкуя ихъ, какъ необходимыя случайныя несчастья царства земнаго вмѣстѣ съ тѣмъ какъ приближенiе къ царству небесному.

Но и это сочиненiе оказалось еще недостаточнымъ, и развитiе идей Августина продолжалъ Орозiй.

Орозiй, родомъ испанецъ, изъ Таррагоны, около 415 г. пришелъ къ Августину, чтобы помогать ему. Послѣднiй отправилъ его къ блаженному Iерониму въ Виѳлеемъ; но весною 416 года Орозiй вновь возвратился въ Африку и здѣсь, по совѣту Августина, въ продолженiе 416 и 417 гг. занялся составленiемъ обозрѣнiя всемiрной исторiи отъ сотворенiя мiра до современной ему эпохи. (Historiarum libri). Эта исторiя, написанная въ видѣ хроники, особенно важна потому, что сдѣлалась источникомъ для всѣхъ среднихъ вѣковъ: многiе средневѣковые писатели читали

впослѣдствіи изъ Орозія и даже явились его продолжателями. Онъ точно также смотритъ глазами Августина на разрушеніе Рима и говоритъ, что гибель Содома и Гоморры несравненно важнѣе, чѣмъ завоеваніе столицы великой всемірной монархіи. Упоминая о разрушеніи и печальной судьбѣ Вавилонскаго царства, о низверженіи Сарданапала, онъ сравниваетъ эти событія съ судьбою современнаго ему Рима и находитъ ихъ аналогичными. Обозрѣніе его кончается 418 годомъ, когда Валлія (Wallia Gothorum) заключилъ съ императоромъ Гоноріемъ миръ и Готы вступили въ союзъ съ Римлянами. Въ своемъ изложеніи, Орозій желаетъ представить появленіе варваровъ на почвѣ имперіи далеко не столь страшнымъ, какъ оно казалось его современникамъ; они обрабатываютъ поля, говоритъ онъ, перековали свои мечи на орала (плуги) и воздѣлываютъ нашу землю. Даже и съ нравственной точки зрѣнія поселеніе ихъ на территоріи Рима не представляетъ несчастья, такъ какъ они во многихъ отношеніяхъ гораздо нравственнѣе и чище Римлянъ. Въ особенности же всѣ эти событія не покажутся особенно страшными, если сравнимъ ихъ съ ужасными несчастьями давно прошедшихъ языческихъ временъ.

Третій изъ знаменитыхъ христіанскихъ писателей того времени - Сальвіанъ, родомъ изъ Галліи, а именно изъ Кельна, такъ какъ онъ называетъ жителей Трира своими сосѣдями.

Около 430 г. онъ былъ посвященъ въ пресвитеры Марселя (Віенской провинціи). Сочиненіе его „De gubernatione Dei“ (объ управленіи Божіемъ) написано немного послѣ 439 года, какъ видно изъ одного мѣста въ VII книгѣ. Тема его обозначена въ самомъ началѣ его сочиненія:

„Есть такіе люди, которые утверждаютъ, что Богъ вовсе не заботится о человѣческихъ дѣяніяхъ и какъ бы пренебрегаетъ міромъ, ибо не видно того, чтобы онъ охранялъ

добрыхъ и наказывалъ злыхъ; напротивъ, въ этомъ вѣкѣ (жизни) добрые чаще всего бѣдствуютъ, а злые наслаждаются благоденствиемъ. Для опровержения такой нечестивой мысли, по мнѣнию Сальвиана, достаточно было бы въ глазахъ христианина ссылки на св. писание, но такъ какъ многие еще не очистились совершенно отъ закваски языческаго невѣрия, то онъ нашелъ нужнымъ привести мнѣния избранныхъ классическихъ философовъ и мыслителей о божественномъ мироправлении. Затѣмъ, объяснивъ, что никакия земныя бѣдствия - ни бѣдность, ни болѣзнь - не могутъ считаться несчастиемъ для истиннаго христианина, Сальвианъ отъ частной судьбы отдѣльныхъ лицъ переходитъ къ общему состоянию империи, къ ея бѣдствиямъ и униженiю предъ варварами.

„Если Богъ любитъ человѣка, заботится о немъ и управляетъ миромъ, то почему, спрашиваетъ далѣе Сальвианъ, дошло дѣло до того, что Римляне должны были подчиниться варварамъ? почему враги покорили ихъ, почему это должно было сдѣлаться такъ? На эти вопросы онъ отвѣчаетъ слѣдующимъ образомъ: обратимся къ нравамъ и обычаямъ Готовъ и Вандаловъ, сравнимъ жизнь нашу съ жизнью варваровъ и мы увидимъ, что Готы и Вандалы во многомъ превосходятъ насъ, христианъ. Въ особенности нравственная сторона жизни варваровъ кажется ему значительно выше и чище Римской. Первое зло, на которое онъ указываетъ въ Римской империи, зло, "совершенно чуждое варварамъ и обычное въ Римѣ, состоитъ въ страшномъ вымогательствѣ податей. Порядокъ этотъ тѣмъ болѣе ненавистенъ, что онъ заставляетъ не всѣхъ страдать одинаково; большинство терпитъ отъ него, а немногие, сильные, остаются совершенно свободны отъ подобныхъ притѣснений. Однимъ словомъ, это совершенно то же, что говорилъ Приску проживавший при дворѣ Аттилы грекъ.

Сальвіанъ вину всего этого, складываетъ, впрочемъ, не на государственную высшую власть, а на куріаловъ. Онъ яркими чертами описываетъ раззореніе, истощеніе бѣдныхъ классовъ вслѣдствіе вымогательства податей и вмѣстѣ съ тѣмъ даетъ по этому поводу любопытныя указанія. Вслѣдствіе этихъ тяжкихъ притѣсненій множество людей даже зажиточнаго и образованнаго класса общества, убѣгаютъ къ врагамъ-варварамъ. Они, по риторическому выраженію Сальвіана, любящаго прибѣгать къ антитезамъ, ищутъ у варваровъ римской гуманности, ибо не могутъ вынести у Римлянъ варварской негуманности: „Quaerentes scilicet apud barbaros Romanam humanitatem, quia apud Romanos barbaram inhumanitatem ferre non possunt. (V, cap. I.) И хотя они отличаются отъ тѣхъ, къ которымъ прибѣгаютъ, своею одеждою, своими нравами, своимъ языкомъ, все же они предпочитаютъ жить возлѣ варваровъ, чѣмъ переносить свирѣпую Римскую юстицію. Они убѣгаютъ не только къ варварамъ, но и къ багаудамъ (Bacaudi, Bacaudi - возставшіе крестьяне). Они предпочитаютъ быть свободными подъ видомъ рабства, чѣмъ рабами, подъ видомъ свободы. Имя Римскаго гражданина, которое прежде цѣнилось высоко, теперь составляетъ несчастье и потому не должно очень обвинять тѣхъ, которые убѣгаютъ къ врагамъ и мѣняютъ свое имя на имя варваровъ. Большая часть Испаніи и не меньшая Галліи только и думаютъ теперь о томъ, какъ бы перестать быть Римлянами."

Потомъ Сальвіанъ переходитъ къ возстанію багаудовъ. „Ограбленные, утѣсненные, убиваемые злыми и кровожадными администраторами (judices), они потеряли права римской свободы, а послѣ потеряли и самую честь римскаго имени. И мы ставимъ въ вину имъ ихъ несчастье, ставимъ въ вину названіе, выражающее ихъ несчастье, ставимъ въ вину имя, которое сами создали. И мы на-

зываемъ бунтовщиками, погибшими людьми тѣхъ, которыхъ сами толкнули въ преступленіе. Ибо что произвело багаудовъ, какъ не наши несправедливости, безчестье администраціи, ихъ разбой и грабежи тѣхъ, которые обратили названіе государственныхъ повинностей въ наживу своей собственной корысти, изъ податныхъ раскладокъ сдѣлали свою добычу, которые, на подобіе хищныхъ животныхъ стали не управлять людьми, но пожирать ихъ, стали кормиться не только тѣмъ, что можно содрать съ нихъ, чѣмъ обыкновенно довольствуются разбойники, но, такъ сказать, кровью растерзанныхъ.
Отсюда и произошло то, что люди, доведенные до нерли, убитые разбоями судей, начали быть какъ бы варварами, потому что имъ непозволено было оставаться Римлянами; они должны были защищать по крайней мѣрѣ жизнь, такъ какъ видѣли себя совершенно лишенными свободы.
А теперь, развѣ не дѣлается то же самое, что дѣлалось тогда: развѣ тѣ, кто еще не сдѣлался багаудомъ, не вынуждается къ тому, чтобы имъ сдѣлаться?
Что касается насилія и несправедливости, - то ихъ достаточно для того, чтобы принудить ихъ хотѣть быть, только ихъ глупость, огрубѣлость и потеря всякой силы мѣшаетъ тому, что они еще не сдѣлались ими. И чего другого могутъ хотѣть бѣдняки, которые терпятъ постоянное, даже безпрерывное бѣдствіе податныхъ вымогательствъ, которымъ всегда грозитъ тяжкое и беззащитное разореніе, которые оставляютъ свои дома, чтобы не подвергаться пыткамъ въ самыхъ домахъ, ищутъ ссылки, чтобы уйти отъ казни.
Гдѣ и у какихъ народовъ, кромѣ Римлянъ, найдемъ мы подобное зло? Даже Франки не знаютъ, что это за преступленіе. Гунны чужды подобныхъ злодѣйствъ; ничего подобнаго нѣтъ у Вандаловъ, ни у Готовъ. Не только вар-

варъ не терпятъ подобныхъ мученій у Готовъ, но и сами Римляне, живущіе между ними, отъ нихъ изъяты. Оттого у нихъ только одно желаніе - никогда не воротиться подъ Римское владычество. Да, вся эта римская plebs проситъ у Бога только одной милости - возможности провести жизнь между варварами. И мы удивляемся, что Готы не побѣждены нашими войсками, когда Римляне предпочитаютъ стоять на ихъ сторонѣ, а не на нашей. Вотъ почему не только наши братья не думаютъ оставить варваровъ, чтобы перебѣжать къ намъ, но бѣгутъ отъ нашихъ провинцій, чтобы искать у нихъ убѣжища. Я удивляюсь, что не всѣ это дѣлаютъ. Причина только та, что они не могутъ взять съ собою своихъ убогихъ — хижинъ.

Дальнѣйшая черта, разсматриваемая Сальвіаномъ, весьма важна, такъ какъ она разъясняетъ тѣ зависимыя отношенія одного класса населенія къ другому, которыя послужили зачатками для развитія послѣдующихъ вассальныхъ отношеній." И вотъ, такъ какъ они не могутъ того, чего быть можетъ желали бы, они дѣлаютъ только то, что могутъ. <u>Они отдаютъ себя подъ покровительство людямъ болѣе сильнымъ</u> (tradunt se ad tuendum protegendumque majoribus) дѣлаются подданными (dedititios) богатыхъ, и какъ бы переходятъ подъ ихъ судъ и подданство. Я не считалъ бы еще этого чѣмъ-либо тяжкимъ и недостойнымъ, напротивъ, скорѣе радовался бы этому величію магнатовъ (potentium) которымъ отдаются (подъ защиту) бѣдные, если бы только они (т.е. богатые) не продавали своего покровительства за деньги (si patrocinia ista non venderent), если бы ихъ мнимую защиту ока зывъ можно было приписать человѣколюбію, а не корыстолюбію. Вотъ что тяжко и вотъ что жестоко: подъ предлогомъ защиты бѣдныхъ, они ихъ окончательно грабятъ (ut spolient), подъ видомъ защиты несчастныхъ, они дѣла

ютъ ихъ еще несчастные. Ибо всѣ тѣ, которые ищутъ этой мнимой защиты, прежде чѣмъ ее получать, должны отказаться въ пользу защитниковъ почти отъ всего своего имущества; такимъ образомъ - ради того, чтобы отцы имѣли защиту, дѣти теряютъ наслѣдство. Защита отцовъ пріобрѣтается обращеніемъ въ нищенство дѣтей. Вотъ что такое - помощь и патронатъ сильныхъ (ecce quae sunt auxilia et patrocinia majorum)."

„Самое чудовищное (monstrosum) говоритъ онъ дальше, что эти бѣдняки, отдавъ свое имущество патрону, должны часто нести и послѣ, какъ прежде, поземельную подать со всѣми ея бѣдствіями. Въ отчаяніи они спасаются изъ этой бѣды тѣмъ, что свои земельцы наконецъ совсѣмъ оставляютъ и уже не какъ клиенты, а какъ coloni приходятъ на латифундіи богатыхъ, какъ отъ врага спасаются въ крѣпость и отъ уголовнаго судьи въ asylum. Но такимъ образомъ они теряютъ вмѣстѣ со своимъ имѣніемъ и себя самихъ, т.е. свой status, право свободы.

И это еще не все - полусвободные превращаются также магнатами въ рабовъ.

Сочиненіе Сальвіана Марсельскаго представляетъ весьма важный источникъ для изученія соціальнаго положенія низшаго класса Римской имперіи той эпохи. Подробности, приводимыя имъ, выясняютъ намъ и причины тѣхъ возстаній багаудовъ, о которыхъ было уже сказано выше; возстанія эти имѣютъ довольно важное значеніе, такъ какъ повторялись во всѣхъ провинціяхъ и вездѣ были вызваны одними и тѣми же соціальными и экономическими условіями жизни.

Одинаковую важность имѣетъ и указаніе Сальвіана на то, что свободные люди отказывались отъ своей свободы и отдавали свои участки магнатамъ, могущественнымъ лицамъ, пріобрѣтая за это ихъ защиту, но вмѣстѣ-

съ тѣмъ теряя свою свободу.
Кромѣ всего этого, Сальвіанъ съ особенною резкостью останавливается на зрѣлищахъ и циркахъ, въ которыхъ, по его мнѣнію, главнымъ образомъ выражалось паденіе и разложеніе Римскаго общества.
„Нѣтъ преступленія и порока, говоритъ онъ, которые бы не заключались въ зрѣлищахъ, гдѣ величайшій родъ наслажденія представляетъ то, какъ умираютъ люди, или, что еще сильнѣе и ужаснѣе, разрываются на части, какъ чрево животныхъ наполняется человѣческимъ мясомъ, какъ съѣдаются люди, къ общей радости присутствующихъ, къ великому наслажденію зрителей. Глаза зрителей столько же, сколько и зубы звѣрей пожираютъ жертву. Чтобы это могло дѣлаться, вся вселенная несетъ издержки, съ большимъ вниманіемъ и стараніемъ ведется и приготовляется дѣло. Отдаленныя страны дѣлаются доступными, непроходимые лѣса обшариваются по всѣмъ направленіямъ, всюду разсылаются гонцы и сыщики, проникаютъ въ плодоносныя долины Альпъ, чтобы найти необходимыхъ для этихъ зрѣлищъ дикихъ звѣрей (VI, cap. 2.)
Такимъ образомъ еще въ пятомъ вѣкѣ Сальвіанъ говоритъ о звѣриныхъ бояхъ, но въ сущности, это только анахронизмъ, такъ какъ ихъ въ это время уже не существовало.
Но довольно уже сказано объ этомъ, говоритъ онъ далѣе; тѣмъ болѣе, что, какъ говорятъ въ извиненіе, это не всегда совершается.
Въ весьма рѣзкихъ выраженіяхъ, мало напоминающихъ классическую благородную латынь, онъ говоритъ далѣе о томъ, что общественныя торжественныя процессіи, празднества и т. п. имѣютъ вредное, развращающее вліяніе на народъ, но театры и цирки особенно вредны для общественной нравственности.
Конечно, онъ имѣлъ нѣкоторыя основанія говорить съ негодованіемъ объ этихъ зрѣлищахъ, но быть можетъ онъ

до избыточной степени преувеличиваль ихъ опасность и вредъ. Во особенную заслугу онъ ставитъ варварамъ, что у нихъ нѣтъ этого, и за это именно Богъ, по словамъ его, несмотря на ихъ ересь, помогаетъ имъ. Часто случалось, говоритъ онъ, что назначали богослуженія въ христіанскихъ храмахъ Рима и вмѣстѣ съ тѣмъ зрѣлище въ циркѣ. Народъ собираля въ послѣднемъ гораздо охотнѣе, чѣмъ въ первомъ и даже покидалъ богослуженіе и стремился въ циркъ, если узнавалъ во время священнодѣйствія о новомъ зрѣлищѣ.

Нѣкоторые, продолжаетъ онъ, скажутъ, что это дѣлается и вездѣ; правда-ли? разсмотримъ, гдѣ это не дѣлается? Это не существуетъ въ Могунтіакумѣ, но потому, что городъ разрушенъ и вырѣзанъ варварами. Не дѣлается это въ Кельнѣ, потому что онъ наполненъ врагами. Не дѣлается въ превосходномъ городѣ Трирѣ (Trevirorum), но потому, что онъ 4 раза былъ разоренъ и лежалъ въ развалинахъ. Не дѣлается это во многихъ городахъ Галліи и Испаніи. Но горе намъ и беззаконіямъ нашимъ! Италія опустошена столькими нашествіями - прекратились ли пороки Италіи? Римъ разоренъ и уничтоженъ - прекратились ли богохульства и пороки Рима?

Наконецъ, чтобы ни одна часть міра не сдѣлалась свободною отъ гибели, войны стали переплывать по волнамъ; взяты въ плѣнъ Сардинія и Корсика - но что же вышло изъ этого? Въ то время, когда оружіе варваровъ звучало около Карфагена, христіанская церковь этого города предавалась распутству и порокамъ.

Всѣ эти подробности весьма важны въ культурномъ отношеніи; они показываютъ намъ, что зрѣлища и цирки процвѣтали въ Галліи и даже Африкѣ до V вѣка; но вызывали осужденіе христіанскихъ писателей. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что съ нашествіемъ варваровъ и занятіемъ Римскихъ городовъ все это прекращается.

Перейдемъ теперь къ другому писателю того времени, совершенно отличному по типу отъ предыдущаго.
Какъ мы могли усмотрѣть изъ краткой характеристики Сальвiана Марсельскаго - онъ охотнѣе мирился съ варварами, чѣмъ съ распутствомъ и пороками своихъ современниковъ и соотечественниковъ. Не то можно сказать и про другихъ писателей этого времени; уже извѣстный намъ Викторъ Витенскiй какъ-бы прямо спрашивалъ Сальвiана: „послѣ разрушенiя городовъ нашихъ, послѣ всѣхъ бѣдъ и несчастiй, постигшихъ имперiю, возможно мнѣ обвинять варваровъ.
Къ числу писателей противоположнаго Сальвiану направленiя принадлежитъ знаменитый Сидонiй Аполлинарiй. Родившiйся въ Лiонѣ около 430 г., Кайй Соллiй Аполлинарiй Сидонiй происходилъ отъ фамилiи Арвернской, одной изъ тѣхъ богатыхъ Галльскихъ фамилiй, среди которыхъ сохранились преданiя Римской образованности и культуры. Онъ получилъ образованiе у хорошихъ наставниковъ; уроки поэзiи ему давалъ извѣстный Энiй, философiи - Евсевiй, и ученикъ этихъ двухъ знаменитыхъ учителей сдѣлалъ большие успѣхи въ обѣихъ наукахъ. И вдругъ этотъ Галлъ риторъ и философъ, былъ призванъ къ политической дѣятельности и къ высшимъ почестямъ имперiи, вслѣдствiе восшествiя его тестя Авита на престолъ Римскiй. Сидонiй Аполлинарiй, призванный въ Римъ, долженъ былъ лично, предъ сенатомъ, произнести панегирикъ императору. Дѣло это требовало большого красорѣчiя, но онъ съ успѣхомъ выполнилъ его. Немного времени спустя Авитъ палъ, и Сидонiй произнесъ въ Лiонѣ панегирикъ Майорiану. И Майорiанъ сошелъ со сцены - Сидонiй произнесъ панегирикъ преемнику его Анфимiю въ Римѣ.
За то на него сыпались почести; на Римскомъ форумѣ ему поставлена была статуя, среди величайшихъ по-

товъ имперіи; онъ возведенъ былъ въ санъ патриція и получилъ званіе префекта города Рима.

Въ то же время онъ долженъ былъ явиться къ В. Готскому двору, для полученія слѣдуемой ему доли наслѣдства. Въ тѣмъ же изысканнымъ краснорѣчіемъ, съ которымъ онъ прежде говорилъ панегирики императору, онъ описывалъ теперь Тулузу и дворъ короля Эйриха.

„Я нахожусь здѣсь, пишетъ, вотъ уже болѣе двухъ мѣсяцевъ и только разъ видѣлъ властителя; онъ не имѣетъ для меня времени свободнаго, потому что покорный міръ также ждетъ отъ него отвѣта.

„Здѣсь видѣнъ Саксонъ съ голубыми глазами. Привыкшій къ морю, онъ страшится земли. Ножницы не только подстригли его волоса на маковкѣ, онѣ совершенно ихъ срѣзали и гладко выстриженная голова кажется короче въ то время, какъ лицо стало какъ бы длиннѣе.

„Здѣсь старый Сигамбръ; остриженный послѣ нанесеннаго тебѣ пораженія, ты закидываешь назадъ вновь отпущенныя пряди волосъ.

„Здѣсь бродитъ Герулъ съ зеленоватыми щеками; онъ обитаетъ у крайнихъ предѣловъ Океана и цвѣтъ его лица напоминаетъ морскія травы.

„Здѣсь Бургундъ, ростомъ въ семь футовъ, безпрестанно преклоняя колѣна, молитъ о мирѣ.

„Остъ Готъ получаетъ новую силу, имѣя такихъ покровителей. Онъ тѣснитъ сосѣднихъ Гунновъ и гордится тамъ здѣсь одержанными побѣдами.

„Здѣсь и ты, Римлянинъ, ищешь спасенія; онъ проситъ у тебя защиты, Эйрихъ, противъ ордъ скиѳскихъ степей, когда Большая Медвѣдица грозитъ смутами. Онъ молитъ чтобы Гаронна, сильная пребываніемъ на ея берегахъ Марса, защитила ослабѣвшій Римъ."

Вскорѣ, впрочемъ, этотъ остроумецъ, этотъ ораторъ и свѣтскій человѣкъ наскучилъ почестями, почитаніемъ

лавръ въ Римѣ, обратился къ болѣе строгой жизни и сдѣлался епископомъ Клермонта. Но несмотря на это, страсть его къ литературнымъ занятіямъ не угасла; во всѣхъ его сочиненіяхъ и перепискѣ тотъ же языкъ; на престолѣ епископскомъ онъ остался свѣтскимъ остроумцемъ среди политическихъ и церковныхъ дѣлъ не забывая эпиграммъ и мадригаловъ.

Григорій Турскій такимъ образомъ хвалитъ краснорѣчіе Сидонія Аполлинарія: „въ каждую данную минуту, на каждый данный сюжетъ онъ могъ импровизировать немедленно. Самъ Сидоній говоритъ въ своемъ письмѣ къ епископу Турскому Перпетую, что впродолженіи двухъ стражъ (6 часовъ) онъ продиктовалъ рѣчь, которую долженъ былъ произнести въ Бурже предъ духовенствомъ и народомъ. „Я ее продиктовалъ, Христосъ тому свидѣтель, въ двѣ стражи одной лѣтней ночи; но я боюсь, чтобы ты, читая ее, не подумалъ, что я написалъ ее еще скорѣе, чѣмъ тебя о томъ извѣщаю", заключаетъ онъ свое письмо къ упомянутому епископу.

Приведемъ, какъ образчикъ, начало этой рѣчи.

„Возлюбленные мои, гражданская исторія повѣствуетъ, что одинъ „философъ приучалъ своихъ слушателей къ терпѣнію, необходимому, чтобы молчать, прежде, нежели сообщить имъ знанія, необходимыя, чтобы говорить, и что поэтому впродолженіе 5и лѣтъ „всѣ начинающіе хранили строгое молчаніе среди споровъ своихъ „товарищей, такъ самые быстрые умы не могли снискать себѣ „похвалъ прежде чѣмъ пройдетъ довольно времени, чтобы ихъ узнать. Что касается до меня, то моя слабость поставлена совсѣмъ въ другія условія, такъ какъ, не прошедши черезъ смиренную „обязанность ученикомъ при какомъ нибудь праведникѣ, я принужденъ взять на себя относительно другихъ обязанность учителя. „Но уже если Вамъ угодно было, въ своемъ заблужденіи, потребовать, чтобы я, немудрый, нашелъ для васъ, съ помощью Христа, „епископа, исполненнаго мудрости, и въ особѣ котораго соединя-

„мис бы всякія добродѣтели, то знайте, что ваши единогласныя „требованія, хотя и дѣлаютъ мнѣ большую честь, однако возлагаютъ на меня тяжелое бремя" и т.д. (см. Стасюлевичъ: Ист. Сред. вѣковъ, отд. III, стр. 207 и Гизо: Ист. цивил. во Франціи, лекція III, стр. 60 и слѣд.)

Впрочемъ, по мнѣнію самого автора, рѣчь эта не была перломъ его ораторскаго красноречія, въ ней, по собственному выраженію его, „нѣтъ ораторскаго раздѣленія, историческихъ примѣровъ, поэтическихъ образовъ, грамматическихъ фигуръ, блестокъ, коими риторы украшаютъ свои рѣчи". (ibid. Письмо къ Перпетую.)

За то онъ вознаграждаетъ себя въ письмахъ, гдѣ онъ подражаетъ Плинію и Симмаху, и которыя онъ самъ собралъ и издалъ по совѣту своихъ друзей. Всѣ они носятъ слѣды самой тщательной обработки. Очевидно, что высшее удовольствіе для Сидонія - бороться, состязаться съ своими друзьями въ остроуміи (esprit), изысканности, утонченности и.... темнотѣ. Онъ любитъ преодолѣвать трудности, пускаться въ описанія до послѣднихъ мелочей жизни варваровъ и Римлянъ, какъ мы уже видѣли изъ вышеприведеннаго описанія двора Эйриха. Но верхъ самодовольствія - когда онъ считаетъ себя достигнувшимъ верха литературной славы - если ему удается включить нѣсколько импровизированныхъ стиховъ въ фамильярное, дружеское письмо. Такъ, онъ разсказываетъ, что однажды во время путешествія, онъ долженъ былъ перейти черезъ ручей, но не нашелъ брода и по этому поводу импровизировалъ слѣдующее двустишіе:

„Praecipiti modo quod decurrit tramite flumen
Крутою тропинкою быстро сбѣгаетъ рѣка
„Tempore consumptum jam cito deficiet.x)
И, истребленная временемъ, скоро спадетъ.

---

x) Особенно любопытно то, что это стихотвореніе можно читать

Нѣсколько болѣе граціи и изящества въ стихотвореніи, кото-
рое онъ сочинилъ на металлическую чашу, предназначенную
въ подарокъ женѣ Фирина-Рагнагильдѣ. Чаша эта имѣ-
ла видъ морской раковины, и Сидоній, въ своемъ стихотво-
реніи, говоритъ: „Та раковина, въ которой Тритоны но-
сили Афродиту, не столь прекрасна, какъ эта чаша. Скло-
ни же предъ ней, королева, свое прелестное лицо; чаша отъ
этого станетъ еще болѣе блестящей."
По изяществу языка, по граціознымъ сравненіямъ, это не-
большое стихотвореніе можетъ выдержать сравненіе съ ка-
кимъ угодно мадригаломъ, принадлежащимъ вел. епохѣ
XVII вѣка.
Любопытнымъ памятникомъ, служащимъ намъ для по-
ясненія образа жизни тогдашняго духовенства, въ время
препровожденія, въ которомъ элементъ свѣтскій сливал-
ся съ духовнымъ и мирился съ нимъ, можетъ служить
письмо Сидонія къ другу его Эрифію. У гробницы св. Юсуса,
епископа Ліонскаго IV вѣка, въ промежуткѣ между дву-
мя церковными службами - утреней и обѣдней - они за-
нимаются игрою въ мячъ, раздѣлившись на партіи, иг-
рой въ кости, импровизацией стиховъ и т. п. (Гизо, лекція
III, стр. 69.)
Но скоро и въ другомъ отношеніи Аполлинарію Сидонію
удалось выказать свой талантъ. Епископство Клермонт-
ское, находившееся на границѣ двухъ варварскихъ міровъ
Бургундскаго, простиравшаго съ востока свои завоеванія
къ Оверни и В. Готскаго, часто подвергалось нападеніямъ.
Клермонтскому епископу пришлось еще ближе познако-
миться съ варварами, къ которымъ онъ чувствовалъ от-
вращеніе и ненависть, соединенныя со страхомъ. Это чув-
ство происходило столько же изъ аристократической гор-
дости родовитаго Галло-Римлянина, сколько изъ сознанія

концу и оно сохранитъ свой размѣръ и не потеряетъ смыслъ.

своего умственнаго превосходства; но болѣе всего оскорбляла Сидонія грубость нравовъ и привычекъ германскихъ варваровъ. Человѣку, возросшему среди изысканнаго и утонченнаго образа жизни высшаго круга, Бургунды и Готы, явившіеся въ Галлію, казались дикарями, каждый поступокъ которыхъ непріятно дѣйствовалъ на его избалованные нервы. Это враждебное чувство было тѣмъ сильнѣе, чѣмъ значительнѣе становилась роль варваровъ въ судьбахъ Римской имперіи. Вотъ отрывокъ изъ его стихотворенія, которое онъ написалъ другу своему послѣ взятія Ліона:
„Какъ, ты требуешь, чтобы я сложилъ стихъ въ честь фесценинской Діаны, я, среди толпы косматыхъ варваровъ и внося звуки германскаго нарѣчія; я, принужденный съ пріятной улыбкой расхваливать пѣсни, которую поетъ объѣвшійся Бургундъ, намазывая волосы тухлымъ масломъ. Хочешь, я скажу тебѣ, отчего невозможна поэма? Моя муза отвергла шестистопный стихъ съ тѣхъ поръ, какъ видитъ семистопныхъ патроновъ (ростомъ въ 7 фут.). Счастливы глаза твои и уши, я скажу даже: счастливо твое обоняніе: десять Бургундовъ не оскорбляютъ его каждое утро отрыжкой луку и проклятаго чесноку. Гиганты, которыхъ едва помѣститъ кухня Алкиноя, не ломятся на самомъ разсвѣтѣ къ тебѣ въ комнату, какъ будто ты дряхлый родственникъ ихъ отца или мужъ ихъ кормилицы. Но уже моя муза замолкла, начавъ этими немногими эндекасиллабами; она боится, что ихъ сочтутъ за сатиру."
Еще хуже было его положеніе со стороны В. Готовъ, отъ стремленія которыхъ овладѣть Оверныо онъ долженъ былъ защищать свою епархію. Мы уже знаемъ, что многіе епископы становились впереди войска и защищали города свои отъ нападенія варваровъ. Таковымъ является намъ въ этотъ новый періодъ своей жизни и Сидоній Аполлинарій. Много пришлось ему перенести лишеній и труд-

ностей, тѣмъ болѣе, что въ осажденномъ городѣ начался голодъ. Нѣсколько разъ отправлялъ онъ посольство въ Римъ и наконецъ отвѣтъ пришелъ, но совершенно не такой, какъ ожидалъ епископъ: Клермонтъ, защищавшійся такъ долго и такъ упорно, вмѣстѣ со всей Оверныю былъ уступленъ Готамъ, съ условіемъ, что они прекратятъ непріязненныя дѣйствія и не будутъ вести войну съ другими провинціями. По этому случаю Сидоній пишетъ языкомъ менѣе изысканнымъ и риторическимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе сильнымъ и задушевнымъ: „Таково же горькое положеніе этого несчастнаго клочка земли, что онъ менѣе пострадалъ отъ войны, чѣмъ отъ мира. Наше рабство сдѣлалось цѣною спокойствія другихъ; о горе! Рабство Арверновъ, которые, если обратиться къ ихъ происхожденію, осмѣливались именовать себя братьями Римлянъ и считаться между народами, происшедшими отъ крови Иліона. Если мы обратимся къ ихъ настоящей славѣ, то увидимъ, что они, своими собственными силами, отвратили оружіе общественнаго непріятеля; они, за своими стѣнами, не устрашились приступа Готовъ и вселили ужасъ въ полчища варваровъ. Итакъ, вотъ что заслужили мы послѣ голоду, пламени, желѣза, заразы, варварскихъ мечей .... Вотъ славный миръ, ради котораго мы питались травою, вырванною изъ разселинъ стѣнъ! ....

Въ этотъ періодъ своей дѣятельности Сидоній Аполлинарій является предъ нами въ болѣе высокомъ и серьозномъ видѣ, чѣмъ въ другихъ случаяхъ. Вообще, его личность является весьма интересной для исторіи. Среди варваровъ этотъ замѣчательный человѣкъ сохранилъ преданія древней классической культуры, образованности, науки. Разумѣется онъ былъ не единственнымъ; при варварскихъ дворахъ можно было найти многихъ знатныхъ и образованныхъ Римлянъ, занимавшихъ видныя мѣста и Германскихъ ко-

нунговъ. Изъ числа ихъ припомнимъ Авита Вьенскаго, оставившаго также свои сочиненія.

Обратимся теперь къ обозрѣнію политическаго развитія Западной Римской имперіи.

Намъ необходимо будетъ сказать нѣсколько словъ про Италію при Ост-Готахъ и про Франковъ, которымъ досталась задача объединенія варварскаго элемента имперіи, объединенія, окончившагося возстановленіемъ имперіи въ 800 году.

Власть Одоакра, виновника переворота 476 г., не могла быть прочна, такъ какъ онъ не опирался на компактную массу варваровъ, поселившихся, какъ уже извѣстно, въ различныхъ мѣстахъ Италіи. Послѣ раздѣла земель между варварскими легіонами, сплошная масса ихъ сдѣлалась еще меньше. Римское населеніе также мало сочувствовало и трудно примирялось съ поселеніемъ среди ихъ земель презираемыхъ варваровъ. Даже самъ императоръ Восточной Римской имперіи (Византіи) не былъ доволенъ Одоакромъ и вскорѣ послѣдовалъ разрывъ какъ между варварскимъ и Римскимъ населеніемъ Италіи, такъ и между представителями власти — Одоакромъ и императоромъ Византійскимъ. Италія скоро досталась новому варварскому племени — Ост-Готамъ той части Готовъ, которая, послѣ переселенія изъ степей южной Россіи, имѣла пребываніе въ области Дуная; въ V-мъ вѣкѣ они даже перешли на югъ отъ Дуная, кочевали въ Мезіи и своими набѣгами причиняли много хлопотъ Византіи. Во главѣ ихъ въ разбираемое нами время стоялъ человѣкъ, прославленный и исторіей и народною сагою — Теодерихъ, получившій воспитаніе и образованіе въ Константинополѣ. Явившись здѣсь первоначально какъ заложникъ, онъ пробылъ довольно долгое время въ роскошной столицѣ Восточной имперіи, по-

знакомился съ римской образованностью, блескомъ, цирками, театрами, изучилъ греческій языкъ и можно было надѣяться, что онъ не будетъ содѣйствовать уничтоженію Римской культуры и разрушенію античной цивилизаціи. Возвратившись къ своему народу, онъ былъ то въ дружбѣ, то во враждѣ съ Византіей, но въ походъ противъ Италіи отправился съ согласія и даже союза императора Зенона. Такимъ образомъ Италія, повидимому, совершенно легально передавалась во власть новаго намѣстника. Борьба его съ Одоакромъ весьма извѣстна. Нѣсколько лѣтъ, благодаря крѣпкой Равеннѣ, защищался послѣдній; наконецъ въ 493 году борьба была окончена пораженіемъ Одоакра. Между двумя варварами заключенъ былъ мирный договоръ, но, какъ извѣстно, Теодерихъ не соблюлъ условій его: Одоакръ былъ убитъ и конунгъ Ост-Готскій остался единственнымъ властителемъ Италіи.

Разсмотримъ теперь, въ какія отношенія сталъ новый повелитель къ мѣстному Римскому населенію и къ императорской власти въ Византіи?

По отношенію къ населенію, положеніе его было довольно выгодно. Онъ не долженъ былъ отнимать землю у Римлянъ для раздачи ея своимъ единоплеменникамъ, такъ какъ прежде жившіе въ Италіи Германцы получили уже свои надѣлы отъ Одоакра, между О. Готами же были раздѣлены участки мелкихъ варварскихъ племенъ: Геруловъ, Скировъ и друг. Такимъ образомъ отношенія его къ Римскому населенію Италіи съ перваго раза принимаютъ мягкій, миролюбивый характеръ.

Что касается до отношеній его къ Византіи, то они были фальшивыя, основанныя на страхѣ, хитрости и недовѣріи. Формальнымъ образомъ Теодерихъ всегда высказывалъ почтительную покорность Византіи и императору, большею частью держалъ съ нимъ миръ и на дѣлѣ, со-

ганяя оффиціальный характеръ намѣстника Западной Римской имперіи. Все это выражалось и въ нѣкоторыхъ частныхъ явленіяхъ. Такъ напр. онъ никогда не чеканилъ автономной золотой монеты, такъ что отъ его времени до насъ дошли только серебряныя монеты, но и на нихъ только на реверсѣ была изображена монограмма Теодериха. Съ формальной точки зрѣнія, въ теоріи, имперія слѣдовательно, не переставала существовать. Но практика не вполнѣ сходилась съ теоріей. Опираясь на большую народную массу, Теодорихъ имѣлъ вслѣдствіе этого и большую силу. Намѣстникъ имперіи, онъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ полновластнымъ королемъ своихъ многочисленныхъ x) О. Готовъ. Свои собственные существенные интересы онъ защищалъ съ оружіемъ въ рукахъ, такъ что иногда Готы вступали въ борьбу съ имперіей и хотя Византія и была склонна считать О. Готовъ своимъ наемнымъ войскомъ, однако все же сила вещей заставляла ее считать войну войной, а не простымъ бунтомъ. Такъ, когда императоръ Анастасій хотѣлъ расширить свою власть на восточныхъ границахъ владѣній Теодериха, то О. Готскій король, съ сохраненіемъ всякой учтивости въ письменныхъ сношеніяхъ, противопоставилъ ему свое войско. Точно также было и въ дѣлѣ Мундо, выдававшаго себя за потомка Аттилы и принявшаго титулъ короля, хотя это былъ скорѣе предводитель большой разбойничьей шайки. Когда онъ былъ вытѣсненъ имперскими войсками, то полководецъ Теодериха объявилъ его союзникомъ своего короля и когда Византія не обратила на это вниманія, то Теодерихъ разбилъ войска ея вмѣстѣ съ ихъ Болгарскими xx) союзниками.

---

x) По свѣдѣніямъ Dahn'а, число О. Готовъ, способныхъ носить оружіе, равнялось 250.000. Число это было сравнительно довольно велико.
xx) Въ это время Болгары въ первый разъ появляются въ Европѣ.

Такимъ образомъ, поддерживаемый національною стихійною силою своихъ О. Готовъ, онъ всегда могъ защитить самъ себя. И въ другомъ отношеніи положеніе его было весьма выгодно: подъ его властью находилась <u>вся</u> Италія. Въ противоположность другимъ варварамъ - Вест-Готамъ, Бургундамъ - селившимся гдѣ имъ было указано, случайно, безъ выбору, Теодерихъ завладѣлъ всей территоріей полуострова; подъ властью его была Ломбардія, Норикъ, Реція, Тироль. Такимъ образомъ онъ имѣлъ возможность поддерживать сношенія съ внутреннимъ варварскимъ міромъ, начинавшимся за Дунаемъ и это является также элементомъ его силы, подобно тому, какъ оно было и элементомъ силы Франковъ. Теодерихъ пользовался этимъ положеніемъ и оберегалъ его. Благодаря этой географической близости къ варварскому міру собственной Германіи, онъ понялъ и постоянно преслѣдовалъ одну задачу: объединеніе Германскаго элемента съ Римскимъ, проведеніе среди Германцевъ культуры Рима и подчиненіе варваровъ.

Эта сторона его дѣятельности особенно важна и интересна для насъ. Политика его имѣла вообще мирный характеръ - и въ отношеніи къ Византіи, и въ отношеніи къ другимъ сосѣдямъ. Теодериху удалось, путемъ мира, славою своей мудрости и своей силы, пріобрѣсть нѣкотораго рода нравственный протекторатъ надъ всѣми значительными германскими племенами. Ближніе и отдаленные германскіе конунги вступаютъ съ нимъ въ дружескія связи, признаютъ за нимъ нѣкоторое право посредничества и суда. Теодерихъ ревностно старался скрѣпить эти связи родственными союзами, путемъ усыновленій, почетныхъ посольствъ и щедрыхъ подарковъ. Завоеваній онъ не имѣлъ въ виду и изрыгающій пламень Дитрихъ Веронскій (какимъ рисуетъ его народная сага) былъ въ сущности весьма мирный король; онъ, очевидно,

сознавалъ общность интересовъ всѣхъ Германскихъ государствъ того времени и постоянно старался поддерживать между всѣми миръ.
Цѣль его при этомъ была одна — распространеніе благодѣяній мира, правового порядка и культуры, благородныхъ преданій римской образованности. Онъ и его Готы должны быть посредниками при передачѣ античнаго образованія единоплеменникамъ — варварамъ —; соотвѣтственно тому срединному положенію, которое О. Готское государство занимало между Имперіей и Германскимъ міромъ.
Взглядъ этотъ постоянно выражается въ политической перепискѣ Теодериха, сохранившейся у Кассіодора. Послѣдній былъ знатный Римлянинъ, подобно многимъ своимъ соотечественникамъ находившійся при дворѣ Ост-Готскаго короля; онъ занималъ здѣсь нѣчто въ родѣ должности нашего министра и государственнаго секретаря. Теодерихъ диктовалъ ему обыкновенно всѣ свои письма и распоряженія. Кассіодоръ впослѣдствіи собралъ все это и издалъ сборникъ подъ именемъ Variae (Epistolae), весьма драгоцѣнный для знакомства съ характеромъ и идеями Теодериха. Впрочемъ, здѣсь необходима оговорка. Пользуясь для характеристики Ост-Готскаго короля разными мѣстами изъ Кассіодорова сборника, мы не должны забывать, что тутъ мы имѣемъ дѣло не прямо съ королемъ, читаемъ не то, что онъ продиктовалъ, а то, что написалъ его министръ, — при томъ не просто министръ, а еще литераторъ, вышедшій изъ риторической школы и находившій большое удовольствіе кстати и некстати выставлять на видъ свое риторическое искусство и школьную мудрость. Но все это касается больше формы и изложенія, а не самаго духа оффиціальныхъ актовъ, выражавшихъ, конечно, намѣренія короля. Судя по этимъ документамъ, въ Готскомъ государствѣ съ гордостью сознавали свою противоположность съ грубыми короля-

ми другихъ варваровъ, которыхъ приходилось поучать пра-
ву и справедливости.

Теодерихъ говоритъ объ одномъ изъ своихъ пословъ: „Ты „противостоялъ королямъ, какъ равноправный имъ про-„тивникъ (non impar assertor); посланный нами, ты пока-„залъ нашу справедливость даже и тѣмъ, которые въ „гордомъ упорствѣ едва ли могли понимать какія-ли-„бо разумныя внушенія. Не устрашило тебя королевское „достоинство, которое отъ противорѣчія возгорается гнѣ-„вомъ: ты покорилъ ихъ дерзость истинѣ (заставилъ „преклониться передъ требованіями истины) и потрясъ ихъ „сознаніе до того, что они послѣдовали велѣніямъ на-„шимъ."

Посылая свою племянницу, какъ невѣсту Тюрингенскому конунгу, Теодерихъ выражаетъ пожеланіе: „Пусть она „познакомитъ вашъ народъ съ лучшимъ образомъ жизни. „Счастливая Тюрингія будетъ обладать дѣвицею, кото-„рую воспитала далекая Италія во всякой наукѣ и въ „добрыхъ нравахъ" (literis doctam, moribus eruditam).

При посылкѣ часовъ (водяныхъ или песочныхъ) Гундобаду Бургундскому, Теодерихъ пишетъ: „Пусть онъ имѣетъ у „себя дома, что нѣкогда видалъ въ Римѣ. Подъ его благо-„Бургундія должна познакомиться съ самыми рѣдкими „чудесами искусства и научиться цѣнить изобрѣтенія „древнихъ. При содѣйствіи своего короля Бургундскій „народъ пусть отложитъ варварскій обычай (proposi-„tum gentile). То, что для насъ, Готовъ, ежедневность, „пусть Бургунды считаютъ за чудо."

Такимъ образомъ Готы противопоставляются остальнымъ варварамъ (даже Бургундамъ) въ силу своего знакомства съ культурой Рима.

Хлодовигу Франкскому онъ отправляетъ какого-то пѣв-ца (citharoedum) и говоритъ о Боэціи, который долженъ былъ исполнить это порученіе: „Пусть Боэцій будетъ

„Орфеемъ и своими сладкими пѣснями смягчить грубый духъ варваровъ". Слова эти особенно замѣчательны, потому что исходятъ отъ варвара-же."

Особенно хвалится Теодерихъ тѣмъ, что онъ распространяетъ вездѣ, даже среди чуждыхъ племенъ миръ и господство закона, римскую дисциплину, такъ что вводитъ въ обычай рѣшать каждый споръ и ссору не силою оружія, (поединкомъ), какъ у варваровъ, но путемъ права и по разуму. „Мы смягчаемъ нравы чуждыхъ народовъ, подчиняя ихъ закону. Союзъ съ Италіей означаетъ признаніе Римскаго права." Exterarum gentium mores sub lege moderamur; iuri romano servit quidquid sociatur Italiae.

Онъ поставляетъ свою гордость въ томъ, что онъ, питомецъ античной государственной практики, управляетъ своимъ государствомъ подобно Римскому императору, а не какъ варварскіе короли, заставляетъ рѣшать споръ и ссору не какъ варвары частной войною и самопомощью, но по закону и праву.

Это самая существенная основа его правительственной системы - забота о мирѣ и объ умиреніи всякаго раздора вмѣсто насилія - словомъ: Verbis potius non armis causa tractetur - пусть тяжба рѣшается лучше словеснымъ состязаніемъ, а не оружіемъ.

При антипатіи Римлянъ и Готовъ, которая легко могла раздуть всякое частное столкновеніе въ опасное смятеніе, при трудности обуздывать Готовъ и старыя ихъ привычки, задача охраненія мира и порядка была столь же важна, сколь и затруднительна.

Обращаясь къ своимъ варварскимъ (не Готамъ) подданнымъ въ Панноніи, онъ говоритъ: „Зачѣмъ вы прибѣгаете къ единоборству, когда у васъ есть судьи, недоступные для подкупа? Гдѣ же можно искать мира, если допускаются бои и подъ властью самой гражданственности (sub civili iure pugnetur). Подражайте нашимъ Готамъ, которые на

„воинъ сохраняютъ мужество, дома — послушаніе закону".
Но приходилось и Римлянамъ въ Италіи дѣлать подобныя увѣщанія: .... „Отбросьте чуждые обычаи, не усваивайте себѣ дурныхъ пороковъ, которые, какъ видите, даже и другими (варварами) отбрасываются".
За то съ другой стороны онъ считалъ себя въ правѣ хвалиться своими Готами: „Среди извращенныхъ обычаевъ варварскихъ народовъ они обнаруживаютъ свою любовь къ справедливости и закону, и заслужили двойную славу тѣмъ, что усвоили Римскую разумность (prudentiam) и сохранили первоначальную доблесть (virtutem gentium).
Такое господство порядка, подъ которымъ они живутъ, подчиняясь закону и суду есть civilitas, почти то же, что наша цивилизація. Король — auctor civilitatis — виновникъ и защитникъ господства правды, образованія и разума. Поддерживая свое значеніе, утверждая свое вліяніе среди варваровъ, Теодерихъ особенно во имя этой civilitas подъ своимъ нравственнымъ протекторатомъ старался объединить Германію, приводя ее вмѣстѣ съ тѣмъ въ связь съ очагомъ цивилизаціи — Римомъ. Но осуществленіе этой задачи выпало не на его долю; оно досталось людямъ, гораздо болѣе матеріалистическимъ, болѣе грубымъ, не обладавшимъ вовсе тѣмъ идеализмомъ, который былъ присущъ знаменитому королю Остъ-Готовъ — Франкамъ.
Много препятствій встрѣчалъ Теодерихъ на своемъ пути. Готы, вооруженные защитники Римскаго общества, несмотря на всѣ проповѣди короля, вели себя весьма часто какъ волки, которымъ поручено было охранять стадо. Не довольствуясь своими третями, королевскими пожалованіями и дарами, они захватываютъ оставшіяся Римлянамъ земли, отбиваются отъ налоговъ, которые тѣмъ съ большею тяжестью падаютъ на бѣдныхъ и безсильныхъ. И Римское населеніе неспокойно: ему приходится напоминать, что возстанія и волненія не идутъ къ Римской gravitas (сол-

ности); а еще хуже того то, что Римскіе чиновники, главные помощники государя, пользуются своею властью на зло, а не на благо подчиненныхъ; мы постоянно читаемъ о вымогательствѣ, насиліяхъ, казнокрадствѣ. Независимо отъ всякихъ племенныхъ различій, на всѣхъ концахъ государства слышатся жалобы на людей сильныхъ. Мѣстные суды и чиновники не въ состояніи добиться повиновенія и исполненія своихъ приказаній; постоянно приходится искать помощи графа, весьма часто помочь можетъ только одинъ король. Вообще положеніе Теодериха въ борьбѣ съ этими тысячами мелкихъ сопротивленій было весьма тяжело. Никто въ частности не могъ соперничать съ нимъ; всѣ вмѣстѣ не старались соединиться, чтобы ограничить его волю: но всѣ врозь дѣлали то, что король ненавидѣлъ и запрещалъ*). Но главнымъ препятствіемъ его завѣтнымъ стремленіямъ является уже извѣстный намъ религіозный антагонизмъ Готовъ-аріанъ и католиковъ-Римлянъ. Теодерихъ, желавшій быть посредникомъ между античной культурой и варварскимъ міромъ, самъ не могъ долго остаться въ мирѣ съ религіозно противоположнымъ Римскимъ населеніемъ. Опять дѣло Ульфилы, въ сущности благодѣтельное, оказывалось помѣхой еще болѣе великому дѣлу — слиянію двухъ враждебныхъ другъ другу міровъ. Пока еще на Византійскомъ престолѣ сидѣли также не правовѣрные императоры, Римъ пассивно подчинялся аріанину Теодериху. Но вотъ совершается въ Византіи династическій переворотъ; на престолъ династія Юстина, Юстиніана, ревностныхъ послѣдователей Никейскаго исповѣданія и переворотъ этотъ сразу чувствуется и въ Италіи. И Теодерихъ, подозрѣвавшій въ измѣнѣ своихъ приближенныхъ, быть можетъ не всегда былъ правъ; быть можетъ,

*) См. Виноградовъ: Происхожденіе феодальныхъ отношеній въ Италіи.

сносясь съ Византіей, они и не мыслили объ измѣнѣ, а просто, невольно были привлекаемы туда религіозными симпатіями. Какъ бы то ни было, но эти сношенія ихъ съ Восточной имперіей сдѣлали Теодерика подозрительнымъ; недовѣріе и подозрѣнія его привели къ погибели лучшихъ друзей и совѣтниковъ ослѣпленнаго короля - Боэція, Симмаха и друг.

Теодерихъ не дожилъ до столкновенія - оно было рѣшено его преемниками х).

Плоды трудовъ Теодериха по образованію и цивилизаціи Готовъ выразились въ весьма отрадныхъ литературныхъ явленіяхъ въ средѣ самихъ Готовъ. Не говоря уже о Симмахѣ, Боэціи, Кассіодорѣ - Римлянахъ, жившихъ при дворѣ Ост-Готскаго короля - является у нихъ и писатель варваръ по происхожденію, причисляющій себя къ Готскому народу и происходившій изъ знатной фамиліи, родственной съ королевскимъ родомъ Амаловъ - <u>Іорданъ</u> или Іорнандъ, сочиненіе котораго („de Getarum origine et rebus gestis") служитъ главнымъ источникомъ для исторіи Готовъ. Въ настоящее время историческій талантъ и способности его не пользуются особеннымъ уваженіемъ; онъ весьма неудовлетворительно писалъ по латыни, а по гречески почти вовсе не умѣлъ, и въ своей Готской исторіи въ сущности пользовался сочиненіемъ знаменитаго Кас-

---

х) При изученіи Ост-Готскаго и Лангобардскаго періодовъ истор. Италіи полезными пособіями могутъ служить слѣдующія сочиненія:

<u>Кудрявцевъ.</u> Судьба Италіи.

<u>Грановскій.</u> Италія подъ владычествомъ Ост-Готовъ, Лангобардовъ и Франковъ. Рецензія на книгу Кудрявцева; напечатана въ Отечеств. Записк. за 1851 г. и въ Полн. собр. соч. т. II.

<u>Виноградовъ.</u> Исторія возникновенія феодальныхъ отношеній въ Италіи. Ж. М. Н. Пр. 1880. Январь и Февраль.

одора, не дошедшимъ до насъ. Исторія Готовъ Кассіодора была написана съ особой тенденціей. Нужно было сгладить разстояніе между сильнымъ, крѣпкимъ, но все еще варварскимъ въ глазахъ Римлянъ Готскимъ народомъ и Римлянами, гордыми своимъ образованіемъ и своею исторіею. Эта руководящая мысль политической дѣятельности Кассіодора нашла себѣ выраженіе и въ его сочиненіи. Этой цѣли послужила его ученость: что Готы и древніе Геты, весьма часто упоминаемые въ древней греческой исторіи, представляютъ одинъ и тотъ же народъ — это было ходячее мнѣніе; но никто еще не пытался объяснить связь и родословную, какъ отъ Гетовъ произошли Готы. Кассіодоръ это сдѣлалъ: онъ связалъ историческія преданія Готовъ, содержаніе ихъ пѣсенъ, — съ тѣми свѣдѣніями о Гетахъ, которыя онъ нашелъ въ сочиненіяхъ Грековъ и Римлянъ; а такъ какъ и Геты наравнѣ съ Готами назывались у послѣднихъ нерѣдко Скиѳами, то онъ привлекъ къ дѣлу всю исторію Скиѳовъ и даже Амазонокъ превратилъ въ Готскихъ женщинъ. Готы такимъ образомъ являются весьма древнимъ народомъ, а ихъ королевскій родъ — Амалы — прямыми преемниками Замолксиса и Ситалка. Древность Готовъ и ихъ предполагаемое родство съ Гетами должны были нѣсколько примирить Римлянъ съ горечью ихъ настоящаго положенія: надъ ними властвовали не какіе нибудь варвары, а очень благородные потомки древняго и славнаго племени. Изъ сочиненій Кассіодора дѣлалъ извлеченія и Іорданъ; но нѣкоторымъ указаніямъ видно, что книга была дана ему на время и онъ торопливо и часто небрежно дѣлалъ изъ нея свои извлеченія; отъ себя онъ придѣлалъ начало и конецъ и кое-какія новыя извлеченія изъ греческихъ и латинскихъ историковъ. Руководящая мысль, однако, принадлежитъ самому Іордану. Онъ весьма интересенъ для насъ со стороны его собственная

взглядовъ. Живя во время борьбы Готовъ съ Византией, онъ, какъ это ясно высказывается въ его сочинении, отдавалъ всѣ свои симпатіи Византіи. По его собственному выраженію, онъ писалъ не для того, чтобы возвысить славу Готовъ, а славу побѣдителя (Юстиніана). Повидимому, его можно было бы заподозрѣть въ недостаткѣ патріотизма; но это заключеніе было бы черезъ чуръ поспѣшно. Чувства его къ Византіи были тѣ же, которыя мы замѣчали и у самого короля Теодериха. Идея Римской Имперіи, столь живая, столь присущая даже варварамъ, заставляла даже и писателя ихъ отдавать должную честь Византіи, какъ представительницѣ ея. И эта двойственность - патріотизмъ и уваженіе къ имперіи - нисколько не мѣшала Іорнанду съ теплотою и одушевленіемъ говорить о храбрыхъ и доблестныхъ подвигахъ своихъ соотечественниковъ.

Борьба Ост-Готовъ съ Византией извѣстна уже изъ общаго курса исторіи. Юстиніанъ, императоръ Восточной Римской имперіи, не довольствуясь номинальною властью на Западѣ и желая возстановить тамъ свое фактическое господство, началъ борьбу съ Вандалами; во время этой борьбы, происходившей въ Африкѣ, поведеніе Италіи возбудило неудовольствіе Византіи и во время царствованія Амаласунты О. Готской (матери малолѣтняго Аталариха, внука Теодериха), возгорѣлась кровопролитная война. Около 30ти лѣтъ (съ небольшими перерывами) велась эта война, упорная, ожесточенная, безпощадная; въ борьбѣ съ войсками Византіи, предводительствуемыми геніальными полководцами - Велизаріемъ и впослѣдствіи Нарзесомъ - была наконецъ сломлена сила и геройски защищавшихся Готовъ x); они были побѣждены или лучше сказать, уничтожены тѣми имперскими войсками

---

x) (см. Procop.. De bello Gothico.)

которой составлены были изъ различныхъ народностей: Сла-
вяне, Гепиды, Лангобарды и друг. составляли контингентъ
этихъ войскъ, возвратившихъ западъ подъ фактическую
власть Римскаго императора. Италія перешла подъ уп-
равленіе экзарха, имѣвшаго свою резиденцію въ Равеннѣ;
первымъ экзархомъ былъ назначенъ побѣдитель - Нарзесъ.
Но Италія, впрочемъ, не долго оставалась подъ властью
Римскаго императора: ее постигла новая участь, новое
варварское нападеніе; „какъ бы въ возмездіе за старую
политику Рима, которая, не зная усталости, переноси-
ла власть свою отъ одного народа на другой, Италіи
тоже суждено было въ продолженіе очень длиннаго пері-
ода переходить изъ однихъ рукъ въ другія“ (Кудрявцевъ,
Судьбы Италіи, стр. 34.).
Въ 568 года Италія является подъ властью Лангобардовъ.

Лангобарды, подвигаясь по Эльбѣ, достигли Паннонии
и здѣсь имѣли постоянныя сношенія съ Византійскими
императорами, которые пользовались ихъ помощью
въ борьбѣ противъ враждебныхъ имъ сосѣдей.
Живя еще въ Венгріи, Лангобарды истребили Гепидовъ, стал-
кивались съ Аварами и вообще, вели многочисленныя вой-
ны. Вслѣдствіе своихъ связей съ Византіей, они ходили и
въ Италію, служили союзниками въ арміи Велизарія и
Нарзеса и съ перваго взгляда показали себя здѣсь грубыми,
жестокими, свирѣпыми варварами.
Въ 568 году, они являются въ Италіи уже какъ самостоя-
тельные завоеватели подъ предводительствомъ своего короля
Альбоина, устроившаго у нихъ еще на Дунаѣ сильную
центральную власть. Византійскія войска, съ которыми
имъ пришлось бороться, скоро были побѣждены; Лангобар-
ды овладѣли верхней Италіей до р. По и здѣсь, встрѣтивъ
сопротивленіе у Павіи, на 3 года были задержаны; впродол-
женіе этого времени они разорили подчиненную имъ страну

и тѣсно сошлись съ ней. Въ то же время отдѣльныя толпы Лангобардовъ двигались внутрь страны и еще при жизни Альбоина завоевали область на югъ, которая впослѣдствіи составила герцогство Беневентское. Послѣ взятія Павіи, самъ Альбоинъ еще успѣлъ взять часть сѣверной и средней Италіи, но, несмотря на продолжавшіеся отдѣльныя движенія Лангобардовъ по полуострову, имъ все же не удалось захватить всей Италіи, какъ это сдѣлали Ю. Готы. Внѣ власти ихъ остались: Венеція, укрѣпленная Равенна съ Пентаполисомъ, пространство земли отъ Равенны до Анконы, Лигурійскій берегъ (Лигурія, Генуя), территорія Рима и Неаполя, Апулія и Калабрія (южная часть полуострова); кромѣ того, подъ властью имперіи была Перуджія, крѣпость, служившая соединительнымъ пунктомъ между Равенною и Римомъ. Слѣдовательно, владѣнія Лангобардовъ занимали преимущественно центръ и протягивались узкой полосой земли, что, какъ увидимъ ниже, имѣло весовое значеніе для судьбы Рима и Равенны.

Отмѣтимъ здѣсь отличительную черту Лангобардскаго завоеванія - жестокость и свирѣпость. Аріане, даже часто язычники, поклонявшіеся Одину и другимъ Германскимъ богамъ, Лангобарды по характеру своего завоеванія были сходны съ Саксами. Вмѣстѣ съ ними пришелъ даже, по достовѣрнымъ свѣдѣніямъ, союзный отрядъ въ 20.000 Саксовъ, изъ тѣхъ конечно Саксовъ, которые остались послѣ вторженія своихъ родичей въ Британію, на материкѣ. Язычники Саксы и язычники Лангобарды *) очевидно, вовсе не были расположены щадить Римскую церковь, храмы и монастыри, являвшіеся въ то время главна-

*) Между Лангобардами даже въ VII в. встрѣчались язычники. Такъ, извѣстенъ разсказъ объ одномъ изъ ихъ герцоговъ, державшемъ у себя живую змѣю, которая служила ему для гаданій.

ми разсадниками просвѣщенія. При образованіи герцогства Беневентскаго, они истребили множество монастырей Бенедиктинскаго ордена и самая метрополія всѣхъ этихъ монастырей — Монте-Кассино, былъ разрушенъ. Множество епископскихъ каѳедръ было уничтожено; поэтому-то, при приближеніи Лангобардовъ, многіе епископы оставляли свою паству и спасались въ другіе города отъ неистовства варваровъ; такъ, архіепископъ миланскій — Гонорат, оставивъ свою паству, бѣжалъ въ Генуя. Все это объясняется религіозною разъобщенностью Аріанъ Лангобардовъ и католиковъ Римлянъ, той же преградой, которую вездѣ ставило варварамъ различіе вѣроисповѣданія ихъ. Кромѣ того, припомнимъ еще, что Лангобарды, въ противоположность другимъ варварамъ, явились въ Италію безъ всякаго знакомства съ Римской культурой. Ост-Готы, жившіе въ Паннонiи и Мезiи, В. Готы, Бургунды и другіе варвары приходили еще раньше своихъ наступательныхъ дѣйствій въ столкновеніе съ цивилизаціей Римской имперіи, проникались уваженіемъ къ самой идеѣ ея, къ высоко-развитой культурѣ своихъ враговъ. Лангобарды явились въ Италію свѣжіе, дикіе, не тронутые Римскимъ вліяніемъ, не проникнутые идеей величія вѣчнаго города и поэтому-то завоеваніе ихъ имѣло болѣе разрушительный характеръ.

Альбоинъ Лангобардскій умеръ въ 573 году; ему наслѣдовалъ (по избранію) Клефъ, царствовавшій только 1½ года, потомъ идетъ интересная попытка безкоролевья: вмѣсто того, чтобы избрать одного верховнаго властителя, они поручили власть нѣсколькимъ герцогамъ x) Но опасность, которая грозила имъ вновь со стороны Византійскаго императора Маврикія и союзниковъ его Франковъ, снова

x) Всѣхъ ихъ было 36; Павелъ Діаконъ для ровнаго счета говоритъ, что ихъ было 30 и даже называетъ ихъ 30ю тираннами.

заставило ихъ прибѣгнуть къ централизаціи власти и королемъ былъ избранъ Аутари, царствовавшій отъ 584-590 г.

Перейдемъ теперь къ вопросу о томъ, какъ поставили себя Лангобарды по отношенію къ покоренному ими мѣстному населенію Италіи?

Мы уже видѣли, что характеръ этого завоеванія отличался жестокостью; разсмотримъ теперь ихъ отношенія къ Римлянамъ, постараемся разобрать, оставили ли они прежнее управленіе, законы и къ какому сословію были причислены завоеванные. Вопросъ этотъ по отношенію къ Лангобардамъ имѣетъ особую важность и вмѣстѣ съ тѣмъ многія трудности. Необходимо прежде всего разсмотрѣть, признавали ли Лангобарды личность права или территоріальность его. Одинъ германскій ученый (Savigny) на Лангобардахъ доказывалъ непрерывность существованія Римскаго права во все время имперіи. Но если существовало это право, то кѣмъ оно же примѣнялось, кто судилъ въ это время? Если были суды Римскіе, то, слѣдовательно, были и муниципіи, какъ мѣста суда. Доказавъ въ положительномъ смыслѣ непрерывное существованіе этихъ муниципій, мы этимъ самымъ подтвердили бы и теорію тѣхъ ученыхъ, которые коммунальное движеніе городовъ въ Средніе вѣка приводятъ въ связь съ преданіями муниципальнаго Рима. Но сихъ поръ ученые, впрочемъ, не пришли къ окончательному рѣшенію этого спорнаго вопроса. Существуютъ три школы, мнѣнія которыхъ совершенно въ немъ расходятся. Для однихъ ученыхъ x) завоеваніе 569 года мало произвело измѣненій въ Италіи, оставило за нею Римскій характеръ, оставило Римскому населенію свободу, большую

---

x) Главнымъ представителемъ этого взгляда является Savigny Geschichte des römischen Rechts im Mittelalter I, 118-121.

часть собственности и самостоятельное право, даже не разрушило римскихъ муниципальныхъ учрежденій, однимъ словомъ, измѣнило оболочку, не тронувъ зерна. Эта школа, такимъ образомъ, признаетъ отдѣльное существованіе Лонгобардовъ и Римлянъ.

Для другихъ x) суровое, безпощадное Лонгобардское завоеваніе можетъ быть сопоставлено по своимъ послѣдствіямъ только съ завоеваніемъ Англо-Саксовъ: оно также привело къ полному паденію туземныхъ учрежденій и почти полному порабощенію туземнаго населенія. Завоеватели не только не оставили Римскаго права и порядка, но обратили населеніе въ полу-рабское, податное состояніе. На всей территоріи Западной Римской имперіи началось господство германскаго права, которому должны были подчиниться и Римляне. Согласно съ этой теоріей, позднѣйшее коммунальное движеніе не имѣло никакой связи съ древними Римскими учрежденіями.

Третьи xx) наконецъ, отыскивали средніе термины между этими противоположными мнѣніями, стояли за личную свободу Римлянъ, хотя и признавали разрушеніе Римскихъ учрежденій. Теорія эта впрочемъ не имѣетъ особаго научнаго значенія xxx).

Чтобы хотя нѣсколько уяснить себѣ этотъ спорный вопрос-

xxx) Взгляды эти отразились и въ русской исторической литературѣ. Кудрявцевъ въ вышепоименованномъ сочиненіи высказался въ пользу 2^е теоріи. Грановскій отдавалъ предпочтеніе мнѣнію Savigny.

x) Leo, Geschichte von Italien. I, кн. 2, гл. I, 3. Troya, Della condizione dei Romani vinti da Longobardi и Гегель, Geschichte der Städteverfassung von Italien I, гл. 3.

xx) Schupfer, Institutione politische Langobardische", кн I, гл. 2, 3; 4. Bethmann Hollweg, Civilprocess" IV, 59. и нѣкоторые итальянцы: Fossati, Gino Capponi, Pietro Capei.

рос обратимся къ Павлу Діакону, которой два раза упоминаетъ объ отношеніяхъ побѣдителей Лангобардовъ къ побѣжденнымъ. Въ первой разъ онъ говоритъ объ этомъ, описывая событія послѣ убійства Клефа. При герцогахъ, захватившихъ тогда власть, многіе знатные Римляне были убиты изъ корысти, остальные же раздѣлены были между гостями такъ, чтобы они платили одну треть своихъ плодовъ Лангобардамъ и такимъ образомъ они сдѣланы были ихъ трибутаріями." Reliqui vero per hospites divisi ut tertiam partem suarum frugum Langobardis persolverent, tributarii efficiuntur."

Послѣ десяти лѣтъ господства герцоговъ, королевская власть была возстановлена (съ воцареніемъ Аутари) а поселенія и земельныя отношенія подверглись новому измѣненію. Павелъ Діаконъ говоритъ по этому поводу: „Ради возстановленія королевской власти, герцоги, которые тогда были, половину своихъ имуществъ передали для королевскаго употребленія, чтобы король имѣлъ средства, откуда бы могъ кормить себя и тѣхъ, которые къ нему были привязаны и состояли въ отношеніи къ нему въ служебномъ подчиненіи по разнымъ должностямъ. А народы, отягощенные, распредѣлены были между Лангобардскими пришельцами. Populi tamen adgravati per Langobardos hospites partiuntur

Устранивъ разнаго рода искусственныя и натянутыя толкованія и принявъ за исходную точку объясненія тѣсную связь между обоими приведенными мѣстами x), мы можемъ остановиться на слѣдующихъ заключеніяхъ од-

---

x) Изъ сравненія обоихъ мѣстъ, между прочимъ, очевидно, что глаголъ partiuntur употребленъ Павломъ Діакономъ въ страдательномъ, а не въ дѣйствительномъ значеніи (равномъ divisi перваго перваго отрывка) и этимъ уже устраняются разныя неправильныя толкованія.

ного изъ новѣйшихъ изслѣдователей этого вопроса, русскаго молодаго ученаго, г. Виноградова.

„Несомнѣнно, говоритъ онъ, что въ обоихъ случаяхъ дѣло идетъ не о случайныхъ захватахъ и не о мѣстныхъ мѣрахъ, а о правильной процедурѣ, касавшейся всего римскаго населенія, имѣвшаго земельную собственность. Правда, въ предъ болѣе подробномъ отрывкѣ Павелъ Діаконъ говоритъ какъ будто только о знатныхъ людяхъ (nobiles), но упоминаетъ объ остальныхъ, подвергшихся раздѣлу, онъ показываетъ, что имѣлъ въ виду опредѣленный классъ; такой средній классъ съ опредѣленными и существенными признаками составляли какъ разъ землевладѣльцы, такъ какъ ихъ было и не особенно много, и они играли самую видную и отвѣтственную роль въ римскомъ обществѣ. Раздѣлъ, направленный противъ землевладѣльцевъ, посредственно затрогивалъ и все остальное сельское населеніе, зависѣвшее отъ землевладѣльцевъ. О судьбѣ купцовъ и ремесленниковъ, а также движимаго имущества Павелъ Діаконъ умалчиваетъ и мы не знаемъ, касались ли ихъ сколько нибудь мѣропріятія герцоговъ и короли, или нѣтъ. Во вторыхъ, несомнѣнно, что въ раздѣлъ попадала не прямо собственность Римлянъ, а они сами. Таковъ общій смыслъ обоихъ отрывковъ и съ этимъ отлично гармонируютъ отдѣльныя выраженія — „значитъ fungit, hibernacii, hospites. Послѣднее обозначаетъ не лицъ, получившихъ часть чужого имущества, а гостей, постояльцевъ, квартирующихъ солдатъ, наконецъ варваровъ, которымъ предоставлено извѣстное мѣсто въ чужомъ хозяйствѣ, право на извѣстную часть доходовъ.

Затѣмъ являются недоумѣнія и вопросы: если оба раза раздѣлъ совершался на одинаковыхъ основаніяхъ; если второе описаніе, по своей краткости, какъ бы указываетъ для разъясненія на первое, болѣе полное, то зачѣмъ вообще понадобился второй раздѣлъ? Онъ былъ вызванъ на основаніи

въ дѣло новаго принципа, о которомъ не сказано ни слова; а фактическимъ пересмотромъ имущественныхъ правъ, однимъ изъ послѣдствій котораго было выдѣленіе королю половины герцогскихъ земель. Какъ сложилось вслѣдствіе раздѣла личное положеніе Римлянъ и какъ велика была ихъ зависимость отъ Лангобардовъ? Именно на этотъ особенно важный вопросъ наши два лѣтописные отрывка не даютъ намъ вполнѣ яснаго отвѣта. На основаніи ихъ можно сказать только, что Римляне не были обращены въ рабство, потому что тогда Лангобарды не были бы названы ихъ „hospites", а господами (domini), что, съ другой стороны, Римляне не сохранили полной свободы, потому что тогда лѣтописецъ не употребилъ бы относительно ихъ выраженія „tributarii efficiuntur". Между тѣмъ отъ опредѣленія характера зависимости зависитъ весьма многое: съ нимъ связано сужденіе о всемъ гражданскомъ положеніи завоеванныхъ, о судьбѣ ихъ права и учрежденій.

За неясностью прямыхъ свидѣтельствъ, необходимо обратиться къ косвеннымъ и позднѣйшимъ. Вниманіе должно при этомъ естественно обратиться на два ряда фактовъ: на бытъ зависимыхъ людей различнаго рода могли сохраниться слѣды происхожденія самаго класса; на бытъ Римлянъ, упоминаемыхъ въ позднѣйшихъ свидѣтельствахъ, могли сохраниться слѣды ихъ зависимости.

Всѣ почти изслѣдователи признаютъ, что образованіе класса т. назыв. „tertiatores" въ Terra di Lavoro объясняется подчиненіемъ римскаго населенія этой промежуточной области между герцогствомъ Беневентомъ и Неаполемъ. Въ самомъ дѣлѣ, къ нимъ примѣняются всѣ выраженія, которыя употреблены Павломъ Діакономъ по поводу раздѣла римскаго населенія. Уже самое слово „tertiator" совершенно соотвѣтствуетъ термину „tributarius qui tertiam partem suarum frugum persolvit" — данникъ, который платитъ третью часть своихъ плодовъ.

Равносильно съ нимъ употребляется названіе „hospes“; у Павла Діакона имъ обозначены завоеватели, но оно всегда имѣло двойное значеніе, указывало и на гостя, и на хозяина, и на собственника, и на помѣщенныхъ у него солдатъ, потому что должно было выразить именно взаимность отношеній. Права лангобардскихъ и неаполитанскихъ владѣльцевъ, которымъ служилъ терціаторъ, основаны не на принципѣ частной собственности, а на правѣ всего герцогства Лангобардовъ (Беневентскихъ, конечно) и всего войска или государства Неаполитанцевъ. Самыя владѣнія называются „третями“ совершенно также, какъ готскіе надѣлы, вышедшіе изъ завоеванія. Не трудно также объяснить себѣ, почему именно въ этомъ уголкѣ Италіи особенно ясно сохранились слѣды порядковъ Лангобардскаго завоеванія. Оно встрѣтилось тутъ съ силою Неаполитанскаго герцогства и не въ состояніи было вполнѣ справиться съ нею: при окончательной организаціи такъ называемой Либуріи пришлось допустить въ долю Неаполитанцевъ и затѣмъ постоянно поддерживать сложившіяся отношенія съ помощью трактатовъ и международныхъ договоровъ. Присутствіе нѣсколькихъ заинтересованныхъ и договорное закрѣпленіе ихъ правъ должно было особенно содѣйствовать выясненію и поддержанію порядковъ, установившихся при завоеваніи.

Въ какомъ же положеніи находятся эти терціаторы, въ которыхъ мы въ правѣ предполагать остатки сословія Римскихъ собственниковъ? Въ VIII вѣкѣ это не болѣе, какъ оброчные крестьяне – censiles homines, massarii, которые служатъ своимъ неаполитанскимъ лангобардскимъ господамъ. Но что существенно важно, что отдѣляетъ ихъ вполнѣ отъ рабовъ и колоновъ, и особенно говоритъ въ пользу происхожденія отъ римскихъ собственниковъ, – они не прикрѣплены къ участкамъ. Параграфъ 12й договора Аригиза показываетъ, что терціаторы сохраняли свою лич-

нуую свободу и могли въ случаѣ притѣсненія идти куда глаза глядятъ. Конечно, фактически они были крѣпко связаны съ землей, которая давала имъ пропитаніе; едва ли они имѣли право уносить съ собою что либо, а потому на практикѣ они должны были довольствоваться своимъ разъ сложившимся положеніемъ, но юридически они прикрѣплены не были. (Виноградовъ. Ист. возникн. феод. отн. въ Италіи, стр. 37 и слѣд.)

Для того, чтобы еще больше уяснить себѣ отношенія Лангобардовъ къ покореннымъ жителямъ Италіи, постараемся разсмотрѣть сословное раздѣленіе самихъ Лангобардовъ.

Здѣсь встрѣчаемъ мы сословіе, аналогичное терціаторамъ Terra di Lavoro - <u>сословіе альдіевъ</u> - среднюю ступень между свободными и крѣпостными. По мнѣнію Троя и Гегеля, они стояли каждый подъ защитою своего патрона, который заступалъ ихъ передъ судомъ, получалъ за нихъ виру и штрафъ, а также и взносилъ оные за нихъ; въ отношеніи къ нему они были обязаны имущественными повинностями, которыя именно состояли въ трети ихъ доходовъ и сверхъ того, по крайней мѣрѣ позднѣе - въ нѣкотораго рода барщинѣ; но эти повинности были точно опредѣлены и не могли быть возвышаемы по произволу. Далѣе - альдій не могъ, именно вслѣдствіе этихъ повинностей - свободно распоряжаться своимъ имуществомъ; онъ не могъ безъ позволенія господина отчуждать ни земли, ни рабовъ (ed. Rothari.) Въ остальномъ, его положеніе не было неблагопріятно; вира его простиралась до семидесяти солидовъ (210-240 руб.), слѣдовательно была больше, чѣмъ вира наиболѣе благопріятствуемыхъ рабовъ, министеріаловъ, съ которыми они также часто ставятся наравнѣ, какъ и съ вольноотпущенными низшаго права; они имѣли свою землю и рабовъ у себя на службѣ. Что еще важнѣе всего - альдіи могли заключать правильные законные браки съ свободными, между тѣмъ какъ браки этихъ послѣднихъ съ рабами хотя и не были запрещены, но однако разсматривались

какъ для нихъ унизительные.
И такъ, алдіи были среднимъ сословіемъ и имѣли большое сходство съ терціаторами. Между прочимъ слѣдуетъ замѣтить, что Виноградовъ въ своей статьѣ не совсѣмъ правильно опредѣляетъ ихъ отношенія: на основаніи позднѣйшихъ памятниковъ очевидно, что алдіи различались существенно отъ рабовъ, имѣли высшую виру, право законныхъ браковъ и т. п. Есть всѣ основанія предполагать, что именно въ этотъ классъ зачислены были покоренные Римляне или Итальянцы въ Лонгобардской Италіи; на югѣ они превратились въ терціаторовъ, здѣсь - въ алдіевъ.
Въ результатѣ всего сказаннаго, ходъ и послѣдствія Лонгобардскаго завоеванія представляются приблизительно слѣдующимъ образомъ. При своемъ первомъ появленіи въ Италіи, при Альбоинѣ и Клефѣ, Лонгобарды не принимали относительно побѣжденныхъ никакихъ общихъ мѣръ, а ограничивались разнаго рода частными насиліями, захватами и грабежомъ. Герцоги, закончившіе завоеваніе главной части Италіи, сдѣлали вмѣстѣ съ тѣмъ первую попытку ввести правильную, постоянную организацію. Имѣя въ своемъ распоряженіи массу земель, перешедшихъ въ руки Лонгобардовъ вслѣдствіе захвата, они не сочли нужнымъ отнимать у оставшагося Римскаго населенія слишкомъ значительную часть имущества, а ограничились тѣмъ, что обложили римскихъ собственниковъ повинностью, равною трети дохода, въ пользу отдѣльныхъ Лонгобардовъ. Поступая такимъ образомъ, они вѣроятно, руководствовались традиціей о готскихъ третяхъ. При общемъ переустройствѣ и укрѣпленіи отношеній, ознаменовавшемъ воцареніе Аутари, раздѣлъ былъ возобновленъ и исправленъ въ подробностяхъ. Завязавшіеся между hospites-Римлянами и Лонгобардами - отношенія въ теченіе времени потеряли однообразность и перемѣнились, такъ сказать, въ форму родовенныхъ гражданскихъ отношеній. Часто, надо полагать,

Римлянинъ откупался у своего патрона землею или деньга ми, чтобы избавиться отъ постояннаго личнаго подчине нія и отъ вмѣшательства въ свое хозяйство. Еще чаще, зависимость поддерживалась и усиливалась, и Римля нинъ изъ собственника, обязаннаго вносить часть плодовъ; становился арендаторомъ земли, принадлежащей дру гому. Только въ маленькой области, лежащей между Бе невентомъ и Неаполемъ, особыя историческія обстоятель ства поддержали до VIII и IX вѣка своеобразныя имуществен ныя отношенія, вытекающія изъ завоеванія.
Рѣшеніе вопроса о положеніи покоренныхъ туземцевъ Ита ліи вмѣстѣ съ тѣмъ можетъ служить и отвѣтомъ на вопросъ, поставленный раньше, вопросъ о непрерывномъ суще ствованіи Римскаго права, Римскихъ порядковъ и юрис. Очевидно, что послѣ превращенія Римскаго населенія въ дан никовъ, въ трибутаріевъ; и право Римское перестало суще ствовать; вмѣстѣ съ господствомъ Лангобардовъ, водворилось и германское право, которому должны были подчиняться и покоренныя племена. Подтвержденіе этого встрѣчаемъ мы въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ королей Рахиса, Аистульфа и Ротари; въ законахъ этихъ мы не встрѣчаемъ совершенно имени Римлянъ, а если упомина ются Romani, то этимъ словомъ обозначаютъ жителей непокоренной Восточно-Римской Италіи, противъ которыхъ провозглашается военное положеніе. Очевидно, что въ видѣ отдѣльнаго общественнаго класса Римляне не существовали, такъ какъ въ противномъ случаѣ имя ихъ несомнѣнно встрѣчалось бы въ законодательныхъ актахъ. Около поло-

---

x) Въ одномъ только случаѣ упоминается, что пришельцамъ, чужимъ людямъ - Варгангамъ, могутъ быть оставлены ихъ права. Ком ментаторы этого Лангобардскаго законодательнаго акта о Варгангахъ поясняютъ, что подъ именемъ ихъ должно разумѣть [illegible]цевъ изъ южной Италіи.

вины 7го вѣка начинается мало по малу сближеніе покоренного населенія Италіи съ побѣдителями. Римляне, сохранившіе въ средѣ своей образованность, культуру, цивилизацію, хотя и стояли въ соціальномъ отношеніи ниже своихъ побѣдителей, но тѣмъ не менѣе вліяния на нѣкоторыхъ даже суровые Лангобарды. Сліяніе и смягченіе выражается болѣе всего въ языкѣ документовъ и законовъ извѣстнаго короля Ротари (въ половинѣ VII ст.), написанныхъ на латинскомъ языкѣ, очевидно, сдѣлавшемся языкомъ народнымъ. Это обнаруживается не только въ употребленіи нѣкоторыхъ германскихъ названій, (aldio - полу-свободный, avitantus - вполнѣ свободный; gasindius - находящійся подъ защитой и т. п.) но и въ германизмахъ цѣлыхъ фразъ и оборотовъ. Но и здѣсь, какъ вездѣ помѣхой къ сліянію былъ религіозный антагонизмъ побѣдителей и побѣжденныхъ. Послѣ короля Аутари (584-590.) начинается лучшій порядокъ вещей. Сильный и энергичный правитель, Аутари прославилъ себя удачными завоеваніями; но самымъ важнымъ благодѣяніемъ была его женитьба на Теоделиндѣ, дочери Теодеберта Баварскаго, которая была христіанка вслѣдствіе того, что мать ея была Франкская принцесса. Красивая, умная, образованная и христіански-благочестивая королева пріобрѣла расположеніе народа до такой степени, что когда ея мужъ, Аутари, внезапно умеръ, то ей предоставлено было избрать себѣ другого мужа и въ лицѣ его короля Лангобардамъ. Выборъ ея палъ на воинственного Агилульфа Туринскаго (590-616). Новый король, хотя и Аріанскаго исповѣданія, но много сдѣлалъ для католической церкви: возстановилъ нѣкоторые разрушенные монастыри и возвратилъ изъ ссылки изгнанныхъ епископовъ. Послѣ него на престолъ Лангобардскій вступаетъ сынъ его и Теоделинды — казалось, сближеніе идетъ вѣрнымъ и неуклоннымъ путемъ. Но вотъ наступаетъ реакція: молодой король свергнутъ и на престолѣ является рядъ Аріанскихъ

приштели. Изъ нихъ первымъ былъ Агилульфъ или Аривальдъ, и за нимъ извѣстный Лангобардскій законодатель, король Ротари (636-652). Кодексъ его законовъ былъ изданъ въ видѣ одного большого указа, къ которому впослѣдствіи, по мѣрѣ надобности, прибавлялись новыя постановленія.
Итакъ, въ половинѣ VII вѣка — реакція Аріанская и національная; смѣшеніе нѣсколько отдалено и только спустя нѣкоторое время наступаетъ въ Италіи полное торжество православія.
Прежде чѣмъ перейти къ этому торжеству Никейскаго исповѣданія и усиленію папской власти скажемъ нѣсколько словъ о знаменитомъ орденѣ Бенедиктинцевъ, являющемся какъ нравственная опора первыхъ католическихъ папъ и поддержка ихъ зарождающейся власти.

Основатель этого ордена, св. Бенедиктъ Нурсійскій, родился около 480 года въ Италіи, въ Нурсіи, городѣ Сполетскаго герцогства, въ богатомъ и вліятельномъ семействѣ. Двѣнадцати лѣтъ, его послали учиться въ Римъ; въ 494-мъ году онъ удалился оттуда и мы находимъ его, 14-лѣтняго отрока, отшельникомъ въ Субіако, въ Римской Кампаніи. По прошествіи нѣкотораго времени, жизнь, какую велъ Бенедиктъ, его молодость, строгость къ самому себѣ, привлекли окрестныхъ пастуховъ; онъ проповѣдовалъ имъ и сила его слова, авторитетъ примѣра, все увеличивавшееся стеченіе слушателей, скоро сдѣлали его знаменитымъ. Въ 510 году сосѣдніе монахи, собравшіеся въ Виковаро, захотѣли имѣть его своимъ главой; сначала онъ отказывался, говоря монахамъ, что поведеніе ихъ безпорядочно, что въ ихъ домѣ предаются всякаго рода излишествамъ, что онъ предприметъ преобразованіе и подчинитъ ихъ очень суровому уставу. Они всетаки настаивали на своемъ и Бенедиктъ сдѣлался аббатомъ въ Виковаро.
Его монахамъ скоро надоѣлъ преобразователь. Борьба между

нимъ и имъ дошло до того, что они пытались отравить его въ причастіи. Онъ замѣтилъ это чудеснымъ образомъ, какъ говоритъ легенда, покинулъ монастырь и возвратился въ Субіако, къ отшельнической жизни. Вокругъ своей пещеры основалъ онъ нѣсколько монастырей, такъ какъ странствующіе монахи, міряне и пастухи собирались около нея; въ 520 году монастырей этихъ было, кажется, 12, и каждый состоялъ изъ двѣнадцати монаховъ; тутъ началъ Бенедиктъ испытывать примѣненіе идей и учрежденій, которыми, по его мнѣнію, должна была управляться монашеская жизнь.

Но духъ соперничества и зависти, который изгналъ его изъ монастыря Виковаро, скоро обнаружился и въ основанныхъ имъ самимъ монастыряхъ. Тогда онъ во второй разъ отрекся отъ борьбы и взявъ съ собою нѣсколько учениковъ, удалился на рубежи Абруццъ, въ Terra di Lavoro, около Кассино, гдѣ основалъ свой знаменитый монастырь Монте-Кассино. Въ этомъ-то монастырѣ, гдѣ онъ оставался и господствовалъ до конца своей жизни, онъ наконецъ примѣнилъ въ цѣломъ и обнародовалъ свое „Правило жизни монашеской“, оно стало скоро общимъ и почти единственнымъ закономъ западныхъ монаховъ. Одной изъ самыхъ важныхъ перемѣнъ, внесенныхъ св. Бенедиктомъ въ монашество, было введеніе торжественныхъ и навсегда обязательныхъ обѣтовъ.

До тѣхъ поръ, хотя вступленіе въ монастырь заставляло предполагать желаніе въ немъ остаться, хотя монахъ налагалъ на себя нѣчто въ родѣ нравственнаго обязательства, становившагося съ каждымъ днемъ болѣе и болѣе ненарушимымъ, однако все же не произносилось никакого обѣта, никакого формальнаго обѣщанія. Св. Бенедиктъ ввелъ его и положилъ въ основу монашеской жизни, первоначальный характеръ которой такимъ образомъ совершенно исчезъ. Вступающій, говоритъ правило св. Бенедикта, долженъ обѣщать въ молельнѣ, предъ Богомъ и святыми его, что остается

„въ монастырѣ навсегда, преобразуетъ свои нравы и будетъ по-
„виноваться. Это обѣщаніе должно быть закрѣплено актомъ,
„во имя святыхъ, мощи которыхъ тутъ покоятся, и аббата.
„Пусть вступающій напишетъ его своею рукою; если же онъ
„не умѣетъ писать, пусть по его просьбѣ другой за него на-
„пишетъ, послушникъ же поставитъ на немъ крестъ и
„своею рукою положитъ актъ на алтарь церковной.“ (Кон.
Что касается нравственныхъ и общихъ обязанностей мона-
ховъ, то все правило св. Бенедикта основано на слѣдующихъ
пунктахъ: самоотверженіе, послушаніе и трудъ.
Вотъ какъ распредѣляетъ св. Бенедиктъ дневныя обязанно-
сти въ своихъ монастыряхъ:
„Праздность - врагъ души; поэтому братья должны въ из-
„вѣстные часы заниматься ручною работою, въ другіе - чте-
„ніемъ св. книгъ. Намъ кажется, что распредѣлить это слѣ-
„дуетъ такимъ образомъ: Въ пасхи до Октябрьскихъ календъ
„они будутъ работать отъ перваго часа до четвертаго (отъ
„6ч утра до 10ч) надъ тѣмъ, что слѣдуетъ; отъ четвертаго и до
„шестаго почти, они займутся чтеніемъ. После шестаго часа,
„вышедши изъ за стола, они отдохнутъ безъ шума въ посте-
„ляхъ; если же кто хочетъ читать, пусть читаетъ, но такъ,
„чтобы никому не мѣшать; служба девятаго часа пусть
„совершается въ половинѣ восьмаго. Затѣмъ пусть рабо-та-
„ютъ надъ тѣмъ, что нужно, до вечерни. Если же ихъ вы-
„нудитъ къ постоянной работѣ мѣстная бѣдность или
„(срочный) сборъ плодовъ, они не должны огорчаться этимъ,
„потому что они истинно монахи, если живутъ трудомъ
„рукъ своихъ, какъ дѣлали наши отцы и апостолы.“
„Отъ октябрьскихъ календъ до начала поста, они должны
„заниматься чтеніемъ до втораго часа; во второмъ часу пропо-
„ютъ службу третьяго часа и пусть всѣ работаютъ
„надъ тѣмъ, что имъ будетъ приказано, до службы девя-
„таго часа. При первомъ ударѣ въ колоколъ всѣ должны
„оставить дѣло и быть готовыми къ тому времени, когда

„удариять во второй разъ. После обеда пусть они читаютъ „или поютъ псалмы."

„Въ посту они должны читать съ утра до 3го часа, а потомъ работать, смотря по приказанію, до 10го. Въ эти постные дни всѣ получатъ изъ библіотеки книги, которыя „прочтутъ послѣдовательно и цѣликомъ. Книги должны „быть розданы въ началѣ поста. Пусть въ особенности „выберутъ одного или двухъ старшихъ, чтобы обходили „монастырь въ часы, когда братія занята чтеніемъ и пусть „они наблюдаютъ, не найдутъ ли какого нерадиваго брата, „занимающагося разговоромъ, а не чтеніемъ, не только не приносящаго пользы самому себѣ, но совращающаго и другихъ. Если найдется таковой, то ему надо дать разъ или „два выговоръ; буде онъ не исправится, то подлежитъ наказанію по правилу, въ предупрежденіе другимъ. Въ воскресные пусть всѣ, кромѣ тѣхъ, кто выбранъ на извѣстныя „обязанности, занимаются чтеніемъ. Если кто нерадѣетъ „или лѣнится, такъ что не хочетъ или не можетъ ни размышлять, ни читать, пусть ему зададутъ работу, что „бы онъ не оставался безъ дѣла. Что же касается больныхъ „и слабыхъ братьевъ, то имъ надо задавать такія работы, чтобы они не оставались въ бездѣйствіи и вмѣстѣ не страдали отъ тяжести труда." (Guizot. Hist. d. l. civilis. en France, leçon XIV.)

Вотъ постановленія, опредѣляющія и культурную роль бенедиктинскихъ монаховъ; съ этихъ постановленій заключался капитальный переворотъ, совершенный св. Бенедиктомъ въ монашествѣ; онъ ввелъ въ него физическій трудъ, земледѣліе. Бенедиктинскіе монахи стали распашчиками Европы; они воздѣлали ее въ крупныхъ размѣрахъ, присоединяя земледѣліе къ проповѣди. Колонія, рой монаховъ, сначала въ небольшомъ числѣ, приходили въ совершенно или почти неразработанную мѣстность, часто среди языческаго населенія, въ Германіи, напр. въ Британіи, и тамъ, миссіо-

нри и земледѣльцы заразъ, они совершали свою двойную задачу, часто съ одинаковымъ трудомъ и опасностью. Эти правила чтенія *), умственнаго труда въ соединеніи съ физическимъ - земледѣліемъ - видимъ мы и у всѣхъ почти позже возникшихъ монашескихъ орденовъ. Такъ, тотъ же уставъ имѣли монахи Цистеріанскіе, образовавшіе колоній даже въ прибалтійскихъ областяхъ Восточной Европы.

Въ отношеніи правильности распредѣленія дневнаго труда, постановленія св. Бенедикта представляютъ собою нѣчто дѣйствительно выдающееся; нѣкоторые изъ восточныхъ монаховъ хотѣли, правда, ввести трудъ въ свой образъ жизни; но эти попытка никогда не была общею и послѣдовательною. Что касается политическаго кодекса, самаго управленія монастыремъ, то правило св. Бенедикта представляетъ странное смѣшеніе деспотизма и свободы. Основнымъ началомъ его было пассивное повиновеніе; въ тоже время, самое управленіе - выборное, аббатъ всегда избирается братьями. Разъ этотъ выборъ сдѣланъ, они теряютъ свободу, подпадаютъ безусловному господству своего выборнаго.

Возлагая на монаховъ обязанность послушанія, правила повелѣваютъ аббату совѣтоваться съ ними. Третья глава прямо говоритъ: „Всякій разъ, какъ въ монастырѣ должно совершиться что нибудь важное, аббатъ пусть созоветъ всю свою паству и скажетъ, въ чемъ дѣло; выслушавъ мнѣніе братьевъ, пусть подумаетъ одинъ и дѣлаетъ, что покажется ему разумнымъ. Мы говоримъ, чтобы всѣ братья были созваны на совѣтъ, потому что Богъ самому младшему часто открываетъ наилучшее. Братья должны подавать свое мнѣніе смиренно и не осмѣливаться

*) Слѣдуетъ замѣтить, что здѣсь правила упоминаютъ только о чтеніи; уже впослѣдствіи, продолжателями св. Бенедикта прибавлена была переписка.

... запрещено ... го: решение зависить отъ воли аббата".
... по отношенію къ послушникамъ, новиціямъ, отличается широкимъ здравымъ смысломъ и практической прозорливостью. Послушничество продолжалось более года; несколько разъ читали послушнику все правило, говоря ему: „вотъ законъ, подъ которымъ ты хочешь ратоборствовать; если можешь повиноваться ему – вступай; если нетъ – ты воленъ уйти. Очевидно, что условія и формы испытанія задуманы добросовестно, съ намереніемъ убедиться вполне, что вступающій действительно и твердо решился.
„Нравственный моралъ и общая дисциплина строги, говоритъ Гизо, но относительно подробностей жизни, правило гуманно и умеренно, более гуманно и умеренно, нежели Римскіе и варварскіе законы, нежели общие нравы того времени; и я не сомневаюсь въ томъ, что заключенные въ монастыряхъ братья управлялись властью, вообще говоря, болье разумною и менее жестокимъ образомъ, нежели если бы они остались въ гражданскомъ обществе." X)
Въ 528ом году далъ свое правило св. Бенедиктъ; въ 543 г. когда онъ умеръ, оно было уже распространено по всемъ частямъ Европы. Ученики перенесли его въ Сицилію и Испанію, св. Мавръ (St. Maure), любимый ученикъ св. Бенедикта, ввелъ его во Францію, по просьбе епископа Леманскаго, Иннокентія. Въ конце VI века большая часть французскихъ монастырей приняла это правило: оно стало вскоре общимъ кодексомъ монашества.
У первыхъ Бенедиктинцевъ мы не встречаемъ указаній на занятія собственно научныя. Правило св. Бенедикта не обязывало къ этому, а только къ чтенію, чрезъ, конечно, могъ все таки возбуждаться вкусъ и наклонность и къ научнымъ занятіямъ.
Кассіодоръ, знаменитый секретарь Теодериха, впервые ввелъ эту обязанность въ монастырь Vivariense, учрежденный

ямъ въ южной Италіи. Кассіодоръ пережилъ своего повелителя и удалился въ монастырь уже 60-ти лѣтъ, около 540 г. Онъ былъ виновникомъ того направленія, которое сдѣлало изъ монастырей убѣжища образованія, гдѣ сохранялись сокровища духовной и свѣтской литературы.
Монастырь Кассіодора не совсѣмъ былъ похожъ на позднѣйшіе монастыри Бенедиктинцевъ и едва ли вѣрно они утверждали, что въ немъ былъ принятъ ихъ уставъ. Это былъ монастырь, устроенный даже на довольно роскошную ногу, снабженный садами, водопроводами, банями, рыбными садками, солнечными и водяными часами, съ особенными пустынями на окрестныхъ горахъ. Особенно украшеніе составляла богатая библіотека. Этотъ-то монастырь, гдѣ по предписанію Кассіодора, занимались изученіемъ классической древности, сдѣлался первымъ разсадникомъ просвѣщенія. Кассіодоръ не только вообще поощрялъ своихъ монаховъ къ учено-литературнымъ занятіямъ, но и въ частности доказывалъ имъ примѣромъ знаменитыхъ отцовъ церкви, что не только позволительно, но и полезно, для пониманія св. писанія, заниматься языческою литературой. Въ этомъ случаѣ Кассіодоръ совершенно не сходился съ блаженнымъ Іеронимомъ, который, какъ самъ говоритъ, за излишнюю любовь къ Цицерону имѣлъ видѣніе, во время котораго ангелы бичевали его. (Впослѣдствіи картина этого бичеванія была написана художникомъ Potenicino въ San Onofrio въ Римѣ).
Кассіодоръ поручалъ своимъ монахамъ переписывать книги, давалъ имъ на этотъ случай самыя обстоятельныя наставленія, особенно на счетъ орѳографіи. По поводу этого онъ написалъ даже цѣлое сочиненіе „De orthographia", гдѣ излагались грамматическія правила, особенно необходимыя для слабыхъ въ этомъ отношеніи монаховъ.
289, 19 Онъ привлекалъ въ монастырь хорошихъ переплетчиковъ и самъ придумывалъ изображенія на переплеты. Онъ же изобрѣлъ

ночная неугасающая лампада для штудирующихъ монаховъ.

Особенно, конечно, рекомендовалъ онъ читать и переписывать Библію; самъ онъ говорилъ, что сатана получаетъ столько же ранъ, сколько копіистъ перепишетъ словъ Господа; каждое слово – рана сатанѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кассіодоръ оставилъ различныя руководства для изученія св. Писанія и такъ называемыхъ либеральныхъ наукъ. Его „De institutione divinarum litterarum" и продолженіе его „De artibus ac disciplinis liberalium litterarum" сохраняло свое значеніе во всѣхъ средневѣковыхъ школахъ. Послѣднее сочиненіе представляетъ нѣчто въ родѣ энциклопедіи и дѣлится на 7 отдѣловъ, составлявшихъ знаменитый тривій и квадривій, принятый впослѣдствіи за образецъ дѣленія средневѣковой школьной науки. Въ составъ тривія входятъ: грамматика, риторика, діалектика; въ составъ квадривія – ариѳметика, геометрія, астрономія и музыка. Это научное направленіе, принадлежащее Кассіодору, усвоено было бенедиктинцами; они включили въ кругъ своихъ занятій и литературу и тѣмъ болѣе оказали услугу цивилизаціи.

Слѣдуетъ замѣтить кромѣ того, что не одни монахи занимались тѣмъ, что предписывалъ уставъ Бенедикта. Съ самаго начала были и женскіе монастыри, устроенные по уставу Бенедикта; они находились отчасти по сосѣдству съ мужскими xx), такъ что монахи и монахини сходились вмѣстѣ въ церкви и составляли общій хоръ x). Схоластика, сестра Бенедикта, считается основательницей женскихъ бенедиктинскихъ монастырей. Вообще, церковь является хранительницей образованія, оплотомъ противъ всюду распространявшагося варварства. Ру-

---

x) Впослѣдствіи, впрочемъ, это было уничтожено.

ществовала большая опасность, что весь плоды многовѣковой культурной работы будутъ потеряны. И въ самомъ дѣлѣ многое было потеряно. Существовало одно сословіе, въ которомъ сохранялись традиціи научнаго образованія - духовенство.

Церковь, являющаяся хранительницей культурныхъ традицій въ это же время пріобрѣтаетъ большую самостоятельность и возвышается въ лицѣ Римскихъ епископовъ.

Связь эта необходимо приводитъ насъ къ разсмотрѣнію перваго періода возвышенія и усиленія папской власти.

Припомнимъ для этого нѣкоторыя уже извѣстныя намъ данныя. Мы не будемъ искать догматическихъ основаній для правъ и притязаній папъ, не будемъ говорить объ апостолѣ Петрѣ, первомъ, по преданію, Римскомъ первосвященникѣ, передавшемъ папамъ ключи царства Божія и сдѣлавшемъ ихъ своими намѣстниками; тѣмъ болѣе, что новѣйшія критическія изслѣдованія подвергаютъ сомнѣнію даже пребываніе ап. Петра въ Римѣ и въ особенности его кончину тамъ. Мы не остановимся также на легендѣ о папѣ Сильвестрѣ (легендѣ, признаваемой нѣкоторыми католическими писателями), которому императоръ Константинъ передалъ власть надъ Римомъ и Италіей: очевидно, что она не обладаетъ достовѣрностью. Несомнѣнно только то, что епископы пріобрѣли важное значеніе какъ церковное, такъ и гражданское - политическое, еще во время Римской имперіи. Они были третейскими судьями, на которыхъ нельзя было даже аппелировать; когда же христіанство восторжествовало во всей Италіи, то рѣшеніе ихъ еще больше пріобрѣло силу авторитета. Авторитетъ этотъ увеличился вслѣдствіе заслугъ ихъ во время переселенія народовъ и нападенія варваровъ на Импе-

рію. Въ это тяжкое время они явились защитниками и покровителями Римскаго населенія. Упомянемъ престарѣлаго епископа Льва I, отвратившаго нашествіе Аттилы на Римъ x) и во время нападенія варваровъ также вышедшаго къ нимъ во главѣ посольства. Подобно тому дѣйствовали и преемники его.

Другая главная основа высокаго положенія Римскихъ епископовъ — ихъ матеріальное благосостояніе — ведетъ начало ещё отъ временъ Римской имперіи. Мы подразумѣваемъ здѣсь извѣстныя Patrimonia St. Petri (отчины св. Петра) — плоды благочестиваго настроенія знатныхъ Римскихъ гражданъ и даже императоровъ, богатыя, громадныя помѣстья, завѣщанныя въ разное время епископу и церкви. Особенно много такихъ патримоній было въ Сардиніи, Корсикѣ, въ южной Италіи, въ Далмаціи и даже въ плодородной Африкѣ. Каждый отдѣльный участокъ носилъ имя патримоніи, совокупность этихъ участковъ называлась massa, а совокупность многихъ массъ вмѣстѣ опять называлось patrimonium.

На этихъ большихъ имѣніяхъ церкви работали по преимуществу крѣпостные, платившіе господину своему — епископу — опредѣленный ежегодный оброкъ. Громадныя денежныя средства давали эти патримоніи Римскому первосвященнику и облегчали ему дѣла христіанской благотворительности: выкупъ плѣнныхъ, раздачу хлѣба во время голода, поддержку обѣднѣвшихъ вслѣдствіе нашествія варваровъ знат-

---

x) Преданіе говоритъ, что когда Аттилу спросили, почему онъ испугался слабаго старика и поэтому отступилъ отъ Рима, то онъ отвѣчалъ: „я испугался не его, а апостола Петра, который стоялъ за нимъ.“ Разсказъ этотъ, впрочемъ, нисколько не умаляетъ заслуги Льва I, который въ данномъ случаѣ дѣйствительно явилъ замѣчательную храбрость, силу воли, твердость и вмѣстѣ съ тѣмъ умѣнье и энергію.

ной Римскихъ фамилій. Все это, само собою разумѣется, способствовало къ усиленію авторитета и увеличенію блеска самого имени епископа Римскаго. И папа широко пользовались своими преимуществами и вліяніе ихъ на дѣла имперіи все больше и больше усиливалось.

Когда Италія находилась подъ властію Римскаго (восточнаго) императора, значеніе первосвященника Римскаго оставалось все тѣмъ же. Юстиніанъ I своей „Прагматической Санкціей“ далъ ему право надзора за гражданскими властями страны; и дѣйствительно, чиновники Римскіе, склонные на взятки, вымогательства и притѣсненія, нуждались въ постоянномъ и неусыпномъ контролѣ высшей власти: такою властью является папа.

Что касается Римскаго дуката (х), то власть епископа въ немъ была такъ велика, что безъ его согласія не могъ быть назначенъ тамъ ни одинъ изъ чиновниковъ. Въ этомъ Римскомъ дукатѣ, по всей вѣроятности, слѣдуетъ видѣть первоначальный зародышъ впослѣдствіи политически-самостоятельныхъ папскихъ владѣній.

Вслѣдствіе географическихъ особенностей Лангобардскаго завоеванія Римскіе папы пріобрѣли еще большій авторитетъ: они сдѣлались центромъ національной обороны. Ту часть Италіи, которая осталась подъ властію Византійскаго императора, управлялъ, какъ уже извѣстно, намѣстникъ Византіи съ титуломъ экзарха, имѣвшій свое пребываніе въ Равеннѣ. Въ одной же области Рима, часто отрѣзанной отъ Равенны варварами, полновластнымъ и реальнымъ владѣтелемъ оставался папа, хотя номинально Римъ былъ также подчиненъ экзарху. Эта полная власть, богатство и могущество, то уваженіе, которымъ пользовался первосвященникъ Римскій, ставило его мало по малу

(х) Римъ съ прилежащей къ нему территоріей; управлялся этотъ дукатъ герцогами (duces), отчего и получилъ это названіе.

на высшую ступень величія. Въ Лангобардскій періодъ, онъ сдѣлался вмѣстѣ съ тѣмъ и центромъ духовной жизни Италіи. Аріане-Лангобарды угрожаютъ Риму и Равеннѣ..... Кому же, дѣйствительно, вступиться за нихъ? Очевидно, это сдѣлаетъ не византійскій чиновникъ-экзархъ Равеннскій - а первосвященникъ Римскій, и безъ того имѣющій громадный авторитетъ, благодѣтель народа, сильный своимъ матеріальнымъ богатствомъ и нравственнымъ могуществомъ. Онъ же является въ эту переходную эпоху и оплотомъ образованности, насколько она сохранилась въ варварскія времена. Въ этомъ отношеніи особенно интересна дѣятельность перваго изъ трехъ Григоріевъ, положившихъ основаніе величію и блеску папской власти.

<u>Григорій I</u> (род. ок. 540 г. на престолѣ отъ 590-604 г.), подобно св. Бенедикту происходилъ изъ богатой и знатной фамиліи; когда умеръ его отецъ, то изъ оставшагося послѣ него наслѣдства Григорій выстроилъ 6 монастырей, и 7-й въ самомъ Римѣ, на холмѣ Авентинскомъ, куда и самъ удалился. Ранѣе этого, онъ, какъ потомокъ благородной и богатой фамиліи, занималъ высшія должности въ Римѣ, былъ сенаторомъ, префектомъ Рима, но несмотря на эти свѣтскія почести, почувствовалъ склонность къ созерцательной жизни, склонность, которая въ это смутное время овладѣвала многими сильными умами. Правда, вскорѣ онъ былъ вызванъ изъ этого добровольнаго заключенія папой Пелагіемъ, и по порученію его пробылъ нѣсколько времени въ Константинополѣ. Но онъ сожалѣлъ объ этомъ времени, говоря, что оно отвлекало его отъ той жизни, которой онъ такъ сильно желалъ - жизни отшельника.

Помимо Лангобардовъ, угрожавшихъ Риму, въ это время началась въ Италіи еще страшная моровая язва. Папа Пелагій умеръ и Григорій былъ избранъ на мѣсто его. Но такъ какъ это не согласовалось съ желаніями самого Григорія, то онъ отправилъ письмо къ императору Ви-

византійскому, съ просьбою не утверждать его избранія. Письмо, проходившее чрезъ руки Равеннскаго экзарха, не достигло своего назначенія, и вмѣсто него отправлено было другое, отъ имени экзарха, съ похвалами Григорію и просьбою объ утвержденіи. Григорій сдѣлался папою. Чтобы утѣшить хотя нѣсколько населеніе, приходившее въ отчаяніе отъ угрожающихъ враговъ и страшной болѣзни, онъ установилъ семидневную литанію (Septiformis litania) — торжественную духовную процессію изъ 7и церквей; народъ съ надеждою молился и присутствовалъ при этихъ процессіяхъ, несмотря на то, что во время одной изъ нихъ, тутъ же, на улицѣ, умерло около 80 человѣкъ.*)

Явившись поддержкою Рима въ нравственномъ отношеніи, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и матеріальною опорою населенія, такъ какъ раздавалъ хлѣбъ несчастнымъ голодающимъ жителямъ.

О главныхъ чертахъ дѣятельности этого знаменитаго отца церкви узнаемъ мы изъ вѣрнаго и драгоцѣннаго источника. Какъ „Variae" Кассиодора служатъ для насъ незамѣнимымъ указателемъ, такъ и „Register" - собраніе писемъ св. Григорія) представляетъ важный памятникъ его дѣятельности, и вмѣстѣ съ тѣмъ служитъ источникомъ для изученія конца 6-го и начала VII вѣка въ Италіи. Здѣсь встрѣчаемъ мы интересныя подробности о колонахъ, объ управленіи патримоніями и т. п. Особенно заботился Григорій о крѣпостномъ сословіи; онъ тщательно и неусыпно наблюдалъ, чтобы чиновники не притѣсняли ихъ излишними пошлинами, и самъ даже опредѣлилъ мѣру для взиманія по-

*) Преданіе говоритъ, что во время одной изъ этихъ процессій, когда папа остановился передъ гробомъ императора Адріана, на гробницѣ послѣдняго появился ангелъ, влагающій мечъ въ ножны. Изображеніе это до позднѣйшихъ временъ сохраняется въ Римѣ, въ замкѣ св. Ангела.

учий, во избежание обходовъ со стороны чиновниковъ.
Изъ этой же переписки узнаемъ мы объ отношеніяхъ его къ Византійскимъ императорамъ. Съ императоромъ Маврикіемъ онъ, впрочемъ, не былъ въ особенно хорошихъ отношеніяхъ*), но съ императоромъ Фокой былъ даже унизительно почтителенъ. Грубый, пьяный, необразованный солдатъ, зверскимъ образомъ истребившій фамилію своего предшественника, Фока былъ не достоинъ уваженія. Однако Григорій, узнавъ о смерти Маврикія, написалъ Фокѣ почтительное письмо, съ оттѣнкомъ нѣкоторой лести; называя себя въ немъ презрѣннымъ червемъ въ сравненіи съ великимъ императоромъ. Письмо это часто ставятъ въ упрекъ Григорію; - впрочемъ, нѣкоторое извиненіе можно найти въ его политическихъ соображеніяхъ и въ несогласіяхъ съ предъидущимъ императоромъ. Кромѣ того, онъ былъ въ сношеніяхъ съ Лангобардскимъ королемъ и своими стараніями и хлопотами отклонилъ нашествіе Агилульфа на Римъ.**)
Помимо писемъ, обрисовывающихъ политическія сношенія съ Лангобардскимъ королемъ, мы узнаемъ изъ того же Registr'а о заботахъ Григорія по поводу образованія. Онъ оставилъ цѣлый рядъ сочиненій, которыя служили образцами совершенства во весь средніе вѣка. Особенно знаменита его Liber regulae pastoralis - наставленія и правила для руководства пасторей и учителей церкви. Книга эта доказываетъ наблюдательный, вѣрный умъ ея автора и его глубокое пониманіе человѣческой души. Прежде всего онъ объясняетъ трудность призванія пастыря, ту священную и великую обязанность, которую беретъ на себя блюститель душъ своей паствы; потомъ даетъ различныя наставленія, особенно рекомендуя проповѣдь и предписывая „не всегда порицать, но иногда и хвалить своихъ духовныхъ дѣтей." Написанная прекраснымъ языкомъ, книга эта и въ литературномъ отношеніи представляетъ замѣчательный памятникъ.

Едва ли человѣкъ, посвятившій такъ много времени литературнымъ трудамъ, могъ быть врагомъ свѣтской образованности, какъ то думаютъ нѣкоторые ученые. Существуетъ только одно его письмо къ Дезидерію, епископу Віеннскому, гдѣ онъ запрещаетъ послѣднему заниматься латинской грамматикой, такъ какъ, по выраженію Григорія, „не прилично, чтобы въ однихъ устахъ соединялись похвалы Христу и Юпитеру". Но тогдашняя грамматика состояла преимущественно въ толкованіяхъ и объясненіяхъ различныхъ мѣстъ языческихъ писателей, въ изложеніи подробныхъ и тщательныхъ разсказовъ о Марсѣ, Юпитерѣ и другихъ богахъ древняго римскаго Олимпа.
Такого рода занятія дѣйствительно были излишни и не подо-дили къ сану христіанскаго епископа, тѣмъ болѣе, что еще существовали свѣтскія школы для преподаванія этой грамматики, по крайней мѣрѣ въ Италіи, если не въ Віеннѣ. Съ другой стороны нѣкоторые изслѣдователи хотятъ видѣть въ Григоріи врага свѣтской образованности. Въ предисловіи къ своимъ „Moralia" онъ говоритъ: „я не боюсь варваризмовъ, не стараюсь заботиться о падежахъ, съ которыми соединяются предлоги, пренебрегаю правилами ораторскаго искусства, такъ какъ несовсѣмъ достойно подчинять правила небесной мудрости правиламъ грамматики Доната".
Но и это не надо понимать въ прямомъ смыслѣ. Любимымъ способомъ тогдашняго писанія была изысканность, кудреватость слога, обиліе запутанныхъ фразъ, метафоръ, антитезъ. Подражая древнимъ классикамъ, писатели того времени заимствовали у нихъ только форму, и влагая въ нее совершенное содержаніе, часто затемняли только смыслъ своей рѣчи. Блаж. Іеронимъ говоритъ: „пусть обвиняютъ меня въ грамматическихъ ошибкахъ, но пусть народъ понимаетъ меня".
xxx) И дѣйствительно, тогдашній языкъ былъ совершенно доступенъ пониманію народной массы и въ упрощеніи его заслуги Отцевъ Церкви. Нельзя сказать, что они писали грубо

варварскій латинскій; напротивъ, языкъ его былъ даже не лишенъ изящества, но вмѣстѣ съ тѣмъ ясенъ, простъ, не обремененъ тѣмъ обиліемъ риторическихъ украшеній, которыя дѣлали сочиненія нѣкоторыхъ писателей того времени совершенно недоступными для всеобщаго пониманія.

Изъ переписки Григорія Великаго узнаемъ мы и объ отношеніяхъ его къ тремъ знаменитымъ королевамъ: Теоделиндѣ, женѣ Аутари и Агилульфа, Брунгильдѣ Франкской и Бертѣ Англійской.

Теоделинда была ревностная католичка, искренно привязанная къ Римской церкви, хотя оба мужа ея были Аріанами и послѣдній (Агилульфъ) дѣйствовалъ исключительно въ пользу Аріанской церкви. Вслѣдствіе настоятельныхъ просьбъ Григорія I, Теоделинда построила первую католическую церковь въ Монцѣ. „Спустя 12 лѣтъ послѣ того (послѣ коронованія Агилульфа) говоритъ Павелъ Діаконъ, королева Теоделинда освятила церковь Іоанна Крестителя, которую она выстроила въ Модиціи (Монцѣ), отстоящей отъ Милана на 12 миль и украсила ее множествомъ золота и серебра, сдѣлавъ притомъ въ ея пользу большія пожертвованія.“ (Paul. Diac. III. 16-35).

Кромѣ этой церкви, Теоделинда построила еще и католическій монастырь. Такимъ образомъ уже съ этого времени (съ начала VII в.) католичество начинаетъ быть терпимо въ Лангобардскомъ государствѣ и хотя впослѣдствіи наступаетъ національно-аріанская реакція, тѣмъ не менѣе сношенія Григорія I съ знаменитой королевой могутъ справедливо считаться началомъ будущаго сближенія.

Не менѣе важны и отношенія Григорія Великаго къ франкской королевѣ Брунгильдѣ. Виновница погибели десятерыхъ Меровинговъ, гордая, властолюбивая, жестокая королева, чтобы загладить всѣ свои преступленія, основала церковь въ Аутюнѣ и хотѣла, чтобы Римскій первосвященникъ подтвердилъ законъ ея. Григорій исполнилъ это въ такихъ выраженіяхъ, которыя сдѣлались знаменитыми вслѣдствіе приложе-

нія этихъ словъ къ дѣлу и истолкованія ихъ въ свою пользу послѣдующими папами. Онъ изрекъ свое проклятіе противъ всякаго, кто осмѣлится наложить руки на основанный королевою монастырь (т.е. на его достояніе), будетъ ли это король или кто другой; и прибавилъ, что виновные пусть будутъ лишены своего достоинства.

Слова эти впослѣдствіи дали поводъ предполагать, что Григорій I позволилъ возводить и низводить королей; но въ сущности смыслъ ихъ былъ далеко не таковъ: Григорій слишкомъ уважалъ власть какъ императорскую, такъ и королевскую и слова его совершенно неточно были истолкованы некоторыми изъ его преемниковъ, какъ напр. Григоріемъ VII, который неоднократно ссылался на нихъ.

Сношенія Григорія I съ англійской королевой Бертой завязались по поводу обращенія Англо-Саксовъ въ христіанство. Беда Достопочтенный, въ своей Церковной исторіи Англіи, говоритъ по этому поводу слѣдующее: „Нельзя не умолчать объ одномъ преданіи относительно св. Григорія, которое отъ предковъ нашихъ дошло до насъ; это преданіе объясняетъ намъ причину, побудившую св. Григорія такъ усердно заняться дѣломъ спасенія нашего народа. Говорятъ, что въ какой-то день прибыли купцы и привезли съ собою много товаровъ; множество народу собралось туда для покупокъ; между прочими пришелъ туда и Григорій и увидѣлъ вмѣстѣ съ другими предметами торговли мальчиковъ, выставленныхъ для продажи; тѣломъ они были очень бѣлы, красивы съ лица, волосами курчавы.

Взглянувъ на нихъ, св. Григорій спросилъ: изъ какого царства или какой страны привезены эти мальчики? Ему отвѣчали: „съ острова Британіи, гдѣ всѣ жители такъ хороши." Онъ снова спросилъ: „и эти островитяне — христіане или остаются погруженными въ заблужденія язычества? Ему отвѣчали что они язычники. Онъ вздохнувъ тяжело отъ глубины сердца сказалъ: „Увы, какъ горестно, что лю-

съ такимъ свѣтлымъ лицемъ находятся подъ властью духа тьмы, и что они подъ столь красивымъ челомъ скрываютъ умъ, чуждый вѣчной благодати. Онъ опять обратился съ вопросомъ, какъ называется этотъ народъ? Ему отвѣчали, что этотъ народъ называютъ англами (angli). И справедливо, отвѣчалъ св. Григорій, потому что у нихъ лицо ангельское и имъ слѣдовало бы быть сожителями ангеловъ на небесахъ.*) Какое, спросилъ св. Григорій, носитъ названіе та провинція, изъ которой привезены эти мальчики. Ему отвѣчаютъ, что жители той провинціи именуются дейрами (Deiri, пров. Deira). И это такъ, возразилъ св. Григорій: De ira, значитъ гнѣва исторгнутые и призванные къ Христову милосердію. „А какъ зовутъ короля той страны? Отвѣчаютъ ему: Элле (Elle). Св. Григорій, продолжая игру словами, замѣтилъ на это: „Въ этой странѣ надлежитъ пѣть <u>аллилуію</u>, Самому Творцу Господу." (Beda Vener. II, 1.)

И дѣйствительно, когда онъ вступилъ на престолъ папскій, то отправилъ св. Августина, Меллита и Іоанна съ бенедиктинцами для проповѣди и обращенія англовъ въ христіанство. Предпріятіе это имѣетъ особую историческую важность, такъ какъ это была цѣлая церковь, подчиненная Риму и его первосвященнику. По поводу этого посольства, Григорій I обращался и къ содѣйствію франкской королевы Брунгильды и въ дипломатическомъ письмѣ просилъ ея помощи для миссіонеровъ. По этому же поводу онъ писалъ и къ Бертѣ Англійской. Сношенія эти, въ особенности послѣднее, положили начало развитію папской власти и вліянія папъ даже въ далекой Британіи; вообще изъ дѣятельности св. Григорія мы можемъ сдѣлать тотъ выводъ, что онъ былъ основателемъ и первымъ виновникомъ усиленія власти папъ.

---

*) Bene <u>Angli</u>, quasi <u>angeli</u>, quia angelicos vultus habent et tales in coelis angelicorum decet esse concives. (Joan. Diac. Vita S. G. I, 21.)

Григорію I наслѣдовалъ рядъ слабыхъ папъ, не выдававшихся ни энергіей, ни особенными дарованіями.

Церковь въ это время была раздираема монофелитскими спорами, которые начались со времени Ираклія; но подъ этими спорами о двухъ естествахъ и двухъ воляхъ Іисуса Христа скрывались, кромѣ религіозныхъ, еще національныя антипатіи и вражда. Споры эти, начавшіеся въ Византіи, отразились и въ Италіи. Одинъ изъ папъ, Гонорій (625-638) въ своемъ сочиненіи, направленномъ противъ этихъ церковныхъ раздоровъ, говорилъ, что гораздо лучше предоставить право спорить объ этомъ грамматикамъ, которые занимаютъ подобными тонкостями юношей въ своихъ школахъ и настать въ томъ признать, что во время своей земной жизни, Іисусъ Христосъ дѣйствовалъ различно, не по одному или двумъ способамъ, но по многимъ, какъ это видно изъ писанія. Подобный взглядъ намъ можетъ казаться весьма разумнымъ; но именно за это папа Гонорій былъ признанъ еретикомъ и осужденъ вселенскимъ соборомъ (681 г.) и собственными преемниками, еще не знавшими догмата о непогрѣшимости папской. Впрочемъ, Гонорій готовъ былъ сдѣлать уступку требованію Византійскаго императора и согласился признать въ І. Хр. одну волю. Случаи подобныхъ требованій подчиненія отъ папъ повторялись не одинъ разъ со стороны Византійскихъ императоровъ, и иногда подобные споры кончались весьма плачевнымъ образомъ для римскихъ первосвященниковъ. Такъ, папа Мартинъ I, за непокорность и противодѣйствіе императору Константу II, былъ сосланъ въ Херсонесъ Таврическій, гдѣ и умеръ въ 655 г. Съ другой стороны эта борьба императорской власти съ папами мало по малу содѣйствовала пробужденію національнаго чувства Италіи, которое особенно ясно обнаружилось въ дни папы Сергія при Юстиніанѣ II. Въ Равеннѣ и другихъ городахъ произошло возстаніе, составилась туземная милиція, которая въ огромномъ количествѣ дви-

нулась въ Римъ и явилась защищать папу.
Очевидно, что во всѣхъ этихъ спорахъ духовенства, во вмѣшательствѣ императоровъ было много догматическаго усердія. Припомнимъ слова Григорія Назіанзина о безконечныхъ повсемѣстныхъ спорахъ о естествѣ Отца и Сына. Но вмѣстѣ съ упорной защитой религіозныхъ догматовъ соединялся и національный, не менѣе упорный антагонизмъ.
Въ началѣ VII вѣка, со времени императора Ираклія, начинается въ Римской имперіи двойной переворотъ. Въ Восточной половинѣ имперіи - въ Византіи, торжествуетъ греческая образованность, греческій языкъ, греческіе нравы и обычаи; въ то же время начинается непрерывный почти рядъ вторженій славянскихъ племенъ на Балканскій полуостровъ. Съ этихъ поръ Восточная имперія быстро отчуждается отъ другой части великой когда-то всемірной монархіи, отъ Рима и Италіи. Для жителей „вѣчнаго города" и его земель очевидно, непріятно было подчиненіе Греку, который со своими славянскими войсками являлся на Апеннинскій полуостровъ. Это отчужденіе, этотъ переворотъ, совершившійся въ единственной въ то время представительницѣ Римской имперіи - Византіи, естественно могъ повести къ мысли о возстановленіи имперіи Западной. Прежде всего новое движеніе обнаружилось въ Италіи. Оттого-то въ религіозныхъ спорахъ VII вѣка на ряду съ догматическими помыслами должны мы искать и несомнѣнной національной вражды. Это раздраженіе, эти распри первосвященниковъ Римскихъ съ императорами, эта militia totius Italiae, являющаяся на помощь папѣ противъ Византіи - все это суть несомнѣнные признаки пробужденія національнаго, Италіанскаго сознанія, замѣняющаго мало по малу сознаніе имперское. Важнѣе всего тотъ фактъ, что это пробуждающееся чувство направилось прежде всего на защиту папскаго престола. Это было, впрочемъ, весьма понятно: не равеннскій экзархъ, чиновникъ Византійскаго императора, чуждый

Италіи намѣстникъ, могъ явиться представителемъ новаго движенія; защитникомъ и оплотомъ его является первосвященникъ Рима, намѣстникъ св. Петра и къ нему-то и стремятся всѣ надежды и симпатіи новой Италіи. Кромѣ того, уваженіе къ императорской власти еще болѣе поколебалось послѣ посѣщенія Рима императоромъ Константиномъ II. Императоръ этотъ, начавшій борьбу съ Гримоальдомъ, герцогомъ Беневентскимъ, въ то время королемъ Лангобардовъ, долгое время осаждалъ Беневентъ (гдѣ защищался сынъ Гримоальда - Ромоальдъ) и наконецъ, потерпѣвъ тамъ неудачу, отправился въ Римъ. Здѣсь встрѣтили его, какъ единственнаго императора и даже папа съ большими почестями и торжественно привѣтствовалъ его. Но Константъ, прославившій себя и въ Византіи убійствомъ брата и жестокостью, произвелъ только безпорядки въ Римѣ и уѣхалъ наконецъ, ограбивъ предварительно множество сокровищъ, оставленныхъ даже Гензерихомъ и Аларихомъ. Всѣ эти драгоцѣнности, также какъ и позолоченую крышу Пантеона (если вѣрить преданію) онъ перевезъ въ Византію. Очевидно, что подобныя дѣйствія императора едва ли могли служить для поддержанія любви къ нему и уваженія къ идеѣ императорской власти. Мы съ особеннымъ вниманіемъ отмѣчаемъ этотъ фактъ потому, что даже при новыхъ обстоятельствахъ, когда умы и сердца начинали отторгаться отъ имперіи, идея ея, уваженіе къ власти императора все таки живетъ въ воспоминаніи Римлянъ. Развитіе этого антагонизма между двумя частями имперіи завершилось тѣмъ, что въ Византіи появляется новая ересь, главными поборниками которой становятся Восточные императоры - ересь иконоборческая. Уже моноѳелитскіе споры потрясли идею императорской власти, эдикты же Льва Исавра, Константина Копронима и другихъ императоровъ-иконоборцевъ, эдикты, которыми они воспрещали почитаніе иконъ совершенно не были не-

полняемы въ Италіи. Противниками ихъ являются папы Григорій II и Григорій III, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ послѣднимъ Римскимъ первосвященникомъ, просившимъ утвержденія своего на престолѣ св. Петра у Византійскаго императора.
На несогласіе папы отмѣнить почитаніе иконъ – Левъ Исавръ отвѣтилъ конфискаціей всѣхъ вотчинъ св. Петра на Балканскомъ полуостровѣ, и въ южной Италіи (Апуліи и Калабріи), оставшейся подъ властью Византіи. Эта мѣра порвала ту послѣднюю связь, которая еще существовала между императорами и папами; теперь послѣдніе должны были искать себѣ опоры въ другомъ мѣстѣ.
Вотъ обстоятельства, послужившія къ объединенію Италійскихъ областей подъ властью папъ и къ отчужденію ихъ отъ Византіи. Фактъ этотъ, какъ увидимъ впослѣдствіи, имѣетъ первостепенную историческую важность по отношенію къ Западу.
Интересно теперь знать, гдѣ найдетъ опору мѣстное Италіанское населеніе, порвавшее свою связь съ императорами Востока? Примирится ли новая, самостоятельная теперь власть Римскихъ первосвященниковъ съ господствомъ варваровъ – Лангобардовъ?
Повидимому, это могло бы быть. Со вступленіемъ на престолъ племянника Теодолинды – Ариберта (653-661), католичество восторжествовало въ государствѣ Лангобардовъ и культурное вліяніе Италіи стало оказывать все большіе и большіе успѣхи. Лангобарды, принявъ католическую вѣру, принимаютъ и богослуженіе на латинскомъ языкѣ – очевидно, что двѣ враждебныя до сихъ поръ другъ другу силы находятся на пути къ примиренію. Но примиреніе не послѣдовало. Съ одной стороны папы, привыкшіе къ самостоятельности, не выражали желанія перейти отъ подчиненія Византійскимъ императорамъ къ подчиненію Лангобардскимъ королямъ. Кромѣ того, во время почти столѣтней борьбы

съ варварами, между побѣдителями и побѣжденными накоплялось много вражды и полное, совершенное примиренiе едва ли было возможно. Съ другой стороны, сами Лангобарды не желали и не могли слиться въ одно цѣлое съ Римлянами, пока они не владѣли самимъ Римомъ.х)

Въ то время, когда на востокѣ продолжались церковныя распри, когда Италiя мало по малу отходила изъ подъ власти Византiйскаго императора, у Лангобардовъ также возвышается цѣлый рядъ даровитыхъ и энергическихъ королей, которые стремились воспользоваться удобнымъ временемъ, чтобы захватить въ свои руки то, что имъ наиболѣе было нужно — Римъ и Равенну. Изъ этихъ королей особенно прославился Лiутпрандъ (712-744). Ревностный католикъ, преданный Римской церкви, возстановившiй монастырь Монте-Кассино и перенесшiй мощи св. Августина въ Павiю, Лiутпрандъ тѣмъ не менѣе вступаетъ въ борьбу съ папой за обладанiе Римомъ. Неизбѣжное столкновенiе произошло. Отторгнутые отъ императоровъ Византiйскихъ, Римскiе первосвященники не могли примириться и съ Лангобардами, съ которыми теперь началась кровопролитная и страшная борьба.

Опора противъ варваровъ, которой нельзя было искать на Востокѣ, нашлась на Западѣ, въ лицѣ возникающей сильной династiи Франкскихъ королей.

Государство Франковъ носило въ себѣ задатки долговѣчности, которыхъ не имѣли другiя варварскiя государства. Принявъ христiанское католическое исповѣданiе, Франки сначала вступаютъ въ союзъ съ Галльской церковью, а потомъ и съ Римомъ и объ руку съ нимъ основываютъ двѣ силы, господствующiя во все продолженiе Среднихъ вѣковъ — Папство и Имперiю.

х) Весьма интересенъ этотъ фактъ, что какъ Лангобарды, такъ и всѣ послѣдующiе завоеватели Италiи полагали въ Римѣ конечною цѣлью, вѣнцомъ всѣхъ своихъ стремленiй.

Обратимся теперь къ послѣднему народу, явившемуся на Римской почвѣ въ той же завоевательной роли, въ которой мы видѣли уже В. Готовъ, Бургундовъ, Лангобардовъ, Англо-Саксовъ и О. Готовъ — къ Франкамъ.

Въ изложеніи ихъ исторіи намъ необходимо будетъ возвратиться нѣсколько назадъ, къ V вѣку. Мы не говорили до сихъ поръ о Франкахъ и намѣренно поставили ихъ позади, потому что царство Франковъ, ихъ объединительная, провиденціальная, такъ сказать, роль приготовлена была предшествовавшимъ развитіемъ прочихъ варварскихъ государствъ.

Что такое были Франки, — намъ уже извѣстно. Мы знаемъ, что въ III вѣкѣ въ первый разъ имя это встрѣчается въ одномъ Римскомъ памятникѣ*); намъ извѣстно также, что подъ этимъ именемъ не должно разумѣть какое либо отдѣльное племя, а союзъ, федерацію нѣсколькихъ мелкихъ германскихъ племенъ.

Въ „Historische Zeitschrift“, издаваемомъ Зибель'емъ, въ первой книгѣ за 1880 годъ, помѣщена статья нѣмецкаго ученаго Шредера (Schröder), „Die Herkunft der Franken“; въ этой статьѣ авторъ весьма подробно и обстоятельно разсматриваетъ вопросъ о происхожденіи Франковъ и приходитъ къ выводамъ, которые отчасти (не въ главномъ, но въ подробностяхъ) отличаются отъ прежнихъ воззрѣній (Срв. выше, стр. 155, 156).

По его теоріи, зерномъ и основаніемъ Франкской федераціи слѣдуетъ считать Батавовъ и Каннинефатовъ, жившихъ на такъ называемомъ Батавскомъ островѣ, т. е. въ треугольникѣ, образуемомъ теченіемъ: 1) нижняго и стараго Рейна (впадающаго въ море ниже Лейдена при Катвикѣ) 2) Вааломъ, главнымъ рукавомъ Рейна, начинающимся нѣсколько далѣе на востокъ; общимъ продолженіемъ Ваала и Мааса — Мерведе и.

---

*) Въ описаніи дорогъ, станцій и т. п. — Tabula Peutingeriana (по имени владѣльца, Пейтингера, аугсбургскаго ученаго гражданина въ концѣ XV-го вѣка, когда она и была открыта).

наконецъ старымъ Маасомъ до его устья; 3) моремъ отъ устья Мааса до Катвика. Каннефаты занимали западную часть этого острова, ближе къ морю. Хотя они и составляли независимую отъ Батавовъ политическую общину, но въ сущности должны быть разсматриваемы какъ только вѣтвь послѣднихъ и обыкновенно даже не различаются отъ нихъ по имени. Батавы по этой теоріи суть исконные Германцы; они пришли изъ глубины Германіи и находились въ родствѣ съ Хаттами (Хатты = Хассы = Гессы). Кромѣ Батавскаго острова, Батавы владѣли частью материка между Вааломъ и Маасомъ, гдѣ находился городъ Батавовъ (oppidum Batavorum = Нимвегенъ). Далѣе на юго-востокъ, между Маасомъ и Рейномъ, жили Гугерны, остатокъ нѣкогда знаменитыхъ Сигамбровъ, переселенныхъ при императорѣ Тиберіи съ праваго берега Рейна на лѣвый. Когда же эти различныя, но родственныя племена — Каннефаты, Батавы и Гугерны объединились (наз. составш. федер. союзы), то начали называть себя Франками и Франками Салическими. Названіе это также подало поводъ къ различнымъ толкованіямъ; нѣкоторые ученые производили его отъ рукава Рейна — Иссели, предполагая, что прежде онъ назывался Салой. Шредеръ*) также какъ и Heinrich Leo**) производятъ это названіе отъ кельтско-германскаго sale, sal, saile — слово, часто употреблявшееся для обозначенія соленыхъ ключей Германіи (sal, или что филологически тожественно — halle) и находящееся въ родствѣ съ нашею солью. Предполагается, что это же слово могло служить и для обозначенія соленой морской воды, морскаго берега.* Такимъ образомъ Салическіе Франки получили свое имя отъ близости къ морю; ибо въ этой странѣ, незадолго передъ тѣмъ покинутой Бельгами, кельтское слово sal употреблялось наравнѣ съ нѣмецкимъ mare, meer. Среди этого народа появилась сдѣлавшаяся впослѣдствіи зна-

---

*) Die Herkunft der Franken. S. 28, 29.

**) Vorlesungen ueber die Geschichte des deutschen Volkes und Reiches I, 27.

менитою фамилія Мервинговъ (Meerwingen, Marwingen). Не только имя дало море Салическимъ Франкамъ, говоритъ Шрёдеръ; они обязаны ему и предводителемъ, подъ начальствомъ котораго они предприняли ... новое, побѣдное и славное переселеніе на югъ. Фамильное преданіе Меровинговъ говоритъ: „Однажды, когда Клодіонъ сидѣлъ на берегу моря и она захотѣла выкупаться, на нее бросилось страшное чудовище, похожее на минотавра и посланное Нептуномъ. Отъ этого чудовища она родила сына Меровея, отъ котораго получили свое имя всѣ франкскіе короли".

Такое преданіе, прибавляетъ Шрёдеръ, отголоскомъ котораго можетъ быть нижнерейнская сага о рыцарѣ Лебедя, могло возникнуть только у народа, чья жизнь протекала у моря.

Къ востоку Салическихъ Франковъ были потомъ еще Хаттуаріи и Хатты, которые утвердились въ области рѣки Мозеля. Хаттуаріи двигались всюду за Германцами и сначала, до перехода ихъ въ Токсандрію, жили на правомъ берегу Рейна по обѣ стороны рѣки Рура (Ruhr); но они были въ близкомъ племенномъ родствѣ съ Батавами, такъ что послѣ, когда Хаттуаріи сдѣлались сосѣдями этихъ послѣднихъ, имя ихъ служило общимъ обозначеніемъ для обоихъ народовъ. Самый Батавскій островъ назывался областью Хаттуаріевъ.

Хамавы, Амсиваріи и Бруктеры мелкія племена составляли вторую вѣтвь Франковъ-Рипуаріевъ. Сначала они жили между Рура и Липпе, потомъ перешли и на другой берегъ Рейна, въ сосѣдство съ Кельномъ. Имя ихъ по всей вѣроятности слѣдуетъ производить отъ ripa - рѣчной берегъ.

Салическіе Франки, появляющіеся въ исторіи въ III в. скоро вступаютъ въ борьбу и начинаютъ враждебныя отношенія къ имперіи, вслѣдствіе стремленія расширить свои владѣнія. Такъ, еще Юліанъ, бывшій въ то время префектомъ Галліи, долженъ былъ бороться съ Франками, такъ какъ въ это время они уже сдѣлали попытку пройти дальше и завладѣть землею по н.

...съ Шельдою, такъ называемою Токсандріей (Toxandria), пространствомъ между Арденнскимъ лѣсомъ, Шельдою и Рейномъ. Юліанъ разбилъ ихъ, но оставилъ жить на этой территоріи, съ условіемъ, что они будутъ защищать границу и въ случаѣ необходимости, выставлять вспомогательные отряды. Также дѣлалъ онъ походы и противъ Рипуарскихъ Франковъ и выводилъ оттуда множество плѣнныхъ, которые по большей части были отправляемы въ цирки.

Обратимся теперь прямо къ V-му вѣку, когда во главѣ Франковъ стоитъ уже король Хлодіонъ[x)] распространившій предѣлы Франкской территоріи далѣе до р. Соммы, пользуясь смутами, которыя настали въ имперіи въ IV вѣкѣ.

За нимъ, если вѣрить вышеприведенному преданію, слѣдовалъ его Меровей; послѣ него мы встрѣчаемъ уже двухъ конунговъ - внуковъ Хлодіона - Хильдерика и Рагнагара, раздѣлившихъ между собою владѣнія и имѣвшихъ каждый отдѣльную резиденцію; первый - въ Турнэ, второй - въ Камбрэ.

Хильдерикъ, отецъ знаменитаго Хлодовига, опирался на Франковъ, которые поселились въ области Мозеля и средоточіемъ которыхъ былъ гор. Верденъ. При немъ мы находимъ уже историческіе памятники, такъ что съ него собственно можно начинать достовѣрную исторію Франковъ.

Знаменитый сынъ его Хлодовигъ появляется въ исторіи во второй половинѣ 5 вѣка;[x)] онъ владѣетъ только частью Салической территоріи, такъ какъ одновременно съ нимъ еще правитъ другою частью родственникъ его Рагнегаръ. Въ 486 г. оба эти короля, въ союзѣ, наносятъ пораженіе Римскимъ войскамъ въ Галліи.

Какъ извѣстно, Галлія въ это время распадалась на три части: государство Бургундское, государство Вест-Готское и средняя часть Галліи, область р. Сены съ Парижемъ - подъ

---

x) Hlodion = Lodion; также какъ и Hlodovic = Lodovic = Ludovic. H есть только обычное Франкамъ сильное придыханіе.

властью Римлянъ и подъ управленіемъ консула Сіагрія, нося-
щаго небывалое имя rex Romanorum, ярко характеризующее
его положеніе. И дѣйствительно, императора Римскаго
въ Италіи уже не существуетъ и Сіагрій, не считая себя
намѣстникомъ далекаго властителя Византіи, долженъ
стать на самостоятельную, равноправную ногу съ короля-
ми варваровъ-властителей Галліи; и вотъ имя rex Ro-
manorum является на ряду съ именами rex Burgundio-
num и rex Gothorum. Соединенными силами Хлодовига
и Рагнахара Сіагрій былъ разбитъ при Суассонѣ и власть
Салическихъ Франковъ распространяется и на центральну-
ю Галлію. Епископъ Григорій Турскій, главный и наиболѣе
достовѣрный источникъ для первоначальной исторіи Фран-
ковъ, вслѣдъ за извѣстіемъ о побѣдѣ при Суассонѣ, гово-
ритъ о бѣгствѣ Сіагрія къ В. Готамъ и о дружелюбныхъ
сношеніяхъ Хлодовига съ епископомъ Ремигіемъ; но мы
не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, какимъ обра-
зомъ Хлодовигъ распространилъ свои владѣнія до Сены, а
потомъ до р. Луары, т. е. до того мѣста, которое уже
граничило съ владѣніями В. Готовъ: по всѣмъ признакамъ
это совершилось не вдругъ, хотя разсказъ о долголѣтней
осадѣ Парижа весьма теменъ и обладаетъ малою досто-
вѣрностью. Мы находимъ его въ житіи св. Женевьевы, кото-
рая будто бы поддерживала духъ осажденныхъ и благора-
зумными распоряженіями спасла ихъ отъ голода. Из-
вѣстно, что, по остроумному замѣчанію одного новаго
французскаго историка, всѣ святые были на сторонѣ Фран-
ковъ x). У Прокопія Кесарійскаго, византійскаго писателя
VI столѣтія, находятся, хотя тоже не совсѣмъ точныя, но
во всякомъ случаѣ не лишенныя значенія извѣстія о заклю-
ченіи мирнаго соглашенія между Франками и Армори-

x) Il est notoire que tous les saints étaient du parti de l'ennemi. (Gérard, Histoire des Francs d'Austrasie, I, 202.)

риканцами (т. е. жителями южной Британии), откуда уже видно что тѣ и другіе, по выраженію Византийца, слились въ одинъ народъ. (Procop. de bello Gothico, I. 12)

Впродолженіи десяти лѣтъ совершался этотъ важный успѣхъ утвержденія Франковъ въ центральной Галліи. Интересно узнать прежде всего, какъ поступилъ Хлодовикъ съ Галло-Римлянами, до сихъ поръ бывшими вполнѣ самостоятельными, не имѣвшими сплошныхъ варварскихъ поселеній, какъ вообще поставили себя Франки по отношенію къ побѣжденному населенію?

При разборѣ этого вопроса, необходимо строго разграничивать два Франкскія завоеванія: первое, въ Бельгіи, въ области Мааса и Шельды и Соммы, при Хлодіонѣ и второе въ центральной Галліи, въ области р. Сены, при Хлодовикѣ. Оба эти завоеванія существенно разнятся по характеру своему. Всѣ данныя свидѣтельствуютъ намъ, что въ первомъ случаѣ Франки явились разрушителями прежде существовавшей культуры и истребителями населенія. Епископъ св. Ваастъ въ 500 году не находитъ христіанъ въ Аррасѣ. Въ житіи св. Аманда говорится о странѣ Ганта и въ области Турне, что въ половинѣ VII в. древніе жители оставили служеніе истиннаго Бога и стали поклоняться деревьямъ и камнямъ. Послѣдніе слѣды язычества изчезли въ Брабантѣ и въ области Арденнъ только въ половинѣ VIII-го вѣка. Уничтоженіе христіанства въ этой Галльской, покрытой цвѣтущими городами, области, можетъ совпадать только съ уничтоженіемъ стараго населенія.

Въ житіяхъ Святыхъ говорится, что, овладѣвъ Турне, Франки приказали всѣмъ христіанамъ выйти оттуда и захватили все ихъ имущество. Когда Хлодіонъ взялъ Камбрэ, то онъ велѣлъ убить всѣхъ Римлянъ, которыхъ тамъ нашелъ. Аполлинарій Сидоній жалуется въ своихъ письмахъ, что латинскій языкъ исчезъ въ странѣ Белговъ и

Римской — иначе — въ завоеванной франками территоріи до Соммы. И такъ, язычество этихъ смѣжныхъ областей показываетъ, что христіанское населеніе было истреблено, такъ какъ невозможно думать, чтобы оно было опять обращено въ язычество.

Что касается второго завоеванія — при Хлодвигѣ, то безъ сомнѣнія, оно имѣло другой характеръ. Завоеваніе это тѣмъ отличается отъ прочихъ, что оно не оставило никакихъ слѣдовъ раздѣла земель, ничего, что бы свидѣтельствовало о приложеніи Франками извѣстнаго принципа третей. Вѣроятно, раздѣла не было вовсе. На это, впрочемъ, указываютъ и самыя обстоятельства завоеванія, по характеру своему не требовавшія раздѣла: 1) Масса Салійскаго населенія осталась на своихъ мѣстахъ и не послѣдовала за Хлодвигомъ на завоеванную территорію; даже многіе изъ пришедшихъ, послѣ счастливаго исхода войны, удалились на родину, за Сомму, гдѣ у нихъ уже были собственные участки земли. Такимъ образомъ земельный надѣлъ былъ необходимъ только въ ограниченномъ количествѣ и для произведенія его хватило земель фиска, т.е. Римскихъ казенныхъ земель, доставшихся Хлодвигу послѣ побѣды надъ Сіагріемъ. Съ самаго начала это поставило его въ мирныя дружественныя отношенія къ мѣстному населенію. И дѣйствительно, мы видимъ, что вокругъ него группируются Галло-Римскіе аристократы, земельные участки которыхъ онъ оставилъ неприкосновенными. Римляне судятся при немъ по своимъ законамъ и въ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлахъ. Впослѣдствіи, они являются даже на ряду съ другими въ войскѣ франкскаго короля. Этотъ послѣдній фактъ составляетъ одно изъ тѣхъ отличій франкскаго завоеванія, которыхъ мы не видимъ даже при Теодорихѣ Остготскомъ. Римляне во всемъ уравнены съ Франками, кромѣ виры за убійство, которая за Галло-Римлянина была назначена нѣсколько меньшая, чѣмъ за у-

іюсты Франки. Но и это должно разсматриваться только какъ вопросъ чести, благородства крови, и не какъ признакъ политическихъ и сословныхъ преимуществъ. Хлодовихъ скоро сдѣлалъ и другой шагъ въ пользу Галло-Римлянъ, а именно — началъ войну съ Аламаннами. Намъ извѣстны уже столкновенія Рима съ Аламаннами, которые заняли Баденъ, Вюртембергъ, восточную Швейцарію, мѣста прежняго поселенія Бургундовъ. Впослѣдствіи они стали двигаться по направленію къ своей прежней территоріи — къ р. Майну и на сѣверъ отъ него и овладѣли нынѣшнимъ Эльзасомъ. Начавъ войну со своими соплеменниками, Хлодовихъ является защитникомъ Римской культуры и образованія противъ варваровъ. Будучи еще язычникомъ, онъ одержалъ надъ Аламаннами знаменитую побѣду 496 года *), послѣ которой принялъ христіанство. Если мы теперь обратимся къ вопросу о томъ, какъ обошлись Франки съ покореннымъ Аламаннскимъ населеніемъ, то увидимъ большую разницу сравнительно съ отношеніемъ Хлодовиха къ Галло-Римскому населенію. Земли по Майну и Неккару были совершенно отторгнуты отъ Аламанновъ и заселены Франками (быть можетъ отъ этого и произошло названіе этихъ земель — Франконія); Аламаннскій элементъ здѣсь былъ совершенно истребленъ. Но, конечно, онъ сохранился въ позднѣйшемъ герцогствѣ Аламанніи, переименованномъ потомъ въ Швабію, т. е. въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ встрѣчается и до нашего времени — въ Эльзасѣ, Баденѣ, Вюртембергѣ

---

*) На основаніи словъ Григорія Турскаго, сказанныхъ имъ по поводу Сигиберта Рипуарскаго (что онъ былъ раненъ при Tolbiacum (Цюльпихъ) и остался хромъ) полагаютъ, что эта битва происходила при Цюльпихѣ, около Бонна. Но гораздо вѣроятнѣе, что сраженіе происходило въ верхнихъ частяхъ Рейна; одинъ изъ біографовъ св. Ведаста говоритъ, что Хлодовихъ послѣ битвы отправился въ Туль, что служитъ подтвержденіемъ послѣдняго мнѣнія.

и частью въ Швейцаріи. Особенно характеристичнымъ является тотъ фактъ, что Хлодовигъ поступилъ такимъ жестокимъ образомъ со своими соплеменниками и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчательно гуманно и мягко съ Галло-Римлянами. Къ этой побѣдѣ относится, какъ уже было сказано и принятіе Хлодовигомъ крещенія. Несомнѣнно, что обращеніе Хлодовига было уже подготовлено заранѣе; здѣсь играла роль и жена его Клотильда (Хротехильда), Бургундская принцесса, дочь убитаго своимъ братомъ Хильперика, принадлежавшая къ православной церкви и убѣжденіями своими несомнѣнно дѣйствовавшая на своего мужа. Кромѣ того, еще предки Хлодовига находились въ сношеніяхъ съ Галлоримскими христіанскими епископами и молодой король былъ предметомъ надеждъ и желаній стремившейся обратить его ко Христу церкви Галло-Римской. До сихъ поръ сохранилось письмо св. епископа Ремигія Реймскаго, отправленное имъ къ Хлодовигу; онъ пишетъ: „до насъ дошелъ громкій слухъ о томъ, что ты счастливымъ образомъ вступилъ въ управленіе своею провинціею*). Ты долженъ дѣйствовать такимъ образомъ, чтобы Богъ не оставилъ тебя теперь, когда твои достоинства и скромность вознаграждены твоимъ возвышеніемъ на высоту почестей. Ты долженъ избрать себѣ совѣтниковъ, которые бы придали блескъ твоему имени, почитать епископовъ и всегда прибѣгать къ ихъ совѣтамъ. Если ты сохранишь согласіе съ ними, то все пойдетъ хорошо въ твоей провинціи. Всѣ до-

---

*) Нѣсколько свободный переводъ слѣдующихъ латинскихъ словъ: „Rumor ad nos pervenit administrationem vos secundum rei bellicae suscepisse". Въ такомъ именно видѣ дошелъ до насъ текстъ начала посланія; онъ, очевидно, требуетъ исправленія, потому что не заключаетъ въ себѣ ни логическаго ни грамматическаго смысла. Объ одной изъ поправокъ будетъ еще сказано нѣсколько ниже.

гатства, которыя она получила отъ отца, употребили на облегченіе участи плѣнныхъ, на освобожденіе ихъ отъ рабства" и т.д.

Мы сказали, что, плѣнное къ Хлодовигу въ началѣ его правленія, показываетъ, что христіанскіе епископы имѣли съ нимъ сношенія и имѣли нѣкоторое вліяніе на него. Не безъ основанія можно предположить, что самый бракъ его съ Клотильдой былъ устроенъ при содѣйствіи христіанскихъ епископовъ Галліи, иначе трудно представить себѣ, почему Хлодовигъ, могущественный владѣтель, взялъ дочь государя, уже давно умершаго, принцессу, родъ которой не имѣлъ уже никакого значенія. Сдѣлавшись женою Хлодовига, Клотильда долгое время убѣждала его принять христіанство; но король, хотя рѣшившійся крестить обоихъ сыновей своихъ отъ Клотильды, самъ оставался язычникомъ и только во время знаменитой битвы съ Аламаннами вспомнилъ объ увѣщаніяхъ супруги и обратился, какъ говоритъ Григорій Турскій, съ горячею мольбою къ Богу Клотильды, обѣщая ему принять христіанство въ случаѣ побѣды.

Переходя къ вопросу о значеніи крещенія Хлодовига, необходимо обратить вниманіе на то, что въ противоположность всѣмъ другимъ германскимъ завоевателямъ, Хлодовигъ принялъ православное исповѣданіе. Первый германскій католическій конунгъ, - онъ сталъ этимъ самымъ выше всѣхъ остальныхъ варварскихъ владѣтелей и сдѣлался опорою мѣстной Галло-римской церкви. Вездѣ, какъ извѣстно, Аріанство было предметомъ неудовольствія, причиною столкновеній, раздоровъ, вражды. Очевидно, что къ первому германскому конунгу, исповѣдовавшему ту же вѣру, какъ и побѣжденные, стремились съ надеждою и радостью зали тѣ Галло-Римляне, которые жили не въ его владѣніяхъ. Сохранилось письмо епископа Авита Віеннскаго, предводителя франкской партіи въ Бургундскомъ государствѣ, человѣка, игравшаго первостепенную роль въ собы-

тіяхъ твоей эпохи. Вотъ что пишетъ онъ къ Хлодовику: „Наконецъ Божественное провидѣніе нашло судью, посредника или рѣшителя нашего вѣка. Дѣлая выборъ для себя, ты рѣшаешь за всѣхъ насъ. Твоя вѣра — наша побѣда. Греція гордится тѣмъ, что она имѣетъ католическаго государя; теперь не она одна владѣетъ этимъ драгоцѣннымъ даромъ — и Западъ имѣетъ теперь свой свѣтъ. Хотя я и не присутствовалъ лично при торжествѣ твоего возрожденія, я все таки участвовалъ въ радостяхъ этого великаго дня. Благодаря Божіей благодати, наши области узнали счастливую новость прежде, чѣмъ твое крещеніе совершилось. Наши сомнѣнія исчезли и священная ночь Рождества обрѣла насъ увѣренными въ тебѣ. Мы слѣдили духомъ за всѣми церемоніями; мы видѣли, какъ ты склонялъ голову, готовясь принять благодать... и т. д.

„Продолжай же твои тріумфы. Ваши побѣды — наши успѣхи; когда ты сражаешься — мы побѣждаемъ."

Эти послѣднія слова относятся къ распространенію франкскаго могущества до Луары, ко взятію Нанта и присоединенію Арморики къ владѣніямъ Хлодовика. Помимо прямаго союза съ Галло-Римскою церковью, обусловленнаго крещеніемъ Хлодовика, событіе это не осталось незамѣченнымъ и въ Римѣ. Нельзя сказать, чтобы Хлодовикъ сразу вступилъ въ связь съ Римомъ, такъ какъ даже Галльская церковь была совершенно отъ него независима, но тѣмъ не менѣе Римъ сочувственно отнесся къ совершившемуся факту крещенія Франкскаго короля. „Продолжай радовать церковь, твою мать, писалъ къ нему папа Анастасій, и пусть она защититъ тебя побѣдою надъ всѣми твоими врагами."

Что касается подробностей событія, то болѣе близкіе по времени и довольно вѣрные источники, т. е. прежде всего, Церковная исторія Франковъ — Григорія Турскаго (+594) со обще-

еще нам очень не много существенных данных. От Григорія Турскаго мы узнаем, что вместе с Хлодовигом крестились его сестра Альбофледа и более трех тысяч прочих Франков. Флодоардъ, священникъ Реймса и вместе с тем один из важных средневековых писателей, (впрочем, гораздо позднейшаго времени: он жил в первой половине X века), оставил наиболее подробный рассказ о самом торжестве крещения Хлодовига; он пользовался при этом жизнеописанием Ремигія и отчасти повторяет то, что есть у Григорія Турскаго.

„Между тем приготовляют переход от королевскаго дворца до баптистерія, говорит Флодоардъ в своей „Исторіи Реймской церкви; вывешивают полотна, дорогія ткани; украшают дома по обеим сторонам улицы; убирают церковь; умащают баптистерій бальзамическими мазями и наполняют различнаго рода благоуханіями. Народу, преисполненному горней благодати, кажется, что он дышет наслажденьями рая. Шествіе выходит из дворца; духовенство его открывает с книгами св. Евангелія, крестами и хоругвями и поет церковные гимны и песни; вслед за тем идет епископ, ведя короля за руку, наконец следует королева с народом. Во время шествія, говорят, король спросил епископа, не в Царство ли небесное, которое он ему обещал, они идут? „Нет, отвечал прелат, но это врата, открывающія путь, который ведет туда". Когда они вошли в баптистерій, священник, который нес елей, будучи остановлен толпой, не мог приблизиться к св. купели, так что при благословеніи купели, по предначертаніям провиденія, не было святаго елея. Тогда первосвятитель поднимает глаза к небу и молча молит небо со слезами. В ту минуту белый как снег голубь опускается, неся в клюве склянку, наполненную св. елеем, ниспосланным с неба. Вместе с тем распространяется восхитительное благоуханіе, которое упояет присутствующих восторгом, котораго они до сих пор не испытывали. Св. епи-

ковъ беретъ стклянку, кропитъ елеемъ воду въ купели, и бѣлый голубь мгновенно изчезаетъ. Внѣ себя отъ радости, при видѣ такого великаго чуда благодати, король отрекается отъ сатаны, его суетности и дѣлъ, и настоятельно проситъ крещенія. Въ ту минуту, какъ онъ склоняетъ голову надъ источникомъ жизни: „Склони голову со смиреніемъ, гордый Сикамбръ, восклицаетъ красноречивый епископъ; обоготворяй то, что ты сожигалъ и жги, что до сихъ поръ обоготворялъ!" По исповѣданіи Символа вѣры, король три раза погружается въ воды купели, и вслѣдъ за тѣмъ, во имя святой и нераздѣльной Троицы, Отца, Сына и св. Духа, благочестивый епископъ принимаетъ его и освящаетъ божественнымъ помазаніемъ. Сестры короля (Альбофледа и Лантехильда) также получаютъ крещеніе, вмѣстѣ съ 3000 человѣкъ изъ войска Франковъ, не считая множества женщинъ и дѣтей. И такъ, мы можемъ думать, заключаетъ Флодоардъ, что этотъ день былъ на небѣ днемъ радости для св. ангеловъ, какъ и на землѣ люди благочестивые и вѣрные услышали о томъ съ великимъ восторгомъ. (Flodoardus. „Histor. eccles. Remensis", cap. XIII.)

Въ Хлодовихомъ, какъ видно изъ свидѣтельства Флодоарда, согласнаго и съ данными Григорія Турскаго, крестились не всѣ Франки, а только около 3000 человѣкъ; еще множество язычниковъ оставалось среди Франковъ-Саліевъ. Замѣтимъ, между прочимъ, что и на самого Хлодовиха Христіанство въ нравственномъ отношеніи повліяло весьма мало; наиболѣе возмутительныя дѣйствія, самыя страшныя злодѣянія были онъ совершилъ уже послѣ своего крещенія, какъ увидимъ ниже. Вскорѣ послѣ его крещенія загорѣлась ожесточенная борьба между аріанами и католиками въ Бургундскомъ государствѣ. Особенно ожесточеннымъ нападкамъ сталъ подвергаться, какъ уже извѣстно, Гундобальдъ Бургундскій; указывая на примѣръ Хлодовиха, православное духовенство требовало или обращенія его въ католичество, или, по крайней мѣрѣ, диспута о вѣрѣ. Намъ извѣстно также, что, несмотря на его стремленія примириться съ Хлодовихомъ, дѣло дошло до открытой

гарии, причемъ вся масса католическаго населенія Бургундскаго королевства стала на сторону франковъ. Кромѣ того, братъ Гундобальда — Годигизелъ, заключилъ союзъ съ Хлодвигомъ противъ своего брата. Франки и бургунды встрѣтились при Дижонѣ и послѣдніе были разбиты. Однако Хлодвигъ не воспользовался своею побѣдою и скоро вернулся въ Парижъ. Тѣмъ не менѣе, Гундобальдъ обязался, вѣроятно, нѣкоторымъ подчиненіемъ Хлодвигу, а главное, сдѣлалъ уступки католическому духовенству. Григорій Турскій говоритъ даже, что Гундобальдъ, познавъ глупость аріанскихъ воззрѣній и исповѣдавъ Христа, Сына Божія, и Духа Святаго, какъ равныхъ Отцу, *тайно* просилъ помазанія у св. Авита, епископа Віеннскаго. Святитель уговаривалъ короля сдѣлать это явно, всенародно, подкрѣпляя свои увѣщанія словами пророковъ, апостоловъ и евангельскими изреченіями самого Іисуса Христа: „ты вѣрно страшишься народнаго возмущенія, когда не рѣшаешься всенародно исповѣдать Создателя, говорилъ онъ между прочимъ. Оставь эту безразсудную робость и то, чему ты говоришь, что вѣришь, открыто объяви передъ народомъ, потому что пророкъ сказалъ: „я восхвалю Тебя, Господи, среди племенъ и воспою славу Твою среди народовъ." Если ты страшишься народа, о король, то ты знаешь, что народъ долженъ слѣдовать твоей вѣрѣ скорѣе, чѣмъ ты покровительствовать народному безумію. Если ты отправляешься на войну, то идешь впереди своихъ войскъ, а они слѣдуютъ за тобою, куда ихъ поведешь. Такимъ образомъ будетъ лучше, если они пойдутъ къ познанію истины, имѣя тебя впереди, вмѣсто того, чтобы пребывать въ заблужденіи, по[illegible] тебя!" Но, прибавляетъ еп. Григорій, — Гундобальдъ, хотя и тронутый этими разсужденіями, сохранилъ тѣмъ не менѣе свое заблужденіе до конца дней и никогда не хотѣлъ всенародно исповѣдовать равенство всѣхъ 3 лицъ Троицы. Благодаря уступкамъ, которыя Гундобальдъ сдѣлалъ Хлодвигу и католическому духовенству, ему позволено было нѣка-

томъ брата его Годегизела. Мы не знаемъ точно содержаніе договора Гундобальда съ Хлодовигомъ; извѣстно только, что государство бургундское продолжало существовать и только при сыновьяхъ Хлодовига наступилъ конецъ его самостоятельности. Съ другой стороны извѣстно, что Гундобальдъ былъ союзникомъ и помощникомъ Хлодовига въ его борьбѣ съ другимъ варварскимъ и тоже арьянскимъ государемъ.

Покончивъ борьбу съ Бургундами, Хлодовигъ обратился къ другому сосѣднему варварскому государству — Вестготамъ. Григорій Турскій, объясняя мотивы этого похода, передаетъ слѣдующее: Король Хлодовигъ сказалъ между прочимъ своимъ: „Меня крайне печалитъ то, что эти Аріане владѣютъ частью Галліи; пойдемъ съ помощью Божіей и, побѣдивъ ихъ, подчинимъ страну нашей власти." — Рѣчь эта понравилась всѣмъ и король двинулъ войска свои и направился къ Луаре, гдѣ находился тогда В. Готскій король Аларихъ II. И здѣсь Галло-Римское населеніе, жившее на югъ отъ Луары, во владѣніяхъ В. Готовъ, открыто приняло сторону Хлодовига. Григорій Турскій, указывая на существованіе сильной партіи, подготовившей торжество Франковъ въ Толузанскомъ королевствѣ, говоритъ: „многіе Галлы начали сильно желать распространенія господства Франковъ. А вслѣдствіе того епископъ города Родеца, (Rodez, страна прежнихъ Галльскихъ Ruteni) Квинтіанъ, былъ изгнанъ, какъ приверженецъ Франковъ; ему говорили: „вотъ тебѣ за твое желаніе, чтобы владычество Франковъ простиралось надъ этой страной." Изгнанный епископъ нашелъ убѣжище въ Клермонѣ, у св. Евфразія. Очевидно, что Квинтіанъ былъ не единственнымъ человѣкомъ, сочувствовавшимъ Франкамъ и желавшимъ ихъ господства въ странѣ.

Только что Хлодовигъ вступаетъ на землю В. Готовъ, какъ начинаются, по словамъ Григорія Турскаго, чудеса. Прибывъ съ войскомъ къ берегамъ Віенны, онъ не зналъ, гдѣ перейти эту рѣку, которая въ то время разлилась вслѣдствіе сильныхъ дождей;

но ночью Хлодовикъ молился Господу и просилъ его указать путь, гдѣ перейти; и вотъ утромъ лань, росту выше обыкновеннаго, руководимая Богомъ, на глазахъ всѣхъ вошла въ рѣку и, перейдя въ бродъ, указала народу, гдѣ ему пройти. При войскѣ въ Пуатье, король, находясь еще вдали, изъ своей палатки замѣтилъ огонь, который, поднявшись отъ базилики св. Иларія, какъ будто направился на него, казалось, обозначая тѣмъ, что съ помощью наставленій блаженнаго Иларія, онъ легче одержитъ побѣду надъ еретическими войсками.

Побѣда, одержанная Хлодовикомъ при Вуллонѣ x), положила (Аларихъ II палъ въ битвѣ;) конецъ существованію Тулузскаго царства. В. Готы удалились въ Испанію и центръ королевства ихъ былъ перенесенъ въ Толедо; образовалось Толедское царство, составляющее II-й періодъ исторіи В. Готовъ xx).

Итакъ, владѣнія Хлодовика распространились до р. Гаронны. Въ Галліи былъ бы уничтоженъ всякій слѣдъ В. Готовъ, если бы у нихъ не имѣлся могущественный союзникъ и единоплеменникъ и единовѣрецъ - Теодерихъ О. Готскій, съ помощью котораго они удержали за собой часть Прованса и отняли у Бургундовъ захваченную ими Нарбонну.

Особенный интересъ представляетъ столкновеніе этихъ 2-хъ личностей, столь сходныхъ по стремленіямъ своимъ, столь различныхъ по характеру и нравственнымъ качествамъ - Хлодовика и Теодериха Великаго.

Съ одной стороны - гуманныя стремленія Теодериха, его желаніе объединить Германскія племена, его увлеченіе къ Римской civitas, его задача примирить Римскую культуру съ варварскимъ міромъ и - полный неуспѣхъ во всѣхъ его начинаніяхъ; съ другой - человѣкъ съ военными низкими, грубыми, ре-

---

x) Voullon на югѣ отъ Пуатье, а не при Vouglé или Vouillé, какъ переводили прежде латинское выраженіе: in campo Vogladise.

xx) Существовало до появленія окончательно уничтожившихъ его Арабовъ.

альными качествами, рѣшающій туманную задачу Теодериха безъ всякаго труда, единственнымъ эффектомъ принятія православія, человѣкъ, гораздо менѣе достойный высокой роли объединителя, чѣмъ знаменитый Остготскій король.
Но объединитель Хлодовикъ былъ все же варварскій конунгъ и для него весьма важно было признаніе легальности его власти, санкція Рима-имперіи, предъ идеей которой не переставали преклоняться варвары. Скоро послѣ своей побѣды Хлодовикъ получилъ подобную санкцію. Говорятъ, впрочемъ, что онъ еще гораздо раньше былъ признанъ Византійскимъ императоромъ, какъ намѣстникъ въ Галліи. По этому поводу приводятъ уже письмо къ нему Ремигія Реймскаго: „важный слухъ дошелъ до насъ, что ты принялъ правленіе второй Бельгіи — secundae Belgicae x)". Въ этомъ письмѣ видятъ какъ бы доказательство того, что къ Хлодовику обращаются какъ къ легальному чиновнику получившему управленіе — administrationem — отъ Римской власти. ~~Есть даже~~ Извѣстна, какъ теорія, развитая французскимъ ученымъ, аббатомъ Дюбо (Dubos) и теперь поддерживаемая Fustel de Coulang'емъ, говоритъ даже, что Хлодовикъ былъ только уполномоченный Римомъ начальникъ дружины. Очевидно, что смотрѣть на Хлодовика только какъ на предводителя дружины на службѣ у Рима, — преувеличеніе. Дѣйствуя совершенно самостоятельно, онъ только признавалъ и уважалъ подобно инымъ другимъ варварскимъ конунгамъ, святость и продолжающееся существованіе Римской имперіи. Доказательство этого мы можемъ видѣть въ той радости, которую выказалъ онъ, самостоятельный германскій конунгъ, получивши отъ Византійскаго императора Анастасія титулъ консула, какъ говоритъ Григорій Турскій. „Хлодовикъ получилъ въ это время отъ императора Анастасія грамо-

x) secundae Belgicae — остроумная поправка, сдѣланная французскимъ ученымъ Huillard-Breholles, вмѣсто прежде читаемыхъ, не имѣвшихъ смысла словъ secundum reipublicae. (Срв. выше.)

мокъ, титулъ консула и облеченный, въ базиликѣ св. Мартина, въ пурпуровую тунику и хламиду, возложилъ на свою голову корону; потомъ, сѣвъ на лошадь, онъ собственной рукой и съ большою щедростью раздавалъ золото и серебро народу, стоявшему по дорогѣ, отъ двора базилики св. Мартина до городской церкви." (II, 28.)

Впрочемъ, свидѣтельство Григорія Турскаго о дарованіи Хлодовигу званія консула не совсѣмъ точно; мы имѣемъ списокъ консуловъ за послѣднее время и не встрѣчаемъ тамъ имени Хлодовига; вмѣстѣ съ тѣмъ въ прологѣ Салическаго закона онъ названъ проконсуломъ. Лучше думать, что онъ получилъ именно этотъ послѣдній титулъ, дѣйствительно даваемый правителямъ провинцій Римскимъ императоромъ. Сверхъ того, хламида и діадема суть знаки патриціанскаго достоинства; очень вѣроятно, что императоръ Анастасій, желая санкціонировать пріобрѣтенную силою оружія власть, даровалъ Хлодовигу, кромѣ званія проконсула, еще титулъ патриція Римскаго.

Такимъ образомъ, Хлодовигъ является законнымъ правителемъ и по отношенію ко всему Галло-Римскому населенію, хотя все еще продолжаетъ называть себя rex Francorum, а не Romanorum и довольствуется только указаніемъ на то, что онъ vir illuster - патрицій Римской имперіи. Признавать Хлодовига простымъ слугою императора Римскаго было бы преувеличеніемъ; но все таки видно, что и онъ, подобно другимъ варварамъ, преклонялся передъ величіемъ имперіи и желалъ освятить свои военные успѣхи признаніемъ со стороны высшаго авторитета, ея главы - императора.

Послѣ подчиненія же почти всей Галліи*), Хлодовигу оставалось только присоединить къ своему королевству владѣнія Рипуарскихъ Франковъ и тѣ мелкія отдѣльныя об-

*) Кромѣ Бургундскаго королевства, присоединеннаго при его сыновьяхъ.

ласти, которыя были еще независимы отъ него между Сали-
ческими Франками. О присоединеніи королевства Сигибер-
та Рипуарскаго Григорій Турскій передаетъ намъ слѣду-
ющій разсказъ: „Хлодовигъ, бывши въ Парижѣ, послалъ
тайно сказать сыну Сигиберта: „вотъ, отецъ твой старъ
и хромаетъ на больную ногу; если бы онъ умеръ, его коро-
левство принадлежало бы тебѣ по праву, также какъ и
наша дружба." Хлодерикъ, вовлеченный въ соблазнъ честолю-
біемъ, рѣшилъ убить отца. Сигибертъ какъ-то вышелъ изъ
Кельна и, переправившись черезъ Рейнъ, чтобы погулять въ Буконскомъ
лѣсу (Виссонія, въ Гессенѣ, на Фульдѣ), заснулъ въ полдень
въ своей палаткѣ; сынъ подослалъ къ нему убійцъ и убилъ
его, въ надеждѣ, что будетъ обладать королевствомъ; но,
по суду Божію, онъ упалъ самъ въ ровъ, который ископалъ
злодѣйски отцу своему. Онъ отправилъ къ Хлодовигу пос-
ловъ, извѣстить его о смерти отца и сказать ему: „Отецъ
мой умеръ и въ моей власти всѣ его сокровища и его коро-
левство. Пришли ко мнѣ кого либо изъ твоихъ, и я охотно
передамъ тебѣ изъ нихъ то изъ сокровищъ его, что тебѣ
понравится." Хлодовигъ отвѣчалъ: „Я очень благодаренъ
тебѣ за твое доброе намѣреніе и прошу тебя только по-
казать свои сокровища моимъ посланнымъ, а затѣмъ
ты будешь владѣть ими всѣми безраздѣльно." И вотъ
Хлодерикъ показалъ свои сокровища присланнымъ къ нему
людямъ Хлодовига. Когда они ихъ разсматривали, онъ ска-
залъ: „Въ этотъ сундукъ отецъ мой обыкновенно собиралъ
золотыя монеты." Они (послы) сказали ему: „Опусти руку
твою до дна, чтобы найти все." Когда онъ сдѣлалъ это
и совсѣмъ наклонился, одинъ изъ посланныхъ поднялъ сѣки-
ру (віреннетъ) и разрубилъ ему черепъ; такимъ образомъ не-
достойный подвергся тому, что совершилъ противъ своего
отца. Когда услышалъ Хлодовигъ, что убитъ Сигибертъ и
сынъ его, онъ пришелъ въ тотъ же городъ и, собравъ народъ,
сказалъ ему: „Послушайте, что случилось. Пока я плылъ

по Шельдѣ, Хлодерихъ, сынъ моего родственника, мутилъ своего отца, говоря, что я хочу убить его. Когда Сигиберта вышелъ черезъ Бухонскій лѣсъ, Хлодерихъ подослалъ убійцъ, которые умертвили отца его; самъ онъ былъ убитъ, не знаю кѣмъ, въ то время, когда открывалъ отцовскія сокровища. Я нисколько не участвовалъ во всемъ этомъ. Я не могу проливать кровь своихъ сродниковъ, потому что это запрещено; но такъ какъ это уже случилось, я даю вамъ совѣтъ: послѣдуйте ему, если онъ вамъ кажется угоднымъ: обратитесь ко мнѣ, станьте подъ мое покровительство. Народъ отвѣчалъ на эти слова рукоплесканіями и ударами щитовъ (plaudentes tam parmis quam vocibus,) и, поднявъ его на щитъ, провозгласили его королемъ. Хлодовикъ получилъ такимъ образомъ королевство и сокровища Сигиберта и соединилъ его подданныхъ подъ своею властью."

Послѣ этого разсказа слѣдуетъ знаменитое замѣчаніе Григорія Турскаго: „Prosternebat enim quotidie Deus hostes ejus sub manu ipsius et augebat regnum ejus, eo quod ambularet recto corde coram eo et faceret quae placita erant in oculis ejus“ - Ибо Богъ ежедневно покорялъ враговъ подъ руку его, такъ какъ онъ ходилъ правымъ сердцемъ предъ Нимъ и и исполнялъ то, что угодно было предъ очима его." Замѣтка эта особенно характеристична въ устахъ христіанскаго писателя, отца церкви, такъ какъ она слѣдуетъ сейчасъ же за разсказомъ о злодѣйскихъ поступкахъ Хлодовика. Многіе старались устранить эту замѣтку толкованіемъ, что частица „ибо“ здѣсь имѣетъ другое значеніе. Но очевидно, что Григорій Турскій прощаетъ Хлодовику, какъ оказавшему важныя услуги христіанской церкви, даже и такія злодѣянія.

Объединивъ подъ своею властью Галлію, Салическихъ и Рипуарскихъ Франковъ, Хлодовикъ соединилъ такимъ образомъ въ государствѣ своемъ и Галло-Римскій, и варварскій элементъ, такъ какъ владѣнія Рипуарскихъ Франковъ

~~Хлодовикъ соединилъ такимъ образомъ въ государствѣ своемъ и Галло-Римскій, и варварскій элементъ, такъ какъ владѣнія Рипуарскихъ Франковъ~~ простирались далеко вглубь самой Германіи. Если бы онъ управлялъ только Галліей, то безъ сомнѣнія, его собственные подданные и соотечественники должны были бы скоро романизироваться и прочнаго взаимодѣйствія двухъ элементовъ - галло римскаго и варварскаго - не могло бы быть. Но, благодаря тому, что въ составъ новаго королевства вошла будущая Австразія, нѣмецкій элементъ основался здѣсь прочно и не могъ уничтожиться; съ другой стороны - присутствіе нѣмецкаго элемента сообщило большую прочность и франкскому королевству, постоянно имѣвшему возможность черпать новыя силы изъ внутренней Германіи. Изъ области Рипуарскихъ Франковъ произошла и новая династія Франкскихъ королей - Каролинги, водвореніе которыхъ на престолъ ознаменовалось приливомъ варварскаго населенія изъ Германіи.

Замѣтимъ между прочимъ, что есть другой разсказъ, близкій по происхожденію ко времени Хлодовика, изъ котораго мы видимъ, что образъ дѣйствій этого короля не одинаково разсматривался всеми христіанскими писателями. Въ житіи св. Элевферія (Acta SS. Bolland. 2 Febr.) говорится, что когда Хлодовикъ совершилъ убійство Сигиберта и его сына, то онъ пришелъ въ Турнэ, гдѣ въ это время находился Элевферій; послѣдній, обращаясь къ королю, прямо сказалъ ему: „я знаю, что ты будешь просить у меня чего-то". Но Хлодовикъ не признавался и только послѣ настояній Элевферія со слезами наконецъ разсказалъ ему о своемъ преступленіи и просилъ его молитвъ. Элевферій впродолженіе цѣлой ночи молился за преступнаго короля, и вотъ, когда онъ на другой день служилъ мессу, ангелъ принесъ ему съ неба и подалъ грамату, въ которой прописано было полное прощеніе грѣховъ Хлодовика.

Почти тѣмъ же способомъ, т. е. посредствомъ обмана и коварства, отдѣлался Хлодовикъ и отъ салическихъ владѣтелей -

Харариха и Рагнахара ×).

Еще во время войны съ Сіагріемъ, Харарихъ, призываемый на помощь Хлодовикомъ, держался въ сторонѣ и ожидалъ случая пристать къ тому, кто одержитъ побѣду. Въ отмщеніе за это, Хлодовикъ напалъ на него, успѣлъ хитростью окружить и взялъ въ плѣнъ съ сыномъ; потомъ, наложивъ на нихъ оковы, приказалъ обрѣзать волосы и сдѣлалъ Харариха священникомъ, а сына его діакономъ. Когда Харарихъ жаловался на такое униженіе и плакалъ, то, разсказываютъ, его сынъ сказалъ ему: „Эти вѣтви (т. е. волоса) были срѣзаны съ зеленаго дерева и не высохли совершенно; скоро они снова отростутъ и увеличатся. Дай Богъ, чтобы тотъ, кто это сдѣлалъ, умеръ также скоро!" Хлодовику показалось это угрозой отпустить себѣ волосы и умертвить его, и потому онъ приказалъ отрубить имъ головы обоимъ. Послѣ ихъ смерти, онъ овладѣлъ ихъ королевствами, сокровищами и народомъ.

Что касается короля Рагнахара, то Хлодовикъ не только убилъ его собственноручно, но еще кромѣ того обманулъ предавшихъ его вельможъ, подкупивъ ихъ поддѣльнымъ золотомъ вмѣсто настоящаго. Разсказываютъ, что когда они жаловались на это, то онъ сказалъ: „Нѣтъ никакого ущерба награждать поддѣльнымъ золотомъ того, кто добровольно предаетъ на смерть своего господина" и прибавилъ къ тому, что они должны быть довольны и тѣмъ, что имъ оставлена жизнь и не требовать вознагражденія за измѣну своему господину. Всѣ эти жестокости, совершенныя Хлодовикомъ уже послѣ принятія христіанства, показываютъ намъ, что оно не оказало на него въ нравственномъ отношеніи того вліянія, которое должно было бы оказать; но разсматривая дѣйствія его съ исключительно-политической точки зрѣнія, нельзя не согласиться, что они были весьма полезны для объеди-

---

×) Первый былъ королемъ одного колѣна Салическихъ франковъ, жившихъ около Теруанны, въ департаментѣ Па-де-Кале; второй — въ Камбрэ.

нія и усиленія Франкскаго государства, для сліянія Римской и варварской культуры, для достиженія той цѣли, къ которой такъ постоянно и такъ тщетно стремился Теодерихъ О. Готскій.

Въ 511 году Хлодовигъ умеръ. Мы оставимъ пока въ сторонѣ исторію его сыновей и обратимся къ явленіямъ внутренней жизни франкскаго государства.

Выше мы уже познакомились съ отношеніями къ побѣжденнымъ населеній Бургундовъ, Ост. Готовъ и другихъ варваровъ. Чтобы изучить то же самое и у Франковъ, необходимо обратиться къ разсмотрѣнію такъ называемаго Салическаго закона (Lex Salica).

Разбирая законодательства различныхъ варварскихъ государствъ (leges barbarorum) мы разсматривали ихъ съ точки зр. преимущественно только раздѣла земель и отношенія къ побѣжденнымъ Римлянамъ. Но Франкское государство, объединившее варварскіе элементы, единственное прочное и долговѣчное владѣніе варваровъ, необходимо требуетъ болѣе подробнаго изученія нѣкоторыхъ сторонъ его соціальнаго и государственнаго устройства. Подробности этого устройства и можемъ мы найти въ Салическомъ законѣ.

Для знакомства съ происхожденіемъ его, лучше всего привести прологъ этого закона x).

Существуютъ два пролога: болѣе краткій (Prologus minor) и болѣе подробный (Prologus major), который, вопреки мнѣнію Гизо, долженъ быть признанъ древнѣйшимъ. Онъ дѣлится на 4 части; 1я и 3я содержатъ похвалы франкамъ; 2я и 4я и-

---

x) Для болѣе подробнаго знакомства съ характеромъ Салическаго закона, можно было бы рекомендовать тѣ же лекціи Guizot; но многія представленія и теоріи его въ настоящее время уже устарѣли. Изслѣдованія новѣйшихъ нѣмецкихъ ученыхъ — Waitz'a и др. бросаютъ совершенно новый свѣтъ на это знаменитое законодательство.

мѣютъ историческое содержаніе. Предполагаютъ, что первая и третья часть пролога первоначально были даже написаны стихами.

Вотъ что говорится въ этомъ прологѣ:

I. „Народъ Франковъ, знаменитый, основанный Богомъ, сильный оружіемъ, твердо хранящій мирныя условія, глубокомысленный въ совѣтахъ, благородный тѣломъ, красивый лицомъ, смѣлый, проворный и жестокій (asper), обращенный въ католическую вѣру, незапятнанный ересью; когда еще онъ былъ въ варварской вѣрѣ, то, божественно вдохновенный, уже искалъ ключъ познанія, согласно природѣ своихъ свойствъ, стремясь къ справедливости и охраняя благочестіе.

Согласно этому стремленію, народъ этотъ продиктовалъ (составилъ - dictaverunt, hat verfasst) салическій законъ черезъ вельможъ (proceris ipsius gentis) народа, которые были тогда его правителями. Изъ многихъ были выбраны четыре человѣка: Визогастъ, Бодогастъ, Салегастъ, Видогастъ, въ мѣстахъ, называвшихся Сальгамъ, Бодогамъ, Видогамъ. Эти люди, собравшись на три вѣча, (mallum) обсудили тщательно всѣ причины тяжбъ, разбирая каждую въ отдѣльности и опредѣлили такъ, какъ слѣдуетъ ниже."

II. „Потомъ, когда съ помощью Божіей, Хлодовикъ, длинноволосый, красивый, знаменитый король Франковъ первый принялъ католическое крещеніе, то все, что въ этомъ договорѣ показалось негоднымъ, было явственно исправлено знаменитыми проконсулами и королями (per proconsules regis) Хлодовикомъ, Хильдебертомъ и Хлотаремъ."

III. „Да здравствуетъ Христосъ, любящій Франковъ! (Vivat Christus, quid diligat Francos!). Да охраняетъ онъ ихъ королевство и да преисполняетъ ихъ вождей свѣтомъ своей благодати! Да покровительствуетъ онъ ихъ войску, да ниспосылаетъ имъ знаменія въ засвидѣтельствованіе ихъ вѣры, радость, миръ и счастье; да направляетъ Господь Іисусъ на стезю благочестія царства властителей!"

IV., Ибо это есть тотъ народъ, который, будучи храбрымъ и сильнымъ, свергъ жесточайшее иго Римлянъ въ бои своей оружіемъ (pugnando) и который, признавши святость крещенія, украсилъ золотомъ и драгоцѣнными камнями тѣла св. мучениковъ, сожигавшихся у Римлянъ огнемъ, умерщвлявшихся железомъ или бросаемыхъ на растерзаніе дикимъ звѣрямъ."

Въ настоящее время полагаютъ, что первая редакція Салическаго закона была сдѣлана въ то время, когда король Хлодіонъ распространилъ свои завоеванія до Арденнскаго лѣса, слѣдовательно, когда Франки жили еще въ Бельгіи. Подъ именемъ четырехъ правителей, избранныхъ Франками для составленія закона, должно подразумѣвать сотенныхъ начальниковъ, центенаровъ, такъ какъ и у Франковъ существовало исконное Германское дѣленіе на сотни. Эти 4 избранные правителя, какъ говорится въ прологѣ собирали народные вѣче, очевидно, для того, чтобы распросить знающихъ людей объ обычаяхъ и способѣ рѣшать различныя дѣла. Слѣдовательно, законоположеніе это не было вновь изобрѣтеннымъ, а только приводило въ ясность юридическое сознаніе народа, кодефицировало давно-сложившееся право. Послѣ составленія этого законодательства, необходима была санкція его и народные вѣче снова собирается для того, чтобы утвердить и освятить своимъ согласіемъ новую правду.

Относительно древности Салическаго закона, необходимо безусловно принять тѣ показанія, которыя находятся въ прологѣ: Всѣ новѣйшія изслѣдованія совершенно согласны въ томъ, что древность возникновенія этого законодательства подтверждается по историческимъ содержаніямъ.

И такъ, первая редакція его должна быть отнесена къ половинѣ V вѣка; второй же пересмотръ, при Хлодовикѣ, — къ 506 году. Слѣдующія, несложные, важныя редакціи его, принадлежатъ уже Пипину и Карлу Великому.

Прежде чѣмъ перейти къ характеристикѣ содержанія Салическаго закона, скажемъ нѣсколько словъ о такъ называемыхъ Мальбергскихъ глоссахъ.

Текстъ Салическаго закона - латинскій - иногда прерывается отдѣльными, весьма странными словами, изъ которыхъ каждое кромѣ того имѣетъ замѣтку „Малъ.", очевидно, указывающую, что оно имѣетъ какое-то отношеніе къ народной сходкѣ*). Одинъ разъ встрѣчается только цѣлая фраза: „Theulezaca is malathezaca, atba tezaca, atba othonia". Ученые много разсуждали и спорили о томъ, на какомъ языкѣ были написаны эти слова. Кельтоманы утверждали, что это слова кельтскія и что если самый законъ былъ изданъ не для кельтовъ, то по крайней мѣрѣ глоссы были необходимы для поясненія нѣкоторыхъ статей законодательства именно кельтамъ. Особенно горячо защищалъ это мнѣніе Лео. Гриммъ первый доказалъ, что это были нѣмецкія слова, но и послѣ этого все таки ученые пришли къ невѣрнымъ выводамъ; говорили, что законодательство было написано на франкскомъ языкѣ и что, слѣдовательно, нѣмецкія слова суть остатокъ первоначальнаго текста. Въ настоящее время принято, что эти непонятныя, отдѣльныя слова были ничто иное, какъ техническіе и обрядные термины. Намъ уже извѣстно, что всякій, обвиняющій кого либо въ покражѣ или какомъ другомъ преступленіи, долженъ былъ обращаться къ нему съ извѣстными обрядовыми выраженіями; безъ исполненія этого условія процессъ былъ проигранъ. Поэтому то для людей, которые должны были пользоваться законами и вставлялось въ извѣстныхъ мѣстахъ обыкновенно только начальное слово извѣстной обрядовой формулы или краткаго выраженія, опредѣляющаго сущность преступленія и качество слѣдующаго за оное наказанія. Такъ, вышеприв

*) Malberg - мѣсто, гдѣ собиралась сходка.

ченная фраза, означающая въ переводѣ: „похищеніе раба есть похищеніе коровы: равна вина, равно и наказаніе" — представляетъ одну изъ подобныхъ, имѣющихъ опредѣленное значеніе, обрядовыхъ формулъ.

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію самаго содержанія Салическаго закона ж).

Всматриваясь ближе въ это, наиболѣе древнѣйшее германское законодательство, мы видимъ, что въ сущности это законъ уголовный, ученіе о наказаніяхъ, что уголовное право занимаетъ въ немъ первое мѣсто, почти даже все мѣсто. Политическое право является тамъ только косвенно, въ намекахъ на учрежденія и на явленія, которыя разсматриваются, какъ уже существующія и которыя законъ не имѣетъ цѣлью ни утверждать, ни даже высказывать. Что касается гражданскаго права, то оно заключаетъ нѣкоторыя болѣе точныя распоряженія, существенно обязательныя и установленныя съ намѣреніемъ. Точно также и въ уголовномъ судопроизводствѣ. Въ отношеніи судопроизводства уголовнаго, салическій законъ предполагаетъ почти все уже извѣстнымъ, установленнымъ: онъ только пополняетъ нѣкоторые пробѣлы, уясняетъ въ извѣстныхъ случаяхъ обязанности судей, свидѣтелей и проч.; здѣсь господствуетъ карательный элементъ; онъ, очевидно, имѣетъ цѣлью уменьшить преступленія и устрашить наказаніями. Это — кодексъ уголовный; въ немъ 343 статьи уголовныхъ и только 65 по всѣмъ другимъ предметамъ. Какъ увидимъ ниже, мы только косвеннымъ образомъ можемъ почерпнуть изъ этого законодательства свѣдѣнія о сословномъ раздѣленіи франковъ и о правахъ каждаго сословія.

Предусмотрѣнныя салическимъ закономъ преступленія весьма не сложны; всѣ они почти подводятся подъ два главные класса: кража и насиліе противъ лицъ. Изъ 343 статей уголов-

---

ж) Смотри. Wiarda. Histoire et explication de la loi salique. Brême. 1808.

наго права; 150 относятся къ случаямъ воровства, и въ томъ числѣ 74 статьи предвидятъ и наказываютъ покражу животныхъ, а именно: 20 - покражу свиней; 16 - лошадей; 13 - буйволовъ быковъ и коровъ; 7 - овецъ и козъ; 4 - собакъ; 7 - птицъ и 7 - пчелъ. Законъ входитъ по этому предмету въ самыя мелочныя подробности; преступленія и наказанія разнообразятся, смотря по возрасту, полу, числу украденныхъ животныхъ, мѣсту и времени кражи и проч. Случаи насилія противъ лицъ занимаютъ 113 статей, изъ которыхъ 30 по одному только дѣлу убійства, которое также предвидится во всемъ своемъ разнообразіи.

Этотъ основной составъ Салической правды весьма характеристиченъ; онъ даетъ намъ возможность судить о состояніи тогдашняго общества и уровнѣ его развитія; несложность преступленій показываетъ намъ, что законодательство принадлежитъ мало развитому, несложному обществу. Обращая вниманіе на уголовные кодексы другихъ эпохъ, мы видимъ, что роды преступленій въ нихъ гораздо разнообразнѣе и въ каждомъ родѣ классификація отдѣльныхъ случаевъ гораздо менѣе подробна; въ одно и то же время замѣтны и болѣе разнообразные факты, и болѣе общія идеи.

Также ясно обнаруживаютъ это законодательство, что общество того времени было грубо и необуздано, что безпорядокъ въ личной волѣ и личныхъ силахъ доходитъ до крайней степени, что никакая общественная власть не предупреждаетъ ихъ необузданности, что безопасность человѣка и собственности ежеминутно стоятъ на краю погибели. Такое отсутствіе всякаго стремленія обобщить частные случаи, привести преступленія къ ихъ простому и общему характеру свидѣтельствуетъ въ то же время о маломъ интеллектуальномъ развитіи и о торопливости законодателя. Онъ беретъ, такъ сказать, на мѣстѣ преступленія каждое дѣйствіе, каждый случай воровства, насилія, чтобы тутъ же опредѣлить ему наказаніе. Будучи самъ грубъ, онъ

борется съ людьми грубыми и умѣетъ одно только — вносить новую статью закона при каждомъ случаѣ, когда только совершается преступленіе, хотя бы оно было мало отлично отъ тѣхъ, которыя уже были указаны.

Что касается до наказаній, опредѣляемыхъ салическимъ закономъ, то они, при первомъ взглядѣ, поражаютъ своей мягкостію. Это законодательство, которое въ случаяхъ преступленія раскрываетъ столь необузданные нравы, вовсе не заключаетъ въ себѣ суровыхъ наказаній. Оно не только не сурово, но даже имѣетъ повидимому, къ личности и свободѣ людей особенное уваженіе, хотя только тогда, когда дѣло идетъ о людяхъ свободныхъ; если же дѣло коснется рабовъ или даже колоновъ, то законодательство изобилуетъ пытками и смертными казнями.

По отношенію къ Франкамъ и свободнымъ Римлянамъ, единственная пеня, внесенная въ салическій законъ, есть вира (Wehrgeld*) [имущественный выкупъ] на ряду съ которой стоитъ то, что германскіе законы называютъ freda (отъ Friede - миръ) - сумма, платимая королю или магистрату, какъ вознагражденіе за нарушеніе общественного спокойствія. Этимъ ограничивается карательная система закона; кромѣ нѣкоторыхъ исключительныхъ случаевъ, нѣтъ смертной казни, въ прочемъ нѣтъ пытки.

Существованіе такого рода мягкихъ наказаній подало поводъ къ весьма высокому мнѣнію о варварахъ со стороны ученыхъ, особенно, со стороны Германцевъ; люди, обладавшіе рѣдкими познаніями и умомъ, были поражены тѣмъ уваженіемъ къ личности и свободѣ человѣка, которое обнаруживается въ вирѣ, какъ въ наказаніи.

Дѣйствительно, вира предполагаетъ и требуетъ признанія

---

*) Вѣрно, впрочемъ, замѣтить, что выраженіе „Wehrgeld" въ салическомъ законѣ еще не встрѣчается; вмѣсто него употребляется выраженіе „leodis".

своей виновности со стороны обидчика; она есть съ его стороны какъ бы свободный актъ; онъ можетъ отказаться отъ нея и подвергнуться опасностямъ личной мести обиженнаго. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя обойти молчаніемъ и то, что вира не всегда исключаетъ месть и не всегда является какъ доказательство обширности личной свободы человѣка. Если свободный выборъ и имѣетъ здѣсь мѣсто, то все же свобода эта близко граничитъ съ насиліемъ, съ произволомъ, да и самый выборъ между пеней и опасностью мести слишкомъ ограниченъ.

Приведемъ нѣкоторыя статьи Салическаго закона. Остановимся прежде всего на статьяхъ объ убійствѣ, весьма важныхъ потому, что изъ нихъ, хотя косвеннымъ образомъ, но все же мы можемъ усмотрѣть сословное дѣленіе Франковъ и права каждаго отдѣльнаго изъ классовъ общества.

Tit XLI. Объ убійствѣ свободнорожденныхъ людей.

1) Если кто либо убьетъ свободнаго Франка, или варвара, живущаго по Салическому закону, и это будетъ доказано, то онъ долженъ уплатить 8000 денаріевъ или 200 солидовъ золота.x)

2) Если тѣло его бросятъ въ колодезь, или въ огонь, или скроютъ подъ сухими или зелеными вѣтвями, съ цѣлью скрыть преступленіе, то вира равняется 24000 денаріямъ или 600 солид.

3) Если кто либо убьетъ человѣка, находящагося in truste dominica, королевскаго антрустіона (Antrustion - гость короля, лицо, возведенное въ высшія должности двора короля Франковъ), то обязанъ заплатить 600 солидовъ.

4) Если тѣло его скрыто было подъ вѣтвями или брошено въ огонь или воду, то вира увеличивается до 1800 солидовъ.

5) Если кто либо убьетъ Римлянина, сотрапезника короля (Romana homine, conviva reges) то онъ повиненъ уплатить

x) Изъ 1 ₶. золота чеканилось 72 солида (слѣд. каждый равнялся около 4 руб.) цѣнность его со временемъ все болѣе и болѣе уменьшалась и сообразно съ тѣмъ сокращалось и самое слово (sold) такъ что въ концѣ концовъ оно

12000 денаріевъ или 300 солидовъ.
6) Если убитый будетъ только простой Римскій поссессоръ, то вира за смерть его равняется только 100 солид.
За Римлянина, слѣдовательно, какъ за антрустіона, такъ и за простого поссессора, вира полагается въ половину меньше, чѣмъ за Франка.
7) Если кто либо убьетъ Римлянина трибутарія, то обязанъ уплатить 63 солида.
Очевидно, что здѣсь содержатся и указанія на различіе сословій и вмѣстѣ съ тѣмъ на общественное положеніе каждаго изъ нихъ.
Tit XIX. Объ увѣчьяхъ.
1) Если кто либо покушался на жизнь другого, но намѣреніе его не удалось или кто либо имѣлъ намѣреніе пронзить другого стрѣлой, намазанной ядомъ и не попалъ въ него, то платитъ 62½ солида.
2) Если кто либо ранитъ другого въ голову, такъ что кровь прольется на землю, то обязанъ уплатить 15 солидовъ.
4). Если рана дошла до мозга и выпало три куска черепа, то виновный долженъ уплатить 45 солидовъ.
7). Если свободнорожденный ударилъ палкой другого свободнорожденнаго, то зачинщикъ ссоры, если не пролита кровь, долженъ заплатить за каждый изъ трехъ первыхъ нанесенныхъ ударовъ по 3 солида.
Tit. XXIV. 1) Если кто убьетъ отрока до десяти лѣтъ, то пеня равняется 600 солидамъ.
2) Если кто либо ударитъ свободную беременную женщину и она умретъ, то платитъ 800 солидовъ.
3) Если кто убьетъ женщину, имѣющую дѣтей, то вира равняется 600 солидамъ.
4). Если кто либо убьетъ женщину, не имѣющую дѣтей, то платитъ только 200 солидовъ.
Особенно характеристично то, что относительно женщинъ, превратилось во французскі sou.

дѣтей и даже бѣдныхъ людей вира увеличивается, какъ будто въ этимъ законѣ желаютъ оказать имъ возможно большую защиту.

Tit. II, III, IV, занимающіяся опредѣленіемъ наказаній за похищеніе свиней, овецъ и друг. животныхъ, представляютъ гораздо менѣе интереса и потому мы не будемъ ихъ разсматривать.

Что касается уголовнаго судопроизводства, способа преслѣдованія и суда преступленій, то салическое законодательство весьма неполно и почти умалчиваетъ объ этомъ предметѣ; оно разсматриваетъ судебныя учрежденія, какъ фактъ, и не говоритъ ни о трибуналахъ, ни о судьяхъ, ни о формахъ судебнаго изслѣдованія.

Главнымъ образомъ здѣсь важны постановленія о соприсяжникахъ (conjuratores) и объ ордаліяхъ, изъ которыхъ упоминается только одна, а именно — судъ Божій посредствомъ котла съ кипящей водой.

|| Какъ уже намъ извѣстно, Самый же ходъ судебнаго процесса у Германцевъ вообще состоялъ въ томъ, что обвиняющій вызывалъ обвиняемаго въ mallum, въ собраніе свободныхъ людей общины (пага, сотни) и тамъ передъ судьями въ извѣстной формѣ произносилъ свое обвиненіе. Если онъ хотѣлъ, то могъ даже одинъ явиться на судъ, не вызывая отвѣтчика, и произнести это обвиненіе. Обвиняемый могъ тотчасъ же и не давать опредѣленнаго отвѣта, а попросить, чтобы дѣло было отложено до другой сходки, давъ при этомъ обѣщаніе — или очистить себя отъ обвиненія, или внести надлежащую виру. Уже на первой сходкѣ истецъ (обвиняющій) долженъ былъ подтвердить справедливость своихъ словъ клятвою, также высказанной въ опредѣленной формѣ.

На слѣдующемъ собраніи отвѣтчикъ имѣлъ право поступить двоякимъ образомъ: или внести виру, или очистить себя отъ обвиненія клятвою, но не одно лично, а съ соприсяжниками (conjuratores). При этомъ не было ни допроса, ни ро-

бора показаній, ни изслѣдованія дѣла въ собственномъ смыслѣ этого слова; conjuratores только подтверждали подъ присягой то, что обвиняемый, обыкновенно родственникъ ихъ, былъ достоинъ вѣры, они только свидѣтельствовали о достовѣрности (credulitas) его словъ вообще, не касаясь совершенно обстоятельствъ разбираемаго дѣла и не выставляя себя свидѣтелями. Послѣ этой присяги, обвиненный просто отрицалъ фактъ обвиненія, также не давая по этому поводу никакихъ объясненій или оправданій. Законодательство и опредѣляло именно наиболѣе важный пунктъ всего процесса: когда и какъ должна быть произнесена присяга къ доказательству правоты дѣла и вмѣстѣ съ тѣмъ какъ велико должно быть количество соприсяжниковъ; начиная отъ шести человѣкъ, число этихъ послѣднихъ иногда доходило даже до ста. Но такъ какъ иногда случалось, что обвиняющій въ первомъ собраніи произносилъ клятву, во второмъ же его слова также клятвенно отрицалъ обвиненный и его соприсяжниками, то въ подобныхъ случаяхъ прибѣгали къ ордаліямъ (Urtheil) къ суду Божію, иногда заканчивавшемуся просто въ полѣ, поединкомъ, иногда же назначалось испытаніе посредствомъ котла; оно состояло въ томъ, что руку испытуемаго опускали въ кипятокъ и заставляли его продержать ее тамъ въ продолженіе извѣстнаго времени. Потомъ рука перевязывалась и если черезъ нѣсколько дней она заживала, то испытуемый былъ оправданъ.

Обратимся теперь къ разбору тѣхъ свѣдѣній относительно политическаго быта Франковъ, которые доставляетъ намъ lex Salica.

Относительно раздѣленія сословій слѣдуетъ замѣтить, что все населеніе состоитъ только изъ людей свободныхъ и рабовъ. Салическая правда не представляетъ намъ никакихъ указаній на то, что существовало привилегированное, дворянское сословіе. Между тѣмъ извѣстія, оставленныя намъ Тацитомъ, свидѣтельствуютъ объ исконномъ

существовании у Германцевъ этого, пользовавшагося особымъ почетомъ сословія. Почему не было его у Франковъ - неизвѣстно; нѣкоторые ученые полагаютъ, что раньше, до Хлодовига, у Франковъ было родовое дворянство, но оно было истреблено въ борьбѣ съ Хлодовигомъ и его предшественниками, подобно тому, какъ истреблены были имъ королевскіе роды. Итакъ, за неимѣніемъ дворянства, на первомъ мѣстѣ стоятъ: I) свободные Франки, отличающіеся отъ рабовъ большею вирою, которая равняется 200 солидамъ. Относительно участія въ общихъ дѣлахъ, должно замѣтить, что оно основывалось не на землевладѣніи, какъ то думалъ Вайцъ (Waitz), но на личной свободѣ: каждой свободный человѣкъ имѣлъ право участвовать въ сходкѣ. Мнѣніе Вайца должно быть оставлено, уже потому, что ибо землевладѣніе у Франковъ въ эту пору не дошло еще до начала личной собственности, но, какъ показываютъ нѣкоторыя статьи изъ lex Salica x) было еще общиннымъ. Марка была коллективнымъ владѣніемъ; вогоны, пастбища принадлежали тоже общинѣ. Впрочемъ, это относится только ко времени Хлодовига и раньше его: позднѣе, при столкновеніи съ римскимъ землевладѣніемъ, принципъ общинной собственности не удержался; подъ вліяніемъ Римлянъ разложился древній бытъ Франковъ также, какъ разложился онъ и у Бургундовъ и Вест-Готовъ. Переходъ отъ свободныхъ къ рабамъ составляли леты (leten, liden) которые по названію напоминаютъ римскихъ лэтовъ. Но прямой связи между тѣми и другими нѣтъ. Римскіе лэты, какъ уже извѣстно, были люди, поселяемые на государственной землѣ съ цѣлью участія въ войнахъ

---

x) Такъ напр. статья о томъ, что никто не можетъ быть принятъ въ извѣстную деревню (villa) безъ согласія всѣхъ членовъ, статья о наслѣдствѣ, по которой наслѣдовать могли только мущины и проч.

и разработки земли (военныя поселенія).

Франкскіе же леты были люди лично свободные, но не имѣющіе земли, а получающіе ее отъ хозяина и обрабатывающіе на правахъ арендаторовъ. Они имѣютъ виру, равную половинѣ виры свободнаго. Сюда же относятся и королевскіе отроки (pueri reges), люди, состоящіе на службѣ у короля. Какъ тѣ, такъ и другіе не считались вполнѣ свободными: чтобы сдѣлать лита свободнымъ, надъ нимъ надо было произвести обрядъ эманципаціи.

II.) Галло-Римское населеніе: a) Possessores (землевладѣльцы) имѣвшіе половину виры свободнаго Франка. Впослѣдствіи, при расширеніи завоеваній Франковъ, число possessores увеличилось; они стали пользоваться всѣми правами свободныхъ; но вира осталась тою же.

в.) Ниже стоятъ римскіе трибутаріи, колоны, прикрѣпленные къ землѣ еще въ Римское время и обязанные платить оброкъ. Вира ихъ равняется 62½ солид.

На равнѣ съ летами являются рабы; они были двоякаго происхожденія: обращенные въ рабство еще при Римлянахъ и рабы, принадлежавшіе собственно Германцамъ. Вира ихъ - 30 солидовъ и равняется вирѣ за коня и рабочій скотъ (Si quis servum, aut cavallum, aut iumentum furaverit - solidos 30 culpabilis judicetur). Бракъ свободнаго съ рабомъ строго запрещался: результатомъ его была потеря свободы.

Народъ жилъ въ селахъ, занимался преимущественно скотоводствомъ, земледѣліемъ, а также рыбною ловлею и охотою. Есть указанія на золотые промыслы x) и винодѣліе.

Кромѣ этихъ свѣдѣній о раздѣленіи на сословія, lex Salica сообщаетъ намъ нѣкоторыя подробности и о тогдашней администраціи Франковъ.

Во главѣ администраціи стоялъ король и его чиновники.

---

x) Въ Турнэ, кромѣ множества золотыхъ и серебряныхъ монетъ Римскаго чекана, были найдены золотыя украшенія гробницы.

x) Тац. въ 38 гл. Герм. гов. что у друг. герм. длинн. вол. вообще б. признак благор. происх. У фр. это был. исключ. призн. кор. дост. фам. Меровинг.

ни разумъ существовали и народное управленіе въ лицѣ народныхъ представителей. Во главѣ управленія стоитъ королевская фамилія Меровинговъ (reges criniti — длинноволосые короли)x). У Рипуарскихъ Франковъ былъ свой королевскій родъ. Но король не единственный носитель власти: онъ долженъ обращаться къ народу; такъ называемыя Мартовскія (впослѣдствіи Майскія) поля были не только военными смотрами, какъ это можно заключить изъ словъ Григорія Турскаго x), но и нар. сходками. Зомъ (Sohm) сравниваетъ ихъ съ центуріатскими собраніями Рима; на нихъ разбирались и гражданскія дѣла, какъ напр. освобожденіе рабовъ. Это заключеніе Зомъ выводитъ изъ статьи lex Salica, по которой Франкъ, убитый in hoste (т. е. на военномъ собраніи) получаетъ тройную виру. Прежде это объясняли тѣмъ, что Франкъ на Мартовскомъ полѣ является спутникомъ короля, членомъ его дружины (Heerfolge), что поднимаетъ его значеніе. Но здѣсь, очевидно, причина другая, потому что королевскій чиновникъ, уже самъ по себѣ имѣющій двойную виру, будучи убитъ in hoste, получаетъ виру еще большую. Основаніе этой статьи по мнѣнію Sohm'а то же самое, по которому и убійство въ сотенномъ собраніи ведетъ за собою утроеніе виры; подобно сотенному, народное собраніе, составляющее главное выраженіе народной власти, являясь учрежденіемъ священнымъ, возвышаетъ значеніе при-

(на полях: на нихъ избир. и возвод. для оков[?] вуговъ[?] обсужд. (рады) на которыхъ распр. далось государ.)

x) Воины Хлодовиха похитили во время войны изъ одной церкви чашу, необыкновенной величины и красоты, вмѣстѣ съ другими церковными украшеніями. Епископъ этой церкви отправляетъ посольство къ королю, прося, если онъ не можетъ возвратить другихъ священныхъ сосудовъ, то по крайней мѣрѣ пусть возвратитъ ту чашу. На слова посланнаго, король отвѣтилъ: „Иди за мной въ Суассонъ, потому что тамъ будетъ произведенъ раздѣлъ добычи; и если эта чаша достанется на мою долю, то я охотно исполню просьбу св. отца. Прибывъ къ Суассону, король приказалъ разложить добычу посреди своихъ воиновъ и сказалъ: „Я прошу васъ, мои храбрые воины, уступить

F Вайцъ, впроч. въ посл. изд. св. Verfas-Gesch. не соглас. съ Sohm'омъ, разсужд. кот. въ данномъ случаѣ, здѣсь, довольно не 425. ясны. Для насъ особ важно то, что

нимающаго въ немъ участіе.[F] Собранія эти, очевидно, не могли удерживаться долго при усиленіи королевской власти; и дѣйствительно, мы видимъ, что впослѣдствіи они исчезаютъ. Обязанность короля заключается въ томъ, что онъ долженъ защищать народъ при помощи своихъ чиновниковъ. Кто ему не повинуется, лишается его помощи. Близость къ королю, какъ извѣстно изъ извлеченій Lex Salica (объ антрустіонахъ) увеличиваетъ виру. Къ королю можно было аппеллироватъ

мнѣ, кромѣ моей части, по крайней мѣрѣ вотъ эту чашу," и онъ указалъ на ту, о которой мы говорили. На эти слова, болѣе разсудительные отвѣчали: „Славный король, все, что мы видимъ здѣсь, принадлежитъ тебѣ и мы весь въ твоей власти; поэтому пусть будетъ такъ, какъ ты хочешь, потому что никто не можетъ противиться твоему могуществу." Послѣ того, какъ они это произнесли, одинъ изъ воиновъ, легкомысленный, завистливый и вспыльчивый, закричалъ громкимъ голосомъ, поднялъ свою обоюдоострую сѣкиру и разрубилъ чашу, говоря: „Ты ничего не получишь, кромѣ того, что достанется тебѣ по жребію. Всѣ были поражены; но король съ кроткимъ терпѣніемъ перенесъ оскорбленіе и когда чаша досталась ему, отдалъ ее посланному отъ епископа, затаивъ въ сердцѣ обиду. Спустя годъ онъ собралъ для военнаго смотра всѣ свои войска на Мартовскихъ поляхъ, гдѣ всякій долженъ былъ представить свое оружіе въ наилучшемъ порядкѣ. Когда Хлодовикъ обходилъ ряды, то подошелъ между прочимъ и къ тому, кто ударилъ по чашѣ и сказалъ: „Никто не содержитъ оружія такъ дурно, какъ ты; твое копье, мечъ, сѣкира не въ порядкѣ!" Вырвавъ у него изъ рукъ сѣкиру, король бросилъ ее на землю, и когда воинъ наклонился поднять ее, Хлодовикъ, схвативъ свою сѣкиру обѣими руками, разрубилъ ему черепъ, все крикнувъ громкимъ голосомъ: „Вотъ какъ ты поступилъ съ чашей въ Суассонѣ!" Человѣкъ умеръ. Хлодовикъ приказалъ другимъ удалиться и этимъ поступкомъ распространилъ большой страхъ вокругъ себя.[xx]

x) Графъ или виру тройную — 24000 дин. или 600 sl. (tit LXIV.)

ни рѣшения народнаго суда.
Главнымъ королевскимъ чиновникомъ является графъ (grafio, princeps). Онъ есть представитель пага (gau) приводитъ въ исполнение рѣшенія народнаго собранія, но не участвуетъ въ руководствѣ народнымъ судомъ. Онъ получаетъ мировыя деньги и есть лицо административное, а не судебное. Слѣдовательно, графъ есть только королевскій уполномоченный и болѣе ничего; иныя представленія о достоинствѣ графа совершенно невѣрны. x)
Далѣе слѣдуетъ sacebaro. Было весьма много объясненій этимологіи этого слова; самое простое дано Зомомъ; онъ переводитъ это имя латинскими словами vir litis — человѣкъ судебнаго дѣла (Baro — человѣкъ; sace = нѣм. Sache — судебное дѣло). Sacebaro также королевскій чиновникъ, взимающій королевскія виры и пени (въ родѣ нашихъ вирниковъ) и распредѣляющій ихъ въ пользу фиска или короля. Но они существовали только въ сотенныхъ судебныхъ округахъ. Ихъ вира равн. 12000 дин. или 300 sl. (tit LIV.)
Представители народа суть тунгины (thunginus) или сотники (centenarii). Они стоятъ не во главѣ пага (civitas), а во главѣ только сотни (centena). Пагъ представляетъ административную единицу, во главѣ которой стоитъ графъ и военное собраніе. Другая единица — народная, есть сотня, во главѣ которой стоитъ тунгинъ. Для тунгина встрѣчались уже намъ въ прологѣ Салическаго закона (Визогастъ, Арегастъ, Бодогастъ, Салогастъ). Прежде тунгиновъ считали чиновниками, подчиненными графу; но это не вѣрно, ибо графъ есть королевскій чиновникъ, тогда какъ тунгинъ — народный выборный, что доказывается тѣмъ, что въ его вирѣ нѣтъ возвышенія. Тунгинъ предсѣдательствуетъ на судѣ, такъ что сотня, а не пагъ есть судебная единица. Обязанность тунгина, какъ судьи (iudex) состоитъ въ формулировкѣ приговора, поставляемаго народнымъ собраніемъ.

Народное собраніе носитъ имя mallum, мѣсто народнаго собранія - malloberg. Народныя собранія бываютъ двоякія: обыкновенныя и экстраординарныя. Первое бывало разъ въ 8 дней; на немъ предсѣдательствуетъ тунгинъ. Формулировка предложеній въ процессѣ лежала на такъ называемомъ rachinburg'ѣ - комитетъ изъ 7-ми членовъ общины (свѣдущ. въ народн. обыч.). ~~Народное собраніе~~ принимаетъ ~~или отвергаетъ~~ предложеніе rachinburg'а. На судѣ есть свидѣтели, показывающіе подъ присягой (juvati). Приговоръ собранія заключался въ наложеніи виры (или пени) ~~въ казну казны или короля~~ и миров. денегъ сверхъ того (fretus, Friede). На рѣшеніе народнаго суда, какъ уже сказано, можно было аппеллировать королю и его суду; точно также, кто не являлся на собраніе (ad mallum) не смотря на вызовъ въ судъ (mannitio), тотъ долженъ былъ быть вызванъ къ королю. Вотъ тѣ немногія, скудныя данныя, которыя можемъ мы почерпнуть изъ lex Salica, относительно политическаго, соціальнаго и административнаго устройства Франкскаго государства. Государство это, какъ мы можемъ видѣть изъ вышеизложеннаго, представляло правильно-организованную общину, съ королемъ, народнымъ собраніемъ и королевскими чиновниками. Въ этомъ первомъ періодѣ Франкской монархіи нѣтъ еще никакихъ признаковъ феодальнаго порядка; раздѣлъ земель совершается не между королевскими дружинниками только, но между всѣми; король есть властитель всѣхъ свободныхъ людей, которые одинаково подчинены ему и имѣютъ одинаковые политическіе права. Слѣдовательно, Франки первоначально являются соединенными союзомъ подданныхъ по отношенію къ королю (Unterthanenverband, а не Leudeverband); отношенія феодальныя развиваются здѣсь уже впослѣдствіи.

Порядокъ этотъ, впрочемъ, прилагается только къ областямъ, населеннымъ Франками; Вест-Готскія и Бургундскія области остаются со своимъ двоякимъ законодательствомъ - Римскимъ и варварскимъ - и Салическая правда совершенно не касается ихъ. Происхожденіе человѣка по преж-

нему опредѣляетъ и подсудность его извѣстнымъ закономъ. Правило это такъ соблюдалось, что В. Готъ или Бургундъ, даже перешедшій Луару и поселившійся во Франкской области, все таки сохранялъ за собою личность права. Полное сліяніе и совершенное соединеніе Галліи подъ властью Франкскихъ королей совершилось уже при сыновьяхъ Хлодовика, въ 534 году, вмѣстѣ съ покореніемъ Бургундіи.

Прежде чѣмъ перейти къ разсмотрѣнію результатовъ Франкскаго завоеванія и утвержденія Франкскаго господства на Галло-Римской почвѣ, воспользуемся тѣми свѣдѣніями, которыя доставляетъ намъ драгоцѣннѣйшій писатель этой эпохи - Григорій Турскій - и прослѣдимъ въ краткомъ очеркѣ судьбу и взаимныя отношенія наслѣдниковъ Хлодовика.

Послѣ Хлодовика, говоритъ Григорій Турскій, осталось четыре сына: Хлодомеръ, Теодерихъ, Хильдебертъ и Хлотаръ. Старшій изъ нихъ, король Хлодомеръ, былъ убитъ въ сраженіи съ Бургундами. Братья его - Хильдебертъ и Хлотарь, немедленно вошли между собою въ соглашеніе - раздѣлить его наслѣдство, а малолѣтнихъ сыновей покойнаго, либо убить, либо постричь въ монахи. Они лично явились въ Парижъ, выманили нѣжныхъ малютокъ у бабки - Клотильды, подъ тѣмъ предлогомъ, что они хотятъ возвести ихъ на престолъ. Но когда Гунтаръ и Теодовальдъ были въ ихъ власти - дяди послали къ Клотильдѣ довѣреннаго человѣка (Аркадія) съ ножницами и мечемъ: она должна была сдѣлать выборъ (т. е. между смертью внуковъ и ихъ постриженіемъ). Въ горѣ и ужасѣ Клотильда воскликнула: „если они не будутъ королями, то пусть лучше смерть, чѣмъ постриженіе." Немедленно дяди приступили къ убійству. Хлотарь зарѣзалъ ножемъ старшаго; тогда младшій въ безпамятствѣ бросился къ ногамъ другого дяди и молилъ его о пощадѣ и защитѣ. Человѣчес-

кое чувство пробудилось въ душѣ Хильдеберта; на глазахъ его появились слезы: „Прошу тебя, дорогой братъ, сказалъ онъ Хлотару, подари мнѣ жизнь этого дитяти; требуй какую угодно цѣну, я заплачу тебѣ." „Оттолкни его, кричитъ Хлотарь въ бѣшенствѣ, или ты самъ умрешь вмѣсто него. Ты самъ задумалъ дѣло и теперь хочешь нарушить данное слово."

Этихъ словъ было достаточно, чтобы заглушить минутную вспышку сострадания въ Хильдебертѣ. Ему стало стыдно своей слабости. Онъ бросилъ несчастную жертву подъ ножъ безжалостного Хлотара. Третій братъ могъ бы подвергнутся той же участи, но знатные франки спасли его и постригли въ духовное званіе. Нѣсколько раньше тотъ же Хлотарь едва не былъ убитъ своимъ старшимъ братомъ Теодерихомъ. Только крайняя грубость въ исполненіи замысла спасла его.*)

Впослѣдствіи Хлотарь, соединившій всѣ владѣнія своихъ братьевъ, былъ наказанъ возстаніемъ собственнаго сына Храмна. Храмнъ попался въ плѣнъ; отецъ велѣлъ сжечь его съ женою и дѣтьми. Ихъ заперли въ одну хижину, которая и была потомъ зажжена. Храмнъ изъ сострадания былъ предварительно удавленъ — безъ вѣдома отца.

Кромѣ властолюбія и жадности, другая страсть дала самыя черныя страницы трагической исторіи Меровинговъ.

---

*) Теодерихъ пригласилъ его къ себѣ и спряталъ убійцъ за занавѣсомъ, но такъ неловко, что ноги ихъ были видны и Хлотарь, конечно, замѣтилъ это. Теодерихъ, видя, что планъ его открытъ, сталъ разговаривать съ братомъ о постороннихъ предметахъ и при прощаніи, чтобы успокоить его совершенно, подарилъ ему большую серебряную чашу. Но скоро ему стало жаль подарка; онъ призвалъ своего сына, Теодеберта и сказалъ ему: „Съѣздай къ дядѣ и попроси его, чтобы онъ отдалъ тебѣ мой подарокъ." Цѣль была достигнута..." Теодерихъ, прибавляетъ Гр. Турскій, былъ очень искусенъ въ подобныхъ хитростяхъ." х)

Узы брака и семейства считались ни во что; господствовала открытая полигамія.
Примѣромъ можетъ служить тотъ же Хлотарь. Его же-на Ингунда просила его найти знатнаго и богатаго мужа своей сестрѣ. Хлотарь самъ захотѣлъ видѣть Арегунду; онъ отправился въ сельскій домъ, гдѣ она жила и она произвела на него сильное впечатлѣніе. „Я думалъ какъ исполнить твою просьбу, говорилъ онъ потомъ женѣ: искалъ для твоей сестры богатаго и разумнаго мужа-и не нашелъ никого, лучше меня самого. Я взялъ ее въ жены и надѣюсь, что тебѣ это не будетъ непріятно. Ингунда поняла свое положеніе; она скрыла свой гнѣвъ и досаду и въ покорныхъ словахъ высказала свое согласіе.
Въ 561г году Хлотарь умеръ и четыре сына его перенесли тѣло умершаго въ Суассонъ, гдѣ похоронили его съ великими по-честями въ базиликѣ св. Медара. Вскорѣ всѣ четверо: Хариберть, Гунтрамъ, Хильперихъ и Сигибертъ раздѣлили между собою монархію Франковъ: На долю Хариберта досталась Аквитанія и кромѣ того Парижъ. Гунтрамъ получилъ Бургундію и какъ столицу Орлеанъ; Хильперихъ-Арморику и Салійскую землю на югъ отъ Арденнскаго лѣса (Нейстрію) со столицею Суассонъ; и Сигибертъ - Рипуарію или Австразію со столицею Реймсъ.
Король Сигибертъ Австразійскій выдавался изъ среды братьевъ воздержною жизнью. Онъ не хотѣлъ слѣдовать ихъ примѣру, вѣнчаясь солидомъ и денаріемъ и разводясь съ женою когда вздумается, а рѣшился вступить въ законный бракъ съ дочерью В. Готскаго короля Атанагильда, красавицей Брунгильдой. Онъ отправилъ посольство въ Испанію и приказалъ просить руки ея у отца. „Это была молодая дѣвушка обходительная, миловидная, говоритъ Гр. Турскій, благопристойныхъ и скромныхъ нравовъ, хорошая совѣтница и пріятная въ бесѣдахъ. Отецъ ея согласился и послалъ ее къ жениху съ большими сокровищами. Сигибертъ, собравъ

своихъ предводителей и приготовивъ большой пиръ, женился на ней, къ величайшему своему удовольствію. (566 г.) Она исповѣдовала аріанскую вѣру; но обращенная проповѣдью епископовъ и убѣжденіями мужа, она увѣровала и исповѣдала блаженную Троицу во единомъ Богѣ, получила священное помазаніе и, сдѣлавшись католичкой, продолжаетъ до сихъ поръ еще пребывать въ вѣрѣ Христа."

Примѣръ младшаго брата подѣйствовалъ на Хильперика. Этотъ король соединялъ съ варварскими инстинктами причуды и претензіи полуобразованности. Онъ былъ и поэтъ, и ученый, и богословъ и отъ души ненавидѣлъ духовенство, особенно епископовъ: „Наша казна опустѣла, говорилъ онъ, наше имущество перешло къ церквамъ; царствуемъ не мы, а епископы." Едва ли кто изъ братьевъ могъ сравниться съ нимъ во множествѣ женъ и наложницъ. Служанка одной изъ нихъ – Аудоверы – сумѣла заставить его развестись съ женой и признать ее законной супругой. Для этого она употребила слѣдующую хитрость. Когда Хильперикъ отправился въ походъ, у Аудоверы во время отсутствія его родился ребенокъ; королева не могла найти достойной ему воспреемницы и Фредегонда посовѣтовала ей окрестить самой. По возвращеніи короля, Фредегонда принудила его развестись съ Аудоверой, въ виду того, что по закону христіанскому они не могутъ быть мужемъ и женой вслѣдствіе своего крестнаго родства.

Когда Сигибертъ заключилъ такой хорошій бракъ, Хильперикъ захотѣлъ послѣдовать его примѣру и посватался за старшую дочь Атанагильда – Галесвинту, обѣщаясь развестись со всѣми своими женами и отпустить Фредегонду. Также какъ и жена его брата, Галесвинта пріѣхала къ нему съ большими сокровищами и сочеталась съ нимъ бракомъ*)

---

*) На отъѣздъ изъ Испаніи Галесвинты, современный поэтъ, В. Фортунатъ, написалъ одно изъ лучшихъ своихъ стихотвореній. (См. Гизо, II, 57. – русск. перев.)

Но Хильперихъ не исполнилъ даннаго обѣщанія и оскорбленная Галесвинта просила у него позволенія возвратиться въ свое отечество; вмѣстѣ съ тѣмъ она изъявляла готовность оставить въ его пользу богатое приданое, которое она принесла съ собой. Но король не исполнилъ ея просьбы подъ ничтожнымъ предлогомъ, уговорилъ ее ласковыми словами и наконецъ приказалъ одному рабу удавить ее.
Брунегильда явилась мстительницей за смерть сестры. Не смотря на то, что В. Готы довольно долгое время уже прожили на Римской почвѣ, но тѣмъ не менѣе обычай кровной мести не переставалъ существовать у нихъ и иногда даже считался обязательнымъ. Но страсть Брунегильды уступала свирѣпой натурѣ ея соперницы. Фредегонда знала только двѣ страсти: неутолимую мстительность и горячую любовь къ своимъ дѣтямъ. Всякій шагъ и слѣдъ ея обагренъ кровью. Убійство всегда первое средство, которое ей представляется. Въ глазахъ современниковъ она являлась какою то фантастической волшебницей, коварной и ужасной въ порывахъ своей страсти, употреблявшей не только кинжалъ и ядъ, но чародѣйство и волшебство.
Побуждаемый женою, Сигибертъ выступилъ кровавымъ мстителемъ за смерть Галесвинты и началъ борьбу съ Хильперикомъ, которая длилась довольно долго, прекращаясь и возобновляясь; наконецъ онъ покорилъ большую часть владѣній Хильпериха; франки провозгласили его королемъ. Но въ моментъ торжества кинжалы двухъ убійцъ, подосланныхъ Фредегондой, прекратили жизнь его въ то время, когда онъ находился въ своемъ дворцѣ въ Витри. Малолѣтній сынъ Сигиберта - Хильдебертъ II, былъ однако спасенъ и провозглашенъ королемъ Австразіи.
Неизвѣстно почему Фредегонда отложила наказаніе своей соперницы, попавшейся въ плѣнъ - Брунегильды. Она только заключила ее въ темницу въ Руанѣ, гдѣ Брунегильда и находилась до тѣхъ поръ, пока не востребована была у Хильпериха

и Фредегонда Австразійцами. Во время пребыванія своего въ Руанѣ, Брунгильда успѣла произвести смуту въ самой семьѣ Хильперика; сынъ его — Меровикъ, плѣнился ея красотой и предложилъ ей вѣнчаться съ нимъ, обѣщаясь жениться на ней. Но отецъ узналъ объ этомъ и Меровикъ погибъ. Фредегонда торжествовала: страстная мать, она радовалась гибели сына Хильперика, такъ какъ эта смерть освобождала ея дѣтямъ путь къ престолу. Теперь между ними и королевскимъ трономъ стоялъ только одинъ сынъ Хильперика — Хлодовикъ. Она погубила и его: когда два ея собственные сына умерли отъ моровой язвы, она обвинила Хлодовика въ убійствѣ ихъ и добилась отъ Хильперика позволенія казнить его. Вскорѣ послѣ смерти своихъ двоихъ сыновей, и самъ Хильперикъ погибъ загадочнымъ образомъ. Возвращаясь съ охоты, близъ Парижа, онъ умеръ въ ту минуту, какъ сходилъ съ лошади (583). Фредегонда успѣла возвести на престолъ своего 4х мѣсячнаго сына Хлотаря и сдѣлалась его опекуншей и правительницей государства. Но ей страшно было оставить въ покоѣ свою соперницу и смертельнаго врага — Брунгильду, которая съ сыномъ своимъ — Хильдебертомъ II, находилась въ Австразіи и она начала предпринимать противъ нея цѣлый рядъ злодѣйскихъ покушеній. Но не будемъ долго останавливаться на подробностяхъ этой кровавой драмы. Два раза подсылала Фредегонда къ сопернице своей убійцъ монаховъ съ отравленными кинжалами, но два раза планы ея потерпѣли неудачу. Наконецъ она сама умерла, убивъ еще передъ своею смертью одного не понравившагося ей епископа (597 г.)

Брунгильда почувствовала себя въ безопасности. Еще около 20 лѣтъ (до 613 г.) правила она, отъ имени своихъ малолѣтнихъ внуковъ, сыновей Хильдеберта II (умершаго въ предыдущемъ 596 году) — по имени Теодеберта II и Теодериха II (первой въ Австразіи, второй въ Бургундіи), была причиною и возбудительницею цѣлаго ряда новыхъ смутъ, междоусобій

и кровавымъ дѣломъ. Сначала ея внуки, по ея наущенію, вели борьбу противъ сына Фредегонды, Хлотаря II; затѣмъ, благодаря вліянію бабушки, братья вступили въ борьбу между собою; одинъ изъ нихъ при этомъ былъ разбитъ, взятъ въ плѣнъ, и приведенъ къ Брунгильдѣ; она сначала велѣла постричь его въ монахи, но вслѣдъ за тѣмъ онъ былъ убитъ, а также и его малолѣтній сынъ, правнукъ Брунгильды; последняго – a quodam per pedem ad petram percutiens – взялъ кто-то за ноги и разбилъ о камень (Fredeg.). Но вслѣдъ за тѣмъ, въ 613-мъ году, умеръ и другой изъ внуковъ Брунгильды – побѣдитель Теодерихъ. Брунгильда думала управлять отъ имени своего правнука отъ этого внука; но наконецъ противъ нея возмутилась аристократія въ Австразіи и Бургундіи; она была низвергнута и попала въ руки Хлотаря, сына Фредегонды. Извѣстно, какъ она кончила свою жизнь. Равно вѣчно equorum calcibus disrupta – раздавлена была подъ копытами лошадей.

Исторія Фредегонды и Брунгильды достаточно характеризуетъ Франкскій королевскій домъ въ эпоху его утвержденія въ Галліи. Это время представляетъ самыя кровавыя страницы изъ исторіи не только Меровингскаго дома но и всѣхъ Франковъ вообще, время насилій, убійствъ, всевозможныхъ преступленій. Не нужно думать, что это явленіе исключительное, относящееся только къ одной царствующей фамиліи. Нѣтъ, кровь и пожаръ, сопровождающія каждую страницу исторіи Меровинговъ второго и третьяго поколѣнія, характеризуютъ всю эпоху и все тогдашнее общество. У Григорія Турскаго нашлось бы довольно матеріала, если бы пришлось доказывать это фактами. Но мы можемъ освободить себя отъ такой обязанности; все нужное сдѣлано уже въ извѣстномъ сочиненіи Лёбеля (Gregor von Tours und seine Zeit.) Списокъ преступленій, злодѣйствъ, убійствъ, насилія, грабежа, разбоя, совершенныхъ разными другими членами общества и отмѣченныхъ перомъ ис-

торика, т. е. епископа Турскаго, выходитъ еще длинные и еще можетъ быть ужасные чѣмъ фамильныя злодѣянія Меровинговъ. Мы убѣждаемся что вездѣ и во всѣхъ слояхъ народа нравы одинаковы: вездѣ господствуетъ грубая чувственность и жадность, мстительность, ревность, самое дикое насиліе; попраны всѣ законы Божескіе и человѣческіе; брошена всякая узда нравственности, стараго добраго обычая и преданія. И что всего замѣчательнѣе: на ряду съ самымъ грубымъ и дикимъ насиліемъ, на ряду съ необузданною страстностью варварской натуры обнаруживается злое коварство и пронырство. Не видно и слѣда прежнихъ хваленыхъ Германскихъ добродѣтелей. Поколебленъ даже и семейный бытъ; въ королевскомъ домѣ господствуетъ, несмотря на христіанство, открытая полигамія; въ другихъ сферахъ замѣчаются аналогическія явленія.....

Эти факты останавливаютъ на себѣ вниманіе особенно французскихъ x) ученыхъ, заставляютъ ихъ говорить, что вторженіе Германцевъ въ Галлію, по крайней мѣрѣ въ нравственномъ отношеніи не принесло ничего, кромѣ вреда и вовсе не способствовало къ предполагаемому возрожденію Галло-Римскаго населенія. Они не только не обновили и не очистили — внеся новую кровь — истощенный организмъ вырождавшагося населенія имперіи — не только не помолодили состарѣвшееся, осужденное на гибель общество, но напротивъ: съ приходомъ ихъ начинается пониженіе типа, жестокость, свирѣпость, грубость распространяются и между Галло-Римскимъ населеніемъ. Было бы напрасно, говорятъ они, отрицать и выгораживать характеръ Германцевъ;

---

x) Вопросъ этотъ былъ предметомъ ученаго спора между извѣстнымъ нашимъ славянофиломъ Хомяковымъ и Т. Н. Грановскимъ. Три письма, написанныя ими по этому поводу (2 — Хомяковымъ, 1 — Грановскимъ) помѣщены въ Полн. собр. сочин. Грановскаго, т. II. Хомяковъ особенно настаиваетъ на томъ, что Франки имѣли

1) Того же мнѣнія, между прочимъ, и знаменитый философъ-позитивистъ, изв. Литтре. (См. Littré „Étude sur les barbares". Рус. пер.) Также Fustel de Coulange'мъ.

представлять, что они, своимъ смѣшеніемъ съ Римлянами, подняли общественный уровень. Изслѣдуя тщательно, чѣмъ обязана цивилизація побѣдителямъ Западной Имперіи, мы весьма затрудняемся найти какое либо благо, которое могло бы сдѣлать имъ честь."

„У однихъ (Германцевъ) только грубые и разрушительные (malfaisants) инстинкты народовъ варварскихъ; у другихъ (Римлянъ) испорченность народовъ цивилизованныхъ — то, что имѣетъ самую меньшую цѣну въ варварствѣ и цивилизаціи. Итакъ, когда они соединились, они не могли принести ничего для образованія новаго общества, какъ только развалины (ruines) и пороки.

Но, нужно сказать, часть, принесенная варварами, была худшая часть. Духъ независимости, ими принесенной, ни что иное, какъ непреодолимая склонность предаваться безъ узды и правила своимъ дикимъ страстямъ и грубымъ стремленіямъ. Свобода, которую они любили, ради которой презирали опасности — свобода дѣлать зло. Жадные къ пріобрѣтенію, они презирали смерть не изъ презрѣнія къ жизни, а изъ любви къ добычѣ."

Таково мнѣніе многихъ французскихъ ученыхъ.1) Совершенно иначе подходитъ къ разрѣшенію этого вопроса нѣмецкій изслѣдователь Loebell. Въ своей книгѣ (Gregor von Tours und seine Zeit. Leipzig. 1869. 2te Auflage.) онъ съ систематическою точностію выбираетъ всѣ тѣ мѣста изъ Григорія Турскаго, которыя относятся сначала къ семейнымъ распрямъ (Familienfreveln) Меровинговъ, а потомъ къ различнымъ междоусобіямъ и враждѣ въ средѣ Франковъ вообще, и спрашиваетъ, нужно ли приписывать все это однимъ только Франкамъ. Хитрость, ложь, нарушеніе обѣщаній являются тамъ на каждомъ шагу, то съ величайшею утонченно-

въ характерѣ своемъ, вмѣстѣ съ жестокостію, свирѣпостію, кровожадностію, еще вѣроломство и лукавство.

стію, то съ самою грубою дерзостію; но одни ли Франки виновны въ этомъ?

„Въ большинствѣ случаевъ, говоритъ онъ, мы имѣемъ возможность различать, идетъ ли рѣчь о Германцахъ или о Романцахъ, только по именамъ, такъ какъ нашъ писатель (Гр. Турскій) небрежно относится къ обозначенію національностей. Если иногда Галло-Римляне, въ угожденіе завоевателямъ, и принимаютъ нѣмецкія имена, то это въ эпоху Григорія Турскаго весьма рѣдко; противоположные случаи еще болѣе необыкновенны. И вотъ, если мы просмотримъ списокъ, то найдемъ среди этихъ буйныхъ (gewalttätig) людей, на ряду съ нѣмецкими Rauching, Sicharius, Austregisel, Bobolenus, Amalus, Waddo, Ebrachar, Римскія имена Vladius, Andarchius, Albinus, Innocentius, Eulalius, Desiderius, Lampadius, которые не уступаютъ первымъ въ гнѣвныхъ стремленіяхъ и дикихъ, кровавыхъ дѣлахъ. Несомнѣнно, что нельзя приписывать всего Германцамъ и что въ преступленіяхъ не отставали отъ нихъ и Римляне.

„Сверхъ того, прибавляетъ Loebell, мы можемъ присовокупить къ этимъ соображеніямъ еще и почерпнутые изъ субъективнаго воззрѣнія нашего писателя. Если бы это были только варвары, которыхъ ихъ дикость довела до подобныхъ преступленій, то въ представленіи Римскаго разсказчика, очевидно, сказалось бы чувство, что всѣ они принадлежатъ не къ его націи, что во всемъ этомъ неповинны его современники. Но если этого не высказывается, то мы можемъ заключить, что обѣ націи, жившія въ Галліи, какъ по нравамъ, такъ и по поступкамъ не были особенно далеки другъ отъ друга."

„Итакъ, очевидно, что Гизо несовсѣмъ правъ, говоря, что сочиненіе Григорія Турскаго представляетъ вѣрную картину моральнаго состоянія Франковъ въ періодъ завоеванія; оно дѣйствительно представляетъ вѣрную картину, но моральнаго состоянія не только однихъ варваровъ, а также и

Галло-Римскаго населенія. Лебель старается далѣе распредѣлить нравственныя качества и пороки между Франками и Галло-Римскимъ населеніемъ. „При занятіи Галліи, говоритъ онъ, Нѣмцы были болѣе буйный, свирѣпый, грубый и необразованный народъ. Римляне, напротивъ, цивилизованный, но привыкшій къ игу, боязливый, склонный къ хитрости и обману. При занятіи Галліи богатые и образованные Галло-Римляне вели еще блестящую, роскошную, утонченную жизнь, они любили блескъ и если въ ихъ наслажденіяхъ не исчезла совершенно тонкость античной цивилизаціи, то съ другой стороны они были погружены въ изнѣженность, разслабленіе и порчу нравственную. Обѣ націи скоро научились одна отъ другой, но во вредъ своему характеру, такъ какъ взяли взаимно только худшее. Однако Римлянинъ выигралъ сначала больше, чѣмъ Франкъ. Онъ сдѣлался болѣе дерзкимъ, грубымъ (frecher), но вмѣстѣ съ тѣмъ болѣе мужественнымъ; онъ перешелъ къ упорству, но вышелъ изъ состоянія безсилія и унижающаго рабства. Напротивъ того, мы начинаемъ замѣчать въ Германцѣ хитрость, мстительность, несправедливость, отсутствіе состраданія, зависть — чего прежде не замѣчали въ немъ. Для Римлянина, чтобы пробудилась въ немъ жизнь, нужна самодѣятельность; и къ ней то побуждаетъ его Германецъ, ибо вліяніе, которое оказываетъ послѣдній, далеко не духовное и не можетъ быть таковымъ. И это самосознаніе, это твердое нравственное настроеніе оказываетъ уже сильное вліяніе на жизнь.

Германецъ, напротивъ, потерялъ во внутренней сущности своей натуры и долженъ пройти черезъ переходное состояніе, стоящее далеко позади, чѣмъ его прежнее время. Его внутренняя здоровая природа, въ которой благородное было прикрыто, но не разрушено, пережила опасность совершеннаго одичанія, которая была близка, и она содѣйствовала тому, что ихъ броженія взаимно-сталкивавшихся

элементовъ, выработались новыя высшія типы. Что во время процесса Германецъ потерялъ важнѣйшія составныя части, свойственныя ему (eigenthümlich) и въ концѣ мы видимъ его совершенно романизированнымъ".

„Кромѣ того, необходимо обратить вниманіе на то, что обѣ націи, когда слились вмѣстѣ и стали оказывать такое сильное вліяніе другъ на друга, не были уже въ своихъ древнихъ первобытныхъ состояніяхъ, но прошли черезъ значительныя промежуточныя ступени, Галлъ — вслѣдствіе внѣшнихъ столкновеній, Германецъ — болѣе вслѣдствіе внутренняго развитія".

Подвижность характера Галльскихъ Романовъ, говоритъ дальше Лёбель, „обусловливала быструю смѣну чувствъ. Едва только почувствовали они себя свободными отъ тяжелыхъ цѣпей (Римскаго рабства), какъ кровь свободнѣе потекла въ ихъ жилахъ, легкомысліе ихъ увидало себя не стѣсненнымъ ничѣмъ, и наибольшая свобода обратилась въ произволъ, сила — въ дерзость, безразсудство — въ насиліе. Въ національномъ характерѣ Галловъ и въ хаосѣ этого времени, когда изъ смерти возникаетъ уже начало новой жизни, лежитъ причина, почему впродолженіе столѣтій строго управляемые Романы и жившіе по своему произволу Германцы, въ своихъ нравахъ и обычаяхъ, оказались столь близкими другъ къ другу, и почему ко времени Гр. Турскаго раздѣлявшая ихъ граница казалась столь слабо обозначенной. И такъ, — съ одной стороны Франки, оторванные отъ своей первоначальной почвы, съ другой — Галло-Римляне, съ которыхъ снята узда Римскаго господства..... „И вотъ разрѣшеніе загадки, заключаетъ Лёбель, почему побѣдители и побѣжденные такъ быстро слились, почему они въ нравахъ, поступкахъ и желаніяхъ оказались столь сходными, почему дорога къ полному сліянію была уже проложена, хотя законы, городское устройство, обычаи, привычки, образъ жизни, языкъ въ продолженіе столѣтій разнились другъ

отъ друга. Ихъ различали тѣмъ не менѣе, какъ двѣ отдѣльныя другъ отъ друга національности; Римлянъ называли нѣмцевъ, не желая ихъ оскорбить этимъ - варварами; но это различіе ко времени Григорія постепенно уничтожалось; элементъ, обособлявшій обѣ націи и препятствовавшій общественнымъ сношеніямъ, не дѣйствовалъ больше." (Loebell. Gregor v. Tours und seine Zeit. Romanen und Germanen. S. 57-84.)
Вотъ какимъ образомъ объясняется эта особенная нравственная физіономія Галліи въ VI вѣкѣ, при первомъ и второмъ поколѣніи преемниковъ Хлодовиха. При третьемъ поколѣніи слитіе почти совсѣмъ уже окончено, но населеніе Галльское получаетъ отпечатокъ грубости, страсти къ самоуправству и (черту исключительно франкскую) любовь къ сокровищамъ и даже преступленія изъ за нихъ. Конечно, весьма трудно приписать вину этого той или другой націи въ отдѣльности, но тѣмъ не менѣе нельзя не согласиться, что со времени завоеванія замѣчается быстрое пониженіе нравственнаго уровня Галльскаго населенія, вмѣстѣ съ упадкомъ образованности и литературы.
При разсмотрѣніи этого періода, невольно возникаетъ вопросъ: что же дѣлала христіанская церковь, обычная хранительница культуры и цивилизаціи, церковь, торжествующая, занявшая столь видное мѣсто вмѣстѣ съ крещеніемъ Хлодовиха?
Въ это тяжелое время, въ этотъ мрачный, кровавый періодъ исторіи Франковъ церковь бездѣйствуетъ; вслѣдствіе вступленія въ нее варварскаго элемента она теряетъ свою силу и мы видимъ, что она не исполняетъ даже самой несложной изъ задачъ своихъ - миссіонерской дѣятельности. Вмѣсто обезсилѣвшей Галльской церкви, за это дѣло берутся совершенно посторонніе люди; обязанность внѣшней и внутренней миссіи принимаетъ на себя малоизвѣстная доселѣ церковь Британская. И дѣятельность этой церкви представляется весьма любопытной и важной какъ

въ исторіи Франкскаго государства, такъ и во всемірной исторіи вообще. Она является въ такомъ привлекательномъ свѣтѣ, что остается только пожалѣть, что этотъ дѣятельный и энергичный факторъ впослѣдствіи изчезаетъ въ борьбѣ съ другими, побѣдившими его силами.

Разсмотримъ въ краткихъ чертахъ скромную и смиренную, но тѣмъ не менѣе драгоцѣнную дѣятельность христіанскихъ миссіонеровъ Кульдейской или Ирландской церкви. Эти носители науки и образованія являлись изъ далекаго сѣвера - Ирландіи, частью Шотландіи и Валлиса, оставшагося подъ властью Кельтовъ и не покореннаго Саксами. Христіанство, утвердившееся давно на Британскомъ островѣ, было оттѣснено завоеваніями Англо-Саксовъ и сосредоточилось только во владѣніяхъ незавоеванныхъ Бриттовъ, въ западной части острова, и въ Ирландіи, гдѣ оно нашло себѣ наиболѣе вѣрное убѣжище, такъ какъ эта часть совершенно не подвергалась нашествію Германскихъ завоевателей. Здѣсь христіанство утверждено было св. Патрикомъ, происходившимъ изъ нынѣшней Шотландіи; онъ долгое время находился въ плѣну у Саксовъ и возвратившись на родину, началъ проповѣдывать христіанство и пріобрѣлъ вскорѣ множество послѣдователей. Начало его дѣятельности относится къ 430 году и послѣ него Ирландія остается убѣжищемъ и оплотомъ христіанской церкви во время всѣхъ послѣдующихъ бурь. Изъ Ирландіи ученіе Христа было перенесено и въ нынѣшнюю Шотландію, къ такъ называемымъ Скоттамъ x), проповѣдникомъ св.

---

x) Собственно, Скотты суть первоначальные жители Ирландіи. Во время утвержденія въ Британіи Англо-Саксовъ, Скотты перешли и на противолежащій берегъ Британскаго острова и утвердились здѣсь рядомъ съ Пиктами. Такимъ образомъ и самое названіе Scotland перенесено было на сѣверную часть Британіи.

Колумбаномъ. Онъ явился изъ Ирландіи съ проповѣдью св. Пис-
санія, получилъ небольшой островокъ Эй (Iona или I-colm-
kill) и основалъ здѣсь монастырь. Такимъ образомъ этотъ
островокъ и часть Валлиса составили Британскую, или
Кульдейскую, или Скотто-Ирландскую церковь. Она во
многихъ отношеніяхъ рѣзко отличалась отъ церкви Рим-
ской, была совершенно независима отъ папы, и несравнен-
но ближе стояла къ ученію восточнаго православія (обря-
ды крещенія, постриженія, празднованія Пасхи и др.).
Также рѣзко различалась она отъ Римской церкви и
въ административномъ смыслѣ. Монастыри были здѣсь
центрами и миссіонерской дѣятельности и церковнаго
управленія; аббатъ-настоятель монастыря правилъ въ
одно и то же время дѣлами своей братіи и значитель-
нымъ округомъ. Изъ монастырей выходили миссіонеры;
изъ нихъ же, когда распространилось христіанство, наз-
начались священники и епископы. Монастыри были на-
селены весьма густо; такъ, въ Бангор'ѣ было до 2000 мо-
наховъ. Что особенно поражало въ уставахъ этихъ Куль-
дейскихъ монастырей - это отсутствіе обѣтовъ безбрачія
и отреченія отъ міра; напротивъ, въ числѣ иноковъ и ино-
кинь встрѣчались весьма часто замужнія и женатые.
Монастыри эти были разсѣяны въ большомъ количествѣ
и представляли также центры просвѣщенія. Научныя
и культурныя преданія, во время опасности на матери-
кѣ, нашли себѣ убѣжище въ этихъ мирныхъ келліяхъ.
Монахи занимались изученіемъ латинскаго и даже гре-
ческаго языка, астрономіей, переписываніемъ книгъ не
только духовнаго, но и свѣтскаго содержанія; изъ искусствъ
особенное развитіе получила у нихъ архитектура. Кромѣ
этого, обитатели Шотландскихъ монастырей прослави-
лись своею страстью къ миссіонерской дѣятельности, лю-
бовью къ пилигримству, съ цѣлью распространенія христі-
анства. Вскорѣ Австразія, Бургундія и другія варварскія

государства наполнились этими странствующими просвѣтителями язычниковъ х). Особенно важна дѣятельность двухъ изъ нихъ, наиболѣе древнихъ: св. Колумбана или Колума и св. Галла.

Св. Колумбанъ родился въ 540 году въ Лейнстерѣ и жилъ въ Бангорѣ; въ 558 году, онъ явился съ 12-ю монахами этого монастыря въ Галліи съ проповѣдническою цѣлью. Здѣсь въ Вогезскихъ горахъ основалъ онъ знаменитый монастырь Люксёй (Luxeuil). Къ нему стекались новообращенные и ревностные христіане изъ Франковъ, Бургундовъ и Галло-Римлянъ. Проповѣдь его среди мѣстнаго населенія была весьма удачна; быть можетъ вслѣдствіе того, что онъ и его сотрудники говорили на понятномъ для туземцевъ кельтскомъ языкѣ, быть можетъ вслѣдствіе простоты и нетребовательности святаго проповѣдника, но число слушателей и учениковъ его все возрастало. Кромѣ выше упомянутаго монастыря, онъ основалъ еще нѣсколько; всѣ они напоминали по типу монастыри его родины. Нѣсколько деревянныхъ хижинъ, съ деревянною же церковью въ центрѣ, по большей части срубленною изъ дуба; рядомъ съ церковью, башня-колокольня въ два этажа; верхній - для колоколовъ; нижній - для защиты въ случаѣ опасности, пустой - вотъ вся незатѣйливая постройка этихъ монастырей. Особенно любопытно то, что судя по описаніямъ церквей, архитектура ихъ весьма близко подходила къ архитектурѣ старинныхъ русскихъ храмовъ. (Срв. Уваровъ. "Объ архитектурѣ древнихъ русскихъ церквей" въ Запискахъ Археолог. Общества.)

Но св. Колумбанъ, несмотря на успѣхи своей дѣятельности,

х) Біографіи нѣкоторыхъ изъ этихъ миссіонеровъ сохранились въ Acta Sanctorum, въ Acta Sanctorum Ord. S. Benedicti и въ Мивиріанѣ. (Мивиріанъ - Myvyrian - сборникъ старыхъ кельтическихъ легендъ.)

пріобрылъ себѣ враговъ среди Франкскаго населенія Галліи: скромная, честная безупречная жизнь Ирландскихъ миссіонеровъ служила постояннымъ и живымъ укоромъ распущеннымъ нравамъ варваровъ. Вскорѣ Франки стали преслѣдовать его, выставляя особенно на видъ тѣ различія, которыя отдѣляли Кульдейскую церковь отъ церкви Галльской. Вслѣдъ за этимъ св. Колумбанъ лишился и покровительства Теодериха II Бургундскаго и бабки его, Брунегильды. Ревностный и суровый обличитель отступленій отъ правилъ христіанской церкви, онъ не могъ оставаться спокойнымъ, при видѣ преступленій королевы и тѣмъ навлекъ на себя ея гнѣвъ x). Въ 610 году онъ долженъ былъ удалиться по требованію Брунегильды и мы встрѣчаемъ его въ области Аллемановъ, сначала на берегу Цюрихскаго озера, потомъ Констанцскаго, потомъ Женевскаго; всюду основываетъ онъ монастыри и обращаетъ язычниковъ. Любопытнымъ представляется тотъ фактъ, что въ этой странѣ, гдѣ законы носятъ уже христіанскій характеръ, онъ встрѣтилъ еще множество язычниковъ и даже былъ свидѣтелемъ языческихъ обрядовъ. Три года пробылъ онъ здѣсь и наконецъ отправился въ Италію, гдѣ былъ принятъ съ великою радостью Теодениндой, которая видѣла въ немъ сильнаго союзника въ борьбѣ съ аріанствомъ. Здѣсь основалъ онъ монастырь Боббіо, гдѣ и умеръ въ 615 году. Во вновь основанномъ монастырѣ скоро монахи приняли за любимыя занятія Кульдеевъ - изученіе языковъ и ревностную переписку книгъ. Еще досихъ поръ существуютъ эти пергаменты, исписанные особымъ почеркомъ Ирландскихъ монаховъ. Для этой цѣли они употребляли древнія Готскія рукописи, стирали съ нихъ написанное и потомъ писали сами. Между прочимъ и многія прекрасныя изданія классиковъ употреблены были такимъ образомъ въ дѣло. Впро-

x) См. Beda Venerabilis. Vita St. Columb. XIX и XX.

чемъ они и сами не пренебрали свѣтской классической литературой, такъ что употребленіе этихъ рукописей происходило не изъ ненависти къ Римской культурѣ, а только вслѣдствіе обилія этихъ пергаментовъ. Изъ каталога книгъ монастыря Боббіо мы видимъ, что даже Овидій находился въ числѣ книгъ, употребляемыхъ для школьнаго чтенія.
Ученикъ и продолжатель дѣла св. Колумбана, св. Галлъ оставался у Аллеманновъ даже послѣ ухода Колумбана въ Италію; труды его по дѣлу распространенія христіанства и въ особенности просвѣщенія суровыхъ и дикихъ Аллеманновъ имѣютъ огромное значеніе. Послѣ смерти его, множество паломниковъ стекалось изъ Ирландіи для поклоненія его гробу и вскорѣ даже варвары стали чтить его память. Особенную извѣстность впослѣдствіи пріобрѣлъ основанный имъ здѣсь монастырь Сен-Галленскій.
Скоро Ирландская пропаганда распространилась и въ другихъ мѣстностяхъ. Толпы монаховъ и монахинь, говоритъ одинъ современный писатель, распространились въ Галліи не только въ деревняхъ, виллахъ и замкахъ, но и въ обширныхъ пустыняхъ. Сѣверная часть Вогезскаго лѣса, точно также какъ и сѣверозападная часть Галліи, долины нижней Сены, Соммы, Арденскій лѣсъ, въ нынѣшней Бельгіи, берега Океана наполнились монастырями. Въ вѣковыхъ лѣсахъ прорубались просѣки, заводилось земледѣліе. Ученики св. Колумбана проникали въ зарейнскую Германію и даже въ славянскія земли. Конечно, дѣятельность Англо-Саксонскихъ проповѣдниковъ, явившихся въ Германію вслѣдъ за Ирландскими миссіонерами, оставила больше слѣдовъ въ исторіи; но не слѣдуетъ забывать, что Кульдейскіе миссіонеры подготовили почву, расчистили дорогу для дѣятельности новыхъ просвѣтителей.
Прежде чѣмъ перейти къ дѣятельности Англо Саксонскихъ проповѣдниковъ и знаменитѣйшаго изъ нихъ, св Винфрида (Бонифація), обратимся нѣсколько назадъ, къ сектарін

въ томъ видѣ, въ какомъ мы оставили ее.

Въ началѣ VI вѣка у Англо-Саксовъ образуется новая церковь. Вражда между непокоренными Кельтами Валлиса и Хорнваллиса и Англо-Саксами была такъ велика, что несмотря на близость Кульдейской церкви, на 150-лѣтнее сосѣдство, Англо-Саксы оставались язычниками, поклонниками Одина и Тора. Обращеніе ихъ въ христіанство было совершено, какъ уже извѣстно, миссіонерами папы Григорія I со св. Августиномъ во главѣ. Прибывъ въ Галлію, миссіонеры колебались и не рѣшались продолжать путь; только настойчивость папы заставила ихъ двинуться въ дальнѣйшее путешествіе. Взявъ съ собой переводчиковъ и письма отъ Франкскихъ королей, они высадились въ королевствѣ Кентъ, король котораго - Этельбертъ, былъ женатъ на дочери Меровингскаго короля Хариберта, слѣдовательно, на христіанкѣ. Миссіонеры пристали къ оконечности острова Танета и отправили Франкскихъ переводчиковъ къ королю съ радостною вѣстью, съ предложеніемъ ему вѣчнаго царства, если только онъ повѣритъ словамъ ихъ. Но король не допустилъ ихъ сначала къ себѣ и велѣлъ оставаться на островѣ Танетѣ до тѣхъ поръ, пока не рѣшитъ что-либо относительно ихъ предложенія. Черезъ нѣсколько времени онъ, по просьбѣ своей жены, согласился войти съ ними въ переговоры, но не рѣшился принять ихъ въ своемъ домѣ, ни даже въ столицѣ, а отправился самъ къ нимъ на островъ; даже и тамъ свиданіе ихъ происходило на открытомъ воздухѣ, для предупрежденія всякой порчи и волшебства. „Римляне, говоритъ Беда Достопочтенный, явились на мѣсто свиданія, приготовившись заранѣе; они шли процессіею другъ за другомъ; впереди ихъ несли большой серебряный крестъ и изображеніе Христа; потомъ была объяснена цѣль ихъ путешествія и представлены предложенія.

„Да, это прекрасныя слова и прекрасныя обещанія, сказалъ король-язычникъ; но какъ все это дело для меня совершенно ново, то я не могу тотчасъ поверить тому и отказаться отъ религіи, которую я исповедую со всемъ своимъ народомъ. Однако, такъ какъ вы пришли сюда издалека, чтобы сообщить намъ то, что вы сами, какъ мне кажется, считаете полезнымъ и справедливымъ, то я не буду обходиться съ вами дурно: я доставлю вамъ содержаніе и помещеніе и позволю свободно распространять ваше ученіе и убеждать кого вы можете" (Beda Vener. Histor. Eccles: I, 29.)
Вскоре они обратили въ христіанство множество народа и наконецъ и самъ Этельбертъ принялъ крещеніе.
Такимъ образомъ положено было начало новой церкви, основанной въ Британіи подъ сенью и авторитетомъ Рима и его первосвященника. Вскоре Августинъ отправилъ къ папе Григорію I пословъ со словами: „Жатва велика, а работниковъ недостаетъ для нея" и вместе съ темъ въ просьбою разрешить некоторыя сомненія его; такъ напр. возможно ли строить христіанскіе храмы на местахъ языческихъ? какъ уничтожить обычай принесенія языческихъ жертвъ и т. п.
Изъ Рима отправилась въ Британію вторая миссія, для помощи Августину и принесла ему следующія замечательныя инструкціи первосвященника:
„Скажите ему (Августину) что после зрелыхъ и глубокихъ размышленій объ обращеніи народа Англовъ, я решилъ въ своемъ уме много важныхъ вопросовъ: во первыхъ, не следуетъ разрушать языческихъ храмовъ, а только идоловъ; освятивъ воду, окропивъ ею храмы, соорудить въ нихъ алтари и поставивъ мощи. Если эти храмы прочно выстроены, то это хорошо и полезно: пусть они перейдутъ отъ поклоненія демонамъ на служеніе истинному Богу; потому что, когда народъ увидитъ, что уцелели его места молитвы, онъ охотнее пойдетъ туда, по привычке, чтобы

молиться истинному Богу."

„Во вторыхъ, говорятъ, что народъ имѣетъ обыкновеніе приносить въ жертву быковъ; надобно, чтобы этотъ обычай обратился для него въ христіанское торжество и чтобы въ день освященія храмовъ точно-также, какъ и въ день праздника святыхъ, мощи которыхъ находятся въ этихъ храмахъ, дозволять имъ строить шалаши изъ вѣтвей кругомъ тѣхъ же храмовъ, какъ то было въ прошлое время; пусть они собираются туда, пусть приводятъ туда своихъ животныхъ, которыя тогда будутъ убиваемы ими не какъ жертва дьяволу, но для трапезы христіанской, во имя и славу Бога, которому пусть они воздадутъ благодареніе за свое насыщеніе. Оставляя людямъ нѣкоторую долю изъ матеріальныхъ удовольствій, скорѣе доведете ихъ до способности наслаждаться внутреннимъ счастьемъ". (Henr. Hunting. Hist. I, 3)

Августинъ вступилъ въ переговоры и съ Кульдейской церковью и предложилъ ей союзъ на условіяхъ признанія верховной власти папы. Долго думала x) Ирландская церковь и наконецъ, послѣ собора въ Бангорѣ, рѣшила отвергнуть это предложеніе. Такимъ образомъ съ перваго шага начинается разрывъ и борьба между этими двумя церквами; борьба перенесенная впослѣдствіи и на материкъ. Послѣ перваго архіепископства, основаннаго Августиномъ въ столицѣ Кента - Kent-wara-Byrig (откуда позднѣйшая форма Cantuvari - Кентербери) начинается распространеніе христіанства и въ другія владѣнія Англо-Саксовъ. Сестра Этельберта Кентскаго, названная у Беды страннымъ Nicola и вышедшая замужъ за Эссекскаго короля, открыла доступъ христіанству

x) Въ нерѣшимости своей, ранѣе чѣмъ идти на свиданіе съ Англо-Саксами и Августиномъ, представители Кульдеевъ пошли къ отшельнику, жившему близъ Бангора и спросили у него совѣта, какъ имъ поступить. „Должны ли мы, говорили они, отказаться отъ нашихъ преданій и послѣдовать за Августиномъ?" Если это человѣкъ

въ это небольшое, но важное по своей столицѣ государство. Римскій миссіонеръ, спутникъ Августина, Меллитъ, обратилъ въ христіанство Саеберт'а, ея сына. Церковь св. Павла, основанная въ Лондонѣ на мѣсто Римскаго храма Діаны, сдѣлалась епископской каѳедрой Меллита. Августинъ при смерти своей могъ съ радостью оглянуться назадъ и съ надеждой посмотрѣть впередъ. Но вскорѣ послѣдовала реакція. Въ 616 году умеръ Этельбертъ Кентскій,

---

Божій, отвѣчалъ святой отшельникъ, то вы хорошо сдѣлаете, слѣдуя за нимъ: „А почему же узнаемъ мы это?" „Спаситель нашъ сказалъ, возразилъ отшельникъ: „Возьмите иго мое на себя и научитеся отъ Меня; ибо я кротокъ и смиренъ сердцемъ"; и если этотъ Августинъ также кротокъ и смиренъ сердцемъ, то мы можемъ думать, что онъ самъ несетъ иго Христа и предлагаетъ намъ нести его. Если же онъ гордъ и высокомѣренъ, то конечно онъ не человѣкъ Божій и мы не должны слушать словъ его."

Когда Бритты пришли на мѣсто свиданія, Римляне уже были тамъ и Августинъ, при приходѣ противниковъ, если не изъ презрѣнія, то изъ сознанія собственнаго достоинства, не поднялся съ мѣста. Бритты не подумали, что этого могъ требовать Римскій этикетъ; они видѣли только одно, что человѣкъ, къ которому они пришли, не всталъ предъ ними и гордость ихъ была оскорблена. Едва только пренія начались рѣчью папскаго посланника, какъ они стали выражать свое неодобреніе и постарались опровергнуть его на всѣхъ пунктахъ. Наконецъ, Августинъ категорически предложилъ имъ: праздновать Пасху въ должное время, совершать обрядъ крещенія согласно правиламъ Римской церкви, признать надъ собою главенство папы и вмѣстѣ съ Римскими миссіонерами проповѣдовать Слово Божіе Англо-Саксамъ. Бритты также категорически отвергли всѣ эти условія. „Такъ если вы не хотите мира съ братьями, вскричалъ Августинъ съ угрозой, вы будете имѣть войну съ врагами; если вы не хотите указать Саксамъ путь къ вѣчной жизни, то отъ ихъ же рукъ примете смертную казнь!". Предсказаніе это скоро исполнилось.

первой король, принявшій христіанство и вмѣстѣ съ тѣмъ первой, оставившій письменное собраніе законовъ своего народа (на Англо-Саксонскомъ языкѣ). Сынъ его Eadbald, женившійся на вдовѣ отца своего, уже этимъ поступкомъ своимъ показалъ, что не желаетъ признавать христіанства и повиноваться его законамъ.
Тоже самое случилось и въ Эссексѣ. Три сына Сэберта (или Сабернта) послѣ смерти отца своего обратились въ язычество и вновь разрѣшили культъ древнихъ боговъ. Но такъ какъ они были кроткаго характера, то сначала не преслѣдовали ни Меллита, ни тѣхъ, кто слушалъ его; они даже иногда посѣщали христіанскій храмъ. Однажды, когда Меллитъ совершалъ таинство Евхаристіи, молодые короли спросили его: „Почему не предложишь ты и намъ этого бѣлаго, вкуснаго хлѣба, который ты раздаешь другимъ и который ты часто давалъ отцу нашему?" „Если вы хотите, отвѣчалъ епископъ, очиститься въ источникѣ жизни, въ которомъ очистился отецъ вашъ (разумѣя крещеніе), то и вы будете имѣть свою долю этого прекраснаго хлѣба." „Мы вовсе не хотимъ очищаться въ купели; мы не имѣемъ никакой надобности въ этомъ; мы хотимъ только подкрѣпиться этимъ вкуснымъ хлѣбомъ." На эту просьбу, повторенную нѣсколько разъ, епископъ постоянно отвѣчалъ отказомъ; наконецъ они начали думать, что онъ нарочно не исполняетъ ихъ просьбы и изгнали его вмѣстѣ со всѣмъ причтомъ изъ Лондона. Они нашли убѣжище въ Кентѣ, у епископовъ Лаврентія и Юста, которые, при прибытіи Меллита съ его спутниками также находились въ затруднительномъ положеніи вслѣдствіе смерти Этельберта и нерасположенія къ христіанству его преемника Эдбальда. Хотя король этотъ и не преслѣдовалъ христіанъ, но своимъ поведеніемъ и примѣромъ поощрялъ неуваженіе къ правиламъ ученія Христа. Лаврентій, Меллитъ и Юстъ согласились наконецъ удалиться на родину, такъ какъ лучше было отдать свою жизнь на служеніе Богу со спокойнымъ сер-

дцемъ въ отечествѣ своемъ, чѣмъ оставаться среди язычниковъ, возставшихъ противъ вѣры. Меллитъ и Юстъ отправились вмѣстѣ и благополучно прибыли въ Галлію. Лаврентій, намѣревавшійся послѣдовать за ними, провелъ послѣднюю ночь своего пребыванія въ Британіи въ Кентберійской церкви св. Петра и Павла.

„На другой день утромъ говоритъ Беда Достопочтенный (Hist. eccles. gentis Anglor. cap. VI, p. 123.) онъ явился къ Эдбальду израненый, окровавленый и указывая на свои раны, сказалъ: „смотри, какъ наказалъ меня апостолъ Петръ, за то, что я покушался покинуть его стадо." Король тронулся этимъ зрѣлищемъ, упросилъ Лаврентія остаться, воротилъ Меллита и Юста, принялъ христіанство и запретилъ совершенно поклоненіе древнимъ богамъ.

Дольше всего держалось язычество въ Эссексѣ, хотя сыновья Сигиберта пали въ битвѣ.

Ранѣе, еще при жизни бретвальды Этельберта принялъ христіанство король восточной Англіи - Редвальдъ - бретвальда послѣ смерти Этельберта. Но во время общей реакціи и колебанія между язычествомъ и христіанствомъ, онъ также не остался твердъ въ новой вѣрѣ. Не уничтожая у себя поклоненія христіанскому Богу и не отрекаясь отъ него, онъ старался какъ бы примирить оба культа. Въ своемъ храмѣ онъ построилъ два алтаря: одинъ Христу, а другой божествамъ Тевтонскимъ и по очереди молился тѣмъ и другимъ.

Сосѣдомъ ею за Гумберомъ былъ Эдильфритъ (Aedilfrith), король Берниціи, присоединившій къ ней послѣ смерти Эллы (+588) и его владѣніе Дейру, причемъ малолѣтній сынъ Эллы - Эдвинъ долженъ былъ спасать свою жизнь въ изгнаніи, гдѣ онъ могъ познакомиться и съ христіанствомъ; онъ нашелъ убѣжище у Кельтскихъ владѣтелей Валлиса и Strathclyd'а. На защиту Эдвина противъ Этильфрита, жестокаго врага христіанства, Eadwon, Кельтскій король Gwynedd, вмѣстѣ съ другимъ Валлійскимъ владѣтелемъ.

Какъ христiане, они надѣялись побѣдой надъ Эдильфритомъ упрочить торжество христiанства; но надежды ихъ не сбылись. Эдильфритъ разбилъ войска ихъ при Честерѣ (Legancester) и направился къ Бангорскому монастырю. Когда онъ приблизился, монахи Бангора, помня угрозу Августина, въ ужасѣ оставили свой монастырь и бѣжали къ войску, собравшемуся подъ предводительствомъ вождя Валлiйской провинцiи Powis. Войско было разбито. Побѣдитель, во время преслѣдованiя, замѣтилъ толпу людей странно-одѣтыхъ, безоружныхъ и колѣнопреклоненныхъ и спросилъ, кто это и что они дѣлаютъ. Ему отвѣтили, что это люди сосѣдняго большаго монастыря и что они молятся о спасенiи своихъ. „Если они молятся своему Богу, сказалъ король язычникъ, слѣдовательно они сражаются противъ меня, хотя и безоружные." И съ насмѣшливой жестокостью приказалъ противъ нихъ именно направить первый ударъ. Около 1200 Бангорскихъ монаховъ погибло въ этой рѣзнѣ. Предсказанiе Августина исполнилось. Нѣтъ основанiя предполагать, что св. Августинъ самъ направилъ этотъ ударъ противъ своихъ враговъ и поощрялъ языческаго Нортумберландскаго короля. Беда Достопочтенный, впрочемъ, кончаетъ свой разсказъ объ этомъ слѣдующими знаменательными словами: „Такъ исполнилось предсказанiе св. Августина, хотя онъ самъ уже давно перешелъ изъ этого мiра въ царство небесное." (ibid. cap. II, p. 114.)

Эдвинъ нашелъ убѣжище у Бретвальда Редвальда, короля Восточной Англiи (East-Anglia). Нѣсколько разъ родственникъ его Эдильфритъ требовалъ его выдачи, но это было напрасно. Наконецъ и самъ Редвальдъ поднялся на защиту правъ Эдвина и короли-союзники на этотъ разъ побѣдили. Эдильфритъ палъ на полѣ битвы и Эдвинъ, послѣ смерти его сдѣлался королемъ Нортумберланда. Восшествiе его на престолъ имѣло огромныя, важныя послѣдствiя; онъ соединилъ подъ рукою своею весь сѣверъ, сдѣлался

могущественнѣйшимъ правителемъ Британіи и сдѣлался бретвальдой надъ всѣми Англо-Саксонскими государями. Даже острова Мона (теперь Anglesey) и Man признавали его власть. Особенно важное значеніе имѣетъ его бракъ, какъ и вообще браки всѣхъ королей въ это переходное время. Онъ женился на дочери Этельберта Кентскаго — Aetelberg'ъ. Тѣ же надежды сопровождали выдачу ея замужъ, какъ и выдачу Берты Франкской. Епископъ Паулинъ послѣдовалъ за нею и получилъ позволеніе отправлять богослуженіе, хотя самъ король оставался язычникомъ. Въ Римѣ были извѣстны эти отношенія и вотъ папа Бонифацій посылаетъ „славному Эдвину" благословеніе св. Петра и подарки; ему — тунику, украшенную золотымъ позументомъ и мантію тонкой Анконской шерсти; женѣ — гребень слоновой кости, вызолоченный и серебряное зеркало. Подарки были приняты, но не склонили еще гордаго короля къ принятію христіанства. Послѣ спасенія своего отъ руки наемнаго убійцы, подосланнаго королемъ Вессекса и послѣ рожденія въ тотъ же день дочери, онъ позволилъ крестить ее по христіанскому обряду, убѣжденный просьбами жены и епископа Паулина. Но самъ онъ обѣщалъ обратиться только въ томъ случаѣ, если христіанскій Богъ даетъ ему побѣду надъ Вессексомъ. Въ 626 году онъ дѣйствительно одерживаетъ эту побѣду, въ которой пало 5 конунговъ Вессекса. Но и послѣ этого Эдвинъ медлилъ; гордому королю необходимо было болѣе сильное нравственное потрясеніе.

Этотъ толчокъ данъ былъ ему епископомъ Паулиномъ. Въ жизни Эдвина было одно странное происшествіе, о которомъ никто не зналъ кромѣ его самого x). Епископъ Паулинъ напомнилъ ему объ этомъ происшествіи, узнавъ объ немъ, какъ говоритъ Беда, по откровенію свыше; (вѣрнѣе,

x) Подробный разсказъ см. у Thierry. Hist. d. l. conquête de l'Angl. p. 68 и слѣд.

по разсказу Эдельберги); это такъ подѣйствовало на короля, что онъ хотѣлъ преклониться предъ святымъ мужемъ; но послѣдній поднялъ его, и требовалъ только принятія вѣры христіанской. Эдвинъ отвѣчалъ, что онъ готовъ сдѣлать это, но, вѣрный своей обычной осторожности, рѣшилъ еще посовѣтоваться со своими товарищами. Собранъ былъ національный совѣтъ, называемый на Саксонскомъ языкѣ Wittena-Gemote - совѣтъ мудрыхъ, состоявшій изъ магистратовъ, богатыхъ землевладѣльцевъ, высшихъ военачальниковъ и жрецовъ. Послѣ высказаннаго королемъ предложенія, верховный жрецъ, носившій кельтское имя Coifi, первый подалъ свое мнѣніе:

„Ты самъ, король, разсуди о достоинствахъ того, что тебѣ предлагаютъ; я же вотъ что скажу тебѣ по собственному опыту; не было человѣка, во всемъ народѣ нашемъ, служившаго богамъ усерднѣе, чѣмъ я; и однако я далеко не самый богатый и не самый почитаемый изъ всѣхъ; есть гораздо болѣе людей, пользующихся твоими щедротами и милостями; поэтому я думаю, что боги наши безсильны.

Затѣмъ всталъ военачальникъ и сказалъ:

„Ты помнишь, можетъ быть, король, что иногда бываетъ зимою, когда ты сидишь за столомъ съ твоими альдерменами и танами, (mid thinum Ealdormannum and Thegnum.) когда яркій свѣтъ горитъ, и въ комнатѣ тепло, но на дворѣ такъ холодно, снѣжно и вѣтрено. Вотъ маленькая птичка быстро проносится чрезъ комнату, влетая въ одну дверь и вылетая въ другую. Минута пребыванія въ комнатѣ для нея полна наслажденія; она не чувствуетъ болѣе ни грозы, ни дождя; но эта минута коротка; птичка проносится съ быстротою молніи и изъ холода попадаетъ опять въ холодъ. Такова кажется мнѣ жизнь человѣческая, такъ же коротка она сравнительно съ вѣчностью прошедшаго и будущаго. И это время (будущее) для насъ темно и тревожно, такъ какъ мы не въ сос-

тоянiи познать его; если же новая религiя можетъ просвѣтить насъ сколько нибудь относительно этого - она стоитъ, чтобы принять ее." (Beda, lib. II, cap. XIII, p. 142.)
Эта поэтическая и трогательная апологiя подѣйствовала на всѣхъ остальныхъ членовъ собранiя и они торжественно отреклись отъ старыхъ боговъ своихъ. Но, когда король Эдвинъ предложилъ разрушить языческiе храмы и низвергнуть боговъ, то никто изъ присутствующихъ не рѣшился на такое святотатство, кромѣ верховнаго жреца. Онъ приказалъ дать себѣ оружiе и коня, чтобы сразу нарушить уставъ x) и, потрясая копьемъ, поскакалъ къ храму и ударилъ въ стѣны и въ изображенiя идоловъ.
Такимъ образомъ совершилось крещенiе Эдвина. На мѣстѣ разрушеннаго языческаго храма построена была церковь въ Іоркѣ, гдѣ утверждена была и вторая по значенiю епископская каѳедра (послѣ Кентербрiйской.).
И у Восточныхъ Англовъ наконецъ, послѣ многихъ колебанiй и отступничества, утвердилось наконецъ христiанство по католическому обряду. Король Сигибертъ показалъ такое усердiе къ новой вѣрѣ, что даже принялъ монашество. (Впослѣдствiи это дѣлали многiе другiе короли.)
Правленiе Эдвина отличалось мудростью и кротостью и обѣщало безопасность и долгое процвѣтанiе его государству. Но вскорѣ для Нортумбрiи начинаются тяжелыя времена. Въ Мерцiи восходитъ на престолъ Пенда, который, въ союзѣ съ Кельтами и съ королемъ Страсклейда нападаетъ на Эдвина. Въ 633 году Эдвинъ убитъ; Етельберга и Паулинъ бѣжали. Но ни Пенда, ни Валлiйскiй король не взяли себѣ чужихъ владѣнiй: въ Берницiи возстановленъ сынъ Этильфрита, въ Деирѣ - родственникъ Эдвина. Оба они были склонны къ язычеству и христiанской церкви

---

x) жрецы не имѣли права носить оружiе и могли ѣздить только на кобылицѣ.

угрожала военная опасность. Но Кадвалло (Ceaadwalla), король Страклейда, убилъ ихъ обоихъ въ Йоркѣ; одного на войнѣ, другого, во время мира, коварнымъ образомъ.
Снова совершается важный и знаменательный переворотъ: на престолъ Освальдъ, младшій сынъ Эдильфорита, воспитанный и крещенный въ Шотландіи. Во главѣ небольшой дружины онъ явился въ королевство своего отца, побѣдилъ Кадваллу (послѣдняго героя Бриттовъ), соединилъ подъ властью своей Берницію и Дейру и принялъ титулъ бретвальды.
Этотъ Освальдъ, знаменитый въ Саксонскихъ преданіяхъ, сдѣлалъ столько же славныхъ дѣлъ, какъ и предшественникъ его Эдвинъ. Крещенный въ Шотландіи, по обряду Кульдеевъ, онъ является защитникомъ и покровителемъ преслѣдуемой Англо-Саксами церкви.
Изъ Шотландіи къ нему былъ присланъ св. Аиданъ, которому король подарилъ небольшой островъ Линдесфарнъ. Здѣсь св. миссіонеръ основалъ свою каѳедру и отсюда и началъ дѣло христіанской проповѣди. Дѣло это было не легко: Аиданъ говорилъ только на Кельтскомъ языкѣ и Освальдъ долженъ былъ служить переводчикомъ между епископомъ и просвѣщаемыми; но тѣмъ не менѣе проповѣдь слова Божія дѣлала быстрые успѣхи и число новообращенныхъ все умножалось. Въ 642 году, въ сраженіи съ Пендой, неутомимымъ преслѣдователемъ его предшественника, Освальдъ былъ убитъ. Церковь причислила его къ лику святыхъ и празднуетъ память его 5 Августа.
Наслѣдникомъ Освальда и королемъ всей Нортумбріи сдѣлался послѣ небольшого промежутка братъ его Освій. Онъ побѣдилъ наконецъ Пенду, который въ 654 году и умеръ. Освій имѣлъ большое и благотворное вліяніе на распространеніе христіанства; по совѣту его Эссекскій король Сигибертъ Добрый отрекся отъ идоловъ. Но въ самой фамиліи короля произошелъ нѣкотораго рода религіозный рас-

ходъ: Освiу праздновалъ пасху по Ирландскому счету, а суп
руга его, дочь Кентскаго короля - по католическому; его сынъ
слѣдовалъ примѣру матери. Такого рода раздѣленiя бы
ли очень опасны у народа, только недавно покинувшаго язы
чество и понимавшаго христiанство въ тѣснѣйшей связи
съ внѣшнимъ богослуженiемъ. Третiй епископъ Линдсфар
на (1е Аиданъ, 2е Финанъ) - Кольманъ (Colman), опять Шотл
скаго происхожденiя, употреблялъ всѣ усилiя, чтобы доста
вить торжество своей церкви. Созванъ былъ соборъ. Подъ пред
водительствомъ короля собрались наиболѣе знаменитые пред
ставители обѣихъ церквей изъ всѣхъ королевствъ, кромѣ
Кента; со стороны сочувствующихъ Риму особенно выдавал
ся будущiй архiепископъ Iорка - Англо-Саксъ Вилфоридъ.
Долго продолжался диспутъ; при этомъ выяснилось, что
Освiу довольно наивно понимаетъ христiанство. Дѣло въ
томъ, что когда представители Римской церкви излага
ли извѣстное преданiе о ключахъ св. Петра, переданныхъ
по его смерти Римскому первосвященнику, о тѣхъ клю-
чахъ, на основанiи которыхъ дана ему была власть рѣ
шить и вязать, прощать грѣхи и налагать интердикты,
то Освiу, пораженный этимъ разсказомъ, обратился къ
единовѣрцамъ своимъ - епископамъ Иро-Шотландской цер
кви и спросилъ ихъ: обладаютъ ли они такие подобны
ми ключами царствiя небеснаго? Отрицательный отвѣтъ
послѣднихъ, совершенно не знавшихъ этого преданiя, заста
вилъ короля рѣшиться въ пользу Римской церкви.
И такъ, слѣдствiемъ диспута было утвержденiе Римска
го исповѣданiя. Скотты, впослѣдствiи, были весьма полез
ны Англо Саксамъ своею ученостью и много работали,
какъ распространители школьнаго просвѣщенiя.
Освiу былъ проникнутъ сознанiемъ необходимости единст
ва и благодаря своему положенiю бретвальда оказывалъ
влiянiе въ этомъ смыслѣ и внѣ своего собственнаго владѣнiя.
Въ 664 году, по смерти архiепископа Кентерберiйскаго - Деус-

dedit (шестой по счету) онъ, вмѣстѣ съ королемъ Кента Эгбертомъ, обратился къ папѣ Виталіану, рекомендуя общаго избранника. Кандидатъ умеръ въ Римѣ и папа воспользовался этимъ случаемъ для того, чтобы отправить своего - знаменитаго своею ученостью Ѳеодора Тарсійскаго.

Принятой съ честью, Ѳеодоръ объѣхалъ всѣ Англо-Саксонскія королевства, вездѣ утверждая авторитетъ Римской церкви, по поводу болѣе правильнаго празднованія Пасхи, стараясь повсюду уничтожить всякій слѣдъ прежняго вліянія Кульдеевъ на выборы и ординацію епископовъ. Суссексъ былъ послѣднимъ государствомъ, принявшимъ христіанство и такимъ образомъ въ VII вѣкѣ, послѣ долгихъ политическихъ и религіозныхъ распрь, вся Британія является просвѣщенной ученіемъ Христа и объединенной подъ властью Римскаго первосвященника.

Исторія распространенія и утвержденія Христіанства въ земляхъ Англо-Саксовъ была эпизодомъ, необходимымъ для поясненія того, какимъ образомъ появились среди Франкскаго населенія Англо-Саксонскіе миссіонеры, изъ среды которыхъ своей дѣятельностью особенно выдавался св. Винфридъ (Бонифацій). Обратимся теперь снова къ разсмотрѣнію исторіи Франкскаго государства.

Уже въ первомъ поколѣніи преемниковъ Хлодовига, несмотря на внутреннюю деморализацію, Франкская монархія далеко распространила свою власть сначала въ Галліи, а потомъ и внутрь Германіи. Покоренные еще Хлодовигомъ, Германскія земли давали постоянно притокъ новыхъ силъ и содѣйствовали присоединенію къ Франкскому государству тѣхъ варварскихъ владѣній, которые еще не были подвержены цивилизующему вліянію Римской культуры. Такимъ образомъ подчинена была Тюрингія, земля Алеманновъ (еще Хлодовигомъ) и Баварія. Франкская монархія занима

теперь первостепенное мировое положение. Два государства — одно на крайнемъ Востокѣ (Византія) другое на крайнемъ Западѣ тогдашней цивилизованной Европы (Франкское) должны были съ этого времени играть выдающуюся роль въ послѣдующей исторіи Среднихъ вѣковъ.

Повидимому, Франки съ самаго начала должны были оказывать ощутительное вліяніе на покоренныхъ ими, от странныхъ отъ цивилизаціи германскихъ племенъ; но мы знаемъ почему вліяніе это было только медлено и постепенно: Франки не имѣли особенно прочнаго государственнаго порядка, въ монархіи Хлодовица господствовалъ порядокъ, который можно было бы назвать удѣльнымъ; каждый отецъ, умирая, дѣлилъ королевство между своими, часто многочисленными сыновьями, что, конечно было причиною почти непрерывныхъ междоусобныхъ войнъ, кончавшихся обыкновенно новымъ соединеніемъ всей монархіи въ рукахъ наиболѣе счастливаго изъ наслѣдниковъ. Такъ, въ началѣ VII столѣтія Хлотеръ II (613-622) сынъ Хильперика и Фредегонды, управлялъ во всѣхъ трехъ королевствахъ (Австразіи, Нейстріи и Бургундіи) одинъ посредствомъ маіордомовъ и передалъ власть сыну своему Дагоберту въ 622 г. Главными совѣтниками послѣдняго были Арнульфъ Мецкій (v. Metz) и Пипинъ Старый или Ланденскій, маіордомъ Австразійскій. Между прочимъ, король Дагобертъ оставилъ по себѣ память перенесеніемъ столицы своего государства въ Парижъ; при немъ впервые появляется въ исторіи новый элементъ, игравшій такую важную роль въ послѣдующихъ событіяхъ — маіордомы или палатные мэры. Послѣ Дагоберта снова раздѣляется государство Франковъ, но теперь мы замѣчаемъ, что принципъ дѣленія нѣсколько иной, чѣмъ онъ былъ при первомъ и второмъ поколѣніи наслѣдниковъ Хлодовица. Уже въ VI вѣкѣ начинаетъ рѣзко обозначаться противоположность между страною на югъ отъ Луара (Аквитаніей), занятой В. Готами, шпв-

шей гораздо менѣе Франкскаго элемента, чѣмъ другія области и сѣверныя Франціи. (Та же противоположность впослѣдствіи обнаруживается между langue d'Oc и langue d'Oil.) И Бургундія, напоминающая прежнее Бургундское королевство, обособляется и при раздѣлахъ составляетъ обыкновенно отдѣльное владѣніе. Та же противоположность замѣчалась между Австразіей (сѣв. вост. часть Галліи, по берегамъ Рейна, отъ южной границы Эльзаса до моря) и Нейстріей (сѣв. часть Галліи отъ западныхъ границъ Австразіи до полу-независимой Бретани и береговъ Атлантическаго океана). Австразія оставалась въ сущности совершенно германской землей, въ которой жило населеніе, говорившее германскимъ языкомъ, мало тронутое вліяніемъ Рима; Нейстрія же, страна Салическихъ Франковъ по преимуществу, совершенно романизировалась, такъ что даже Франкское населеніе не удержало здѣсь своего Германскаго характера. Эта противоположность сѣвера и юга, востока и запада основывалась на большей или меньшей силѣ и присутствіи германскаго элемента. На основаніи этой естественной племенной противоположности совершался обыкно- 337
венно и раздѣлъ Франкской монархіи между наслѣдниками; при этомъ слѣдуетъ обратить вниманіе на характерную особенность раздѣла: получая во владѣніе независимое отдѣльное королевство, каждый наслѣдникъ еще оставлялъ за собою и часть чисто-Романской территоріи, около Сены, въ прежней области Сіагрія, въ окрестностяхъ новой столицы — Парижа. Но подобные раздѣлы, конечно, были для общаго благосостоянія государства, такъ какъ неизмѣнно вели къ кровопролитнымъ раздорамъ и столкновеніямъ. Это особенно ярко выразилось послѣ Дагоберта, когда государство Франковъ и безъ того находилось въ опасности отъ внѣшнихъ враговъ. Съ одной стороны ему грозили язычники Фризы и Саксы, подвинувшіеся отчасти въ тѣ мѣста, которыя были колыбелью Франковъ и занявшіе

Батавскій полуостровъ; съ другой - еще при Даговертѣ изъ области Одера и Эльбы появляются Славяне и утверждаются въ тѣхъ самыхъ земляхъ, гдѣ мы первоначально видѣли Лангобардовъ, Готовъ, Вандаловъ. Эти Славяне появляются подъ именемъ Вендовъ. Померанію начинаютъ наводнять массы Ляхитскаго племени; кромѣ того, на востокѣ появляются Сорбы (теперешніе Сербы Лужицкіе); область Маркоманновъ дѣлается мѣстомъ поселенія Чеховъ, далѣе селятся Моравы и наконецъ область восточныхъ Альпъ - Штирія, Каринтія, Крайна, также наводнены Славянскимъ элементомъ. Франкскому государству приходится имѣть дѣло съ этими новыми врагами. Борьба, впослѣдствіи занимающая видное и важное мѣсто въ исторіи среднихъ вѣковъ, начинаетъ уже обрисовываться въ это время. Точно также, какъ уже извѣстно, и Балканскій полуостровъ наполняется Славянами; Сербы, Хорваты и другія мелкія племена легально селятся на почвѣ Византійской имперіи.

Во время Даговерта образуется первая славянская большая держава, занимавшая огромное пространство земли, заключавшая въ себѣ много мелкихъ славянскихъ племенъ, объединенныхъ основателемъ этой державы - Само. При немъ Франки начинаютъ испытывать набѣги новаго врага; въ трехдневномъ сраженіи при Wogastisburg въ Чехіи - Франки разбиты. Венды начинаютъ дѣлать страшныя вторженія въ Тюрингію, Баварію, опустошаютъ Франкскія земли и держатъ въ постоянной тревогѣ восточныя границы государства. Эта вѣчная опасность, это тревожное положеніе заставили Даговерта, въ концѣ своего правленія дать Австразіи особеннаго короля - въ лицѣ своего малолѣтняго сына Сигиберта II (634-656.) подъ руководствомъ маіордома Адальгизеля, сына Арнульфа, женатаго на Бегги, дочери Пипина Старого. И такъ, въ борьбѣ со славянскими племенами выступаетъ

въ первый разъ на историческое поприще эта славная фамилія, которой суждено было поднять величіе и значеніе государства Франковъ, фамилія Каролинговъ, или лучше сказать пока - Пипинидовъ. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, фамилія эта происходила изъ Брабанта, но вѣрнѣе будетъ согласиться съ другимъ мнѣніемъ, выводящимъ ихъ изъ самаго сердца Австразіи: колыбель ихъ дома и родовыя владѣнія этого семейства находятся въ области между Маасомъ, Мозелемъ и Рейномъ.

Изъ этой-то знаменитой фамиліи выдвигается сначала цѣлый рядъ маіордомовъ (majores domus), наслѣдственно владѣвшихъ этой почетной должностію и наконецъ эта же фамилія превращается впослѣдствіи въ королевскую Франкскую династію.

Скажемъ нѣсколько словъ для разъясненія этой, встрѣчающейся здѣсь впервые въ исторіи, должности маіордома или палатнаго мэра (major domus).

Исторія маіордомовъ принадлежитъ къ числу самыхъ серьезныхъ и спорныхъ научныхъ вопросовъ. Многіе ученые пытались объяснить значеніе этой должности и причины такого возвышенія маіордомовъ. Главная трудность состоитъ въ опредѣленіи ихъ первоначальной должности, потому что маіордомы являются при самомъ началѣ Меровингской династіи, хотя на первый планъ выдвигаются только со времени Хлотаря II и только послѣ Дагоберта получаютъ господствующее значеніе. Въ началѣ полагали, что должность эта была весьма неважная; ее сравнивали съ начальникомъ рабовъ, съ villicus major на земляхъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Немного позже, другое мнѣніе представляло палатнаго мэра однимъ изъ важнѣйшихъ придворныхъ чиновниковъ, завѣдующимъ королевскими имѣніями, имѣвшимъ въ власти своей раздачу бенефицій дружинникамъ короля. Наконецъ, третье мнѣніе говорило, что маіордомъ замѣнялъ короля во вре-

мя его отсутствія, случавшагося часто вслѣдствіе безпрерыв-
ныхъ войнъ и походовъ. Палатнаго мэра, говорили защит-
ники этого мнѣнія, называютъ иногда subregulus. Онъ былъ
начальникомъ королевскаго двора и главнымъ управителемъ
казначейства. Но гораздо болѣе вѣроятія имѣетъ иное
слѣдующее мнѣніе x). Маіордомъ есть ничто иное, какъ сене-
шалъ; самыя первыя извѣстія говорятъ о немъ, какъ объ ис-
полнителѣ обязанностей, обыкновенно лежавшихъ на сене-
шалѣ. Въ то время, когда маіордомы выдвигаются на пер-
вый планъ, о сенешалѣ нѣтъ уже упоминаній. Сенешалъ,
какъ уже извѣстно, завѣдывалъ всѣми чиновниками, лично
служащими королю и вмѣстѣ съ тѣмъ экономическимъ
хозяйствомъ. Его должность соотвѣтствовала должности
нынѣшняго министра двора. Ему были подчинены всѣ do-
mestici, т.е. чиновники безъ опредѣленной должности. Онъ
назывался иногда major domus regiae. Эта должность дол-
жна была ставить его въ близкія отношенія какъ съ коро-
лемъ, такъ особенно съ королевой, на которой лежало хо-
зяйственное управленіе дворомъ. Этимъ объясняется зна-
ченіе, которое долженъ былъ пріобрѣсти маіордомъ, осо-
бенно во время малолѣтства королей, когда правили ихъ
матери, обыкновенно избиравшія маіордомовъ изъ людей,
особенно имъ преданныхъ. „Должно, впрочемъ, замѣтить,
говоритъ Ешевскій, что громадное могущество, которое пріо-
брѣли въ послѣднее время маіордомы, обусловливалось не
столько ихъ должностью, сколько личными достоинствами
и положеніемъ. Они только воспользовались своею должностью,
чтобы стать дѣйствительными главами управленія, оттѣс-
нивъ королей. Со времени Дагоберта во всѣхъ трехъ ко-
ролевствахъ (Австразіи, Нейстріи, Бургундіи) являются
маіордомы, играющіе важнѣйшую роль, сосредоточившіе

x) Принадлежащее Лео, защищаемое Шёне („Die Amtsgewalt der fränkischen majores domus") и Цёпфлемъ.

въ своихъ рукахъ фактическую власть надъ всѣми землями королевствъ.

Въ то время, когда Франкская монархія находится почти на краю гибели, когда при внукахъ Дагоберта порядокъ разлагается, когда короли съ трудомъ ведутъ борьбу со славянами и не могутъ удержать подъ своею властью возмутившуюся Тюрингію, Баварію и землю Алеманновъ — тогда то единство и составъ монархіи спасаются господствомъ маіордомовъ изъ дома Пипинидовъ. Наибольшее значеніе пріобрѣтаютъ маіордомы Австразійскіе; сначала ихъ было нѣсколько, но потомъ они начинаютъ борьбу, которая въ 688 г. кончается побѣдой (близъ St. Quentin), Австразійскаго маіордома Пипина II Геристальскаго, сына Адалгизеля и Беггі, надъ противникомъ его Пипиномъ Нейстрійскимъ. Пипинъ Геристальскій провозглашается единственнымъ маіордомомъ всего Франкскаго государства. Роль короля дѣлается съ этихъ поръ совершенно ничтожною: Пипиниды заступаютъ мѣсто Меровинговъ.

Пипинъ не взялъ даже на себя званія палатнаго мэра, а принялъ титулъ „dux et princeps Francorum", который прежде иногда давался отцу его. Доказательствомъ ничтожества королевской власти служитъ еще то, что королей много, въ то время, какъ маіордомъ одинъ и достоинство это переходитъ по наслѣдству къ членамъ все одной и той же фамиліи Пипинидовъ. Пипину наслѣдуетъ сынъ его Карлъ Мартелъ.

Вмѣстѣ съ захватомъ власти въ свои руки, маіордомы начинаютъ дѣятельно заботиться о распространеніи христіанскаго просвѣщенія, совершенно оставленнаго при междоусобіяхъ и упадкѣ Меровингскаго дома. Сначала христіанская пропаганда ведется съ помощью Ирло-Шотландской церкви, потомъ — съ помощью Англо-Саксовъ, благодаря которымъ маіордомы вступаютъ въ союзъ и съ Римской церковью. Когда Англо-Саксы явились проповѣдовать среди Алламановъ, Тюринговъ, Баваровъ, непокорныхъ, враждебныхъ

нецивилизованных, и Пипинъ и Карлъ Мартелъ поняли, что только успѣхи христіанства могутъ упрочить власть ихъ среди этихъ варваровъ и, очевидно, явились дѣятельными помощниками христіанскихъ миссіонеровъ. Съ другой стороны, желанія ихъ вполнѣ сходились съ желаніями Римскаго первосвященника, для котораго весьма важнымъ и благопріятнымъ являлся фактъ подчиненія этой обширной варварской страны власти Римской церкви. Такимъ образомъ, въ лицѣ христіанской миссіи Англо-Саксовъ соединялись двѣ силы, два направленія и миссія эта, поддерживая такимъ могучимъ покровительствомъ, успѣшно и плодотворно ознаменовала свою дѣятельность среди варваровъ.

Второй изъ династіи Пипинидовъ — Карлъ Мартелъ является передъ нами, какъ герой, прославленный всѣмъ западно-христіанскимъ міромъ. Одновременно съ опасностью отъ славянскихъ нашествій, Франкскому міру грозитъ еще новый врагъ — Исламизмъ. Успѣхи этой религіи, одушевленной, фанатической, распространявшей свое ученіе мечемъ и огнемъ, были страшны для всего тогдашняго христіанскаго міра. Магометане завоевали Дамаскъ, Іерусалимъ, Антіохію, Александрію, словомъ, всю Сирію и Египетъ, также какъ и часть Малой Азіи. Въ началѣ VII вѣка распространеніе ислама начало въ двухъ направленіяхъ двигаться на Западъ: 1) Вдоль сѣвернаго берега Африки магометане дошли до Гибралтара, въ 711 году перешли этотъ проливъ и разрушили В. Готское (Толедское) королевство, гдѣ погибъ послѣдній его король, Родерихъ. Арабы не ограничились одной Испаніей; тотчасъ послѣ ея завоеванія они вторглись и въ Галлію черезъ узкіе проходы Пиринеевъ. 2) Съ другой стороны, они предприняли движеніе вдоль Сирійскаго берега, собрали флотъ и въ 716 году, переплывъ Дарданеллы, осадили Константинополь, но были отбиты Львомъ Исавромъ, императоромъ Восточной имперіи. Подобно тому, какъ Левъ Исавръ на востокѣ прославилъ этой побѣдой свою династію и прочно утвердилъ ее на Византійскомъ

престолъ, такъ и Карлъ Мартелъ своей побѣдой надъ Арабами между Туромъ и Пуатье (732.) прославился по всему западу. Третье обстоятельство, послужившее къ возвышенію и усиленію династіи Пипинидовъ, состояло въ томъ союзѣ, который заключенъ былъ между Римскимъ престоломъ и франкскими маіордомами. Первосвященники Римскіе, искавшіе опоры, послѣ разрыва своего съ Византіей и Лангобардами, нашли ее у маіордомовъ, впослѣдствіи королей франковъ - Пипинидовъ. Въ свою очередь Пипиниды, желавшіе санкціонировать свою узурпацію и сдѣлаться легальными королями, нашли себѣ поддержку въ Римской куріи. Такимъ образомъ съ одной стороны образуются, при помощи потомковъ Пипина I самостоятельныя папскія владѣнія; съ другой, при помощи папъ - Пипиниды утверждаютъ свою династію на престолъ Франковъ.

Послѣ этого небольшаго отступленія въ область фактической исторіи, обратимся къ разбору дѣятельности знаменитаго апостола Германіи - Винфрида, болѣе извѣстнаго подъ римскимъ именемъ Бонифація.
Въ дѣлѣ христіанской проповѣди, св. Винфридъ имѣлъ уже предшественниковъ въ Германіи въ лицѣ Кульдеевъ; имена двухъ изъ нихъ, наиболѣе извѣстныхъ и наиболѣе древнихъ св. Колумбана и св. Галла, мы уже знаемъ. Правда, слѣды дѣятельности ихъ заглохли, но со времени Пипина Средняго, Геристальскаго, христіанскіе миссіонеры вновь начали появляться въ языческихъ областяхъ Германіи. Бавація и Тюрингія услышали слово Божіе изъ устъ проповѣдниковъ, о болѣе знаменитыхъ и важныхъ изъ которыхъ мы должны сказать нѣсколько словъ.
Въ началѣ VI вѣка представителемъ Иро-Шотландской церкви и христіанскимъ миссіонеромъ здѣсь является Фридолинъ, проповѣдовавшій въ Вогезахъ, около Констанца и Гларуса; ученики его были и въ Аугсбургѣ.

Изъ біографіи св. Северина, дѣйствовавшаго въ Придунайскихъ областяхъ и Баваріи, мы узнаемъ, что довольно много христіанскихъ церквей существовало въ его время въ этихъ мѣстностяхъ; Баварія и Норикъ, города Пассау и Регенсбургъ были уже просвѣщены словомъ христіанской проповѣди. Передвиженіе народовъ, наплывъ Руговъ, Геруловъ, Скировъ и другихъ язычниковъ въ эти области уничтожили совершенно христіанство. Нужны были новые дѣятели для его возстановленія и они являются, сначала опять въ лицѣ Кульдеевъ и наконецъ въ лицѣ Англо-Саксонскихъ проповѣдниковъ. Въ началѣ VI вѣка здѣсь является одинъ аббатъ изъ Луксовія (Luxeuil), затѣмъ въ половинѣ VII вѣка св. Еммерамъ, епископъ Пуатье, проповѣдовавшій среди германскихъ язычниковъ въ продолженіи трехъ лѣтъ. Но главная заслуга въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія этихъ областей принадлежитъ св. Руперту Вормсскому. Полагаютъ, что онъ былъ Кульдей, такъ какъ ученіе его во многомъ разнилось отъ ученія Римской церкви; но вѣроятнѣе будетъ предположить, что онъ былъ Франкъ. Приглашенный сюда Баварскимъ герцогомъ Теодорихомъ, онъ въ 696 году прибылъ въ Регенсбургъ, крестилъ самого герцога и множество народу и основалъ здѣсь церковь, сдѣлавшуюся центромъ епархіи (Salzburg). Слѣдовательно, главнымъ дѣятелемъ по утвержденію христіанства въ Баваріи является не Кульдей, а Франкъ; но послѣ него направленіе склоняется въ пользу Кульдейской церкви. Преемникомъ его въ дѣлѣ проповѣди является Виргилій - Иро-Скоттъ, положившій также начало обращенію Славянъ Карантійскихъ (Хорутанскихъ). Этотъ Виргилій, какъ увидимъ ниже, имѣлъ впослѣдствіи столкновеніе и со св. Бонифаціемъ. Относительно его нѣтъ никакого сомнѣнія, что онъ былъ Иро-Скоттъ, такъ какъ слѣды порядковъ Кульдейской церкви ясно сохранились въ постановленіяхъ и церковной дисциплинѣ его Баварской епархіи. Въ Зальцбургѣ, Регенсбургѣ, Пассау - вездѣ во главѣ

церкви стоялъ аббатъ монастыря и ему были подвластны всѣ чины духовной iерархiи.

Не только въ Баварiи, гдѣ впослѣдствiи дѣйствовалъ св. Бонифацiй, но и въ обширной области Тюрингiи онъ имѣлъ своихъ предшественниковъ въ лицѣ Кульдеевъ. Во время Дагоберта около 650 года, явился съ 12ю спутниками (подобно св. Колумбану) на Майнъ <u>Килiанъ</u>, называемый апостоломъ Тюрингiи. Главнымъ центромъ дѣятельности этого знаменитаго проповѣдника сдѣлался Вюрцбургъ, гдѣ онъ основалъ епархiю; здѣсь же и окончилъ онъ жизнь свою, убитый — неизвѣстно — по приказанiю ли жены герцога, ревностной язычницы, или самого герцога. И здѣсь, какъ при гробѣ св. Галла, собираются его спутники; мѣсто это сдѣлалось предметомъ уваженiя и вмѣстѣ съ тѣмъ центромъ, изъ котораго распространялось христiанство. Изъ Вюрцбурга ученики Килiана проникали и далѣе, по направленiю къ Маасу и дальше (въ теперешнiе Саксенъ-Веймаръ, Саксенъ-Кобургъ-Гота и др.)

Все это необходимо было учесть для того, чтобы понять дѣятельность св. Бонифацiя, имѣющую всемiрное историческое значенiе. На дѣятельность его существуетъ два взгляда: первый изъ нихъ можетъ быть названъ католическимъ; онъ находитъ себѣ выраженiе въ книгѣ <u>Зайтерса</u> (Seiters): „Bonifacius, der Apostel der Germanen"; выраженiе другого взгляда, который можетъ быть названъ крайнимъ протестантскимъ, находимъ мы въ изслѣдованiи объ Ирло-шотландской миссiи <u>Ebrard'a</u>. Послѣднiй особенно пристрастно относится къ <u>Кульдейской</u> церкви и хочетъ унизить дѣятельность Бонифацiя, говоря, что онъ пожиналъ тамъ, гдѣ не сѣялъ, явился не столько первымъ апостоломъ Германiи, сколько дѣятелемъ на уже расчищенной чужими трудами почвѣ. Иногда даже онъ называетъ его просто шпiономъ. Онъ говоритъ, что Бонифацiй явился къ Виллиброрду во Фрисландiю, чтобы выслѣдить, что дѣлаетъ послѣднiй и донести въ Римъ; онъ выставляетъ его шпiономъ

и папъ, и маіордомовъ Франкскихъ. Очевидно, что это взглядъ черезъ чуръ рѣзкій и крайній. Гораздо болѣе умѣренно новое, вышедшее въ 1875 г. сочиненіе Werner'a. Онъ относится къ этому вопросу гораздо болѣе критически и все его сочиненіе состоитъ въ разсмотрѣніи двухъ противорѣчащихъ мнѣній - Зайферта и Эбрарда. Тѣмъ не менѣе онъ и самъ склоняется въ пользу Кульдеевъ и говоритъ, что Бонифацій все же не былъ первымъ апостоломъ Германіи, а если и былъ, то первымъ паписскимъ апостоломъ, а не вообще первымъ проповѣдникомъ христіанства. Въ этомъ есть доля правды, но вообще здѣсь говоритъ отчасти и нерасположеніе протестанта къ Бонифацію, надолго подчинившему Германію власти Римскаго папы. Винфридъ по происхожденію своему былъ Англо-Саксъ; онъ родился около 648 или 650 года, въ королевствѣ Вессексъ (въ нынѣшнемъ Kirton'ѣ въ Девонширѣ); происходя изъ знатной семьи, онъ предназначался родителями къ свѣтской дѣятельности, но весьма рано почувствовалъ склонность къ монашеской жизни и не смотря на увѣщанія отца и семьи поступилъ въ монахи. Долгое время мѣстопребываніемъ его былъ монастырь Нотчелъ (mon. Notcellense, около Соутгамптона) и здѣсь, подъ вліяніемъ Англо-Саксовъ, онъ усвоилъ себѣ уваженіе къ Римской церкви. Благодаря тому, что Англо-Саксонская церковь усвоила себѣ культурныя преданія Кульдеевъ, благодаря школамъ, существовавшимъ въ эпархіяхъ, св. Винфридъ изучилъ греческій и латинскій языки, и вообще пріобрѣлъ значительныя научныя познанія. Уже ранѣе его, Англо-Саксонская церковь выставила знаменитаго ученаго и писателя - Беду Достопочтеннаго. Бонифацій пошелъ по слѣдамъ своего предшественника, горячо принялся за науку и скоро сдѣлался знаменитѣйшимъ учителемъ Англіи. Одно время онъ самъ завѣдовалъ монастырской школой и это на долгое время оставило слѣды въ его дальнѣйшей дѣятельности; въ это же время онъ завязалъ много знакомствъ и связей, которыя дѣятельно поддерживалъ впослѣд

ствіи. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Винфридъ придавалъ большое значеніе образованію женщинъ. Многія изъ знатныхъ женщинъ того времени были ученицами его и впослѣдствіи, когда онъ былъ миссіонеромъ въ далекихъ лѣсахъ Германіи, память ихъ объ немъ выражалась различными подарками и письмами, которые онъ получалъ съ родины. Въ свою очередь онъ писалъ имъ различныя наставленія и даже иногда давалъ порученія; такъ, одна изъ ученицъ его должна была по просьбѣ его переписать золотыми буквами посланія св. ап. Петра: Бонифацій думалъ, что въ такомъ видѣ священное писаніе произведетъ большее впечатлѣніе на варваровъ-язычниковъ. Изъ сохранившейся переписки Бонифація можно видѣть, что сношенія его съ многими знатными Англо-Саксонками Вессекса и другихъ государствъ не прекращались и послѣ отъѣзда учителя ихъ въ Германію. Въ письмахъ его сохранились слѣды его профессорской дѣятельности: онъ любитъ употреблять миѳологическія сравненія, украшать свою рѣчь риторическими фигурами. Мы знаемъ далѣе, что нѣкоторое время онъ былъ преподавателемъ латинской грамматики (какъ она тогда понималась) и метрики; въ Ватиканской библіотекѣ найдены были недавно составленные имъ учебники. О методѣ и успѣхахъ его преподаванія можно судить по слѣдующему разсказу: Однажды онъ пришелъ къ одной знатной дамѣ, внукъ которой только что прибылъ изъ придворной королевской школы. За обѣдомъ юноша долженъ былъ прочитать отрывокъ изъ какого-то латинскаго автора. Когда онъ съ успѣхомъ исполнилъ это, то Бонифацій спросилъ его: понимаетъ ли онъ то, что прочелъ и если понимаетъ, то пусть переведетъ. Юноша отвѣтилъ утвердительно, но, вмѣсто ожидаемаго перевода, снова началъ читать тоже самое наизусть. Тогда Бонифацій, видя, что переводъ на родной языкъ этого мѣста былъ для юноши весьма затруднителенъ, самъ перевелъ и объяснилъ ему непонятные

Впечатлѣніе, произведенное этимъ толковымъ поясненіемъ, было столь сильно, что юноша не захотѣлъ отстать отъ Винфрида и дѣйствительно сдѣлался впослѣдствіи ученикомъ его и даже преемникомъ по дѣлу христіанской проповѣди у Фризовъ: это былъ Григорій, позднѣе епископъ Утрехтскій. Фактъ этотъ доказываетъ, какое впечатлѣніе производили толкованія Винфрида и какъ успѣшно должно было быть его поясненіе св. Писанія варварамъ.
Впослѣдствіи Бонифацій имѣлъ ученый споръ съ Виргиліемъ Зальцбургскимъ по поводу антиподовъ. Какъ извѣстно, мнѣніе о существованіи антиподовъ было распространено еще въ древнія времена, но позднѣе осуждено церковными писателями Лактанціемъ и Тертулліаномъ. Тѣмъ не менѣе Виргилій, какъ передовой, болѣе образованный человѣкъ, былъ убѣжденъ въ справедливости мнѣнія древнихъ. Это-то и послужило предметомъ спора между ними, спора, разрѣшеннаго (по крайней мѣрѣ съ формальной стороны) при посредничествѣ папы, подвергшаго осужденію мнѣніе Виргилія.
Но во всякомъ случаѣ, не смотря на недостаточность знанія въ области наукъ естественныхъ, ученость Винфрида была высока и пріобрѣла ему множество учениковъ и последователей.
Въ 715 году онъ, впрочемъ, оставилъ свои ученыя и учебныя занятія и отправился къ ирландскому миссіонеру Виллиброрду, обращавшему Фризовъ. Но послѣ кратковременнаго пребыванія тамъ, онъ возвратился въ свой монастырь, а потомъ отправился въ Римъ. Какія были причины, заставившія его предпринять это путешествіе - неизвѣстно. Писатели крайняго протестантскаго направленія особенно обвиняютъ его за этотъ поступокъ. Если онъ только хотѣлъ слѣдовать влеченію своего сердца и отдать себя на служеніе дѣлу христіанской проповѣди, то зачѣмъ ему было ѣздить въ Римъ, просить санкціи папы, когда и безъ того путь къ язычникамъ

былъ открытъ для всякаго христіанскаго миссионера. Вѣроятно, говорятъ они, онъ искалъ власти и опоры для нея въ авторитетѣ Римскаго первосвященника. Какъ бы то ни было, но въ Римѣ онъ выхлопоталъ себѣ особое разрѣшеніе для проповѣди евангелія среди Германцевъ. Послѣ поѣздки въ Римъ, онъ прежде всего появляется въ Баваріи, но и здѣсь не надолго; полагаютъ, что онъ потерпѣлъ здѣсь неудачу, встрѣтясь съ Кульдейскими проповѣдниками. Тогда онъ снова воротился къ Виллиброрду въ Фрисландію, въ которой, при помощи Франкскихъ маіордомовъ, христіанство сдѣлало уже большіе успѣхи. Трудно видѣть въ этомъ пребываніи Бонифація возлѣ Виллиброрда предвзятую цѣль шпіонства, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ непонятно, почему такъ долго (3 года) оставался онъ тамъ и только въ 722 году, когда Виллибрордъ при смерти своей хотѣлъ сдѣлать его своимъ преемникомъ не только по миссіи, но и по епископству, онъ отказался отъ этого и возвратился въ Тюрингію. Здѣсь въ первый разъ онъ появляется въ тѣхъ областяхъ, для которыхъ впослѣдствіи сдѣлалъ весьма много - въ области Хаттовъ (Гессовъ, тепер. обл. Гессенъ). Проповѣдь его здѣсь пошла успѣшно, но все же многаго онъ не могъ сдѣлать, такъ какъ пробылъ только одинъ годъ и въ 723 году опять отправился въ Римъ. Это вторичное пребываніе его въ Римѣ имѣетъ весьма важное историческое значеніе; здѣсь принесена была имъ знаменитая присяга: на гробѣ св. Петра онъ далъ папѣ Григорію II клятву въ вѣрности и повиновеніи Римскому престолу въ слѣдующихъ знаменательныхъ выраженіяхъ:

„Во имя Бога Спасителя нашего Іисуса Христа, въ царствованіе государя Льва Великаго императора, въ седьмой годъ послѣ его консульства и Константина, его сына, въ 4-й годъ, Инд. 6.

„Я, Бонифацій, милостію Божіей епископъ, обѣщаю тебѣ, блаженный Петръ, и твоему намѣстнику, блаженному Григорію, и его преемникамъ, во имя Отца и Сына и св. Ду-

„га, святой и нераздѣльной Троицы и во имя пресвятаго здѣсь
„твоего святаго тѣла — всегда сохранять полную вѣрность
„святой католической вѣрѣ; оставаться съ Божіею помо-
„щью, въ единеніи съ этою вѣрою, отъ которой несомнѣн-
„но зависитъ все спасеніе христіанъ; не содѣйствовать, вслѣд-
„ствіе чьего либо совѣта, чему бы то ни было, что вредитъ един-
„ству Вселенской церкви; и доказывать во всѣхъ отношеніяхъ
„мою вѣрность, чистоту вѣры и полную преданность тебѣ и
„пользамъ твоей церкви, которой отъ Бога дана власть вя-
„зать и рѣшить, и сказанному намѣстнику твоему и его
„преемникамъ.

„И если я узнаю что епископы дѣйствуютъ противъ древнихъ
„правилъ св. отцевъ, я обѣщаю — не имѣть съ ними ни союза,
„ни общенія; мало того, обѣщаю удерживать (prohibere), ес-
„ли буду въ состояніи — иначе — тотчасъ извѣщу о томъ моего
„апостольскаго владыку. Если же (чего не дай Богъ) я когда ли-
„бо, по наклонности или случайно, впаду въ соблазнъ сдѣ-
„лать что либо вопреки вышеупомянутымъ обѣщаніямъ,
„то пусть я буду осужденъ на страшномъ судѣ, пусть под-
„вергнусь казни Ананія и Сапфиры, дерзнувшихъ васъ (апос-
„толовъ) обмануть и скрыть отъ васъ часть своего имуще-
„ства. Я, Бонифацій, собственноручно написалъ сіе клятвен-
„ное увѣреніе, и положивши его на тѣло блаженнаго Петра,
„произнесъ, согласно предписанію, призывая въ свидѣтели
„и судьи Бога, клятву, которую обѣщаю содержать."

Документъ этотъ, очевидно, весьма важенъ; онъ уже, впро-
чемъ, не новый и во многомъ даже списанъ съ той формулы
присяги, которая существовала для такъ называемыхъ суб-
урбикарныхъ (подгородныхъ, отъ sub urbe) епископовъ, которые
были подчинены Римскому папѣ, какъ митрополиту, сос-
тавляли часть его діоцезы. Различіе состоитъ только въ
одномъ пунктѣ; въ той присягѣ говорится: „если я узнаю,
что кто-либо замышляетъ противъ республики (государ-
ства) и нашего свѣтлѣйшаго государя, я не буду въ томъ

участвовать (consentire) и т. д. Измѣненіе, слѣдовательно, состоитъ въ томъ, что вмѣсто императора, поставленъ Римскій (папскій) престолъ.

Итакъ, нѣмецкая церковь, вслѣдствіе этой присяги, вступаетъ въ такое же отношеніе къ папѣ, какъ церкви Италіи, въ отношеніе непосредственной зависимости и подчиненія. Папа получаетъ въ будущей епархіи Бонифація тѣ же права, которыми онъ пользовался въ собственномъ своемъ діоцезѣ; другими словами – Германія дѣлается Римской церковной провинціей.

Въ первый разъ епископъ, принадлежащій къ Франкской монархіи, даетъ обѣтъ безусловнаго повиновенія апостольскому престолу. Еще никогда ничего подобнаго не бывало. Франкскіе епископы пользовались полной автономіей; между тѣмъ какъ теперешній товарищъ въ Германіи сдѣлался папскимъ уполномоченнымъ, слугою или чиновникомъ. Особенно замѣчательно то мѣсто присяги, гдѣ и другіе священники, не признающіе преданій Римской церкви, признаются все таки подлежащими суду ея. Здѣсь опять заключается указаніе на то, что такіе духовные были, что Бонифацій уже встрѣчалъ ихъ въ Германіи. Очевидно, что онъ имѣлъ въ виду представителей Кульдейской церкви и здѣсь догадки Werner'а и Ebrard'а справедливы: Бонифацій предвидѣлъ возможныя столкновенія съ Кульдеями; мы знаемъ, что онъ дѣйствительно имѣлъ ихъ. Въ тѣмъ не менѣе, было бы несправедливо утверждать, что онъ шелъ въ Германію исключительно на борьбу съ представителями Ирло-Шотландской церкви, что онъ намѣревался выступить тамъ только какъ полемистъ, а не какъ проповѣдникъ христіанства.

Въ 723 году Бонифацій, уполномоченный папою Григоріемъ II въ пропагандѣ христіанства среди Германскаго языческаго населенія, перешелъ во второй разъ Альпы и направился, какъ уже извѣстно, въ Тюрингію и Гессенъ.

Совершенно ложно, впрочемъ, было бы представленіе, что онъ долженъ былъ здѣсь исключительно бороться съ язычествомъ, что дѣятельность его состояла исключительно въ истребленіи священныхъ дубовъ Водана и вообще, всего древняго германскаго культа. Какъ видно изъ дошедшихъ до насъ писемъ самого св. Бонифація, онъ говоритъ гораздо больше о борьбѣ своей съ ложными христіанами, ложными священниками, священниками-прелюбодѣями (adulteres), какъ онъ самъ ихъ называетъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ ему предстояла еще немалая борьба и съ остатками языческихъ обычаевъ, въ которыхъ онъ не рѣдко даже упрекаетъ христіанское население этихъ областей. По словамъ его, христіане иногда продаютъ въ рабство дѣтей своихъ сосѣдямъ-язычникамъ, для того, чтобы дѣти эти послужили для языческихъ жертвъ. Священники же, не только не обращаютъ на это должнаго вниманія, но даже сами не исполняютъ многихъ каноническихъ правилъ, дозволяютъ браки въ близкой степени родства и (что было преступнѣе всего въ глазахъ Римскаго священника) сами живутъ съ женами, не исполняя весьма важнаго для духовныхъ лицъ обѣта безбрачія. Естественно, что свободный уставъ служителей Кульдейской церкви, не воспрещавшій браки даже въ киновіяхъ, казался страннымъ и вызывалъ неодобреніе у подчиненнаго строгимъ правиламъ епископа Римской церкви.

И такъ, вмѣстѣ съ христіанской проповѣдью, вмѣстѣ съ искорененіемъ языческихъ обычаевъ, Бонифацій ведетъ и усиленную борьбу съ предшественниками своими въ дѣлѣ христіанскаго просвѣщенія Германіи - Кульдейскими миссіонерами. За это особенно обвиняютъ его нѣкоторые германскіе ученые. Если бы не было Бонифація, говорятъ они, если бы онъ не явился истребителемъ результатовъ предшествовавшей миссіи, то ученіе Бриттской церкви, болѣе мягкое, болѣе снисходительное, чѣмъ строгій уставъ Рима, успѣло бы прочно утвердиться въ Германіи, и она избѣгла бы

того унижения, того разъединенія, которымъ подверглась впослѣдствіи. Признавая въ самомъ Бонифаціи благородное и возвышенное сердце, горячій энтузіазмъ, непреклонное желаніе успѣть въ задуманномъ дѣлѣ, они тѣмъ не менѣе обвиняютъ его за результаты его дѣятельности и единственное извиненіе видятъ въ томъ благотворномъ вліяніи въ смыслѣ культурномъ, которое оказала Италія на Германію вслѣдствіе сближенія съ ней путемъ церковныхъ интересовъ.
Одинъ существенный вопросъ совершенно упускается изъ виду всѣми изслѣдователями этого факта, не исключая и самыхъ новѣйшихъ, – вопросъ о томъ, въ чемъ заключалась сила Бонифація, почему восторжествовалъ онъ надъ Кульдейской церковью, столь многочисленной, столь крѣпко, по видимому, утвердившейся въ Германіи. Положимъ, онъ имѣлъ поддержку въ авторитетѣ папской власти, но вѣдь авторитетъ опять не признавали ни Кульдейскіе миссіонеры, ни тѣмъ менѣе Германцы-язычники. Положимъ, наконецъ, что его поддерживали франкскіе маіордомы, но вѣдь сами они стояли совершенно независимо отъ Римской церкви, они даже (какъ напр. Карлъ Мартелъ) отбирали церковныя имущества и отдавали ихъ своимъ дружинникамъ. Во всемъ этомъ, очевидно, еще нельзя видѣть того, что давало Бонифацію силу противъ Кульдейскихъ проповѣдниковъ.
Одно изъ важныхъ и несомнѣнныхъ преимуществъ Бонифація передъ Кульдеями былъ языкъ, на которомъ онъ проповѣдовалъ. Кульдеи, говорившіе по всей вѣроятности, на своемъ родномъ Кельтскомъ языкѣ, не могли быстро усвоить себѣ языкъ своихъ германскихъ слушателей и поэтому, надо полагать, не всегда были понимаемы ими. Бонифацій, Англо-Саксонскаго происхожденія, говорилъ языкомъ весьма близкимъ къ германскимъ нарѣчіямъ и это, естественно, облегчало ему въ значительной мѣрѣ дѣло проповѣди.
Недолго дѣйствовалъ Бонифацій одинъ въ Германіи. Вскорѣ

послѣ первыхъ успѣховъ его миссіи, послѣ первыхъ утѣшительныхъ писемъ на родину, цѣлая толпа монаховъ и монахинь начали стремиться въ Германію; цѣлыя колоніи проповѣдниковъ и учительницъ поселились въ Гессенѣ. Между прибывшими монахинями встрѣчаемъ мы тѣ же имена, которыя можно найти и въ перепискѣ Бонифація: Berahtgit, Chunigilt, Chunidrut, Thecla, Walpurgis и особенно Lioba или Leobgytha.

Кунигильда и дочь ея Берагтгита явились въ Тюрингіи и пріобрѣли извѣстность не какъ основательницы монастырей, а болѣе какъ воспитательницы и учительницы. Текла занималась тѣмъ же въ Китцингенѣ и Оксенфуртѣ. Но наиболѣе замѣчательная изъ нихъ, пользовавшаяся высокимъ уваженіемъ Бонифація, была Ліоба; подъ ея руководствомъ образовалась нѣкоторой родъ женской академіи, изъ которой вышелъ цѣлый рядъ отличныхъ учительницъ и матерей.

Изъ монастырей, основанныхъ учениками и помощниками Бонифація, замѣчательны: Фрицларъ, Герсфельдъ и особенно Фульда, основанный его ученикомъ и другомъ Штурмомъ; монастыри эти были средоточными пунктами, откуда шла проповѣдь и много способствовали успѣху миссіонерской дѣятельности Бонифація.

Отъ 723 до 727 года проповѣдовалъ онъ въ Тюрингіи. Теперь на пути его лежала земля, гораздо болѣе близкая и родная ему, Англо-Саксу, чѣмъ Тюрингія и Гессенъ, - земля древнихъ Саксовъ. Но онъ не направился въ эту страну; какъ бы въ подтвержденіе того, что онъ дѣйствительно пожиналъ тамъ, гдѣ не сѣялъ, что онъ не хотѣлъ дѣйствовать на неприготовленной почвѣ, онъ обошелъ эту страну и повернулъ назадъ, въ Баварію, приглашенный Баварскимъ герцогомъ Одилономъ. Здѣсь, на мѣстномъ синодѣ, онъ возвелъ аббатовъ Зальцбурга, Регенсбурга и Фрейзингена въ санъ епископовъ; въ Пассау утвердилъ уже бывшаго тамъ епископа. Здѣсь онъ совершенно не

былъ уже миссіонеромъ, а только борцомъ за папскія пра-
ва съ Кульдеями, еретиками въ его глазахъ. Здѣсь же про-
изошла и уже намъ распря его съ Виргиліемъ.
Папа Григорій II умеръ въ 731 году. Въ 732 году Бонифацій
получилъ изъ Рима архіепископскій паллиумъ, а въ 738-мъ
году Григорій III снова приглашаетъ его въ Римъ, чтобы
принять инструкціи и папскія полномочія для органи-
заціи нѣмецкой церкви. Въ этомъ отношеніи Бонифацій
далеко превзошелъ Кульдеевъ, которые за все время своего пре-
быванія въ Германіи не съумѣли систематично и правиль-
но организовать свою церковь съ административной сто-
роны. При Бонифаціи положено было начало строгому по-
рядку въ церкви; устроены были епископства, находившіяся
подъ непосредственнымъ вѣдѣніемъ архіепископа, который
уже въ свою очередь имѣлъ непосредственныя сношенія съ Ри-
момъ. Для Тюрингіи предположено было епископство въ <u>Эр-
фуртѣ</u> (хотя послѣ его не существовало; оно было присоеди-
нено къ Майнцу). Для южной Тюрингіи (впослѣдствіи
Франконіи, въ области Майна) рѣшено было образовать
епископство въ <u>Вюрцбургѣ</u>, для Гессена въ <u>Бюрабургѣ</u> (Bür-
raburg, около Фрицлара) и наконецъ для Баваріи - въ <u>Эйх-
штедтѣ</u>. Все это, очевидно, было заранѣе обсуждено въ
Римѣ, отмѣчено пунктуально, съ большимъ тщаніемъ и
старательностью. Какъ организаторъ церкви среди герман-
скихъ христіанъ, Бонифацій дѣйствительно не имѣлъ се-
бѣ подобнаго и оставилъ глубокіе слѣды своей дѣятельно-
сти. При Карлѣ Мартелѣ Бонифацій долженъ былъ огра-
ничиваться своей непосредственной задачей, но зато, тот-
часъ по смерти его явился совершенно въ другой роли. По-
ка желѣзная рука знаменитаго маіордома держала браз-
ды правленія, Бонифацій не выступалъ изъ предѣловъ Ав-
стразіи (Австразія обнимала тогда, кромѣ Франкской Фри-
ландіи, еще Гессенъ, Тюрингію, Аллеманію и Баварію), но со всту-
пленіемъ на престолъ сыновей его - Пипина и Карломана

дѣятельность Бонифація распространилась и на Франкскую церковь.

Франкская церковь во времена Меровинговъ порвала совершенно свою связь съ Римомъ и была почти самостоятельна. Нравственная сторона и церковная дисциплина въ ней была въ совершенномъ упадкѣ; епископы и аббаты пріобрѣли видъ скорѣе напоминавшій свѣтскихъ владѣтелей и даже военныхъ предводителей, чѣмъ смиренныхъ служителей церкви. Въ „Дѣяніяхъ" монастыря св. Вандрилла находимъ мы характеристику одного изъ подобныхъ священниковъ - Аббата Гидона. Гидонъ былъ начальникомъ двухъ богатыхъ монастырей, но ходилъ не иначе, какъ съ короткимъ мечемъ на боку, носилъ военный плащъ вмѣсто рясы и вовсе не думалъ о церковныхъ правилахъ. Онъ выѣзжалъ изъ монастыря всегда со сворами собакъ, потому что ежедневно занимался охотой, и превосходно стрѣлялъ птицъ изъ лука. Естественно, что подобныя занятія духовенства не могли соотвѣтствовать настоящему призванію служителей алтаря и заставляли ихъ совершенно забывать свои священныя обязанности. Бонифацій и здѣсь является дѣятельнымъ организаторомъ сначала Австразійской, а потомъ и всей Франкской церкви. Соборы духовенства въ Австразіи не собирались уже въ продолженіи цѣлыхъ 80ти лѣтъ. Стараніями Бонифація при Карломанѣ былъ созванъ въ Австразіи первый нѣмецкій областной соборъ, который, отправивъ предварительно папѣ Римскому грамоту съ изъявленіемъ полной покорности, постановилъ: соборамъ собираться ежегодно; всѣмъ монастырямъ управляться только на основаніи правилъ св. Бенедикта Нурсійскаго; церквамъ возвратить отобранныя у нихъ имѣнія; духовенству не охотиться и не принимать личнаго участія въ войнахъ и походахъ. Тутъ же были осуждены разныя суевѣрія и остатки язычества, еще крѣпко хранившіеся въ населеніи, носившемъ имя христіанъ.

Въ 748 году Бонифацій сдѣланъ былъ архіепископомъ Майнца, причемъ ему были подчинены не только Аламаннскія епископства - Страсбургъ, Базель, Констенцъ, Аугсбургъ, но и Австразійскія - Вормсъ, Шпейеръ и Утрехтъ, на нѣкоторое время даже Кельнъ. Несомнѣнно, что онъ старался не только о формальномъ, внѣшнемъ подчиненіи этихъ церквей Риму и его первосвященнику, но и объ утвержденіи въ нихъ Римскаго каноническаго права. Организаторская дѣятельность св. Бонифація, его труды по устройству церковнаго порядка и дисциплины имѣютъ огромное и важное значеніе.

Спустя нѣкоторое время (въ 755 г.) Бонифацій задумалъ вновь возвратиться къ тому, что занимало его и раньше - къ миссіонерской дѣятельности и отправился къ Фризамъ, въ ту самую Фрисландію, гдѣ еще въ молодыхъ лѣтахъ онъ являлся помощникомъ Виллиброрда. Какъ видно изъ біографіи его (написанной по разсказамъ его учениковъ Виллибальдомъ и переписанной въ XI вѣкѣ монахомъ Фульдскаго монастыря Отлономъ x), онъ отправился къ Фризамъ съ большимъ количествомъ провожатыхъ и между прочимъ съ 52-ю человѣками вооруженной свиты. Нѣкоторые нѣмецкіе ученые обвиняютъ въ этомъ Бонифація, желая видѣть въ этихъ 52-хъ вооруженныхъ людяхъ военную силу, при помощи которой св. проповѣдникъ намѣревался завоевать Фрисландію, а вовсе не принять тамъ вѣнецъ мученичества.

По другимъ разсказамъ извѣстно, однако, что его проводники взяли съ собой погребальныя одежды, и что самъ онъ, отправляясь въ путь, оставилъ завѣщаніе. Хотя все это могло быть слѣдствіемъ понятной предусмотрительности, такъ-какъ онъ былъ уже въ весьма преклонныхъ лѣтахъ, но тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что путешествіе это и цѣль его противорѣчатъ мнѣнію, выставляющему Бонифація, только какъ гонителя и врага Кульдейской церкви.

---

x) Смотри у Pertz: Monum. German. Script. t. II. 331-353 и 357-359.

Такъ или иначе, но вопросъ о ближайшихъ соображеніяхъ, побудившихъ Бонифація идти къ Фризамъ, не можетъ быть рѣшенъ съ полной удовлетворительностью.

Придя къ Фризамъ, Бонифацій, по словамъ его біографа, остановился возлѣ какой-то рѣки Борнте и послалъ учениковъ своихъ разбить шатры, желая здѣсь подождать тѣхъ изъ новообращенныхъ Фризовъ-христіанъ, которые должны были принять причащеніе. И здѣсь, слѣдовательно, подобно тому, какъ въ Гессенѣ и въ Тюрингіи, онъ является не какъ первый миссіонеръ, а какъ организаторъ церкви, утвердитель христіанства. Когда наступилъ назначенный для конфирмаціи день, то ожидаемые св. епископомъ люди „не какъ друзья, но какъ враги, не какъ новые чтители вѣры, но какъ новые палачи", по словамъ того-же біографа, ворвались въ лагерь и умертвили какъ св. Бонифація, такъ и всѣхъ спутниковъ его. Тѣло его перенесено было въ монастырь Фульдскій, который и до нашего времени служитъ мѣстомъ для соборовъ и совѣщаній католическихъ епископовъ.

Св. Бонифацій, отправившійся изъ Германіи въ Италію чтобы получить благословеніе папы для проповѣди христіанства среди Германскихъ язычниковъ, а за тѣмъ явившійся при дворѣ Франкскаго маіордома съ рекомендательными письмами Римскаго епископа, былъ первымъ, положившимъ начало будущему союзу папъ съ Франкскими маіордомами. Чтобы прослѣдить развитіе этихъ отношеній и наконецъ дѣйствительное заключеніе союза между этими двумя силами, — духовной и свѣтской —, намъ необходимо возвратиться нѣсколько назадъ, къ Италіи, оставленной нами въ эпоху Григорія II и Григорія III.

Затруднительное положеніе Рима въ это время уже извѣстно намъ. Мы знаемъ, что Римъ и его первосвященникъ, стѣсненные Лангобардскимъ королемъ Лиутпрандомъ, не могли расчитывать на помощь и опору со стороны Византійскаго

Лит. Пазовскаго. Казанская, №18.

императора и должны были искать этой помощи въ другомъ мѣстѣ. Мы не будемъ теперь подробно разсматривать политику папъ въ это тяжелое время, а остановимся только на выдающихся событіяхъ 737, 747 и 752 годовъ.
Въ 728 году Левъ Исавръ, императоръ-иконоборецъ, попытался провести свои эдикты силой, приказалъ экзарху схватить папу силой и отправить его въ Царьградъ. Но на защиту папы уже поднялся народъ. Римляне и Лангобарды соединились вмѣстѣ для общаго сопротивленія и заняли дорогу, ведущую отъ Равенны въ Римъ и никого не пускали въ Римскую область (дукатъ). Объявлена была прямая война между имперіей и папствомъ. Григорій созвалъ соборъ въ Римѣ, на который явились сосѣдніе епископы, возбуждалъ ихъ къ сопротивленію, дѣлалъ черезъ нихъ воззванія къ народу. Жители Равеннской области и Пентаполя формально отложились отъ экзарха, предали его церковному проклятію вмѣстѣ съ господиномъ, пославшимъ его и объявили, поднявши вверхъ оружіе, что они положатъ свой животъ, пожертвуютъ своею кровью и имуществомъ для защиты папы, которому угрожаютъ убійствомъ. Греческіе чиновники вездѣ были выгнаны; мѣсто ихъ заступили многие вожди, которые и встали во главѣ движенія. Религіозное одушевленіе соединилось съ пробужденіемъ національнаго чувства. Народъ хотѣлъ даже провозгласить своего императора, который бы повелъ Итальянцевъ на Царьградъ и наказалъ бы Льва Исавра. Въ Равеннѣ былъ убитъ экзархъ Павелъ среди смятенія. Дукъ Экзиляратусъ, шедшій съ войскомъ отъ Неаполя, встрѣтился съ Римской милиціей, былъ схваченъ въ плѣнъ и казненъ. Такъ далеко не хотѣлъ и не могъ идти Григорій II. Отказаться совершенно отъ имперіи, отложиться отъ императора, не значило ли это отдаться въ руки Лангобардамъ. Пусть они уже давно сдѣлались католиками, пусть въ настоящую минуту они являются вмѣстѣ съ кореннымъ Итальянскимъ насе-

леніемъ защитниками папы*) но - папа уже привыкъ къ своему положенію почти независимаго правителя въ Римѣ и дукатѣ и не хотѣлъ отказаться отъ пріобрѣтенной самостоятельности, тѣмъ болѣе, что Лангобарды были ненадежными союзниками.

Въ 728 году Ліутпрандъ, король-католикъ, защитникъ папы, захватилъ укрѣпленный городъ Сутри къ сѣверу отъ Рима, принадлежавшій къ Римскому дукату. Что же значило это? Это значило, что Лангобардскій король готовъ защищать папу, какъ Римскаго епископа, какъ духовнаго владыку, но вовсе не признавалъ за нимъ какихъ либо политическихъ правъ. Онъ былъ союзникомъ папы противъ императора и пользовался этимъ случаемъ, чтобы взять городъ, принадлежавшій императору. Понятно, что папѣ Григорію было крайне непріятно подобное близкое сосѣдство Лангобардовъ. Онъ желалъ воротить Сутри, выпросить его во чтобы то ни стало у Ліутпранда. Но отъ чьего имени и въ силу чьего права онъ могъ бы предъявить подобное требованіе? Вотъ здѣсь то и обнаруживалась опять необходимость или выгода зависимости отъ императора. Тѣмъ не менѣе умный епископъ нашелъ выходъ: „непрерывными просьбами, увѣщаніями и дарами, говоритъ біографъ его, Григорій побудилъ наконецъ короля воротить Сутри, лишенный уже всякихъ оборонительныхъ средствъ, въ видѣ дара апостоламъ Петру и Павлу. (Vita Gregor.) Ліутпрандъ уступилъ, но это ему было непріятно: охлажденіе и отчужденіе повело къ примиренію его съ Экзархомъ, съ Византіей. Когда противъ него возмутились герцоги Беневента и Сполетто, онъ заключилъ формальный союзъ

---

*) Король Ліутпрандъ не поддался никакимъ соблазнамъ со стороны Византійцевъ, которые подсылали къ нему съ предложеніями отстать отъ папы, давали богатые дары и еще болѣе щедрыя обѣщанія.

съ экзархомъ; условіе этого договора состояло въ томъ, что экзархъ долженъ помочь ему покорить возмутившихся герцоговъ; король же, въ свою очередь, поможетъ экзарху смирить папу Григорія и принудить къ покорности (въ политическомъ смыслѣ.).
Въ 729 году соединенное Греко-Лангобардское войско вторглось въ Сполеттскую область. Герцоги сейчасъ же сочли свое дѣло потеряннымъ и приняли присягу покорности своему королю. Отсюда Ліутпрандъ вмѣстѣ съ экзархомъ двинулся къ Риму и расположился лагеремъ на сѣверѣ города, въ виду городскихъ воротъ. Что же сдѣлалъ Григорій въ виду этого затруднительнаго положенія? „Безъ оружія, какъ говоритъ его жизнеописаніе, въ епископской одеждѣ явился къ Ліутпранду папа въ его лагерь, представилъ ему всю неестественность союза съ Греками (еретиками) и успѣлъ такъ подѣйствовать на короля, что тотъ бросился къ его ногамъ, обѣщая ему безопасность и защиту; отправился вмѣстѣ съ нимъ ко гробу апостоловъ и здѣсь оставилъ въ видѣ приношенія свой плащъ, запястье, мечъ и прочее оружіе, даже свою золотую корону и серебряный крестъ."
Особенно замѣчательно было то, что Ліутпрандъ желалъ, чтобы миръ простирался и на экзарха, чтобы Григорій покончилъ свою распрю съ императоромъ. Григорій согласился и впустилъ экзарха въ Римъ, куда Лангобарды отступили къ сѣверу.
Въ 731 году умеръ Григорій II и на его мѣсто былъ избранъ Григорій III, родомъ Сиріецъ. Примиреніе съ иконоборческимъ императоромъ было невозможно и прежде, теперь оно еще болѣе было немыслимо, вслѣдствіе гордаго, властолюбиваго характера новаго папы.
Съ обѣихъ сторонъ принимались враждебныя мѣры. Папа велѣлъ возстановить на свой счетъ значительную часть городскихъ упавшихъ стѣнъ, изъ своихъ средствъ платилъ за работу и известь. Левъ Исавръ отправилъ къ берегамъ

Италии флотъ, конфисковалъ патримонии св. Петра въ Калабріи и Сициліи и передалъ Иллирійскіе и Греческіе діоцезы (въ томъ числѣ и Солунь) патріарху Константинопольскому. Такимъ образомъ разрывъ усиливается. Римъ еще больше отходитъ отъ Византіи, и папы, уже давно практически самостоятельные властители, начинаютъ открыто употреблять выраженіе „Respublica romana" до сихъ поръ не встрѣчавшееся еще въ исторіи.
Въ 739 году начинаются новыя столкновенія съ Ліутпрандомъ. Быть можетъ не безъ содѣйствія папы, противъ Лангобардскаго короля возмутился герцогъ Тразамундъ Сполеттскій; побѣжденный оружіемъ Ліутпранда, онъ искалъ убѣжища въ Римѣ. Король потребовалъ выдачи его. Когда папа и все Римское войско (съ дуксомъ) въ этомъ отказали, Ліутпрандъ вступилъ въ Римскій дукатъ, сталъ опустошать Кампанью, знатнымъ плѣнникамъ остригалъ волосы по Лангобардскому обычаю и одѣвалъ въ Лангобардскую одежду; заняты были города: Ameria, Horta, Polimartium и Blera. Наконецъ, войска Лангобардовъ подступили къ самому Риму и осадили его. Григорій III не употребилъ противъ короля того оружія, которымъ такъ удачно воспользовался его предшественникъ, быть можетъ вслѣдствіе того, что вліяніе его на Ліутпранда было менѣе сильно, быть можетъ потому, что онъ сознавалъ невозможность два раза подъ рядъ дѣйствовать на варвара одной силой убѣжденія. Въ эту критическую минуту, осаждаемый страшнымъ врагомъ, папа отправилъ первое посольство къ Франкскому майордому - Карлу Мартелу x); съ богатыми подарками и реликвіями (между прочимъ путь были ключи отъ гроба и цѣпь св. Петра) отправилось посольство морскимъ путемъ

x) Это былъ тотъ самый годъ, когда Бонифацій писалъ, что онъ обратилъ 100 т. Германцевъ, которые всѣ исполнены почтенія къ св. Петру и когда онъ занятъ былъ устройствомъ Баварской церкви.

во Францію.
До насъ дошли только весьма отрывочныя свѣдѣнія объ этомъ посольствѣ, хотя, очевидно, оно имѣло огромное значеніе. Повидимому, оно было отправлено уже послѣ окончательнаго рѣшенія, что народъ Римскій отступаетъ отъ покорности Восточному императору и передаетъ власть надъ собой, вмѣстѣ съ консульскимъ достоинствомъ, Франкскому маіордому. Къ этому моменту, слѣдовательно, относится формальное заявленіе о прекращеніи въ Италіи императорской власти. Съ другой стороны особенно важно то, что предлагая Карлу Мартеллу консульское достоинство, папа какъ бы ставитъ себя на мѣсто императора Римскаго, которому одному принадлежало право награждать этимъ титуломъ, также какъ и титуломъ патриція имперіи.
Посольство это, впрочемъ не достигло своей цѣли. Карлъ Мартеллъ далеко не могъ еще назваться послушнымъ слугою и вѣрнымъ помощникомъ первосвященника Римскаго. Кромѣ того, отвлекаемый войною съ Сарацинами и нуждаясь въ помощи Лиутпранда Лангобардскаго, онъ, очевидно, и не захотѣлъ бы выступить противъ него. Еще недавно, для поддержки дружественныхъ сношеній, Франкскій правитель отправилъ къ Лиутпранду своего сына, для совершенія надъ нимъ обряда усыновленія (adoptio). Естественно, что выступить противъ соотечественника и союзника, подать помощь пока еще совершенно чуждому ему блюстителю апостольскаго престола Карлъ Мартеллъ не могъ и не хотѣлъ.
739 г.
Съ наступленіемъ осени, Лиутпрандъ оставилъ осаду Рима, намѣреваясь возобновить войну на слѣдующій годъ. Папа отправилъ къ Франкскому маіордому второе посольство съ письмомъ: (см. Monumenta Carolina, изданіе Jaffé).
„Превосходнѣйшему сыну Карлу вице-королю (subregulo), Григорій папа! Въ крайней печали сердца и слезахъ мы сочли

„необходимымъ снова (iterata vice) писать вашему превосходству..
„Мы не можемъ болѣе переносить притѣсненій и угнете-
„нія со стороны народа Лангобардскаго. Они похитили
„даже всѣ свѣтильники (luminaria) у самого князя апо-
„столовъ, даже тѣ, которые были пожертвованы ваши-
„ми предками и вами самими. Такъ какъ послѣ Бога
„у тебя одного мы искали убѣжища, то ради этого Лон-
„гобарды имѣютъ насъ въ поношеніи (in obprobium habent)
„и угнетаютъ. Ради этого и церковь св. Петра ограблена
„и приведена въ крайнее запустѣніе." (Codex Carol. № 1.)
Въ слѣдующемъ 740-году затрудненія увеличились и опас-
ность была еще настоятельнѣе. Едва Ліутпрандъ удалил-
ся отъ стѣнъ Рима, какъ оттуда вышелъ Тразамундъ,
сопровождаемый Римскимъ войскомъ, Римской милиціей
и направился въ свои прежнія владѣнія; при помощи Рим-
лянъ, онъ выгналъ оттуда оставленный Лангобардами
гарнизонъ и торжественно вступилъ въ Сполетто, а гер-
цогъ, поставленный Ліутпрандомъ, былъ убитъ. Въ то
же самое время произошло возстаніе въ Беневентѣ противъ
Герцога Григорія, поставленнаго также Ліутпрандомъ.
Избранъ былъ новый герцогъ, Готшалькъ, тотчасъ же всту-
пившій въ союзъ съ Тразамундомъ и папой. Понятенъ
гнѣвъ Ліутпранда. Поднявшись въ походъ весною 740-года
и направляясь черезъ экзархатъ и Пентаполь въ Сполетто,
онъ поступалъ жестоко и не щадилъ патримоній Рим-
ской церкви, разсѣянныхъ тамъ во множествѣ. Это было
такъ чувствительно для папы, что онъ сдѣлалъ даже
попытку примиренія съ Ліутпрандомъ; она, впрочемъ, ос-
талась напрасною. Надежды на благопріятный исходъ дѣ-
ла становились все слабѣе......
Отправлено было новое (третье) посланіе къ Карлу Мартелу:
„Сердце наше волнуется крайнею печалью, слезы не оскудѣ-
„ваютъ въ очахъ нашихъ ни днемъ, ни ночью, ибо мы ви-
„димъ, что святая церковь Божія постоянно и отвсюду

остается покинутою отъ ея собственныхъ сыновъ, отъ которыхъ она могла ожидать отмщенія. Пожираемые горестью, мы находимся въ воздыханіи и печали. Немного осталось отъ прошедшаго года для помощи и пропитанія бѣдныхъ во Христѣ и для поддержанія свѣтильниковъ при богослуженіи (luminariorum concinnatione) — въ области Равенской — и вотъ мы видимъ, что и это немногое истребляется огнемъ и мечемъ отъ королей Лиутпранда и Гильпранда (племянника его, объявленнаго соправителемъ). Въ самыхъ Римскихъ областяхъ отправленныя ими многія войска сдѣлали и дѣлаютъ съ нами то же самое; они разрушили всѣ дворы (salas) св. Петра и увели скотъ, который въ нихъ былъ оставленъ. Мы обратились къ тебѣ, превосходнѣйшій сынъ нашъ, и до сихъ поръ намъ не приходитъ никакого утѣшенія.
„Такъ какъ этимъ королямъ дана полная свобода движенія съ вашей стороны, то мы убѣждаемся, что ихъ ложныя внушенія находятъ у тебя лучшій пріемъ, чѣмъ наша правда. Мы боимся, чтобы тебѣ не поставлено это было во грѣхъ. И теперь тамъ, гдѣ находятся тѣ короли, часто раздаются въ поношеніе намъ такія рѣчи: „пусть придетъ Карлъ, у котораго вы искали защиты; пусть придутъ войска Франковъ и если могутъ, то пусть помогутъ вамъ и вырвутъ васъ изъ руки нашей." Не вѣрь, сынъ, ложнымъ внушеніямъ и убѣжденіямъ тѣхъ королей. Они внушаютъ тебѣ одну только ложь, ихъ письма содержатъ одни только увертки. Они говорятъ, что ихъ герцоги Сполетскій и Беневентскій совершили противъ нихъ какую-то вину, — но все это ложь. Не за что другое преслѣдуютъ они тѣхъ герцоговъ, а именно только за то, что они въ прошедшемъ году не хотѣли напасть на насъ изъ своихъ областей, какъ они сами сдѣлали" и т. д. Въ концѣ письма вновь повторяются мольбы о помощи (Codex Carol. № 2.)
Но Карлъ и теперь ограничился однимъ посредничествомъ. Война продолжалась, когда умеръ Карлъ Мартеллъ 21 Ок-

тіяра и Григорій III - 28го Ноября 741 года.
Преемникъ его, папа Захарій (741-752) началъ совершенно новую политику. Онъ отказался отъ союза съ герцогами Сполетто и Беневента, какъ ненадежными и соединилъ свою милицію съ Лангобардами подъ условіемъ возвращенія городовъ въ дукатѣ Римскомъ, занятыхъ въ 739 году. Когда же Ліутпрандъ медлилъ исполнить обѣщаніе, то папа самъ совершилъ путешествіе къ королю. Тотъ встрѣтилъ его за ½ мили, держалъ узду его коня, оказывалъ ему всевозможные знаки почтенія; слѣдствіемъ этого посѣщенія было то, что папа получилъ желаемое.
Но Ліутпрандъ хотѣлъ вознаградить себя и въ 743 году войска его вступили въ экзархатъ и Пентаполь. Папа Захарій вновь вступился и помѣшалъ ему овладѣть крѣпкой Равенной. Миръ съ папой оказывался весьма невыгоднымъ для лангобардскаго короля: Равенна и Пентаполь, все еще признававшіе власть (восточнаго) императора, входившіе въ составъ имперіи, были дороги почему-то и для Римскаго епископа, какъ будто онъ уже имѣлъ самъ какіе-то виды на эти области и въ желаніи обладать ими сходились и сталкивались папы и короли.
Преемникъ Ліутпранда (не непосредственный) Рахисъ (744-749), также сдѣлалъ нападеніе на Пентаполь и Перуджію, но отказался отъ обладанія ими, убѣжденный внушеніями папы. Первая эта неудача такъ подѣйствовала на короля, что онъ ушелъ въ 749 году въ Монте-Кассинскій монастырь, желая посвятить жизнь свою Богу, чтобы не быть принужденнымъ двоиться въ своихъ желаніяхъ и дѣйствіяхъ.
Послѣ него на престолъ Лангобардскій вступаетъ знаменитый братъ его Айстульфъ, получившій бразды правленія вопреки желанію Рима. За то борьба на жизнь и на смерть за обладаніе Римомъ была его цѣлью; 750 годъ весь прошелъ въ приготовленіяхъ къ войнѣ; въ 751 году онъ овладѣлъ Равенной, Экзархатомъ и Пентаполемъ; на 752 годъ

рѣшенъ былъ походъ на самый Римъ.

Что Римъ не можетъ устоять безъ посторонней помощи — въ этомъ нѣтъ сомнѣнія. Но гдѣ искать ея? Константинополь по прежнему оставался далекъ и враждебенъ....

Въ этотъ именно затруднительный моментъ и прибыло извѣстное посольство отъ Франковъ въ Римъ. „Бурхардъ епископъ и капелланъ Фульрадъ, говоритъ продолжатель Фредегарія, были посланы въ Римъ, чтобы посовѣтоваться съ папою Захаріемъ относительно тогдашнихъ королей Франкскихъ, только носившихъ это имя, но уже потерявшихъ всякую власть. Папа отвѣчалъ черезъ посланнаго, что лучше было бы, если бы пользующійся властью короля сталъ королемъ въ самомъ дѣлѣ; онъ высказалъ полное согласіе и повелѣлъ, чтобы <u>Пипинъ Короткій</u> (сынъ Карла Мартелла) былъ сдѣланъ королемъ. И такъ Пипинъ былъ провозглашенъ и помазанъ освященнымъ миромъ отъ святой руки архіепископа и мученика Бонифація и возведенъ на тронъ по обычаю Франковъ въ городѣ Суассонѣ. Что же до Хильдерика III, украшавшаго себя ложнымъ именемъ короля, то Пипинъ велѣлъ остричь его волосы и заключить въ монастырь (751 годъ или 752 г.).“

Въ концѣ слѣдующаго 753 года преемникъ Захарія — <u>Стефанъ II</u> уже предпринялъ лично путешествіе во Францію. Астульфъ, король Лангобардскій, несмотря на свое неудовольствіе, не могъ задержать его, такъ какъ Франкскіе послы просили его пропуска. Папа благополучно прибылъ въ королевство Франковъ и принятъ былъ Пипиномъ весьма радушно; бывшій мажордомъ Франковъ вышелъ къ нему на встрѣчу, велъ подъ уздцы коня его и оказывалъ ему всякое почтеніе. На другой день роли измѣнились: Стефанъ II и весь сопровождавшій его клиръ, посыпавъ головы пепломъ, бросились къ ногамъ будущаго короля Франковъ и со слезами молили его о помощи противъ враговъ. Пипинъ поднялъ ихъ и клятвенно обѣщалъ свое покровительство и содѣйствіе. Потомъ

начались тѣ важные и таинственные переговоры, которые окончились дарственною записью въ Керси (Оичсу), на основаніи которой папа получалъ свѣтскую власть надъ Италіей и островами и взамѣнъ этого помазывалъ на царство Пипина и двухъ сыновей его - Карла и Карломана. Есть основанія предполагать, что переговоры эти велись на основаніи знаменитой донаціи Константина (Константиново вѣно), подложнаго документа, предъявленнаго папою Стефаномъ и который весьма часто выдвигался впередъ послѣдующими папами, для доказательства правъ ихъ на свѣтскую власть; вообще, документъ этотъ сдѣлался однимъ изъ основаній папскаго могущества x) [Въ 777-омъ году встрѣчается въ первый разъ ссылка на этотъ знаменитый документъ, но, конечно, онъ появился на свѣтъ ранѣе этого года. Его подложность съ полною очевидностью была доказана еще въ періодъ Возрожденія Лаврентіемъ Валлою, а въ наше время однимъ изъ католическихъ независимыхъ и серьезныхъ ученыхъ - Дёллингеръ (Döllinger) указалъ и самую эпоху его происхожденія, ту историческую обстановку, при которой и ради которой онъ появился на свѣтъ. По изслѣдованіямъ Дёллингера, Константиново вѣно появилось въ Римѣ именно въ такое промежуточное время, когда еще не совершилось полнаго разрыва между папствомъ и (восточной) имперіей и не былъ скрѣпленъ вполнѣ тѣсный союзъ съ Франками. Содержаніе документа слѣдующее: Императоръ Константинъ Великій, перенося столицу изъ Рима въ Византію - въ Царьградъ, передаетъ папѣ, помимо высшей духовной власти, свѣтскую власть надъ Римомъ, Италіей и островами; далѣе онъ позволяетъ ему держать тѣлохра-

---

x) Впослѣдствіи, папы часто ссылались на этотъ документъ. На основаніи его папа Урбанъ II завладѣлъ Корсикой, папа Адріанъ IV отдалъ Ирландію Генриху Плантагенету, наконецъ въ 1493-мъ году знаменитый папа Александръ отдалъ Америку.

нителей и разнаго рода придворныхъ чиновниковъ - камерге-
ровъ и привратниковъ; другими словами, здѣсь даются
папѣ такія преимущества, которыя принадлежали са-
мымъ высшимъ свѣтскимъ имперскимъ сановникамъ;
но до сихъ поръ (до половины VIII в. по Р. Х.) не входили въ
кругъ потребностей Римскаго престола; только послѣ
появляются эти чины и званія при дворѣ папы. Рим-
скій клиръ получаетъ, по донаціи Константина, почес-
ти и права Римскаго императорскаго сената; клири-
ки должны быть сочленами Римскаго сената. Римскимъ се-
натомъ въ данное время называли совокупность Римскихъ
вельможъ или магнатовъ, которые, при ослабленіи связи съ
Экзархатомъ пріобрѣли вліяніе и постановляли рѣшенія
о самыхъ важныхъ дѣлахъ. Въ собраніи ихъ дѣйствитель-
но участвуютъ въ нашу эпоху - т. е. во второй половинѣ
VIII вѣка - и клирики. Вообще, дѣло имѣетъ такой видъ,
что Константинъ Равноапостольный далъ папѣ Сильвестру
такія права, какими позднѣйшіе весьма долго совсѣмъ не
пользовались и въ какихъ они стали нуждаться только по
истеченіи четырехсотъ лѣтъ слишкомъ. Содержаніе Керсій-
скаго договора было отчасти согласно съ Константиновымъ
вѣномъ. Римскій папа или св. Петръ апостолъ, какъ тамъ
говорили, долженъ былъ получить всю Италію со включені-
емъ Венеціи и Истріи, а также герцогствъ Сполеттскаго
и Беневентскаго; исключались - Калабрія на югѣ, принад-
лежавшая грекамъ, и на сѣверѣ собственно Ломбардія.
Планъ былъ такъ широкъ и смѣлъ, что даже не былъ осу-
ществленъ вполнѣ. Но какъ бы то ни было, переговоры окон-
чились полнымъ согласіемъ обѣихъ сторонъ и союзомъ ихъ.
Такимъ образомъ, дѣятельность Англо-Саксонскаго мо-
наха (Бонифація) съ одной стороны, опасность Римскаго
престола и его первосвященника - съ другой, вызвали
на поприще всемірной исторіи новую сильную династію
Франкскихъ королей, заступившую мѣсто вырождившихся

и слабыхъ Меровинговъ.

въ St-Denis, въ Іюнѣ мѣс.

Обрядъ помазанія надъ Пипиномъ и всѣмъ его родомъ былъ повторенъ папою въ 754-году; папа произнесъ церковное проклятіе противъ тѣхъ, которые вздумали бы возстать и не повиноваться новому королю. Кромѣ того, Пипинъ и оба его сына получили еще титулъ патриціевъ Римскихъ; Ученые много спорили о значеніи и смыслѣ этого титула и дѣйствительно трудно рѣшить, давалъ ли онъ Пипину власть государя въ той странѣ, которая впослѣдствіи сдѣлалась достояніемъ папъ или только утверждалъ его защитникомъ апостольскаго престола; вѣроятнѣе, что папа, не отказываясь отъ своей самостоятельности, дарованіемъ этого титула хотѣлъ признать Франкскаго короля именно только защитникомъ церкви[1] и престола св. Петра.

Вслѣдствіе договора въ Керси Пипинъ предпринялъ два похода въ Италію. Первый былъ очень скоро покончен миромъ, т.к. къ король Лангобардскій не былъ въ состояніи представить серьезнаго сопротивленія войскамъ Франковъ. Въ 754 году Аистульфъ отказался отъ Равеннскаго экзархата, Римскаго дуката и Пентаполя[2] и они отданы были папѣ, такъ что съ этого года мы можемъ считать начало существованія Папской Области. Однако, повидимому, всѣ пункты договора не были исполнены, такъ какъ, согласно вѣну Константина и[3] Керсійскому договору, папа могъ предъявить болѣе широкія притязанія - между прочимъ на герцогства Сполетское и Беневентское, на нынѣшнюю Тоскану и т.д.

Походъ, впрочемъ, скоро пришлось повторить (756 г.), такъ къ Аистульфъ сейчасъ же по уходѣ Франкскихъ войскъ опять направился къ Риму. Папа вновь долженъ былъ писать слезное посланіе королю Франковъ[4], но на этотъ разъ онъ пишетъ уже отъ имени апостола Петра, довольно безцеремонно злоупотребляя этимъ именемъ, чтобы сильнѣе подѣйствовать на Пипина:

„Я, Петръ Апостолъ (такъ начинается посланіе, написанное

ки всѣмъ тремъ патриціямъ — Пипину, Карлу и Карломану) по волѣ Божественного милосердія званный (призванный) Христомъ, Сыномъ Бога живаго, поставленъ его властью быть просвѣтителемъ всего міра. Къ вамъ, какъ возлюбленнымъ моимъ дѣтямъ, обращаю я глаголъ мой и любовью Вашею ко мнѣ убѣждаю Васъ, чтобы не оставили вы городъ Римъ и народъ, мнѣ Богомъ ввѣренный, безъ защиты, но исхитили бы изъ рукъ враговъ и спасли бы домъ, въ которомъ покоятся мои останки, отъ оскверненія и избавили бы церковь, мнѣ Богомъ ввѣренную, отъ нужды и притѣсненій всякого рода, которыя она принуждена терпѣть отъ злобы гнуснаго племени Лангобардовъ (a perfida Langobardorum gente).
„И пусть не будетъ у васъ никакихъ сомнѣній, возлюбленные, но имѣйте за вѣрное, что я самъ обязую и связываю васъ сими моими увѣщаніями, также точно, какъ еслибы я предсталъ предъ вами во плоти; ибо по обѣщанію, данному намъ самимъ Искупителемъ, вы, Франки, любезные намъ всѣхъ народовъ земли.......
„Заключаю вамъ мои увѣщанія, говоритъ папа отъ лица апостола въ концѣ письма, будьте скоры на послушаніе и вы уготовите себѣ великую награду: я обѣщаю вамъ мое постоянное заступленіе, чтобы вы побѣждали всѣхъ вашихъ враговъ, и были долговѣчны въ сей жизни и имѣли бы несомнѣнную надежду на блаженство въ будущей. Если же — чего мы впрочемъ не думаемъ — станете вы медлить или вздумаете подъ какимъ ни есть предлогомъ откладывать лежащій на васъ долгъ защиты, знайте, что за такое пренебреженіе моего къ вамъ увѣта, властью св. Троицы и благодатью апостольства, мнѣ даннаго свыше, я отрѣшу васъ отъ царства небеснаго и будущей жизни". (Кудрявцевъ. Судьба Италіи, гл. X, стр. 537.)
Слѣдствіемъ этого письма былъ второй походъ Пипина противъ Лангобардовъ.[5] Айстульфъ долженъ былъ отказаться

отъ всѣхъ своихъ завоеваній, 6) которые формально x) переданы были апостолу Петру и его настоящему и будущимъ намѣстникамъ.
И такъ, папа и Франкскій маіордомъ достигли оба желаемой цѣли: первый получилъ свѣтскую власть, второй — королевское достоинство. Отношенія оставались тѣми же и при преемникѣ Пипина — Карлѣ Великомъ.

7) При началѣ царствованія Карла можно было опасаться, что политика приметъ иной оборотъ, что новый король, раздѣлившій престолъ съ братомъ своимъ Карломаномъ, примирится съ Лангобардами. На престолъ Лангобардскій вступилъ въ это время Дезидерій, возведенный по желанію папы, но тѣмъ не менѣе не отказавшійся отъ старыхъ преданій, считавшій область Римскаго дуката и Равенну своею собственностью.
Новая династія Франкскихъ королей усвоила отъ старой тотъ несчастный престолонаслѣдный порядокъ, который опять повелъ къ раздѣленію государства; скоро братья, раздѣлившіе между собою власть, вступили въ непримиримую ссору. Мать ихъ намѣрена была помирить ихъ бракомъ и хотѣла женить ихъ на дочеряхъ Дезидерія Лангобардскаго. Папа, не желавшій этого брака по весьма понятнымъ причинамъ, старался всѣми силами отклонить ихъ отъ этого намѣренія и даже писалъ по этому поводу посланіе, надѣясь возбудить отвращеніе Карла и Карломана къ Лангобардскому королю и народу. „Съ сожалѣніемъ узнали мы, пишетъ онъ, что вы намѣрены вступить въ этотъ бракъ. Священное писаніе представляетъ намъ много примѣровъ, что вслѣдствіе подобныхъ браковъ народы Божіи отступали отъ правды и совершали

x) ключи и письменная дарственная запись были положены на гробъ св. Петра.

преступленія. Онъ прямо называетъ даже безуміемъ, что сынъ преславнаго Пипина хочетъ вступить въ подобный союзъ и осквернить себя сношеніями съ отвратительнымъ, вонючимъ народомъ Лангобардовъ, которые даже не могутъ быть названы народомъ: отъ нихъ, по мнѣнію папы, несомнѣнно происходятъ прокаженные; вообще, онъ не находитъ достаточно грубыхъ словъ, чтобы возбудить ненависть и омерзѣніе Карла.*) Посланіе это, однако, не достигло цѣли. Бракъ былъ заключенъ, хотя и не надолго, т. к. жена не понравилась Карлу и онъ отослалъ ее обратно. Женитьба Карла могла сдѣлаться весьма важнымъ моментомъ для послѣдующаго хода событій; самая наружность дочери Дезидерія могла имѣть большое значеніе, если не навсегда, потому что теченіе дѣлъ все же вступило бы въ свои права, но по крайней мѣрѣ на нѣкоторое время. Но съ возвращеніемъ ея обратно къ отцу, тотъ союзъ, котораго такъ боялся папа, рушился самъ собою. Карлъ отдѣлился отъ Лангобардовъ и старыя отношенія къ Риму возстановились. Съ тѣхъ поръ онъ уже съ полной рѣшительностью шелъ по пути, указанному уже прежнимъ развитіемъ.

Въ это же время умеръ Карломанъ и Карлъ былъ провозглашенъ единственнымъ королемъ, а дѣти Карломана были устранены отъ наслѣдства. Они искали убѣжища у Дезидерія и просили защиты у папы. Но, очевидно, что папа не посмѣлъ противъ Карла и не защитилъ обиженныхъ наслѣдниковъ; пребываніе же ихъ у Дезидерія возбудило неудовольствіе Карла. Что ни дѣлалъ Дезидерій, чтобы отдѣлить папу отъ Карла, папа Адріанъ оставался все же непоколебимъ и „твердъ, какъ діамантъ". Онъ не поколебался и тогда, когда Дезидерій

---

*) Особенно любопытнымъ представляется то, что Карлъ и Карломанъ въ это время были уже женаты, но на безнравственность развода и новой женитьбы папа и не помышляетъ указывать, а только старается отвратить ихъ самыми грубыми сравненіями.

Высшіе Женскіе курсы.

съ войскомъ вторгнулся въ Римскую область и осадилъ самый Римъ, овладѣвъ предварительно большею частью городовъ, подаренныхъ Пипиномъ.[3)] Просьба папы о помощи застала Карла въ 773 году у Саксовъ; послѣ нѣкоторыхъ попытокъ къ возстановленію мира онъ долженъ былъ послѣдовать призыву. Альпійскіе проходы были дурно защищаемы; безъ значительнаго сопротивленія Карлъ проникъ въ Ломбардскую долину. Дезидерій не рѣшился сопротивляться въ открытомъ полѣ, но ограничился защитой городовъ, которые приходилось брать одинъ за другимъ.

Когда Франкское войско было занято[4)] осадой Павіи, Карлъ отправился на Пасху 774 года въ Римъ, чтобы выступить въ званіи патриція Римскаго и лично возобновить союзъ съ папой. Онъ былъ принятъ со всѣми почестями, какія были обычны при пріемѣ ~~патриція~~ или экзарха Римскаго императора. При церкви св. Петра встрѣтилъ его папа; при пѣніи „Благословенъ грядый во имя Господне" пошли они къ мощамъ апостола; потомъ отпраздновали день Пасхи съ великимъ великолѣпіемъ и послѣ него Карлъ не только подтвердилъ даръ своего отца, но и увеличилъ его новыми пожалованіями.[5)] Карлъ объявилъ, что не ради золота или серебра, земли или людей, онъ предпринимаетъ походъ противъ Лангобардовъ, но для защиты правъ св. Петра и возвышенія Римской церкви. Но однако когда папа объявилъ притязанія на весь Лангобардскія владѣнія (обѣщаніе, не исполненное Пипиномъ), то онъ обманулся. Когда послѣ долгой осады[6)] Павія пала и Дезидерій сдался въ руки враговъ, Карлъ самъ для себя потребовалъ присяги отъ народа и съ тѣхъ поръ назывался уже королемъ Франковъ и Лангобардовъ.[7)]

Вообще, намъ неизвѣстно, каковы были условія соглашенія папы съ Карломъ; позднѣе мы знаемъ, что ему отданы были доходы съ Тосканскаго герцогства, входившаго въ составъ Лангобардскихъ владѣній.

Прежде чѣмъ перейти къ коронованію Карла императоромъ, скажемъ нѣсколько словъ о войнахъ его съ Саксами, Сарацинами, Аварами и Славянами, объ этихъ войнахъ, въ которыхъ онъ является въ ореолѣ защитника христіанства и церкви, охранителя новой, зарождающейся цивилизаціи Европы.

На первомъ мѣстѣ въ этихъ войнахъ стоитъ война съ Саксами, упорное сопротивленіе которыхъ составляетъ контрастъ съ относительно ничтожными препятствіями, съ которыми встрѣтилось утвержденіе верховной власти Франковъ въ другихъ частяхъ Германіи. Чтобы объяснить это явленіе, не слѣдуетъ предполагать большую военную доблесть или болѣе сильное чувство независимости и свободы у Саксовъ въ противоположность племенамъ средней и южной Германіи. Объясненіе отчасти заключается въ величинѣ и протяженіи Саксонскаго племени. Его область простиралась, по крайней мѣрѣ въ VI столѣтіи, отъ нижняго Рейна до Эльбы и за Эльбу до Везера; отъ Гарца до Фризовъ и до Нѣмецкаго моря. Никакая другая германская народность, если не будемъ считать Франковъ за одну народную единицу, никогда не достигала такого широкаго территоріальнаго протяженія въ эти позднѣйшія времена. Къ этому присоединялась естественная недоступность страны, гдѣ болѣе чѣмъ гдѣ либо уже испытывали неудачу и гибель римскіе легіоны. Но главная причина заключается въ самой формѣ подчиненія чуждому господству, болѣе рѣзко выработанной въ это время, какой прежнее Франкское государство при своихъ первыхъ завоеваніяхъ не знало - и въ самой сущности Франкскаго характера, сравнительно съ V и VI вв.

За исключеніемъ Фризовъ, ни одинъ германскій народъ не сохранилъ въ такой степени специфически-нѣмецкаго отпечатка прежнихъ временъ до переселенія, такъ неизмѣнно, какъ Саксы. Въ концѣ VIII вѣка къ нимъ еще идетъ характеристика, которую

можно сдѣлать (на основаніи Тацита) о Германцахъ I и II вв. Всѣ первобытные обычаи Германцевъ встрѣчаемъ мы у Саксовъ того времени. До сихъ поръ еще они распадаются на отдѣльныя области (гау), во главѣ которыхъ стоятъ князья, старшины (principes); до сихъ поръ они собираются на вѣче и имѣютъ то же раздѣленіе сословій, которое мы видѣли и у первобытныхъ германцевъ. Тѣмъ упорнѣе должны они были защищать и дѣйствительно защищали свою самостоятельность. Дѣло покоренія прежде всего началось построеніемъ церквей, проповѣдью христіанства и вмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдью покорности королю Франковъ. Но они проповѣдовали глухимъ: едва только Карлъ оставилъ саксонскую границу, какъ народъ поднялся толпами, разрушилъ церкви, умертвилъ священниковъ и вторгнулся въ области Франковъ.

Въ 775 году Карлъ долженъ былъ начать войну снова. Онъ поклялся или покорить „невѣрный и клятвопреступный" народъ Саксовъ или вовсе искоренить его. Мѣры, принимаемыя имъ противъ Саксовъ были суровы и строги и наконецъ дѣло дошло до того, что онъ однажды казнилъ единовременно 4500 знатныхъ плѣнныхъ Саксовъ. Это дѣйствительно, повергло въ ужасъ враговъ язычниковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ вызвало въ нихъ взрывъ гнѣва, ярости и мести. Множество Саксовъ переселено было послѣ побѣды въ другія области; строгіе законы одинъ за другимъ издавались противъ нихъ и наконецъ подъ страхомъ смертной казни ихъ обязали принимать христіанство. Эти законы, писанные, такъ сказать, кровью, водворили на нѣкоторое время тишину, но это была тишина отчаянія и смерти, прерываемая все же многократными вспышками. Наконецъ въ 804 году покореніе окончательно совершилось. Быть можетъ, мы могли бы обвинить Карла въ излишней жестокости, въ безчеловѣчномъ отношеніи къ побѣжденнымъ врагамъ; но не слѣдуетъ забывать, что это дѣлалось во-

имя цивилизации, во имя церкви, во имя объединенія всей тогдашней Романо-Германской Европы.
Прямой смыслъ защиты христіанства и церкви имѣлъ его походъ на югъ, на Сарациновъ. Впрочемъ, вряд ли можетъ не одному Франкскому оружію обязанъ христіанскій міръ прекращеніемъ этихъ страшныхъ набѣговъ: ослабленіе энергіи мусульманъ можетъ быть объяснено кромѣ того внутренними измѣненіями въ самомъ Халифатѣ. Дѣло въ томъ, что Арабы-завоеватели являлись только предводителями движенія, съ страшною силой направлявшагося съ востока на западъ, главнымъ же контингентомъ войска были Берберы Африки, обращенные въ исламизмъ. Среди этого войска начались возстанія, что ослабило ихъ энергію и дало возможность Карлу Великому перенести войну на югъ, въ бывшее государство В. Готовъ. Окончаніе этого похода извѣстно каждому. Мы знаемъ, что вслѣдствіе нападенія Басковъ въ Ронсевальскомъ ущельи Пиринейскихъ горъ, погибъ лучшій отрядъ Карла и вмѣстѣ съ нимъ, какъ упоминаетъ Эйнгардъ, Роландъ, префектъ Бретани ("Hruotlandus, britannici limitis praefectus." Einhard. Annales, anno 778). Не смотря на истребленіе этого лучшаго отряда, походъ все же былъ побѣдоносенъ.[1]
То же значеніе имѣли походы на Аваровъ, безпокоившихъ (съ древн. времени) так долго Восточную имперію, нѣкогда осаждавшихъ Константинополь при императорѣ Иракліи.[2] Власть Аваровъ на югѣ была ослаблена и они не могли уже проникать на Балканскій полуостровъ. Эти походы и особенно походъ 784 (и 952) года повели къ полному разгрому Аварской державы, принесли большую пользу христіанамъ и особенно Славянамъ; они позволили имъ образовать самостоятельное государство въ Паннонiи (Велико-Моравская держава).
Нѣсколько иное значеніе имѣла борьба Карла съ Тассилономъ Баварскимъ, возставшимъ противъ Франкскаго владычества; Тассилонъ былъ усмиренъ и если сохранилъ свою

власть еще долго, но только благодаря личной дружбѣ Карла и заступничеству папы. Въ Аквитаніи до Карла также еще держалось наслѣдственное герцогство, съ которымъ воевалъ Пипинъ, но не побѣдилъ; Карлъ положилъ ему конецъ.

Войны, веденныя Карломъ для защиты христіанства отъ его многочисленныхъ враговъ, выставляли его въ ореолѣ славы и величія. И въ свѣтскомъ отношеніи онъ являлся универсальнымъ главою тогдашней Романо-Германской Европы. Въ рукахъ его сосредоточивалась теперь все, а послѣ покоренія Лангобардовъ онъ владѣлъ почти всей территоріей Западной Римской имперіи. Повелитель Франковъ, онъ имѣлъ подъ властью своею часть Испаніи, вступивъ въ права Кордовскаго Эмира; ему подчинена была Баварія; племена, населявшія часть теперешней Венгріи и Австріи, бывшія прежде подъ владычествомъ Аваровъ, признавали теперь его верховное господство; власть его распространялась и на нѣкоторыя Славянскія племена (Ободриты и др.). Ко всему этому присоединился еще титулъ короля Лангобардскаго и власть надъ „вѣчнымъ городомъ", какъ патриція Римской имперіи. Скажемъ еще нѣсколько словъ о значеніи этого знаменитаго титула. Выраженіе „патрицій Римской (Западной и Восточной) имперіи" не обозначало какой либо должности или опредѣленной государственной функціи, а только имѣло значеніе ранга, высокаго общественнаго положенія, давалось какъ титулъ, подобный нашему княжескому или графскому достоинству. Обыкновенно, какъ знакъ высокой почести, титулъ этотъ давался областнымъ правителямъ; такъ, его обыкновенно носилъ экзархъ Равеннскій. Вслѣдствіе этого, жители Италіи привыкли называть лицо, являвшееся представителемъ императорской власти, просто патриціемъ; также называли они и экзарха. Очевидно, что Карлъ, принявъ этотъ титулъ, являлся въ Италіи какъ бы намѣстникомъ императора, хотя въ сущности на ношеніе этого титула онъ не имѣлъ права, т. к.

получилъ его отъ папы, а не отъ императора.] Такое распространеніе власти и вліянія Карла требовало непремѣнно общаго выраженія для этой власти; необходимо было, чтобы онъ назывался не только королемъ Франковъ, но получилъ высшее титулъ, ставящій его выше всѣхъ остальныхъ правителей и заставляющій ихъ повиноваться ему. Необходимость эта ясно сознавалась; въ Римѣ же, при высокомъ положеніи Карла, ему даже не прилично было носить второстепенный титулъ патриція. Отсюда естественно вытекаетъ стремленіе къ возстановленію имперіи, желаніе принять императорскій санъ, тѣмъ болѣе, что преданіе объ имперіи, обаяніе ея имени не прекращалось. Припомнимъ что варвары (всѣ безъ исключенія) завоевывавшіе владѣнія Римской имперіи, преклонялись все же передъ ея величіемъ и авторитетомъ, больше дорожили званіемъ Римскаго проконсула или патриція, чѣмъ даже своимъ королевскимъ достоинствомъ. Какъ въ Италіи, такъ и въ Галліи было живо воспоминаніе объ имперіи. Въ церкви постоянно слышались слова „воздайте кесарево кесареви, а Божіе Богови" и если бы кто спросилъ, гдѣ этотъ кесарь, то надо было бы указать на Византію. И это дѣйствительно было такъ. Въ западныхъ лѣтописяхъ, всѣ императоры (Восточной) имперіи, существовавшіе послѣ 476 года до времени Карла (Маврикій, Ираклій, Констансъ, Левъ Исавръ и др.), считались законными императорами, преемниками Великаго Константина и Феодосія. И желаніе объединить весь западъ подъ властью Карла, какъ властью формально признаннаго императора, являлось естественнымъ слѣдствіемъ всего хода событій.

Весьма вѣроятно, что еще раньше 800го года мысль эта уже представлялась и выливалась въ опредѣленную форму. Въ 800 году она была приведена въ исполненіе.

Толчокъ опять былъ данъ Римомъ. Преемникъ Адріана, папа Левъ III, вступилъ на престолъ благодаря избранію духовенства и знатныхъ свѣтскихъ людей; но противъ него существо-

вила сильная партія, во главѣ которой стояли родственники предшествующаго папы. Борьба партій разрѣшилась уже нымъ образомъ. Во время религіозной процессіи на Льва III было сдѣлано нападеніе и такъ неожиданно, что папа не нашелъ себѣ защиты: безоружная толпа народа, сопровождавшая процессію, разбѣжалась и папа былъ захваченъ противниками. Говорятъ, что ему выкололи глаза и вырѣзали языкъ, но потомъ, какимъ-то чудомъ, онъ возвратилъ себѣ здоровье. Вѣроятно, что изувѣченіе это не было такъ сильно, какъ его представляютъ. Окровавленный, израненный лежалъ папа въ одномъ монастырѣ и наконецъ друзья освободили его и переправили въ Сполетто, гдѣ онъ нашелъ убѣжище у герцога. Событіе это произвело потрясающее впечатлѣніе. Необходимо было, чтобы для наказанія виновныхъ явился кто-либо, обладающій авторитетомъ и властью. Такимъ лицомъ былъ единственно Карлъ, патрицій Римскій и къ нему-то и отправился папа Левъ III x). Карлъ въ это время приготовлялся къ одному изъ многократныхъ походовъ своихъ на Саксовъ и находился въ Падерборнѣ. Онъ отнесся къ дѣлу чрезвычайно серьозно, отправивъ папу обратно въ Римъ съ большимъ посольствомъ, которое отъ лица его должно было возстановить на престолѣ апостолскомъ оскорбленнаго первосвященника и обѣщалъ самъ скоро явиться въ Римъ. Но прежде чѣмъ онъ успѣлъ привести свое намѣреніе въ исполненіе, къ нему явилось посольство отъ противниковъ Льва III съ обвиненіемъ его въ различныхъ участныхъ и гнусныхъ преступленіяхъ. Въ первый разъ варварскому королю приходилось играть роль судьи въ Римѣ, и

---

x) Слѣдуетъ замѣтить, что вообще папа Левъ III гораздо больше признавалъ авторитетъ Карла, чѣмъ то дѣлали его предшественники. Говорятъ даже, что будто бы онъ позволилъ населенію Рима принести присягу въ вѣрности себѣ и патрицію, т. е. Карлу.

и судьи въ распряхъ духовныхъ лицъ. По этому поводу Карлъ совѣтовался съ знаменитымъ Алкуиномъ и тотъ написалъ ему тогда письмо, въ которомъ, между прочимъ, говоритъ: Прежде было двѣ власти: императорская и папская; двѣ власти эти теперь унижены. Императорская - тѣмъ, что на престолѣ прежде сидѣли еретики (иконоборцы), а теперь его занимаетъ женщина; папская - унижена событіями въ Римѣ. Остается только одна неприкосновенная, нерушимая власть, - короля Франковъ. Далѣе, Алкуинъ совѣтуетъ королю оставить всѣ временныя дѣла (подразумѣвая и Саксонскій походъ) и отправиться въ Римъ для разбора дѣла.

И дѣйствительно, зимою 800 года Карлъ отправился въ Римъ. Для разбора дѣла папы Льва III назначена была коммиссія, въ которой должны были участвовать прелаты и нѣкоторые изъ свѣтскихъ вельможъ. Но духовенство отказалось отъ этой обязанности, говоря, что они не имѣли никакого права являться судьями первосвященника, поставившаго ихъ на должности. Отказъ этотъ поставилъ короля въ затруднительное положеніе, изъ котораго его вывелъ самъ папа. По Франкскому обычаю онъ принесъ очистительную присягу вмѣстѣ съ двѣнадцатью соприсяжниками; въ этой присягѣ онъ выразилъ, что „вслѣдствіе взведеннаго на него обвиненія; онъ, по своей собственной волѣ, не принуждаемый никѣмъ, отъ чистаго сердца приноситъ присягу, но пусть изъ этой присяги, данной добровольно, никто не выведетъ заключенія о томъ, что можетъ судить папу. Левъ III былъ оправданъ; противники его подвергнуты осужденію. Карлъ оставался нѣсколько недѣль въ Римѣ; 25го Декабря, въ день Рождества Христова совершилось знаменитое событіе. Карлъ, въ сандаліяхъ и хламидѣ Римскаго патриція, отправился въ базилику св. Петра на торжественное богослуженіе. Когда кончилось чтеніе Евангелія, папа всталъ, приблизился къ Карлу, который склонилъ го-

лову предъ высокимъ алтаремъ, и въ виду всѣхъ возложилъ на голову вождя Германцевъ діадему Цезарей, а затѣмъ самъ склонился передъ нимъ въ знакъ покорности. Церковь загремѣла восклицаніями толпы: „Karolo Augusto, a Deo coronato, magno et pacifico imperatori vita et victoria!" Карлу Августу, коронованному Богомъ, великому и миротворному императору жизнь и побѣда!"
Такимъ образомъ ознаменовалось съ внѣшней стороны это знаменитое событіе. Отмѣтимъ нѣкоторыя частности, относящіяся къ нему и могущія уяснить намъ внутреннюю сторону его. Въ доказательство того, что событіе это не было подготовлено самимъ Карломъ, приводятъ обыкновенно то мѣсто изъ біографа его, Эйнгарда, въ которомъ онъ передаетъ слова, слышанныя имъ отъ самого Карла, что событіе это было для Карла неожиданностью и что если бы онъ могъ предполагать его, то, несмотря на великій праздникъ Рождества Христова, не отправился бы въ церковь. Заподозрить біографа во лжи мы не имѣемъ никакого права, тѣмъ болѣе что въ то время, когда онъ писалъ, уже не существовало никакихъ причинъ оправдывать Карла и выставлять его дѣйствія въ ложномъ свѣтѣ.
И такъ, съ одной стороны короновані представляется какъ неожиданность для Карла. Съ другой стороны говорятъ, что еще при свиданіи въ Падерборнѣ было уже совѣщаніе объ этомъ съ папой. До насъ дошло письмо Алкуина, въ которомъ ученые находятъ прямое указаніе на то, что провозглашеніе Карла императоромъ было подготовлено и извѣстно заранѣе. Алкуинъ пишетъ Карлу, что онъ долго думалъ, какой бы подарокъ прислать ему на Рождество, достойный его императорскаго величія (ad splendorem imperialis potentiae), и нашелъ, что лучше всего будетъ послать ему богато переплетенное и искусно переписанное св. Писаніе. По хронологическимъ исчисленіямъ выходитъ, что подарокъ былъ отосланъ именно около этого времени

и въ письмахъ Карлъ прямо названъ императоромъ. Изъ этихъ письма и выводятъ заключеніе, что Алкуинъ зналъ о событіи, которое должно было совершиться. Но мнѣніе это должно быть отвергнуто. Есть разница между прямымъ титуломъ императора и такимъ описательнымъ выраженіемъ „императорское величіе". Если мы обратимъ вниманіе на стиль писемъ Алкуина, то увидимъ, что онъ эпитетъ „imperialis" употребляетъ и въ отношеніи королей Англо-Саксонской гептархіи. Выраженіе это указываетъ только на высоту и силу власти царственнаго корреспондента Алкуина, а никакъ не на что либо другое.

Вмѣстѣ съ этимъ и утвержденіе о томъ, что Карлъ совершенно неожиданно для себя сдѣлался императоромъ - невѣроятно, такъ какъ едва ли папа рѣшился бы на такой шагъ, не будучи увѣренъ, что это будетъ сообразоваться съ желаніями Карла.

Единственная возможность разрѣшить эти противорѣчія состоитъ въ признаніи того, что Карлъ уже вѣроятно думалъ объ этомъ совмѣстно съ папою въ Падерборнѣ, но путь и пріемы приведенія въ исполненіе этого плана еще не были точно обозначены. Вѣрнѣе всего будетъ предположить, что Карлъ желалъ достичь этого легальнымъ путемъ, чрезъ признаніе себя императоромъ отъ Византіи. Доказательство этого факта мы можемъ усмотрѣть въ посольствѣ, отправленномъ имъ около этого времени къ Византійской императрицѣ Иринѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, другіе думаютъ, что Карлъ не хотѣлъ даже принять власть отъ папы, такъ какъ хорошо зналъ, что это приведетъ впослѣдствіи къ различнымъ притязаніямъ и требованіямъ со стороны послѣдняго.

Чтобы нѣсколько ближе ознакомиться съ внутренней стороной и смысломъ этого событія, приведемъ нѣсколько отрывковъ изъ современныхъ хроникъ, т. к. въ хроникахъ позднѣйшихъ дѣло это нерѣдко представляется въ превратномъ

видѣ.

„Такъ какъ имя императора прекратилось у Грековъ и имперія находилась въ рукахъ женщины, то показалось нужнымъ папѣ Льву и всѣмъ святымъ отцамъ, которые присутствовали на этомъ соборѣ[2], равно какъ и остальному христіанскому народу, что они должны сдѣлать, чтобы былъ императоромъ Карлъ, король Франковъ, который владѣлъ самимъ Римомъ, гдѣ, какъ говорятъ, Цесари имѣли обыкновенно столицу, и всѣми другими странами, которыми онъ управлялъ, въ Италіи, Галліи и Германіи, и такъ какъ Богъ далъ ему всѣ эти земли, то казалось справедливымъ, чтобы, съ Божіею помощью и молитвами всего христіанства, онъ получилъ также титулъ императора. Король Карлъ не захотѣлъ отказать имъ просьбѣ, но покоряясь со смиреніемъ Богу и моленію священниковъ и всего христіанскаго народа, принялъ титулъ императора, будучи посвященъ господиномъ папою Львомъ" (Annal. Laurishan.)[3]

Въ другихъ хроникахъ говорится почти то же самое, съ прибавленіемъ только одной черты, касающейся обряда.

„Когда насталъ наисвятѣйшій день Рождества Христова, помолившись передъ конфессіей (гробницей) блаженнаго Петра Апостола, Карлъ подымался для слушанія мессы, то папа Левъ, съ согласія всѣхъ епископовъ и священниковъ и сената Франковъ, а равнымъ образомъ и (сената) Римлянъ, возложилъ золотую корону на его главу. И когда народъ кончилъ пѣснопѣніе и признали онъ былъ advocatus (обоготворяемъ) папою по обычаю древнихъ императоровъ. Все это также произошло по волѣ Божіей. Ибо когда сказанный императоръ пребывалъ въ Римѣ, то нѣкоторые люди представляемы были ему, которые говорили, что имя императора прекратилось между Греками и что имперія находилась въ рукахъ женщины, называемой Ириною, которая вѣроломно схватила собственнаго сына императора, выколола ему глаза и присвоила себѣ имперію, какъ это напи-

сано объ Аталіи въ книгѣ Царствъ. Когда папа Левъ и все собраніе епископовъ и аббатовъ и сенатъ Франковъ и весь старѣйшины Римскіе услышали это, то они посовѣтовались съ остальнымъ христіанскимъ народомъ, чтобы наименовать Карла, короля Франковъ, императоромъ, такъ какъ онъ уже имѣлъ въ своей власти Римъ, матерь имперіи, гдѣ цезари и императоры всегда имѣли свою столицу, и чтобы язычники не могли смѣяться надъ христіанами, если бы имя императора прекратилось между христіанами (Moissac)

Вотъ два наиболѣе пространные разсказа, рисующіе намъ причины и внутренній смыслъ совершившагося знаменитаго событія. Главнѣйшіе мотивы его, какъ видно изъ нихъ, состояли въ томъ, что имя императора прекратилось, что на престолѣ была женщина, и что вмѣстѣ съ тѣмъ Карлъ, король Франковъ, уже владѣетъ фактически всѣми странами запада.

На престолѣ Византійскомъ дѣйствительно сидѣла въ это время женщина. Знаменитая Ирина, правившая сначала за своего сына и созвавшая 2-й Никейскій соборъ, который возстановилъ почитаніе св. иконъ, впослѣдствіи велѣла схватить своего сына и выколоть ему глаза; вскорѣ послѣ этого Константъ умеръ и она осталась единственною властительницею государства.

Несмотря на постановленія Никейскаго собора, примиреніе между двумя частями христіанскаго міра не послѣдовало. Карлъ не хотѣлъ даже признать этихъ постановленій, говоря, что они ввели другую ересь - идолопоклонство, т.е. чрезмѣрное, слишкомъ матеріальное поклоненіе иконамъ. Въ сущности, примиреніе папы съ Византіей было весьма нежелательно для Карла, такъ какъ оно естественно ослабило бы его власть и вліяніе.

Итакъ, главнѣйшій предлогъ состоялъ въ этомъ прекращеніи имени императора, котораго никакъ не возможно было допустить. Слѣдовательно, не возстановленіе Западной

имперіи было цѣлью коронованія Карла, а просто перенесеніе ея изъ Византіи въ Римъ, возстановленіе того, что измѣнено было Константиномъ Великимъ, сдѣлавшимъ столицею своего государства „новый Римъ" вмѣсто древняго.
Въ такомъ свѣтѣ представляютъ намъ дѣло хроники Запада. Въ греческихъ хроникахъ оно понимается и представляется какъ узурпація власти, санкціонированная папой и сдѣланная по почину его. Съ юридической точки зрѣнія Греки дѣйствительно были правы. Если даже императрица Ирина носила этотъ титулъ незаконно, то все же имперія не переставала существовать, такъ какъ могъ быть избранъ новый императоръ. Даже самъ Карлъ сознавалъ, что власть его была не совсѣмъ легальна и отсюда, надо полагать, вытекало неудовольствіе его на поступокъ папы. Мы знаемъ даже, что онъ имѣлъ намѣреніе восполнить этотъ пробѣлъ соглашеніемъ съ Константинополемъ и Ириной: отправлено было посольство, которое имѣло порученіе устроить даже бракъ Карла съ этой преступной женщиной. Если бы это совершилось, то онъ сдѣлался бы единственнымъ и тогда совершенно легальнымъ властителемъ всего христіанскаго Востока и Запада.
Но если мы оставимъ юридическую точку зрѣнія для исторической, то намъ станетъ ясно, что подъ какимъ бы предлогомъ ни совершился этотъ знаменитый фактъ коронованія Карла, онъ все же былъ вызванъ естественнымъ ходомъ событій и былъ совершенно законнымъ выраженіемъ и завершеніемъ громаднаго историческаго процесса, смыслъ которого заключался въ образованіи и объединеніи Романо-Германскаго міра, самостоятельной и отдѣльной Романо-Германской цивилизаціи.)

Обратимся теперь къ краткому разсмотрѣнію двухъ важнѣйшихъ сторонъ дѣятельности Карла Великаго: его заботъ о просвѣщеніи и образованіи и его законодательныхъ

и правительственныхъ мѣръ.

Со времени Аполлинарія Сидонія, мы уже касались вовсе состоянія образованности имперіи вообще и Галліи въ частности. Картина, представляемая умственной жизнью Галліи V и до VII вв. далеко не отрадна: повсюду упадокъ мысли и формы. Языкъ, употреблявшійся въ этотъ періодъ, крайне грубъ и неправиленъ. Вопросы, разрабатываемые учеными, мелки и касаются лишь формальныхъ тонкостей. Вся литература сводится къ довольно грубому подражанію классикамъ и комментированію ихъ. Кромѣ Григорія Турскаго, о сочиненіи котораго мы упоминали выше и нѣкоторыхъ образцовъ проповѣдническаго краснорѣчія мы ничего не имѣемъ отъ VI и VII вв. Только при Карлѣ Великомъ вносится свѣтъ въ непроглядную тьму варварства, хотя и не надолго: вскорѣ послѣ Карла опять водворяется прежній мракъ.

Дѣятельность Карла Великаго въ отношеніи къ образованію походитъ на дѣятельность Альфреда Великаго и Теодериха О. Готскаго, также заботившихся о процвѣтаніи наукъ и распространеніи просвѣщенія въ народныхъ массахъ x)

Просвѣтительная дѣятельность Карла Великаго можетъ быть раздѣлена на слѣдующіе отдѣлы: 1, отдѣлъ, касающійся переписки и изданія книгъ. Старанія Карла напоминаютъ намъ въ этомъ случаѣ дѣятельность Константина Багрянороднаго, которому мы обязаны сохраненіемъ многихъ греческихъ авторовъ. Карлъ Великій тоже заботился о перепискѣ классическихъ произведеній латинской литературы и хотя въ этомъ отношеніи труды его далеко уступаютъ трудамъ Византійскаго императора, однако все же благодаря имъ мы имѣемъ лучшіе списки латинскихъ писателей. О дѣятельности Карла В. въ этомъ направленіи мы узнаемъ

---

x) Объ этомъ подробности см. Guizot. Hist de la civilis. en France, leç. 20 и Wattenbach. Deutschlands Geschichtsquellen im Mittelalter, 4е изд. ч. I, стр. 123 и слѣд.

изъ циркуляра объ исправленіи книгъ и службъ свѣтскихъ и церковныхъ, - „encyclica de emendatione librorum et officiorum laicorum et ecclesiasticorum“[1]), помѣщенной у Pertz'a, Mon. Germ. т. I, 44. Въ этомъ циркулярѣ Карлъ В. сообщаетъ, что, заботясь о состояніи церквей и слѣдуя примѣру отца своего Пипина, онъ рѣшился исправить богослужебныя книги, употребляемыя для чтенія въ церквахъ, ибо книги эти вслѣдствіе невѣжества переписчиковъ оказались переполнены самыми грубыми ошибками. Исправленіе этихъ книгъ онъ поручилъ Павлу Діакону, который сдѣлалъ извлеченія изъ трактатовъ и рѣчей св. отцевъ, собралъ ихъ въ два тома, расположивъ по днямъ на цѣлый годъ. Карлъ рекомендуетъ эти книги для чтенія по всѣмъ Галльскимъ церквамъ: „Карлъ, съ Божіею помощію король Франковъ и Лангобардовъ, патрицій Римскій, (говоритъ циркуляръ) церковнымъ „чтецамъ, находящимся подъ нашимъ владычествомъ..... „Радѣя объ улучшеніи состоянія нашихъ церквей и въ посто„янной заботливости возстановить занятіе литературой, „края почти окончательно погибла чрезъ бездѣятельность, „мы возбуждаемъ даже собственнымъ примѣромъ нашимъ къ „изученію свободныхъ искусствъ всѣхъ, кого можемъ только „привлечь. Поэтому мы, съ постоянной помощію Божіей, въ „точности исправили книги Ветхаго и Новаго Завѣта, испор„ченныя невѣжествомъ переписчиковъ..... Мы не въ состояніи „терпѣть, чтобы въ божественное чтеніе, среди богослуженія, „проникали раздирающіе слухъ солецизмы, и мы хотимъ ис„править эти чтенія. Работу эту возложили мы на Павла „Діакона, нашего домашняго кліента. Мы приказали ему внима„тельно прочесть сочиненія католическихъ отцовъ церкви, со„брать на этихъ богатыхъ лугахъ нѣсколько цвѣтовъ, чтобы „составить, такъ сказать, гирлянду изъ самыхъ полезныхъ. „Ревностно стараясь угодить нашему высочеству, онъ перечи„талъ сочиненія и рѣчи различныхъ католическихъ отцевъ „и выбравъ лучшія, предложилъ намъ въ двухъ томахъ чтенія,

„свободныя отъ ошибокъ, примѣнительно къ каждому празднику „и на весь годъ. Мы разсмотрѣли текстъ этихъ томовъ....“

Энциклика эта не осталась безплодною: она вызвала обширную дѣятельность по части переписку духовныхъ и свѣтскихъ сочиненій (такъ, былъ переписанъ Теренцій[1]). Перепискою занимались даже ученые; намъ уже извѣстно, что Алкуинъ поднесъ Карлу собственноручно переписанное имъ Св. Писаніе. Подъ конецъ жизни Карлъ самъ сталъ заниматься перепискою и исправленіемъ св. книгъ. Теганъ, біографъ Людовика Благочестиваго, говоритъ о Карлѣ: „За годъ до смерти онъ вмѣстѣ съ Греками и Сирійцами тщательно исправилъ четвероевангеліе Господа нашего І. Христа.“ Подобные примѣры, подтвердившіе такія приказанія, не могли остаться бездѣйственными. Пересмотрѣнные списки разсылались по монастырямъ. Искусство переписки стало источникомъ обогащенія. При нѣкоторыхъ монастыряхъ были образованы особыя школы для переписчиковъ: въ аббатствѣ Фонтенелль (въ Нормандіи) въ Реймсѣ, въ Корбійскомъ монастырѣ (Corbie) и т. д. Благодаря всему этому, мы имѣемъ нѣсколько прекрасныхъ кодексовъ каролингскаго времени. Улучшена была даже и внѣшняя сторона переписки — почеркъ, было введено вмѣсто прежнихъ некрасивыхъ буквъ уставное[3] Римское письмо, отличавшееся правильностью и красотою.

2) Заботы Карла Великаго объ учрежденіи школъ, которыя почти изчезли къ этому времени. О распространеніи школъ говоритъ также особая энциклика 787 года de litteris colendis. (Pertz M. G. т. I, стр. 52.) 4)

„Карлъ, съ Божіею помощью и т. д. Баугульферу, аббату и всей конгрегаціи ... поклонъ.[5]

„Пусть ваше благочестіе знаетъ, что мы, съ согласія вѣрныхъ, сочли полезнымъ, чтобы въ епископствахъ и монастыряхъ, порученныхъ по милости Христа нашему правленію, заботились не только о правильной и согласной съ нашей святой религіей жизни, но также и объ обученіи словесной наукѣ, смотря по способностямъ всѣхъ, кто въ силахъ учиться при помощи Бо-

„ній.... Ибо, хотя и лучше дѣлать добро, нежели знать, однако „все же надо знать, прежде чѣмъ дѣлать.... Многіе монастыри „присылали намъ въ послѣднее время письма, въ которыхъ объ„являли, что братія молится за насъ во время священныхъ об„рядовъ и благочестивыхъ моленій; тутъ мы замѣтили, что въ „большинствѣ этихъ посланій чувства хороши, а слова грубы и „неотесаны; ибо то, что внушала хорошаго благочестивая пре„данность, не въ состояніи былъ безошибочно выразить неумѣлый „и необразованный языкъ. Съ тѣхъ поръ мы стали опасаться, „чтобы, какъ пишутъ неискусно, такъ и пониманія св. писа„нія не было бы гораздо меньше, нежели слѣдуетъ.... Поэтому мы „увѣщеваемъ Васъ не только не пренебрегать изученіемъ словес„ности, но трудиться со смиреннымъ и угоднымъ Богу сердцемъ, „чтобы быть въ состояніи вѣрно и легко проникать въ тайны „св. писанія. Въ Священномъ Писаніи есть аллегоріи, фигуры „и другія вещи подобнаго рода, и ясно, что пойметъ ихъ лег„че и согласно съ дѣйствительному смыслу тотъ, кто хорошо „знакомъ съ литературой. Пусть же изберутъ для этого дѣла „людей, одаренныхъ желаніемъ и умѣніемъ учиться, а равно и „искусствомъ поучать другихъ..... Если хочешь быть у насъ въ „милости, не премини послать экземпляръ этого письма всѣмъ „подчиненнымъ тебѣ епископамъ и во всѣ монастыри." 6)

И эта энциклика не осталась безплодною: результатомъ ея было возрожденіе научныхъ занятій въ разныхъ мѣстахъ имперіи. Съ этого времени начинается процвѣтаніе школъ въ епископальныхъ городахъ и при главнѣйшихъ монастыряхъ; таковы: Феррьерская школа (école de Ferrières), Фульдская въ Майнцскомъ діоцезѣ, Рейхнауская въ Швейцаріи, Аніанская въ Лангедокѣ, Фонтенельская или Ст. Вандрилльская въ Нормандіи (de Fontenelle ou St. Vandrille). При многихъ изъ нихъ находились богатыя библіотеки. 7)

Образцомъ для этихъ школъ служила придворная Палатинская школа (Schola Palatina), гдѣ впервые дѣйствовалъ знаменитый Алкуинъ. Школа эта получила начало еще при Меро-

вингахъ; начало ея связано съ королевскою капеллою, гдѣ находилась капа-(шапка) св. Мартина. Въ капеллѣ этой отправлялось торжественное богослуженіе, для котораго, разумѣется, требовалось правильное пѣніе — болѣе осмысленное, чѣмъ оно было въ обыкновенныхъ церквахъ того времени. Для этого пѣвчіе необходимо должны были понимать то, что поютъ, т.е. знать латинскій языкъ. Еще при Пипинѣ чтецы и пѣвцы придворной капеллы приготовлялись въ особой школѣ, которая и дала начало Палатинской. При Карлѣ В. она оживилась и приняла другой видъ — видъ Академіи: членами ея сдѣлались взрослые и ученые люди. Школа эта или академія не имѣла опредѣленнаго мѣсто пребыванія, но повсюду слѣдовала за Карломъ Великимъ. Во главѣ ея стоялъ Алкуинъ; кромѣ него, членами были многіе другіе знаменитые люди того времени: самъ Карлъ В., сыновья его Пипинъ и Людовикъ и другіе члены его семейства, Рикульфъ епископъ Майнцскій, Адальгардъ, Ангильбертъ, Эйнгардъ[3]. Всѣ члены этой академіи получали прозванія, заимствованныя у древнихъ авторовъ и изъ священнаго писанія. Такъ, Карлъ назывался Давидомъ, Алкуинъ — Флаккомъ[9], Эйнгардъ — Веселиломъ[10], Рикульфъ — Дамётомъ, Ангильбертъ — Гомеромъ и т.д.[11] Сословныя отличія отходили на задній планъ. Какъ при арабскихъ дворахъ того времени, члены обмѣнивались между собою поэтическими посланіями, ставили и разрѣшали научные вопросы и давали на нихъ отвѣты, задавали и отгадывали загадки и т.д. Такая дѣятельность школы напоминаетъ позднѣйшую Флорентійскую платоновскую академію. Но тѣмъ не менѣе, между той и другой было большое различіе; не одно только удовольствіе и эстетическое наслажденіе было ея стремленіемъ — въ палатинской школѣ преслѣдовались и практическія цѣли: отсюда исходили мѣры по вопросу о распространеніи просвѣщенія (быть можетъ, и приведенныя выше энциклики суть результатъ ея дѣятельности); академію эту можно отчасти сравнить съ нашимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія.

Вокругъ этой школы, какъ отчасти можно видѣть и изъ выше приведенныхъ именъ, собирались ученые съ разныхъ сторонъ имперіи. Около 781 года, когда Карлъ былъ въ Римѣ познакомился онъ съ Алкуиномъ, потомъ являются при дворѣ его: Павелъ Варнефридъ (Діаконъ) - Италіанецъ, Теодульфъ, знаменитый Готъ и друг. На ряду съ учеными Италіанцами, Готами, Англо-Саксами являются и представители старой школы - Скотты, изъ которыхъ намъ особенно извѣстенъ Климентъ.

Главнымъ дѣятелемъ Палатинской школы былъ знаменитый Алкуинъ. Съ этимъ лицемъ мы знакомы благодаря его обширной перепискѣ съ разными лицами *). Онъ родился въ Іоркѣ (Эборакумъ) въ 735 году. Мы уже упоминали уже объ Англо-Саксонской церкви и состояніи ея образованности. Оно стояло несравненно выше церковнаго образованія на материкѣ по двумъ причинамъ: 1) непосредственной связи съ Римомъ, доставлявшей возможность черпать изъ богатой сокровищницы древне-римской культуры и 2) наслѣдію, полученному отъ древней Кельтской или Кульдейской церкви, гдѣ, какъ мы говорили, сохранялись традиціи греческія. Такимъ образомъ Алкуинъ въ Іоркской школѣ могъ получить прекрасное по тому времени воспитаніе. Учителями его были Эльбертъ (Aelbertus) и Экбертъ (Ecbertus). До насъ дошло одно изъ сочиненій Алкуина, въ которомъ онъ упоминаетъ о своихъ учителяхъ и вообще о преподававшихся въ Іоркской школѣ наукахъ. Мы разумѣемъ т. к. наз. versus de sanctis Eboracensis ecclesiae, помѣщенный у Jaffé въ VI томѣ его Bib. rer. Germ. (Monumenta Alcuiniana). Въ исчисляемыхъ имъ предметахъ преподаванія еще до сихъ поръ можно замѣтить слѣды культуры древней Кульдейской церкви; такъ напр. занятія астрономіей и математикой въ приложеніи къ исчисленію

---

*) Она собрана у Jaffé. Bibliotheca rerum Germanicarum т. VI. Monumenta Alcuiniana. Отдѣльное сочиненіе объ Алкуинѣ (монографія) Karl Werner. Alcuin und seine Jahrhundert. Paderborn. 1876.

времени празднованія Пасхи (извѣстно, что Кульдейская церковь въ этомъ вопросѣ расходилась съ Римскою), нѣкоторыя понятія о греческомъ языкѣ и т. п.

Алкуинъ познакомился съ Карломъ Великимъ, встрѣтившись съ нимъ ок. 781 года въ Римѣ, куда Алкуинъ предпринималъ частыя путешествія, какъ и большая часть Англо-Саксскихъ пресвитеровъ, отчасти для пріобрѣтенія книгъ (т. к. Римъ былъ единственнымъ мѣстомъ, гдѣ ихъ можно было доставать), отчасти для поклоненія гробу св. Петра. Въ Италіи же Алкуинъ познакомился и съ Петромъ Пизанскимъ. Карлъ В. пригласилъ Алкуина къ себѣ, но онъ не сразу поѣхалъ къ нему, а сперва вернулся на родину и только въ 782 году переселился во Францію[3]. Здѣсь Карлъ далъ ему два аббатства, съ которыхъ онъ получалъ большой доходъ. Сперва онъ былъ руководителемъ Палатинской школы, потомъ въ 794 г. съѣздилъ въ Англію, гдѣ ему однако не понравилось, потому что Англо-Саксонская церковь была въ то время въ сильномъ безпорядкѣ по причинѣ возникшей фелиціанской ереси. Онъ вернулся во Францію и принялъ участіе въ извѣстномъ Франкфуртскомъ соборѣ. Такъ какъ въ это время Алкуинъ былъ уже въ преклонныхъ лѣтахъ, то ему неудобно было оставаться въ Палатинской школѣ, повсюду слѣдовавшей за Карломъ. Поэтому Карлъ далъ ему въ гор. Турѣ знаменитое аббатство св. Мартина, гдѣ онъ и устроилъ свою школу, которая впослѣдствіи сдѣлалась весьма извѣстной. Къ этому послѣднему періоду жизни Алкуина относится дошедшая до насъ переписка его съ Карломъ Великимъ. Къ сожалѣнію, мы не имѣемъ писемъ Алкуина изъ перваго періода его жизни, которая могла бы насъ заинтересовать больше, чѣмъ послѣдняя, такъ какъ подъ старость Алкуинъ получилъ склонность къ ханжеству и пересталъ интересоваться свѣтскими науками, за которыя онъ въ молодости получилъ въ Палатинской школѣ прозваніе Флакка.

Гизо насчитываетъ до 30 писемъ, адрессованныхъ къ Карлу и рес-

полагать ихъ по годамъ и номерамъ; но по старому счету. У Jaffé мы находимъ иной счетъ, причемъ писемъ къ Карлу оказывается болѣе 30ᵗⁱ. 5)

Остановимся только на самыхъ замѣчательныхъ изъ нихъ: Переписка начинается со времени удаленія Алкуина въ Туръ. Первое письмо къ Карлу (у Jaffé подъ № 67) заключаетъ въ себѣ поздравленіе Карла по случаю его побѣды надъ Гуннами (Аварами = Обры) и разные совѣты относительно обращенія съ ново покоренными народами. Онъ совѣтуетъ Карлу послать къ Аварамъ миссіонерами людей просвѣщенныхъ и опытныхъ; совѣтуетъ кроткое обхожденіе съ новокрещаемыми. Далѣе рѣчь идетъ о десятинѣ въ пользу церкви. Алкуинъ совѣтуетъ на первое время, чтобы не помѣшать дѣлу обращенія, отказаться отъ этого сбора: „Лучше потерять десятину, нежели вѣру, говоритъ онъ; мы, родившіеся, вскормленные, воспитанные въ католической вѣрѣ, едва согласны давать десятину нашего имущества: въ сколь меньшей степени согласится на это зарождающаяся вѣра, слабые сердце и корыстный умъ этихъ народовъ." Во 2мъ письмѣ (Jaffé № 76) Алкуинъ совѣтуетъ кроткое обращеніе съ плѣнными и милосердіе ко врагамъ.

Особенно важно 3е письмо (Jaffé № 78.), относящееся къ 796 году, гдѣ Алкуинъ даетъ Карлу отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ въ Турѣ для успѣховъ своей школы: „Я, вашъ Флаккъ, согласно вашему увѣту и мудрому желанію, стараюсь предложить однимъ подъ кровлею св. Мартина мёдъ Священного писанія, другихъ пытаюсь опьянить ~~опьянить~~ старымъ виномъ занятій древностью; иныхъ питаю плодами грамматической мудрости, глазамъ другихъ стараюсь представить въ блескѣ строй свѣтилъ. Но я отчасти терплю недостатокъ въ лучшихъ книгахъ школьной учености, которыя я добывалъ на родинѣ какъ трудами моего учителя, такъ и собственными заботами. Посему, я прошу В. В. чтобы мудрости вашей заблагоразсудилось позволить мнѣ послать нѣкоторыхъ изъ моихъ слугъ (pueri) да привезутъ они во Францію цвѣты Великобританіи.... На утрен-

моей жизни я въ Великобританіи посѣялъ сѣмена науки; теперь, на ея закатѣ, и хотя кровь моя поохладилась, я не перестаю сѣять ихъ во Франціи, и надѣюсь, что милостью Божіей они будутъ процвѣтать въ обѣихъ странахъ." [6]

Пропускаемъ рядъ писемъ, въ которыхъ заключаются отвѣты на рядъ вопросовъ Карла Великаго. Таковы напр. письмо № 4 (Jaffé № 83) гдѣ содержится подробное объясненіе луннаго цикла; письмо № 6 (Jaffé № 98) гдѣ разбираются различные астрономическіе вопросы, въ рѣшеніи которыхъ Алкуинъ расходится со взглядами Палатинской школы, причемъ онъ позволяетъ себѣ легкія насмѣшки надъ молодыми людьми этой школы; письмо № 7 (Jaffé № 99) гдѣ обличается Феліціанская ересь; № 10 (Jaffé № 103) de stellis errantibus (о планетахъ) и т. д.

Въ письмѣ № 15 (Jaffé № 119) идетъ рѣчь о посылкѣ въ Римъ учениковъ Турской школы. Карлъ Великій нуждался въ присутствіи Алкуина и уже неоднократно приглашалъ его пріѣхать въ Римъ, гдѣ самъ тогда находился (794 г.); но Алкуинъ предпочиталъ „закопченныя дымомъ Турскія кровли раззолоченнымъ Римскимъ дворцамъ". Поэтому Карлъ просилъ его по крайней мѣрѣ прислать ему своихъ учениковъ, на что онъ и согласился.

Письмо № 24 (Jaffé 205) прислано Алкуиномъ Карлу Великому вмѣстѣ съ извѣстнымъ экземпляромъ переписаннаго имъ самимъ Св. Писанія.

Кромѣ этихъ знаменитыхъ писемъ, отъ Алкуина осталось намъ еще сочиненія по богословію, философіи и грамматикѣ.

Очевидно, что Алкуинъ употреблялъ всѣ свои усилія для того, чтобы ввѣренная ему школа процвѣтала и приносила наибольшую пользу. И дѣйствительно, подъ руководствомъ знаменитаго ученаго, она въ скоромъ времени сдѣлалась одной изъ лучшихъ школъ того времени. Плоды заботливости Алкуина отразились и на нѣкоторыхъ представителяхъ младшаго поколѣнія сподвижниковъ Карла Великаго, о которыхъ нѣсколько словъ будетъ сказано ниже.

Одно изъ важныхъ мѣстъ въ ряду помощниковъ Карла Велика-го занимаетъ Павелъ Варнефридъ (Paulus Warnfrians Diaconus). Имя его указываетъ какъ бы на происхожденіе изъ духовнаго сословія, но онъ былъ сынъ знатной Лангобардской фамиліи и получилъ прекрасное по тому времени образованіе. Біографія его показываетъ, что вліяніе Италіанской культуры сказалось и въ Лангобардскомъ королевствѣ, которое украсилось многими школами. Въ одной изъ такихъ школъ воспитывался и Павелъ Діаконъ и въ ней-то пріобрѣлъ онъ даже весьма рѣдкое въ то время въ западной Европѣ знаніе греческаго языка. При жизни короля-(монаха впослѣдствіи) Разиса Лангобардскаго, Павелъ пользовался его особымъ расположеніемъ. Отъ него осталось нѣсколько сочиненій, посвященныхъ лангобардскимъ королямъ: надгробная надпись на гробницѣ королевы, Римская исторія, написанная для дочери короля Аригиза, въ честь которой онъ кромѣ того еще писалъ оды; извѣстны также нѣсколько поэтическихъ его произведеній, изъ которыхъ его гимнъ въ честь Іоанна Крестителя до сихъ поръ поется католической церковью.

Неизвѣстно, когда Павелъ Діаконъ оставилъ Лангобардскій дворъ и постригся въ монахи; вѣроятно, это совпадало съ паденіемъ Лангобардскаго королевства при Айстульфѣ. Послѣ своего пострижения, Павелъ провелъ нѣкоторое время съ покровителемъ своимъ, королемъ Разисомъ въ Монте-Кассино. Карлу Великому онъ сдѣлался извѣстнымъ однимъ небольшимъ стихотвореніемъ, съ которымъ онъ обратился къ послѣднему въ 781 году. Дѣло въ томъ, что въ Лангобардскомъ королевствѣ вспыхнуло возмущеніе, въ которомъ былъ замѣшанъ и братъ Павла-Аригизъ. Когда Карлъ пріѣхалъ въ Римъ, то Павелъ обратился къ нему съ элегическимъ стихотвореніемъ, въ которомъ вымаливалъ прощеніе брату своему. Его умъ и необыкновенная ученость до того плѣнили Карла, этого возстановителя древней образованности, что онъ удержалъ Павла Діакона при себѣ, сблизился съ нимъ и приг-

ласилъ его къ своему двору. При дворѣ этомъ Павелъ Діаконъ оказалъ много услугъ просвѣщенію и образованности. По порученію Карла, какъ уже намъ извѣстно, онъ исправилъ богослужебныя книги, расположилъ ихъ для чтенія на цѣлый годъ и тщательно свѣрилъ ихъ съ писаніями св. отцевъ. Кромѣ того, онъ былъ нѣкоторое время преподавателемъ греческаго языка въ Палатинской школѣ. Здѣсь же, при дворѣ Карла, Павелъ задумалъ и написалъ сочиненіе, относящееся къ исторіи Каролингскаго дома и носящее названіе: „Исторія Мецскихъ епископовъ". Сочиненіе это потому касается королевской фамиліи, что Арнульфъ, одинъ изъ предковъ Карла Великаго, былъ епископомъ Меца; говорятъ даже, что оно было написано со спеціальною цѣлью - возвеличить родъ Каролинговъ. Во всякомъ случаѣ, оно служитъ несомнѣннымъ доказательствомъ того, что Павелъ совершенно примирился съ королемъ Франковъ, завоевателемъ его родины. Тоска по этой родинѣ заставила Павла удалиться отъ Франкскаго двора и возвратиться въ Беневентъ. Вскорѣ онъ совершенно оставилъ свѣтскую жизнь, удалился въ свой монастырь, гдѣ и умеръ въ послѣднихъ годахъ VIII столѣтія. Здѣсь, въ монастырскомъ уединеніи, составилъ онъ лучшее свое произведеніе: „De gestis Langobardorum libri VI"*) - Исторія Лангобардскаго народа, которую онъ начинаетъ съ древнѣйшихъ временъ и доводитъ до смерти Ліутпранда, т. е. до 744 года. Неизвѣстно, почему онъ остановился на этомъ и не продолжалъ разсказъ о царствованіи Рахиса и Айстульфа, современникомъ которыхъ онъ былъ; быть можетъ причина этого лежала въ близкихъ отношеніяхъ его къ Карлу, побѣдителю послѣдняго Лангобардскаго короля; тѣмъ не менѣе, это драгоцѣннѣйшій и единственный источникъ для исторіи Лангобардовъ, столь популярный въ средніе вѣка, что дошелъ до насъ въ 114 спискахъ. Сочиненіе это рѣзко отличается отъ все-

---

*) Оно издано у Muratori. Rerum Italicarum scriptores, т. I. Монографія: Sprunner. Paul Warnefrid, Geschichtschreiber der Longobarden. Hamb. 1838. 8)

ю том, что мыслоев въ то время: языкъ Павла Діакона по достоинству близокъ къ языку лучшихъ временъ римской литературы. Кромѣ народныхъ преданій и сказаній, Павелъ пользовался лучшими своими предшественниками, Григоріемъ Турскимъ, Бедою Преподобнымъ и др. и это было не одно только механическое переписываніе, но и первые опыты критическаго пользованія источниками х).

Изъ числа сподвижниковъ Карла Великого замѣтимъ еще знаменитаго Ангильберта, представителя Франкскаго элемента при дворѣ Великаго Короля, выросшаго при этомъ дворѣ и принадлежавшаго къ знатному и уважаемому роду. Немного моложе чѣмъ Карлъ, онъ пріобрѣлъ личную дружбу послѣдняго и пользовался расположеніемъ и довѣріемъ всей королевской фамиліи. Кажется, что онъ рано началъ заниматься учеными студіями и достигъ виднаго мѣста при королевской капеллѣ. Когда Алкуинъ явился при дворѣ, Ангильбертъ съ такою же ревностью, какъ и его царственный другъ ухватился за случай дополнить свое образованіе; онъ сдѣлался ученикомъ Алкуина и Петра Пизанскаго и принималъ наиболѣе ревностное участіе въ Академіи; за свое поэтическое дарованіе онъ тамъ прозванъ былъ Гомеромъ.

Близость его къ Карлу доказывается тѣми многочисленными порученіями, которыя давалъ ему послѣдній; въ письмѣ Карла къ папѣ Льву, онъ прямо называетъ его даже, manualem nostrae familiaritatis auricularium" - подручный наушникъ нашей дружбы.

При дворѣ Франкскомъ былъ обычай, идущій отъ временъ Карла Мартелла, что доходы богатыхъ аббатствъ были обращены на содержаніе придворныхъ. Ангильбертъ былъ аббатомъ монастыря Centula или St-Riquier въ Пикардіи. Но Ангильбертъ не смотрѣлъ на это достоинство какъ на простую синекуру,

х) Продолжателемъ Павла Діакона былъ Эрхемберть, который довелъ свой разсказъ до 889 года.

онъ, напротивъ, поставилъ себѣ задачей — украсить и поднять этотъ монастырь насколько было возможно. Онъ украсилъ его новыми постройками, причемъ не только строилъ по Римскому образцу, но и самый матеріалъ для постройки привезенъ былъ отчасти изъ Италіи (къ напр. колонны.) Библіотека этого монастыря, сдѣлавшаяся впослѣдствіи столь же знаменитою, какъ и Зальцбургская библіотека, представляла предметъ неусыпныхъ заботъ Ангильберта, который прибавилъ къ ней 200 книгъ (количество весьма большое по тому времени). Кромѣ того, по желанію его, многіе ученые Палатинской школы писали различныя необходимыя для этой библіотеки сочиненія; такъ, Алкуинъ вновь обработалъ жизнеописаніе основателя монастыря.

Ангильбертъ весьма важенъ для насъ своими отношеніями къ Карлу В. и его семейству. Будучи уже духовнымъ лицомъ, аббатомъ St-Riquier, онъ находился въ близкихъ отношеніяхъ къ дочери Карла В. — Бертѣ и имѣлъ отъ нея двухъ сыновей, Гарнида и Нитарда (описавшаго впослѣдствіи междоусобныя войны наслѣдниковъ Карла Великаго). Фактъ этотъ не подлежитъ сомнѣнію, такъ какъ Нитардъ самъ говоритъ объ этомъ и мы имѣемъ кромѣ того свидѣтельство Эйнгарда, что Карлъ не могъ рѣшиться на выдачу одной изъ своихъ дочерей замужъ. Несомнѣнно, что отношенія эти начались и продолжались когда Ангильбертъ былъ уже аббатомъ, хотя въ позднѣйшихъ источникахъ дѣло представляется иначе. Не смотря на этотъ фактъ, Ангильбертъ за свои заслуги для аббатства St-Riquier былъ причтенъ къ лику святыхъ. Впослѣдствіи отношенія подобнаго же рода къ Эммѣ или Иммѣ, также дочери короля, приписаны были знаменитому біографу Карла — Эйнгарду; по этому поводу возникла даже цѣлая легенда, передаваемая хроникой Лаурисгеймскаго монастыря х). Но очевидно, что этотъ разсказъ возникъ только пу-

х) См. Recueil des historiens des Gaules et de la France V, 383. Guizot, leçon XXIII.

тем смѣшенія двухъ историческихъ личностей — Ангильберта и Эйнгарда. Въ своемъ „Жизнеописаніи Карла В." самъ Эйнгардъ, называя имена семи мальчиковъ и восьми дѣвочекъ — друзей Карла, не упоминаетъ между ними имени Эммы или Иммы, и ни въ одномъ изъ другихъ списковъ дѣтей Карла не встрѣчаемъ мы этого имени. Кромѣ того, мы знаемъ, что Эйнгардъ дѣйствительно женатъ былъ на какой-то Иммѣ, но по всѣмъ даннымъ можно заключить, что она была чужда королевскому дому.

Отъ Ангильберта до насъ дошло нѣсколько стихотвореній съ именемъ Гомера; такъ, онъ написалъ „привѣтствіе Карлу и его двору", „королю Пипину, побѣдителю Аваровъ", написанное въ 796 году и др. Вѣроятно, Ангильберту же должна быть приписана обширная поэма, содержащая описаніе двора Карла въ Падерборнѣ.[2] [Карлъ представляется здѣсь окруженный своими дѣтьми и близкими друзьями; весьма подробно поэма описываетъ образъ жизни и препровожденіе времени при дворѣ. До насъ, впрочемъ, дошелъ только отрывокъ ея, интересный и въ литературномъ отношеніи, и какъ описаніе придворной жизни.] Во многихъ изъ своихъ произведеній Ангильбертъ говоритъ о своей домашней обстановкѣ, описываетъ свое жилище, садъ, упоминаетъ о дѣтяхъ своихъ, составляющихъ для него предметъ заботъ, и намекаетъ также и о томъ, что эти дѣти близки сердцу Карла. Языкъ его произведеній сравнительно правильный, равно какъ и метрика. Видно было, что обученіе въ Палатинской школѣ принесло ему большую пользу; примѣчательно, даже слишкомъ усердно пользовался онъ Виргиліемъ, Овидіемъ, Луканомъ и Фортунатомъ.

До конца своей жизни сохранилъ Ангильбертъ близкія отношенія къ Карлу В. и двору его. Онъ умеръ въ 814 году, въ томъ же году, когда скончался его другъ и повелитель.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о человѣкѣ, подобно двумъ первымъ оказавшемъ важныя услуги просвѣщенію — о знаменитомъ готѣ Теодульфѣ, епископѣ Орлеанскомъ. Біографія его ма-

ло извѣстна; онъ родился вѣроятно въ Испаніи, и неизвѣстно въ какое время онъ былъ призванъ въ Галлію, куда прибылъ со своею дочерью, извѣстною своимъ образованіемъ.[3] Въ 781 году мы находимъ его уже въ Галліи а отъ 785–794 онъ сдѣлался епископомъ орлеанскимъ, и особенно старался возстановить въ своей эпархіи школы. Намъ остался отъ него относительно обязанностей священниковъ капитулярій въ 46 главъ, который свидѣтельствуетъ о его довольно возвышенныхъ понятіяхъ насчетъ порядка и нравственности. Въ этомъ капитуляріи содержится между прочимъ одинъ важный пунктъ: „Пусть священники „содержатъ школы въ селахъ и деревняхъ, и если кто изъ вѣр- „ныхъ захочетъ поручить имъ своихъ малолѣтнихъ дѣтей, для „обученія ихъ грамотѣ, то они не должны отказываться ихъ „принимать и обучать, но пусть напротивъ преподаютъ имъ съ „полною любовью, помня сказанное въ писаніи: ученые будутъ „блистать, какъ огни на небѣ (Даніилъ, гл. 12. ст. 3), а наставив- „шіе многихъ на путь справедливости будутъ блистать, какъ „звѣзды, во вѣкъ. И они не должны, обучая этихъ дѣтей, брать „за то деньги, или получать что либо, кромѣ того, что дадутъ „имъ по собственной волѣ и изъ благодарности родители." Пунктъ этотъ чрезвычайно интересенъ, такъ какъ показываетъ намъ, что уже въ то время, по крайней мѣрѣ нѣкоторыми ощущалась необходимость образованія не только для духовенства, но и для мірянъ. Мы не знаемъ, къ какимъ результатамъ привела эта заботливость; слишкомъ смѣло было бы предположить, что эти результаты были благопріятны и что дѣйствительно школы для народа начали основываться; но тѣмъ не менѣе, попытка эта, хотя и преждевременная, представляется весьма интересной. [3]) [illegible]

---

x) На свое готское происхожденіе онъ самъ указываетъ въ одномъ стихотвореніи своемъ, гдѣ говоритъ, что не можетъ быть дружбы между Гетомъ и презрѣннымъ Скоттомъ, обладающимъ змѣинымъ жаломъ. Подъ Скоттомъ здѣсь подразумѣвается Клементъ.

Около 798 года Теодульфъ былъ посланъ Карломъ вмѣстѣ съ другимъ замѣчательнымъ дѣятелемъ того времени — Лейдрадомъ, какъ missus dominicus въ Нарбонскую провинцію, чтобы наблюсти за ея администраціей и преобразовать ее. Поѣздку свою въ Нарбонну онъ описываетъ въ поэмѣ, заключающей въ себѣ 956 стиховъ и носящей названіе: „Paraenesis ad judices" (Увѣтъ судьямъ); она предназначена дѣйствительно для того, чтобы указать должностнымъ лицамъ ихъ обязанности при подобныхъ порученіяхъ. Послѣ религіознаго предисловія, кончающагося похвалой Карлу Великому, Теодульфъ описываетъ путь по которому онъ ѣхалъ съ Лейдрадомъ и главные города, гдѣ они были. За этимъ перечисленіемъ слѣдуетъ картина опасностей, грозившихъ добросовѣстности чиновниковъ, и всѣхъ попытокъ подкупить его самого и Лейдрада. Затѣмъ — увѣщанія, на которыхъ авторъ долго останавливается, какъ человѣкъ, видящій зло и какъ епископъ, любящій проповѣдовать. Поэма вдругъ кончается общимъ увѣщаніемъ сильнымъ міра сего: „Смертный будь всегда готовъ кротко обходиться со смертными — законъ природы одинаковъ для нихъ и для тебя. Какъ бы ни было различно ваше поприще здѣсь, вы отправляетесь отъ одной точки и къ одной же придете. Священный источникъ течетъ какъ для тебя, такъ и для нихъ и омываетъ ихъ, наравнѣ съ тобою, отъ прародительской скверны.... Виновникъ жизни умеръ и за нихъ, какъ за тебя и дары свои онъ сообщитъ каждому по заслугамъ. Сложимъ здѣсь паруса моей книги и пусть якорь удержитъ мой корабль на этомъ берегу." (Paraen. 947-956 ст.)

Изъ всей поэмы, наибольшій интересъ представляетъ мѣсто, гдѣ Теодульфъ описываетъ попытки подкупа, которыя ему приходилось отстранять.

„Вокругъ насъ, говоритъ онъ, собирается цѣлая толпа многаго пола и возраста: дитя, старикъ, юноша, отрокъ, дѣвица, мальчикъ, подростокъ, старуха, человѣкъ зрѣлыхъ лѣтъ, замуж-

няя женщина и тутъ же несовершеннолѣтняя........ Одинъ предлагаетъ мнѣ кристаллы и драгоцѣнные восточные камни, если я сдѣлаю его хозяиномъ чужаго имущества; другой несетъ кучу золотыхъ монетъ, испещренныхъ арабскимъ языкомъ и буквами; или тѣми, которыя латинскій рѣзецъ запечатлѣлъ на блестящемъ близнеюю серебрѣ; такимъ образомъ онъ хочетъ пріобрѣсти земли, поля, домъ. Другой зоветъ втайнѣ одного изъ моихъ слугъ и говоритъ ему шепотомъ, чтобы тотъ мнѣ передалъ: „У меня есть ваза, замѣчательная по работѣ и по древности; она чистаго металла и значительнаго вѣса; вырѣзано на ней изображеніе преступленій Какуса — лица пастуховъ, разбитыя ударами желѣзной палицы и окровавленныя, слѣды его многочисленныхъ разбоевъ, поля, залитыя кровью людей и стадъ; изображенъ Геркулесъ, въ ярости ломающій кости сыну Вулкана, а этотъ изрыгаетъ изъ своей свирѣпой пасти пламя своего отца......" Другой говоритъ: „У меня есть узорчатые палаци, идущіе, какъ я думаю отъ свирѣпоглазыхъ Арабовъ. Посмотри, какъ они блестятъ, какая чистота красокъ, какъ хорошо маленькія поля платья пригнаны къ большимъ..... Этотъ обѣщаетъ подарить красивые кубки; этотъ — великолѣпныя покрывала." Такъ поступаютъ богатые; бѣдные не менѣе настойчивы и желаніе задарить не меньше и у нихъ. При различныхъ средствахъ, поведеніе одинаково..... Вотъ они разстилаютъ кожи, которыя отъ тебя, Кордова, заимствуютъ свое названіе; одинъ приноситъ бѣлыя, другой красныя. Тотъ предлагаетъ красивое полотно, этотъ — шерстяныя матеріи; иные тащатъ сундуки; есть даже такіе, которые съ торжественнымъ видомъ подносятъ круглыя восковыя свѣчи...... О пагубная чума, распространенная повсюду, восклицаетъ въ негодованіи Теодульфъ; о преступленіе! о бѣшенство! о достойный участи порокъ, который можетъ похвастаться, что подчинилъ себѣ весь міръ! Нигдѣ нѣтъ недостатка въ людяхъ, дающихъ и получающихъ неправо!....

Независимо отъ этихъ подробностей о состояніи общества, поэма Теодульфа замѣчательна по господствующей въ ней мягкости чувствъ. Онъ увѣщеваетъ судей относиться снисходительно къ являющимся передъ ними: „Если, говоритъ онъ, явится къ тебѣ слабый, или больной, или ребенокъ, или старикъ, подай ему помощь съ состраданіемъ; посади того, кто не можетъ стоять на ногахъ; возьми за руку того, кто не можетъ встать; поддержи и ободри того, кому измѣняетъ увѣренность, или голосъ, или руки, или ноги; возстанови упавшаго духомъ, успокой раздраженнаго, придай силы трепещущему, призови къ порядку вспыльчиваго...“

Кромѣ этой поэмы, отъ Теодульфа осталось еще 71 стихотвореніе; но они не имѣютъ значенія. Потомъ, отъ него дошли до насъ еще два небольшихъ богословскихъ трактата и нѣсколько отрывковъ проповѣдей.

Скажемъ еще нѣсколько словъ о біографѣ Карла Великаго — Эйнгардѣ, особенно интересномъ потому, что онъ является представителемъ новаго поколѣнія, младшей генераціи ученыхъ людей Карловингской эпохи. Дѣятельность его была результатомъ стараній Палатинской школы, гдѣ онъ получилъ образованіе и показываетъ, что реформа Карла В. не пропала даромъ. Никто изъ средневѣковыхъ писателей ближе Эйнгарда не подошелъ къ классическимъ образцамъ.

Эйнгардъ родился около 770 года и получилъ первое образованіе въ школѣ Фульдскаго монастыря, къ которому онъ послѣ навсегда сохранилъ близкія отношенія. Онъ такъ отличался своими способностями, что аббатъ монастыря послалъ его ко двору короля, потому что тотъ стремился собрать подлѣ себя наиболѣе способныхъ и ученыхъ мужей изъ всей имперіи. Въ придворной школѣ онъ докончилъ свое образованіе и пріобрѣлъ авторитетъ, чему съ начала служила препятствіемъ его наружность и его маленькій ростъ. Теодульфъ часто позволяетъ себѣ легкія насмѣшки надъ Эйнгардомъ, называя его „человѣчкомъ“ — „homuncio“. Ему же принадлежитъ

эпиграмма, въ которой онъ говоритъ, что не слѣдуетъ смѣяться надъ человѣчкомъ съ маленькимъ тѣломъ, потому что въ этомъ тѣлѣ можетъ жить великая душа; часто сравниваетъ онъ Эйнгарда съ пчелой, съ муравьемъ и т. п.
Эйнгардъ сдѣлался любимымъ слугою Карла Великаго, его младшимъ, какъ бы усыновленнымъ другомъ, человѣкомъ его сердца.[1]
И Карлъ, и сынъ его Людовикъ Благочестивый поручали ему самыя близкія свои дѣла; по совѣту его, король короновалъ сына своего еще при жизни своей. Когда начались междоусобія въ родѣ Карла Великаго, онъ удалился въ Зелигеншадскій монастырь, гдѣ и умеръ въ 839 году.
Эйнгардъ оставилъ намъ, кромѣ своей знаменитой „Vita Caroli Magni"[1], еще лѣтопись. Въ біографіи Карла, отличающейся замѣчательными литературными достоинствами, онъ доходитъ до крайняго подражанія римскому писателю Светонію. Подобно тому, какъ въ постройкахъ своихъ (за которые онъ прозванъ былъ Веселіиломъ) онъ подражалъ римскому архитектору Витрувію, также и въ сочиненіи своемъ онъ постоянно придерживается своего классическаго образца; онъ тѣмъ же языкомъ, въ тѣхъ же выраженіяхъ говоритъ о Карлѣ, въ какихъ Светоній описываетъ Августа, Веспасіана и др. Это подражаніе сообщаетъ даже нѣкотораго рода ложную окраску сочиненію Эйнгарда, но тѣмъ не менѣе, и по внутреннему интересу и по литературнымъ достоинствамъ онъ можетъ назваться однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ произведеній той эпохи.
Кромѣ этого сочиненія, Эйнгардъ, какъ уже сказано выше, оставилъ лѣтопись, анналы. Вообще, этотъ родъ литературы, которому суждена была великая будущность въ средніе вѣка, получилъ свое первоначальное развитіе при Каролингахъ. Анналы, какъ показываетъ самое названіе ихъ, суть погодныя замѣтки, касающіяся выдающихся событій. Происхожденіе ихъ связано съ т. наз. пасхальными таблицами — росписаніемъ времени празднованія Пасхи на нѣсколько десятковъ лѣтъ. Первыя анналы, сдѣланныя

на Пасхальныхъ таблицахъ, относятся къ VI в. и къ Италіи. Обыкновенно эти замѣтки выдающихся событій въ двухъ, трехъ словахъ обозначались на пустомъ мѣстѣ, остававшемся между каждымъ числомъ пасхи. И въ Ирландіи, и въ Англіи существовали также эти краткія лѣтописи. Впослѣдствіи, кульдейскіе и Англо-Саксонскіе миссіонеры, нуждавшіеся въ этихъ таблицахъ и имѣвшіе ихъ постоянно при себѣ, являются носителями и распространителями ихъ на материкѣ. Таблицы вмѣстѣ съ погодными замѣтками переходили изъ рукъ въ руки, изъ монастыря въ монастырь. Переписывалось время празднованія Пасхи и вмѣстѣ съ тѣмъ переписывались и замѣтки, причемъ въ каждомъ монастырѣ обыкновенно еще прибавлялись свои. Такимъ образомъ зародился и выросъ этотъ новый родъ литературы*), впослѣдствіи занявшій такое видное мѣсто среди трудовъ средневѣковыхъ писателей. При Каролингахъ лѣтописи получили литературное и даже нѣсколько художественное развитіе; тогда была выработана ихъ настоящая форма, тогда сдѣлались они обширнѣе и подробнѣе и представляютъ довольно важный матеріалъ для изученія исторіи Каролинговъ; таковы, напр. знаменитые annales Laureshamenses и др. Нѣкоторые ученые полагали даже, что эти послѣдніе анналы велись при дворѣ и имѣли значеніе придворной, оффиціальной лѣтописи. Мнѣніе это высказано было Ранке на основаніи самого характера лѣтописи; по мнѣнію его, очевидно, что составитель близко зналъ придворную жизнь и часто даже умалчивалъ о нѣкоторыхъ событіяхъ вслѣдствіе различныхъ соображеній придворной политики. Эйнгардъ впослѣдствіи передѣлалъ эту лѣтопись, причемъ, по словамъ Ранке, вмѣстѣ съ передѣлкой сгладились многія характерныя особенности и даже исказились нѣкоторые факты. Въ послѣднее время мысль эту оспаривалъ

*) Одни изъ древнѣйшихъ Анналовъ — Мозельскіе — были найдены въ нашей Публичной Библіотекѣ.

Зybel,[5] говоря, что нѣтъ вовсе прямыхъ доказательствъ того, что лѣтопись Эйнгарда была въ переднѣйшей предыдущей какой либо. Напротивъ, есть доказательства совершенно противоположнаго свойства. Такъ, самъ Эйнгардъ, въ предисловіи къ своей Vita Caroli magni говоритъ, что до него ничего полнаго въ этомъ смыслѣ не было написано. Очевидно, что если бы существовали придворные анналы, Эйнгардъ не говорилъ бы ничего подобнаго. [6]

Обратимся теперь къ законодательной дѣятельности и правительственной системѣ Карла Великаго. Разсмотримъ этотъ вопросъ хотя только съ внѣшней его стороны; скажемъ нѣсколько словъ объ администраціи и законодательныхъ памятникахъ этого знаменитаго царствованія. Въ этомъ отношеніи надо различать администрацію <u>мѣстную</u> и <u>центральную</u>. Въ первой, главное мѣсто какъ и при Меровингахъ занимаютъ <u>графы</u>. Они произвольно назначаются и смѣняются королемъ; выбирались они преимущественно изъ Эд. 6) мѣстныхъ владѣтелей и получали отъ короля жалованье или бенефиціи.[7] Графы не имѣютъ никакого отношенія къ позднѣйшему феодальному порядку; они только королевскіе делегаты, уполномоченные королемъ и дѣйствующіе отъ имени его. Обязанность ихъ заключалась въ надзорѣ за правильнымъ исполненіемъ воинской повинности, которая въ идеѣ[8] была общеобязательна. Они же должны были собирать ополченіе (<u>Heerbann</u>) и предводительствовать имъ; отъ имени короля они имѣли право наказывать тѣхъ, кто не являлся на призывъ. Къ этому прибавились и судебныя обязанности и право завѣдывать судомъ, что прежде принадлежало тунгину. Графъ, впрочемъ, самъ не судилъ, а былъ лишь председателемъ народнаго суда. Въ нѣкоторыхъ областяхъ функціи графа исполнялись <u>герцогомъ</u>;[10] въ сущности должность эта ничѣмъ не отличалась отъ графской; иногда только подъ властью герцога соединялось нѣсколько граф

скихъ областей, т. к. что онъ являлся властью высшей. Кромѣ герцоговъ-королевскихъ чиновниковъ, были еще герцоги племенные, остатки прежнихъ самостоятельныхъ князей; такіе напр. были у Баваровъ, Аквитановъ и др. Очевидно, что они не пользовались особенной любовью Карла и что онъ старался уничтожить ихъ. Кромѣ графовъ и герцоговъ были и другіе административные чиновники, к. к. напр. центенары (сотники), функціи которыхъ остались прежними. II)

При Карлѣ В. особое значеніе получила должность missi dominici - государевы уполномоченные люди. Должность эта существовала и прежде - они были подчиненные графа; но теперь она получила особое устройство и была сдѣлана постоянною. Изъ духовныхъ и свѣтскихъ лицъ Карлъ выбиралъ своихъ уполномоченныхъ и ежегодно отправлялъ ихъ по двое въ назначенный округъ. Здѣсь они инспектировали всѣ отрасли правленія - административныя и судебныя.[1] Спеціальная ихъ обязанность состояла въ назначеніи судебныхъ лицъ, о которыхъ будетъ сказано ниже. Это была должность въ родѣ нашихъ сенатскихъ ревизоровъ съ тою разницею, что missi dominici назначались правильно ежегодно. Кромѣ административныхъ, на missi dominici лежали еще обязанности финансовыя: слѣдить за уплатою мировыхъ денегъ, виры въ пользу короля, управлять королевскими имѣніями, снимать присягу, объяснять ее подданнымъ и т. п. (Карлъ В., сдѣлавшись императоромъ, ввелъ новую присягу.)

Среди измѣненій сдѣланныхъ Карломъ въ судебномъ устройствѣ, первое мѣсто занимаетъ введеніе новой должности - скабиновъ (scabini) замѣнившей прежнихъ рахинбурговъ. Мы уже говорили, разбирая lex Salica, о судебномъ устройствѣ во время Меровинговъ; судъ, какъ мы знаемъ, производился общиною, на особомъ собраніи (mallum). Особый комитетъ изъ 7-ми членовъ долженъ былъ предлагать народному собранію формулу рѣшенія дѣла (т. наз. Urtheilsvorschlag); собраніе могло подтвердить или отвергнуть предложеніе этихъ 7-ми членовъ-рахинбурговъ.

При Карлѣ В. этотъ комитетъ былъ замѣненъ скабинами; которые упоминаются въ первый разъ въ 780 году; ихъ было то же 7 человѣкъ, но они выбирались не общиною, а графомъ при содѣйствіи общины, и не каждый разъ, а постоянно. Кромѣ того, они не только могли предлагать рѣшеніе, но и произносить окончательный приговоръ послѣ изслѣдованія дѣла. Мы видимъ такимъ образомъ, что скабины въ значительной степени ограничили значеніе судебнаго собранія; это произошло не потому, чтобы Карлъ В. введеніемъ этой должности хотѣлъ ограничить права общинной сходки; напротивъ, этою мѣрою онъ шелъ не столько навстрѣчу требованіямъ времени, сколько навстрѣчу народному желанію x) Съ увеличеніемъ размѣровъ общины для свободныхъ людей уже становилось затруднительно являться на сходку, тѣмъ болѣе что графы назначали иногда слишкомъ часто судебныя собранія. Карлъ В. ограничилъ число ежегодныхъ собраній тремя?)

Подобное же явленіе замѣчаемъ мы и въ ~~военныхъ~~ другихъ собраніяхъ (суд. ...). Высшею инстанціею, какъ мы знаемъ, былъ имперскій сеймъ. Въ древнѣйшія времена, по свидѣтельству Тацита общенародныя вѣча (concilia) въ каждой общинѣ (civitas) не имѣли принципа представительства: сюда могъ являться каждый свободный. Но уже въ Меровингскій періодъ это измѣнилось; общаго народнаго собранія уже нѣтъ; мартовскія военныя поля, которыя несомнѣнно стоятъ въ связи съ древнимъ общенароднымъ собраніемъ, далеко не имѣютъ характера общности и не представляютъ собранія всѣхъ свободныхъ Франковъ; вообще, съ расширеніемъ территоріи становилось все

---

x) Сдѣлаемъ еще оговорку: народный судъ потому уже долженъ былъ падать, что въ это время возникаетъ еще новая юрисдикція, болѣе частная, болѣе подходящая къ леннымъ, феодальнымъ началамъ — юрисдикція знатныхъ магнатовъ, духовныхъ и свѣтскихъ, получившихъ право суда въ своихъ владѣніяхъ.

болье и болье затруднительнымъ собираться всымъ въ одно мьсто.

Измьненія, сдьланныя Карломъ В. въ этихъ собраніяхъ, точно также, кк и введеніе скабиновъ, имьли цьлью облегчить ихъ правильное отправленіе. Въ Марта мьсяца время ихъ было передвинуто на Май для того, чтобы въ нихъ могли принимать участіе духовныя лица, которымъ неудобно было являться въ Мартъ, по причинъ праздника Пасхи (въ большинствъ случаевъ падающаго на этотъ мцъ). Эти-то майскія поля и являются теперь общегосударственнымъ сеймомъ. На эти рейхстаги являются уже не всь свободные, но лишь чиновники королевскіе большіе и малые - majores и minores - и магнаты. Подъ именемъ послъднихъ мы разумьемъ лицъ не имьвшихъ собственно государственной должности, а просто крупныхъ владьльцевъ.

Главнымъ источникомъ для ознакомленія съ дьятельностью имперскихъ сеймовъ служитъ сочиненіе аббата Корбійскаго монастыря (Corbie) Адальгарда (Adalhard + 826), не дошедшее до насъ въ подлинникъ, но лишь въ передачъ Гинкмара Реймскаго (Hincmar) въ его „Epistola (libellus) de ordine palatii." По свидътельству Гинкмара, сеймовъ ежегодно бывало два. Одинъ изъ нихъ былъ осенью; онъ былъ болье тьсный и служилъ лишь для выработки предложеній, подлежавшихъ обсужденію на весеннемъ. На большомъ сеймъ предложенія эти вносились отъ имени императора; конечно, въроятно не воспрещалась и инціатива частная, но это не было въ употребленіи. На сеймахъ Карлъ В. не присутствовалъ; засьданія происходили во время хорошей погоды подъ открытымъ небомъ; если же погода была дурна, то въ нъсколькихъ различныхъ зданіяхъ; въ такомъ случаъ туда не допускались лица, не имьвшія высокаго сана. При этомъ духовныя лица засьдали отдьльно отъ свътскихъ, особенно тогда, когда этого требовалъ предложенный вопросъ.

Пока происходили эти засьданія, Карлъ В. не оставался безъ-

дѣли: сеймъ для него былъ весьма важнымъ средствомъ получить вѣрныя свѣдѣнія объ отдаленныхъ провинціяхъ. Для этой цѣли онъ расспрашивалъ отдѣльно каждое лицо, прибывшее на сеймъ, требуя полной откровенности. „Король хотѣлъ знать, говоритъ Гинкмаръ, не волнуется ли и не ропщетъ ли народъ въ какомъ нибудь углу королевства, какая была причина волненій, не случилось ли безпорядка, о которомъ слѣдовало бы посовѣтоваться со всеобщимъ собраніемъ и т. п. Онъ также старался узнать, не готовится ли какой нибудь покоренный народъ возмутиться; не склоняется ли возмутившійся народъ къ покорности, не грозятъ ли независимые еще народы нападеніемъ и т. п. Относительно всего этого, всюду, гдѣ обнаруживался безпорядокъ или опасность, онъ въ особенности разспрашивалъ объ ихъ причинахъ и поводѣ. (Hincm. Opp. de ordine palatii, II, 215.)
Мы уже говорили, что сеймы эти потеряли общенародный характеръ прежнихъ вѣчевыхъ собраній. Конечно, никому не было прямо запрещено являться на сеймъ, такъ какъ не было строгаго разграниченія должностей, ~~имѣвшихъ~~ право участвовать въ рѣшеніяхъ. Благодаря многочисленности и разнообразію мѣстъ, назначавшихся для сеймовъ, было просто неудобно для лицъ съ небольшимъ состояніемъ являться на нихъ. Отъ 770–813 г. при Карлѣ В. было 35 сеймовъ въ самыхъ разнообразныхъ частяхъ имперіи. 11 изъ нихъ были въ Саксоніи, 18 на берегахъ Рейна, кромѣ того въ Тіонвиллѣ, Женевѣ, Булони и т. д.
Результатомъ дѣятельности сеймовъ были такъ называемые капитулярiи – первое общегерманское законодательство. До сихъ поръ существовали законы отдѣльныхъ племенъ, вошедшихъ въ составъ имперіи Карла В.: Вестготскіе, Бургундскіе, Франкскіе, даже Саксонскіе. При Карлѣ В. законы эти не теряли своей силы, нѣкоторые изъ нихъ даже были вновь имъ редигированы, а для тѣхъ племенъ, которыя еще не имѣли ~~письменныхъ~~ законовъ, составлены были латинскіе кодексы. Но кромѣ этихъ leges barbarorum являются теперь capitularia, законодательство территоріальное, государственное, обязательное

для всех. Каждый капитулярий имеет несколько глав-capita, пунктов, касающихся различных сторон вопроса. Сборник их был составлен еще в IX в. Анзегизом (Ansegisus + 834), аббатом Фонтенелльским. Он помещен у Pertz'a. Mon. Germ. SS. I т.

Выражение „capitula" само по себе не характеристично для территориального права, развивавшегося подле правды: ибо capitulum означает первоначально пункт, статью, определение предмета и употребляется иногда в приложении к отдельным определениям той или другой правды. Но мало по малу оно начинает служить для выражения противоположности между народною правдой и общегосударственным законодательством.

Капитулярии суть весьма важный источник для истории юрисдикции Франции и Германии. В этом отношении их сравнивают с законами 12ти таблиц, послужившими главным основанием всего римского права. Для удобнейшого обозрения их содержания Гизо разделяет их на группы и приводит таблицу. Но деление его весьма сложно и неудобно, поэтому мы предоставим иное, сообразное с тем, как капитулярии делятся в источниках. Можно различать 3 главныя группы: 1) Capitularia per se scripta (или scribenda) - капитулярии сами по себе писанныя или долженствующие быть написанными; 2) legibus addenda (addita) - капитулярии приданныя или долженствующие быть приданными к законам; 3) Capitularia missorum - капитулярии миссов.

Деление это, которому следует Boretius (Beiträge z. Capit.-Kritik) имеет не только внешнее, но и внутреннее значение. Capitularia legibus addita означают те капитулярии которые служили дополнением к существовавшим уже ранее варварским правдам, следов. должны были подвергаться санкции народной сходки - mallum. Мы видели при разборе lex Salica, что закон понимался только как народный обычай, записанный знающими людьми и санкционированный народом. Это воззрение отчасти удержалось и во время Карла В: дополнения, сделанныя им к народным законам, должны были быть приняты народным собранием; как самый закон, так и дополнения к нему ве-

тившся выраженіемъ народнаго сознанія. Правды по своему происхожденію, говоритъ Борецiусъ, преимущественно народнаго характера. Они были составлены людьми, которые стояли посреди правовой жизни народа - sapientes, judices, legislatores - и прямо санкціонированы народомъ. Согласіе народа именно весьма существенно для признанія и приложенія закона. Это же содѣйствіе judices, sapientes, legislatores, это consens populi - требовалось и для capitula legibus addita." Напротивъ, capitularia per se scripta не подвергались разсмотрѣнію народной сходки; тогда к.к. cap. legibus addita разсылались чрезъ посредство missi во всѣ области и читались на народной сходкѣ, другіе принимались на сеймѣ и отправленіе ихъ въ области было скорѣе формальностью, необходимою для доведенія капитулярія до всеобщаго свѣдѣнія.

Кромѣ того, разница двухъ первыхъ группъ капитуляріевъ простирается и на ихъ содержаніе: „Capitula legibus addita, говоритъ Борецiусъ, подлежали не только внѣшнему присоединенію къ народнымъ правдамъ, но имѣли цѣлію внутреннее дальнѣйшее развитіе leges; вслѣдствіе того, они касались „частнаго права" въ смыслѣ тогдашняго времени - jus quod ad singulorum utilitatem pertinet; т.е. наибольшей части духовнаго права, судебнаго процесса, а равно и юридическихъ положеній, выработанныхъ простыми отношеніями гражданской жизни - имущественныхъ сдѣлокъ, торговли и мѣны. Въ противоположность тому, capitularia per se scribenda имѣютъ въ виду utilitas publica или utilitas dominicasive regia - польза общественная, польза государя или короля: развитіе церковныхъ отношеній, управленіе посредствомъ публичныхъ властей и надзоръ за ними, бенефиціальныя отношенія, защита страны, общественная безопасность, пошлины, дороги. Какъ главное принудительное средство въ этихъ capitula является угроза королевскимъ банномъ (изгнаніемъ)." (Boretius, p. 38.)

3-я группа капитуляріевъ - capitularia missorum - ничто иное, к.к. инструкціи, руководящія дѣятельностью миссовъ при ихъ посылкѣ въ области имперіи.

Вотъ то знаменитое имперское законодательство Франковъ, которое имѣло болѣе общее, территоріальное значеніе, чѣмъ всѣ предъидущіе варварскіе законы и которое вмѣстѣ съ тѣмъ легло въ основаніе послѣдующаго развитія всѣхъ новыхъ учрежденій Романо-Германскаго міра.

